

МОН

П. Житєвскій
Отеч
звѣковѣи исторія
манускриптовъ нашихъ

суб.
10156

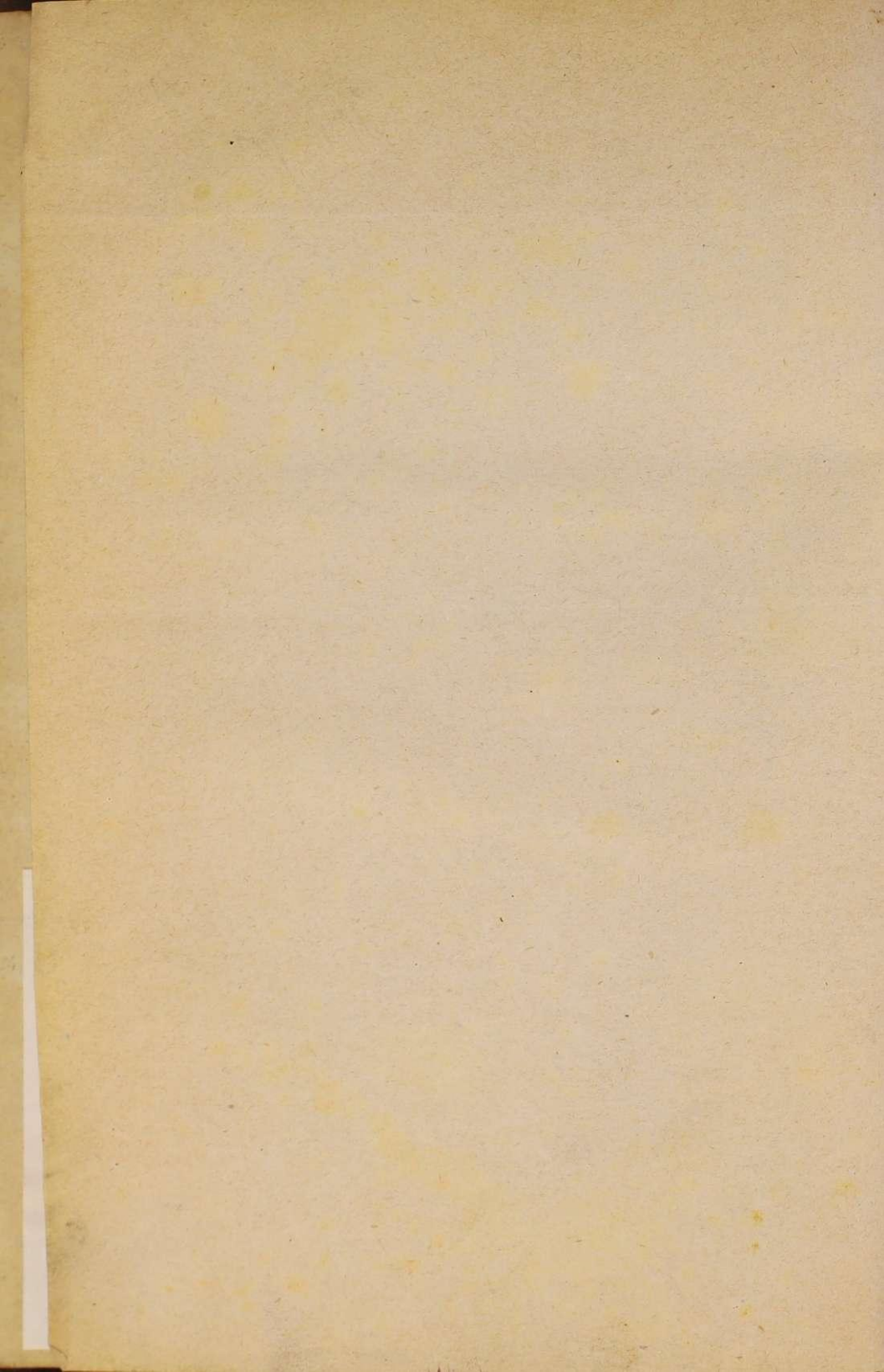
23921
Г. Кривоше

Док. сир. 237

-8 МАИ 1932

K

ОЧЕРКЪ

42.8π 16319

ЗВУКОВОЙ ИСТОРИИ

МАЛОРУССКАГО НАРѢЧІЯ.

ал, и м
П. ЖИТЕЦКАГО.

8 МАЯ 1932

КІЕВЪ.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1876.

42.8π 16319

42.8π 16319

Оттискъ изъ Университетскихъ Извѣстий 1875 г.
Печатано по опредѣленію Совѣта Университета Св. Владимира.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. Постановка вопроса о малорусскомъ нарѣчій.

Мнѣнія Максимовича, Погодина, Лавровскаго и Шерidla о происхожденіи, давности и степени самостоятельности малорусскаго нарѣчія. Необходимость историческаго метода для рѣшенія вопроса. Мнѣніе Срезневскаго о времени образованія двухъ русскихъ нарѣчій и объ отношеніи древнерусскаго языка къ славянскому. Общій ходъ въ развитіи языковъ (діалектическій индивидуализмъ и діалектическое разнообразіе). Слѣды ранняго образованія славянскихъ нарѣчій въ связи съ вопросомъ о праязыкѣ славянскомъ. Идеи праязыка. Древнѣйшая культурно-географическая обстановка славяно-русскихъ племенъ. Языкъ общерусскій и древнерусскій въ отношеніи къ русскимъ нарѣчьямъ. Исходный пунктъ въ развитіи древнерусскаго языка. Источники для звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія. Постановка вопроса.

II. О гласныхъ звукахъ.

1) *ъ и ь въ начальной исторіи русскаго языка.*

Ъ и ь въ южнорусскихъ памятникахъ XVI—XVII в. Смѣшеніе глухихъ гласныхъ съ чистыми въ древнерусскихъ памятникахъ XIII—XIV в. Замяна глухихъ чистыми въ древнѣйшихъ памятникахъ. Смѣшеніе глухихъ съ чистыми въ древнѣйшихъ славянскихъ памятникахъ. Вліяніе потери глухихъ въ концѣ словъ на глухіе серединные. Значеніе перестановки глухихъ въ слогахъ съ плавными согласными въ связи съ русскимъ полногласіемъ. Паденіе глухихъ, какъ моментъ отдѣльной жизни русскаго праязыка.

2) *Малорусское і вмѣсто ѣ.*

Соотношеніе буквы ѣ съ глухими гласными. Вопросъ о происхожденіи буквы ѣ. Смѣшеніе ѣ съ я, е, і, въ древнѣйшихъ памятникахъ

славянской и русской письменности. Древность заѣмы *ѣ* звукомъ *і* въ древнерусскихъ говорахъ, какъ южныхъ, такъ и сѣверныхъ. Значеніе письменныхъ источниковъ для опредѣленія древнѣйшаго произношенія буквы *ѣ*. Звуки, заѣмившіе *ѣ* въ сѣверномъ малорусскомъ говорѣ. Главнѣйшіе моменты въ образованіи малорусскаго *і* въ *ѣ*. Значеніе новгородскаго *і* вм. *ѣ* въ отношеніи къ малорусскому *і* вм. *ѣ*. Буква *ѣ* въ южнорусскихъ памятникахъ XVI—XVII в.

3) Малорусское *і* изъ основныхъ *о*, *е*.

Случай перехода *о*, *е* въ *і*.—Связь *і* изъ *о*, *е* съ потерей глухихъ гласныхъ.—Значеніе средняго слога въ образованіи *і* изъ *о*, *е*.—Сѣверно-малорусская заѣма основныхъ *о* и *е*.—Три стадіи въ развитіи малорусскаго *і* изъ основныхъ *о*, *е*.—Значеніе неіотированнаго *е* въ отношеніи *ѣ*, *е*, какъ переходнымъ моментамъ къ *і*.—Взаимныя отношенія между *і* изъ *о* и *і* вм. *ѣ*.—Слѣды превращеній въ *о* и *е* въ южнорусской письменности.

4) Звукъ *и* въ малорусскомъ нарѣчій.

Основное *и* въ малорусскихъ говорахъ.—*И* вмѣсто основнаго *и* по южнорусскимъ и древнерусскимъ памятникамъ.—Основное *и* въ малорусскихъ говорахъ.—Древнѣйшее произношеніе *и*.—*И* вмѣсто *и* въ древнерусскихъ памятникахъ.—Губной элементъ въ малорусскомъ вокализмѣ.—Исходная точка въ развитіи средняго украинскаго *и*.

III. О согласныхъ звукахъ.

1) Общія понятія о количественной природѣ согласныхъ.

2) Количественныя черты малорусскихъ согласныхъ.

Паденіе глухихъ гласныхъ въ отношеніи къ системѣ согласныхъ звуковъ.—Методъ изслѣдованія количественной природы малорусскихъ согласныхъ.—Конечные согласные и группы согласныхъ въ малорусскомъ нарѣчій.—Начальныя двухчленные группы согласныхъ.—Двухчленные группы въ предложныхъ словахъ.—Причины скопленія согласныхъ въ срединѣ словъ.—Процентное отношеніе звучныхъ и отзвучныхъ согласныхъ въ началѣ и срединѣ словъ.—Эвфоническое отношеніе звуковъ, стоящихъ въ концѣ и въ началѣ словъ.—Эвфоническое основаніе для преобладанія звучныхъ согласныхъ въ начальныхъ

группахъ.—Трехчленные группы согласныхъ въ началѣ и въ срединѣ словъ сравнительно съ двухчленными.—Четырехчленные группы согласныхъ.—Выводы о количественной природѣ малорусскихъ согласныхъ и объ отношеніи ихъ къ гласнымъ элементамъ въ словѣ.—Количественное паденіе согласныхъ въ связи съ древнѣйшими превращеніями въ области вокализма.—Близость малорусскаго консонантизма къ бѣлорусскому въ отношеніи количественномъ.—Отношеніе смягченно-удвоенныхъ согласныхъ въ именныхъ темахъ *ja* къ количественной слабости консонантизма.

3) *Качественныя черты малорусскихъ согласныхъ.*

Значеніе ютацизма въ области славянскихъ нарѣчій въ связи съ развитіемъ паразитной юты и отношеніемъ твердыхъ слоговъ къ мягкимъ въ древнерусскомъ языкѣ.—Ютація въ древнѣйшихъ славянскихъ, русскихъ и южнорусскихъ памятникахъ.—Непереходчая мягкость согласныхъ въ великорусскомъ нарѣчій.—Раздѣленіе малорусскихъ согласныхъ по органамъ произношенія.—Качественныя особенности согласныхъ *ч, к, ж, д, т, л, н, ъж, дж, ч, з, дз, с, ш, р, б, в, п, м, ф* въ разныхъ говорахъ малорусскаго нарѣчія съ указаніями на письменныя источники.—Значеніе бѣлорусскаго говора въ отношеніи къ консонантизму великорусскому и малорусскому.

IV. Общія выводы.

Звуковыя черты русскаго праязыка.—Точка опоры для исторической классификаціи русскихъ говоровъ и нарѣчій.—Зарожденіе малорусскаго нарѣчія.—Историческія особенности въ судьбѣ Подлясы (сѣверный малорусскій говоръ) и Волыни (волыньскій и галицкій говоръ).—Историческій очеркъ Поднѣпровья.—Козацкія думы.—Украинскій говоръ.

V. Приложенія.

1) *Образцы народныхъ говоровъ малорусскаго нарѣчія.*

2) *Образцы письменнаго языка съ признаками малорусскаго нарѣчія.*

Замѣчныя ~~слѣдствія~~

(Счетъ строчекъ сверху внизъ).

10. 15. неизбѣжно: неизбѣжно. 19. 5. языка: языка. 35. 17. всю совокупность элементовъ: всю совокупность характеристическихъ элементовъ... 38. 8—9. обособленіемъ: обособленіямъ. 38. 23—24. внутри ихъ происходилъ процессъ роста: внутри ихъ происходилъ, главнымъ образомъ, процессъ роста. 47. 17. *сі: сы*. 69. 21—22. соотношеніе къ глухому полугласному элементу *ь*: соотношеніе съ глухимъ полугласнымъ элементомъ *ь*. 73. 27. она выговаривалась, какъ: она выговаривалась, какъ *я*. 75. 25. *промяти: промяти*. 91. 12. *дѣвка: дѣвка*. 91. 13. *бѣлий: бѣли*. 96. 13. о ервыхъ: во ервыхъ. 103. 5. замѣняется: *ъ* замѣняется. 108. 5. (*вѣкъ*) *честь*; (*вѣкъ*), *честь*. 111. 24. *о: о* 141. 24—25. Дальнѣйшій: Дальнѣйшій. 144. 18. разрозненаог: разрозненаго. 158. 20. *стѣмо: стѣмо*. 180. 4. *и*. болѣе сильный чѣмъ *ш*: *и*, болѣе сильный чѣмъ *ш*. 188. 7. удѣлю минуя: удѣлю, минуя. 191. 21. *острый: острый*, *вороты*. 191. 32. *коби: кобы*. 206. 10. происхожденія иногда: происхожденія, иногда. 211. 13 *и ук: поукъ*. 223. 29. нарѣчійхъ строже: нарѣчійхъ, строже. 242. 26. *вожу. пошу: возжу, пошу*. 259. 19. По нашему мнѣнію она, есть только средство, рычагъ науки такъ: По нашему мнѣнію, она есть только средство, рычагъ науки, такъ... 271. 9. *исхожше*) ¹⁾ въ видѣ: *исхожше*), въ видѣ... 282. 18. *ми, ти, си: мы, ты, сы*. 284. 4. княжескуя: княжескую. 302. 3. оженілся: оженілся. 303. 16. одзвался: одзвался.

I.

Постановка вопроса о малорусском нарѣчии.

Малорусское нарѣчіе давно уже сдѣлалось предметомъ научной разработки. Вотъ уже болѣе чѣмъ полвѣка прошло со времени изданія первой малорусской грамматики ¹⁾. Съ того времени много было издано образцевъ народной рѣчи, много было высказано мнѣній о сущности и строѣ малорусскаго нарѣчія. Среди разнообразныхъ возбужденій общественныхъ, дѣло доходило до оживленныхъ разсужденій, иногда даже до горячихъ споровъ. Но споры утихали, наступало неизбѣжное затишье, противники расходились, не убѣдивъ другъ друга въ томъ, что казалось имъ истиной. Дѣло не пошло дальше предположеній, болѣе или менѣе подкрѣпленныхъ не столько научными данными, сколько случайными увлеченіями минуты. Только въ послѣднее время труды Потебни ²⁾ выдѣлились изъ ряда предшествующихъ работъ объективно-научной постановкой многихъ вопросовъ относительно звуковыхъ особенностей малорусскаго нарѣчія, но въ отрывочныхъ замѣткахъ почтеннаго автора нельзя найти положительныхъ указаній на внутреннюю связь и преемственность звуковыхъ явленій, которыя онъ под-

¹⁾ Мы разумѣемъ грамматику Павловскаго, напечатанную въ 1818 г. Выписываемъ любопытное заглавіе этой рѣдкой теперь книги: „Грамматика малороссійскаго нарѣчія, или грамматическое показаніе существенныхъ отличій, отдалившихъ малорос. нарѣчіе отъ чистаго Россійскаго языка.“

²⁾ О звуков. особенностяхъ русскихъ нарѣчій. 1866 г. и Замѣтки о малорусскомъ нарѣчии. 1871.

вергаетъ своему изслѣдованію, и оттого главный и существенный вопросъ—о времени и процессѣ образованія малорусскаго нарѣчія все-таки до сихъ поръ остается нерѣшеннымъ.

Слѣдуетъ ли это положеніе дѣла считать для настоящаго времени нормальнымъ?

Недавно одинъ изъ русскихъ ученыхъ высказалъ крайне безнадежное мнѣніе объ этомъ предметѣ. „Нами, говоритъ Колосовъ въ предисловіи къ своей книгѣ, вовсе обойденъ важный въ исторіи русскаго языка вопросъ о времени раздѣленія его на два главныхъ нарѣчія. Но мы не считаемъ возможнымъ со стороны кого-бы то ни было рѣшительно въ настоящее время отвѣтить на этотъ вопросъ. Это во первыхъ. Во вторыхъ, мы имѣемъ въ виду только великорусскій языкъ въ его послѣдовательномъ развитіи 1).“

Но развѣ есть какая нибудь возможность писать исторію, хотя бы и великорусскаго языка, не говоря ни одного слова о начальномъ моментѣ, отъ котораго пошло его обособленіе отъ малорусскаго? И что же такое послѣдовательное развитіе языка, какъ не чередованіе отдѣльныхъ моментовъ его историческаго существованія, въ основѣ которыхъ лежитъ самый существенный моментъ его первоначальнаго обособленія? Можно ли понять исторію безъ начальной страницы, которая не написана не потому, чтобы не доставало для нея матеріала, а потому только, что этому матеріалу не дано настоящаго значенія? Мы говоримъ о народныхъ нарѣчіяхъ, которыхъ совсѣмъ не коснулся въ своей книгѣ Колосовъ, ограничившись исключительно письменными источниками. Можетъ быть, если бы историкъ великорусскаго языка не устранилъ изъ своихъ наблюденій современныхъ говоровъ его, книга его получила бы совсѣмъ иной видъ: изъ нея не были бы исключены вопросы первостепенной важности и, конечно, проведена была бы разграничительная линія между нарѣчіемъ великорусскимъ и малорусскимъ. Теперь же авторъ очень часто слѣдитъ за великорусскимъ нарѣчіемъ по малорусскимъ формамъ. Такъ напр. онъ указываетъ на замѣну *e* посредствомъ *ю*: *чтюнъ*, *на своомъ* и проч.,—замѣну, для которой нѣтъ ничего аналогическаго въ великорусскихъ памятникахъ. Что же это за формы: *чтюнъ*, *на своомъ*? „Онѣ должны быть признаны, по

1) Очеркъ исторіи звуковъ и формъ русскаго языка съ XI по XVI стол. 1872 г.

мнѣнію Колосова, проявленіемъ мѣстнаго нарѣчія ¹⁾." Но какого? Конечно, малорусскаго. Очевидно, здѣсь смѣшаны факты совершенно разнородные. Въ предисловіи къ книгѣ обѣщана намъ исторія великорусскаго нарѣчія, въ самой же книгѣ, вопреки намѣренію автора, постоянно попадаются спеціальныя особенности малорусскаго нарѣчія, которыя мы иногда не знаемъ, куда отнести: къ первичнымъ ли элементамъ общерусскимъ, или къ первичнымъ элементамъ малорусскимъ, или къ позднѣйшимъ малорусскимъ. Такимъ образомъ, заглавіе книги (Очеркъ исторіи звуковъ и формъ русскаго языка) не совѣмъ согласно съ предисловіемъ ея, предисловіе—съ самой книгой, а эта послѣдняя—ни съ предисловіемъ, ни съ заглавіемъ.

Мы не пишемъ подробнаго разбора трудолюбиво составленной книги г. Колосова. Мы только желаемъ выразить по поводу ея недостатковъ глубокое свое убѣжденіе въ томъ, что во всякомъ дѣлѣ, особенно въ дѣлѣ науки, на однихъ отрицательныхъ воззрѣніяхъ успокоиться нельзя. Намъ даны факты науки, изъ которыхъ слагается личный матеріалъ ея. Допустимъ, что собраны они не въ томъ количествѣ, въ какомъ желалось бы, что со временемъ откроются новыя факты, которые дадутъ намъ возможность сдѣлать болѣе прочныя выводы, болѣе широкія обобщенія. Слѣдуетъ ли изъ этого, что на основаніи существующихъ фактовъ, мы не имѣемъ права сдѣлать никакого вывода, въ виду того весьма вѣроятнаго обстоятельства, что наши преемники, на основаніи новооткрытыхъ фактовъ, сдѣлаютъ выводы болѣе вѣрныя, чѣмъ наши? Намъ скажутъ, что изъ данныхъ фактовъ совѣмъ нельзя сдѣлать *никакихъ* выводовъ. Но допустить такое безсиліе мысли, которое характеризуется словомъ „никакихъ“, мы никакъ не можемъ. Отъ „никакихъ“ до „возможныхъ“ большое разстояніе, отъ „возможныхъ“ до „незыблемо-вѣрныхъ“ то же не малое, но если мы желаемъ получить послѣдніе, то должны пройти чрезъ всѣ стадіи вѣроятности. Отъ этого наука ни въ какомъ случаѣ не пострадаетъ, а напротивъ того, даже выиграетъ, потому что одностороннія обобщенія, какъ бы они ни были несостоятельны, безспорно, имѣютъ одно хорошее качество: пробуждаютъ мысль къ открытію новыхъ путей, которые приведутъ къ новымъ, болѣе широкимъ и вѣрнымъ обобщеніямъ. Мы вполнѣ раздѣляемъ мнѣніе г. Срезневскаго, высказанное имъ въ замѣ-

¹⁾ Колосовъ. Очеркъ исторіи звук. и формъ. 104.

чательномъ анализѣ начальной лѣтописи: „какъ-бы ни мелочны и безцвѣтны, говорить онъ, казались выводы изъ наблюдений надъ всѣмъ, въ чемъ отразились проблески жизни давно минувшей, они могутъ принести свою долю пользы даже своей невѣрностью, пробуждая желаніе дойти до истины болѣе счастливыми путями. Странно было бы, если бъ люди ученые руководствовались только желаніемъ выказывать свою непогрѣбительность и боязнь быть пристыженными за неизбѣжныя ошибки“¹⁾. Отъ себя мы можемъ прибавить только, что наука не есть сводъ готовыхъ истинъ: вся сущность ея заключается въ открытіи новыхъ методовъ, новыхъ путей къ истинѣ. Она подводитъ въ данную минуту итоги всѣмъ своимъ средствамъ, дѣлаетъ въ извѣстномъ направленіи напряженныя усилія объяснить тотъ или другой рядъ явленій, приходитъ, наконецъ, къ заключительнымъ выводамъ и объясненіямъ, но никогда не бросаетъ якоря, не устанавливаетъ границы для своего движенія. Такъ, въ сложномъ процессѣ взаимно ограничивающихъ себя выводовъ и заключеній, мало-по-малу вырабатываются истины, хотя и не абсолютныя, но найменѣе подлежащія сомнѣнію. Много-ли напр. потерпѣла наука, по вопросу о малорусскомъ нарѣчій, отъ того, что существовала нѣкогда мысль, будто бы оно есть отклоненіе отъ чистаго російскаго языка, совершившееся на глазахъ исторіи подъ вліяніемъ польскаго языка? Такъ, одинъ изъ авторитетныхъ представителей науки, извѣстный Гречъ, въ 1822 г. писалъ, что „малоросійское нарѣчье родилось и усилилось отъ долговременнаго владычества поляковъ въ югозападной Россіи и можетъ даже назваться областнымъ польскимъ“²⁾. Еще въ 1835 г. г. Бодянский считалъ нужнымъ серьезно опровергать эту выдумку³⁾, но кто же въ наше время считаетъ ее серьезною? И все таки она принесла свою долю пользы тѣмъ самымъ, что вызвала необходимость провести рѣзче границы, отдѣляющія малорусское нарѣчье отъ польскаго. Въ Галиціи въ разное время появилось множество брошюръ на эту тему, кромѣ того не малое количество систематическихъ грамматикъ малорусскаго нарѣчія⁴⁾. Правда, эти грам-

¹⁾ Изв. Ак. т. III, 66.

²⁾ Опытъ исторіи русск. литер. стр. 12-я.

³⁾ Ученныя записки моск. универ. 1835 г. часть 9-я.

⁴⁾ Считаю неизлишнимъ привести библиографію извѣстныхъ намъ галицкихъ грамматикъ:

матики страдают недостатками другого рода: въ нихъ малорусское на-
большую часть смѣшивается съ церковно-славянскимъ и литератур-
нымъ русскимъ языкомъ, но ни одной изъ нихъ нельзя упрекнуть въ
смѣшеніи малорусскихъ формъ съ польскими.

Есть мнѣнія о малорусскомъ нарѣчій другого рода, мнѣнія болѣе вѣ-
скія въ научномъ отношеніи, чѣмъ тѣ, о которыхъ мы сейчасъ говорили.
До сихъ поръ, сколько намъ извѣстно, они не были представлены въ
ихъ взаимномъ отношеніи. Мы возьмемъ на себя этотъ трудъ для того,
чтобы имѣть возможность указать тотъ путь, по которому будемъ идти
въ разъясненіи малорусскаго нарѣчія.

Начнемъ съ мнѣнія, принадлежащаго Максимовичу, который въ
самыхъ раннихъ трудахъ своихъ по русской филологіи высказался за
древность малорусскаго нарѣчія. Оно называлось, по его мнѣнію, язы-
комъ русскимъ прежде, чѣмъ это имя усвоилось языку великороссіянь¹⁾.
Впослѣдствіи Максимовичъ подробно развилъ свою мысль въ письмахъ
къ Погдину „о старобытности малорусскаго нарѣчія“. Подъ nano-
снымъ слоемъ великорусскимъ онъ усматриваетъ въ лѣтописяхъ Несто-
ровой, Кіевской и Волынской одиннадцать примѣтъ малорусскаго на-
рѣчія, несомнѣнно существовавшихъ уже въ кіевскую эпоху. Вотъ эти
примѣты: 1) смѣшеніе *въ съ у: уселеная* вм. *вселеная, взводнитъ* вм. *угод-*

Grammatica slavo-ruthena, seu vetero-slavicae, et actu in montibus carpa-
thicis parvo-russicae. Edita per M. Lutskay. Budaë. 1830.

Grammatik der Ruthenischen oder klein-russischen Sprache in Galicien von
J. Levicki. Przemyśl. 1834.

Grammatyka języka Maloruskiego w Galicji ulozona przez J. Wagilewicza
Lwow. 1845.

Grammatyka języka (maloruskiego) Losinskiego. Przemyśl. 1846.

Грамматика русскаго языка, составлена Як. Головацкимъ. Львовъ.
Фактическая часть этого труда (о нарѣчійхъ) пополняется дру-
гимъ сочиненіемъ Головацкаго, подъ заглавіемъ: „Росправа о язцѣхъ южно-
русскомъ и его нарѣчійхъ“. Львовъ. 1849.

Грамматика русскаго языка. Написавъ Осадца. Львовъ 1864. Книга,
составленная по Миклошичу, вся разница—въ изобиліи примѣровъ.

Методична грамматика языка малорусскаго. Написавъ П. Дячанъ,
Львовъ. 1865 (учебникъ для школъ).

¹⁾ Максимов. Ист. древн. русск. слов. 96.

никъ, 2) формы: *выйде фляя, изыйде дырею уряднею*, 3) смѣшеніе *ы* съ *и*: *изыйде* и *изиде*, 4) потеря *ть* въ 3-мъ л. ед. ч: *снаже*, 5) *и* вм. *ь*, и наоборотъ, 6) окончаніе именит. множ. прилаг. для женск. р. *ыи, ии* вм. *ы-а и-а*: *горы угорскыи, синіи млъни*, 7) окончаніе повел. накл. множ. ч. *итъ* вм. *ите*: *понизитъ* вм. *понизите*, 8) сочетаніе звука *ц* въ концѣ словъ только съ тонкими гласными и *ѣ*: *цариця, уотця*, 9) смягченіе гортанныхъ въ свистящіе предъ *ь* въ предложномъ падежѣ, а въ именахъ женск. р. и въ дательн: *на порозь, по дорозь*, 10) удержаніе зват. пад. для именъ муж. и женск. р: *о Днѣпрѣ словутиню*, 11) удержаніе дат. пад. для существ. именъ муж. р. съ двойнымъ окончаніемъ на *у, ю* и *ови, еви*. На основаніи этихъ примѣтъ Максимовичъ дѣлаетъ выводъ, что въ то время, „когда Кіевъ былъ средоточіемъ русскаго міра, на киевскомъ югѣ было уже нарѣчіе малороссійское со многими своими особенностями, точно такъ же, какъ и великорос. нарѣчіе было уже обособившимся ¹⁾).

Надобно различать въ мнѣніи Максимовича двѣ стороны: во 1-хъ, мысль о древности элементовъ малорус. нарѣчія, во 2-хъ, мысль объ его обособленности на Кіевскомъ югѣ въ дотатарское время. Примѣты, указываемыя Максимовичемъ, дѣйствительно, встрѣчаются въ древнѣйшихъ памятникахъ, и не только такихъ, которые извѣстны намъ въ позднѣйшихъ спискахъ XIV—XV в., какъ лѣтописи и Слово о полку Игоревѣ, но и въ рукописяхъ XI—XII и XIII в. Но къ сожалѣнію, границу давности Максимовичъ отодвигаетъ въ такую даль, что нѣтъ никакой возможности слѣдовать за нимъ въ этомъ направленіи. Такъ напр. малор. *у* въ словѣ *бути* онъ выводитъ изъ санскр. долгаго *й* въ корнѣ *bhi*, а не изъ общеслав. *ы*. Мы совершенно согласны съ мнѣніемъ Потебни, что миновать славянской стадіи нельзя, какъ въ отношеніи къ *у* изъ *ы*, такъ и въ отношеніи къ *і* изъ *ь*, и что если бы можно было обойти ее, то намъ пришлось бы, вопреки основнымъ положеніямъ науки, отдать малорусскому нарѣчію археологическое предпочтеніе предъ нарѣчіемъ древнеславянскимъ ²⁾).

Не безъ доказательствъ поставлена и вторая мысль Максимовича, именно мысль о томъ, что малорусское нарѣчіе обособилось уже въ

¹⁾ Новые письма къ Погодину о староб. малор. нарѣчія 23—35.

²⁾ Пот. О звук. особ. русск. нар. 109—110, 122—123.

киевскую эпоху, — только доказательства эти крайне необъдательны. Начать съ того, что нѣкоторыя изъ примѣтъ, указанныхъ Максимовичемъ, свойственны древнеслав. нарѣчію такъ же, какъ и малорусскому. Таково напр. переходное смягченіе гортанныхъ во флексіяхъ именъ существительныхъ, зват. падежъ, а также дательный на *ови, еви*. Что эти примѣты въ настоящее время составляютъ характеристическую принадлежность малорус. нарѣчія, это не подлежитъ сомнѣнію, но забывать не слѣдуетъ, что въ старину онѣ могли принадлежать и другимъ русскимъ нарѣчіямъ. Въ томъ собственно и заключается неудача Максимовича, что всѣ примѣты, имъ указанные, очень часто встрѣчаются въ памятникахъ вовсе не малорусскаго происхожденія. Такъ, замѣну *у* посредствомъ *въ*, и наоборотъ, мы встрѣчаемъ напр. въ грамотахъ, писанныхъ не на югѣ: въ грамотѣ Рижавъ (около 1300 г.) есть формы: *оу рать, оу чомъ* ¹⁾. Въ смоленск. грам. Мстислава: *Ѹздоумалъ, оузати* ²⁾. То же самое видимъ въ Поликарповомъ спискѣ Евангелія (1307), въ которомъ Буслаевъ замѣчаетъ признакъ сѣвернаго нарѣчія, именно въ обоюдномъ переходѣ *у* и *в*: *оу водахъ, навчитесл* ³⁾. По нашему мнѣнію, въ Поликарп. спискѣ есть другіе, болѣе рѣшительные слѣды сѣвернаго нарѣчія, напр. повсюдная замѣна *ъ* посредствомъ *е*. Что касается до звуковъ *у* и *в*, то смѣна ихъ есть явленіе не только общерусское, но обще и древнеславянское. Оно постоянно встрѣчается въ памятникахъ юсоваго письма ⁴⁾, напр. въ тріоди Григоровича (XII—XIII в.): *възрѣтъ* вм. *оузрѣтъ, опраудати, въ праудъ* вм. *оправдати въ правдѣ* ⁵⁾. Въ сербской книгѣ евангельск. чтеній XII в. есть также формы: *Ѹстане, въмръти* ⁶⁾. Не менѣе распространенное явленіе въ разныхъ памятникахъ разныхъ вѣковъ и нарѣчій смѣшеніе *ы* съ *и*. Въ житіи Нифонта, которое списано было въ Ростовѣ въ 1219 г., находимъ такія формы: *изидоша, крилати, ты двѣри* ⁷⁾. О памятникахъ юсоваго письма и говорить нечего: тамъ это явленіе по-

¹⁾ Изъ Ак. X, VI, 233—34.

²⁾ Бусл. Ист. хр. 349—351.

³⁾ Ib. 101. 104.

⁴⁾ Срез. Юс. пис. 154.

⁵⁾ Ibid. 119.

⁶⁾ Срез. Свѣд. 33.

⁷⁾ Изъ Ак. X, VI, 596.

стоянное, начиная съ XI в. Въ Супрасльск. рукоп. (XI в.) часто стоятъ *и* вм. *и*: *святители*, и наоборотъ—*и* вм. *ы*: *ликуими*, *би*, *бивши* ¹⁾. Да и самъ Максимовичъ приписываетъ смѣшеніе *и* съ *и*; между прочимъ, и новгородск. нарѣчію XI в., указывая въ Остромир. евангеліи формы: *многашьды* и *многашьди* ²⁾. Отсутствія *ть* въ 3-мъ л. ед. ч. также нельзя приписывать исключительно древнѣйшему типу малор. нарѣчія: въ Супрас. рук. есть формы: *бжде*, *дръзне*, *сж*, *начьнж* ³⁾; въ томъ же Остр. еванг. есть напр. форма: *напише* вм. *напишетъ* ⁴⁾. Въ этомъ видѣ ходитъ эта форма и донынѣ въ сѣверныхъ говорахъ великор. нарѣчія ⁵⁾. Въ тѣхъ же говорахъ очень часто *ъ* звучитъ помалорусски, какъ *и* ⁶⁾,—явленіе, широко разившееся уже въ XIII—XIV в. въ новгородскомъ нарѣчіи: *ъ* вм. *и*: *Чернговъ*, и наоборотъ *и* вм. *ъ*: *на Днѣпри*, *сгорило*, *смотрилъ* ⁷⁾. Окончаніе именъ прилаг. множ. ч. *и* вм. *и-а* обычно въ памятникахъ юсоваго письма, начиная съ XI в.: *живущими* (Супр. рук.), *творящими* (Болонс. псал. XII в.), *насащими* (Дечанское четвероев. XIII в.) ⁸⁾. Мягкое *и* въ окончаніи словъ находимъ въ договорной грам. Рижанъ (1300): *мечь* вм. *мечь* и во многихъ другихъ памятникахъ ⁹⁾. Изъ остальныхъ примѣтъ, указываемыхъ Максимовичемъ, формы: *вьиде*, *изьиде*, а также форма повел. наклон. *понижить*, представляя примѣръ распространеннаго въ славянск. нарѣчіи ослабленія звука *і* въ *й* послѣ гласныхъ, въ *ъ* послѣ согласныхъ, не заключаетъ въ себѣ ничего специально-малорусскаго. На основаніи приведенныхъ нами фактовъ мы имѣемъ право сдѣлать только тотъ выводъ, что примѣты, указываемыя Максимовичемъ, относятся къ глубокой древности, что отдѣльные элементы малорус. нарѣчія существовали издавна—въ XII и даже XI в., но сознаться надобно, что, касаясь отдѣльныхъ фактовъ, которые разбросаны въ раз-

¹⁾ Срез. Юс. пис. 33.

²⁾ Макс. Нов. пис. 26.

³⁾ Срез. Юс. пис. 35.

⁴⁾ Остр. ев. 294.

⁵⁾ Рыбн. I. 2.

⁶⁾ Бусл. Ист. хр. 1584—1588.

⁷⁾ Лавр. О яз. сѣв. лѣт. 129—30.

⁸⁾ Срезн. Юс. пис. 35. 133. 143.

⁹⁾ Из. Ак. X, VI, 600, 626, 633.

ныхъ вѣкахъ и по разнымъ нарѣчіямъ, Максимовичъ построилъ изъ нихъ непрочное цѣлое, легко разрушаемое отъ перваго прикосновенія критики. Можно вывести изъ всѣхъ соображеній Максимовича только то заключеніе, что діалектическія особенности, принадлежавшія нѣкогда разнымъ нарѣчіямъ, спеціализировались въпослѣдствіи въ малорус. нарѣчіи. Но это, во всякомъ случаѣ, только половина дѣла. Коренныя свойства малорус. нарѣчія, рѣзко отличающія его отъ всѣхъ другихъ славянскихъ нарѣчій, заключаются не въ однихъ глѣхъ признакахъ, которые оно усвоило глубже, чѣмъ другія нарѣчія. Въпослѣдствіи мы разовьемъ подробно характеристику малорусскихъ звуковъ, самостоятельно выработанныхъ на почвѣ малорусскаго нарѣчія, теперь же ограничимся замѣчаніемъ, что эти-то именно звуки или же, по крайней мѣрѣ, первообразы ихъ и не указаны Максимовичемъ. Вотъ почему и попытка его доказать индивидуальное бытіе малорус. нарѣчія въ дотатарскую эпоху не имѣла успѣха.

Противникъ Максимовича Погодинъ вовсе не касается вопроса о древности малорус. нарѣчія. Онъ совершенно отрицаетъ присутствіе малорус. племени на кievскомъ югѣ во весь періодъ до-татарскій. Вотъ основныя его положенія. Такъ какъ въ языкѣ южныхъ лѣтописей нѣтъ малорусскихъ элементовъ, такъ какъ поэтому нѣтъ въ нихъ ничего такого, что непонятно было-бы великоруссу, то необходимо согласиться, что южныя лѣтописи писаны великоруссами. Слѣдовательно, древнѣйшими обитателями, по крайней мѣрѣ въ Кіевѣ и его окрестностяхъ, должны быть великоруссы. Доказательства заключаются во 1-хъ, въ томъ, что у малоруссовъ нѣтъ кievскаго богагырскаго эпоса, во 2-хъ, въ томъ, что лѣтописные типы—великорусскіе, а не малорусскіе. Откуда же взялись въпослѣдствіи малоруссы? Они пришли въ кievскую область послѣ татаръ, когда великоруссы, въслѣдствіе погрома татарскаго, принуждены были отодвинуться съ юга на сѣверъ. Выселились малоруссы въ разоренныя татарами земли изъ-за Карпатъ въ XIV в.

Насъ завело бы очень далеко подробное опроверженіе этого мнѣнія. Мы ограничимся только общимъ замѣчаніемъ, что въ основу его положена невѣрная мысль о томъ, будто въ языкѣ южныхъ лѣтописей нѣтъ малорусскихъ элементовъ. Въ своемъ полемическомъ увлеченіи Погодинъ зашелъ слишкомъ далеко. Признавая малоруссовъ дѣятелями въ па-

1) Погод. Лекц. т. VII, 425—30.

чальной исторіи русскаго юга, Максимовичъ все-таки не отрицалъ великоруссовъ, тогда какъ Погодинъ считаетъ аборигенами только этихъ послѣднихъ, заставляя малоруссовъ придти изъ-за Карпатъ въ ту самую землю, изъ которой по чувству самосохраненія бѣжали великороссіяне на сѣверъ, придти въ XIV в., когда татарскимъ разореніямъ и конца не предвидѣлось. Такъ народы могутъ двигаться только въ книгахъ, наполненныхъ гипотезами, а не въ живой дѣйствительности. И въ самомъ дѣлѣ, для своей гипотезы Погодинъ не могъ найти даже намека на какое нибудь историческое свидѣтельство. Мы уже не говоримъ о томъ, что онъ вовсе не обратилъ вниманія на южнорусскія преданія, въ неразрывной связи стояща съ кievской эпохой ¹⁾, на Слово о полку Игоревѣ—памятникъ, въ южнорусской основѣ котораго трудно сомнѣваться, на мѣстныя названія городовъ, урочищъ, рѣкъ и проч., названія, которыя вполне совпадаютъ съ лѣтописными и не представляютъ въ себѣ ничего новаго, ничего такого, что неизбѣжно было бы принесено пришлымъ племенемъ.

Сама по себѣ гипотеза Погодина, не представляя серьезныхъ научныхъ основаній, не заслуживала бы опроверженія, если бы на помощь ей не явился Лавровскій съ филологическими доказательствами. Въ своемъ „обзорѣ особенностей малорус. нарѣчія“ онъ говоритъ, что „оно развило въ себѣ такія же своеобразныя черты, какъ и остальные нарѣчія славянскія, что между этими чертами много есть такихъ, которыя неоспоримо даютъ ему право на такое же самостоятельное мѣсто, какое занимаютъ и другія нарѣчія славянскія“ ²⁾. Оно состоитъ, по мнѣнію Лавровскаго, въ ближайшемъ родствѣ съ великорусскимъ нарѣчіемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ представляетъ общія черты съ сербскимъ, составляя въ этомъ отношеніи переходъ отъ сѣвернаго, великорусскаго, къ южнымъ славянскимъ. Къ этимъ сербо-малорусскимъ свойствамъ нужно отнести: черниговское произношеніе *иѣ* вм. славянс. *ѣ*, смѣшеніе *ы* съ *и*, господство выговора *г* (= *h*), употребленіе *дж* вм. *ж* при смягченіи звука *д*, приставку *и* предъ согласными, особенно *р*, за

¹⁾ См. разработку этого предмета въ 1-мъ томѣ „историч. малор. пѣсенъ.“ Кіевъ. 1874 г.

²⁾ Въ томъ же духѣ высказывался онъ не разъ: см. Журн. мин. нар. прос. 1859 г. № 6, стр. 225—263. Петерб. вѣд. 1861: „Южно-русск. элементы въ Австріи“; Основа 1861, ноябрь и декабрь: „По вопросу о южнор. языкѣ“.

которымъ слѣдовало въ древности глухой звукъ. Сходство въ формахъ: окончаніе *мо* въ 1-мъ л. множ. и слитное будущее съ вспомогательнымъ глаголомъ (ходитиму), хотя въ сербс. будущее составляетъ съ другимъ вспомогательнымъ глаголомъ *ћу*, зват. падежъ двойств. числа (для словъ, означающихъ двойственность предмета), окончаніе въ дательн. *ови, еви*. „Не встрѣчая, продолжаетъ Лавровский, ни одной черты изъ приведенныхъ выше, сродныхъ съ сербскимъ нарѣчіемъ, въ древнихъ памятникахъ русскихъ, писанныхъ на югѣ Россіи, замѣчая, напротивъ, на основаніи этихъ памятниковъ, рѣзкое, въ звукахъ и формахъ, единство для языка обѣихъ половинъ Руси и имѣя въ дѣтописяхъ и актахъ новгородскихъ рѣшительное доказательство невозможности не прорваться гдѣ нибудь говору народному въ письменности, мы должны обратиться съ большимъ еще правомъ опять къ гипотезѣ Погодина относительно позднѣйшаго населенія нынѣшняго малорус. племени, послѣ порабоженія юга татарами, съ Карпатскихъ горъ... Родство малорус. говора съ сербскимъ могло развиваться на сосѣднихъ съ сербскими поселеніями Карпатахъ, въ мѣстности, гдѣ, по Багрянородному, находилась Великая Сербія“¹⁾).

Такимъ образомъ, Лавровскаго мнѣніе отличается отъ мнѣнія Греча, который смѣшивалъ малорус. нарѣчіе съ польскимъ только тѣмъ, что на мѣсто польскаго нарѣчія явилось у него сербское. Мы желали бы знать, что же такое малорусское нарѣчіе? Не то оно великорусское, не то сербское, а между тѣмъ, тутъ же, рядомъ съ признаніемъ его сложнаго состава, выражено убѣжденіе въ томъ, что оно „имѣетъ право на такое же самостоятельное мѣсто, какое занимаютъ и другія нарѣчія славянскія“. Ошибка Лавровскаго въ томъ заключается, что онъ подбираетъ несущественныя черты малорус. нарѣчія, упуская изъ виду такія изъ нихъ, которыя составляютъ его характеристическую принадлежность. Съ этимъ приѣмомъ можно сдѣлать что угодно, — можно доказать напр. такую же близость малорусскаго нарѣчія къ чешскому, какъ и къ сербскому.

Лавровский насчитываетъ девять примѣтъ, роднящихъ малорус. нарѣчіе съ сербскимъ. Изъ нихъ мы должны прежде всего исключить приставку *и* предъ согласными, особенно предъ *р*: въ сербско-русскомъ словарѣ самого Лавровскаго мы не нашли сербскихъ формъ, которыя

1) Ж. м. н. пр. 1859, № 6, 265.

бы соответствовали малорус. *іржа*, *ірвати* (древнесл. *рѣвати*, *рѣжа*, *рѣжда* отъ *рѣдѣти*). Затѣмъ, такому же исключенію должно подвергнуться несуществующее сходство между малорус. *г* (= *h*) и сербс. *г* (= *g*): сербъ скорѣе произнесетъ свое *г*, какъ *к*, напр. предъ согласнымъ (*нокти*), а не помалорусски, какъ латинское *h*. Въ этомъ отношеніи малорус. нарѣчіе представляетъ сходство именно съ чешскимъ, — гдѣ *h* имѣетъ характеръ придыхательнаго, а *г* = *g* вовсе не существуетъ. Къ числу сомнительныхъ примѣтъ нужно отнести еще малорус. и сербс. *дж*: въ сербскомъ нарѣчій смягченное *д* выражается или по-старославянски: *нужда*, *понуждити*, или въ строгомъ смыслѣ слова посербски: *прекаживати*, *досаживати* ¹⁾. Третій видъ смягченнаго *д*, изображаемый въ сербской азбукѣ посредствомъ *џ*, встрѣчается, по замѣчанію самого Лавровскаго, ²⁾ въ словахъ исключительно турецкаго происхожденія. Слѣдуетъ замѣтить, что *џ* звучитъ иногда въ словахъ славянск. корня, напр. *ујеџбати*, но здѣсь происхождение его чисто этимологическое (по замѣчанію Миклопича, *ујеџбати* образовалось изъ *вјешт* и *срѣба*, можетъ быть, вмѣсто *срѣба* изъ *срд* ³⁾). а не эвфоническое, какъ въ малор. *дѣбан*, *дѣсерело* и проч. Итакъ, если исключить три примѣты изъ девяти, указываемыхъ Лавровскимъ, то окажется всего шесть примѣтъ, роднящихъ малорус. нарѣчіе съ сербскимъ. Въ дополненіе къ этимъ шести мы уже отъ себя укажемъ, помимо Лавровскаго, еще семь. Такъ а) въ сербс. *въ* вокализируется въ началѣ словъ въ *у*: *удова*, *унук*—точь-въ-точь, какъ въ малорусскомъ; б) предлогъ *съ* смѣшивается съ *изъ*: *изъ кона*, а *възъ* вокализируется въ *уз*: *узети* по малор. *узати*; в) въ 3-мъ лицѣ ед. и множ. чис. отпадаетъ *тъ*: *буде*, *буду*, въ малор. *ходе*, *говоре*, въ галицко-гуцульск. разнорѣчій и во множ. ч: *ходя*, *говоря*; г) въ повел. накл. не только окончаніе *мо*, но и сохраненіе характеристическаго *и*, послѣ гласныхъ *ј*: *плетимо*, *пасимо*, *умијмо*, *купијмо*; д) прошедшее условное описательное съ стариннымъ аористомъ *быхъ*: *писао быхъ*; такъ точно гуцуды говорятъ: *ишоо быхъ*; е) древнеслав. *ѡ* выражается у сербовъ посредствомъ *е*: мѣстоим. напр. *сѡ* = *се*, *имѡ* = *име*: въ коренномъ галицкомъ говорѣ

¹⁾ См. Miklos. Lautlehre 328.

²⁾ См. предис. къ сербско-рус. слов. Лавр. V.

³⁾ Lautlehre 330.

(подгорскомъ) та же звуковая замѣна л: *се, взети, тежно* и проч. ж) губное *ф* находится, по замѣчанію Миклошича ¹⁾, въ словахъ заимствованныхъ и замѣняется звуками *п* и *б* совершенно такъ, какъ въ малорус.: *Опанас, пльашка, барва*. Въ малорус., кромѣ этой замѣны *ф*, есть еще *хв*: напр. *хвасоля*. Впрочемъ, въ галицкихъ разнорѣчіяхъ *ф* чаще употребляется, въ противоположность коренному говору малорус. нарѣчія (украинскому). Можно было бы съ нѣкоторыми натяжками увеличить количество примѣтъ, общихъ малорус. нарѣчію съ сербскимъ, но мы ограничились несомнѣнно очевидными.

Теперь обращаемся къ нарѣчію чешскому. Оказывается, что большая часть примѣтъ, указанныхъ нами и г. Лавровскимъ, свойственна чешскому нарѣчію такъ же, какъ малорус. и сербскому. а) Извѣстно, что въ сербскомъ буква *ѣ* выражается различно: посредствомъ *je, uje, e* и *i*: тѣ же средства выраженія этой буквы есть и въ малорус. Въ ченс. долгота *ѣ* передается посредствомъ долгаго *i*: *vira mira* (вѣра, мѣра), въ краткихъ слогахъ звуками *ѣ, e*: *vernju, тѣна, seno, cely*. Слѣдовательно, хотя по разнообразію звуковой замѣны буквы *ѣ*, сходства между малорус. и сербс. больше, но въ отношеніи буквы *ѣ* есть сходство и между нарѣчіями чешскимъ и малорусскимъ. Вообще нужно сказать, что, за исключеніемъ болгарскаго нарѣчія, всѣ остальные славянскія нарѣчія, въ большей или меньшей степени, допускаютъ замѣну *ѣ* посредствомъ *i*. Рѣче всего выразилась эта замѣна въ малорус. нарѣчій, слабѣе всего въ нарѣчійхъ лужицкомъ, польскомъ (*switac, kwitnyc*) и словинскомъ, гдѣ, по замѣчанію Миклошича, только хорватскіе Словинцы неударяемое *ѣ* произносятъ какъ *i*, рѣдко какъ *e*: *vodi, vode* ²⁾ ѓ). Въ отношеніи къ звуку *ы* малорус. нарѣчіе въ своемъ основномъ украинскомъ говорѣ представляетъ сходство не только съ сербскимъ, гдѣ *ы* исчезло, но и съ нарѣчіями болгарскимъ, словинскимъ и съ чешскимъ, въ которыхъ *ы* нѣтъ въ томъ видѣ, въ какомъ оно существуетъ въ нарѣчійхъ польскомъ и великорусскомъ. Впрочемъ, въ галицкомъ говорѣ есть *ы*; слышно оно также въ подольскомъ разнорѣчій и вообще во многихъ мѣстахъ на правой сторонѣ Днѣпра. в) Звал. падежъ сохранился опять-таки не у однихъ только сербовъ да малорусовъ, но и у болгаръ, у поляковъ и чеховъ. Сербское нарѣчіе

¹⁾ Lautlehre 365.

²⁾ Lautlehre 240.

представляет даже отклонение от малорус. в хорватской своей ветви, где зват. падеж утрачен. г) Формы двойств. числа в незначительном количестве, действительно, есть у сербов и малорусов, но они, в виде слабых остатков, распространены во всем славянском мире, и уже если искать в этом отношении аналогии, то скорее всего можно вспомнить о лужицком наречии, в котором полные, чем где нибудь, сохранилось двойств. число. д) Дат. падеж на *ovi*, не представляя никакого сходства с сербским, сходен в малорус. с наречиями словинским, польским и чешским: в последнем принимают окончание *ovi* имена предметов одушевленных, если стоят без прилагательных: *Petrovi*. е) Подобно малорусскому и сербскому, и в чешском в 3-м лице наст. вр. нет *тѣ* ни в единств., ни во множ. ч: *plete, pletou*. ж) Точно так же прошедшее условное образуется у чехов, как и у сербов, и у гуцулов-малорусов, напр. *miloval bich*. з) Древнеслав. λ одинаково выражается в сербском, галицко-малорус. и чешском: *cese, jehne, pět*. и) Согласный звук *ѣ* замѣняется в чешском наречии сходно с сербским и малорусским: — посредством *б* и *п*: *barva, opise*.

Мы насчитали девять примечаний, общих наречиям малорус., серб. и чешскому. Къ этому присоединить нужно не вошедшее в счет малорус. и чешс. $i = h$, отличающее эти наречия от сербского, а также предлог *roz*, а не *раз*, одинаково звучащий в чешском и малорусском, наконец, чешс. формы имен существительных с долгим *и* в именит. пад. ед. числа *buh, dim* — формы аналогическия с малорусскими: *кунь, оул*, слышными в северных малорус. разноречиях. То же самое встречаем и в польском наречии: *mój, krol*. Выходитъ, следовательно, девять примечаний, общих сербс., чешс. и малорусскому; кроме того, какъ чешс., такъ и сербс. наречия имеют по три примечания такія, которыя принадлежатъ каждому изъ нихъ в отдельности, но такъ что все они свойственны и малорусскому наречию.

Какое-же послѣ этого наречие ближе къ малорусскому — сербское или чешское? И то, и другое имѣетъ почти равное количество примечаний, общихъ съ малорусскимъ: по видимому, и то, и другое одинаково къ нему близко. А если вспомнить при этомъ близкия родственныя отношения малорусскаго наречія къ великорусскому, то придется допустить, что это даже не наречие, а какой-то странный комплексъ безъ вида и образа, въ которомъ ничего нетъ своего, а все чужое, позаимство-

важное отъ сосѣднихъ и даже не сосѣднихъ славянскихъ народовъ. Въ такомъ случаѣ, зачѣмъ же говорить о его самостоятельности? Гораздо удобнѣе, оставивъ въ сторону всякія сближенія, просто заявить, что малорусское нарѣчіе не есть какой то особенный, своеобразный звуковой организмъ въ ряду другихъ славянскихъ нарѣчій. Такъ, дѣйствительно, и поступилъ Шерцль, вопреки мнѣнію Лавровскаго, Потебни, Максимовича и Миклошича: „различія, существующія между великорусскимъ и малорусскимъ нарѣчіемъ, говоритъ онъ, вовсе не оправдываютъ предположенія, будто бы малорусское нарѣчіе представляетъ языкъ самостоятельный въ томъ смыслѣ, какъ языкъ чешскій, сербскій и проч. Главныя примѣты русскаго языка встрѣчаются и здѣсь: такъ, особенно русское полногласіе; спряженіе и склоненіе тоже весьма сходны“¹⁾. И у Шерцля—та же рѣчь о сходствѣ. Кто же сомнѣвается въ сходствѣ не только нарѣчій великорусскаго съ малорусскимъ, но и всѣхъ славянскихъ нарѣчій одного съ другимъ? Мы видѣли уже на примѣрѣ Лавровскаго, что сходствомъ нельзя доказывать всего, что угодно. Конечно, указаніе на сходство есть одинъ изъ приѣмовъ научнаго изслѣдованія, но онъ не исчерпываетъ собою всѣхъ средствъ научнаго анализа, который разлагаетъ сходное для того, чтобы открыть индивидуальное. Вѣдь вотъ же самъ Шерцль указываетъ на переходъ *o* въ *i* въ малорусскомъ нарѣчій, какъ на такое явленіе, которое не встрѣчается, по его собственнымъ словамъ, ни въ одномъ изъ остальныхъ славянскихъ языковъ²⁾. Можетъ быть, при большемъ знакомствѣ съ предметомъ, ему бы удалось указать что нибудь и другое въ этомъ родѣ: тогда пришлось бы измѣнить или, по крайней мѣрѣ, ограничить высказанное мнѣніе. Но этого, къ сожалѣнію, не случилось, и Шерцль рѣшилъ вопросъ, по видимому, просто и ясно, не потрудившись даже ступешать противорѣчіе въ собственныхъ своихъ словахъ. Мы уже не говоримъ о томъ, что самое сходство, указываемое имъ, сомнительно, что малорусскія спряженія (особенно галицкія) и склоненія, въ слѣдствіе фонетическихъ превращеній, носятъ на себѣ характеръ рѣзкаго своеобразія. Что касается до сходства въ полногласіи, то на это замѣтимъ, во первыхъ, словами самого Шерцля, что „въ малорус. нарѣчій принципъ полногласія, въ сравненіи съ русскимъ, проведенъ весьма послѣдовательно“³⁾. Вотъ уже и осо-

¹⁾ Шерцль. Сравн. грам. славянс. и другихъ родств. языковъ. 96.

²⁾ Ibid. 1. 222.

³⁾ Ibid. 346.

бенность, правда, не рѣзкая, но замѣтная. Во вторыхъ, одной чертой сходства, во всякомъ случаѣ, не наполняется идея тождества двухъ предметовъ. Что было бы, если бы мы, на томъ основаніи, что въ двухъ какихъ нибудь нарѣчіяхъ отъ глубокой старины сохранилась та или другая черта, хотя бы и типически-рѣзкая, не всматриваясь въ самую сущность звуковаго строя, исторически выработаннаго тѣмъ и другимъ нарѣчіемъ, — тотчасъ поспѣшили къ выводу о томъ, что оба они лишены индивидуальности такъ, какъ будто бы не было для нихъ исторіи, и весь свой долгій вѣкъ они неподвижно стояли на одной точкѣ развитія, не сдѣлавъ ни одного шага впередъ? Тогда пришлось бы смѣшать, напр., словинское нарѣчіе съ польскимъ, такъ какъ въ послѣднемъ сохранились юсы, въ нѣкоторыхъ же нарѣчіяхъ перваго жъ выговаривается, какъ *онъ: жепон* (жепѣ), — смѣшать такія нарѣчія, которыя принадлежатъ къ двумъ совершенно различнымъ типамъ: первое къ юговосточному, второе къ западному. Такой приемъ поставилъ бы науку въ безвыходное положеніе полной анархіи, полнаго смѣшенія понятій, и не было бы возможности внести звуковыя явленія въ какія нибудь опредѣленныя нормы, потому что, вмѣсто научнаго масштаба для оцѣнки ихъ, торжествовалъ бы чистѣйшій произволь субъективной мысли.

Вопросъ о нарѣчій малорусскомъ требуетъ точнаго и яснаго разграниченія понятій о языкѣ церковнославянскомъ, о языкѣ древнерусскомъ, о языкѣ литературно-русскомъ, наконецъ, о нарѣчій великорусскомъ со всѣми его различіями и говорами. Чѣмъ отчетливѣе будутъ наши представленія о каждомъ изъ этихъ элементовъ порознь, тѣмъ болѣе правъ мы будемъ имѣть на сравненіе ихъ между собою и на всѣ тѣ выводы, которые сами собою получаютъ изъ сравненія. Мы не сомнѣваемся въ томъ, что наука о русскихъ нарѣчіяхъ находится пока еще въ фазисѣ частныхъ, отдѣльныхъ работъ, поэтому мы и предлагаемъ частную работу по нарѣчій малорусскому, не отказываясь, однако же, отъ обобщеній, которыя могутъ встрѣтиться намъ на нашемъ пути. Мы задались мыслію провести (собственно въ области звуковъ, а не формъ), возможно-точные границы между нарѣчіемъ малорусскимъ и языками церковнославянскимъ и древнерусскимъ, имѣя въ виду, главнымъ образомъ, памятники южнорусскаго происхожденія. Работу эту мы взяли на себя для того, чтобы какъ можно глубже заглянуть въ звуковую природу малорусскаго нарѣчія. Нарѣчія великорусскаго и языка литературно-русскаго мы будемъ касаться въ своемъ изслѣдованіи на столько,

на сколько это необходимо для нашей цѣли, можетъ быть, не многимъ только больше, чѣмъ всѣхъ остальныхъ нарѣчій славянскихъ. Главное вниманіе свое мы сосредоточимъ на сравненіи звуковыхъ элементовъ современнаго малорусскаго нарѣчія въ различныхъ его говорахъ съ первозвуками, изъ которыхъ они образовались и которые разсѣяны въ памятникахъ древняго и средняго періода русской письменности. Мы убѣждены, что на этой почвѣ можно придти къ положительнымъ результатамъ, хотя поручиться и не можемъ за то, что выводы наши будутъ признаны непогрѣшимыми. Теперь пока мы живо сознаемъ только необходимость примѣнить къ изслѣдованію малорусскаго нарѣчія историческій методъ сравненія его настоящихъ особенностей съ тѣми чертами, которыя обнаружили въ различные моменты его исторической жизни, съ тѣми *звуковыми превращеніями*, среди которыхъ вырабатывался его современный типъ. Нерѣдко предпочитали у насъ исторической почвѣ общесравнительную почву параллелей и сближеній малорус. нарѣчія съ другими славянскими нарѣчіями. Начинали такимъ образомъ съ того пункта, которымъ слѣдовало-бы окончить, т. е. шли не отъ частей къ цѣлому, а наоборотъ—отъ цѣлаго къ частямъ. Мы думаемъ, что въ современномъ состояніи науки историческій путь составляетъ болѣе насущную потребность, чѣмъ сравнительный. Послѣдній вѣнчаетъ дѣло, первый подготавливаетъ его. Чтобы получить вѣрные выводы изъ сравненія двухъ предметовъ, нужно возстановить изначально - древнѣйшій образъ того и другаго историческимъ путемъ: тогда получится главнѣйшее условіе сравненія, т. е. равнозначительность сравниваемыхъ величинъ, ибо величины несоизмѣримыя сравниваемы быть не могутъ. Вотъ почему мы предпочли въ своемъ изслѣдованіи историческій путь.

Для исторической разработки русскаго и древнеславянскаго языка едва-ли не больше всѣхъ русскихъ ученыхъ потрудился Срезневскій. Изданіемъ и объясненіемъ памятниковъ онъ много содѣйствовалъ установленію почвы для всякаго рода сравнительныхъ выводовъ. Его „Мысли объ исторіи русскаго языка“ и донинѣ пользуются высокимъ авторитетомъ въ наукѣ. Никто еще до сихъ поръ не представилъ сколько-нибудь обстоятельной и цѣльной системы, которая могла-бы занять мѣсто „мыслей“ Срезневскаго. Считаемъ необходимымъ остановиться на этомъ замѣчательномъ трудѣ, чтобъ имѣть возможность вы-

сказать свои собственные понятія о томъ, какъ долженъ быть поставленъ въ наукѣ вопросъ о малорусскомъ нарѣчій.

Исходною точкою „мыслей“ Срезневскаго служить то положеніе, что „древній русскій языкъ въ отношеніи къ строю, сравнительно съ другими славянскими нарѣчійми въ ихъ древнемъ видѣ, ближе всего подходилъ къ нарѣчію старославянскому и вмѣстѣ съ тѣмъ всего болѣе сохранилъ черты первообразнаго славянскаго строя. Онъ даже превосходилъ его до нѣкоторой степени въ этомъ отношеніи: уступалъ ему въ отличеніи носовыхъ гласныхъ, но вѣрнѣе сохранилъ непосредственное смягченіе согласныхъ, употребленіе мѣстоименнаго окончанія *тъ* для 3-го лица въ спряженіи“ и т. д. ¹⁾ Выходя изъ этого положенія, Срезневскій видитъ въ древнерусскомъ языкѣ, рядомъ съ немногими чертами собственно русскими (полногласіе, въ началѣ словъ *о* вм. *е*), тѣ же черты древнеславянскія: глухіе звуки *з* и *ь*, постановку гортанныхъ предъ твердыми гласными и переходную смягчаемость ихъ передъ мягкими. Только однихъ юсовъ, по его предположенію, уже не было въ русскомъ языкѣ при самомъ раздѣленіи славянскихъ языковъ на двѣ половины—восточную и западную. Съ полнотою и разнообразіемъ звуковъ древнерусскій языкъ соединялъ богатство формъ: и въ этомъ отношеніи онъ не уступалъ славянскому. Довольно того, что въ немъ были напр. въ древнѣйшую пору положительно всѣ формы древнеславянскаго глагола: достигательное наклоненіе, два прошедшихъ простыхъ—совершенное и преходящее, сложное будущее съ вспомогательнымъ глаголомъ въ прошедшемъ времени, спрягаемое сослагательное наклоненіе, двойственное число въ глаголѣ ²⁾. Всѣ эти данныя подтверждаются аналогіей съ другими славянскими нарѣчійми, которыя, чѣмъ дальше въ глубину прошедшаго, тѣмъ больше представляютъ между собою сходства, и наоборотъ, чѣмъ ближе къ настоящему, тѣмъ рѣзче различаются одно отъ другаго. Вотъ почему появленіе славянской письменности среди русскихъ нисколько не поколебало строя русской рѣчи: книжный языкъ не отличался отъ народнаго, и памятники древнерусской письменности вполне народны: развѣ тамъ можно упрекнуть ихъ въ ненародности, куда вмѣшивалась византійская стихія. Но съ теченіемъ времени отношенія между книжнымъ языкомъ и народнымъ

¹⁾ Срезн. „Мысли.“ 29.

²⁾ Срезн. „Мысли.“ 23—28.

измѣнились: „въ говорѣ народа болѣе и болѣе начали ветшать древнія формы, языкъ народа сталъ рѣшительно превращаться въ строѣ своемъ. „Языкъ народа началъ развиваться на говоры и нарѣчія, а въ книгахъ удерживался языкъ древній, неизмѣнный языкъ вѣры и церкви“. „Прочное начало образованію книжнаго языка русскаго, отдѣльнаго отъ языка, которымъ говорилъ народъ, положено было въ XIII—XIV вѣкѣ, тогда-же какъ народный русскій языкъ подвергся рѣшительному превращенію древняго своего строя“. „Въ памятникахъ XV—XVI вѣка отличія народной рѣчи отъ книжной уже такъ рѣзки, что нѣтъ никакого труда ихъ отдѣлить“. „Время отдѣленія книжнаго языка отъ народнаго составляетъ первый періодъ его развитія. Но прежде окончанія этого перваго періода начался второй періодъ—возвратнаго сближенія съ языкомъ народнымъ“. „Чѣмъ болѣе умножалось образованіе и письменность, тѣмъ болѣе яснѣла мысль обобщенія литературы, тѣмъ болѣе элементовъ языка народнаго, часто противъ воли книжниковъ, заходило въ языкъ книжный“. „Тогда вмѣсто одного языка книжнаго явилось два: одинъ древній, оставаясь ненарушимымъ въ своемъ строѣ, только нѣсколько отдѣляясь отъ перваго своего вида вліяніемъ народнаго, другой—новый былъ смѣсью старославянскаго съ живымъ народнымъ. А такъ какъ народный языкъ уже дѣлился на нарѣчія, то и этотъ новый книжный языкъ не могъ быть вездѣ одинъ и тотъ же“. Такъ появился книжный языкъ московской Руси и югозападной Руси, появился, конечно, позже чѣмъ единый русскій языкъ раздѣлился на два нарѣчія—сѣверное и южное—великорусское и малорусское. Время появленія этихъ нарѣчій совпадаетъ съ эпохой превращеній въ русскомъ языкѣ, т. е. въ XIII—XIV в. ¹⁾

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе „мыслей“ Срезневскаго. Онъ, очевидно, отличаетъ древнерусскій языкъ отъ славянскаго, отличаетъ примѣтами отрицательными и положительными: къ числу первыхъ, въ области фонетики, относятся юсы, отсутствіе которыхъ характеризуетъ русскій языкъ уже въ первые моменты его исторической жизни,—къ послѣднимъ относится смѣна *e* на *o* въ началѣ словъ, а также полногласіе. Мало того: есть одна черта фонетическая (непосредственное смягченіе согласныхъ), дающая русскому языку преиму-

¹⁾ Срезн. „Мысли“ 94—98.

щество древности даже предъ славянскимъ. Отсюда слѣдуетъ, что древнерусскій и древнеславянскій языкъ—два различные языка, сходные между собою, главнымъ образомъ, въ томъ отношеніи, что оба они, въ ряду другихъ славянскихъ языковъ, ближе всего подходятъ къ прототипу славянскому. Вотъ почему древнерусскій языкъ имѣетъ все то, что имѣетъ древнеславянскій языкъ. Мы невольно, такимъ образомъ, приходимъ къ мысли объ ихъ сходствѣ, до такой степени близкомъ, что оно уже граничитъ съ тождествомъ. Только указанная выше положительныя черты и даютъ древнерусскому языку печать отдѣльности, но и эта отдѣльность такого рода, что она выдвигаетъ русскій языкъ далеко за предѣлы исторической эпохи. Съ одной стороны, въ немъ заключается вся древность древнеславянскаго языка, съ другой стороны, ему присущи свои черты древности, недостающія древнеславянскому языку: все это заставляетъ предполагать, что русскій языкъ есть наиболѣе вѣрная копія *праязыка* славянскаго. Что же остается на долю собственно древнеславянскаго (церковнаго) языка? Онъ—также копія *праязыка* славянскаго, другими словами, онъ—то же самое, что и русскій языкъ. Мы видимъ предъ собою мысль о тождествѣ этихъ двухъ языковъ, тождествѣ, которое слегка отгѣнено лишь тѣмъ, что древнеславянскій языкъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ есть менѣе полный снимокъ доисторической древности, чѣмъ древнерусскій.

Нужно, впрочемъ, замѣтить, что все это высказано не прямо, а вскользь, что авторъ самъ отъ себя дѣлаетъ только намеки, выводъ же предоставляетъ сдѣлать самому читателю. И дѣйствительно, читатель не затруднится сдѣлать именно тотъ выводъ, на который мы указали. Въ доказательство ссылаемся на вызванное „мыслями“ Срезневскаго письмо къ нему Погодина, который въ немъ заявляетъ, что до появления „мыслей“ онъ блуждалъ во тьмѣ невѣдѣнія на счетъ отношеній великорусскаго и малорусскаго нарѣчій къ церковнославянскому. „Въ моемъ мнѣніи вотъ что было справедливаго, говоритъ онъ: въ эпоху перевода священ. писанія *племена*: малорусское, великорусское, *церковное*, т. е. то, на чей языкъ переведены были книги, жили, каждое своею жизнью..... А вотъ что несправедливаго или лучше темнаго, неопредѣленнаго, что теперь дополняется и уясняется: великорусское и церковное не суть два нарѣчія, какъ тогда я полагалъ, а есть одно и то же нарѣчіе, по мѣстамъ (*въ Селунѣ и на Дмитрѣ*) имѣвшее нѣкоторыя легкія отличія. Нынѣшнее письменное великорос. нарѣчіе

есть тотъ же церковный языкъ, въ устахъ народа подвергшійся измѣненіямъ и достигшій трудами писателей настоящаго совершенства, а не особое нарѣчіе¹⁾. Таковы крайніе выводы, къ которымъ можно было придти, слѣдуя тому склону мыслей, который намѣченъ въ „мысляхъ“ Срезневскаго. Пограничныя линіи въ начальной исторіи славянскихъ народовъ передвинуты широкимъ распространеніемъ *церковнаго племени*. Оказывается, что это именно и есть великорус. племя, и жило оно въ вѣкъ Кирилла и Меѳодія въ Селуни и на Днѣпрѣ. Могъ ли Срезневскій ожидать, что кто-нибудь сдѣлаетъ такой невѣроятный выводъ изъ его „мыслей“?

Никто, конечно, не можетъ поручиться за судьбу своихъ мыслей, какъ бы онѣ осторожно ни были высказаны. Но справедливость требуетъ сказать, что самая осторожность, съ которою, обыкновенно, Срезневскій дѣлаетъ свои выводы, въ этомъ случаѣ поставила его въ необходимость дать такую группировку фактамъ объ отношеніи русскаго языка къ славянскому, что Погдину легко уже было изъ положеній Срезневскаго логически развить ненаучные выводы. По мнѣнію Срезневскаго, до XIII в. книжный русскій языкъ, языкъ произведеній духовныхъ, языкъ лѣтописей и администраціи нисколько не отличался отъ народнаго, т. е. другими словами—древнерус. языкъ и древнеславянскій—одно и то же. Такое категорическое заявленіе о единствѣ этихъ языковъ неволью располагаетъ думать, что чертамъ различія, указаннымъ выше, Срезневскій не даетъ особеннаго значенія, что это—черты мелкія, несущественныя. Съ другой стороны, Срезневскій совсѣмъ не отказывается отъ мысли, что было два языка. Какъ же быть? Два или одинъ? Одно изъ двухъ: или было два языка, и въ такомъ случаѣ требовалось признать и указать существенно типическія черты различія между ними, слѣдовательно, не могло быть рѣчи объ единомъ языкѣ. Если же сложилось такое убѣжденіе, что индивидуальныхъ особенностей, которыя бы составляли природу того и другаго языка совсѣмъ не было, то былъ, слѣдовательно, одинъ языкъ, поэтому неудобно говорить о двухъ языкахъ.

Мы высоко цѣнимъ заслуги Срезневскаго въ наукѣ о русскомъ языкѣ, тѣмъ не менѣе не можемъ не указать на эту двойственность въ мысляхъ его объ исторіи русскаго языка. Желая высказаться по этому

¹⁾ Лекціи Погод. т. VII, 433.

поводу болѣе положительно, мы должны войти въ нѣкоторыя подробности о такъ называемыхъ превращеніяхъ въ языкѣ, которыхъ касается въ своемъ трудѣ самъ Срезневскій. То, что называетъ Срезневскій превращеніями, М. Мюллеръ называетъ искаженіемъ языка. Этотъ процессъ довольно наглядно описанъ у Срезневскаго: „вступая въ періодъ превращеній, говоритъ онъ, языкъ прежде всего измѣняетъ свою звучность. Звуки перемѣшиваются, замѣняются одни другими, не берегутся по прежнему въ ихъ коренномъ значеніи; увеличиваются иногда числомъ, часто и пропадаютъ, ничѣмъ не замѣненные, слившись съ другими; увеличивается болѣе количество звуковъ сложныхъ, составныхъ, уменьшается болѣе количество звуковъ нераздѣльныхъ. Отъ измѣненія въ системѣ звуковъ измѣняется и система корней ¹⁾“. Затѣмъ падаютъ формы..... Слова Срезневскаго главнымъ образомъ характеризуютъ образование такъ называемыхъ литературныхъ языковъ. Они непремѣнно идутъ путемъ фонетическаго упадка. Широкое разнообразіе діалектовъ, среди которыхъ одному изъ нихъ или же нѣсколькимъ суждено занять выдающееся положеніе, остается нетронутымъ: они могутъ идти дальше по пути раздробленія на частныя, отдѣльныя говоры; въ нихъ можетъ еще долго жить и дѣйствовать законъ діалектическаго роста,—законъ, обратный закону діалектическаго упадка. Такъ, въ современной Италіи существуетъ не менѣе двадцати діалектовъ, во Франціи не менѣе четырнадцати, наиболѣе рѣзкихъ, въ Греціи насчитываютъ ихъ до семидесяти ²⁾. Обращаясь къ славянскому міру, видимъ поразительное разнообразіе мѣстныхъ говоровъ: такъ въ небольшомъ племени Словинцевъ (по Брахелли всего 1,248,000) считается девятнадцать говоровъ. О племенахъ некультурныхъ и говорить нечего: тамъ еще болѣе большой просторъ діалектическому размноженію нарѣчій. Основываясь на показаніяхъ путешественниковъ и миссіонеровъ, М. Мюллеръ приводитъ поразительные факты разнообразія говоровъ у дикихъ народовъ. Но въ то самое время, какъ живая, творческая сила языка разливается без-

¹⁾ Срезн. „мысли.“ 13.

²⁾ Вотъ напр. на выдержку одинъ изъ такихъ фактовъ. Въ сосѣдствѣ Манипутры капитанъ Гордонъ насчиталъ не менѣе двѣнадцати діалектовъ. „Нѣкоторые изъ нихъ, говоритъ онъ, употребляются не болѣе, какъ 30 или 40 семействами, и на столько отличаются отъ всѣхъ прочихъ, что непонятны даже самымъ близкимъ сосѣдямъ“. Лекціи М. Мюллера 41.

численными звуковыми потоками, — среди народовъ, создавшихъ высшій порядокъ жизни политической и социальной, вырабатывается одно господствующее нарѣчіе, которое было прежде не больше, какъ однимъ изъ многихъ діалектовъ, разсѣянныхъ по разнымъ мѣстностямъ, въ разныхъ слояхъ и группахъ населенія. Это нарѣчіе постепенно укладывается въ болѣе и болѣе опредѣленную звуковую норму, — приходятъ въ столкновение элементы разнообразія для того, чтобы выработать единое, изъ *общаго* обособиться, но никакъ не изъ *единого*, если разумѣютъ подъ *единымъ* нѣчто безразлично-тождественное. Большая разница между понятіями *единый* и *общий*: не единое разлагается для образованія господствующаго нарѣчія, но *многое* концентрируется, изъ *общаго* выдѣляется специальное. Само собою разумѣется, что огромная масса діалектическихъ фактовъ все-таки остается за чертой того движенія, которое совершается въ господствующемъ нарѣчіи. Многое въ немъ ассимилируется, но еще больше постороннихъ элементовъ отбрасывается, и самая большая доля вліянія принадлежитъ составнымъ элементамъ того передоваго діалекта, внутри котораго совершается историческое движеніе. Мало-по-малу онъ поднимается все выше и выше надъ уровнемъ діалектической пестроты, стремясь распространить всюду вокругъ себя нивелирующее вліяніе. Но преобладающее значеніе онъ покупаетъ цѣною утраты звуковаго своего богатства. Подъ вліяніемъ постепенно крѣпнущей мысли, въ немъ нарушается гармоническое отношеніе между звукомъ и мыслью, которая приводитъ въ броженіе звуковые элементы слова, беспощадно разлагая ихъ въ интересъ собственнаго своего развитія ¹⁾). Языкъ становится искусственно-условнымъ знаменемъ племеннаго единства, создаваемого культурнымъ ходомъ жизни.

¹⁾ Форма слова, по мнѣнію Потебни, есть значеніе, а не звукъ, который есть только внѣшній знакъ формы. Съ этой точки зрѣнія искаженіе звука не означаетъ эпохи унадка формъ, потому въ новыхъ языкахъ по отношенію къ древнимъ можно видѣть перерожденіе, а не вырожденіе и искаженіе. (Изъ запис. по рус. грам. 73—75). Эта поправка кажется намъ вполне основательной, хотя фактъ искаженія звука все-таки остается неоспоримымъ. „Чѣмъ слабѣе энергія мысли, говоритъ самъ Потебня, тѣмъ болѣе она нуждается въ звукѣ, какъ внѣшней опорѣ, но, по всѣмъ соображеніямъ, эта энергія въ языкѣ увеличивается, и этимъ объясняется небрежность въ сохраненіи прежняго звуковаго состава слова“. (Ibid).

Такъ образуются культурные языки.....

Вотъ къ нимъ то и можно отнести, говорить М. Мюллеръ, замѣчаніе Гримма, что діалекты развиваются постепенно, что, чѣмъ далѣе назадъ заглядываемъ мы въ исторію, тѣмъ число ихъ менѣе, тѣмъ черты ихъ неопредѣленнѣе ¹⁾. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что въ старину діалектическія разности были гибче, подвижнѣе, неуловимѣе,—но вмѣсто того, чтобы отъ себя опровергать мысль Гримма, М. Мюллеръ могъ бы ограничиться ссылкой на собственные слова его, сказанныя имъ въ рецензій на грамматику Добровскаго. „Если мы будемъ, говорить Гриммъ, слѣдить за исторіей языковъ изъ столѣтія въ столѣтіе по памятникамъ, то увидимъ, что прежде было больше самостоятельныхъ діалектовъ, чѣмъ нынѣ. Въ вѣкъ Тацита, безъ сомнѣнія, было больше нарѣчій, чѣмъ при Карлѣ Великомъ,—съ Карла же они уменьшались все больше и больше. Въ языкѣ господствуетъ принципъ природы, которому противодѣйствуетъ законъ духовнаго развитія. Какъ только въ одномъ какомъ нибудь нарѣчій начинается разсвѣтъ духовной жизни, тотчасъ эта жизнь овладѣваетъ всѣмъ разнообразіемъ явленій, данныхъ природою. Дикіе народы очень долго могутъ сохранять въ неизмѣнномъ видѣ свои діалектическія разности“ ²⁾. Съ послѣднею мыслью едва ли можно согласиться: сдѣлано множество наблюденій, изъ которыхъ слѣдуетъ заключеніе совсѣмъ другое, именно, что у дикихъ народовъ языки очень быстро измѣняются, дробятся до безконечнаго разнообразія ³⁾, постоянно находясь въ процессѣ діалектическаго роста,—процессѣ, который *въ отдѣльныхъ діалектахъ* можетъ продолжаться въ одно и то же время и притомъ параллельно съ процессомъ звуковаго ограниченія, упадка въ одномъ *господствующемъ нарѣчій*.

Итакъ, кто хочетъ понять прошедшее въ жизни языка, тотъ долженъ постоянно имѣть въ виду существенное различіе между *диалектическимъ индивидуализмомъ* и *диалектическимъ разнообразіемъ*. Моменты эти далеко не сходны между собою и часто находятся въ обратномъ отношеніи другъ къ другу: какъ продуктъ природы, языкъ, взятый во всей совокупности своихъ діалектовъ, представляетъ очень пеструю и въ то же время недостаточно яркую картину діалектическихъ

¹⁾ Лекціи М. Мюллера. 38.

²⁾ Grimm. Klein. Schrift. IV B., 1 Theil, 195.

³⁾ Лекціи М. Мюллера 39—42.

различій,—какъ продуктъ духовнаго развитія народныхъ силъ, онъ является типическимъ органомъ духовной природы народа, выразителемъ его міросозерцанія. Можно говорить о единствѣ какого-нибудь языка въ древнѣйшемъ его состояніи, соединяя съ понятіемъ единства отбѣнокъ этнографической, а не исторической, и, само собою разумѣется, что чѣмъ древнѣе мы беремъ моментъ въ жизни языка, тѣмъ настоятельнѣе необходимость разсматривать его съ этнографической точки зрѣнія. Самъ Срезневскій относитъ начало превращеній въ языкъ къ тому времени, когда окончилось уже развитіе формъ его,—затѣмъ, говоря о праязыкѣ русскомъ, предъ самой эпохой превращеній приписываетъ ему богатство и полноту формъ ¹⁾. Изъ этой вполне вѣрной мысли онъ не сдѣлалъ, впрочемъ, соответствующаго вывода, именно, что въ самомъ проязыкѣ русскомъ были уже зачатки того діалектическаго разнообразія, которое опиралось на этнографическую раздробленность племенъ, говорившихъ этимъ языкомъ. Въ этой недосказанности „мыслей“ заключается, по нашему мнѣнію, причина указанной нами двойственности въ воззрѣніяхъ на отношенія языка русскаго къ древнеславянскому.

Нельзя, однако же, не сознаться, что возстановить эти отношенія въ возможно полномъ и ясномъ видѣ чрезвычайно трудно. По мѣрѣ удаленія отъ настоящаго, этнографическая почва все больше и больше колеблется подъ нами и, наконецъ, совершенно исчезаетъ. Средствъ у насъ мало для того, чтобы возстановить звуковой образъ того языка, которымъ говорили наши предки. Источники у насъ, главнымъ образомъ, письменные,—но они—свидѣтели періодовъ болѣе позднихъ, тѣхъ періодовъ въ жизни языка, когда онъ, подъ вліяніемъ исторической обстановки, шелъ по пути діалектическаго искаженія,—и вотъ почему этотъ позднѣйшій процессъ искаженія мы иногда принимаемъ за процессъ діалектическаго роста. Намъ кажется, что черты мѣстныхъ нарѣчій *возникли* позже, тогда какъ они *появились* въ письменности позже. Да если осмотрѣться, какъ слѣдуетъ, то и въ письменности отдѣльныя черты, по видимому, позднѣйшихъ формаций неожиданно пробиваются совсѣмъ не въ урочное время. Такъ, въ Супрасл. рукоп. мы встрѣчаемъ позднѣйшую малорус. форму *були* (*мѣжа бѣзъ були*

¹⁾ Срезн. „Мысли.“ 22.

мои сынъ) в м. древпеслав. *была* ¹⁾),—въ Пелопидской псалтири (XII в.) не менѣе позднюю тоже малорус. форму *що* в м. *что* (*рекъ Иода що ми хочете дати*) ²⁾),—въ Святосл. сборникѣ 1073 г. околч. прошедшаго времени *въ* в м. *ль* (*уже третие ѣ дасъ*) ³⁾),—встрѣчаемъ, наконецъ, во многихъ памятникахъ, начиная съ XI в., прошедш. на *ль* безъ вспомогат. глагола ⁴⁾). Данныхъ въ этомъ родѣ можно-бы было привести много, но для нашей цѣли довольно и тѣхъ, на которыя мы указали. Мы далеки отъ всякаго намѣренія доказывать ими, что уже въ XI в. вполне сложились черты нарѣчій, которымъ они соответствуютъ. Мы желаемъ только поставить на видъ то обстоятельство, что нѣкоторыя изъ этихъ чертъ существовали уже въ XI в. и что, поэтому, въ виду предполагаемаго въ XI в. сугубаго единства въ составѣ и строѣ русскаго языка, не слѣдуетъ игнорировать несомнѣнно господствовавшей въ немъ въ то время этнографической розни: Ламанскій предполагаетъ, что уже въ XI в. обнаружилось главнѣйшее отличие великорусскаго нарѣчія отъ малорусскаго ⁵⁾). Въ какой степени это вѣроятно или нѣтъ, мы увидимъ впослѣдствіи,—теперь же не можемъ не согласиться съ его общимъ замѣчаемъ, что предполагаемый формальный строй славянс. языка началъ колебаться не съ конца XIII или съ начала XIV в., а съ XI—X в.: доказывается это разнообразіемъ окончаній въ древнѣйшихъ памятникахъ для одной и той же формы, съ другой стороны, сходствомъ окончаній для разныхъ формъ. Ламанскій приводитъ изъ разныхъ памятниковъ множество фактовъ такого рода ⁶⁾). Да и самъ Срезневскій, приурочившій переходное состояніе славянскихъ нарѣчій къ XIII—XIV в. ⁷⁾), въ позднѣйшихъ работахъ своихъ выразилъ убѣжденіе, что уже въ самыхъ древнихъ памятникахъ юсоваго письма (XI—XII в.) встрѣчаются, и притомъ въ огромномъ количествѣ, слѣды разныхъ славянскихъ нарѣчій ⁸⁾). Даже

¹⁾ О нѣкотор. слав. рукоп. въ Бѣлгр. Загребѣ и Вѣнѣ. Ламанск. 42.
Ibid. 49.

²⁾ Ibid. 68.

³⁾ Ibid. 65—67.

⁴⁾ Ibid. 80.

⁵⁾ Ibid. 44—45.

⁷⁾ „Мысли“ Срезн. 32.

⁸⁾ Древн. пам. юсов. пис Срезн. 167.

въ Остроміровомъ евангеліи есть описки не только русскаго, но и юго-западнаго происхожденія ¹⁾. Ту же діалектическую мозаику можно наблюдать во всѣхъ древнѣйшихъ памятникахъ юсоваго письма.

Замѣчательныя открытія въ этой области сдѣланы Срезневскимъ. Онъ привелъ въ извѣстность множество данныхъ, сюда относящихся, и, что всего важнѣе, объективно поставилъ ихъ, нисколько не затрудняясь тѣмъ обстоятельствомъ, что они не совсѣмъ подтверждаютъ мысли его объ отношеніи русскаго языка въ древнеслав., высказанныя гораздо раньше („Мысли“ напечатаны въ 1850 г., Памятники юсоваго письма въ 1868 г.). Въ самомъ дѣлѣ, едва-ли можно теперь, послѣ изслѣдованій Срезневскаго, утверждать, что въ то время, когда писаны были „поученія Иларіона“, „Русская правда“, „Духовная Мономаха“, „Слово о полку Игоревомъ“ и проч., народный языкъ не отличался отъ книжнаго ²⁾. — едва-ли можно, съ другой стороны, простирать сходство древнеслав. языка съ древнерусскимъ до тѣхъ границъ, которыя отмѣтилъ Срезневскій. Самъ онъ въ примѣчаніяхъ къ изданнымъ памятникамъ рѣшительно высказывается въ пользу самобытнаго, чуждаго всякой, даже русской примѣси, славянс. языка. Онъ находитъ, что памятниковъ, въ которыхъ сохранился бы чистый славянскій языкъ очень немного, что даже тамъ, гдѣ посовыя гласныя не исчезли, какъ онѣ исчезли у Русскихъ и у Сербовъ, издавна былъ употребляемъ языкъ *не чисто-славянскій*, но смѣшанный съ особенностями народнаго говора, и притомъ не одного, но нѣсколькихъ различныхъ ³⁾. Что это за *чистый славянскій языкъ*?—Сколько намъ извѣстно, въ наукѣ давно утвердилось то мнѣніе, что съ самаго того времени, какъ Кириллъ и Меѳодій начали переводить евангеліе, можно говорить не о чисто-славянскомъ языкѣ, а только объ одномъ нарѣчій, которое избрали они для перевода. Гораздо болѣе разногласія между учеными въ вопросѣ о томъ, какое было это нарѣчіе. Одни считаютъ его иллиро-словинскимъ, другіе—македоно-болгарскимъ, нѣкоторые, наконецъ, русскимъ. Не говори о Погодинѣ, который, въ качествѣ историка, легко могъ сдѣлать лингвистическую ошибку, ее повторяютъ даже ученые, не чуждые филологической спеціальности. Такъ, Сухомлиновъ

¹⁾ Ibid. 176—184.

²⁾ „Мысли“ Срезневск. 95—96.

³⁾ Предисл. къ памятн. юс. пис. 1.

думаетъ, что если и было различіе между древнерус. книжнымъ и разговорнымъ языкомъ, то оно „выразилось не въ употребленіи двухъ различныхъ, хотя и соплеменныхъ языковъ, а въ образованіи двойкаго слога одного и того же языка“¹⁾. Мы затрудняемся понять это мнѣніе: оно какъ будто-бы и признаетъ два различныя, хотя и соплеменные языка, и отрицаетъ ихъ. Виной этой путаницы въ понятіяхъ, повторяемъ, былъ Срезневскій, который самъ въ прежнее время высказывалъ мнѣнія объ отношеніи русскаго языка къ славянскому недостаточно устойчивыя и опредѣленныя. Теперь онъ ищетъ *чистаго славянскаго языка*, совершенно устраняя изъ своихъ ученыхъ соображеній вопросъ о томъ, на какое нарѣчіе переведены были священныя книги. По всему видно, что подъ *чистымъ славянс. языкомъ* онъ разумѣетъ такой языкъ, который можно было бы возстановить изъ древнѣйшихъ памятниковъ. Наиболѣе близкими памятниками къ чистому славянскому типу онъ считаетъ Остромирово евангеліе, Чудовскую псалтирь, Изборникъ 1073, Сборникъ 13 словъ Григорія Назіанзина, Евгеніевскую псалтирь и Туровское евангеліе. Все это памятники XI в. Въ нихъ, по мнѣнію Срезневскаго, въ наибольшемъ количествѣ сохранились идеальныя черты предполагаемаго нами абстрагированнаго славянскаго языка,—но это уже, очевидно, не тотъ языкъ, который представляетъ какую бы то ни было діалектическую примѣсь. Предметъ изысканій Срезневскаго—праязыкъ славянскій.

Отъ нашей специальной задачи мы перешли вмѣстѣ съ Срезневскимъ на ту отдаленную и вмѣстѣ подвижную почву, на которой чрезвычайно трудно заложить какія нибудь прочныя основы. Мы и не думаемъ, впрочемъ, пускаться въ изслѣдованіе одного изъ самыхъ трудныхъ вопросовъ въ области славянскаго языковѣданія,—вопроса о праязыкѣ славянскомъ. Мы хотѣли бы только, въ такой мѣрѣ, въ какой это необходимо для нашего изслѣдованія о малорус. нарѣчій, точнѣе опредѣлить идею праязыка вообще и въ частности праязыковъ славянскаго и русскаго.

Прежде всего считаемъ нужнымъ заявить, что теорія діалектискаго роста ничуть не находится въ противорѣчій съ идеей праязыка, будемъ ли мы разумѣть праязыкъ всего арійскаго племени, или же

¹⁾ Учен. зап. Ак. Наукъ, кн. 1. 250

праязыкъ отдѣльныхъ семействъ внутри этого племени. „Періоды возрастанія языка, говоритъ М. Мюллеръ, начинаются и идутъ параллельно съ исторіей человѣчества“ ¹⁾. Но понятно, что начальные періоды возрастанія далеко не то, что позднѣйшіе. Съ теченіемъ времени процессъ возрастанія измѣняется, главнымъ образомъ, въ томъ отношеніи, что первоначальное разнообразіе становится ярче, выпуклѣе, объективнѣе. Охотно соглашаемся, что среди племенъ, которыя не развѣтвились еще на отдѣльныя группы, не восприняли еще всего разнообразія климатическихъ и историческихъ впечатлѣній, создающихъ отдѣльные типы, могло сохраняться въ теченіе нѣкотораго времени сходство возрѣній, а слѣдовательно, и въ строѣ самаго языка—общій колоритъ. Но не нужно забывать, что этотъ доисторическій моментъ праязыка, хотя бы и славянскаго, не могъ быть продолжительнымъ. При той подвижности населенія, которою отличаются племена, не заложившія въ странѣ прочныхъ основъ культуры, подрѣвленной грамотностію, нельзя ожидать устойчивости, необходимой для того, чтобы могло поддерживаться традиціонное единство въ образѣ жизни, въ міросозерпаніи и языкѣ. Нечего и говорить уже о томъ, что съ самаго того момента, какъ дошли до насъ первыя извѣстія о Славянахъ, они уже являются предъ нами народомъ многочисленнымъ, разбросаннымъ на огромныхъ пространствахъ,—народомъ, у котораго „болота и лѣса, по свидѣтельству Юрналда, замѣняютъ города“ ²⁾, котораго народное имя Сербы (*сироби*) Прокопій объясняетъ тѣмъ, что они жили разсѣянно ³⁾. Кому неизвѣстно, что первые лучи исторіи освѣщаютъ намъ великое славянское племя въ состояніи раздробленности на отдѣльныя группы, подъ управленіемъ мѣстныхъ князей, которымъ они плохо повинуются? Нѣтъ никакого сомнѣнія, что этотъ строй жизни установился не въ то время, когда византійскіе и арабскіе писатели начали говорить о славянахъ, что онъ господствовалъ задолго до появленія первыхъ историческихъ извѣстій объ этомъ племени. Вотъ почему мы не можемъ питать никакихъ надеждъ на восстановленіе славянскаго праязыка въ его, такъ сказать, реальной обстановкѣ.

Что же такое праязыкъ вообще не въ смыслѣ научной абстра-

¹⁾ Лекціи по наукѣ о яз. М. Мюллера. 51,

²⁾ Сказ. иностр. о славянахъ. Макушева. 108.

³⁾ Ibid. 108.

вці, болѣе или менѣе произвольно составляемой изъ элементовъ сходства между родственными языками, а въ смыслѣ живой дѣйствительности, которую во всякомъ случаѣ мы должны допустить хотя - бы и за предѣлами положительныхъ данныхъ исторіи? Съ идеей праязыка въ его живомъ, конкретномъ значеніи мы соединяемъ *полноту* и *разнообразіе* звуковъ и формъ вмѣстѣ съ подвижностію и, такъ сказать, текучимъ, живымъ характеромъ ихъ. Нельзя представить себѣ праязыкъ недостаточнымъ, неполнымъ, какъ съ фонетической стороны, такъ и со стороны формальной. Если мы желаемъ выводить изъ него позднѣйшіе языки, то должны предположить въ немъ такіе зачатки, изъ которыхъ впоследствии образовались индивидуумы въ видѣ отдѣльныхъ нарѣчій. Съ другой стороны, въ разнообразіи первичныхъ элементовъ заключалось условіе цѣльности основнаго строя: разнообразіе представляло множество точекъ соприкосновенія между діалектическими побѣгами роста, именно въ силу того, что звуковыя явленія рѣзко еще не обособились. Пока не воспослѣдовало рѣзкихъ перемѣнъ въ жизни, которыя повлекли за собою переворотъ въ міросозерцаціи первичнаго племени, до тѣхъ поръ предполагаемыя нами точки сходства, основанныя на богатствѣ и разнообразіи звуковыхъ отгѣнковъ, давали діалектическимъ отгѣпкамъ единство типа, скрѣпляли его живымъ чувствомъ племеннаго родства. Въ праязыкѣ мы предполагаемъ живую игру звуковыхъ красокъ, не ярко отгѣненныхъ еще одна отъ другой, но незамѣтными, колеблющимися тѣнями впадающихъ одна въ другую. Процессъ діалекческаго роста, накопляя массу новыхъ отгѣнковъ, все болѣе и болѣе раздвигаетъ этнографическія границы первичнаго племени и первичнаго языка, пока, наконецъ, въ одномъ изъ діалектовъ не пробьется новая струя самосознанія, возбужденной работы духа, стремящагося овладѣть окружающею дѣйствительностію. Тогда начинается перебой нѣкогда общихъ понятій въ отдѣльныя міросозерцаціи, праязыка — въ отдѣльныя нарѣчія. Съ этого момента наступаетъ индивидуализмъ на мѣсто первичнаго неустойчиваго многообразія. Оно мало-по-малу ослабѣваетъ по мѣрѣ того, какъ формы становятся однообразнѣе и исключительнѣе, наклоняясь въ ту или другую сторону звуковаго подбора. При всемъ этомъ, діалекты, начавшіеся еще въ періодъ праязыка, продолжаютъ свой ростъ, независимо отъ историческаго теченія, охватившаго одинъ изъ нихъ. Иногда случается, что, вслѣдъ за передовымъ діалектомъ, раньше вступившимъ на историче-

скій путь, поднимается другой, затѣмъ третій и т. д. Такъ именно случилось, въ силу исторической обстановки, съ славянс. нарѣчіями.

Въ такихъ чертахъ рисуется намъ идея праязыка..... Если намъ желательно дать ей вѣроятность нѣкогда существовавшаго факта, то мы должны устранить изъ своихъ понятій представленіе о неподвижномъ единообразіи предполагаемаго нами праязыка. Въ общемъ ему не чужда была известная типичность, въ подробностяхъ онъ представлялъ діалектическую смѣсь звуковъ и формъ. Обѣ эти черты, дополняя одна другую, неразрывно связаны съ идеей праязыка, такъ что отсутствіе какой нибудь изъ нихъ уничтожаетъ самую возможность представить себѣ то, что въ наукѣ называется праязыкомъ.

Спрашивается, былъ ли моментъ, соединяемый съ идеей праязыка, для русскихъ нарѣчій? Былъ ли праязыкъ русскій?

Судя по аналогіи съ другими языками, слѣдуетъ предположить моментъ общерусскій—такой моментъ, въ которомъ, рядомъ съ діалектической пестротой русскихъ нарѣчій въ ихъ первоначальномъ видѣ, существовала типическая близость между ними въ основныхъ чертахъ.

Не такъ легко отвѣтить на другой вопросъ: къ какому времени относится общерусская эпоха языка, т. е. составляетъ-ли она доисторическую давность или же историческую?

Полагать надобно, что съ того времени, какъ восточные славяне, населившіе русскую равнину, начали входить между собою во взаимныя соглашенія для общихъ предпріятій, между ними должны были зародиться зачатки такого языка, который служилъ бы посредствующимъ органомъ для выраженія общихъ интересовъ. Такимъ образомъ, повидимому, должно было нарушиться діалектическое равновѣсіе, соединенное съ идеей праязыка. Съ другой стороны, задолго еще до эпохи Владиміра, когда утвердилось на Руси христіанство съ своимъ неизбѣжнымъ спутникомъ—письменностію, задолго даже до той эпохи, съ которой, обыкновенно, начинаютъ русскую исторію, русскія племена находились въ постоянныхъ сношеніяхъ съ образованными сосѣдями—византійцами и арабами, а это выводило ихъ изъ тѣсной сферы непосредственныхъ интересовъ на общій путь взаимодѣйствія, что, конечно, должно было отразиться и въ міросозерцаніи, и въ языкѣ ихъ. О письменахъ у русскихъ упоминаютъ уже арабскіе историки, а въ IX в., по свидѣтельству панноцскаго житія, Св. Кириллъ нашелъ въ Корсупи свангеліе и псалтирь *„Русьскы письмены писано, и челоутка обрѣтъ гла-*

волюща тою бестдою 1)“.... Что это была за бесѣда, какія были это письма, мы не знаемъ,—можно предполагать только, что среди русскихъ племень, до начала русской исторіи, существовала уже потребность дать текучей рѣчи болѣе устойчивое, письменное выраженіе. Затѣмъ, въ историческое уже время мы имѣемъ рядъ договоровъ кievской Руси съ греками, но языкъ договоровъ есть смѣсь русскаго, старославянскаго и греческаго. Притомъ самые договоры, вставленные въ начальную лѣтопись, дошли до насъ въ редакціи XIV—XV в., поэтому мы не имѣемъ никакой возможности опредѣлить черты современнаго имъ языка русскаго. Отсутствіе въ договорахъ весьма обычныхъ въ древнерус. языкѣ терминовъ (*вира, послухъ, лице, разбои, холопъ, рядъ, гривенна* и проч.),—съ другой стороны, изобиліе въ нихъ славянскаго элемента—все это заставляетъ думать, что въ X в., послѣ того какъ изобрѣтеніе Кирилла и Меодія такъ прочно привилось въ Болгаріи, готовый образецъ письменнаго языка началъ распространяться и среди русскихъ племень, и притомъ не для однихъ религиозныхъ цѣлей. Само собою разумѣется, что тамъ, гдѣ дѣло касалось религіи, языкъ перевода священныхъ книгъ былъ еще болѣе обязательенъ. Первые кievскіе христіане, безъ сомнѣнія, употребляли въ дѣлахъ вѣры славянск. языкъ. Объ эпохѣ Владиміра, когда христіанству, вмѣстѣ съ славянскою письменностью, открытъ былъ широкій просторъ въ русской землѣ, и говорить нечего: не было ни надобности, ни возможности русскимъ славянамъ создавать особую письменность собственно для русскаго языка, когда существовала готовая, вполне приспособленная для выраженія высшаго порядка идей, письменность, поддерживаемая высокимъ авторитетомъ христіанства.

Что же случилось съ русскимъ языкомъ? Мы указали на едва мерцающіе проблески самосознанія въ первыхъ попыткахъ, можетъ быть, независимо отъ славянскаго образца, записать устную рѣчь,—указали на сомнительное преданіе о евангеліи и псалтири русской,—но этихъ фактовъ слишкомъ недостаточно для того, чтобы допустить въ ту отдаленную эпоху среди русскихъ племень появленіе такого нарѣчія, которое выступало бы изъ ряда другихъ съ преобладающимъ значеніемъ въ культурной роли по отношенію къ другимъ нарѣчіямъ. Чтобы ни говорили защитники прадавней культуры русской на берегахъ Днѣпра

1) Изв. Ак. X. 1. 3.

и Чернаго моря ¹⁾,—они не въ состояннн дать ей сколько-нибудь осязательный образъ, значеніе не подлежащаго сомнѣнію факта. Такія явленія, какъ человѣческія жертвы, происходившія у полянъ на памяти исторіи въ X в., должны были бы предостеречь насъ отъ всякой идеализаціи славянорусскаго быта въ VIII—IX в. Разрозненность составляла основную черту его. Правда, однообразная равнина, на которой поселились русскія племена, не позволяла имъ отклониться отъ общаго типа,—но не забудемъ, что эта равнина изобиловала густыми, непроходимыми лѣсами гораздо въ большей степени, чѣмъ въ наше время, и если въ лѣсной глуши и теперь еще недостатка нѣтъ, то въ старину и подавно. Главными продуктами древнерусской торговли, какъ извѣстно, были звѣринныя шкуры, медъ и воскъ—произведенія лѣсной страны. Главнымъ богатствомъ предковъ нашихъ испоконъ вѣку были борти да бобровые гонимы. Дремушіе лѣса производили у насъ до извѣстной степени то же влияние, какъ въ другихъ краяхъ горы, т. е. содѣйствовали племенной розни, племенной обособленности и въ бытѣ, и въ языкѣ. Съ другой стороны, русская равнина отовсюду открыта была постороннему влиянію. На сѣверозападѣ русскія племена жили въ содѣйствіи съ норманнами, на сѣверовостокѣ съ финскими народами, на юговостокѣ и югѣ съ татарскими народами, на западѣ съ литовцами; такое разнообразіе инородческихъ влияній не могло содѣйствовать уравненію нарѣчій. Наконецъ, нужно полагать, что самые моменты разселенія восточныхъ славянъ въ русскую равнинѣ были различны: не всѣ же разомъ двинулись они изъ первоначальной своей родины, не всѣ разомъ осѣлись на занятыхъ ими мѣстахъ. Радимичи и витичи позже всѣхъ врѣзались въ средину русскихъ племенъ и, безъ сомнѣнія, представляли этнографическую разновидность, которая не скоро утратила свои первобытныя черты. Исторія застасть уже среди русскихъ славянъ установившуюся земледѣльческую осѣдлость, но рядомъ съ полянами—земледѣльцами жили древяне не меньше звѣроловы, какъ и земледѣльцы. Преданіе, занесенное въ начальную лѣтопись, гласитъ, что по смерти Кія съ братьями, поляне „быша обидимы Древянами“. Очевидно, земледѣльческие центры долго окружены были болѣе подвижными группами звѣролововъ и пастуховъ. Постепенно притягивая къ себѣ бродячіе элементы, они сами, безъ сомнѣнія, тѣмъ

¹⁾ О мнѣномъ призывѣ Варяговъ. Иловайск. Рус. В. 1871, Ноябрь.

болѣ терпѣли отъ сосѣдства съ послѣдними, чѣмъ были моложе въ раннюю пору своего образованія. Среди полянъ въ незапамятную эпоху образовался центральный пунктъ соединенія для всего племени, но до появленія Олега въ Кіевѣ, мы не видимъ, чтобы этотъ первоначальный центръ русской жизни оказывалъ замѣтное вліяніе на судьбу другихъ племенъ. Какъ ни были не сходны между собою этнографическія величины, составлявшія группу славяно-русскихъ племенъ, но ни одна изъ нихъ не имѣла значительнаго преобладанія надъ другими: каждое племя имѣло „*свои обычаи, и законъ отецъ своихъ, и преданія, кождо свой нравъ* 1)“.

Такимъ образомъ, какъ въ жизни, такъ и въ языкѣ тѣхъ племенъ, которыя заняли русскую равнину, мы должны признать два противоположныя теченія. Съ одной стороны, мѣстность, занятая ими, никогда не представляла на столько рѣзкихъ границъ, чтобы онѣ были не переходимы для бродячихъ элементовъ, особенно живучихъ во всякую первобытную эпоху: отсюда шло центростремительное теченіе, которое поддерживало во всей группѣ русскихъ племенъ сходство въ основныхъ чертахъ восточно-славянскаго типа. Съ другой стороны, въ характерѣ той же мѣстности, которая совсѣмъ не чужда была своеобразныхъ полосъ, отдѣлявшихъ одинъ край отъ другаго, а равно и въ другихъ подробностяхъ бытовой обстановки, заключались условія обратнаго, центробѣжнаго теченія, которое содѣйствовало сохраненію этнографическихъ особенностей, не исчезнувшихъ и донинѣ. Языкъ, лучшій выразитель жизни, долженъ былъ представлять ея же собственныя черты, т. е. сходство въ основномъ строѣ и диалектическое разнообразіе въ подробностяхъ.

Былъ ли это тотъ моментъ, который соотвѣтствуетъ идеѣ праязыка? Былъ ли это праязыкъ русскій?

Мы не можемъ представить его себѣ въ иномъ видѣ, съ иными чертами, помимо тѣхъ, на которыя указали сейчасъ. Не форменное однообразіе составляло характеристическую особенность его, а та широкая полнота звуковъ и формъ, которая вмѣщала въ себѣ всѣ диалектическія разновидности. Конечно, это былъ единый языкъ по основному тяготѣнію его элементовъ къ тѣмъ или другимъ особенностямъ всего цѣлостно представляемаго типа, но это было единство непосред-

1) Лавр. сл. 6.

ственной силы, далеко не подчинившейся еще принципу духовнаго развитія, слѣдовательно, оно не исключало діалектическаго разнообразія. Въ праязыкѣ русскомъ, какъ и во всякомъ праязыкѣ, не мыслимо, по нашему мнѣнію, разнообразіе, лишенное центра, — точно такъ же не мыслимъ центръ безъ разновидностей, для которыхъ онъ служить центромъ. Признавая то и другое въ отдѣльности, а не вмѣстѣ, мы логически исключаемъ какъ то, такъ и другое.

Что касается хронологическихъ границъ, которыя бы опредѣляли эпоху праязыка русскаго, то само собою понятно, что строго отмѣтить ихъ нѣтъ никакой возможности. Съ одной стороны, онѣ уходятъ въ недосигаемую для ученаго изслѣдованія доисторическую даль, съ другой стороны, сталкиваются на разныхъ пунктахъ и не въ одно время съ фактомъ прінятія чужой образованности и письменности, фактомъ, который повлекъ за собою рѣшительныя превращенія въ строе жизни и языка. Вотъ почему мы отказываемся установить сколько нибудь точныя хронологическія рамки для русскаго праязыка. Мы называемъ этотъ языкъ *общерусскимъ* языкомъ, разумѣя подъ нимъ всю совокупность элементовъ и формъ, лежащихъ въ основѣ всѣхъ русскихъ нарѣчій. Само собою понятно, что мы говоримъ только о коренныхъ элементахъ и формахъ, а не о тѣхъ, которыя видоизмѣнились въ потокѣ историческихъ превращеній. Если бы въ современныхъ рамъ русскихъ нарѣчійхъ отдѣлены были всѣ позднѣйшія наслоенія, если бы черты, образовавшіяся съ теченіемъ времени, возведены были къ ихъ первообразу, мы получили бы идеальную норму общерусскаго языка. Къ сожалѣнію, въ этомъ направленіи дальше идеи единства наука наша не двинулась впередъ, а о томъ, въ чемъ заключалось это единство, до какой границы оно продолжалось и гдѣ начиналось разнообразіе, до сихъ поръ мало думали. Нужно же, наконецъ, дать себѣ отчетъ въ томъ, каково было это первобытное единство въ языкѣ. Прежде всего это было единство лексическое, единство матеріала, изъ котораго построены языкъ, т. е. корней его, на сколько въ нихъ выражается основное міросозерцаніе всего племени. Затѣмъ слѣдуетъ допустить единство въ синтаксическихъ формахъ, въ способахъ построенія фразы, въ тонѣ и колоритѣ стилистическихъ приѣмовъ, обусловленныхъ, какъ извѣстно, единствомъ эпическаго воззрѣнія. Гораздо подвижнѣе морфологія языка: она отличалась единствомъ лишь на столько, на сколько служила потребностямъ первобытной мысли. Что касается до звуковой стороны языка,

то здѣсь мѣра единства опредѣляется, главнымъ образомъ, динамическими отношеніями звука къ тѣмъ или другимъ этимологическимъ формамъ, въ которыя отливалоcь первобытное міросозерцаніе. Но далеко нельзя того же сказать о звукѣ, какъ проявленіи эвфонической потребности, которая, нужно сказать, съ теченіемъ времени развивается въ языкѣ по мѣрѣ того, какъ динамическое значеніе звука постепенно забывается. Здѣсь уже въ самую раннюю пору, въ первичную эпоху жизни языка, не могло быть единообразія. Въ подвижной области звука происходятъ самыя живыя движенія, которыя, въ связи съ позднѣйшими переворотами въ умственной жизни первобытныхъ племенъ, оказываютъ самое рѣшительное вліяніе на весь организмъ языка. Въ такой неразрывной градаціи идутъ элементы сходства и разнообразія въ составѣ и строѣ первоначальныхъ языковъ, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что задача науки была бы выполнена одностороннимъ образомъ, если бы въ ней обращено было вниманіе только лишь на одно сходство. Не споримъ, что на такомъ отдаленномъ отъ насъ разстояніи трудно приблизить къ себѣ черты различія, трудно уловить дѣйствительный звукъ, очень часто замаскированный древнимъ правописаніемъ. Въ письменныхъ памятникахъ мы имѣемъ дѣло съ буквой, которая не всегда соотвѣтствовала звуку. Но есть другое средство для возстановленія первобытныхъ звуковъ: это современные говоры, въ которыхъ задержались глубокіе архаизмы, хотя не такъ легко отличить въ нихъ то, что существовало въ древнѣйшемъ состояніи языка, отъ того, что появилось въ немъ позже,—не легко опредѣлить въ немъ эпохи звуковыхъ наслоеній. Какъ письменный, такъ и устный матеріалъ, сами по себѣ, отдѣльно взятые, не ведутъ къ цѣли. Единственный путь здѣсь обоюдная повѣрка одного матеріала другимъ. Ошибки и на этомъ пути, конечно, возможны, но, по нашему мнѣнію, лучше чрезъ рядъ ошибокъ придти къ истинѣ, нежели коснѣть въ однообразномъ повтореніи общихъ мѣствъ, недостаточно провѣренныхъ фактами.

Отъ этого *общерусскаго* языка мы отличаемъ такъ называемый *древнерусскій* языкъ. На первый мы смотримъ, какъ на произведеніе природы, созданное подъ непосредственнымъ ея вліяніемъ, какъ на бессознательный органъ того міросозерцанія, которое закладывалось въ темную эпоху доисторической жизни вмѣстѣ съ основами народности и затѣмъ уже явилось въ первую эпоху исторіи готовымъ, какъ бы извнѣ даннымъ фактомъ. Языкъ древнерусскій есть продуктъ ис-

тории, которая положила на него рѣзкую печать опредѣленнаго времени, опредѣленныхъ вліяній культурной жизни, есть искусственный органъ, созданный передовой мыслью русскихъ людей. Очевидно, различіе между этими языками зависитъ, главнымъ образомъ, отъ той точки отправленія, съ которой каждый изъ нихъ идетъ въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи,—но при всемъ этомъ отдѣльныя линіи ихъ движенія часто соприкасаются между собою, образуя иногда неразрывную сѣть взаимно переплетающихся вліяній. Задача науки состоитъ въ томъ, чтобы распутать эту живую ткань языка, созданную органическимъ ростомъ самой жизни, чтобы отдѣлить въ немъ составные элементы, изъ которыхъ сложилось одно цѣлое. Тутъ идея единства не разъясняетъ, а только маскируетъ дѣло. Намъ нужно знать, какого рода было это единство? Въ какую пору жизни языка между элементами книжнымъ и народнымъ было больше сходства и различія? Къ чему привело обоюдное вліяніе одного языка на другой? Былъ ли когданибудь такъ слабъ культурно-книжный языкъ, что допустилъ рядомъ съ собою самостоятельное развитіе какого-нибудь нарѣчія,—или же онъ всегда побѣдоносно сдерживалъ нарѣчія отъ всякой попытки къ индивидуализму? Не представляетъ ли, наконецъ, этотъ языкъ самъ въ себѣ нѣсколькихъ отдѣльныхъ типовъ, образовавшихся подъ вліяніемъ слагавшейся типичности нарѣчій? Вотъ вопросы, на которые должна отвѣчать исторія русскаго языка, если она желаетъ быть дѣйствительной исторіей, а не механическимъ складомъ растасованныхъ по вѣкамъ фактовъ древнерусской письменности.

Мы не беремся отвѣчать съ полною научною аргументаціей на все поставленные нами вопросы, потому что не считаемъ посильнымъ для себя трудомъ написать исторію русскаго языка въ широкомъ значеніи этого серьезнаго слова. Мы задались болѣе скромною цѣлію, по мѣрѣ возможности, содѣйствовать ея успѣхамъ разъясненіемъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія на основаніи живыхъ современныхъ говоровъ его, а также памятниковъ русской письменности съ XI в. до XVII включительно. Но, затрогивая этотъ спеціальнй вопросъ, мы поневолѣ должны были коснуться многого, что не входитъ непосредственно въ предѣлы нашей задачи. Мы должны были установить свои понятія о праязыкѣ вообще и русскомъ праязыкѣ въ частности, имѣя въ виду, что неясное, неогчетливое понятіе объ исходномъ пунктѣ, съ котораго началась исторія русскихъ нарѣчій, повлечетъ за собою пу-

таницу въ воззрѣніяхъ на позднѣйшія превращенія въ ихъ строѣ. Теперь, прежде чѣмъ перейдемъ въ самому дѣлу, соберемъ въ одно цѣлое всѣ выводы, которые можно сдѣлать на основаніи предшествующихъ соображеній.

Основное наше положеніе состоитъ въ томъ, что праязыкъ русскій, рядомъ съ наклопеніемъ звуковъ въ извѣстномъ, общерусскомъ направленіи, заключалъ въ себѣ зачатки той діалектической розни, которая послужила основаніемъ дальнѣйшимъ діалектическимъ обособленіемъ. Слѣдовательно, въ немъ самомъ параллельно шли два процесса: на сколько въ немъ было индивидуальныхъ особенностей, возросшихъ до типичности, онъ представлялъ, сравнительно съ праязыкомъ славянскимъ, моментъ фонетическаго упадка, искаженія, или же, какъ выражается Потебня, перерожденія: на сколько ему не чуждо было діалектическое разнообразіе, онъ шелъ по пути діалектическаго роста. Тѣ же самыя процессы перешли и въ сферу русскихъ нарѣчій. Въ разныхъ мѣстахъ русскаго міра, образовавшагося, какъ извѣстно, изъ славянскихъ племенъ восточнаго типа, различныя діалектскія особенности русскаго праязыка мало-по-малу спеціализировались, постепенно принимая болѣе и болѣе опредѣленныя краски. Индивидуализація русскихъ нарѣчій, если будемъ разсматривать ее съ точки зрѣнія русскаго праязыка, выражаетъ моментъ звуковаго упадка его, но пока элементы его находились въ равновѣсіи, пока индивидуальные особенности нарѣчій не установились окончательно, внутри ихъ происходилъ процессъ роста, размноженія. Такъ, рука - обѣ - руку идутъ оба эти процесса, измѣняя только мѣсто дѣйствія или, лучше сказать, развиваясь въ сферѣ отдѣльныхъ индивидуумовъ..... Трудно опредѣлить со всею точностію преемственность моментовъ, въ которыхъ сталкивается тотъ и другой процессъ: моментъ діалектическаго роста незамѣтно сливается съ моментомъ діалектической концентраціи. Выводъ изъ всего этого для малорусскаго нарѣчія тотъ, что оно слагалось постепенно, повинаясь неотразимымъ законамъ діалектическаго упадка, и что, слѣдовательно, нельзя переносить всѣхъ современныхъ особенностей его въ эпохи слишкомъ отдаленныя, — нельзя, съ другой стороны, древнѣйшіе элементы его объяснять позднѣйшими превращеніями. Нѣкоторые изъ этихъ элементовъ, и донинѣ сохранившихся въ древнѣйшихъ говорахъ малорусскаго нарѣчія, можно считать остатками

общерусской эпохи, и въ этомъ случаѣ они совпадаютъ съ моментами діалектическаго роста въ самомъ праязыкѣ русскомъ.

Что касается до письменныхъ памятниковъ, то и въ нихъ задержались отчасти архаизмы этого рода, но гораздо больше въ письменности позднѣйшихъ слѣдовъ діалектическаго упадка, указывающихъ съ большею или меньшею ясностію на обособленность русскихъ нарѣчій. Самый языкъ древнерус. письменности есть произведеніе искусственное въ полномъ смыслѣ этого слова. Если имѣть въ виду славянскіе переводы богослужебныхъ книгъ, которыя явились на Руси вмѣстѣ съ христіанствомъ, можетъ быть, задолго до Владиміра, то это былъ даже не древнерусскій, но именно древнеславянскій языкъ, принявшій въ себя не мало элементовъ изъ разныхъ славянскихъ нарѣчій прежде, чѣмъ сдѣлался среди русскихъ славянъ языкомъ церкви. Къ этому языку нужно было привыкнуть, чтобы безъ затрудненій понимать его, — ему нужно было учиться, чтобы свободно владѣть имъ, — учиться, конечно, практическимъ образомъ — такъ, какъ учились наши предки, посредствомъ, какъ они выражались, *почитанія книжнаго*. Плодомъ этого ученія была древнерусская христіанская образованность, представителями которой были преимущественно лица духовныя. Они то собственно и создали письменный древнерусскій языкъ. Понятно, что въ основу его они не могли положить народнаго языка, но должны были положить опять — таки языкъ славянскій. Съ нимъ они сроднились въ церковномъ употребленіи, на немъ они привыкли думать о высокихъ задачахъ жизни по идеалу новому, христіанскому, онъ соотвѣтствовалъ ихъ религіозно-нравственному настроенію, которое проводили они въ своихъ сочиненіяхъ. Вотъ почему славянскій языкъ пользовался въ ихъ глазахъ высокимъ авторитетомъ, и не могли они не отдать ему предпочтенія предъ языкомъ народнымъ, отъ котораго вѣяло предковскимъ духомъ враждебнаго имъ язычества, который, съ другой стороны, самую діалектическою раздробленностію своею не внушалъ къ себѣ довѣрія. Говорятъ намъ, что древнимъ нашимъ писателямъ не легко было отказаться отъ народнаго материнскаго языка даже въ сочиненіяхъ важнаго, духовнаго содержанія. Не споримъ: въ поученіяхъ и проповѣдяхъ древнерусскихъ писателей уцѣлѣли драгоцѣнные обломки народности, на которые до сихъ поръ у насъ не обращено надлежащаго вниманія. Безъ этого вторженія народнои стихіи въ ихъ благочестивыя писанія нечего было бы и причислять ихъ къ произведеніямъ

древнерусскимъ, но мы именно оставляемъ за ними это названіе, не смотря на ихъ основу славянскую. По мѣрѣ удаленія авторской мысли отъ предметовъ христіанскаго благочестія, народныя элементы рѣчи заявляютъ себя сильнѣе и сильнѣе: такъ, въ начальной лѣтописи ярко пробиваются черты народности и въ міросозерцаніи, и въ языкѣ. Наконецъ, въ Словѣ о полку Игоревѣ они выступаютъ съ такимъ достоинствомъ и силой, до которой ни прежде, ни послѣ не достало древнерусское творчество. Здѣсь уже мы не видимъ правильно устроенной славянской рѣчи съ періодическимъ теченіемъ мыслей, съ строгой симметрией въ расположеніи образовъ, (какъ у Иларіона напр. или у Кирилла Туровскаго). Вся эта синтаксическая правильность греко-славянскаго происхожденія отошла на задній планъ, уступивъ свое мѣсто живому движенію народной стилистики. Но при всемъ этомъ „Слово о полку Игоревѣ“ можно назвать именно зрѣлымъ плодомъ народнаго чтенія, науки, грамоты. А грамота наша началась съ языка славянскаго и развивалась подъ его руководящимъ вліяніемъ.

Такимъ образомъ, исходнымъ пунктомъ, отъ котораго началось развитие древнерус. языка, былъ языкъ славянскій. Не независимо отъ постороннихъ вліяній зародилась и возрасла самодѣятельность древнерус. слова, но подъ воспитательнымъ и вмѣстѣ авторитетнымъ вліяніемъ *совнѣ данимъхъ, готовыхъ образцевъ*, тѣмъ болѣе обязательныхъ, чѣмъ болѣе опирались они на высокое значеніе религиозныхъ идей, которыя съ неотразимою силою влекли къ себѣ всѣхъ, кто только искалъ свѣта, знанія и науки.

Теперь намъ слѣдуетъ вспомнить, каковы были эти образцы по своему діалектическому составу?

Мы видѣли, что это совсѣмъ не были чистые, безпримѣсные образцы того нарѣчія, на которое переведено было св. писаніе; напротивъ, всѣ они представляли большую или меньшую смѣсь разнообразныхъ діалектическихъ наслоеній. Даже такой памятникъ, какъ Остромирово евангеліе, не изыять отъ посторонней примѣси ¹⁾. О другихъ и говорить печего. Такъ, по изслѣдованію Будиловича, въ словахъ Григорія Богослова (XI в.) есть слѣды говоровъ восточныхъ, южныхъ и западныхъ. Между послѣдними напр. есть формы въ родѣ *попелъ*, *роздѣлена* ²⁾. Къ діалектической пестротѣ, возникшей за предѣлами

¹⁾ Пам. юс. пис. Срезн. 174—184.

²⁾ Будилов. Изслѣдов. словъ Григ. Богосл. 24—25.

русского міра, присоединились туземныя вліянія и увеличили такимъ образомъ мозаическій составъ искусственно сложившагося славянскаго письменнаго языка.

Такимъ образомъ мы положительно не можемъ представить себѣ, чтобы грамотные предки наши когда-бы то ни было говорили *едиными усты*, чтобы писали они такъ, какъ говорили. Всегда, во всѣ эпохи древнерусскаго просвѣщенія дѣйствовала традиція древнеславянская, традиція, которая постоянно нарушалась на практикѣ, потому что живой родникъ народныхъ діалектовъ постоянно вторгался въ сферу письменности и колебалъ ся наклонныя къ неподвижности формы. Вотъ этимъ децентрализующимъ вліяніемъ народныхъ говоровъ и объясняется неустойчивость правописанія, которое представляетъ постоянную борьбу историческаго начала съ фонетическимъ. Такъ напр., въ припискѣ къ Мстиславу евангелію (XII в.) на нѣсколькихъ строчкахъ дат. пад. прилагат. муж. р. читается такъ: „*благовѣрноуому и христомлюбовоуому и Богомъ чьстимооому князю Θεодороу князю новгородьскоуоу* 1)“. Фактовъ въ этомъ родѣ мы могли бы привести огромное количество изъ всѣхъ вѣковъ древнерусской письменности.

Говорятъ, что въ XVI в., на смѣну древняго книжнаго языка, явился другой книжный подъ вліяніемъ наступившей въ XIII—XIV в. обособленности народныхъ нарѣчій, которыя будто бы составляли въ прежнее время нѣчто единое съ книжнымъ языкомъ, а потомъ удалились отъ него. Этотъ другой книжный языкъ былъ смѣсью старославянскаго съ живымъ народнымъ, тогда какъ въ первомъ такой смѣси не было, потому что и самый народный языкъ началъ дѣлиться на нарѣчія позже 2). Противъ многихъ подробностей этого мнѣнія мы высказались уже прежде,—теперь же намъ было бы только желательно убѣдиться въ томъ, на сколько самостоятельно общерусская стихія перерабатывала древнеславянскую въ первую эпоху встрѣчи своей съ этою послѣднею? Какие элементы въ древнерусскомъ языкѣ, въ первый перюдъ его развитія, или, какъ выражается Максимовичъ, на кievскомъ югѣ, имѣли перевѣсъ—свои или чужіе?

Нельзя не вспомнить при этомъ въ другой разъ того же Максимовича, который въ письмахъ своихъ къ Погодину замѣтилъ, что

1) Изв. Ак. Т. IX, 72.

2) „Мысли“ Срезн. 97—98.

древне-киевская и древне-галицкая письменность, въ которой преимущественно могли отозваться и высказаться особенности языка своеобразнаго, погибла вся, по крайней мѣрѣ, донынѣ намъ ничего изъ нея не извѣстно ¹⁾. И въ самомъ дѣлѣ, лучшія оригинальныя произведенія киевской эпохи—Слово о полку Игоревѣ, начальная киевская лѣтопись—дошли до насъ въ сѣвернорусской редакціи и очень часто въ спискахъ позднихъ XIV и XV в. Почти всѣ письменные памятники болѣе древней редакціи XI—XII в. не выходятъ изъ ряда тѣхъ, которые назначались для церковнаго употребленія: надъ ними трудилась рука переписчика, а не самостоятельнаго автора, поэтому и слѣдовъ того или другаго мѣстнаго говора въ нихъ меньше, чѣмъ можно было бы ожидать. Тѣмъ не менѣе, уже въ самый ранній періодъ древнерусской письменности, общерусская стихія, взятая и въ цѣломъ, и въ частяхъ, относилась къ древнеславянскимъ образцамъ далеко не пассивно, заявивъ себя своеобразнымъ проявленіемъ своего особеннаго звуковаго строя.

Извѣстно, что носовыхъ звуковъ русскій языкъ не имѣлъ уже въ самый ранній періодъ своей исторической жизни. Противъ этого не возражаютъ даже тѣ изслѣдователи, которые дальнѣе другихъ проводятъ систему объединенія древнерусскаго языка съ древнеславянскимъ. Такъ, Лавровскій говоритъ, что „на Руси ринезмъ сталъ неизвѣстенъ съ тѣхъ поръ, какъ сдѣлалось извѣстнымъ русское государство“ ²⁾. Между тѣмъ юсы, какъ извѣстно, писались до самаго поздняго времени изъ уваженія къ церковнославянской традиціи. Мы знаемъ только одинъ памятникъ киевской эпохи, въ которомъ замѣтно болѣе сознательное отношеніе къ юсовымъ знакамъ. Такъ, въ Галицкомъ евангелии (1144 г.) ж совсѣмъ пѣтъ, а ѡ постоянно стоитъ вмѣсто ѡ и ѡ: ѡко, *бѣсноуоуцѣлюся* ³⁾. Во всѣхъ другихъ памятникахъ, начиная съ XI в., видимъ постоянныя ошибки въ употребленіи юсовъ и вмѣстѣ неизмѣнную вѣрность преданію. Такъ, уже съ самаго начала древнерусской письменности фоетика живаго языка не сходилась съ правописаніемъ въ слѣдствіе того, что книжный языкъ отличался отъ разговорнаго, а тотъ и другой отличались отъ славянскаго.

¹⁾ Письма Макс. къ Бог. 22.

²⁾ О яз. сѣв. рус. лѣт. Лавр. 40.

³⁾ Матеріалы для исторіи письменъ. Буслась. 12.

Но было вмѣстѣ съ тѣмъ множество точекъ сходства между языкомъ славянскимъ и общерусскими элементами языка. Посредствующею связью между тѣмъ и другимъ явился *языкъ древнерусскій*: къ нему сходились и въ немъ сосредоточивались эти прадавнія черты сходства. Такимъ образомъ, онѣ были извлечены изъ сферы непосредственнаго существованія подъ вліяніемъ древнеславянскихъ образцовъ и явились въ языкѣ древнерусскомъ какъ бы въ возстановленномъ видѣ болѣе сознательнаго употребленія. Въ этомъ процессѣ письменной переработки матеріала, сходнаго съ народной рѣчью, заключается извѣстная доля самостоятельнаго усвоенія древнеславянскихъ образцовъ. Слѣдовательно, оно обнаружилось не только въ отрицаніи несходныхъ элементовъ, но и въ ассимиляціи сходныхъ.

Какъ велико было это сходство?

Заручившись мыслию о доисторическомъ сродствѣ всѣхъ языковъ, объ относительно большей близости ихъ въ давнее время, легко преувеличить степень сходства между языками русскимъ и славянскимъ. Можно согласиться со многими положеніями защитниковъ сходства, но только подъ условіемъ, чтобы эти положенія выведены были не изъ общей мысли, а изъ самыхъ фактовъ. Намъ говорятъ напр., что во всѣхъ русскихъ нарѣчіяхъ даже въ XIII в. не исчезли еще полугласные *ъ* и *ь*, и мы не отрицаемъ, что глухіе печужды были русскимъ нарѣчіямъ, хотя, по нашему мнѣнію, въ XIII в. едва ли они существовали въ живой рѣчи. Но почему самого факта существованія глухихъ, какъ славяно-русской народной особенности, отрицать нельзя? Потому что потеря *ъ* и *ь* доказывается позднѣйшими превращеніями въ вокализмъ, между прочимъ, малорусскаго нарѣчія, слѣдовательно, этимъ самымъ подтверждается ихъ существованіе въ болѣе раннее время. На долю нѣкоторыхъ истинъ иногда выпадаетъ счастливая роль пользоваться громаднымъ довѣріемъ въ наукѣ. Такъ случилось и съ общимъ положеніемъ о прадавнемъ сродствѣ языковъ. Но кто не знаетъ, какъ ненадежны и скользки тѣ пути, которые не обизываютъ насъ къ критическому пересмотру фактовъ, усыпляя нашъ духъ заранѣе установившейся репутацией?

Намъ бы казались, наиболѣе вѣроятными тѣ черты сходства съ древнеславянскимъ языкомъ, которыя въ разныхъ русскихъ нарѣчіяхъ уцѣлѣли до настоящаго времени. Слѣдимъ предупредить всѣ возраженія противъ нашей мысли. Во первыхъ, мы хорошо знаемъ, что иногда въ

языкъ звуковое сходство ничего не значить: такъ напр., церковносл. слово *красоволити* (*rosulum*)¹⁾, повидимому, составлено изъ славянскихъ корней, между тѣмъ оно ведетъ свое происхожденіе отъ латинскаго *crucibulus, crucibulus* ²⁾. Изъ этого слѣдуетъ, что подъ чертами сходства мы разумѣемъ не одно только дагеротишное сходство. Во вторыхъ, иногда случается, что и это послѣднее сходство есть результатъ длиннаго ряда звуковыхъ превращеній и не составляетъ явленія, которое уцѣлѣло неподвижно отъ прадавняго родства. Въ этомъ отношеніи мы имѣли уже случай указать на кажущееся сходство малорус. *i* изъ *ъ* съ санскритс. негуннированнымъ *i* и въ своемъ мѣстѣ замѣтили, что малорус. *i* должно было пройти чрезъ славянскую стадію въ звукъ *ъ*. Само собою разумѣется, что, возстановляя сходство изъ звуковъ, повидимому, различныхъ, мы рискуемъ обезличить языкъ, съ другой стороны, принимая на вѣру, безъ критики, повидимому, сходныя черты, мы легко можемъ впасть въ другую крайность, т. е. вообразить въ немъ такія индивидуальныя свойства, которыхъ въ данную эпоху въ немъ не существовало. Чтобы не придать наружному сходству больше значенія, чѣмъ оно заслуживаетъ, мы ограничимся указаніемъ только тѣхъ сходныхъ чертъ, которыя можно будетъ подтвердить непрерывнымъ рядомъ письменныхъ свидѣтельствъ, подвергнутыхъ критической оцѣнкѣ на основаніи законовъ звуковой перестройки, которой подвергался русскій языкъ въ теченіе всей своей исторической жизни. Но такъ какъ мы уже разъ заявили, что не пишемъ исторіи русскаго языка, то всѣ соображенія о сходствѣ русскаго языка съ славянскимъ мы направимъ, если не исключительно, то главнымъ образомъ на малорусское нарѣчіе. Теперь же пока замѣтимъ только, что все родственно-сходное между языкомъ церковнославянскихъ книгъ и мѣстными нарѣчіями концентрировалось въ древнерусскомъ письменномъ языкѣ, сообщая литературную крѣпость тому, что имѣло въ устахъ народныхъ характеръ случайнаго броженія. Мало-по-малу, рядомъ съ церковнославянскимъ языкомъ, въ глазахъ народныхъ массъ, такимъ же авторитетнымъ значеніемъ нормальнаго, образцоваго языка, началъ пользоваться языкъ грамотныхъ людей—искусственная смѣсь церковнославянскаго, который уже самъ въ себѣ заключалъ разнаго рода діа-

¹⁾ Lexic. Miklos. 309.

²⁾ Die Fremdwörter in den Slav. Spr. Miklos. 29.

лектическую примѣсь народнаго языка. Мы не можемъ сказать, какъ далеко простиралось вліяніе этого искусственнаго языка на народныя нарѣчія. Одно только сказать можно съ полною увѣренностію, что такое вліяніе существовало. Можетъ быть, нѣкоторыя особенности малорусскаго нарѣчія, роднящія его съ западно-славянскими нарѣчіями, можно было бы объяснить вліяніемъ тѣхъ сложныхъ элементовъ, которые группировались въ древнерусскомъ письменномъ языкѣ. Въ исторіи классификаціи славянскихъ нарѣчій много было толковъ о томъ, какъ объяснить малорусскій предлогъ *роз*, а не *раз* (*розум*), предл. *ви*, а не *із* (*видати*), свойственное малорусскому нарѣчію слово *попел*, а не *пепел* (въ Галиц. ев. *въ попелѣ*)¹⁾; все это такія черты, которыя болѣе свойственны западнымъ, а не восточнымъ и юговосточнымъ нарѣчіямъ. Мы отъ себя прибавимъ еще нѣчто подобное,—именно, оконч. ср. р. именъ прилагат. твердаго склон. на *ейс*, вм. *ои* *с* (*милейсѣ, святиейсѣ*)²⁾, кромѣ того, галицкія формы вспомогательнаго глагола (*бымъ, бысь, бы бысьмо, бысьте, бы*). Могли, конечно, всѣ эти явленія развиваться въ малорусскомъ нарѣчій самостоятельно, но нельзя при этомъ не вспомнить и о томъ, что оно издавна подвергалось вліянію письменнаго языка, которому нечужды были всякаго рода наслоенія, занесенныя изъ разныхъ концовъ славянскаго міра.

Если не такъ ощутимо вліяніе книжнаго языка на народный, то вліяніе обратное—снизу вверх—не подлежитъ никакому сомнѣнію. Слѣдовательно, къ отрицанію несходныхъ элементовъ, къ усвоенію сходныхъ, мы должны присоединить еще третье средство, въ которомъ обнаружилась самостоятельность русскаго языка въ самомъ началѣ его развитія, именно, внесеніе въ книжный языкъ народныхъ элементовъ. Давно уже указаны всѣ примѣты русскаго языка, съ которыми онъ явился на сцену исторической жизни: это а) такъ называемое полногласіе, б) постановка *ъ* и *ь* передъ плавными, а не послѣ нихъ, какъ въ древнеслав., в) замѣна гласнаго *е* гласнымъ *о* въ началѣ словъ (*одва, олетя*), г) смягченіе *д* и *т* въ *ж* и *ч*, а не въ *жд*, *шт*, какъ въ славянскомъ, д) постановка шипящихъ и свистящихъ предъ іотированными гласными³⁾. Таковы древнѣйшія

¹⁾ Матер. Бусл. 13.

²⁾ Ср. въ Галиц. еван. *котерый* (Мат. Бусл. 13.)

³⁾ Потебня прибавляетъ еще одну примѣту—близость *ъ* и *ь* къ гласнымъ *о* и *е*, а Лавровскій—замѣну *и* предъ гласными звуками посредствомъ *ъ*. (Два изслѣд. Потеб. 138. О яз. сѣвер. лѣт. Лавр. 44).

и притомъ коренныя примѣты въ области фонетики. Не исчисляемъ другихъ менѣе важныхъ фонетическихъ примѣтъ, а также не касаемся вовсе примѣтъ морфологическихъ. Есть, между прочимъ, одна примѣта новгородскаго говора, это именно взаимный переходъ согласныхъ звуковъ *и* и *ч*. Она появилась, по мнѣнію Лавровскаго, въ донсторическую пору на ряду съ особенностями вообще языка русскаго ¹⁾. Что касается до примѣтъ малорусскаго нарѣчія, то ихъ вовсе не видитъ Лавровскій въ древнѣйшихъ памятникахъ.

Такъ ли это?

Мы не станемъ гоняться за археологическою тѣнью, вывода генеалогію малорусскаго нарѣчія отъ старинныхъ предковъ. Можетъ быть, это и было необходимо въ то время, когда въ позднѣйшей формациі малорусскаго нарѣчія многіе готовы были видѣть явную улику въ томъ, что оно есть польская креатура, незаконное дѣтище русской семьи. Напередъ высказываемъ свое глубокое убѣжденіе въ томъ, что малорусское нарѣчіе попреимуществу историческое, что на немъ лежитъ печать той бурной эпохи, когда, въ борьбѣ за народную свободу, создавалась въ народѣ историческая дума, что, наконецъ, окончательную типичность свою оно получило лишь нѣсколько вѣковъ тому назадъ. Тѣмъ не менѣе мы никакъ не можемъ согласиться съ тою исключительностью воззрѣнія, въ силу которой древность діалектическихъ различій признается только за однимъ нарѣчіемъ—такъ, какъ будто бы рядомъ съ нимъ не существовало другихъ. Ужъ коль скоро допущена разъ діалектическая отдѣльность, то единства языка въ строгомъ, формальномъ значеніи этого слова не было; если же такого единства не было, то въ самомъ языкѣ должно было быть больше діалектическихъ вѣтвей, чѣмъ одна. Доказывать же, что ихъ было не больше одной—значитъ предполагать въ языкѣ скудость средствъ, скудость первичныхъ элементовъ развитія. Но, судя по широтѣ и полнотѣ звуковаго строя въ древнерус. языкѣ, мы думаемъ, что онъ опирался далеко не на одно мѣстное нарѣчіе. Только искать нужно ихъ не въ письменныхъ памятникахъ исключительно, а въ живыхъ современныхъ говорахъ, и притомъ въ самой глубинѣ ихъ, т. е. въ арханческихъ остаткахъ, уцѣлѣвшихъ донинѣ, а равно и въ тѣхъ звуковыхъ комплексахъ, которые составляютъ по-

¹⁾ Чтенія 1858, № 4, 67.

средствующее звено между современнымъ звукомъ и его прототипомъ, очень часто замаскированнымъ въ древнемъ правописаніи. Нѣтъ языка, который бы въ разнообразіи своихъ нарѣчій не удержалъ стадій, давно уже имъ пережитыхъ. Часто случается, что принципъ новаго звуковаго строя давно уже дѣйствуетъ, но онъ еще не проникъ всюду, не осилилъ старинныхъ формъ, укрывшихся подъ защитою старыхъ преданій, не получилъ пространственнаго преобладанія въ такой степени, которая бы соотвѣтствовала его исторической будущности. Иногда же и такъ бываетъ, что древній фонетическій законъ въ одномъ изъ говоровъ какого нибудь нарѣчія развивается все дальше и дальше, тогда какъ въ другихъ говорахъ того же нарѣчія объ немъ давно уже и помину нѣтъ. Это именно случилось напр. съ древнерусской постановкой іотированныхъ гласныхъ послѣ шипящихъ. Такъ, въ подгорскомъ разнорѣчій галицкаго говора говорятъ: *жель*, *шетка*, *чєс* съ перегласованіемъ *a* (*га*) въ *ε*; перегласованіе въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ идетъ даже дальше: у гуцуловъ напр. (близь Черновицъ) *вм. ся*, или же подгорскаго *сє*, говорить *сі*. Въ древнерусскомъ языкѣ послѣ шипящихъ іотировались только *a* и *y*, тогда какъ у гуцуловъ эта іотація проникла и въ другіе гласные звуки, напр. *вм. що* получилось *щє*,—кромѣ того, іотированные гласные, какъ у гуцуловъ, такъ и у подгорянъ, появились не только послѣ шипящихъ, но и послѣ другихъ согласныхъ звуковъ въ тѣхъ случаяхъ, когда въ другихъ малорусскихъ говорахъ ничего подобнаго нѣтъ, когда и въ древнерусскомъ языкѣ ничего подобнаго не было: *брат*, *брыма*, *вм. брат*, *брама* (гуц. разнор.), *тяжко*, *мѣссо*, *гонє*, *ходє* (подгорск. разнор.) вмѣсто украинскихъ формъ: *тяжко*, *мясо*, *гонять*, *ходить*. Вотъ эти-то именно побѣги звуковаго творчества, освѣщенные историческими сближеніями, и должны служить, по нашему мнѣнію, руководящими нитями въ разясненіи древнѣйшей судьбы малорусскаго нарѣчія.

Что касается до письменныхъ и въ особенности древнѣйшихъ памятниковъ, то ожидать отъ нихъ сколько нибудь обстоятельныхъ указаній на древнѣйшія черты малорус. нарѣчія нельзя. Какъ лѣтописи не вводятъ насъ во всѣ подробности древнерусскаго быта, такъ точно и языкъ древнихъ памятниковъ не рисуетъ намъ картины мѣстныхъ нарѣчій. Мы уже упоминали о томъ, что лучшія оригинальныя произведенія кіевской эпохи, въ которыхъ скорѣе всего могъ бы обнаружиться мѣстный говоръ автора, дошли до насъ въ позднѣйшихъ

спискахъ. Самая близость къ той эпохѣ, когда, вмѣстѣ съ христіанствомъ, явилась на Руси славянская грамота, ставила древнерусскаго писателя въ большую зависимость отъ славянскаго языка, и потому народные элементы рѣчи въ большемъ количествѣ являются нѣсколько позже, когда фактъ заимствованія грекославянской образованности началъ утрачивать свою свѣжесть. Затѣмъ въ XVI—XVII в., подѣ влияніемъ особенныхъ условій, какъ въ восточной, такъ и въ западной Руси, снова обнаружилось стремленіе регулировать письменный языкъ посредствомъ славянскаго образца рѣчи, — но это уже совсѣмъ другое время, время сравнительно широкаго развитія книжнаго дѣла въ виду особенной обстановки — на сѣверѣ борьбы съ расколомъ, на югѣ и западѣ борьбы съ католичествомъ. Не такъ было въ самомъ началѣ. Небольшой кругъ грамотныхъ людей группировался, главнымъ образомъ, въ монастыряхъ. Большая половина монастырской жизни уходила на слушаніе или же чтеніе душеполезныхъ книгъ священнаго содержанія: къ языку этихъ книгъ привыкала память, изреченія книжной мудрости механически повторяли уста, языкъ славянскій входилъ въ самую глубину благочестиваго міросозерцанія. И вотъ, подѣ впечатлѣніемъ своихъ образцовъ, писатель брался за перо: что же должно было вылиться изъ его благочестивой души? Въ какихъ звукахъ онъ долженъ былъ передать свою религіозную повѣсть, свое набожное чувство? Конечно, въ звукахъ славянской рѣчи. Да и звуки эти, во всякомъ случаѣ, были родственные: хотя и нужно было сперва привыкнуть къ нимъ, за то не легко было потомъ отрѣшиться отъ нихъ. Вотъ почему съ такою настойчивостью начальная лѣтопись выражаетъ мысль о единствѣ языковъ русскаго и славянскаго: *„книги первѣе положены Моравѣ, яже и прозвася грамота славянская, яже грамота е въ руси и въ болгарехъ дунайскихъ 1)“*. *„А словѣнскъ языкъ и рускыи одинъ: отъ варягъ бо прозвашася русью, а първѣе быша словѣне, аще и поляне заваху, но словѣнская рѣчь бѣ, полями же прозвахуся зане отъ полъ сидяху; языкъ словѣнскый бѣ имъ одинъ 2)“*. Очевидно, въ тонкости народныхъ нарѣчій лѣтописецъ вникать не могъ: то было такое время, когда величіе идей измѣрялось ихъ объединяющей силой, — вотъ почему въ понятіяхъ лѣтописца родовыя черты нарѣчій

1) Ипат. сп. 18.

2) Ibid. 20.

смѣшаны съ видовыми. Достаточно было общаго сходства, чтобы сказать: „языкъ словѣньски бѣ единъ“. Намъ припоминаются при этомъ слова Гримма, сказанныя имъ по поводу различія въ судьбѣ народныхъ языковъ нѣмецкаго и славянскаго семейства. „Латинской церкви, говоритъ онъ, мало было дѣла до народнаго языка, а этотъ послѣдній въ латинскомъ языкѣ не признавалъ своего образца. Такъ—мирскими средствами развивались сами изъ себя нарѣчія ниже-нѣмецкое, датское, шведское и англійское.... Широкия пространства, занятыя сѣверовосточными славянами греческаго обряда, были причиной того, что съ большимъ трудомъ, и при томъ позже, чѣмъ на западѣ, народныя нарѣчія получили значеніе 1)“. Но мало-по-малу расширялся свѣтъ знанія и грамоты, проникая и въ другіе общественные слои, кромѣ духовенства. По мѣрѣ того какъ привлекаемы были свѣтскія силы къ ученію книжному, въ самой письменности начали обнаруживаться народныя элементы: такое заключеніе мы имѣемъ право сдѣлать на основаніи лѣтописей (особенно волынской) и Слова о полку Игоревѣ. Все это происходило въ теченіе двухъ вѣковъ—отъ конца XI до конца XII в. Къ сожалѣнію, звуковая сторона языка этихъ драгоценныхъ памятниковъ закрыта отъ насъ пестрою сѣтью позднѣйшаго правописанія. Съ половины XIII в. широкое развитіе русскаго слова приостанавливается. Настало глухое время татарщины: духовныя силы народа, дѣйствовавшія прежде, сошли со сцены, или устремились на другія цѣли. Литературный трудъ не могъ найти себѣ поддержки въ то суровое время, когда впереди всѣхъ интересовъ, съ неотразимою и зловѣщею яркостью стоялъ вопросъ о существованіи, когда преобладающимъ чувствомъ въ народныхъ массахъ было чувство самосохраненія. И вогь къ этой-то эпохѣ относятся появленіе двухъ русскихъ нарѣчій—великорусскаго и малорусскаго.

Мы ничего не имѣемъ противъ мысли о томъ, что потрясенія въ жизни народа неизбежно должны отразиться въ его языкѣ. Мы даже думаемъ, что, за отсутствіемъ литературнаго движенія, одни только бытовыя потрясенія и могутъ дать толчекъ движенію въ области языка. Но признавая этотъ фактъ въ его общемъ значеніи, считаемъ нужнымъ отчетливо убѣдиться въ немъ въ примѣненіи къ малорусскому нарѣчію, такъ какъ мы имѣемъ нѣкоторыя основанія думать, что не все можно

¹⁾ Grimm, Kleinere Schriften IV B., I T. 195—196.

объяснить здѣсь, однимъ этимъ фактомъ, такъ какъ, съ другой стороны, на югѣ России татарское иго было далеко не единственнымъ потрясающимъ событіемъ, которое содѣйствовало переворотамъ въ области языка.

Итакъ, когда началось и какъ развивалось обособленіе малорусскаго нарѣчія?

На этотъ вопросъ представляемъ себѣ отвѣтить изслѣдованіемъ звуковаго строя въ нарѣчьи малорусскомъ, прибѣгая, гдѣ нужно, къ сравненіямъ съ разными говорами великорусскаго нарѣчія.

О ГЛАСНЫХЪ ЗВУКАХЪ.

1. Ъ и ъ въ начальной исторіи русскаго языка.

Движеніе звуковъ въ малорусскомъ нарѣчьи, какъ и во всѣхъ славянскихъ нарѣчьяхъ, началось, по нашему мнѣнію, съ потери глухихъ звуковъ з и ъ, потеря, которая, какъ увидимъ ниже, обнаружилась еще на почвѣ праязыка русскаго.

Есть такое мнѣніе, что глухіе свойственны были собственно древнеславянскому языку, что другія славянскія нарѣчья отъ прадавней гласности (санскритской эпохи) прямо перешли къ современному вокализму: мѣстами они опустили эту гласность (вторая ступень), мѣстами удержали ее, перезвуковавши по своему (третья ступень)

Но если признавать въ движеніи вокализма для всѣхъ славянскихъ нарѣчій вторую ступень, то нечего говорить о прямомъ переходѣ ихъ отъ прадавней гласности къ современной. Прежде чѣмъ она исчезла въ современныхъ нарѣчьяхъ или же видоизмѣнилась сообразно ихъ индивидуальной природѣ, долженъ былъ существовать тотъ моментъ, когда она явилась въ *ослабленномъ* видѣ, когда на мѣсто первоначальной полноты звука явился звукъ искаженный, неясный. Вотъ этотъ моментъ и составляетъ именно вторую, посредствующую ступень

¹⁾ Майк. Ист. сербс. яз. 398.

отъ прадавней гласности къ современному вокализму славянскихъ нарѣчій. Слѣдовательно, весь вопросъ тутъ заключается не въ томъ, возможна ли была эта ступень не для одного древнеславянскаго нарѣчія, а именно въ томъ, прошли ли ее другія славянскія нарѣчія послѣ своего отдѣленія отъ общеславянскаго корня, когда они сдѣлались уже самостоятельными нарѣчїями,—или же присутствіе глухихъ гласныхъ характеризуетъ ихъ общую, не развившуюся до индивидуальности жизнь. Что касается до древнеславянскаго нарѣчія, которое въ эпоху перевода священнаго писанія представляетъ яркую картину паденія полныхъ гласныхъ и господства глухихъ, то оно могло быть въ этомъ отношеніи только отблескомъ общеславянской жизни. Другими словами: когда были присущи славянскимъ нарѣчїямъ *ѣ* и *ѥ*, какъ звуки глухіе, какъ выразители паденія полныхъ гласныхъ

Извѣстно, что въ нѣкоторыхъ славянскихъ нарѣчїяхъ (болгарскомъ и словинскомъ) и донинѣ еще живутъ *ѣ* и *ѥ*. Нарѣчіе словинское поражаетъ тою особенностію, что въ немъ не только *ѣ* и *ѥ*, но и всѣ другія гласныя произносятся глухо. Даже въ малорусскомъ нарѣчїи, въ говорѣ лемковъ и бойковъ, по свидѣтельству галицкихъ ученыхъ, слышатся *ѣ* и *ѥ*: *дрѣва* (дрова), *крѣваый* (крававый), *врѣх* (верхъ), *трѣвати* (тревати=ожидать), *днѣ*, *пнѣ* (день, пень)²⁾. Всѣ эти факты показываютъ, что нарѣчїя болгарское, словинское и малорусское унаслѣдовали древнеславянскую слабость вокализма и до сихъ поръ не выступили, повидимому, изъ той колѣи, которую мы отмѣтили второю, посредствующею ступенью между прадавнею гласностію и современнымъ вокализмомъ.

Для насъ особенно интересно существованіе глухихъ гласныхъ въ малорусскомъ нарѣчїи. Г. Потебня считаетъ ихъ „или заимствованїями, или туземными приспособленїями нерусскаго происхожденїя“³⁾. Но кар-

¹⁾ Недавно Гейтлеръ высказалъ мнѣніе, что *ѣ* и *ѥ* возникли не на общеславянской почвѣ, а въ сферѣ отдѣльныхъ славянскихъ нарѣчій, что это поздніе звуки, образовавшіеся изъ *о* и *е*, а не наоборотъ (Starobulhar. fonologie se stalem zretlem k jaz. litevsk. Heitler. 1873). Подробное опроверженіе этого мнѣнія см. въ статьяхъ Потебни Ж. м. н. пр. 1873. Октябрь, 1874 Мартъ).

²⁾ Голов. Розирава о яз. южнор. 49—50. См. также Торонскаго въ Зорѣ Галиц. 1860 и Грам. Вагилевича.

³⁾ Замѣтки о малорус. нарѣчїи 14.

патскимъ русипамъ не отъ кого было заимствовать глухихъ звуковъ, если только они дѣйствительно существуютъ въ ихъ говорѣ,—да еще и съ тонкимъ различіемъ *ѣ* отъ *ѡ*. Гораздо вѣроятнѣе, въ самомъ дѣлѣ, что они явились плодомъ приспособленія мѣстнаго говора къ нарѣчіямъ словацкому и польскому: въ этомъ смыслѣ они составляютъ неполныя сокращенія нѣкогда жившаго полнаго гласнаго звука. Тѣмъ болѣе это возможно, что склонность къ сокращенію гласныхъ очень сильно развита въ говорѣ лемковъ.

Обратимся къ письменнымъ памятникамъ. Начнемъ съ позднѣйшихъ, такъ какъ въ нихъ заключается матеріалъ, болѣе доступный повѣркѣ посредствомъ устныхъ говоровъ и въ этомъ смыслѣ болѣе достовѣрный.

Въ XVII в. Мелетій Смотрицкій устанавливаетъ относительно *ѣ* и *ѡ* такое правило: „*ѡ* и *ѣ* въ самомъ точію концѣ реченія употребляема бывають: *ѣ* убо якоже варивше рѣхомъ, въ одобелѣне согласнаго реченіе кончающаго: *ѡ* же въ отопченіе“¹⁾. Ясно, что глухихъ уже не было въ эпоху Смотрицкаго. Защитникъ древнеславянскаго правописанія, подчинившій ему живую, народную рѣчь, онъ ограничиваетъ употребленіе глухихъ концемъ словъ и низводитъ ихъ на степень простыхъ знаковъ твердости и мягкости согласныхъ. Но въ то самое время, какъ Смотрицкій вполне сознательно относится къ звукамъ *ѡ* и *ѣ*, ученый современникъ его Беринда очень часто слѣдуетъ древнеславянс. преданію въ постановкѣ глухихъ: такъ, въ срединѣ словъ они стоятъ у него большею частію послѣ плавныхъ *л* и *р*: *скръбь*, *прѣстъ*, *вльна*²⁾. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ предлогахъ, а также въ предложныхъ словахъ, ихъ или нѣтъ совсѣмъ, или же замѣняются они надстрочнымъ паерикомъ: *взростъ*, *зстороны*, *з'встыдомъ*³⁾. На концѣ словъ *ѣ* и *ѡ* у Беринды постоянно выдержаны такъ же, какъ и у Смотрицкаго.

Такимъ образомъ, въ XVII в. два южнорусскіе представители филологическаго знанія, въ употребленіи глухихъ звуковъ, не считали возможнымъ вполне отрѣшиться отъ церковнославянскаго преданія. Вся разница между ними въ томъ, что одинъ изъ нихъ послѣдова-

¹⁾ Грам. Смотр. изд. 1721 г. стр. 7-я.

²⁾ Беринда, 8, 13, 21.

³⁾ Ibid. 20, 25, 29.

тѣмъ же другого: правило Смотрицкаго мотивировано сознательнымъ представленіемъ о значеніи глухихъ звуковъ. Ясно, что возрѣніе на з и ъ, какъ на знаки только, а не звуки, вмѣстѣ съ упогребленіемъ ихъ, Смотрицкій получилъ по преданію отъ предшествующей эпохи. слѣдовательно, и въ XVI в. они были только знаками.

Обращаясь къ одному изъ самыхъ характеристическихъ памятниковъ XVI в., къ Пересопницкому евангелію, находимъ подтвержденіе своимъ словамъ ¹⁾. Здѣсь рѣзко бросается въ глаза та особеннсть, что въ концѣ словъ з всюду замѣненъ посредствомъ ѣ, особеннсть, конечно, не туземнаго происхожденія. Исключительное употребленіе буквы ѣ характеризуетъ, какъ извѣстно, рукописи сербской редакціи: оно встрѣчается уже въ одной изъ древнѣйшихъ сербскихъ грамотъ (Бана Кудина 1189 г.) ²⁾. Мы не сомнѣваемся въ томъ, что переводчикъ евангелія на южнорусское нарѣчіе XVI в. имѣлъ подъ руками оригиналь югославянскаго происхожденія. Затѣмъ изрѣдка въ этомъ памятникѣ дано мѣсто буквъ з въ срединѣ словъ послѣ цѣльныхъ — подрвенеславянски: *наврѣдѣ'шислъ, трѣрѣти, прѣрѣй* ³⁾, хотя, впрочемъ, встрѣчаются постоянныя отступленія отъ этого правила: *терѣтти, верѣлѣ* ⁴⁾ и проч. Тою же непослѣдовательностію отличается и употребленіе з въ предлогахъ и въ предложныхъ словахъ, такъ какъ одно и то же слово пишется различно: *розѣрѣтаѣтъ* и *розѣрочаѣлѣ* ⁵⁾. Вообще же говоря, во всей рукописи преобладаетъ надъ употребленіемъ з и ѣ система наериковъ: писецъ ставитъ ихъ не только тамъ, гдѣ слѣдуетъ, гдѣ, по требованію древнеславянской этимологіи, они должны стоять въ концѣ словъ, но часто и не въ мѣсту — тамъ, гдѣ, по требованію живаго говора, гласный звукъ является для того, чтобы устранить излишнее накопленіе согласныхъ, или же гдѣ, по мнѣнію писца, его предположить можно. Вотъ для примѣра нѣсколько фразъ: *тоѣ'ды в'став'ши марѣа в'тълѣ то дни. Ишла на горы постѣш'не и в'шод'ши в' домъ.... на землѣ миръ..... вамъ ѣстъ дано з'нати таем'ности* ⁶⁾....“

¹⁾ О Пересоп. ев. см. Приложенія.

²⁾ Майк. Исторія серб. яз. 355.

³⁾ Лук. зач. 53, 46, 49.

⁴⁾ Лук. зач. 43, 46.

⁵⁾ Лук. зач. 110.

⁶⁾ Лук. зач. 4, 5, 85.

Слова: *знати, землі* показывают, что писецемъ руководило ложное представление о глухих тамъ, гдѣ ихъ быть не могло. Ощущенію шель онъ въ расстановкѣ глухихъ, руководствуясь болѣе своими писемными источниками, чѣмъ живымъ чувствомъ народной рѣчи. Оттого, рядомъ съ этимологически правильными формами: *встахъ, много*, очень часто встрѣчаются у него тѣ же слова безъ паериковъ: *жѣтѣа, смирѣжь, многа* ¹⁾. Тамъ только болѣе выдержаны глухіе, въ особенности ъ, гдѣ они нашли поддержку въ выговорѣ самаго писца: такъ ъ, входящій въ суффиксы именъ существ. и прилагат., выдержанъ постоянно, и только иногда вмѣсто него стоитъ паерикъ: *боймѣства.... до оукраины гадариньскои.... переворотный* ²⁾. Встрѣчаются иногда оригинальныя формы, въ которыя, противъ воли писца, вторглась фонетика народной рѣчи: вотъ напр. выраженіе: „и обернувшисѣ и къ жень рѣкѣ“ ³⁾, гдѣ вмѣсто *къ* стоитъ *и къ*, какъ въ современномъ малорус. выговорѣ, съ замѣнительнымъ гласнымъ звукомъ *і*, тѣмъ самымъ эвфоническимъ гласнымъ, который слышится въ словахъ: *рѣжа, мѣла* (древнесл. *рѣжда, мѣла*). Въ словѣ: *жѣсови* ⁴⁾ писецъ отступилъ отъ обычая своего ставить на концѣ словъ ъ, въ угоду той же народной фонетикѣ: такъ какъ ъ предлога *къ* встрѣтитъ поддержку въ начальномъ гласномъ слѣдующаго слова, то онъ оказался на мѣстѣ. Изъ начертанія: *жѣсови* легко убѣдиться, что писецъ знаетъ различіе между *з* и *ъ* и даже соединялъ въ некоторыхъ такихъ знакахъ, которые, при известныхъ условіяхъ, заключаютъ въ себѣ гласный элементъ. Такъ, одинъ разъ намъ встрѣтилось слово: *въ зеро* (*оукошило стадо въ зеро*) ⁵⁾: очевидно, здѣсь *з* исполняетъ роль звука *о* (въ *озеро*). Точь-въ-точь такая же форма встрѣчается въ памятникахъ новгородскаго нарѣчія XIV в.: *къ зеру* ⁶⁾: слѣдовательно, въ XVI и въ XIV в., на югѣ и на сѣверѣ, считалось возможнымъ не только произносить, но и писать глухіе гласные взамѣнъ чистыхъ.

Изъ всѣхъ данныхъ относительно глухихъ по Пересопницкому

¹⁾ Лук. зач. 34, 39, 50.

²⁾ Лук. зач. 35, 37, 46.

³⁾ Лук. зач. 39.

⁴⁾ Лук. зач. 45.

⁵⁾ Лук. зач. 38.

⁶⁾ Вусл. Ист. христ. (юридич. акт.) 558.

евангелію мы можемъ сдѣлать заключеніе, что въ XVI в. на русскомъ югѣ они или совсѣмъ не произносились (такія формы, какъ *ишъ*, *Ботъ* и проч. никогда не были возможны ни въ одномъ нарѣчіи русскаго языка), или произносились, какъ звуки чистые, а никакъ не какъ глухіе.

Въ волынскихъ памятникахъ XVI в. Потебни пашель два слова: *чернгородци* (1578) и *гридуно* (1566), на основаніи которыхъ предпологаетъ, что „ѣ въ то время еще слышалось“¹⁾,—но изъ словъ его не ясно, слышался ли ѣ, какъ звукъ чистый, или же какъ глухой. По нашему мнѣнію, букву *у* никакъ нельзя прочесть глухимъ звукомъ, а ѣ не только въ XVI в., но и гораздо раньше имѣлъ значеніе чистаго гласнаго. Такъ, въ Синодальномъ спискѣ псалтири (XIII в.) предлогъ *съ* встрѣчается въ такой формѣ: *сѣо*²⁾: очевидно, писецъ хотѣлъ угодить славянскому преданію (ѣ) и русскому произношенію затмившагося уже ѣ, прибавивъ къ нему еще *о*. Последняя буква показываетъ, какъ въ дѣйствительности произносился ѣ. Отрѣшаясь болѣе и болѣе отъ славянскаго преданія, писцы съ большею свободою распоряжались буквами ѣ и *о*, употребляя одну на мѣсто другой, какъ равнозначительныя по выговору буквы. Сопоставляемъ для подтвержденія своего мнѣнія нѣсколько словъ изъ грамоты смоленскаго князя Мстислава (XIII в.): *онъ* (о), *нѣа*, *нѣоу*³⁾, а также изъ грамоты Андрея Александровича: *великого князя, послѣо*⁴⁾. Убѣжденіе въ равнозначительности ѣ и ѣ чистымъ звукамъ *о* и *е* съ особенною рѣзкостію выступило въ XIII в., хотя оно существовало и въ XI в.: такъ въ Сбор. 1073 есть формы: *кото*, *золоба*⁵⁾. Въ XIII в. мы постоянно встрѣчаемъ въ памятникахъ разныхъ мѣстностей постановку *о* и *е* на мѣсто глухихъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ въ послѣдствіи чистые исчезли. Такъ, въ Служебникѣ повгор. Соф. библ. (XIII в.): *моножествомъ*, *вѣсе* вм. *весь*, *дароми*, вм. *дарѣми*, *дожде* вм. *дѣждѣ*⁶⁾,—въ поученіяхъ Ефрема Сирина (XIII в.): *ро-*

1) Потебн. Два изслѣд. 93.

2) Бусл. Ист. христ. 86.

3) Ibid. 351.

4) Ibid. 423, 425.

5) Колос. Оч. 59.

6) Изъ А. Н. Древ. Нам. Срез. 503.

зумо, бодить, мезды, невѣрности, лукавство, съ конечицхъ ¹⁾. Изрѣдка и ѣ стоитъ вм. ъ: *дѣтъ* (ѣ), *кнѣзь* (ѣ) (грам. Метисл. XIII в.) ²⁾. Не менѣе часто встрѣчается неожиданное *о* и *е* вмѣсто *ѣ* и *ѡ* въ XIII в., особенно въ нарѣчьи повгородскомъ ³⁾, но въ XV в. еще чаще. Ограничимся указанием такихъ случаевъ въ одной изъ южнорусскихъ грамотъ, писанныхъ въ Галичѣ: *Бучачекимъ, пришедеши, марекорттою, изе отька, Галичекимъ, свѣдоцество* ⁴⁾.

Что показываетъ это постепенное усиленіе неумѣстной постановки чистыхъ гласныхъ вмѣсто глухихъ? Совпадая съ ростомъ народныхъ элементовъ въ письменныхъ памятникахъ, эта постановка объясняетъ значеніе глухихъ гласныхъ въ народномъ языкѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ устахъ народныхъ они уже были звуками чистыми, если вмѣсто нихъ писались чистые. Большею частью самымъ крайнимъ предѣломъ существованія глухихъ въ русскомъ языкѣ считаютъ первые годы XIV в. ⁵⁾ Одинъ только Потепля, на основаніи смѣлы ихъ чистыми, и наоборотъ, предполагаетъ, что они слышались внутри словъ въ XV и даже XVI в. ⁶⁾ Но въ этомъ явленіи, не прибѣгая къ натяжкамъ, можно видѣть только равенство *ѣ* и *ѡ* гласнымъ *о* и *е*, обоюдное употребленіе ихъ въ одномъ и томъ же смыслѣ, а никакъ не глухое, древнеслав. произношеніе *ѣ* и *ѡ*. Мы не сомнѣваемся въ томъ, что *ѣ* и *ѡ* очень часто были слышны въ произношеніи, но именно, какъ звуки чистые, сообразно съ народной фонетикой, которую писцы не умѣли приспособить къ своему правописанію. Произнося *ѣ* и *ѡ*, какъ *о* и *е*, они не могли поладить съ четырьмя буквами, выражавшими всего два звука, и потому постоянно смѣнивали эти буквы между собою. Мы присоединяемся къ мнѣнію Миклошича, который сомнѣвается, чтобы въ тѣхъ случаяхъ, когда въ концѣ словъ писалось *о* или *е*, глухіе въ самомъ дѣлѣ были слышными; онъ думаетъ, что скорѣе всего тутъ дѣйствовала ложная аналогія ⁷⁾. Той же аналогіей легко объясняются и обратные случаи употребленія

¹⁾ Срезн. Свѣд. и зам. 48.

²⁾ Бусл. Ист. христом. 349.

³⁾ Ibid. 135, Срезн. Св. и зам. 79.

⁴⁾ Головац. Пам. дипл. в суд. яз. № 31.

⁵⁾ Срезневск. „Мысли“ 50, Лавр. О яз. сѣв. лѣтоп. 31. Колос. Оч. 146.

⁶⁾ Зам. о малорус. нар. 11.

⁷⁾ Miklos. Lautl. 381.

ѣ и ъ вмѣсто чистыхъ гласныхъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ, сообразно съ русскимъ произношеніемъ, должны были стоять чистые.

Гораздо чаще встрѣчается въ памятникахъ правильная (въ смыслѣ русскаго произношенія) замѣна глухихъ ѣ и ъ чистыми о и е. Явленіе это уже не рѣдко въ памятникахъ XI в: такъ, въ Остр. св. находимъ слова: *тогда, Богомъ, словомъ* ¹⁾, въ словахъ Григорія Бого-слова встрѣчаемъ замѣну ѣ звуками о, у, а ъ—звуками е, и ²⁾,—въ записи Глѣба на Тмуторок. кампѣ: *по леду* ³⁾. Считаемо излишнимъ выписывать изъ вѣка въ вѣкъ случаи этого рода: они умножаются въ древнерусской письменности, по мѣрѣ вторженія въ нее народной стихіи, такъ что въ XV—XVI в., въ южнорусской письменности, въ особен-ности свѣтскаго содержанія, становятся обычнымъ правиломъ ⁴⁾. Мы никакъ не можемъ понять, на какомъ основаніи Колосовъ замѣну этого рода глухихъ чистыми не считаетъ прямымъ доказательствомъ отсутствія въ языкѣ глухихъ ⁵⁾. По крайней мѣрѣ, въ тѣхъ словахъ, гдѣ, по требованію русской фонетики, такая замѣна встрѣчается, мы не рѣшаемся подозрѣвать присутствія глухихъ. Мы принимаемъ фактъ, какъ онъ есть: стоятъ чистые вмѣсто глухихъ,—мы и понимаемъ ихъ чистыми, а никакъ не глухими. А если взять въ расчетъ, что такое чисто русское превращеніе глухихъ въ чистые выдержано въ древнерус. памятникахъ съ историческою послѣдовательностію постепенно возрастающаго явленія, то нельзя не усумниться въ необходимости считать глухіе гласные ясно доказанною историческою чертою русскаго языка.

Намъ кажется, что для оцѣнки историческаго значенія гласныхъ ѣ и ъ въ русскомъ языкѣ слѣдовало бы обратить особенное вниманіе на то обстоятельство, что паденіе ихъ началось не на русской почвѣ, что уже въ древнѣйшихъ славянскихъ памятникахъ затмилась звуковая природа ихъ. Въ самой слабости ихъ лежала причина ихъ недолговѣчности, и потому невыдержанности въ произношеніи и въ правописаніи. Такъ напр. въ концѣ словъ, въ именныхъ темахъ, уже въ древнеславянскомъ языкѣ они совсѣмъ исключались: изъ *кон-ја-с, кра-ја-с,* съ

¹⁾ Остр. св. 12. 180. 175.

²⁾ Будил. 10.

³⁾ Из. А. Н. Срезн. Др. п. 23.

⁴⁾ См. Голов. Пам. дипл. и суд. яз. русск. 1867.

⁵⁾ Колос. Оч. 18.

отпаденіемъ *z* и ослабленіемъ *a* въ *z*, вышло: *кон-ъ*, *кра-ъ*, затѣмъ звукъ *z* исчезъ и образовались формы: *кон-ъ*, *кра-ъ*, т. е. *ъ* послѣ согласныхъ, *j*—послѣ гласныхъ, слѣдовательно, на мѣсто гласнаго звука явился *j*—согласный звукъ, въ качествѣ смягчающаго элемента. Такъ, въ Македонск. листкѣ (XI в.), по мнѣнію Срезневскаго, *ъ* во многихъ случаяхъ былъ знакомъ смягченія: *дъвизахъ*, *звъзда* и проч. ¹⁾ Вообще въ памятникахъ юсоваго письма XI в. (Савина книга, Слудкая псалтирь, Супрасл. рукоп., Хиландарск. и Македонск. листки, Евангельскіе листки Ундольскаго) видимъ, что глухіе или превращаются въ чистые гласные, или исключаются, какъ изъ окончанія, такъ и изъ середины словъ, или же, наконецъ, смѣшиваются между собою. Въ этихъ памятникахъ смѣшеніе глухихъ такое, что иногда въ одной и той же рукописи, на одной и той же страницѣ, одно и то же слово пишется и съ *z*, и съ *ъ* ²⁾ Тѣ же самыя явленія, и притомъ въ громадномъ числѣ случаевъ, постоянно встрѣчаются также въ древнѣйшихъ славянскихъ памятникахъ русской редакціи. Такъ, въ Остр. евангелии, въ которомъ, сравнительно съ другими памятниками, тверже выдержано употребленіе глухихъ гласныхъ, рѣзко бросается въ глаза частое измѣненіе *z* въ предложенияхъ и въ предложныхъ словахъ ³⁾. Не менѣе часты въ этомъ памятникѣ случаи смѣшенія *z* съ *ъ*: особенно часто ставится въ немъ *z* вм. *ъ*: *мъжъ*, *жънми*, *оаиъ*, *виждъ*, *ближнѣго* ⁴⁾. О превращеніи глухихъ въ чистые въ этомъ памятникѣ мы уже имѣли случай говорить раньше. Гораздо съ болышею рѣзкостію, чѣмъ въ Остромір. евангелии, выступаетъ паденіе глухихъ гласныхъ въ другихъ современныхъ ему славянскихъ памятникахъ съ признаками русскаго правописанія (въ Туровскомъ еванг., въ Толк. Евг. псалтири, въ обоихъ Изборникахъ, въ Толк. псалтири Чуд. монастыря, въ Сборникѣ 13 словъ Григорія Назіанзина, въ Служебн. миней, въ Постной тріодѣ) ⁵⁾. Фактовъ такъ много, что считаемъ неудобнымъ для себя выписываніемъ ихъ загромождать страницы своего труда.

Видимымъ знакомъ паденія глухихъ гласныхъ не только для слуха, но

¹⁾ Срезн. Пам. юс. пис. 42.

²⁾ Пам. юс. пис. 154.

³⁾ Остр. ев. изд. Вост. 154, 157, 141, 75, 205.

⁴⁾ Остр. ев. 30, 32, 55, 58.

⁵⁾ Ср. Др. пам. Из. А. т. X., вып. V.

и для глаза было особенное начертаніе ихъ. Черезъ всю письменную исторію ихъ, начиная съ самыхъ древнихъ памятниковъ, проходитъ обычай выносить ихъ за строку. Пропускъ ихъ въ строки обозначали различнымъ способомъ: ставили вверху то запятую, то точку, то двѣ черточки, то скобку, обращенную концами внизъ ( ), пока, наконецъ, не утвердился обычай изображать опущеніе глухихъ посредствомъ надстрочнаго паерика ('). Такой способъ начертанія глухихъ въ одинаковой мѣрѣ характеристиченъ, какъ для позднихъ временъ русской письменности, такъ и для самой древней эпохи ея: въ памятникахъ XI в. онъ распространенъ не менѣе, какъ и въ письменныхъ произведеніяхъ XVI в. Въ древнѣйшихъ памятникахъ югозападнаго юсоваго письма онъ господствуетъ во всей силѣ. По нашему мнѣнію, надстрочное изображеніе глухихъ гласныхъ всегда означало ихъ отсутствіе въ смыслѣ звуковъ, ниспаденіе звуковъ на степень простаго знака этимологическаго, а не фонетическаго. Правда, древніе писцы не были записными этимологами, что показываетъ самый переносъ глухихъ на верхъ строки, но письменное преданіе, соединенное съ уваженіемъ къ предмету писаній, не лишено было въ ихъ глазахъ авторитетнаго значенія. Въ рѣдкихъ рукописяхъ встрѣчаются сознательныя уклоненія отъ оригинала: большею частію попадаютъ обмолвки, описки, уклоненія бессознательныя, невольныя.

Полагать надобно, что глухіе гласные прежде всего начали исчезать въ концѣ словъ. Въ рукописяхъ XVI в. часто уже встрѣчается надстрочный знакъ, вмѣсто конечнаго *ъ* или *ь*. Какъ звуки слабые, они могли сохранить нѣкоторый слѣдъ гласности только въ тѣхъ слогахъ, надъ которыми стояло удареніе. Можетъ быть, въ ту прадавнюю эпоху, когда глухіе звуки жили въ русскомъ языкѣ, и мѣсто ударенія въ словахъ съ конечными глухими было другое, но не подлежитъ сомнѣнію, что присутствіе ударенія на слогахъ съ полными гласными обуславливало паденіе глухихъ звуковъ въ концѣ словъ: лишенные звуковой поддержки въ удареніи, они должны были здѣсь исчезнуть равнѣе, чѣмъ въ другихъ частяхъ слова. Затѣмъ, встрѣчалъ въ самыхъ древнихъ памятникахъ отсутствіе *ъ* и *ь* въ предлогахъ и въ предложныхъ словахъ, мы имѣемъ право заключить, что уже очень рано началось паденіе ихъ и въ срединѣ словъ, гдѣ они, подъ защитой согласныхъ, занимали болѣе крѣпкую позицію, и гдѣ присутствіе ихъ обуславливалось необходимостью выговора нѣсколькихъ рядомъ стоявшихъ согласныхъ. Да иначе и быть

не могло: звуковыя превращенія въ одной частѣ слова должны были немедленно отразиться на всемъ составѣ его. По мѣрѣ того какъ конечныя глухіе падали, срединныя должны были превращаться въ полныя гласныя: изъ *сонъ, левъ, день* и проч. должны были образоваться: *сон, лев, день*. Одно звуковое явленіе влекло за собою другое, но оба они, какъ исключеніе *з* и *ь*, такъ и замѣна ихъ полнымъ звукомъ, въ одинаковой мѣрѣ указываютъ на паденіе глухихъ гласныхъ. Впрочемъ, весьма могло быть, что срединныя глухіе, не прикрытыя удареніемъ, не были слышны даже въ тѣхъ словахъ, которыя оканчивались на чистый гласный звукъ: писали послavianски: *кто, съпати, вдова*, а выговаривали: *кто, стати, вдова*. Новое звуковое явленіе давно уже вступило въ свою силу, но старая традиція, основанная на правописаніи, продолжалась. Мы можемъ заключать объ этомъ по непослѣдовательности въ употребленіи глухихъ, постоянно встрѣчаемой въ древнѣйшихъ русскихъ памятникахъ. Возьмемъ напр. на выдержку памятникъ XII в. „Монастырскій уставъ церковнаго служенія“¹⁾. Въ правописаніи этого памятника замѣтны рѣзкія колебанія въ употребленіи глухихъ. Видно, съ одной стороны, что они были графическими знаками звуковъ, несомнѣнно произносимыхъ: такъ напр. словъ: *търте, мьчтанни, тгью* нельзя произнести безъ *з* и *ь*. Съ другой стороны, частое исключеніе глухихъ и потомъ снова употребленіе ихъ въ формахъ совершенно аналогическихъ показываетъ, что *з* и *ь* только писались по преданію, но уже не были произносимы: такое противорѣчіе встрѣчаемъ напр. въ прич. прошедш. *тѣше*, а на другой страницѣ: *пожившихъ*. Можно сослаться въ доказательство фиктивности глухихъ на такую форму, какъ напр. *въззхытити*²⁾: здѣсь звучный согласный *з* въ произношеніи, очевидно, стоялъ непосредственно предъ отзвучнымъ *х*, — иначе, т. е. если бы *з* былъ слышимъ въ произношеніи, то согласный *з* не измѣнился бы въ *с*, и было бы *въззхытити*. Такихъ описокъ разсыпано множество въ памятникахъ всѣхъ вѣковъ и разныхъ нарѣчій: сходная напр. форма въ Сбор. 1073: *въззхлштитеть*. Обращаясь къ „Монастырскому уставу“, находимъ, что въ суффиксахъ, какъ *ъ*, такъ и *ь*, очень часто исключаются: *вечерну, дверми, умывалници, по-*

¹⁾ Срезн. Др. пам. И. А. т. X, в. V.

²⁾ Синод. спис. псалт. XIII в. Хр. Бусл. 88.

добно, праздника¹⁾. Вѣроятно, въ тѣхъ случаяхъ, когда ъ оставался въ срединѣ слова, онъ не всегда превращался въ чистый гласный звукъ, но иногда выражалъ только смягченіе согласныхъ: такое значеніе онъ могъ имѣть напр. въ словѣ *дню* ²⁾ (по двою *дню*), которое можно прочесть съ однимъ гласнымъ звукомъ, смягчивъ согласныя *д* и *н* (въ Сборн. 1773 по *двои-я дню* ³⁾). Еще съ большею вѣроятностію можно заключать, что въ корняхъ и суффиксахъ погибель *ъ* и *ь* обусловливалась, между прочимъ, перестановкой ихъ. Если переставлялся напр. *ь* предъ согласный звукъ, то получался вмѣсто глухаго полный звукъ, какъ въ словѣ напр. *сърдьце* ⁴⁾. Если же онъ ставился позади согласнаго звука, то въ свои права вступалъ гласный, который слѣдовалъ за согласнымъ, *ь* же оставался только знакомъ смягченія, что видно изъ того же слова: *сърдьце*. Яще нагляднѣе это колебаніе въ словѣ: *всьспхъ* ⁵⁾.

Мы указали въ своемъ мѣстѣ на перестановку глухихъ гласныхъ при плавныхъ согласныхъ (*ъл, ѳр, ѳл, ѳр*, вм. *лъ, ръ, ль, рь*), какъ на одну изъ древнѣйшихъ чертъ русскаго языка. Хотя она не чужда и западнославянскимъ нарѣчіямъ ⁶⁾, тѣмъ не менѣе мы считаемъ ее исконно-русскою чертою, точно такъ же, какъ отсутствіе юеовъ въ нарѣчіяхъ напр. сербскомъ и чешскомъ считается характеристической чертой и для древнерусскаго языка. Притомъ, перестановка глухихъ въ слогахъ съ плавными проведена въ русскомъ языкѣ съ чрезвычайною послѣдовательностію. Такъ, уже въ Остромир. евангелии, рядомъ съ славянскими слогами: *ръ, лъ*, стоятъ плавные послѣ глухихъ: *ъръ, ѳръ, ѳр, ѳр, ѳлъ, ѳль*. Явленіе это характерично, какъ для глухихъ гласныхъ, такъ и для плавныхъ согласныхъ; чѣмъ бы ни были *л, р* въ древнеславянскомъ языкѣ—гласными ли, какъ думаетъ Миклопичъ, или согласными, какъ думаетъ Шлейхеръ, ясно, что въ русскомъ языкѣ они никогда не были гласными звуками. Такіе гласные комплексы, какъ *ъръ, ѳръ, ѳлъ* трудно представить себѣ въ какую бы то ни было историческую эпоху русскаго языка. Что

¹⁾ Из. Ак. X, VI, 512—13.

²⁾ Ibid. 514.

³⁾ Грам. Церк.-слав. яз. Вост. 31.

⁴⁾ Срезн. Др. пам. И. А. т. X, в. V, 513.

⁵⁾ Ibid. 513.

⁶⁾ Потебн. Я. М. II. Пр. 1873. Окт. 1874. Мартъ.

касается до глухихъ гласныхъ въ указанныхъ нами группахъ, то уже одна постановка двухъ глухихъ, одного впереди, а другаго послѣ главныхъ, заставляетъ предполагать въ нихъ полный звукъ и невольно наводитъ на мысль о такъ называемомъ полногласіи. По нашему мнѣнію, не только слоги *врѣ*, *злѣ*, но и *ѣр* и *ѣл* находятся въ связи съ русскимъ полногласіемъ.

Изобрѣтатель этого термина, Максимовичъ, различаетъ двѣ, какъ онъ говоритъ, породы полногласія: первая выражается однимъ гласнымъ звукомъ: *влькѣ*, *урдѣ* = *волкѣ*, *гордѣ*, другая, и притомъ главная, двумя гласными звуками, которые ставятся впереди и позади главныхъ *р*, *л*: *клати*, *врана*, *млько*, *мртли* — *колоть*, *ворона*, *молоко*, *мереть*, т. е. первое полногласіе образуется изъ славянскихъ слоговъ *лѣ*, *рѣ*, второе изъ *ра*, *ла*, *рлѣ*, *лѣ*¹⁾. Лавровскийъ доказываетъ, что первое соотвѣтствуетъ ослабленному санскритскому *r*—звуку, который, съ теченіемъ времени, сдѣлался гласнымъ, (прибавимъ, впрочемъ, что *l* и *r* были гласными звуками только въ одномъ діалектѣ Веды) и образовался изъ древнѣйшаго основнаго *ar*, такъ что санскр. *r* = слав. *рѣ*, русск. *ор*, — а второе соотвѣтствуетъ подъему или же этого ослабленнаго *r* (такимъ образомъ первонач. *ar* снова возстановилось) или же подъему не отъ *r*, а отъ основнаго *ar*, слѣдовательно, уже не *ar*, но *ar* = слав. *рлѣ*, рус. *оро*²⁾. Потебня въ вопросѣ о полногласіи существенно расходится съ Лавровскимъ. Онъ различаетъ звуковую замѣну: (санскр. ослабленное *r* = славянск. *рѣ*, литовск. *ir*, русск. *ор*), отъ подъема: (санскр. *ar* = слав. *ра*, литовск. *ar*, русскому *оро*) и въ самомъ подъемѣ различаетъ согласные звуки отъ гласныхъ, т. е. поднимаются, по его мнѣнію, не *л*, *р*, а гласные. Градация усиленія такая: *рѣ* (замѣна), *рлѣ* (усиленіе), *ра* (усиленіе усиленія), при чемъ въ русскомъ языкѣ усиленіе выразилось посредствомъ доегласованія, т. е. слоги: *рлѣ*, *лѣ* разложились въ *ере*, *еле*, а *ра*, *ла* въ *оро*, *оло*³⁾.

Не входя въ спеціальное изслѣдованіе полногласія на почвѣ сравнительнаго языковѣдѣнія, ограничимся замѣчаніемъ, что оно находится, безъ сомнѣнія, въ органической связи съ цѣлымъ строемъ русскаго

¹⁾ Максимовичъ. Начат. рус. Фил. 121.

²⁾ Лавр. Изв. II отд. т. VII, в. V.

³⁾ Потебн. Два изслѣд. о зв. русск. яз.

языка. Мы думаемъ, что оно составляетъ въ нёмъ черту не праславянскую, но собственно русскую, черту, возникшую въ одно время съ ослабленіемъ его вокализма. Тогда какъ въ иныхъ славянскихъ языкахъ существуетъ долгота гласныхъ, которая развилась въ нихъ позже для возстановленія ослабшаго вокализма, въ русскомъ языкѣ та же цѣль достигается полногласіемъ. Оно есть какъ бы замѣнительный процессъ, вызванный паденіемъ гласныхъ звуковъ, поэтому всѣ издодатели русскаго полногласія вполне цѣлесообразно приравниваютъ его въ долготѣ въ другихъ славянскихъ языкахъ. (Катковъ и Лавровскій пользуются аналогіей, главнымъ образомъ, съ языкомъ чешскимъ, Потебня съ языкомъ сербскимъ). Мы встрѣтили недавно полную поддержку своего мнѣнія въ воззрѣніяхъ Ягича, который относитъ полногласіе въ рядъ явленій подновленнаго вокализма. Ягичъ допускаетъ въ славянской фонетикѣ предъ появленіемъ полногласія метатезисъ, новый, какъ говоритъ онъ, принципъ ея, по которому слѣги: *ar*, *al* переставлялись въ *ra*, *la* аналогически съ *kami*, въ литовск. *akmī*. Постепенно въ разныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ явилась реакція этому явленію: въ польскомъ — въ формѣ перемѣны *a* на *o*, въ русскомъ — посредствомъ вставки еще одного гласнаго предъ *r*, *l*. Рядъ такой: *gards* (готск.), *gardas* (литовск.), *градъ* (древнесл.), отсюда *изрод* и *городъ*¹⁾. Въ послѣднее время Потебня высказалъ мнѣніе, что формы: *влькъ*, *влькъ* свойственны не одному русскому, но и западнымъ славянскимъ нарѣчіямъ, что онѣ даже древнѣе формъ: *влькъ*, *влькъ*²⁾. Такая постановка глухихъ гласныхъ впереди плавныхъ, въ какихъ бы она нарѣчіяхъ ни находилась, по нашему мнѣнію, всегда оканчивается превращеніемъ глухихъ гласныхъ въ полныя и объясняется эфонической потребностію замѣнить конечный глухой звукъ полнымъ гласнымъ звукомъ въ срединѣ словъ. Поэтому мы охотно соглашаемся съ Ягичемъ, который считаетъ появленіе *влькихъ* гласныхъ предъ плавными вмѣсто полныхъ гласныхъ послѣ плавныхъ явленіемъ позднѣйшимъ. Это именно и есть посредствующій моментъ въ превращеніи глухихъ, предшествующихъ плавнымъ, въ полныя гласныя. По мнѣнію Ягича, явленіе это и теперь діалектически распространено въ югослов. нарѣчіи: въ некоторыхъ мѣстахъ Далмаціи вм. *krv*, *grm*, говорятъ: *karv*,

¹⁾ Rad Jugoslav. Akad. 1871. кн. XIV, 207—208.

²⁾ Ж. М. Н. Пр. 1874.

garm, или *keru*, *germ* (въ Загорѣ) ¹⁾. Эти формы Ягичъ объясняетъ замѣной утерянныхъ глухихъ гласныхъ. Въ этомъ смыслѣ аналогическія русскія формы (*волкъ*, *городъ*) находятся въ связи съ русскимъ полногласіемъ, которое, по нашему мнѣнію, развивалось по мѣрѣ паденія глухихъ гласныхъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, само оно, по мѣрѣ своего развитія, могло усиливать явленія, его вызвавшія: развиваясь, въ соотвѣтствіе съ долготой въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ, въ срединѣ однихъ словъ, оно исключало тѣмъ самимъ необходимость гласныхъ элементовъ въ концѣ другихъ словъ, и такимъ образомъ вовлекало ихъ въ сферу аналогіи, которая, какъ извѣстно, имѣетъ огромное значеніе въ звуковыхъ превращеніяхъ. Тѣ конечныя гласныя, которые заключали въ себѣ достаточно силы, чтобы противостоятъ напору полногласія въ срединѣ словъ, уцѣлѣли на своемъ мѣстѣ. Должны были исчезнуть слабыя, глухіе звуки.

Когда же они исчезли въ русскомъ языкѣ? Такъ ли поздно, какъ объ этомъ принято говорить въ нашихъ филологическихъ изслѣдованіяхъ?

Мы не рѣшаемся проводить точную хронологическую границу, которая отдѣляла бы двѣ эпохи въ жизни русскаго языка—одну съ глухими гласными, другую—безъ нихъ. Мы не можемъ считать фактомъ доказаннымъ, что глухіе звуки жили въ такомъ-то столѣтіи, а еще менѣе — въ той или другой половинѣ и даже четверти столѣтія. Знаемъ навѣрное только то, что въ древнерусской письменности буквы *ъ* и *ь* были въ употребленіи, знаемъ, что они или совсѣмъ не произносились, или произносились, какъ чистыя гласныя звуки, но звучали ли они, какъ глухіе звуки, въ устахъ древнерусскихъ предковъ нашихъ, свидѣтелей перехода славянской письменности къ русскимъ племенамъ, объ этомъ навѣрное мы ничего сказать не можемъ. Въ источникахъ нашихъ нѣтъ такихъ данныхъ, на основаніи которыхъ мы могли бы признать дѣйствительное существованіе глухихъ въ древнерусскомъ языкѣ, данныхъ непрерываемыхъ, которыя не могли бы подлежать различнымъ толкованіямъ. Выставляемъ на видъ то обстоятельство, что до сихъ поръ мы не имѣемъ документальной, составленной по памяткамъ, исторіи глухихъ гласныхъ въ русскомъ языкѣ, и что, на основаніи письменнаго матеріала, съ полнымъ убѣжденіемъ можно сказать только то, что древнерусскіе писцы иногда, и даже очень часто, произносили буквы

¹⁾ Rd Jugosl. Akad. 1871. XIV, 206.

ъ и ъ, но произносили ли они ихъ именно какъ звуки глухіе, — повторяемъ, это еще вопросъ, требующій аргументаціи болѣе сильной, чѣмъ та, которую мы имѣемъ теперь въ своемъ распоряженіи. Пока не будутъ указаны точныя ореографическія примѣты, по которымъ можно бы было узнавать присутствие глухихъ звуковъ въ произношеніи древнерусскихъ писцовъ, до тѣхъ поръ невозможны, по нашему мнѣнію, попытки хронологически опредѣлить эпоху, когда глухіе звуки исчезли въ русскомъ языкѣ.

Но мы далеки отъ того, чтобы въ языкѣ восточныхъ славянъ, которые въ послѣдствіи прозвались Русью, отрицать переходную стадію испаденія полныхъ гласныхъ на степень глухихъ. Мы признаемъ за нею значеніе дѣйствительнаго факта, потому что этотъ фактъ подтверждается не только аналогіей съ другими нарѣчьями, но и внутренними превращеніями звуковъ въ сферѣ собственно русскихъ нарѣчій. Думаемъ, однако же, что присутствие глухихъ гласныхъ не есть характеристическій моментъ для русскаго праязыка, что, напротивъ того, извѣстные реактивы, соответствующіе паденію глухихъ, гораздо болѣе характеристичны для прототипа русскихъ нарѣчій. За наше предположеніе стоитъ повсемѣстный фактъ ранняго паденія глухихъ. Что въ русскомъ языкѣ оно упредило историческую эпоху, косвеннымъ доказательствомъ можетъ служить русское полногласіе. Явленіе это исконно русское, *общерусское*, потому что всѣ русскія нарѣчія, различаясь многими своеобразными чертами позднѣйшаго происхожденія, относительно полногласія совершенно сходны между собою. Съ другой стороны, полногласіе обнаружилось въ самыхъ первыхъ памятникахъ славянорусскаго письма, слѣдовательно, оно существовало уже въ языкѣ всѣхъ русскихъ племенъ до появленія среди нихъ письменности, и потому мы имѣемъ право сдѣлать заключеніе, что и паденіе глухихъ гласныхъ нужно считать такимъ явленіемъ, которое не только началось въ эпоху, предшествовавшую письменности, но и успѣло тогда уже значительно окрѣпнуть. Но такъ какъ многіе общеславянскіе элементы до сихъ поръ живутъ въ нарѣчьяхъ русскихъ, то и глухіе по инерціи могли еще, даже на зарѣ исторической жизни, кой-гдѣ удержаться въ устахъ обитателей русской равнины, какъ отдаленное воспоминаніе о той эпохѣ, когда русскій языкъ не отдѣлился еще отъ родной общеславянской вѣтви. Съ этой точки зрѣнія, можно допустить, что глухіе звуки жили въ праязыкѣ русскомъ, но какъ явленіе второстепенное, уступившее

свое мѣсто другимъ звуковымъ явленіямъ, развившимся собственно на русской почвѣ. Прозвѣтаніе глухихъ гласныхъ относится къ общей жизни всѣхъ славянскихъ нарѣчій, характеризуетъ эпоху ихъ нераздѣльнаго бытія; паденіе глухихъ есть уже моментъ переходный отъ общеславянской эпохи къ отдѣльному существованію. Съ этого момента пошли они по пути своего индивидуальнаго развитія, восполняя убыль глухихъ различными средствами, болѣе или менѣе своеобразно. Въ однихъ нарѣчійхъ глухіе исчезли раньше, въ другихъ позже. Что касается русскаго языка, то въ ту эпоху, когда онъ появился въ исторіи подъ искусственно-сложными формами древнерусской письменности, глухіе имѣли больше графическое, чѣмъ фонетическое значеніе. Какъ бы то ни было, паденіе глухихъ глубоко отразилось на всемъ составѣ древнерусскаго языка, во всемъ объемѣ его діалектическихъ различій, отразилось и на тѣхъ элементахъ его, которые постепенно выясняются въ исторіи въ одномъ цѣльномъ типическомъ образѣ малорусскаго нарѣчія.

2. Малорусское і вмѣсто Ѣ.

Обыкновенно считаютъ самую рѣзкою особенностью малорусскаго вокализма преобладаніе звука *і* надъ всѣми остальными гласными звуками. И дѣйствительно, ни въ одномъ славянскомъ нарѣчьи звукъ *і* не получилъ такого широкаго развитія, какъ въ малорусскомъ. Въ системѣ малорусскихъ гласныхъ его можно назвать звукомъ типическимъ, средоточнымъ звукомъ, къ которому стягивается все разнообразіе гласныхъ элементовъ и отъ котораго, въ свою очередь, происходятъ ихъ индивидуальныя особенности.

Нѣтъ сомнѣнія, что это *і* развивалось постепенно, въ теченіе многихъ вѣковъ. Оно составляетъ, такъ сказать, наносный слой, подъ которымъ скрываются звуки разныхъ эпохъ и разныхъ формаций. Есть современные ему звуки (*e, o, a, y*), которые, при извѣстныхъ условіяхъ, переходятъ въ *і*. Но поглощая живые, современные звуки, звукъ *і* нѣкогда утвердился на мѣстѣ того гласнаго звука, который въ славянской азбукѣ изображенъ былъ посредствомъ буквы *ѣ*.

Существовалъ ли этотъ звукъ въ праязыкѣ русскомъ, по отдѣленіи его отъ общеславянской почвы, или же уцѣлѣвшіе въ русскихъ нарѣчьяхъ остатки *ѣ* въ формахъ напр: *п-ой-ть на-най-ать* составляютъ *праславянскую* черту русскаго языка, а не собственно русскую, — на этотъ вопросъ отвѣчать мы не беремся. Не подлежитъ сомнѣнію только то, что въ самыхъ древнихъ памятникахъ русской письменности на-

чертаніе њ было всегда подставнымъ знакомъ для выраженія различныхъ звуковъ, поэтому звукъ њ мы будемъ называть буквой, такъ какъ самаго звука њ не было въ русскомъ языкѣ уже въ самую первоначальную эпоху его исторической жизни. Есть нѣкоторое сходство между буквой њ и буквами ѓ, ѡ въ отношеніи къ той значительной роли, которую онѣ играли въ русской письменности, удержавшей ихъ до послѣдняго времени, вопреки дѣйствительному звуковому строю, какъ литературнаго русскаго языка, такъ и его отдѣльныхъ нарѣчій.

Но дѣло не въ этомъ вышнемъ сходствѣ. Есть сходство между буквою њ и одной изъ глухихъ болѣе глубокое, внутреннее. Оно рѣзко бросается въ глаза изъ самаго начертанія этихъ буквъ. Въ Сборникѣ 1073 г. составные элементы быквы њ явственно выступаютъ въ начертаніи ея: њ-сти, њ-ъ¹⁾: њ является здѣсь съ ютой впереди, вторая же составная часть этого начертанія есть мягкая глухая буква ѡ. Съ теченіемъ времени передняя черта, знакъ ютаціи, вышла изъ употребленія, и явилось всюду господствующее начертаніе њ. Очевидно, њ, въ сознании самаго изобрѣтателя этой буквы, былъ звукомъ родственнымъ полугласному ѡ. И дѣйствительно, њ, подобно ѓ и ѡ, не употребляется въ качествѣ начальнаго звука въ словѣ, за исключеніемъ тѣхъ немногихъ случаевъ, когда њ стоитъ вмѣсто начальнаго њ (њсти = њсти, њду = њду)²⁾. Такимъ образомъ, малорус. і вмѣсто славянскаго њ имѣетъ соотношеніе къ глухому полугласному элементу ѡ³⁾.

Но мы рѣшились, вслѣдъ за глухими гласными перейти къ исторіи буквы њ въ малорусскомъ нарѣчій не потому только, что славянскій звукъ, для котораго она была придумана, состоитъ въ старинномъ родствѣ съ глухимъ мягкимъ звукомъ ѡ. Современное намъ малорусское выраженіе буквы њ посредствомъ і, въ древнѣйшемъ періодѣ русскаго языка, было распространено не на одномъ югѣ, да и въ настоящее время буква њ слышится, какъ і, не въ одномъ малорус. нарѣчій, но и въ говорѣ новгородцевъ, а также всего сѣвернаго поморья. Такая распростра-

¹⁾ Срезн. Др. пам. юс. п. 179.

²⁾ Дюверн. Система основн. элем. и фор. слав. нар. 97.

³⁾ Еще Челяковскій, основываясь на начертаніи буквы њ, считалъ однимъ изъ составныхъ элементовъ ея ѡ (Stenĭ o slovn. mluv. slov. 34).

ненность этой звуковой замѣны свидѣтельствуесть объ ея глубокой древности, — история же звуковыхъ явленій, какъ и всякая исторія, должна быть начата съ древнѣйшихъ.

Какъ звучала буква *ъ* въ древнеславянскомъ языкѣ?

Въ настоящее время существуютъ самыя несходныя мнѣнія о древнѣйшемъ произношеніи буквы *ъ*: то приравниваютъ ее къ французскому *e* (Копитаръ, Миклошичъ), то считаютъ ее или простымъ (Добровский и Дювернуа), или долгимъ (Буслаевъ) звукомъ *e*, то долгою глухою звукою *ь* (Катковъ), то усвоиваютъ ему произношеніе, близкое къ *i* (Бетлингъ) или же *ie* съ растяженнымъ произношеніемъ (Дювернуа), то, наконецъ, выражаютъ его сложнымъ начертаніемъ двухъ звуковъ *ia* (Шлейхеръ и Миклошичъ), даже *ea* (Шлейхеръ и Бодуэнъ-де-Куртэнэ). Среди этого разнообразія мнѣній, изъ которыхъ каждое имѣетъ свое основаніе, трудно остановиться на какомъ нибудь одномъ изъ нихъ, трудно сказать съ полною достовѣрностію, что одно истинно, а всѣ другія — нѣтъ. Можетъ быть, сравнительное языковѣдѣніе когда нибудь сведетъ эти неодинаковыя мнѣнія къ немногимъ, за то твердымъ пунктамъ, но это дѣло будущаго. Въ настоящее время, по нашему мнѣнію, удобнѣе всего заняться подготовкой историческаго матеріала для сравнительной науки. Но, чтобы тверже установить историческую почву, необходимо напомнить, хотя въ общихъ чертахъ, о тѣхъ звуковыхъ элементахъ, изъ которыхъ образовался древнесл. звукъ *ъ*, другими словами, необходимо коснуться вопроса о его происхожденіи.

Шлейхеръ указываетъ на замѣчательное явленіе въ трехъ сѣверовосточныхъ семействахъ языковъ (нѣмецкомъ, литовскомъ и славянскомъ), на смѣшеніе во многихъ корняхъ гласныхъ ряда *i* съ гласными ряда *a* ¹⁾. Такъ, въ санскр. корень *dar* (раздроблять), въ готе. *dails*, въ славянс. *дѣлѣ*, отсюда въ великор. *дѣ(ѣ)л(а) (итѣ)*, малорус. *діл(ити)*. Смѣшеніе это особенно сильно развилось въ славянс. языкахъ, и согласіе ихъ относительно перебора *a* въ *i* указываетъ на древность этого явленія. Есть много словъ, въ которыхъ еще на общеславянской почвѣ первоначальное *a* ослабѣло въ *i*: сравн. санскр. *pātan*, нѣмецк. *Name*, славянск. *имѣ*, — нѣмецк. *Ahle*, слав. *имѣ*, —

¹⁾ Compend. Schleich. 126.

гостк. *asta*, (въ *ast-ath-is*), славянс. суф. *истъ*. Смѣшеніе *a* съ *i* повлекло за собою смѣшанный подъемъ, отсюда уже въ древнеслав. нарѣчій получилась возможность такихъ комбинацій въ подъемѣ: *ъ, е, о, і, њ*: *рыи, рек, пророкъ, прорицати, нарѣковати*, предполагаемая основная форма *rak*, слѣдовательно, этотъ корень является въ пяти отклоненіяхъ. Такимъ образомъ, корни современнаго намъ вокализма лежатъ очень далеко, въ доисторическихъ звуковыхъ превращеніяхъ, которые возникли по меньшей мѣрѣ на общеславянской почвѣ и затѣмъ въ разныхъ славянскихъ нарѣчійхъ получили различную окраску. Въ малорусскомъ нарѣчій дошло смѣшеніе ряда звука *a* съ рядомъ звука *i* до того, что всѣ гласные, въ большей или меньшей степени, приписаны въ жертву любимому *i*.

Смѣшеніе элементовъ *a* съ *i* выразилось съ особенною рѣзкостью въ *ъ*. Какъ дифтонгъ, *ъ* состоитъ именно изъ *a + i*. Онъ есть или первый подъемъ отъ *a*, равный санскритск. *a*: *дъ-ти* (дѣлать), санскр. *dhā*, *сѣсти* (*сѣд-ти*), *сѣдъти*, кор. *sed*, первонач. *sad*¹⁾, или же первый подъемъ отъ *i*: *цвѣтъ-ж*, основ. фор. *kvait-a-s*, ср. *про-цвѣт-ати*²⁾; такъ какъ основное *a* въ древнесл. языкѣ является или въ видѣ *e*, или въ видѣ *o*, то начальное *a* въ *ъ* должно было измѣниться тоже въ *e* или *o*, отсюда *мъ-ти, на-пой-ти, на-пай-ати* (второй подъемъ *i*). Въ словинс. нарѣчій сохранилась форма этого дифтонга съ начальнымъ *e*: *mejsto svejt* и проч. Слѣдовательно, на славянской уже почвѣ къ дифтонгу *ъ* привлечены были четыре звука: *i, a, e, o*. Но сверхъ того, нужно имѣть въ виду, что гласный *i* находится въ ближайшемъ родствѣ съ своею краткостію *ъ*, поэтому въ древнеслав. нарѣчій, рядомъ съ *свѣтити*, существовали формы: *свитати, свѣтъти*, т. е. формы ослабленныя, и притомъ не въ одной только степени (*свитати*), но и въ другой (*свѣтъти*). Очевидно, въ малорус. словѣ: *свит* звукъ *i* есть ослабленный звукъ въ отношеніи къ *ъ* и поднятый въ отношеніи къ *ъ* (срав. съ долготой въ чешс. *svit*). Затѣмъ, въ слѣдствіе древняго смѣшенія *ъ* съ *ъ*, мы имѣемъ формы, въ которыхъ *ъ* является подъемомъ *ъ*: *врѣтити* (*врѣжъ*), *мѣтити* (*мѣжжъ*) и проч. Отсюда явствуетъ, что *ъ* находится въ соответствіи съ другимъ дифтонгомъ *ы*, въ начертаніи котораго полугласный твердый элементъ занимаетъ то самое мѣсто, которое первоначально занималъ

¹⁾ Compend. Schleich. § 79.

²⁾ Ibid. § 81.

звукъ *a* въ дифтонгѣ *ъ*. Поэтому въ верхнелужицкомъ нарѣчии звукъ, стоящій на мѣстѣ *ъ*, иногда переходитъ въ *ы*: *chcyl*—нижнелуж. *ksjel*, *rys*—нижнелуж. *rjes* ¹⁾). Такимъ образомъ, начавшись въ сферѣ гортанно-небныхъ элементовъ (*a+i*), *ъ*, въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи, приходитъ до границы губнаго элемена (*zi*), порождая новые звуковые комплексы.

Съ этой точки зрѣнія неизлипнымъ считаемъ поставить вопросъ, есть ли какая нибудь возможность опредѣленно сказать, какъ произносимъ былъ звукъ *ъ* въ древнесл. нарѣчии?

Мы не рѣшаемся отвѣчать на этотъ вопросъ предположеніями. Мы думаемъ, что и другія предположенія этого рода не отличаются убѣдительною, именно потому, что уже въ самый ранній періодъ древнеславянской письменности дифтонгъ *ъ* отражалъ въ своей сложной природѣ все диалектическое разнообразіе говоровъ, входившихъ въ составъ того нарѣчія, на которое переведено было священное писаніе. Переводчики, безъ всякаго сомнѣнія, разумѣли особенный и притомъ опредѣленный звукъ, коль скоро выразили его особымъ начертаніемъ, но скоро этотъ звукъ долженъ былъ помутиться подъ вліяніемъ народныхъ говоровъ, постоянно колебавшихъ едва воздвигнутое зданіе славянской письменности. Вотъ почему, не отрицая того праславянскаго момента, когда во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ буквѣ *ъ* соотвѣтствовалъ звукъ болѣе опредѣленный и общій всѣмъ имъ, мы считаемъ, однако же, вполне возможнымъ признать въ самомъ древнеславянскомъ нарѣчии, и притомъ въ самую первую эпоху его письменности, нѣсколько зачаточныхъ оттѣнковъ въ произношеніи буквы *ъ*, оттѣнковъ, которые состояли въ полнѣйшей аналогіи съ различными замѣнами ея въ разныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ. То же слѣдуетъ допустить и въ отношеніи къ русскимъ нарѣчіямъ: въ устахъ разбросанныхъ обитателей русской равнины, предъ самымъ началомъ исторической эпохи, слышался вмѣсто *ъ* не одинъ звукъ, а нѣсколько несовсѣмъ сходныхъ между собою звуковъ.

Есть въ древнеславянскихъ памятникахъ нерусской редакціи явные слѣды паденія звука *ъ* въ древнѣйшую эпоху славянской письменности. Мы уже имѣли случай, на основаніи начертанія буквы *ъ* въ Сборн. 1073, замѣтить, что въ дифтонгѣ *ъ* впереди гласнаго звука

¹⁾ Дювер. Сист. элем. и формъ слав. нар. 96—97.

стоитъ юта, т. е. вмѣсто первоначальнаго *ai*, давно уже возникла обратная форма съ небнымъ элементомъ впереди. Когда произошла эта перестановка звуковъ, въ сферѣ ли отдѣльныхъ славянскихъ нарѣчій или на общеславянской почвѣ, рѣшить трудно. Какъ бы то ни было, только переставленный предъ *a* звукъ *i* превратился въ юту; кромѣ *ъ*, мы встрѣчаемъ во многихъ славянскихъ рукописяхъ XI в. другое начертаніе этого звука, именно *ia*, съ очевидной ютой впереди. Обѣ буквы постоянно смѣшиваются между собою во всеѣхъ памятникахъ юсоваго письма и во многихъ древнѣйшихъ памятникахъ русской редакціи. Такое смѣшеніе мы видимъ даже въ Остромир. евангеліи: *катѣ* (имен. ед.), *всѣхъ*, *трѣа* ¹⁾. Есть также югославянск. памятники (напр. Македонскій листокъ), въ которыхъ буквы *ъ* совсѣмъ нѣтъ, а вмѣсто нея постоянно употребляется *ia*, — въ другихъ же совсѣмъ наоборотъ, (напр. въ Евангельскихъ листахъ Ундольск.), дано широкое мѣсто *ъ* въ замѣнъ *ia* ²⁾.

Были ли это два различные звука или же два различные знака для выраженія одного и того же звука?

Извѣстно, что въ глаголицѣ для *ъ* и *ia* существуетъ одинъ знакъ **А**. Можетъ быть, это начертаніе есть остатокъ стародавняго выговора, въ которомъ смѣшанно звучало то, что въ послѣдствіи специализировалось въ разные звуки. А такъ какъ многія кирилловскія рукописи, очевидно, переписаны съ глагольскихъ подлинниковъ, между тѣмъ, первоначальное произношеніе **А** затмилось въ сознаніи переписчиковъ, то они и выражали его посредствомъ двухъ различныхъ знаковъ, которые звучали одинаково. Произношеніе **ia**, безъ сомнѣнія, и тогда было такое же, какъ и теперь, смѣшеніе же *ia* съ *ъ* указываетъ на то, какъ выговаривалась эта послѣдняя буква: именно, она выговаривалась, какъ *ia*. Стоитъ замѣтить, что съ этимъ выговоромъ совпадаетъ самое названіе этой буквы (*am*). Произношеніе *ъ*, какъ *я*, до сихъ поръ сохранилось въ нарѣчій польскомъ предъ твердыми согласными (*miasto*, *biały*), а также въ восточномъ говорѣ болгарскаго нарѣчія (*мяръ* = мѣра).

Несравненно менѣе распространено въ юсовыхъ памятникахъ смѣшеніе *ъ* съ *e*. Оно является только въ XII вѣкѣ въ Орхиде. книгѣ апост. чтеній: *сѣде*, *иде*, *иде*, *везде*, въ Слѣпченск. кн. апост. чт. *дремъ*,

¹⁾ Остр. 160. 275. 241.

²⁾ Срезн. Пам. юс. пис. 42. 44.

сребролюбци, въ Болонс. псалтири: *где, умлнште*, но есть *похва-
стль* ¹⁾). Также рѣдко *е* вм. *ь*, и обратно, въ славянорусскихъ памятни-
кахъ XII в.: въ Остр. еванг: *несть* ²⁾),—въ Тишог. ев: *времл* и *ортмл*,
телеса ³⁾),—въ Словахъ Григорія Богосл: *въсемъ, амльскыл, нльзъ* ⁴⁾),
въ Постной трюди, писанной въ Новгородѣ: *верьнии, прибегающии, нете-
льсьную, мевъ, нозе и нозъ* (двойств. ч.), *при асчере* ⁵⁾). Но въ XII в.
древнерусскіе памятники представляютъ уже очень много случаевъ
взаимной смѣны *ь* съ *е*. Прорвавшись сквозь сѣть славянскаго право-
писанія, выговоръ *ь* за *е* возрастаетъ съ каждымъ вѣкомъ, явственно
обнаруживая свой пародный источникъ. Писанье *е* вм. *ь* до такой
степени распространилось, что даже въ позднѣйшихъ южнорусскихъ па-
мятникахъ напр. XVII в., когда *ь*, безъ всякаго сомнѣнія, малоосу-
сіане выговаривали, какъ *і*,—на письмѣ часто встрѣчаемъ *е* вм. *ь*.
Такъ у Беринды: *подозреньл, вырозуменл* ⁶⁾ и проч.,—въ лѣтописяхъ
Львовской и Самовидца: *Хмельницки* вм. *Хмѣльницкій* ⁷⁾ и проч.

¹⁾ Срезн. пам. юс. пис. 98. 132.

²⁾ Остр. 25.

³⁾ Срез. Св. и зам. 45, 49, 47.

⁴⁾ Буд. Изслѣд. о яз. сл. Гр. Бог. 7.

⁵⁾ Срез. Древн. пам. И. А. X. V. 445—46—50.

⁶⁾ Беринд. стр. 3.

⁷⁾ Въ юго и северозападныхъ актахъ XV и XVI в. употребленіе *е* вм. *ь* можно считать обычнымъ. Для примѣра выпишемъ изъ одной грамоты (1463) нѣсколько словъ: *вреху, старосте* (дат. пад), *не хотели, седели, сеножати, реки, оу лесехъ и оу мсехъ* (Срезн. Св. и зам. 83—84). Въ языкѣ грамотъ такое правописаніе развилось, очевидно, подъ вліяніемъ бѣлорускаго выговора, который господствуетъ напр. въ Библии Скорины (XVI в.): (*вкупѣ, звери, вечнаго* и проч. Ист. христ. Бусл. 199—200). Дѣло въ томъ, что правительственные центры въ литовскомъ княжествѣ находились среди населенія бѣлорускаго, грамоты же давали литовскіе князья большею частію изъ бѣлорусскихъ городовъ. Въ XV и XVI в. въ канцеляріяхъ литовскихъ князей выработался особенный искусственно-дѣловой языкъ, совмѣщавшій въ себѣ стихію бѣлорусскую по преимуществу, стихію малорусскую и въ значительной степені польскую. Такъ напр въ одной и той же грам. (Казимира Ковну 1463) слово: *мѣсто* пишется троякимъ способомъ: по славянски: *мѣста*, побѣлорусски: *места* и попольски: *мясть* (Срезн. Свѣд. 82—84). Разница между языкомъ грамотъ XIV и XV в. довольно значи-

Извѣстно, что великорус. нарѣчіе усвоило себѣ замѣну *ъ* звукомъ *е* и развило ее до исключительнаго господства *е* на мѣстѣ первоначальнаго *ъ*. Великорусское *е* есть звукъ мягкій, іотированный, совершенно сходный съ другою замѣною *ъ* въ польскомъ нарѣчій предъ мягкими согласными (*sledzić, bielić*). Такое же іотированное *е* вм. *ъ*, рядомъ съ простымъ *е*, есть и въ словинскомъ нарѣчій (*brjeg* и *breg*). Въ чешскомъ нарѣчій краткое *ъ* выражается посредствомъ *ě*, которое смягчаетъ предшествующій согласный (*věrný, pěna*); только послѣ согласныхъ мягкихъ, въ чешскомъ, подобно словацкому нарѣчій, пишется простое *е* (*seno, na noze*). Наконецъ, и въ сербскомъ нарѣчій весьма распространена замѣна *ъ* посредствомъ *е*. Такъ, въ герцеговинскомъ (южномъ) говорѣ *ъ* произносится, какъ *je*, въ слогахъ безъ ударенія или же съ краткимъ удареніемъ (*бјемло*),—послѣ мягкихъ согласныхъ, какъ *е* (*ћед*: іота заключается въ самомъ согласномъ звукѣ). Въ сремскомъ говорѣ преобладаетъ *е* на мѣстѣ *ъ* (*вєра, мєра*)¹⁾.

Перейдемъ къ смѣшенію *ъ* съ *і*.

По свидѣтельству Срезневскаго, *і* вмѣсто *ъ* въ юсовыхъ памятникахъ встрѣчается рѣдко²⁾. Между тѣмъ, Ламанскій изъ одной Супрасл. рукописи приводитъ значительное количество словъ, въ которыхъ *і* поставлено вм. *ъ*. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ: *лиці свои* (двойств. винит.), *въ темниці, проивитаєтъ, очивистъ, єдиноєжитниги и животворєжитниги и всєдєрєжитниги троєци, поєрибаєжитє, єрєховєниги злоби* и проч.³⁾ Вообще въ древнѣйшихъ славянскихъ памятникахъ обмѣнъ *ъ* съ *і* встрѣчается весьма нерѣдко: *єтєиє* и *єитєиє*, *поєрєбитє* и *поєрибитє*, *єрєлєитє* и *єрєлитє*, *єрєлєитє* и *єрєлитє*, *єрєлєитє* и *єрєлитє*⁴⁾. Въ славянорусскихъ памятникахъ XI—XII—XIII в. *і* вм. *ъ* рѣже, чѣмъ *е* вм. *ъ*, но тѣмъ не менѣе встрѣчается очень часто. У Колосова приведены далеко не всѣ факты. Укажемъ сперва случаи замѣны *ъ* посредствомъ *і*, не касаясь пока тѣхъ случаевъ, когда *ъ* ставится вмѣсто *і*.

тельна: въ XIV в. надъѣвъ бѣлорусскихъ и польскихъ элементовъ слабѣе, чѣмъ въ XV в., за то преобладаетъ въ XIV в. стихія славянская, сквозь которую явственно пробиваются народныя черты (см. Приложенія).

¹⁾ 1 изд. Српс. рјечн. Карадж. предис. стр. 17.

²⁾ Срезн. Др. нам. юс. пис. 155.

³⁾ Ламанск. О пѣк. слав. рук. стр. 41.

⁴⁾ Lexic. Miklos. 123—65, 591—590, 699, 945, 830—827.

XI в. Слова Григорія Богосл.: *съ стинъ, смотрити* ¹⁾. Изборникъ 1073: *въразуминиѣ, смотривъше, пламениѣ* ²⁾, *исцили и исцѣли, въ мрътавицихъ, оумишени-жъ* ³⁾. Изборн. 1076: *очиисти* ⁴⁾.

XII в. Златоструй: *изисти (издсти), рассмотрити, свѣтающе* ⁵⁾. Иѣств. Румянц. муз.: *насмисаниѣ, оумисаи-житисѣ* ⁶⁾ Юрьев. еванг.: *идяахоу* вм. *идяаху* ⁷⁾. Хожд. Богор.: *приситиша* ⁸⁾.

XIII в. Патер. Скитск.: *одидла* ⁹⁾. Слова Кирилла Туровскаго: *процитають* ¹⁰⁾, *у сели* ¹¹⁾. Новгор. купч.: *на Лукини береги, на гори, святому Николи, на островки, всимъ* ¹²⁾. Поученія Ефр. Сирина: *роздѣляюще, свидѣтель, мнозихъ, призрити, неприемалай, прильстилъ* ¹³⁾. Въ этомъ вѣкѣ начинаетъ уже встрѣчаться и *ы* вмѣсто *ь*: такъ, въ Кормч. 1280: *ты суды и тѣ суды* ¹⁴⁾. Указанные нами случаи соотвѣтствуютъ малорусскому *і* вм. *ь*, а также *г=ъ*, распространенному въ новгородскомъ говорѣ великорус. нарѣчія ¹⁵⁾. Такое же *і* встрѣчаемъ во всѣхъ славянскихъ нарѣчьяхъ. Оно господствуетъ постоянно и неизмѣнно, какъ въ малорус. нарѣчьи, у хорватовъ; и въ герцеговинскомъ говорѣ, предъ іотированными гласными и мягкими согласными, *ь* звучитъ, какъ *і* (*сцѣти*), а въ долгихъ слогахъ оно произносится растяжено: *ије* (*бијел*); даже въ сремскомъ говорѣ, гдѣ господствуетъ *е* вм.

¹⁾ Будил. Исслѣд. о яз. 13 сл. 24.

²⁾ Бусл. Ист. христ. 262—64—65.

³⁾ Ламанск. О нѣкот. слав. рук. 40—41.

⁴⁾ Ibid. 41.

⁵⁾ Срезн. Др. пам. И. А. X. V, 530—31—38.

⁶⁾ Лам. О нѣк. слав. рук. 41.

⁷⁾ Из. Ав. VIII, 356.

⁸⁾ Колос. 77.

⁹⁾ Бусл. Ист. христ. 413.

¹⁰⁾ Ibid. 356.

¹¹⁾ Колос. 94.

¹²⁾ Опис. Румян. муз. Вост. 107—108 (Востоковъ относитъ эту купчую или къ XIII, или къ XIV в.).

¹³⁾ Срезн. Св. и зам. 50.

¹⁴⁾ Описан. Соф. соб. 6.—Мы выписали только изъ доступныхъ намъ источниковъ случаи употребленія *і* вм. *ь*. Не сомнѣваемся, что въ дѣйствительности ихъ было несравненно больше, чѣмъ у насъ показано.

¹⁵⁾ Потебн. О звуков. особ. рус. нар. 81—82.

ь, есть и *i* (*viditi*) ¹⁾. Въ словинскомъ нарѣчїи, сверхъ замѣнъ ь, указанныхъ выше (*e, je, ej*), есть и *i*: (*dite, misto, mliko*). Въ чешскомъ нарѣчїи долгота ь выражается посредствомъ долгаго *i* (*bida, vim*). Даже въ польскомъ нарѣчїи многія слова удержали выговоръ ь, какъ *i*: (*switac, kwitnac*).

Таковы факты изъ современныхъ славянс. нарѣчїй и изъ памятниковъ древнеславянскихъ и древнерусскихъ. Кажется, не погрѣшимъ, если скажемъ, что главными замѣстителями звука ь, какъ въ древнее, такъ и въ новое время, можно считать звуки *e* и *i*. Въ тѣхъ нарѣчїяхъ, которыя въ современномъ состоянїи представляютъ широкое развитіе *i* вм. ь, такое *i* обнаружилось уже въ глубокой древности. Такъ, въ хорватскихъ грамотахъ латинскаго письма *i* вм. ь является уже въ XI в. (*stimza*-сгѣница, *svidoz*-свѣдожь) ²⁾, и хотя господство этого *i* въ западносербскихъ грамотахъ относится только къ XIV—XV в., но это объясняется вліяніемъ книжныхъ образцовъ восточно сербской редакціи, въ которыхъ преобладалъ языкъ церковнославянскій ³⁾. Намъ кажется, что такое объясненіе примѣнимо и къ древнерусской письменности. Она представляетъ намъ чаще замѣну ь звукомъ *e* оттого, конечно, что въ самомъ древнеславянскомъ нарѣчїи, въ эпоху перехода славянской письменности къ русскимъ племенамъ, *e* вм. ь преобладало надъ *i* вм. ь,—съ другой стороны, и въ русскихъ нарѣчїяхъ существовало уже *e* вмѣсто праславянскаго ь. Но тому же славянскому нарѣчїю не чужда была, какъ мы видѣли, замѣна ь посредствомъ *i*. И эта черта древнеславянскаго вокализма, въ свою очередь, совпадала съ мѣстною особенностію тѣхъ русскихъ нарѣчїй, которыя наклонны были къ произношенію *i* вм. ь. Буква ь явилась такимъ образомъ выразителемъ двухъ различныхъ звуковъ, изъ которыхъ каждый ведетъ свою исторію отъ славянскаго преданія, опираясь вмѣстѣ съ тѣмъ на народную почву.

Мы снова обратимся къ этому преданію, чтобы по возможности опредѣлить исходный пунктъ и дальнѣйшее развитіе звука *i* вм. ь въ малорусскомъ нарѣчїи.

Извѣстно, что въ древнеславянскомъ нарѣчїи звукъ ь, упрѣж-

¹⁾ Предисл. къ 1-му изд. Српс. рјечн. Карадж. 17.

²⁾ Gramm. jez. Hervats. Jagic 29.

³⁾ Майк. Ист. сербск. яз. 414. 453.

даемый ютой, превращается въ *ji*, т. е. въ кирилловскомъ правописаніи въ *и*¹⁾. Такъ получился въ именныхъ темахъ *ja* звукъ *и*, которому соответствуетъ въ твердомъ склоненіи *ъ*. Это *i* характеризуетъ такъ называемое мягкое склоненіе и является въ падежѣ мѣстномъ, а также въ дат. именъ женск. р. (*на кони, на поли, на земли, земли* (дат.)). Нужно замѣтить, что мягкое склоненіе вполнѣ выдержано и донинѣ въ малорусскомъ нарѣчьи, тогда какъ въ нарѣчьи великорусскомъ мягкое окончаніе *i* замѣнилось мягкимъ же окончаніемъ *йе* (*ъ*), а не *i*. Въ этомъ отношеніи малорусское нарѣчіе вполнѣ осталось вѣрнымъ древнеславянскому преданію. Но на этомъ не остановилось малорусское нарѣчіе: съ мягкаго склоненія оно перенесло окончаніе *i* и на твердое склоненіе (*на столі, руи, на руи, на вики*). Замѣнивъ *ъ* звукомъ *i* въ твердыхъ склоненіяхъ, малорус. нарѣчіе удержало за этимъ *i* точь-въ-точь такую же способность смягчать гортанные звуки, какая въ древнеславянскомъ нарѣчьи принадлежала звуку *ъ* вмѣстѣ съ *г*, т. е. малорус. *г*, подобно древнеславянскимъ *г* и *ъ*, смягчаетъ гортанные согласные во флексіяхъ только въ свистяще, но не въ шипяще. Замѣчательно при этомъ, что и донинѣ сохранилась въ малорусскомъ нарѣчьи память о той особенноти звука *е*, въ силу которой онъ смягчалъ въ древнеслав. гортанные только въ шипяще, а не въ свистяще: звательн. падежъ малорусскій совершенно сходенъ съ древнеславянскимъ: (*друже, человеи* и проч.). Такимъ образомъ, то свойство, которое принадлежало въ древнеслав. нарѣчьи звукамъ *ъ* и *г*, сосредоточилось въ малорус. нарѣчьи на одномъ звукѣ *г*, — звукъ же *е* остался донинѣ, какъ и прежде былъ, непричастнымъ этому свойству. Мы не желаемъ отсюда дѣлать вывода, что между *г* и *ъ* въ древнеславянскомъ нарѣчьи больше сходства, чѣмъ между *е* и *ъ*. Мы хотѣли только указать, что *i* въ отношеніи къ *ъ* въ самомъ древнеславянскомъ нарѣчьи стояло не дальше, чѣмъ *е* къ *ъ*, и что поэтому въ малорусскомъ вокализмѣ замѣна *ъ* звукомъ *i* есть особенность глубоко древняя.

Оставляя въ сторонѣ корни словъ, ограничимся пока наблюденіемъ надъ *i* въ именныхъ флексіяхъ.

Мы видѣли, что во флексіяхъ мягкаго склоненія малорусское *г* вполнѣ совпадало съ древнеславянскимъ, какъ совпадаетъ и нынѣ. Намъ нечего предполагать, что это малорус. *г* есть продуктъ другихъ

¹⁾ Compend. Schleich. § 87.

звуковыхъ превращеній: его исконность въ малорусскомъ нарѣчїи подтверждается единогласнымъ свидѣтельствомъ современныхъ фактовъ и древнѣйшей русской письменностію, въ которой њ вм. і въ мягкомъ склоненїи встрѣчается только въ XIV в. ¹⁾ Дальнѣйшее движеніе малорус. і вм. њ во флексїяхъ началось съ мягкаго склоненїя: *и*, господствовавшее въ мягкомъ склоненїи, имѣя за собою народное употребленіе, подкрѣпленное образцами письменной рѣчи, образовало крѣпкую позицію, съ которой привлекало къ себѣ однородные звуковые элементы силою могущественной аналогїи. Мы видѣли изъ предыдущаго, что уже въ древнеслав. нарѣчїи њ и *и* были родственными звуками, что *и* являлось тамъ иногда рядомъ съ њ въ однихъ и тѣхъ же корняхъ, накопецъ, что въ именныхъ флексїяхъ *и* и образовалось изъ њ: неудивительно послѣ этого встрѣтить въ памятникахъ появленіе *и* вм. њ въ твердомъ склоненїи, и въ памятникахъ притомъ не только древнерусскихъ, но и древнеславянскихъ. Такъ, уже въ Супрасл. рук. встрѣчаются формы: *въ Виолеми, зоби* (дат. пад.) ²⁾. Что касается до древнерусской письменности, то въ ней аналогическія явленїя въ первый разъ встрѣчаются въ XIII—XIV в. и съ этого времени съ каждымъ столѣтїемъ постепенно увеличиваются въ количествѣ. Мы уже приводили изъ XIII—XIV в. народныя новгородскія формы: *на Дукини берем, на гори, святому Николи, на островки* ³⁾. Затѣмъ въ XIV в. случаевъ этого рода представляется уже множество. Такъ, въ юрид. актахъ (новгор. нарѣч.): *у острови, Николи, обима* вм. *обьма, на гори Крулици* ⁴⁾.—въ Новгородской лѣтописи: *на Днѣпри, у Вильни* ⁵⁾ и проч.,—въ Сборн. Царс: *вширини* ⁶⁾, въ Вкладной Юрія Холмскаго: *при Каллисти* ⁷⁾,—въ югозападныхъ грамотахъ: *у Судомири, всеми, всимъ, оу тми, отъ тыхъ, тымъ* (*ы* изъ *и* вм. њ) ⁸⁾. Иногда въ подобныхъ случаяхъ одно и то же слово, въ одной и той же формѣ, встрѣчается

1) Колос. Очер. 112.

2) Ламанск. О нѣк. слав. рукоп. 41.

3) Вост. Оп. Рум. Муз. 107—108.

4) Бусл. Ист. Христ. 557—60—61.

5) Лавр. О из. сѣв. лѣтоп. 130—133.

6) Чт. 1848. № 6, стр. 7.

7) Вост. Оп. Рум. Муз. 176.

8) Голов. Грам. №№ 6, 7, 8, 9, 39.

сть *ъ* и *и*, напр. въ грамогѣ Алекс. Коріатовича (1375 г.): *тыъ* и *тыи* ¹⁾, или въ Лаврент. спискѣ (XIV в.): *въ лоды, людъ, лоды* ²⁾.— Изъ XV в. примѣрами подобнаго рода изобилуетъ Ипатьевская лѣтопись. Приведемъ нѣкоторые изъ нихъ по изданію археограф. комиссіи: *Варяъ* и *Варязи* (108), *Печеньзи* и *Печенизи* (30), *мужи* и *мужь* (158), *половци* и *половиъ* (160), *смысленьи*, *смысленьи*, *погани* (158), *нази* и *бось* (161). Всѣ эти слова стоятъ въ именит. пад. множ. числа и въ произношеніи буквы *ъ* не представляютъ особенныхъ затрудненій: ясно, что она произносилась, какъ *і*.

Но только ли какъ *і*? Не звучала ли буква *ъ* въ указанныхъ нами примѣрахъ, какъ *е*?

Эти вопросы, можетъ быть, покажутся странными для того, кто знаетъ, что въ малорус. нарѣчій именит. пад. множ. ч. въ мягкомъ склоненіи оканчивается на *і* точь-въ-точь такъ, какъ онъ оканчивался и въ древнеславянскомъ нарѣчій, и что слѣдоват. пикоимъ образомъ нельзя было бы этимологически объяснить въ приведенныхъ нами формахъ произношенія буквы *ъ*, какъ *е*. Сами себя онѣ лучше всего объясняютъ, представляя смѣшеніе *ъ* съ *і*. Между тѣмъ, существуетъ мнѣніе, что здѣсь именно *ъ* звучало, какъ *е*. „Въ слѣдствие стремленія измѣнять конечное *и* на *е*, говоритъ Колосовъ, имен. пад. существительныхъ, прилагательныхъ и мѣстоименій въ Ипат. часто оканчивается на *ъ*=*е* вмѣсто *и*“,—и затѣмъ приводитъ формы такія же, на которыя мы сослались: *печениъ*, *печеньзи* (здѣсь обмѣнъ *ъ* съ *и* не въ одномъ конечномъ звукѣ), *старциъ*—*старци*, *нѣмиъ*—*нѣмици* и проч. ³⁾. На той же страницѣ авторъ говоритъ уже другое: въ родит. падежѣ единств. ч. именъ женск. рода мягкаго склоненія Ипат. списокъ ставитъ *и*; не смотря на стремленіе замѣнять конечное *и* на *е*, встрѣчаемъ формы: *до земли*—*до земля*, *выры Божичи*—*выры Божичъ* ⁴⁾. Итакъ, въ однихъ случаяхъ онъ допускаетъ стремленіе измѣнять конечное *и* на *е*, въ другихъ—нѣтъ, сообразуясь только лишь съ современнымъ великорусскимъ произношеніемъ имен. падежа множ. числа и не принимая въ расчетъ, что, кромѣ великорусскаго нарѣчія, есть и малорусское, въ которомъ

¹⁾ Подлинникъ у автора.

²⁾ Ист. христ. Булаева 459.

³⁾ Колос. Оч. 155.

⁴⁾ Ibid. 155.

тотъ же падежъ никогда, съ самаго начала русской письменности, не измѣнялъ въ мягкомъ склоненіи конечнаго звука *i* на *e* или на *ы*. Вотъ почему Колосовъ настаиваетъ на равенствѣ *ь* звуку *e*, не соглашаясь съ мнѣніемъ Бусласва, который въ подобной же формѣ (*мнозь* изъ Сборн. Царскаго) видитъ *ь* вм. *i* ¹⁾). Что же правдоподобнѣе, свидѣтельство ли самыхъ памятниковъ, подкрѣпленное современнымъ мѣстомъ звука *i* въ аналогическихъ формахъ малорус. нарѣчія, которое сохранило въ этомъ случаѣ древнеславянскую черту, — или же движеніе звуковъ отъ *i* къ *ы* чрезъ *e*, къ тому самому *ы*, которое и въ великорусскомъ нарѣчій явилось въ именит. падежѣ множеств. числа въ слѣдствіе морфологическихъ причинъ, т. е. смѣшенія этого падежа съ винит., а никакъ не въ слѣдствіе фонетическаго превращенія звуковъ? Можно было бы подумать, что Колосовъ проглядѣлъ малорус. элементы въ Ипат. спискѣ, — между тѣмъ, самъ же онъ въ замѣнѣ *ь* посредствомъ *i* видитъ особенность малорусскаго нарѣчія ²⁾). Чтобы, казалось, проще — вмѣсто того, чтобы идти окольнымъ путемъ, — воспользоваться тройнымъ объясненіемъ встрѣченнаго имъ начертанія *ь*: объясненіемъ, которое предлагаетъ современная народная рѣчь, буквой *и*, стоящей въ памятникахъ рядомъ съ *ь*, и, наконецъ, аналогіей устнаго и письменнаго *з* съ древнеславянскимъ нарѣчіемъ?

Таковъ, по нашему мнѣнію, кратчайшій путь для объясненія встрѣченныхъ нами формъ. Колосовъ уклонился отъ этого пути собственно потому, что всюду въ буквѣ *ь* онъ хотѣлъ бы видѣть звукъ *e*, въ угоду современному произношенію этой буквы въ великорус. нарѣчій. Онъ доходитъ въ этомъ отношеніи до такой крайности, что читаетъ *ь*, какъ *e*, даже въ тѣхъ формахъ, которыя и въ современномъ великорусскомъ нарѣчій удерживаютъ *i*. Такъ напр. форму: *очи* (Лаврент. сп.) онъ объясняетъ фонетически, чрезъ смѣну *и* на *e* ³⁾). Выходитъ, что древнеслав. *очи* должно было пройти чрезъ русскую форму: *очи* съ тѣмъ, чтобы въ концѣ концовъ снова воротиться къ первоначальной формѣ: *очи*. Вотъ какія отклоненія, по теоріи Колосова, должны были дѣлать звуки, чтобы получить свой настоящій видъ. Между тѣмъ, уже одно согласіе великорусскаго нарѣчія съ малорусскимъ относительно звука

1) Колос. Оч. 147.

2) Ibid. 151—52.

3) Ibid. 121.

i въ словѣ: *очи* могло бы убѣдить Колосова, что *i* въ этомъ словѣ есть звукъ очень древній, что нечего было ему отклоняться отъ того произношенія, которое господствовало уже въ древнеслав. нарѣчїи, и что, наконецъ, не всякое *ъ* въ древнерус. памятникахъ звучало, какъ *e*; часто же *ъ* было графическимъ знакомъ звука *i*.

Мы желали бы ограничить исключительность такого возрѣнія на букву *ъ*. Не споримъ, что во многихъ случаяхъ *ъ* произносилось, какъ *e*. Мы готовы согласиться съ мнѣніемъ Колосова, что такое произношеніе оставалось за буквою *ъ* тамъ, гдѣ она явилась на мѣсто *ѡ*. Такъ, уже въ Изборн. 1073 г. встрѣчаются формы: *птициъ* вм. *птицаѡ*¹⁾, въ Изборн. 1076 г. *одовициъ* вм. *одовицаѡ*²⁾. Изъ каждаго вѣка можно бы было привести огромное количество такихъ формъ: это именно всѣ тѣ именныя флекси, которыя въ древнеслав. нарѣчїи имѣли *ѡ* въ видѣ характеристическаго окончанія мягкихъ склоненій. Извѣстно, что русскій языкъ, съ самаго начала своей истории, не имѣлъ юсовъ, какъ не имѣлъ и звука *ъ*, и вотъ древнерусскіе писцы одну неизвѣстную имъ величину замѣняли другою, т. е. вм. *ѡ* писали *ъ*. А такъ какъ въ древнеслав. рукописяхъ они видѣли частое смѣшеніе *ъ* съ *ѡ*, такъ какъ, съ другой стороны, въ русскомъ языкѣ *ѡ* произносился, какъ *я*, (послѣ шипящихъ часто, какъ *а*), то весьма могло быть, что первоначально въ этихъ падежахъ *ъ* означало *я*, и потомъ, путемъ прогрессивной ассимиляціи, изъ *я* образовалось *ѣе*, (*а* не *e*, какъ пишетъ Колосовъ), слѣдоват. *ъ* = *ѣе*. Но въ то время, какъ Колосовъ доводитъ эту ассимиляцію только до звука *ѣе*, мы считаемъ возможнымъ движеніе ся дальше: изъ *ѣе* въ самое уже раннее время могло образоваться *и*, которое, въ отличіе отъ обыкновеннаго начертанія *и*, могло выразиться посредствомъ *ъ*. Это послѣднее *i* всегда звучало мягко, какъ звукъ ютированный. Образование изъ *ѡ* звука *ѣи* (черезъ *ѣе*) обуславливалось сильнымъ притяженіемъ аналогіи, которая шла отъ падежей съ *i* мягкаго и смѣшаннаго склоненій, сформировавшихся свое *i* еще въ праславянскую эпоху такимъ же путемъ, т. е. путемъ ютаціи первоначальнаго *ъ* (*j* + *ai*). Изрѣдка пробивается такое образованіе *i* очень рано. Такъ, самъ Колосовъ указываетъ на *и* вм. *ѡ* въ словѣ: *пожъни* — *пожъниѡ* (Вклад. Варл. XII в.), но объясняетъ эту форму потерей

¹⁾ Колос. Оч. 60.

²⁾ Бусл. Истор. христ. 294.

особеннаго окончанія, свойственнаго именительному падежу именъ женс. р. мягкаго склоненія, т. е. *і* въ словѣ: *пожыи*, по его мнѣнію, особенность формальная, а не фонетическая. Мы бы согласились съ этимъ мнѣніемъ только въ такомъ случаѣ, если бы не могли представить себѣ возможность фонетическаго превращенія *я* въ *і* (*и*), съ другой стороны, если бы не знали, что въ одномъ и томъ же нарѣчьи, въ одно и то же время, только въ разныхъ говорахъ, въ совершенной цѣлости и неприкосновенности можетъ удержаться, какъ ассимиляція въ обоихъ видахъ (*йе* и *и*), такъ и основная форма (*я*). Такъ, въ украинскомъ говорѣ малорусскаго нарѣчія говорятъ: *тяжко, шабля, ся*, въ галиц. говорѣ, въ подгорскомъ разнорѣчьи, говорятъ: *тежко, шабле, се*, а у гуцуловъ (въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ) ассимиляція идетъ до крайнихъ предѣловъ: „*будим сі быты* вм. *будем ся быты* 1). Не забудемъ при этомъ, что у гуцуловъ, защищенныхъ природой отъ постороннихъ вліяній, сохранились самыя глубокіе архаизмы, какъ въ формахъ словъ, такъ и въ звукахъ. Что же удивительнаго, если, при диалектической полнотѣ и разнообразіи звуковыхъ оттѣнковъ, которыми отличался русскій языкъ въ самомъ началѣ своего историческаго существованія, въ разныхъ говорахъ его произошло уже передвиженіе ассимиляціи изъ *йе* въ *йі*, передвиженіе, совершенно аналогическое съ тѣмъ, которое происходило еще на почвѣ древнеславянскаго нарѣчія? Нѣтъ сомнѣнія, что къ этому превращенію *я* въ *і* склонны были тѣ именно нарѣчія древнерусскаго языка, въ вокализмѣ которыхъ было исконное, доисторическое склоненіе къ звуку *і*, и что, рядомъ съ этимъ звукомъ, въ другихъ нарѣчійхъ, даже въ одномъ и томъ же нарѣчьи, существовала и другая форма ассимиляціи *я*, т. е. *йе* (*е*). Вступивъ на путь ассимиляціи, языкъ не остановился на полдорогѣ: сила тяготѣнія заключалась въ *іотѣ*, которая должна была привести ассимиляцію къ послѣднему результату. Но можно ли поручиться, что этотъ результатъ для всѣхъ нарѣчій русскаго языка наступилъ въ одно и то же время? Въ виду диалектической пестроты, не исчезнувшей и въ наше время, не смотря на

1) Въ Сѣдлец. губ., на пространствѣ двухъ уѣздовъ, слышно послѣ мягкихъ согласныхъ *я*, *е* и *и*: *жяба, кожя* (Кленовица, Констант. у.), *земя* вм. *земля* (Хотычи, Конст. у.), *жти, чсто* вм. *жати, часто* (Щаць, Вѣльс. у.).

нивелирующее вліяніе литературнаго языка, можно ли утверждать, что въ древнерусскую эпоху буква њ, поставленная на мѣсто древняго юса (Ѧ), непременно произносилась, какъ е, и притомъ произносилась одинаково во всѣ вѣка древнерусской письменности, начиная съ XI до XV в. включительно? А это именно утверждаетъ Колосовъ, основываясь на томъ, что њ вм. Ѧ, дѣйствительно, могло выговариваться, какъ ѣе. Выходя изъ этого положенія, онъ распространяетъ отношеніе њ къ Ѧ на всѣ случаи употребленія њ въ древнерусской письменности. Но не всякое њ образовалось изъ Ѧ (Ѧ), о чемъ знаетъ, конечно, самъ Колосовъ, и что, замѣтимъ кстати, нисколько его не стѣсняетъ. Такъ, напр., њ въ словѣ: *онѣ* (Кіевс. лѣт.) онъ отличаетъ отъ њ въ словѣ: *конѣ*; послѣднее, по его мнѣнію, образовалось изъ Ѧ, а первое изъ и. Мягкое склоненіе темы і, пронесшее это і чрезъ всѣ вѣка древнерусской письменности и сохранившее его донынѣ, какъ въ великорусскомъ, такъ и въ малорусскомъ нарѣчій, почему-то измѣняетъ свое і въ е. Причины другой не оказывается, кромѣ того, что встрѣтилась форма: *онѣ*. Но вѣдь случаи обмѣна њ съ е далеко не исключительны. Мы привели выше случаи такого рода, гдѣ прямо и положительно стоитъ и вмѣсто њ: неужели и здѣсь и=њ (е) на томъ основаніи, что њ мѣняется съ е, или же что њ въ значеніи е часто стоитъ вм. Ѧ? 1) Но можетъ быть, и въ формѣ: *онѣ* авторъ видитъ наклоненіе і къ ы чрезъ е, такое же наклоненіе, какое выразилось, по его мнѣнію, въ формахъ: *королеѣ*, *воюсти Святослави* и *Игореѣ* (Кіевс. лѣт.), гдѣ „њ (=е), стоящее на мѣстѣ и, указываетъ на смѣшеніе этого послѣдняго звука съ и“. На это мы замѣтимъ, что великорусскому и въ этихъ формахъ соотвѣтствуетъ малорусское і, слѣдовательно, њ, стоящее рядомъ съ и въ совершенно одинаковыхъ формахъ, могло бы означать то же самое і, сообразно съ тѣмъ, какъ звучитъ именит. множ. прилагат. притяжат. въ малорусскомъ нарѣчій, сообразно, съ другой стороны, съ употребленіемъ буквы њ въ значеніи і въ малорусской письменности. Но въ виду того обстоятельства, что въ современномъ великорусскомъ нарѣчій въ формахъ: *Игореѣ*, *королеѣ*, дѣйствительно, слышенъ звукъ ы, допустимъ равнозначительность њ съ е. Что же отсюда слѣдуетъ для формы: *онѣ*? Здѣсь уже невозможно толкованіе буквы њ при-

1) Кол. Оч. 165—67.

мѣненное къ формамъ: *Игоревъ, королевъ*, потому что въ нарѣчіяхъ великорусскомъ, малорусскомъ и въ древнеславянскомъ была и есть форма: *они* въ значеніи имепит. падежа множ. ч. Въ защиту своего мѣнія Колосовъ можетъ сослаться на формы: *взяле, вдале* вм. *взяли, дали* ¹⁾, въ которыхъ *е* явственно составляетъ переходную ступень отъ *ѣ* къ *ы*, не маскируясь буквою *ь*. Знаемъ мы эти формы сами. Но смѣшеніе *ѣ* съ *ы* характеризуетъ не всѣ русскія нарѣчія: слабые остатки этого смѣшенія сохранились въ сѣвернорусскомъ говорѣ ²⁾, воплѣ же развилось оно въ малорусскомъ нарѣчіи. Между тѣмъ, Колосовъ писалъ книгу, въ которой имѣлъ въ виду „только великорусскій языкъ въ его послѣдовательномъ развитіи“. Слѣдовательно, нужно допустить что нибудь одно: или же смѣшеніе *ѣ* съ *ы* въ давнее время было характеристической чертой не одного новгородскаго говора, но и всего великорусскаго нарѣчія, на что у автора нѣтъ не только отвѣта, но даже намека,—или же и малорусское нарѣчіе, вмѣстѣ съ новгородскимъ, нужно отнести къ составу великорусскаго нарѣчія.

По всему видно, что книга автора заключаетъ въ себѣ не совѣмъ то, что имѣлось въ виду предъ ея составленіемъ. А это произошло отъ того, что, коснувшись древнерусскаго языка, онъ не далъ настоящаго значенія малорусскому нарѣчію. Въ слѣдствіе этого и въ *ь*, за немногими исключеніями, онъ видитъ *е*. Чтобы доказать свое положеніе, онъ не пренебрегаетъ чертами, которыя вовсе не характеристичны для великорус. нарѣчія. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы не видимъ и доказательствъ того, что онѣ были когда нибудь въ немъ характеристичны.

Но на мѣсто одной односторонности мы вовсе не желали бы ставить другую. Доказывать, что буква *ь* во всѣхъ случаяхъ произносилась, какъ *ѣ*, особенно въ древнѣйшихъ памятникахъ, мы считаемъ неумѣстнымъ. Измѣнчива вообще была у насъ судьба тѣхъ буквъ, которыя или не имѣли въ русскихъ говорахъ соотвѣтствующихъ звуковъ, или же и въ самомъ древнеславянскомъ нарѣчіи выражали звуки неопредѣленные. Къ числу такихъ буквъ относится и *ь*. Можно встрѣтить множество формъ въ древнерусской письменности, которыя, оставаясь неизмѣнными въ отношеніи морфологическомъ, представляютъ пеструю смѣсь фонетическихъ отличій. Таковы напр. формы въ Ла-

1) Срезн. Свѣд. и зам. 73 (Двинская рядная).

2) Потебн. О звук. особен. рус. нар. 83.

врент. дѣт: *лутиге мужи, полатни, князи рускѣ*, или же: *молоди, лепшиє, ростовскыѣ* (имен. множ.), *праздныѣ недѣли, ростовскія земля, отъ братье* (родит. пад.) ¹⁾. Въ Ипат. сп. тѣ же не менѣе рѣзкія колебанія въ употребленіи буквы *ѣ*: въ одномъ и томъ же случаѣ рядомъ съ нею стоитъ *е* и *и*.

Какой выводъ изъ этого правописанія извлечь можно?

На первый разъ ясно одно, что буква *ѣ* не имѣла собственнаго звука, что единство она имѣла для глазъ, а не для слуха, и что въ выговорѣ она звучала различно. Нужно принять во вниманіе, что вся древнерусская письменность въ сильной степени напоминаетъ собою пеструю мозаику, на которой отразилось діалектическое разнообразіе древнерусскихъ говоровъ, въ которыхъ черты народныя самымъ причудливымъ образомъ перемѣшаны съ ненародными, древнія—съ позднѣйшими. Задача изслѣдователя въ томъ и состоитъ, чтобы распутать эту густую сѣть переплетающихся между собою особенностей, чтобы уловить и сгруппировать народныя черты и, пользуясь, на сколько возможно, неразрывностію звуковыхъ явленій, опредѣлить первоначальный типъ, зародышъ позже выявившагося звуковаго строя въ языкѣ. Но письменные источники не всегда могутъ сказать послѣднее слово относительно того или другаго звука. Оно остается за народными говорами: въ нихъ ключъ къ разрѣшенію сбивчивыхъ, противорѣчивыхъ письменныхъ указаній. Такъ напр. относительно буквы *ѣ* письменные источники свидѣтельствуютъ, что у русскихъ, съ самаго начала письменности, она выражала не одинъ и тотъ же звукъ, а или *я*, или *е*, или *і*. Знаемъ мы изъ тѣхъ же письменныхъ источниковъ, а также изъ общихъ звуковыхъ законовъ, что *е* во многихъ случаяхъ образовалось изъ *я*, что *і* могло развиваться изъ *е*. Но точно-ли малорусское *і* вм. *ѣ* можетъ считать своимъ родоначальникомъ звукъ *я*? Точно ли оно должно было послѣдовательно пройти чрезъ все эти ступени? Во многихъ случаяхъ, дѣйствительно, это такъ: когда напр. мы слышимъ въ одномъ изъ подляскихъ разнорѣчій: *жѣті, чисто* вм. *жати, часто*, то не трудно сообразить, какого происхожденія въ словахъ этихъ звукъ *і*. Совѣмъ иное дѣло при объясненіи того малорусскаго *і* вмѣсто *ѣ*, которое охватило весь звуковой строй нарѣчій и, за весьма немногими

¹⁾ Колос. Оч. 120—21—22.

исключеніями, всюду соотвѣтствуетъ древнеславянскому *ъ*. Тутъ уже не помогутъ подставныя, переходныя ступени въ видѣ *е*. Съ общей теоретической точки зрѣнія легко поддаться искушенію и посчитать *е* посредствующимъ звукомъ въ отношеніи къ *і*, но дѣйствительная жизнь языка шире какой бы то ни было теоріи, и въ ея широкомъ теченіи рядомъ живутъ звуковыя наслоенія разныхъ эпохъ и разныхъ мѣстностей, — въ особенности это возможно при отсутствіи строго очерченнаго литературнаго типа въ языкѣ, который до извѣстной степени уравниваетъ областныя видоизмѣненія его. Чѣмъ дальше мы отодвигаемся отъ современныхъ явленій языка въ область прошедшаго, тѣмъ сложнѣе и разнообразнѣе представляются намъ звуковыя явленія, тѣмъ меньше, слѣдовательно, мы имѣемъ права считать ихъ однообразными. „Нельзя провести рѣзкой черты, говорить Шлейхеръ по поводу обособленія отдѣльныхъ языковъ изъ общаго праязыка, между передвиженіемъ первоначальныхъ звуковъ, въ силу котораго изъ общей почвы праязыка вырастаютъ отдѣльные языки, съ другой стороны, между перемѣнами, которыя потерпѣли языки въ теченіе своей отдѣльной жизни, между звуковыми законами. Разница между замѣной звуковъ и звуковыми законами — хронологическая, и оттого она постоянно колеблется: опредѣлить эпоху, когда явились звуковыя перемѣны, очень трудно“ ¹⁾. Что такое малорусское *і* вм. *ъ* — произведеніе ли звуковаго закона или же замѣна звука, произношеніе котораго намъ неизвѣстно? Что такое великорусское *е* вм. *ъ*, самостоятельная ли замѣна, или же звукъ, посредствующій между *і* и другимъ звукомъ, опять таки намъ неизвѣстнымъ? Знаемъ только, что этотъ неизвѣстный звукъ въ древнеславянскомъ нарѣчьи имѣлъ начертаніе буквы *ъ*, знаемъ его составные элементы, обнаруживающіеся изъ соотвѣтствія его санскритской гуиѣ, а затѣмъ, собственно звукъ *ъ*, въ его дѣйствительномъ произношеніи, остается для насъ загадкой, буква же *ъ* іероглифическимъ знакомъ. Что же тутъ письменные источники сами по себѣ помочь могутъ? Они представляютъ намъ нѣсколько звуковъ, стоящихъ на мѣстѣ древняго *ъ*, или наоборотъ, букву *ъ*, стоящую на мѣстѣ различныхъ звуковъ: одинъ писецъ пишетъ, повинаясь своему природному говору, вмѣсто *ъ* букву *и*, другой *е*, одинъ ставитъ *ъ* на мѣсто *и*, другой на мѣсто *е*. На основаніи однихъ письменныхъ русскихъ исто-

¹⁾ Compend. Schleich, 180.

чниковъ мы можемъ сказать только, что звукамъ *e* и *и* принадлежитъ преобладающая роль въ замѣщеніи буквы *ъ*. Но каково отношеніе между этими звуками *e* и *и* въ ихъ общей зависимости отъ *ъ*—генетическое или же пространственно-діалектическое? На этотъ вопросъ письменные источники даютъ отвѣты, какъ мы видѣли, неясные, разнорѣчивые. Остается еще выходи—обратиться къ народнымъ говорамъ.

Къ нимъ теперъ и переходимъ.

Обращаемся къ сѣверному говору малорусскаго нарѣчія. По нашему мнѣнію, въ немъ заключаются древнѣйшія нити, изъ которыхъ развились въ послѣдствіи два главныхъ русскія нарѣчія—малорусское и великорусское. По основнымъ чертамъ своимъ онъ принадлежитъ къ малорусскому типу, но вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ связующимъ звеномъ между нарѣчіями малорусскимъ и великорусскимъ. Впрочемъ, съ этимъ послѣднимъ онъ связанъ не непосредственно, но съ одной стороны, чрезъ бѣлорусскій говоръ, что мы увидимъ въ послѣдствіи, съ другой стороны, чрезъ сѣверный говоръ великорусскаго нарѣчія, съ которымъ, по развитію губнаго элемента въ системѣ гласныхъ звуковъ (*o*, *yo*, *y*), онъ больше сходенъ, чѣмъ съ средне-великорусскими говорами. Вмѣстѣ съ тѣмъ, сѣверный великорусскій говоръ иногда впадаетъ уже въ характеристическое малорусское наклоненіе къ звуку *i* вм. *ъ*, что опять больше роднитъ его съ сѣвернымъ говоромъ великорусскаго нарѣчія, чѣмъ съ остальными.

Въ глубоко древней звуковой формѣ является въ сѣверномъ малорусскомъ говорѣ буква *ъ*.

Съ наибольшей полнотой и разнообразіемъ являются всѣ отгѣнки того звука, который соответствуетъ буквѣ *ъ*, въ заблудовскомъ разнорѣчии сѣвернаго говора. По наблюденію Потебни, въ этомъ разнорѣчии *ъ* ударяемое внутри и на концѣ словъ послѣ смягчаемыхъ согласныхъ = *je* (*ъе*), послѣ несмягчаемыхъ = *ыe* (одинъ слогъ = *je*): *лјэс*, *лрјех* = *лрыех*, *сестрје* = *сестрые*; *ъ* неударяемое внутри послѣ смягчаемыхъ = *э*, послѣ несмягчаемыхъ = *е*: *лэсы*, *выстрелу*; *ъ* неударяемое на концѣ словъ послѣ смягчаемыхъ = *и*, послѣ несмягчаемыхъ = *и*: *у лјесі*, *на рычци (цы)*¹⁾. Эту характеристику малорусскаго *i* въ сѣверномъ говорѣ дополняетъ

¹⁾ Потеб. Зам. о малор. нар. 41.

Потебня нѣкоторыми подробностями на основаніи другихъ разнорѣчій. Такъ, „въ Овручс. у. *ъ* ударяемое внутри=*ε* (*лес*), неударяемое внутри=*е*, на концѣ=*і*: (*бежить, в светі*). Въ Сосниц. у. *ъ* ударяемое послѣ нѣкоторыхъ согласныхъ—*іі* (*и*), послѣ другихъ=*і*: *вѣтер, ржи, тожді*); *ъ* неударяемое—*е*: (*бежиш*). Въ Козелец. у. *ъ* ударяемое=*ε* и *і*: (*свѣчка, поїдем*), неударяемое внутри=*е*, на концѣ=*и*: (*стена, в носу*). Въ Кобринс. у. *ъ* ударяемое въ срединѣ и на концѣ=*і*, неударяемое=*и* (=и), изрѣдка *е*: (*цвѣт, у лозі, зацвѣтают, у соломи*)¹⁾.

Такимъ образомъ, во всѣхъ видоизмѣненіяхъ звука, замѣниваго древнесл. *ъ*, большую роль въ сѣверномъ малорусскомъ говорѣ играетъ удареніе. Отсюда Потебня выводитъ такой законъ: „вліяніе ударенія іотируетъ замѣну основнаго *ъ*, (причемъ говоры кобринс. и брест. путемъ прогрессивной ассимиляціи доводятъ эту замѣну до *і*), а отсутствіе ударенія требуетъ замѣны *ъ* неіотированною гласною“²⁾.

Вѣрно ли сдѣлать этотъ выводъ? Обнимаетъ ли онъ всѣ факты, приводимые Потебней?

Намъ кажется, нѣтъ. Такъ, заблудовс. неударяемое *ъ* въ срединѣ послѣ смягчаемыхъ согласныхъ=*ε*, въ концѣ=*і*: въ томъ и другомъ гласномъ есть іота, не смотря на отсутствіе ударенія. Что касается до согласныхъ смягчаемыхъ, то они, какъ извѣстно, могутъ быть и не смягчаемыми въ тѣхъ случаяхъ, когда встрѣчаются съ твердыми гласными, и если бы уже въ самой природѣ звуковой замѣны *ъ* не заключалось небнаго элемента, то она не могла бы смягчить предшествующій согласный звукъ силою ударенія. Само по себѣ удареніе не можетъ ни смягчать, ни не смягчать согласныхъ: сила смягченія заключается въ самой замѣлѣ основнаго *ъ*, въ собственной природѣ его. Поэтому согласные, способные къ смягченію, и безъ ударенія, какъ мы видѣли, даютъ возможность обнаружиться іотѣ, которая скрывается въ замѣнѣ основнаго *ъ*, когда она стоитъ послѣ согласныхъ, неспособныхъ къ смягченію.

Мы думаемъ, что почтенный авторъ не послѣдуетъ на насъ за эту поправку сдѣланнаго имъ наблюденія. Мы желали бы со всевозможною точностію установить всѣ подробности, относящіяся къ разбираемому

¹⁾ Потеб. Зам. о малор. нар. 41.

²⁾ Ibid. 44—45.

нами звуку. Съ этою цѣлью мы позволяемъ себѣ сдѣлать еще нѣсколько замѣчаній. Потебня предлагаетъ формулу отношеній между различными замѣнами *ъ* по всѣмъ разнорѣчιάмъ сѣвернаго малорусскаго говора. Вотъ эта формула: *ъ: ъ=јѣ: е=јі: е=і:* въ этомъ ряду замѣнъ, говоритъ онъ, нѣтъ доегласныхъ, т. е. соединенія двухъ гласныхъ въ одинъ слогъ, ибо *јѣ* состоитъ изъ согласнаго *ј* и гласной ¹⁾. Видно, что во мнѣніи автора объ этомъ предметѣ произошла рѣзкая перемѣна, потому что въ статьѣ: „О звуковыхъ особенностяхъ русскихъ нарѣчій“ онъ говоритъ слѣдующее: „доегласность заблудовскаго *ѣ* очевидна тогда, когда оно стоитъ послѣ согласныхъ, въ этомъ говорѣ не допускающихъ смягченія, именно, послѣ *ч, ц, р;* тогда въ большей части случаевъ записыватель обозначаетъ его чрезъ двѣ гласныя—*ме: у ночью, цѣлы, сребного*“ ²⁾. Мы не желаемъ ставить въ вину автору того, что онъ не остался вѣренъ этому послѣднему мнѣнію, которое онъ высказалъ раньше. Поправка собственныхъ мнѣній—дѣло далеко не излишнее и даже неизбѣжное, въ особенности по русской діалектологіи. Мы знаемъ, какъ не легко дѣлать наблюденія надъ звуковымъ матеріаломъ въ транскрипціи, преисполненной всякаго рода случайностей правописанія, и притомъ безъ всякой возможности провѣрить сомнительный звукъ на мѣстѣ. Допустимъ даже, что въ *јѣ* нѣтъ доегласія. Но зачѣмъ же въ *јѣ* признаны только два звука—согласный *ј* и гласный? Мы видимъ здѣсь три звука: первую іоту, которая смягчаетъ предыдущій согласный звукъ, если онъ способенъ къ смягченію, вторую іоту, заключающуюся въ *ѣ* и, наконецъ, чистое *е*, т. е. *ј + је = је*. Послѣ согласныхъ, неспособныхъ къ смягченію, слѣдовало бы поставить *је*, а не *јѣ*.

Указанная нами неточность объясняется перѣшительностію автора, который, не смотря на то, что въ своихъ „Замѣткахъ о малорус. нарѣчій“ высказался за отсутствіе доегласія въ заблудовской замѣнѣ *ъ*, все таки остался неувѣренъ въ собственномъ своемъ мнѣніи: „если бы оказалось вѣрнымъ, говоритъ онъ, что гдѣ либо въ малорус. дѣйстви-тельно есть *ије* изъ *ъ*, то въ объясненіе того, какъ изъ этихъ двухъ слоговъ можетъ образоваться чистое *и*, можно бы сослаться на южно-

¹⁾ Потерб. Зам. о малор. нар. 45.

²⁾ Потерб. О звук. особ. рус. нар. 111.

сербское нарѣчіе, въ которомъ при *ъ=ије* въ извѣстныхъ случаяхъ стоитъ не только *и* изъ *ъ* основнаго, но даже изъ основнаго *еје, ије*¹⁾.

Что же такое первая іота въ *је*?

По нашему мнѣнію, она есть слѣдъ двоегласія въ этомъ звукѣ. Она явилась въ слѣдствіе ослабленія *і*—начальнаго элемента въ двоегласномъ *іе* (*іје*). Въ самомъ дѣлѣ, напрасно Потербня усумнился въ двоегласіи сѣвернаго малорус. *іе*. Оно, дѣйствительно, существуетъ, и притомъ въ неодинаковыхъ формахъ²⁾. Есть *іе* съ растяженіемъ перваго гласнаго звука (*ііе*) и *іе* съ растяженіемъ послѣдняго. Въ Сѣдлецкой губ., на пространствѣ двухъ-трехъ уѣздовъ (Бѣльскаго, Константиновскаго и Радинскаго) слышится то и другое. Такъ, въ Кошоплахъ (Бѣльс.) говорятъ: *бііміи, дііівка*, а въ Хотычахъ (Констант.) и въ Воинѣ (Радинс.): *бііміи, дііівка*. Въ этихъ словахъ удареніе совпадаетъ съ растяженіемъ звуковъ, и поэтому гласный и въ то же время удлинняемый элементъ, надъ которымъ приходится удареніе, явственно отдѣляется отъ другаго, который произносится короче. Правило это соблюдается не только въ слогахъ, стоящихъ въ срединѣ слова, но и въ конечныхъ слогахъ, что явствуетъ напр. изъ слѣдующихъ стиховъ:

Одін чобут у руцііе
 Другі чобут на нозііе,
 А вже солтыс на двурцііе. (Кошоплы).
 Выѣзди коніка, выѣзди вроного,
 І скажі, дѣвчино, цы буде цо с того?
 Цы буде цо с того, цы ли нііе,
 І скажі, дѣвчино, правду мнііе. (Воинъ).

¹⁾ Потерб. Зам. о малор. нар. 47.

²⁾ Слово: двоегласіе не совсѣмъ точно соотвѣтствуетъ малорусской замѣнѣ буквы *ъ*, а также и тѣмъ звукамъ, которые въ древне-малорусскомъ говорѣ образовались изъ основныхъ *о, е*. Двоегласными ихъ можно назвать только потому, что въ нихъ слышится два звука, но собственно говоря, это дифтонги, т. е. звуки, въ которыхъ оба гласные элемента такъ тѣсно сплочены между собою, что выговариваются въ одинъ пріемъ голоса, составляя такимъ образомъ одинъ слогъ. Дѣлаемъ эту оговорку для устраненія недоразумѣній, такъ какъ въ своемъ собственномъ изслѣдованіи мы безразлично употребляли оба эти термина.

Но доегласный характер звуковъ *iε*, *īε* тотчасъ же ослабѣваетъ, какъ только надъ ними нѣтъ ударенія. Тогда оба эти звука сокращаются; при этомъ въ *īε* начальный элементъ стягивается въ *j*, и, если впереди стоитъ согласный звукъ, способный къ смягченію, то получается комплексъ: *j + ε*, въ которомъ начальная іота принадлежитъ согласному звуку, другая же іота заключается въ *ε*, напр: *дѣвчина*. Иногда, впрочемъ, въ этихъ случаяхъ одна іота пропадаетъ: *дѣвина*. Если же передъ неударяемымъ *īε* стоитъ согласный несмягчаемый, то вм. *īε* остается только *ε*, или же по нашей транскрипци, припятой для іотированныхъ гласныхъ, послѣ согласныхъ твердыхъ—*ис*, напр: *бийсмй*.—Въ разнорѣчійхъ съ преобладаніемъ перваго элемента *i* въ дифтонгѣ *iε* (Хотычи) отсутствіе ударенія сокращаетъ доегласіе до неуволности. Приблизительно его можно выразить такъ: а) не теряются оба элемента доегласнаго звука, при чемъ первый преобладаетъ; б) іоты не слышно, поэтому второй элементъ—*e* произносится *не такъ ясно*, какъ въ разнорѣчійхъ съ *iε*. На концѣ словъ въ неударяемыхъ слогахъ дифтонгъ совершенно исчезаетъ, превращаясь послѣ мягкихъ согласныхъ въ *i*, послѣ твердыхъ въ *e*, напр: *на дорозі*, *на камѣн*, *в горе* (Хотычи). Въ разнорѣчійхъ, сосѣднихъ съ копольскимъ и хотычскимъ, дифтонговъ *iε*, *īε* почти уже не слышно: вмѣсто нихъ появляется *i* въ слогахъ ударяемыхъ: *вшати*, *тѣшити* (Пещаць, Бѣльс. у.), *e* и *и* въ слогахъ неударяемыхъ: *ведро* (Пещаць), *бийла*, *двоірка* (Яблочна, Бѣльс. у). Изрѣдка только въ слогахъ ударяемыхъ послѣ мягкихъ согласныхъ слышатся двѣ іоты въ *īī*: *дѣйюка*, послѣ твердыхъ явственно отдѣляется это *ī* іотой отъ предыдущаго согласнаго звука: *соби* (Кленовица, Конст. у.) Нужно замѣтить при этомъ, что въ тѣхъ разнорѣчійхъ, въ которыхъ господствуютъ дифтонги: *уи*, *уі* изъ *o* вмѣсто дифтонговъ: *уо*, *уо*, замѣтно наклоненіе къ сокращенію дифтонга *iε* въ *иі*, *и*.

Таковы факты, полученные нами изъ Сѣдлецкой губ. Они проливаютъ новый свѣтъ на значеніе доегласной замѣны славянскаго *ь* и до нѣкоторой степени оправдываютъ мнѣніе Потебни о вліяніи ударенія на измѣненіе звука, стоящаго въ сѣверномъ малорусскомъ говорѣ вм. *ь*, но только съ важнымъ ограниченіемъ: удареніе нисколько не іотируетъ этотъ звукъ, а только вызываетъ на сцену его доегласную природу: подъ удареніемъ слышнѣе его доегласная растяжимость. Что касается іотации, то она ипогда обнаруживается преимущественно въ слогахъ неударяемыхъ, и то послѣ согласныхъ, способныхъ къ смяг-

чению, тамъ, гдѣ доегласіе пропадаетъ. Дѣйствительно, доегласіе ясыѣ, отчетливѣе слышится въ твердыхъ ударяемыхъ слогахъ. Послѣ согласныхъ мягкихъ, въ особенности въ слогахъ неударяемыхъ, начальное *i* въ нѣкоторыхъ разнорѣчійхъ способно ослабѣвать въ *iou* и даже совсѣмъ исчезать. Поэтому мы готовы признать другое положеніе, что паденіе доегласія началось съ мягкихъ слоговъ, преимущественно неударяемыхъ, и затѣмъ по мѣстамъ распространилось и на слоги ударяемые. Какъ бы то ни было, важно то, что доегласіе въ звуковой замѣнѣ *ь* до сихъ поръ еще живетъ въ сѣверномъ малорусскомъ говорѣ.

Сопоставляя свидѣтельство изъ народныхъ устъ съ свидѣтельствомъ письменности, находимъ, что между тѣмъ и другимъ есть существенное согласіе. Дѣло все вращается собственно около двухъ звуковъ: *e* и *i*: очевидно, это основные звуки въ замѣнѣ неизвѣстнаго намъ *ь*. Подляскія разнорѣчія, взятая въ совокупности, представляютъ оба эти звука съ ихъ видоизмѣненіями въ нѣкоторомъ равновѣсіи: гдѣ въ однихъ изъ нихъ преобладаетъ *e*, тамъ въ другихъ господствуетъ *i*. Въ дифтонгѣ *ie* оба эти звука встрѣчаются вмѣстѣ. Остается только сдѣлать вѣроятныя заключенія о томъ, каковы были отношенія между этими двумя звуками прежде, чѣмъ они появились въ письменности.

Потебня думаетъ, что основнымъ звукомъ, замѣнившимъ *ь*, было долгое *e* ¹⁾. Мнѣніе это находить, по видимому, свое подтвержденіе въ томъ, что въ сѣверномъ малорус. говорѣ *ь* безъ ударенія звучитъ, какъ *e*. Но вотъ это именно обстоятельство, т. е. отсутствіе надъ *e* ударенія, и наводитъ сомнѣніе на древнерус. долготу *e* вм. *ь*, ибо извѣстно, что во многихъ случаяхъ въ русскихъ нарѣчійхъ удареніе есть показатель прадажней, исчезнувшей уже въ томъ мѣстѣ долготы. Въ тѣхъ немногихъ словахъ украинскаго говора, въ которыхъ первоначальное *ь* звучитъ, какъ *e*, надъ *e* стоитъ иногда удареніе, иногда нѣтъ: (*встрѣтити, сидѣти*): видимо, эти архаическіе остатки значительно искажены позднѣйшими превращеніями малорусскаго вокализма, и потому на основаніи ихъ трудно сказать что нибудь положительное. Во всякомъ случаѣ, коль скоро въ одномъ изъ архаическихъ говоровъ *e* въ чистомъ видѣ, неогтированное, только и возможно въ слогахъ неударяемыхъ: то о долготѣ *e* вм. *ь* нужно говорить съ нѣкоторою осторожностію. По крайней мѣрѣ, въ историческую эпоху мы не рѣшились бы видѣть

¹⁾ Потеб. О звук. особ. 112.

въ русскихъ нарѣчіяхъ долгое *e* въ формѣ окрѣпшей звуковой нормы, которая присуща была бы живому чувству языка. Тѣмъ не менѣе, мы не отрицаемъ возможности долгаго *e* вм. *ъ*, только отодвигаемъ его въ глубину доисторическихъ временъ: тамъ оно могло составлять существенную категорію языка, въ историческую же эпоху, если и допускать его существованіе, то это было существованіе спорадическое, слѣдъ бывшей нѣкогда дѣйствительности. Въ той же доисторической эпохѣ, на основаніи значенія *e* вм. *ъ* въ сѣверномъ малорус. говорѣ, мы готовы признать другое краткое *e*, которое стояло рядомъ съ *e* долгимъ. Изъ долгаго *e*, тоже въ доисторическую эпоху, образовалось два дифтонга: *iĕ* и *iε*—тѣ самые два дифтонга, которые и нынѣ существуютъ въ подляскихъ разнорѣчіяхъ. Единственной причиной образованія этихъ дифтонговъ первоначально была долгота *e*, потомъ, съ потерей долготы, дифтонги эти укрылись подъ защитой ударенія, и въ тѣхъ частяхъ слова, гдѣ не было условій, разлагающихъ долготу, т. е. согласныхъ, способныхъ къ смягченію, они сохранились въ полнѣйшей неприкосновенности до нашего времени. Что касается до краткаго *e*, то оно по мѣстамъ тоже уцѣлѣло въ подляскихъ разнорѣчіяхъ подъ видомъ *e* неудараемаго, въ другихъ мѣстахъ подверглось іотациі, которая шла, главнымъ образомъ, отъ *iε*, сбитаго съ своего пути мягкими слогами, т. е. вліяніемъ смягчаемыхъ согласныхъ.

Таковы были, по нашему мнѣнію, звуковыя превращенія въ замѣнѣ славянс. *ъ* въ доисторическое время. Въ нихъ мы отличаемъ два слоя: одинъ слой глубоко древній—существованіе вм. *ъ* двухъ *e*—долгаго и краткаго, въ эпоху долготы гласныхъ, слѣдовъ которой въ историческое время въ русскомъ языкѣ мы не находимъ, другой слой—предъ самымъ началомъ исторической эпохи—господство вм. долгаго *e* дифтонговъ: *iĕ*, *iε* въ чистомъ видѣ и въ превращенномъ: *ε* и *і*. Не исчезло въ это время также краткое старинное *e* въ неіотированномъ видѣ. По всей вѣроятности, въ эту же эпоху начало усиливаться значеніе ударенія, которое, безъ сомнѣнія, всегда существовало, но далеко не въ той преобладающей, импонирующей роли, въ которой оно явилось позже. По мѣрѣ того, какъ возрастало вліяніе ударенія, старинная долгота больше и больше падала, такъ что, при появленіи письменности среди русскихъ племенъ, ея уже не было. Въ это время даже дифтонги не всюду были распространены, преобладали же звуки *e* или *і* вм. *ъ*, иногда въ одномъ и томъ же говорѣ и то, и другое ря-

домъ, подобно тому, какъ нынѣ въ подляскихъ разнорѣчіяхъ. Но какъ *e*, такъ и *i*, имѣютъ ближайшее отношеніе къ дифтонгамъ: *iē*, *iε* вм. *ъ*. По всей вѣроятности, тѣ русскія нарѣчія, которыя удлинняли послѣдній звукъ, т. е. *ε*, теряя дwoегласіе, оставались при одномъ іотированномъ *ε*, затѣмъ и краткое *e* вовлечено было въ систему ютаціи и мало-по-малу смѣшалось съ долгимъ: въ этомъ направленіи пошло звуковое творчество языка, наращая однородныя явленія все больше и больше. Такъ, съ теченіемъ времени, установился типическій складъ великорусскаго нарѣчія, которое не только утвердило *ε* вм. *ъ*, но даже подняло пріобрѣтенное этимъ путемъ *ε* въ *ѣ*: сюда относятся извѣстные во всѣхъ учебникахъ слова: *звѣзды*, *иньзда*, *сѣдла*, *цѣль*, *пріобрѣлъ*, гдѣ *ъ* звучитъ, какъ *ѣ*. Новой формаци *ε* вм. *ъ* подчинило своему вліянію и основное *e*, смѣшалось съ этимъ послѣднимъ въ одинъ звукъ мягкаго іотированнаго *ε*. Совсѣмъ другимъ путемъ пошли нарѣчія, въ которыхъ удлинненіе приходилось на первомъ звукѣ дифтонга *iε*: въ нихъ преобладающее значеніе получилъ этотъ самый удлинненный звукъ *i*. Процессъ этого превращенія можно наблюдать и теперь еще на слогахъ безъ ударенія, въ которыхъ дифтонгъ *iε* является въ видѣ неопредѣленнаго звука *iε*, гдѣ *e* произносится твердо и въ то же время очень слабо, какъ едва слышныи отзвукъ полнаго *e*, первый же элементъ дифтонга не теряетъ своей выразительности. Въ слогахъ ударяемыхъ долго могло слышаться растяженіе съ іотированнымъ *e*, пока, наконецъ, это послѣднее, какъ и въ слогахъ неударяемыхъ, не исчезло подъ давленіемъ впереди стоящаго ударяемаго *i*. Такъ, вмѣсто дифтонга *iε*, какъ въ корняхъ, такъ и въ окончаніяхъ словъ, появилось малорусское *i*, которое соотвѣтствуетъ сербскому *ije*, чешскому долготу *i*¹⁾. Между тѣмъ, въ окончаніяхъ словъ не прекращалось вліяніе указанной нами выше аналогіи, которая шла отъ звука *i*, господствовавшая въ мягкомъ склоненіи. Съ разныхъ пунктовъ оба эти звуковыя движенія встрѣтились въ одной точкѣ, именно, въ звукѣ *i*, взаимно другъ друга поддерживая. Совпаденіе этихъ двухъ явленій породило въ малорусскомъ вокализмѣ безусловное господство *i* вмѣсто всѣхъ первоначальныхъ замѣнъ звука *ъ*. Это былъ, по нашему мнѣнію, первый моментъ, въ которомъ обнаружилось наклоненіе малорусскихъ звуковъ къ

¹⁾ Дювернуа указываетъ на аналогическое образованіе чешскаго *i* изъ *ije*. См. Сист. зл. и фор. сл. 109—10.

небному элементу, когда вмѣстѣ съ *i* выступилъ своеобразный складъ малорусскаго нарѣчія, его типическая цѣльность и замкнутость. Зарожденіе этого момента мы относимъ къ самому началу исторической жизни славянорусскихъ племенъ, къ самому началу древнерусской письменности. Затѣмъ, во весь киевскій періодъ ея, продолжался ростъ изслѣдуемаго нами явленія. Его можно назвать именно древнѣйшимъ въ ряду звуковыхъ явленій древнерусскаго языка: доказательство заключается въ томъ, что *i* вм. *ъ* свойственно не только малорусскому нарѣчію, но и областнымъ великорусскимъ разнорѣчіямъ, именно, такъ называемому, сѣверному или новгородскому говору.

Здѣсь мы должны припомнить два мнѣнія, высказанныя русскими учеными по поводу новгородскаго *i* вм. *ъ*.

Потебня отвергаетъ тождество этого *i* съ малорусскимъ *i*, в'огервыхъ, на томъ основаніи, что въ сѣверномъ великорусскомъ говорѣ не такъ повсемѣстенъ этотъ переходъ, какъ въ малорусскомъ, во вторыхъ, что на сѣверѣ нѣтъ малорусскихъ видоизмѣненій *i* вм. *ъ*, наблюдаемыхъ въ сѣверномъ малорусскомъ говорѣ ¹⁾. Последнее основаніе до нѣкоторой степени исключаетъ первое, указывая, что и въ малорусскомъ нарѣчіи, если взять въ расчетъ всѣ говоры его, не повсемѣстна замѣна *ъ* звукомъ *i*, не говоря уже о томъ, что большая или меньшая распространенность какого нибудь звуковаго явленія не подрываетъ самого факта его существованія. Въ отношеніи къ звуку, замѣнившему *ъ*, сѣверный малорусскій говоръ можно назвать прототипомъ новгородскаго, и потому этотъ послѣдній въ своемъ настоящемъ видѣ, подобно другимъ говорамъ малорусскаго нарѣчія, представляетъ отсутствіе тѣхъ чертъ, которыя и нынѣ характеризуютъ самый прототипъ, которыя вмѣстѣ съ тѣмъ прилициваются ему, какъ прототипу. Потебня объясняетъ замѣну въ сѣверномъ великорус. *ъ* звукомъ *i* мягкостію слѣдующаго согласнаго²⁾, но самъ же представляетъ факты, изъ которыхъ видно, что есть случаи такой замѣны, не обусловленные мягкостію слѣдующаго согласнаго, что, конечно, уменьшаетъ цѣну самаго объясненія. Наконецъ, чтобы устранить всякое сомнѣніе въ тождествѣ малорусскаго *i* съ новгородскимъ, онъ дѣлаетъ предположеніе, что „въ тѣ отдаленныя вѣка, когда малорусское племя могло составлять одно съ новгородскимъ, по всей

¹⁾ Потеб. О звук. особ. 112.

²⁾ Ibid 82.

вѣроятности, *ѣ* имѣло еще свой древній характеръ (*ѣ* долгое) ¹⁾. Какъ ни отдаленны эти вѣка, но все же Потебня относитъ ихъ къ исторической эпохѣ, судя по тому, что *и* вмѣсто *ѣ* появляется только въ XIII в. Между тѣмъ, никто еще не представилъ доказательствъ, чтобы въ историческое время, т. е. въ XI—XII в. въ какомъ бы то ни было русскомъ нарѣчїи существовало долгое *е* вм. *ѣ*. А пока такихъ доказательствъ нѣтъ, то и выводы изъ нихъ невозможны на томъ простомъ о нованїи, что нѣтъ слѣдствїи безъ причины.

Другое мнѣніе о новгородскомъ *и* вм. *ѣ* принадлежитъ Лавровскому. „Звукъ *ѣ*, говоритъ онъ, издавна пропалъ въ повгородскомъ говорѣ, будучи замѣненъ звукомъ *и*. Правда, онъ продолжалъ иногда писаться въ памятникахъ, но только какъ орографическій знакъ, безъ особеннаго своего звука“ ²⁾. Такимъ образомъ, *и* вм. *ѣ* не есть исключительная принадлежность малорусскаго нарѣчїя, въ чемъ и мы совершенно согласны съ Лавровскимъ. Что же отсюда слѣдуетъ? По мнѣнію Лавровскаго, слѣдуетъ то, что *и* вм. *ѣ*, попадающесся въ памятникахъ южнорусскаго происхожденїя, должно быть приписано говору сѣверныхъ переписчиковъ, „что оно появилось въ лѣтописяхъ южныхъ въ слѣдствїе влїянїя послѣднихъ переписчиковъ, которые, по всей вѣроятности, были жителями сѣвера“ ³⁾. И съ этимъ выводомъ нельзя не согласиться, но съ существеннымъ ограниченіемъ. Нѣтъ викакого сомнѣнїя, что списки лѣтописей XIV и XV в. были переписаны на сѣверѣ и притомъ не одинъ, а нѣсколько разъ, что въ настоящемъ своемъ видѣ они представляютъ смѣсь разныхъ древнерусскихъ нарѣчїй, что многія звуковыя комбинаціи, попадающїяся въ позднихъ спискахъ, гораздо проще могутъ быть объясняемы діалектическимъ наслоенїемъ, а не генетическими отношенїями между звуками, что, наконецъ, и самое малорусское *и* вм. *ѣ* могло быть поддержано природнымъ выговоромъ сѣвернаго переписчика. Все это правда. Но если мы допускаемъ *ѣ*, подъ которымъ разумѣлось *и*, для новгородскихъ памятниковъ, то почему не допустить того же самаго для памятниковъ Кїевской Руси? Зачѣмъ не допустить *и* вм. *ѣ* въ самыхъ тѣхъ подлинникахъ южной редакціи, изъ которыхъ переписывали сѣверные переписчики, тѣмъ

¹⁾ Потеб. О звук. особен. 112.

²⁾ Лавровс. О яз. сѣвер. рус. лѣтоп. 129.

³⁾ Ibid. стр. 16.

болѣе, что въ немногихъ уцѣлѣвшихъ памятникахъ, списанныхъ на югѣ, обнаружилось то же стремленіе употреблять букву њ для выраженія звука *i*? Не правдоподобнѣе ли допустить, что буква њ означала *i* въ томъ краѣ, гдѣ *i* вм. њ составляетъ постоянный признакъ нарѣчія?

Мы не желаемъ отстаивать звукъ *i*, скрывшійся въ начертаніи њ, исключительно для малорусскаго нарѣчія. Вообще намъ кажется, что при восстановленіи древнерусскаго вокализма нельзя держаться исключительныхъ воззрѣній, въ силу которыхъ дается мѣсто одному какому нибудь звуку въ ущербъ другимъ не только параллельно развившимся, но даже такимъ, которые возникли генетическимъ процессомъ. Начальные звуки могли жить рядомъ съ своими наслѣдниками въ одно и то же время,—между тѣмъ, вырывая отдѣльные факты изъ цѣлаго строя древнерусскихъ нарѣчій, о которыхъ положительныхъ свѣдѣній въ наукѣ нѣтъ, легко приписать ту или другую черту тому нарѣчію, которому мы хотимъ отдать предпочтеніе въ какомъ нибудь отношеніи. Такъ, въ той же книгѣ: „О языкѣ сѣвернорусскихъ лѣтописей“ Лавровскій вооружается противъ Шевырева за то, что онъ, основываясь на признакахъ нарѣчія, назвалъ жителей г. Кириллова и с. Талицъ переселенцами съ юга ¹⁾, но на слѣдующихъ загѣмъ страницахъ, въ обзорѣ новгородскаго нарѣчія по народнымъ пѣснямъ, указываетъ на разительные признаки сходства его съ малорусскимъ нарѣчіемъ ²⁾. А фактъ, между тѣмъ, самъ по себѣ ясный, фактъ такой, что и въ южной, и въ сѣверной Руси, звукъ *i* часто составлялъ въ древнее время замѣну славянскаго њ, въ чемъ совершенно согласны между собою, какъ памятники древнерусскаго письма, такъ и живая, современная памъ рѣчь въ устахъ жителей сѣвера и юга. Съ другой стороны, судя по лѣтописи Переяславской, въ которой не встрѣчается *i* въ видѣ њ ³⁾, надобно полагать, что древнерусскій міръ подъ буквою њ разумѣлъ не одно *i*, но и тотъ звукъ, который нынѣ соединяется въ литературномъ русскомъ языкѣ съ буквою њ. Такое произношеніе њ мы не приписываемъ исключительно суздальской области, въ которой написана Переяславская лѣтопись: тамъ оно могло быть обычнѣе, чѣмъ на югѣ и сѣверозападѣ, хотя и въ этихъ мѣстахъ оно могло существовать спо-

1) Лавр. О яз. сѣв. рус. лѣтоп. 141—43.

2) Ibid. 142—43.

3) Ibid. 139.

радикальски, то въ видѣ заноснаго явленія, то въ видѣ органической особенности какихъ нибудь говоровъ. Но дѣло не въ частностихъ. Дѣло заключается въ общемъ тяготѣннн звуковаго строя въ ту или другую сторону: въ этомъ отношеніи нельзя не признать за малорусскимъ и новгородскимъ нарѣчїями тяготѣннн къ звуку *i* вм. *ъ*, только въ этомъ послѣднемъ оно не развилось, а въ малорусскомъ достигло вершины своего развитія. Не споримъ, что и въ малорусскомъ нарѣчїи *i* вм. *ъ* окончательно установилось позже, но по времени своего зарожденія и образованія оно относится къ эпохѣ глубоко древней. Вотъ почему въ памятникахъ XI—XII в. встрѣчается оно не такъ часто, какъ въ позднѣйшихъ. Въ XI—XII в. чаще всего писали *ъ*: чѣмъ раньше эпоха, тѣмъ меньше возможна была самодѣятельность русскаго ума въ примѣненнн славянскихъ буквъ къ русскимъ звукамъ, поэтому мы видимъ въ древнѣйшихъ памятникахъ господство за буквою *ъ*. Но уже въ XI—XII в., рядомъ съ *ъ*, мы видимъ и *e*, и *и*: *e* подѣ влияннмъ діалектической разности, имѣвшей въ то время мѣсто и на кїевскомъ югѣ, *и* — подѣ влияннмъ діалектической разности, отсутствнн которой на югѣ было еще менѣе возможно. Если въ памятникахъ XII в. чаще встрѣчается *e*, чѣмъ *и*, то это объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что такое произношеннн буквы *ъ*, судя по аналогїи съ древнесербскою письменностью, было поддерживаемо древнеславянскимъ преданнмъ. Нужно еще взять во вниманнн и то, что отъ XI—XII в. осталось ничтожное количество памятниковъ южной редакціи, что громадная масса ихъ погибла въ татарскомъ погромѣ, въ бурю козацкихъ движеннн, подѣ истребляющнмъ давленнмъ католической попагалды, въ кїевскихъ пожарахъ. Какъ бы то ни было, только одна половина Руси, унесшая съ юга письменность, дала предпочтеннн звуку *e* вм. *ъ*, хотя долго еще не чуждалась и звука *и*, — другая, надолго оставшаяся вдали отъ письменнаго преданнн, удержала не менѣе древнее *i* вм. *ъ*. Но и послѣ того, какъ на старнхъ пепелищахъ древнерусской цивилизаціи, въ опустошенномъ южнорусскомъ краѣ, начала зарождаться въ XIV—XV в. новая жизнь, старая славянская традиціи все еще имѣла обаятельную силу. Условныя начертаннн звуковъ стояли крѣпко. За нихъ держались, какъ за руководящую ннть въ новомъ столкновеннн съ польскою культурой, которая, противъ воли, иногда помимо сознаннн южнорусской интеллигенціи, вторгалась въ письменность. Такъ, писались *ѣ* и *ѝ*, хотя глухое произношеннн ихъ давно исчезло, писались юсы, хотя съ самаго начала

древнерусской письменности ихъ всегда произносили порусски, а не послavianски, писалась, наконецъ, и буква њ, хотя она уже давно произносилась на югѣ, какъ *i*. Мало того: хотя буква њ въ народномъ говорѣ иначе не произносилась, какъ *i*, грамотные люди южной Руси, охваченные разнообразными влияніями—бѣлорусскимъ, польскимъ, даже чешскимъ, въ послѣдствии великорусскимъ, съ другой стороны, влияніемъ славянской письменности, какъ древней, такъ и позднѣйшей югославянской (болгарской и сербской), никакъ не могли справиться съ буквою њ: то ставили ее правильно подревнеславянски, то смѣшивали съ ѡ—посреднеболгарски, то смѣшивали съ *e* побѣлорусски, то замѣняли ее буквою *i* помалорусски. Въ такомъ пестрономъ видѣ является предъ нами правописаніе буквы њ въ южнорусскихъ произведеніяхъ XV—XVI в. Въ нихъ проходитъ живая струя народности, но она не связана органически съ письменнымъ церковнославянскимъ преданіемъ при всѣхъ очевидныхъ усиліяхъ подчинить ее этому послѣднему.

Остановимся на выдающихся по своему значенію памятникахъ XVI в., такъ какъ въ нихъ повторяются и даже рельефнѣе выступаютъ особенности правописанія XV в.

Въ Львовскомъ Онуфріевскомъ монастырѣ хранится библія, переписчикомъ которой былъ *Дмитро писарчикъ изъ Зинькова* ¹⁾ (1575 г.). По замѣчанію Головацкаго, Онуфріевская библія „есть списокъ потерянныхъ книгъ перевода Скорины печатныхъ или въ рукописи оставшихся“ ²⁾. Вся разница языка ея отъ языка Скорины въ южнорусской окраскѣ, виной которой былъ Дмитро писарчикъ, но такъ какъ онъ все-таки былъ не больше, какъ только переписчикомъ, а не переводчикомъ, то народныя черты въ языкѣ Львовской рукописи вышли блѣдныя. Изрѣдка онѣ выступаютъ тамъ, гдѣ у Скорины стоитъ звукъ, очевидно, бѣлорусскаго происхожденія, но большею частію южнорусская фонетика замаскирована церковнославянскимъ правописаніемъ. Такъ, Дмитро пишетъ: *памать, мѣслаца, девять*, тогда какъ Скорина замѣняетъ юсь буквой *e*; у Дмитра: *взметъ, жерца*, у Скорины: *возметъ, жерца*; у Дмитра: *дрвонымъ*, у Скорины: *древянымъ*; у Дмитра: *четыринадесятый*, у Скорины: *четыренадесятый*; у Дмитра: *з муки пшеничнои, печени, смажени*, у Скорины: *пшеничное, печенье, сма-*

¹⁾ Зиньковъ—мѣстечко Подольс. губ. при р. Ушицѣ.

²⁾ Наук. сборн. 1865, IV.

женые; у Дмитра: *хлбы, тло, урлх, завпта, повптасть* ¹⁾: во всѣхъ этихъ словахъ у Скорины, сообразно съ бѣлорусскимъ произношеніемъ, стоитъ *е*. Безъ сомнѣнія, въ XVI в. букву *ъ* Дмитро произносили помалорусски, какъ *и*, слѣдовательно, исправляя бѣлорусское *е* Скорины на славянское *ъ*, онъ въ одно и то же время, по крайнему своему разумѣнію, удовлетворялъ и южнорусскому произношенію, и славянскому преданію.

Такъ нерѣшительно, въ полупрозрачной одеждѣ выступаетъ малорусская рѣчь въ благочестивомъ трудѣ писарчика Дмитра. Не легко было отрѣшиться стариннымъ нашимъ переписчикамъ отъ авторитета церковнаго языка, да и предметъ ихъ книгописной дѣятельности невольно располагалъ въ пользу славянскаго правописанія, въ пользу книжнаго преданія, переходившаго отъ поколѣнія къ поколѣнію. Нетвердая, робкая мысль не рѣшалась святотатственно коснуться не только священнаго смысла, но и самой буквы церковнославянской. Только явное несоотвѣтствіе языка книжнаго языку народному заставляло проговариваться благоговѣйныхъ читателей священной старины, и такимъ образомъ изъ невольныхъ обмолвокъ мало-по-малу утвердилось новое преданіе, основанное на привычкѣ къ тому разностихійному, спутанному языку и письму, памятникомъ котораго была вся древне и средне—русская письменность. Но вотъ въ XVI в., раньше нѣсколько того времени когда Дмитро писалъ свою библию, уже не безсознательно, а преднамѣренно и съ умысломъ является въ южной Руси „за помощью Божіею *книги четырёхъ Евангелистовъ выложенныи изъ языка блгарскаго на мовоу роускую для леп'шоу вырозумленя' людоу христиан'скаго посполитого*“ ²⁾. Переводчики имѣли въ виду не однихъ православныхъ. Евангеліе расположено по зачаламъ и приспособлено къ церковному употребленію, но передъ каждою группою зачалъ помѣщено въ краткихъ словахъ содержаніе той главы, въ составъ которой входятъ зачала: „*тыжъ для людий закону рим'скою, сиречь митинь. иже онихъ не зываются зачала. едно капитулы. а по нашему языку главы. Боуде ли оны тебе а што просити абы еси емоу немедло сиречь борзо нашедши оуказалъ*“ ³⁾.

¹⁾ Наук. Сбор. 1865. 239—42—44—50.

²⁾ Послѣсловіе къ Персепниц. евангелію (1561).

³⁾ Сказаніе о главахъ и зачалахъ, послѣ евангелія отъ Іоанна.

Здѣсь уже предъ нами тенденція, сознательно преслѣдуемая цѣль — дать въ руки люду христіанскому посполитому книгу, изъ которой онъ могъ бы почерпать не только назиданіе для себя, но и отвѣты на случай совопросничества съ латинянами. Было ли это движеніе протестантской волны, которая, по всей вѣроятности, захватила ученаго доктора Скорину изъ славнаго города Полоцка, навѣрно сказать не можемъ относительно переводчиковъ Пересопницкаго евангелія, — несомнѣнно только то, что они предназначали свой трудъ для народа и сообщили ему ярыя черты народнаго южнорусскаго нарѣчія XVI в. Но при всемъ желаніи высказаться въ народномъ духѣ, *для лѣн'шого вырозумленя людоу посполитого*, — они не считали возможнымъ отрѣшиться отъ славянскаго языка и притомъ въ позднѣйшей югославянской редакціи. Надобно сказать, что въ сочетаніи южнорусскихъ элементовъ съ славянскими они обнаружили чрезвычайно много такту. Если удалить изъ перевода неумѣлое словопроизводство, вмѣстѣ съ неестественнымъ правописаніемъ, чуждымъ древнесл. и малорус. нарѣчіямъ, (напр. зіяніе, ѣ послѣ гортанныхъ и проч.), — то получится органическое цѣлое, въ которомъ народная рѣчь явится какъ бы естественнымъ продолженіемъ книжной рѣчи, а не мертворожденнымъ дѣтищемъ схоластической мысли, какимъ она большею частію является въ другихъ, даже позднѣйшихъ южнорусскихъ писаніяхъ. При всемъ томъ сами переводчики не могли осилить вліянія тѣхъ позднѣйшихъ славянскихъ подлинниковъ, которыми они пользовались для своего перевода, не могли также уберечься и отъ вліянія литературно-польскаго, хотя этому послѣднему подчинились въ несравненно меньшей степени, чѣмъ позднѣйшіе ученые грамматисты, напр. Берында и Смотрицкій. Отмѣтимъ всѣ случаи употребленія буквы *ъ* въ Пересопницкомъ евангеліи. 1) Чаше всего ставится она правильно по славянски: „*настѣмь доброѣ спѣмь на селѣ своемъ*“¹⁾. 2) *ъ* стоятъ вм. юсовъ большаго и малаго: „*кто чинитъ волъ (вол-ѣ) отца*“... не имали много земль и не имали гллубокости земль.... во вѣское мѣсто.... не требуютъ мкартъ.... до гостин'ничь... дѣкоюю вм. дѣкоюю.....²⁾ Форма: *волъ* вм. *вола* доказываетъ, что въ рукахъ переводчиковъ былъ подлинникъ болгарскаго происхожденія, можетъ быть, съ примѣсью сербской редакціи, (судя по преобла-

¹⁾ Матѣ. зач. 52.

²⁾ Матѣ. зач. 23, 50. Лук. зач. 16, 20, 53, 104.

данію ъ надъ ъ). Не зная о смѣшеніи юсовъ въ болгарскомъ письмѣ они ставятъ ъ тамъ, гдѣ въ подлинникѣ стоялъ малый юсь, но этотъ юсь тамъ стоялъ уже вмѣсто большаго, отсюда и вышла странная форма: *во.тъ* вм. *вол-ѣ* или, по русскому правописанію, *волю*¹⁾. 3) Наоборотъ, замѣняется буквою *е* — въ текстѣ не такъ часто, въ припискахъ переписчика очень часто: *при Августе, имель, похотель, мне, вреку* и проч.²⁾. Въ этой замѣнѣ ъ буквою *е* мы видимъ вліяніе бѣло-русско-польской рѣчи. Для XVI в. не будетъ смѣлостью признать въ малорусскомъ народномъ говорѣ господствующимъ *і* вм. *ѣ*: переводчики, очевидно, увлечены были литературными образцами своего вѣка. 4) Изрѣдка ъ замѣняется, сообразно съ народнымъ употребленіемъ, буквою, *и*: *посли, смотриль, ликарю, 'зъ лчисл, ничого не иль, исте и тете, апосли*³⁾. Наконецъ, 5) еще рѣже ъ замѣняется буквою *ы*, въ слѣдствіе смѣшенія *ы* съ *и*: *на моры*⁴⁾; есть даже случай употребленія ъ вм. *ы*: *милости хочу а не жрътвы*⁵⁾, а въ другомъ мѣстѣ: *милости хбщу а не жрътвы*.

Такимъ образомъ, въ Пересопницкомъ евангеліи не опущенъ ни одинъ изъ древнерусскихъ приемовъ въ употребленіи буквы ъ и въ то же время ни одинъ изъ нихъ не принятъ въ видѣ постояннаго правила для руководства. Писецъ отдастъ предпочтеніе древнеславянской постановкѣ буквы ъ, но постоянно отвлекается въ сторону подъ впечатлѣніемъ разнообразныхъ вліяній.

Такую же нетвердость и невыдержанность правописанія мы встрѣ-

¹⁾ Еще рѣзче видно болгарское происхожденіе подлинника, съ котораго сдѣланъ былъ переводъ, изъ формъ: *нѣ* вм. *но* (Матѣ. зач. 30), *въ гѣтробахъ* вм. *оутробахъ* (Лук. зач. 16): въ этомъ послѣднемъ словѣ, вопреки русскому произношенію, стоитъ *ѣ* вм. *оу*, потому что въ подлинникѣ стоялъ малый юсь вмѣсто большаго. Къ болгаризмамъ относится и неустрашенное зіяніе въ словахъ напр: *Захарта, Маріа, покаждета* (Лук. зач. 1—2). Мы не рѣшаемся настаивать, вмѣстѣ съ Майковымъ (Исторія сербс. яз. 405) на малорусскомъ происхожденіи гіатуса въ средне-болгарской письменности; знаемъ только, что онъ составляетъ характеристическій признакъ ея. Сербскому вліянію можно приписать въ Пересопницкомъ евангеліи постановку удареній въ началѣ словъ.

·) Послѣсловіе.

³⁾ Марк. зач. 32. 57. Лук. зач. 4, 12, 20, 43.

⁴⁾ Матѣ. зач. 37.

⁵⁾ Матѣ. зач. 30. 45.

чаемъ и въ южнорусскомъ переводѣ „Пѣсни пѣсней“. Къ вліяніямъ мѣстнымъ, бѣлорусско-польскому и южнорусскому, здѣсь присоединилось еще и вліяніе чешское. Какъ оно проникло сюда, сказать опредѣленно не можемъ, но отказать этому памятнику въ южнорусскомъ происхожденіи тоже не рѣшаемся ¹⁾. Не останавливаясь на подробностяхъ, приведемъ нѣсколько формъ съ буквою ѣ, или съ обычными замѣнами ея: *всами, всихъ, всимъ и вселъ, имю, тылъ, тыми, о своей невѣсти, къ своей невѣсте, о Христе, о Христь* ²⁾. Вся эта путаница, всѣ эти противорѣчія объясняются недостаткомъ исходнаго пункта въ правописаніи. Съ одной стороны, замѣтно желаніе удержать традиционное правописаніе, съ другой стороны, насильно вривалось народное произношеніе буквы ѣ, наконецъ, обязательными считались образцы иностранной рѣчи: оттого не выдержано ни народное, фонетическое начало, ни этимологическое. Не было положено въ основу дѣла ясно сознаваемаго, руководящаго начала, и потому самое дѣло не пошло въ ходъ....

Въ XVII в. Мелетій Смотрицкій рѣшилъ положить конецъ разнобразному употребленію буквы ѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ вывести правописаніе изъ хаоса. Въ грамматикѣ своей онъ говоритъ слѣдующее: „а и ѡ, е и ѣ, и и ѣ, ѣ и ѣ, о и ѡ: давшаго употребленія, склоненій и спряженій навикъ, несклоняемыя части по многу научать“ ³⁾. „Блюсти подобаетъ и падежей въ склопеніихъ, и время въ спряженіихъ

¹⁾ Указывая чешскія слова и обороты въ этомъ переводѣ, Головацкій выражаетъ удивленіе, что издатели „Основы“ легкомысленно признали его южнорусскимъ (Наук. сбор. 1865, вып. IV, 235). Но искусственность языка не есть еще черта, мѣшающая причислить памятникъ къ той или другой народности. Современный намъ литературный языкъ русскій нельзя назвать безыскусственнымъ, и однакожъ, никто не сомнѣвается въ его народномъ происхожденіи и строѣ. Не споримъ, что языкъ „Пѣсни пѣсней“ отличается искусственностью, что онъ представляетъ смѣсь церковнославянскаго языка съ народнымъ, что въ немъ много вліяній постороннихъ—польскаго и особенно чешскаго,—но южнорусскіе народные элементы прорываются въ этомъ языкѣ въ такомъ изобиліи и такъ рѣшительно, что сомнѣваться въ южнорусскомъ типѣ перевода невозможно, такъ точно, какъ невозможно сомнѣваться въ бѣлорусскомъ типѣ языка Скорины: хотя основа его славянская, и онъ не чуждъ также постороннихъ вліяній.

²⁾ Основа. 1861. Декабрь. 53, 62, 60, 61, 56, 52.

³⁾ Смотриц. Грам. изд. 1721 стр. 8.

оконченія: и о вм. ѡ, ни въ противъ: ни ѡ вм. а, ни въ противъ: ни е вм. ѣ, ни въ противъ, развѣ то и оно примати могущихъ надежй: ни ѣ вм. и или ѣ вм. и, ни обоя та въ противъ полагаѣ 1). Ученый XVII в. жалуется на смѣшеніе буквъ, которыя должны стоять, по его понятіямъ, на своемъ мѣстѣ. Какія же это понятія и откуда павѣяны они? Смотрицкій оберегаетъ славянское преданіе въ употребленіи буквъ отъ вторженія, съ одной стороны, народныхъ южнорусскихъ элементовъ, съ другой стороны, элементовъ бѣлорусско-польскихъ. Но не столько страшатъ его эти послѣдніе, сколько первые: самъ онъ, въ конструкціи своей собственной рѣчи, въ лексикѣ и даже фонетикѣ ея, далеко не свободенъ отъ вліянія польско-латинскихъ образцевъ мысли и рѣчи, легшихъ въ основу южнорусской схоластической литературы XVII в., потому-то нѣтъ и слѣдовъ народности въ софтахъ Смотрицкаго относительно употребленія буквы ѣ: онъ допускаетъ даже, въ угоду бѣлорусско-польской фонетикѣ, смѣшеніе ѣ въ извѣстныхъ случаяхъ съ е, по смѣшенію ѣ съ и и ѣ безусловно запрещаетъ. Отвергнувъ народное, фонетическое начало, онъ не положилъ въ основу правописанія и разумной этимологіи: употребленію буквъ, по его мнѣнію, научить „склоненій и спряженій навикъ“, а съ навикомъ, и только съ однимъ навикомъ, какъ извѣстно, уйти далеко нельзя. Софты Смотрицкаго, очевидно, не могли извлечь южнорусскаго правописанія изъ сферы случайностей. Въ XVII в. въ южнорусской письменности видимъ прежнее смѣшеніе ѣ съ е и і: то ставили эти послѣдніе буквы вм. ѣ, то ставили ѣ вм. е и і. Къ тому же мало-по-малу начало оказывать свое дѣйствіе на употребленіе буквы ѣ и великорусское вліяніе. Оно пришло на помощь бѣлорусскому вліянію, которое само по себѣ, съ развитіемъ народныхъ элементовъ въ южнорусской письменности, можетъ быть, бессильно было бы устранить малорусскую замѣну ѣ звукомъ і. Живой обмѣнъ литературныхъ идей, завязавшійся въ XVII в. между учеными малорусскаго, бѣлорусскаго и великорусскаго происхожденія, содѣйствовалъ развитію въ южнорусской письменности е вм. ѣ. При всемъ томъ мы замѣчаемъ въ XVII в. между малорусскими писателями нѣкоторое единообразіе въ употребленіи буквы ѣ. Мы видимъ, что они избѣгаютъ е вм. ѣ, не даютъ даже предпочтенія своему народному і вм. ѣ, хотя и позволяютъ себѣ обмолвки въ томъ и другомъ родѣ,

1) Смотриц. Грам. изд. 1721 г. стр. 7-я.

зато, въ громадной массѣ случаевъ, ставятъ ѣ вм. и, ставятъ ѣ не только тамъ, гдѣ того требовало славянское правописаніе, но и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ присутствіе буквы ѣ не могло быть оправдано ни здравымъ словопроизводствомъ, ни народной фонетикой. Приведемъ примѣры.

Изъ Львовской лѣтописи: *Горънь, Хмельницкого, нъчого, нъшто, нъякъ, унъя*,—иногда одна и та же форма съ ѣ и и: *поухалъ и поухалъ, нъмилъ и нъмили, примирия и примъря, поили и ѣли, Казъмъря, Казъмиръ и Казимъръ*,—иногда даже *і* изъ основнаго *с* выражено посредствомъ ѣ: *сѣлъ* (великор. *сѣль*, малорус. *сѣл*), *ишьтъ* вм. *иштъ*, *повъзъ* вм. *повізъ* ¹⁾

Изъ словаря Беринды: *нъшто, нъчого, нъ... нъ* вм. *ни, нънацо, нънута, фънура* и проч. ²⁾

Изъ лѣтописи Самовидца: *Унъя, на Волинъ, въ Чернѣговъ, анъжъ, Русиновъ* (дательн.), *державицъ* (имен. множ.), *въ кривъ* (въ крови), *Домънъкъ, неизлѣчная тѣба, костель* (вин. множ.), *тѣма*, на *запорожжъ* и на *запорожжи* ³⁾

Какъ объяснить это широкое употребленіе ѣ, гдѣ нужно, и гдѣ не нужно?

По нашему мнѣнію, оно объясняется постепенно сложившимся убѣжденіемъ, что ѣ должно стоять тамъ, гдѣ слышно мягкое іотированное *і* (*йі*). Корни этого убѣжденія, какъ мы видѣли, находятся въ древнѣйшихъ памятникахъ русской письменности, и вотъ южнорусские писатели XVII в., подъ защитой древнерусскаго преданія, стараются выдержать въ буквѣ ѣ этимологическую правильность вмѣстѣ съ народной фонетикой, разумѣя подъ ѣ звукъ *і*. Но эта болѣе традиціонная, чѣмъ сознательная этимологія увлекла ихъ на путь ложной аналогіи, которая, маскируя малорусское *і*, все-таки не могла служить руководствомъ, когда нужно писать ѣ, а когда *і*.

¹⁾ Историч. сборн. Погод. 265, 67, 65, 40, 59, 46, 34—37, 44—44, 49—49, 57—36, 50, 50—50, 59, 60, 48.

²⁾ Беринда 94, 94, 95, 93, 76, 192.

³⁾ Лѣтоп. Самовидца 8, 9, 10, 11, 12, 13.

3. Малорусское *i* изъ основныхъ *o*, *e*.

Переходимъ къ *i* изъ *o* и *e*.

Съ самаго начала считаемъ нужнымъ замѣтить, что *i* изъ *e* отличается отъ *i* изъ *o* мягкостью, которая выражается въ способности его смягчать предыдущій согласный звукъ: большая разница напр. въ украинскомъ нарѣчїи между словами: *не* (нёсъ) и *нїс* (носъ), *ниж* (нежели) и *нїж* (ножь). Впрочемъ, въ галицкомъ говорѣ, изрѣдка и въ украинскомъ, потеряна разница между этими *i*: въ обоихъ замѣтно смягчающее вліяніе юты. Такъ, въ Галиціи говорятъ: *дїм* (домъ), *ми* (мой), *тик* (токъ).

Давно уже сдѣлано наблюденіе, что въ среднихъ слогахъ *i* изъ *o* и *e* сохраняется, въ слогахъ же прямыхъ *o* и *e* снова восстанавлиются: *рїк-року*, *кнї-коня*, *пч-печи*, *сїм-семи*. Но видно, этотъ законъ находится еще въ своемъ развитїи или же, наоборотъ, ослабѣлъ, помутился въ чувствѣ языка, коль скоро встрѣчаются формы, и притомъ въ немаломъ количествѣ, не подлежащія его дѣйствию. Такъ, *o* и *e* измѣняются въ *i* даже въ прямыхъ слогахъ предъ суффиксами: *ець*, *ок*, *оч-тк*: *кї-нець*, *камї-нець*, *кї-лок*, *перепї-лочка*. Сверхъ того, *i* изъ *o* является въ родит. множ. именъ уменьшит: *ї-рок*, *кї-зок*, а *i* изъ *e* въ именахъ прилагат. уменьшит. съ суф: *їсенький*: *повнїсенький*, и въ нѣкоторыхъ глаголахъ, усиливающихъ *e* въ *i*: *зачїсувати*. Въ свою очередь, иногда не измѣняются въ *i* ни *o*, ни *e*: говорятъ напр: *Бої* и *Бїи*, *грім* и *грім*; остается *o* въ суффиксахъ именъ уменьшит: *онько*, *онька*: *юлубонько*, *юлубонька*; остается *e* въ суффиксахъ: *енко*, *енько*, *енька*, *енький*, *есенький*, *езный*, а также въ нѣкоторыхъ словахъ: *я-сен*, *пере-пел* ¹⁾.

¹⁾ Потѣб. О звук. особ. 95. 99. 100.

Въ связи съ значеніемъ среднихъ слоговъ для переменъ *о* и *е* въ *ѣ*, большую важность имѣетъ то обстоятельство, что оба звука не переходятъ въ *і* ни въ прямыхъ, ни въ среднихъ слогахъ: а) когда они стоятъ на мѣстѣ первоначальныхъ глухихъ *ѣ* и *ѡ*, б) въ полногласныхъ словахъ. Примѣры: *торѣ* (*тѣрѣѣ*), *воукѣ* (*вѣукѣ*) *честѣ* (*чѣстѣ*), *серце* (*сръдѣце*), *волосѣ* (*влѣсѣ*), *здоровѣ* (*здравѣ* и *сѣдравѣ*), *берегѣ* (*брѣгѣ*), *передѣ* (*прѣдѣ*). Есть, впрочемъ, исключенія и здѣсь, но очень рѣдкія, напр.: *портѣ*—полногласная форма съ *і* изъ *прагѣ*. Сюда же относятся слова: *чорнобривий*, *дригати*, *крихта* съ среднимъ и вм. слав. *ѣ* ¹⁾.

Такимъ образомъ, въ отношеніи къ *о* и *е* вм. *ѣ* и *ѡ*, а также въ полногласныхъ формахъ, между нарѣчiami малорусскимъ и великорусскимъ почти нѣтъ разницы. Изъ этого видно, что малорусское *і* изъ *о*, *е* развилось уже послѣ того, какъ во всѣхъ нарѣчiяхъ русскаго языка утвердилось полногласіе, а также на мѣстѣ глухихъ гласныхъ въ срединѣ словъ появились уже чистые *о* и *е*. Потебня думаетъ совсѣмъ наоборотъ, именно, онъ предполагаетъ существованіе глухихъ, когда начались превращенія въ основныхъ *о*, *е*: „еслибы, говорить онъ, глухіе въ это время замѣнились уже чистыми *о*, *е*, то мы имѣли бы теперь малорусскія формы: *суон-сону*, *син-сону*, а не *сон-сону*, *снѣ*, *сна*“ ²⁾. Допуская позднее образованіе *і* изъ *о*, *е* сравнительно съ полногласіемъ и превращеніемъ глухихъ гласныхъ въ чистые, мы именно думаемъ, что глухихъ уже не было въ эпоху образованія *і* изъ *о*, *е*, и потому не можемъ раздѣлять предположенія Потебни объ ихъ существованіи въ то время ³⁾. Согласившись съ этимъ предположеніемъ, мы тѣмъ самымъ устранили бы причину, въ слѣдствіе которой основные *о* и *е* путемъ дифтонговъ перешли въ *і*. Что касается до того, отчего формы въ родѣ *снѣ* не перешли въ малорус. въ *син*, то причина этого явленія заключается не въ томъ, что глухіе превратились въ чистые, а въ самой природѣ этихъ чистыхъ, образовавшихся изъ *ѣ*, *ѡ*. Не отрицая сходства между *о* и *е* изъ *ѣ* и *ѡ* и основными *о* и *е* въ томъ отношеніи, что первые появились, а послѣдніе превратились въ *і* по одной и той же причинѣ, т. е. въ слѣдствіе эвфонической погребности возстановить гласную стихію въ срединѣ словъ послѣ того, какъ глухіе

¹⁾ Потеб. О звук. особ. 96. 97. 98.

²⁾ Зам. О малорус. нар. 35, 36.

³⁾ Ibid. 35—36.

начали исчезать въ концѣ, мы не должны, однако, забывать, что между этими качественно сходными звуками есть различіе количественное: въ основныхъ *o* и *e* есть слѣдъ нѣкогда бывшей долготы, которая, при извѣстныхъ условіяхъ, можетъ снова выразиться такъ или иначе, тогда какъ *ъ* и *ь* по самой природѣ своей—гласные краткіе.

Извѣстно, что основные *o* и *e* образовались нѣкогда изъ простѣйшихъ элементовъ: $a + i = e$, $a + u = o$, слѣдовательно, по своему образованію, *o* и *e*, въ отличіе отъ *a* и *i*, принадлежать къ разряду дифтонговъ. Исконная долгота ихъ съ теченіемъ времени утратилась во многихъ языкахъ, между прочимъ, и въ древнеславянскомъ, гдѣ гласный элементъ въ концѣ словъ ослаблялъ необходимость долгихъ гласныхъ въ срединѣ словъ. Но съ того момента, какъ глухіе гласные *ъ* и *ь* начали колебаться, и слова должны были въ выговорѣ оканчиваться на согласный звукъ, въ разныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ явилась потребность возвратиться къ долготѣ тѣхъ среднихъ гласныхъ звуковъ, которые по своей первоначальной природѣ были долгими. Такимъ образомъ, малорус. *i* въ словахъ: *кинъ*, *тич* и проч. сильнѣе первоначальныхъ *o* и *e*. Съ восстановленіемъ гласнаго окончанія въ словахъ, потребность усилить гласный элементъ въ срединѣ словъ должна была исчезнуть, и мы имѣемъ: *ко-ня*, *пе-чи*. Но если при гласномъ окончаніи послѣ *o* и *e*, стоитъ два или нѣсколько согласныхъ, изъ которыхъ первый входитъ въ составъ предыдущаго слога, то *o* и *e* все-таки превращаются въ *i*: *дѣ-ють*—*ди-тю*, *но-ють*—*ни-тю*. Это подало поводъ галицкимъ ученымъ, въ подражаніе польскимъ грамматистамъ, объяснять это явленіе такимъ образомъ: „корѣнное *e* перемѣняется на *ъ* (*i*), коли есть стиснене, корѣнное *o* переходитъ на *o* (*i*), коли есть стиснене, т. е. коли ся на него слѣдующа согласна спирае“¹⁾. Потебня находитъ это объясненіе непонятнымъ: „какимъ образомъ дѣйствіе тяжести, давленіе, говоритъ онъ, вызываетъ не сжатіе гласной, а ея расширеніе?“²⁾ Отвѣчаемъ его собственными словами: „человѣкъ удлиняетъ гласную, предчувствуя слѣдующее за нею стеченіе согласныхъ, т. е. собственно такъ называемую позицію. Средній или обратный слогъ есть славянская позиція“³⁾. Очевидно, галицкіе ученые разумѣютъ ту же позицію, что и Потебня, но подражательность помѣшала имъ яснѣе выразумѣть это дѣло.

¹⁾ Осадц. Грам. § 28. 31.

²⁾ Потеб. Зам. 34.

³⁾ Ibid. 35.

Можно ли объяснять малорусское *i* изъ *o* и *e* только позиціей? Мы видѣли, что оно—шире позиціи, что оно стоитъ не только въ среднихъ слогахъ, но и въ прямыхъ, т. е. безъ всякаго отношенія къ позиціи. Изъ этого, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ, что сама по себѣ позиція не все объясняетъ, что, кромѣ позиціи, въ образованіи малорусскаго *i* изъ *o*, *e*, дѣйствовали другія причины. Возьмемъ напр. формы: *м-тати*, *зам-тати* (славянс. *летѣти*, *заметати*): здѣсь *i* стоитъ въ прямыхъ слогахъ, внѣ позиціи. Мы думаемъ, что этого *i* объяснить иначе нельзя, какъ только усиленіемъ основнаго *e* для образованія глаголовъ учащательныхъ (*verba iterativa*). Иногда усиленіе совпадаетъ съ позиціей, напр. въ словахъ: *м'ій*, *л'ій* вм. *мой*, *лоі*, *н'іс*, *виз* вм. *нос*, *воз*. Иногда, наконецъ, въ звукѣ *i* нѣтъ ни позиціи, ни усиленія, напр. *гребі-нець*, *кам-нець* и пр. Можетъ быть, здѣсь *e* превратилось въ *i* первоначально подъ вліяніемъ позиціи, а потомъ самая позиція принесена была въ жертву развившемуся въ послѣдствіи преобладанію звука *i*. Иначе нельзя объяснить многихъ неорганическихъ формъ съ этимъ звукомъ. Итакъ, позицію, которая обнаружилась вслѣдъ за потерю конечныхъ глухихъ гласныхъ, можно назвать первоначальнымъ толчкомъ въ движеніи малорусскаго вокализма отъ *o*, *e* къ *i*. По всей вѣроятности, на первой стадіи дѣйствовала позиція, главнымъ образомъ, въ сферѣ двухсложныхъ словъ, которыя, съ паденіемъ глухихъ, превратились въ односложныя; на той же самой стадіи развивалось *i* изъ *o* и *e* въ конечныхъ слогахъ трехсложныхъ и односложныхъ словъ непосредственно и прямо подъ вліяніемъ потери глухихъ звуковъ; затѣмъ, по требованію аналогіи, *i* начало вторгаться въ средину трехсложныхъ словъ, замѣняя собою *o* и *e* сперва въ среднихъ слогахъ, а потомъ неорганически и въ слогахъ прямыхъ. Поэтому, говоря о позиціи, не нужно опускать изъ виду ни аналогіи, ни усиленія гласныхъ—условія, чрезвычайно важныхъ въ образованіи *i* изъ *o*, *e*.

Извѣстно, что не во всѣхъ говорахъ малорусскаго нарѣчія основныя *o* и *e* замѣняются одинаково. Въ большинствѣ изъ нихъ (въ украинскомъ и галицкомъ), дѣйствительно, господствуетъ *i*, изрѣдка среднее и вм. *o*, *e*. Что касается до сѣвернаго малорусскаго говора, то здѣсь *o* и *e* замѣняются самымъ различнымъ способомъ. Такъ, въ подляскихъ разнорѣчіяхъ *o*—*yo* съ растяженіемъ *o*: *куонь* (Кошолы), *yo* съ растяженіемъ *y* (Хотычи, Воинъ), *уэ*: *куэнь* (Яблонь), *уи*: *куиць* (Кленовица), *уи*: *куиць* (Пещецъ и Яблочна). Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ господствуютъ дифтонги: *yo*, *yo*, *уэ*, звукъ *e* превращается въ *юо*, которое произно-

сится иногда слитно съ предшествующимъ согласнымъ звукомъ: *слиози*, *синюой* (Хотычи), иногда раздѣльно, какъ послѣ твердыхъ, такъ и послѣ мягкихъ согласныхъ: *завйуол*, *принйуос* (Хотычи). Напротивъ, тамъ, гдѣ въ ходу дифтонгъ *уи*, *уи*, *е* превращается въ *юі*: *рюдний* (Яблочна), въ *и*, — *привйз* (Кленовица). Но какъ тѣмъ, такъ и другимъ разнорѣчіямъ свойственно также превращеніе *е* въ *ю* и *ѣ*: *принюс*, *слѣзи* и пр. Такъ же точно во всѣхъ разнорѣчіяхъ превращается *о* въ *у*: *кунь*, *муй* и проч. При этомъ замѣтить нужно, что въ растяженномъ состояніи дифтонгъ можетъ и не имѣть на себѣ ударенія, напр. на *синюомъ* (Хотычи), — и наоборотъ: удареніе иногда падаетъ надъ *у*, *ю*: *не буйся* (Пещаць), *ранюсемько* (Кленовица).

Таковы намъ извѣстные факты. На основаніи аналогическихъ фактовъ въ заблудовскомъ и въ другихъ разнорѣчіяхъ сѣвернаго малорусскаго говора, Потесня сдѣлалъ чрезвычайно меткое заключеніе о связи сѣверныхъ дифтонговъ съ малорус. *і* изъ *о*, *е*, господствующимъ въ другихъ говорахъ. Онъ поставилъ ихъ въ генетическую зависимость между собою, такъ что малорус. *і* есть дальнѣйшее развитіе *уо*, *юо*, *у*, *ю* и проч. Считаемо, съ своей стороны, необходимымъ войти въ нѣкоторыя подробности объ этомъ предметѣ.

Замѣчено уже было выше о двоегласномъ происхожденіи *о* и *е*: „а, приближаясь къ *і* и *и*, говоритъ Шлейхеръ о санскритс. яз., переходило въ *е* и *о*, въ свою очередь, *е* и *и* ассимилировались съ *а* и такимъ образомъ переходили въ тѣ же гласные *е* и *о*, слѣдовательно, изъ *ее* и *оо* образовались *ѣ* и *о* 1)“.

Нужно ли предполагать и для малорусскаго нарѣчія предъ появленіемъ дифтонговъ изъ *о*, *е* долгія *оо*, *ее*?

Одинъ изъ сотрудниковъ югозападной экспедиціи нашель въ кролевскомъ разнорѣчіи (Гродненс. губ., южнѣе заблудовскаго) долгое *о*; *коонь воол* 2). Если этотъ звукъ записанъ вѣрно, то въ немъ мы имѣемъ остатокъ глубочайшей древности и вмѣстѣ съ тѣмъ фактическое доказательство того, что долгота предшествовала дифтонгамъ. Впрочемъ, мы должны предполагать ее во всякомъ случаѣ, потому что безъ долготы дифтонгамъ неоткуда было бы явиться. Можетъ быть, первоначально изъ *оо* образовался дифтонгъ *оу*, соотвѣтственно съ

1) Compend. Schleich. 18.

2) Мы имѣли подъ руками приготовленную для напечатанія г. Трудахъ югозападной экспедиціи статью г. Михальчука подъ заглавіемъ: „Обзоръ нарѣчій и говоровъ югозападнаго края“.

древнеславянскимъ начертаніемъ его, затѣмъ произошла обычная въ этихъ случаяхъ перестановка гласныхъ ¹⁾. Чешс. *ý* изъ *ou* образовалось именно посредствомъ этой перестановки: здѣсь *uo* вм. долгаго *o* въ срединѣ словъ появилось въ послѣдней четверти XIV в. ²⁾, но въ устахъ народа существовало, конечно, несравненно раньше. Въ словацкомъ нарѣчій слова: *nož*, *stól* большею частию выговариваются: *nuož*, *stuol* ³⁾. Не менѣе важно то обстоятельство, что рядомъ съ долгой *o*, долготы *e* не оказалось. Судя по аналогіи съ переходомъ *e* въ *i* чрезъ *e*, можно полагать, что въ самомъ началѣ долгота *e*, подъ вліяніемъ ударенія, превратилась въ долготу *jo*.

Мы уже имѣли случай въ анализѣ буквы *ŕ* замѣтить, что долгота смѣнилась удареніемъ, значение котораго тѣмъ рѣзче выступало, чѣмъ менѣе было слоговъ въ словѣ. Въ словахъ односложныхъ сила ударенія, неизбѣжно падавшая на единственный гласный звукъ въ словѣ, должна была обнаружиться еще въ глубокой древности, — и вотъ въ нихъ-то, по нашему мнѣнію, должно было раньше всего начаться превращеніе основныхъ гласныхъ *o* и *e*. Такимъ образомъ, дифтонги изъ *o*, *e* вызваны были удареніемъ, которое, по мѣрѣ паденія гласнаго окончанія словъ, приобрутало въ срединѣ словъ большую энергію и выразительность, постепенно развиваясь на счетъ долготы. Паденіе глухихъ звуковъ началось еще въ эпоху долготы основныхъ *o* и *e* или, лучше сказать, долгота ихъ вызвана была паденіемъ глухихъ, но затѣмъ, по мѣрѣ развитія этого послѣдняго явленія, самая долгота должна была уступить свое мѣсто ударенію, которое превратило долгіе гласные въ дифтонги, и притомъ такъ, что въ однихъ говорахъ отгѣпилась первая часть дифтонга (*yo*), въ другихъ — послѣдняя (*yo*). Можно полагать, что сначала растяженіе той или другой составной части дифтонга совпадало съ удареніемъ, но потомъ удареніе сдѣлалось свободнѣе, независимѣе. Становясь подвижнымъ орудіемъ эвфоніи, оно забывало старинныя количественныя отношенія звуковъ: тогда, на смѣну количественнаго растяженія звуковъ, а иногда, какъ въ подляскихъ разнорѣчійхъ, и рядомъ съ нимъ, выступило на сцену качественное наклоненіе въ ту или другую сторону. Весьма можетъ быть, что и здѣсь такъ же, какъ въ дифтонгѣ *ie*, *ie*, разныя нарѣчія, въ

¹⁾ Hattal. Srovn. mluvn. 118.

²⁾ Wybor z Liter. ces. 21.

³⁾ Hat. Srovn. mluvn. 118.

дальнѣйшемъ своемъ развитіи, точкой отправленія приняли тотъ или другой элементъ въ дифтонгѣ: *yo, yo*. Тѣ нарѣчія, въ которыхъ долгота рѣзче слышалась надъ *o*, скоро остановились надъ *o* ударяемымъ: удареніе скоро смѣнило въ нихъ долготу, и затѣмъ возстановилось то самое не удлинненное и не растяженное *o*, которое слышалось напр. въ славянскомъ словѣ: *волъ*, когда еще существовалъ глухой конечный *z*. Слѣдовательно, эти нарѣчія прошли путь короче: отъ *oo* къ *yo* и затѣмъ къ ударяемому краткому *o*. Другимъ путемъ пошли нарѣчія, въ которыхъ растяженіе приходилось надъ *yo*: здѣсь, рядомъ съ *yo*, явилось *y*, посредствомъ котораго *o* перешло въ *i*. Звукъ *y* близокъ къ *yi*, а это послѣднее есть перезвукъ (umlaut) губнаго *y* въ небномъ элементѣ, отсюда доегласный характеръ звука *yi*, который вѣкогда такъ звучалъ, какъ нѣмец. *u* въ словѣ напр. *Bu-ffel*, гдѣ *ü* образовалось изъ *u* посредствомъ umlaut'a. Поэтому въ чешскомъ нарѣчьи *y* (*yi*) произносится, какъ *ej*, въ чемъ нельзя не видѣть стремленія возвратиться къ первоначальнымъ элементамъ, изъ которыхъ составилось *yi*, т. е. къ *oi* или *ui*. Перезвукъ *y* въ *yi*, конечно, происходилъ и въ малорусскомъ нарѣчьи, что видно изъ подляской замѣны *y* двегласнымъ *yi*, *yi*. Между тѣмъ, *yi* въ чистомъ видѣ постепенно утрачивалось и въ малорусскомъ нарѣчьи, приближался къ небному *i*, наконецъ, этотъ послѣдній элементъ восторжествовалъ надъ первоначальнымъ *y*, и, въ силу ассимиляціи, изъ *y* образовалось типическое малорусское *i* на мѣсто первоначальнаго *o*. Въ тѣхъ сѣверныхъ разнорѣчіяхъ, въ которыхъ осталось широкое *yi* (напр. въ Кленовицѣ), самый дифтонгъ *yi* произносится шире, иногда даже съ широкимъ *yi* (*куинь, куынъ*). Этимъ объясняется среднее *yi*, а также *yi*, какъ звуки переходные къ малорусскому *i* (*кинъ, вилъ* или *кынъ, оыл*): формы эти встрѣчаются на всемъ пространствѣ сѣвернаго малорусскаго говора, въ разныхъ мѣстностяхъ Черниг., Волинс., Минс., Гродненс. губ.

Такимъ образомъ, на всемъ пути отъ *o*, *e* къ *i* въ движеніи малорусскаго вокализма нужно допустить три стадіи. Древнѣйшая изъ нихъ та, на которой, въ самомъ началѣ паденія глухихъ, простые основные *o*, *e* превратились въ *oo*, *ee*. Послѣдняя звуковая форма въ этотъ же періодъ, подъ вліяніемъ ударенія, превратилась въ *joo*. На второй стадіи въ активной роли выступило удареніе, которое превратило долгіе: *oo*, *joo*, въ *yo*, *yō*, *yo*, *yo*. Рядомъ съ этими дифтонгами въ то же время явились стянутыя формы ихъ: *y*, *yo*. Своимъ поряд-

комъ отъ древняго періода осталось *jo* въ формѣ уже стянутой, слѣдовательно, не то *joo*, изъ котораго образовался дифтонгъ *юо*. Въмѣстѣ съ тѣмъ удареніе начало терять свою силу. На этой ступени стоятъ многія разнорѣчія современнаго намъ сѣвернаго малорусскаго говора. Слѣды аналогическаго процесса замѣтны и въ нарѣчіи польскомъ. Тамъ переходъ *e* послѣ мягкихъ согласныхъ въ *o* вызванъ былъ, по замѣчанію Бодуэна-де-Куртена, „потребностію новаго динамическаго отгнѣнія (преимущественно въ слѣдствіе замѣнительнаго растяженія)“ ¹⁾. Не чуждъ онъ былъ, конечно, и великорусскому нарѣчію, хотя здѣсь (въ южно-великор.), какъ и въ польскомъ, переходъ *e* въ *ю*, *o*, съ теченіемъ времени, сталъ въ зависимость не отъ ударенія, а отъ твердости слѣдующихъ согласныхъ звуковъ ²⁾. Тѣ же сѣверныя малорусскія разнорѣчія представляютъ начальный моментъ отъ двогласныхъ и ихъ стянутыхъ формъ къ украинскому и галицкому *i* вм. *o*, *e*. Это именно дифтонги: *yi*, *yj*, *юi*. Такъ началась третья стадія, которая закончилась господствомъ звука *i*.

Подляскія разнорѣчія представляютъ интересныя данныя для сближенія дифтонговъ: *iε*, *ie*, съ *yo*, *yō*. Между ними соблюдается строгое соотвѣтствіе: если въ дифтонгѣ *iε* удлинняется первый элементъ, то и въ *yo* удлинняется тоже первый,—и наоборотъ: удлинненіе въ *ie* звука *ε* соотвѣтствуетъ удлинненію въ *yo* звука *o*. Въ однихъ разнорѣчіяхъ слышно *ie*, *yo*, въ другихъ—*iε*, *yo*. Другая черта соотвѣтствія заключается между разнорѣчіями того типа, въ которомъ господствуютъ дифтонги: *yi*, *yj*: имъ соотвѣтствуетъ въ этихъ разнорѣчіяхъ большею частію чистое *i* вм. *ъ*, то сливающееся съ предшествующимъ согласнымъ звукомъ, то нѣтъ. Очевидно, разнорѣчія этого послѣдняго типа представляютъ въ своемъ звуковомъ строѣ элементы болѣе близкіе къ малорусскому *i*, чѣмъ разнорѣчія перваго типа. Но и между разнорѣчіями перваго типа то, въ которомъ удлинняется первый элементъ дифтонговъ, ближе къ разнорѣчіямъ съ *yi*, *yj*, чѣмъ то, въ которомъ удлинняется второй элементъ дифтонговъ, т. е. *iē*, *yo*, поэтому въ разнорѣчіяхъ съ *ie*, *yo* мы видимъ болѣе малорусскихъ элементовъ, чѣмъ въ разнорѣчіяхъ съ *iε*, *yo*. Мы уже замѣтили выше, что эти послѣднія, въ силу преобладанія послѣдняго звука въ дифтонгѣ *iε*, должны были

¹⁾ Бод. де-Курт. О древнепольс. яз. 77.

²⁾ Потеб. О звук. особ. 65—66.

дать предпочтенеі этому звуку, а начальное *i* превратилось въ *iou*, откуда получилась замѣна *ъ* звукомъ *ε* и затѣмъ смѣшеніе этого *ε* съ основнымъ *e*, т. е. послѣднее должно было сдѣлаться *ε*. Аналогическимъ образомъ и дифтонгъ *uo*, господствующій въ этихъ разнорѣчіяхъ, могъ породить болѣе быстрое движеніе къ восстановленію первоначальнаго *o*, минуя движеніе отъ *u* чрезъ *ы* къ *г*. Въ этихъ процессахъ мы не видимъ ничего малорусскаго: въ нихъ дѣйствуютъ первозвуки, болѣе подходящіе для объясненія вокализма бѣлорусскаго и великорусскаго, а не малорусскаго. Зато разнорѣчія съ дифтонгами *uo*, *ie* являются истинными прародителями малорусскаго вокализма. Образовавъ изъ *ie* свое типическое *i*, малорусское нарѣчіе превратило и краткое первоначальное *e* вм. *ъ* въ *i*, точно такъ же, какъ нарѣчіе великорусское изъ этого *e* сдѣлало *ε*. Но тогда какъ въ этомъ послѣднемъ, вмѣстѣ съ краткимъ *e*, іотировалось и основное *e*, въ малорусскомъ основное *e* сохранилось. Извѣстно, что въ украинскомъ говорѣ малорусскаго нарѣчія, за исключеніемъ нѣсколькихъ формъ имени прилагательнаго мягкаго склоненія (напр. *синεε*), совсѣмъ нѣтъ мягкаго іотированнаго *ε*: онъ избѣгаетъ этого *ε*, превращая его въ *я* тамъ, гдѣ этимологически должно было бы стоять *ε*: *зляя*, *насиня* вм. *зльε*, *насинне*. Въ этомъ отношеніи діаметральную противоположность съ малорусскимъ представляетъ великорусское нарѣчіе, которое *я* неударяемое переводитъ въ выговорѣ въ *ε*: *пишуть*: *яйцо*, *вязать*, въ выговорѣ слышно: *ѣйцо*, *везать*, послѣ шипящихъ вм. *а* слышно *e*: *жерε*, *шелунъ*, *чесы* (южно-великорусскій говоръ). Совершенное сходство въ этомъ отношеніи съ великорусскимъ нарѣчіемъ представляетъ галицкій говоръ, гдѣ ассимиляція *я* въ *ε* развита даже шире, чѣмъ въ великорусскомъ. Въ подгорскомъ разнорѣчіи галицкаго говора *я* переходитъ въ *ε* подъ удареніемъ и безъ ударенія: *мійεсо*, *тѣжко*, *юнε*, *ходε* вм. *юнятъ*, *ходятъ*. Только тамъ, гдѣ звукомъ *я* начинается слово или слогъ, а также иногда послѣ *л* удерживается *я*: *ляя*, *гуляти*, *блява*, *я*, *який*, *пояε*, *стоя* вм. *стоятъ*. Аналогическія явленія мы указывали въ подляскихъ разнорѣчіяхъ, но вообще сѣверный малорусскій говоръ не представляетъ такого отвращенія къ звуку *ε*, какъ украинскій: всюду въ сѣверномъ говорѣ вм. *зляя*, *насиня* говорятъ: *зльε*, *насинне*, или *зльε*, *насинне* съ различными видоизмѣненіями кореннаго *г*. Основываясь на широкомъ распространеніи звука *ε* въ русскихъ нарѣчіяхъ, мы должны допустить, что онъ нѣкогда жилъ и въ украинскомъ говорѣ, и что основное *e* переходило въ *i* не только

чрезъ *йо*, по аналогіи съ *о*, но и прямо чрезъ *ε* (*йе*). Но въ то самое время, какъ *г* изъ *о* и *е* утверждалось посредствомъ *ε* и *е* въ среднихъ слогахъ, не исчезало и общеславянское неотитированное *е* не только въ прямыхъ слогахъ, но даже въ среднихъ. Въ виду грозившаго однообразія въ цѣломъ составѣ вокализма, постепенно наклонявшагося къ господствующему *г*, чувство языка удерживало старинное основное *е* тамъ, гдѣ оно стояло прежде. Это черта глубоко древняя въ украинскомъ говорѣ: она возникла еще въ эпоху существованія въ немъ дифтонговъ изъ *о*, *е* и не только никогда не исчезала, но даже, вмѣстѣ съ развитіемъ звука *г* изъ *о*, *е*, сама развивалась. Такъ, мы видимъ въ украинскомъ говорѣ широкое *е* въ такихъ формахъ, въ которыхъ древнеславянское нарѣчіе допускало ютацію или же *ь*: *учителем*, *оном* (древнесл. *оучителемъ*, *оньмъ*). Этимъ путемъ, съ теченіемъ времени, возникло въ области звука *е* смѣшеніе твердыхъ слоговъ съ мягкими: тамъ, гдѣ было мягкое *е* (*ѣ*), явилось *е* твердое, какъ въ приведенныхъ сейчасъ примѣрахъ; наоборотъ, гдѣ было *е* твердое, явилось мягкое *і*: древнеслав. формы: *веселитѣ*, *землѣ*, *постелѣ* звучатъ въ малорусскомъ (украинск.): *веселя*, *зляя*, *постыль*. Съ необычайною выразительностію проведена эта черта въ украинскомъ говорѣ малорус. нарѣчія: онъ остался или при *і* изъ *е*, или же при широкомъ *е*; отъ средней, посредствующей ступени въ *ε* почти не осталось въ немъ никакихъ слѣдовъ. Считаемо нужнымъ замѣтить при этомъ, что отсутствіемъ юты въ *е* малорусское нарѣчіе больше всего сходно съ южнославянскими: (болгарскимъ, сербскимъ и словинскимъ). Въ чешскомъ нарѣчіи *е* тоже произносится широко, безъ юты, за исключеніемъ того *е*, которое соотвѣтствуетъ древнеслав. *ь* и во многихъ случаяхъ *ъ*: *pet*, *ramet*, *devet* и проч. Только въ польскомъ и великорусскомъ нарѣчіи каждое *е* смягчаетъ предшествующій согласный звукъ, что составляетъ общее свойство этихъ нарѣчій, рѣзко отличающее ихъ отъ остальныхъ.

Другая посредствующая ступень отъ *е* къ *г* въ *ѣ* (послѣ шипящихъ *о*) сохранилась и въ украинскомъ говорѣ крѣпче: есть даже формы съ *ѣ* такая, которымъ нѣтъ соотвѣтствія въ великорусскомъ нарѣчіи, гдѣ *ѣ* развито широко: *ему*, *синему*, *жона*, *чому*, *чоловик*, въ великорусскомъ: *ѣму*, *синѣму*, *жена*, *чѣму*, *человѣкъ*. Такихъ формъ сравнительно немного. Зато въ громадномъ количествѣ преобладаютъ въ украинскомъ говорѣ формы съ широкимъ *е* вм. великорусскаго *е*, и, что въ особенности замѣчательно, это украинское *е* выдерживаетъ на себѣ удареніе, не пре-

вращаясь въ *ѣ*: *овѣс, зерна Семѣн, Хвѣдѣр, ножѣм, душиѣю, а не овѣс, зѣрна, Семѣн, Фѣдор, ножом, душию, —зелѣнии, тѣмний, далѣкий, дешѣво, всѣ, лежачи, а не зелѣный тѣмный, далѣки, дешѣво, всѣ, лѣжа, какъ въ великорусскомъ. И здѣсь украинскія формы архаичнѣе великорусскихъ: онѣ соотвѣтствуютъ древнеславянскимъ формамъ съ простымъ неіоти- рованнымъ *е*. Что касается до другихъ говоровъ малорусскаго нарѣчія, то въ нихъ *ѣ* господствуетъ въ неменѣе сильной степени, какъ и въ великорус. нарѣчіи. Въ галицкомъ говорѣ встрѣчается *ѣ* тамъ, гдѣ въ украинскомъ его нѣтъ: *конѣм, онѣм полѣм*, въ украинс: *конем, огнем, полем*. О сѣверномъ малорусскомъ говорѣ и говорить нечего: тамъ *ѣ* составляетъ одинъ изъ самыхъ любимыхъ и распространенныхъ звуковъ.—Такимъ образомъ, хотя *ѣ* въ украинскомъ говорѣ есть звукъ болѣе терпимый, чѣмъ *ε*, но и этотъ звукъ не получилъ въ немъ широкаго развитія на счетъ основнаго *е*. Это послѣднее принесено въ жертву только звуку *і*, но именно въ томъ говорѣ, гдѣ *і* достигло преобладанія, оказалась надобность, независимо отъ всякаго посредничества въ *ε, ѣ*, сохранить, на сколько возможно было, основное *е*, даже поставить его тамъ, гдѣ этимологически оно было неумѣстно: это нѣсколько ограничивало потокъ небнаго элемента, который разливался во всемъ составѣ вокализма по мѣрѣ развитія *і* вм. *о* и *е* въ среднихъ и даже, какъ мы видѣли, въ прямыхъ слогахъ. Украинское, широкое *е*, явившись на почвѣ общеславянской, постоянно поддерживалось и развивалось въ теченіе всей исторической жизни малорусскаго нарѣчія. Вообще, въ видоизмѣненіи звука *е* украинскій говоръ представляетъ смѣсь глубокихъ архаизмовъ съ наслоеніями позднѣйшей эпохи. Съ одной стороны, въ немъ сохранилось первоначальное, неіотированное *е*, уступившее свое мѣсто въ великорусскомъ нарѣчіи мягкому *ε*; съ другой стороны, въ немъ задержалась переходная ступень отъ *е* къ *і* во многихъ случаяхъ, гдѣ, по аналогіи съ *о*, звукъ *ѣ* не превратился въ *і*; не развилась только другая переходная ступень звука *ε*; наконецъ, надъ всѣми превращеніями *е* возобладало типическое малорусское *і*. Это уже звукъ позднѣйшей формациі, окончательно установившійся послѣ потери тѣхъ элеменговъ, изъ которыхъ онъ образовался. Но и эти послѣдніе донинѣ живутъ въ сѣверномъ малорусскомъ говорѣ, составляя такимъ образомъ, вмѣстѣ съ своими видоизмѣненіями, одно неразрывное цѣлое, въ которомъ отдѣльныя части явились не сразу, а постепенно, путемъ генетическаго развитія.*

Можно ли опредѣлить, хотя приблизительно, эпоху, когда начались превращенія въ основныхъ звукахъ *o* и *e*?

Начало ея, нѣтъ сомнѣнія, совпадаетъ съ паденіемъ глухихъ гласныхъ въ концѣ словъ. Потеря *z* и *z* немедленно должна была отозваться на измѣненіи срединныхъ *o* и *e*: одно явленіе шло рядомъ съ другимъ, не ожидая, пока другое окончательно разовьется. А такъ какъ глухіе начали исчезать въ доисторическую эпоху, то не только долгота, но и дифтонги на мѣстѣ *o* и *e* появились тогда же. Насъ отдѣляетъ отъ той эпохи громадный промежутокъ времени, и мы не имѣемъ никакой возможности приблизить ее къ себѣ на столько, чтобы можно было различать въ ней звуковыя измѣненія въ разныхъ нарѣчіяхъ, но признать можно безспорнымъ фактомъ, что съ дифтонгами *vm. o* и *e* русскій языкъ началъ свое историческое существованіе. Въ однихъ нарѣчіяхъ они могли быть явленіемъ недавнимъ, въ другихъ находились въ полномъ развитіи, но были, вѣроятно, и такія нарѣчія, въ которыхъ начались позднѣйшія явленія, смѣнившія дифтонги. Въ то первобытное время движеніе вокализма, во всемъ объемѣ діалектическихъ разностей, не могло совершаться стройными рядами. Мы видимъ и теперь, на небольшомъ пространствѣ Сѣдлец. губерніи, нѣсколько діалектическихъ разновидностей, живущихъ рядомъ одна съ другой и вмѣстѣ съ тѣмъ состоящихъ между собою въ неодинаковыхъ отношеніяхъ хронологическаго старшинства. Тѣмъ менѣе однообразія въ звуковомъ строѣ было тогда, когда самый этотъ строй, какъ непосредственное порожденіе природы, не подлежалъ вліянію культурной мысли, постепенно приводящей многообразіе явленій къ одному знаменателю.

Есть основаніе думать, что, не смотря на генеалогическое различіе между малорусскимъ *i* *vm. ъ* и другимъ *i* изъ *o* и *e*, они находились между собою, въ теченіе всей своей исторической жизни, въ отношеніяхъ взаимодѣйствія. Потебня указываетъ нѣсколько примѣровъ, въ которыхъ *i* *vm. ъ* въ среднемъ слогѣ чередуется съ *e* въ прямомъ: *биль-белм*, *мидь-меди*, *рив-речи*, *хмиль-хмело*, *цпн-цена*, *ведмидь-ведмедя*¹⁾. Мы считаемъ эти формы позднѣйшими: въ нихъ *i* *vm. ъ* пошло по аналогіи съ *i* изъ *e*: такая аналогія вполнѣ понятна при родствѣ звуковъ *i* съ *e*. Подляскія разнорѣчія наводятъ на мысль о болѣе органической связи между двумя видами звука *i*. Въ нихъ, какъ мы ви-

¹⁾ Потеб. О звук. особ. 110.

дѣли, однообразно выдержано растяженіе первой или второй составной части дифтонговъ *іε* и *уо*, такъ что въ однихъ разнорѣчіяхъ растягивается первый элементъ, въ другихъ—второй. Какой изъ дифтонговъ послужилъ въ этомъ отношеніи образцемъ для другаго, опредѣленно сказать нельзя: вѣрно только то, что оба они шли параллельно въ своемъ развитіи, опираясь одинъ на другой. На новой ступени, съ привнесениемъ въ оба дифтонга элемента *і*, параллель между ними не прекращается: тамъ, гдѣ утвердились дифтонги *уи*, *уі*,—нѣтъ уже ни *іε*, ни *іε*, а есть *і*, которое иногда звучитъ отдѣльно отъ предшествующаго согласнаго, какъ твердаго (*и*), такъ и мягкаго (*ѣи*). Здѣсь уже мы видимъ не только соответствие, но и нѣкоторую разницу въ ходѣ развитія обоихъ дифтонговъ. Въ самомъ дѣлѣ, какой изъ нихъ прежде могъ достигнуть той границы, къ которой оба они стремились, т. е. къ звуку *і*? Очевидно, дифтонгъ *іε* заключалъ въ себѣ больше условій быстрого превращенія въ *і*, чѣмъ дифтонгъ *уо*: въ *іε* звукъ *і* существовалъ первоначально въ видѣ основнаго элемента, тогда какъ въ *уо* онъ могъ явиться только чрезъ *у* въ силу регрессивной ассимиляціи. Если же путь къ *і* былъ короче для дифтонга *іε*, чѣмъ для дифтонга *уо*, то полагать надобно, что чистое *і* появилось изъ дифтонга *іε* раньше, чѣмъ изъ дифтонга *уо*, слѣдовательно, самое образованіе *і* изъ этого послѣдняго находилось съ древнѣйшаго времени подъ влияніемъ *і*, ранѣе и болѣе окрѣпшаго на мѣстѣ дифтонга *іε*. Вотъ чѣмъ объясняется, какъ соответствие въ разнорѣчіяхъ съ *уі* между этимъ дифтонгомъ и *і* вм. ъ,—такъ равно и то обстоятельство, что въ этихъ разнорѣчіяхъ преобладаетъ *і* вм. ъ въ то самое время, когда *і* изъ *о*, *е* не выпло еще изъ области двоегласія.

Итакъ, мы считаемъ дифтонгъ *іε* древнѣе дифтонга *уо*. Последній явился среди обстановки болѣе доступной опредѣленію, именно, подъ вліяніемъ паденія глухихъ звуковъ, которое могло захватить и первые моменты исторической эпохи, тогда какъ первый едва виднѣется изъ доисторическаго сумрака, безъ видимой связи съ какимъ нибудь явленіемъ несомнѣнно историческимъ. Въ немъ должны были начаться раньше превращенія, подъ вліяніемъ которыхъ произошелъ тотъ поворотъ къ развитію небнаго элемента въ системѣ гласныхъ звуковъ, который выразился въ великорусскомъ нарѣчьи посредствомъ господства звука *ε*, въ малорусскомъ—звука *і*.

Есть слѣды перехода *о* и *у* въ *і* изъ болѣе древней эпохи: *кричати*,

санскр. *krocati*, *sikrosha*, Римъ = *Roma*, жидѣ = *Ἰουδαίος* ¹⁾),—но этотъ переходъ не развился на славянской почвѣ, когда глухіе гласные стояли еще твердо. Что касается звука *e*, то въ древнѣйшихъ памятникахъ онъ иногда переходитъ въ *i* подѣ влияніемъ прогрессивной ассимиляціи, только—не въ среднихъ слогахъ. Такъ, въ Изборн. 1076: *разумѣимъ*, *послушаемъ* ²⁾), въ Мѣсячной минеѣ (XII): *празднуимъ*, *ликуимъ* ³⁾), въ Сборн. поуч. XII в: *урожаимъ*, *лишаимъся*, *нарицаимъся*, *приспѣимъ*, *знаимъ* вм. *знаемъ* ⁴⁾), въ Поуч. Ефр. Сириня: *суита*, *радуютъся* ⁵⁾). Подобныхъ фактовъ можно было бы привести множество, но всѣ они доказываютъ только взаимную близость звуковъ *e* и *i* и нисколько не связаны съ паденіемъ глухихъ гласныхъ. Есть даже случай перехода *e* въ *i* въ среднемъ слогѣ: *о прочимъ* ⁶⁾), но изъ единичнаго случая, который намъ встрѣтился, мы не рѣшаемся дѣлать никакого заключенія. Затѣмъ, такія формы, какъ *плиноуоше* ⁷⁾), вм. *пл-януоше* (древнеслав. *пльвати*) въ Галиц. еванг. (XII в.), *двоици* ⁸⁾) (*двоица*, *двоити*) въ Монастырс. уставѣ (XII в.), *высокость* ⁹⁾) вм. *высокость* въ Синодальномъ спискѣ псалтири (XIII в.) положительно не состоятъ ни въ какой связи съ *i* изъ *o* и *e*. Только во второй половинѣ XIV в. являются ближайшіе предшественники *i* изъ *o* и *e*, т. е. звуки *u*, *ю*. Съ этого времени, въ югозападной письменности, въ теченіе XV, XVI и даже XVII в. не прекращается употребленіе *u* и *ю* вм. *o* и *e*.

Укажемъ факты

XIV в. въ грамотахъ: *Шумъжичювъ*, *добрювумно*, *столтувскии*, *прузищемъ*, *Василювъ* (Купч. грам. 1366), ¹⁰⁾), *королювства* (грам. Казимира 1361) ¹¹⁾), *Стрыювъ роуъ* (грам. Витовта 1383) ¹²⁾), *чтюнгъ*, на сво-

1) Дювер. Сист. Элем. и фор. слав. нар. 74.

2) Из. А. X, V 427.

3) Ibid. 521—522.

4) Ibid. 542—43—46—47.

5) Срез. Свѣд. 50.

6) Уст. Студ. XII в. Горс. кн. 5, 257.

7) Бусл. Ист. Христ. 48.

8) Из. Ак. X, V, 514.

9) Бусл. Ист. Христ. 83.

10) Голов. Нам. стр. 6, 7, 10.

11) А. Ю. и З. Р. т. 1, 21.

12) Голов. Нам. 10.

юмъ селъ, на своей вотчинѣ (грам. Бенка 1398) ¹⁾. Изрѣдка въ этомъ вѣкѣ встрѣчается уже *i* вмѣсто или же рядомъ съ *y* и *ю*: по Божьюмъ нароженьемъ, оу теребовльскый волости, шистъ (гр. Гнѣвоша 1393) ²⁾, шестого и шистыцкаго (Купч. гр. 1366) ³⁾.

XV в.: чтюнъ, по Божьмъ (гр. Мацина 1400) ⁴⁾, Коундрата и Кондратъ (гр. Петраша 1401) ⁵⁾, Олькирьдовичъ (гр. Свидриг. 1403) ⁶⁾, шадкумъ, зоботулъ (гр. Владислава 1408) ⁷⁾, потрибно (Заемная гр. 1421) ⁸⁾, по нюмъ (гр. Перемыш. Епис. 1422) ⁹⁾, дрыва (грам. Ленка 1424) ¹⁰⁾, покиль (грам. князя Кобрине. 1479) ¹¹⁾, отсюль, оттуль и оттоль (грам. княгини Слуц. 1493) ¹²⁾, Омирдъ и Омердъ, северскому и сиверскому (Лѣтоп. княз. литовс.) ¹³⁾.

Въ языкѣ грамотъ XVI в. чаще встрѣчаются *и* и *ы* вм. *y* и *ю*, оторые смѣнили *о* и *е*, но въ Пересопницкомъ евангеліи *y* и *ю* встрѣчаются нерѣдко: оплюль вм. оплелъ, женцюмъ, оуздоровлюнь, нюсьль вм. несь, зъ фарисеюувъ и иродилануувъ, о^в поульнѣий, стуй, юй, твоуй, в^т крас^тноумъ, злодьюувъ, по сюй, по туй сторонь^т ¹⁴⁾. Чрезвычайно рѣдко въ этомъ памятникѣ стоитъ *и* вм. *е*: мы замѣтили это только лишь въ часто употребляемомъ словѣ *ниж^тли* (*нежели*). Есть одинъ правильный случай перехода *о* въ *i*: *видповѣдаю* (Лук. зач. 73); въ словѣ: *красивымъ* ¹⁵⁾ вм. *красавымъ* *i* не изъ основнаго *о*, а изъ *ѳ* (древнесл. *красавѣ*).

1) Изъ Ак. X, VI, 691.

2) Голов. Нам. 13.

3) Ibid. 6.

4) А. Ю. и З. Р. т. I, 3.

5) Гол. Нам. № 24.

6) Ibid. № 26.

7) Ibid. № 10.

8) Ibid. № 32.

9) Ibid. № 33.

10) Ibid. № 36.

11) А. Ю. и З. Р. т. I, № 228.

12) Ibid. № 232.

13) Уч. Зап. Ак. т. I, 27, 28, 31.

14) Матт. зач. 27, 52. Марк 34, 34, 54, 62. Лук. 27, 54, 89, 103,

111. Иоан. 60.

15) Лук. зач. 108.

XVII в. Львовс. лѣтоп: *татаруєвъ, Жолкувскому, пануєвъ, козакуєвъ, на вуспу и на оспу; і и ы вм. е и о: гримлью, пошымъ, тымько, скилько* 1).

Тестаментъ Игумена густынс. монастыря: *у комуриѣ, килко ризѣ, въ монастыру троицим, прилукиим* 2).

Словарь Беринды: *Чузоземлюєвъ (знати), в̄порожнѣи хвалѣ, плюскѣ вм. плескѣ, в̄нюи,—но рядомъ съ у, ю, перѣдко и, ѣ: убирѣ, дзвину и звону, дрижанье, дрозѣ и дрыжу, чырвоность, чырвоный, обжырство, чырствыи, чырство* 3).

Въ лѣтописи Самовидца *у* и *ю* вм. *о* и *е* совсѣмъ уже нѣтъ, изрѣдка попадаетъ *и*: *не тилко, килканидцать, въ кривѣ (въ крови), розійшовишия* 4). Эти слова можно считать случайными обмолвками лѣтописца: онъ даетъ предпочтеніе стариннымъ *о* и *е*, повинуваясь тому же побужденію, въ силу котораго всюду пишетъ букву *ь* для выраженія народнаго *і*. То же нужно сказать и о другихъ письменныхъ памятникахъ XVII в.

Такимъ образомъ, ни звукамъ *у, ю*, ни позднѣйшему *і*, не суждено было устоять въ южнорусской письменности даже въ такое позднее время, какъ XVII в., когда въ козацкой думѣ, безъ сомнѣнія, господствовалъ звукъ *і*. Для защиты народнаго дѣла въ тотъ вѣкъ искали духовныхъ средствъ не въ народѣ. Никто и не подозрѣвалъ въ народномъ творчествѣ, въ народномъ языкѣ той животворящей силы, которая способна была сдѣлаться могучимъ орудіемъ борьбы. Образованные люди того времени предоставляли народу только вещественную защиту своего дѣла, духовное же оружіе—книжное слово—они брали или у своихъ противниковъ (отсюда полонизмы), или же изъ образцовъ славянской, а въ послѣдствіи великорусской рѣчи. Вотъ почему фонетика народной рѣчи въ южнорусской письменности является въ замаскированномъ видѣ. Но если *у, ю, і*, вм. *о* и *е* встрѣчаются въ ней рѣдко, то *уо, юо* положительно не встрѣчаются ни въ одномъ памятникѣ, ни древнѣйшемъ, когда можно предполагать болѣе широкое распространеніе этихъ дифтонговъ, ни въ позднѣйшемъ, когда они локализовались въ

1) Истор. сборн. Погод. 234—36—37—44—50—35—36—41—46.

2) Чтения 1847, № 7. 60—61.

3) Берин. 59, 175, 207, 216, 171, 50, 172—183, 202, 203, 204, 207.

4) Лѣт. Самовидца 10, 11.

сѣверныхъ малорусскихъ разнорѣчійхъ, и то не во всѣхъ, когда вслѣдъ за тѣмъ, вмѣсто дифтонговъ, выступили позднѣйшіе ихъ преемники: *у*, *ю*, *і*. Для объясненія этого обстоятельства, нужно принять въ соображеніе, что не такъ легко было выбиться древнерусскому писателю, и въ особенности переписчику, изъ - подъ вліянія древнеславянскихъ образцовъ рѣчи и письма, образцовъ, которые освящены были самымъ высокимъ въ древнерусской жизни интересомъ, интересомъ вѣры и церкви. Дифтонги: *уо*, *юо* казались грамотнымъ людямъ древней Руси провинціализмами, недостойными книжной рѣчи, и ихъ можно было избѣгать въ среднихъ слогахъ тѣмъ легче, что основные *о* и *е* сами собою восстанавливались въ слогахъ прямыхъ. И грамотная южная Русь усердно восстанавливала эти звуки въ ущербъ народной фонетикѣ, а неграмотная Русь сохранила, какъ мы видѣли, не только *і* въ среднихъ слогахъ, но и тѣ первозвуки, изъ которыхъ образовалось южнорусское народное *і*.

4. Звукъ *ы* въ малорусскомъ нарѣччі.

До сихъ поръ мы разсматривали звукъ *і* отдѣльно отъ другихъ звуковыхъ явленій въ области малорусскаго вокализма, мы слѣдили за нимъ въ сферѣ его собственнаго образованія, оставляя въ сторонѣ звуковые рефлексъ, вызванные напоромъ вокализма къ небному элементу, получившему въ звукѣ *и* своего типическаго представителя. Теперь предстоитъ намъ разсмотрѣть самые эти рефлексъ.

Считаемъ нужнымъ прежде всего остановиться на основномъ *и*, на которомъ съ особенною силою должно было отразиться широкое развитіе въ малорусскомъ нарѣччіи секундарнаго *и*.

Извѣстно, что въ украинскомъ говорѣ малорусскаго нарѣччіа основное *и* отвердѣло въ звукъ средній между *і* и *ж*, для выраженія котораго употребляютъ обыкновенно букву *и*. Въ другихъ малорусскихъ говорахъ это среднее украинское *и* гораздо рѣже встрѣчается. Въ сѣверномъ говорѣ преобладаетъ чистое *і* и, что особенно замѣчательно, даже послѣ горланныхъ: *соколикъ*, *сіні* (синіе), *утонокъ* (заблудовск. разнорѣчіе), *такки*, *такж* (кролевск.)¹⁾, *виноград*, *сіроту*, *чобутки*²⁾ (Кошолы, сѣдец. губ.). Въ галицкомъ говорѣ основное *и* произносится гораздо тверже, чѣмъ въ украинскомъ, хотя иногда оно слышится послѣ горланныхъ: *хитрий*, *кисль*. Въ карпатскихъ разнорѣчіяхъ оно звучитъ совершенно грубо, какъ въ польскомъ и великорусскомъ на-

¹⁾ Потеб. Зам. о мал. нар. 91—113.

²⁾ См. Прилож. о нарѣчіяхъ.

рѣчіяхъ: *чортъ, бѣги, золоты* и проч. ¹⁾). На мазурскомъ пограничьи, у лемковъ, въ произношеніи основнаго *и* замѣтна полная неустойчивость: то является оно въ видѣ остраго, неогитированнаго *i*, то въ видѣ великорусско-польскаго гортаннаго *ы*: *они, бѣги, рык* ²⁾). Очевидно здѣсь вліяніе польское и словацкое.

Таковы факты изъ современныхъ малорусскихъ говоровъ относительно основнаго *и*.

Съ перваго взгляда ясно, что и здѣсь преимущество древности остается за сѣвернымъ говоромъ, въ которомъ уцѣлѣло, хотя и не повсемѣстно, основное *и*. Оно должно было остаться именно въ томъ говорѣ, въ которомъ секундарное *и* не получило преобладающаго значенія. Мысль наша можетъ не соответствовать тѣмъ или другимъ частностямъ въ сѣверныхъ разнорѣчіяхъ, но въ цѣломъ, въ отношеніи ко всей совокупности ихъ, она безусловно примѣнима: тамъ, гдѣ господствуютъ дифтонги, живетъ начальное, нетронутое позднѣйшими превращеніями *и* (*i*),—наоборотъ, гдѣ слышнѣе *i* изъ *о* и *е*, а также *i* вм. *ь*, рѣзче слышится и среднее малорусское *и*. Такъ, въ кобринск. разнорѣчьи (Гродненск. губ.), гдѣ ясно уже выступаетъ *i* вм. *ь*, *i* изъ *о* и *е*, появляется и среднее *и*, и именно тамъ, гдѣ въ украинскомъ говорѣ его нѣтъ: *конеси, по синови, юсти, три кони, двери, тейі піси* ³⁾).

Въ несоответствіи этихъ формъ съ украинскимъ произношеніемъ мы видимъ смѣшанный, переходный характеръ ихъ: среднее *и* въ чувствѣ языка уже получилось, но не заняло еще надлежащаго, опредѣленнаго мѣста. Тотъ же переходный моментъ мы видимъ въ замѣнѣ основнаго *и* не среднимъ *и*, а широкимъ *ы*: явленіе это имѣетъ мѣсто напр. въ тѣхъ сѣдлецкихъ разнорѣчіяхъ, въ когорыхъ изъ *о*, *е* распространены дифтонги: *уи, уі, юі*, а вмѣсто *ь* преобладаетъ *i*: *куінь-конесы* (дат. пад. Яблочна), *позбѣраты, обѣцялася* (Кленовица) и проч.

Но не въ однихъ сѣдлецкихъ разнорѣчіяхъ встрѣчается *ы* вм. основнаго *и*. Къ тому, что сказано было о галицкомъ говорѣ, прибавить можемъ, что въ губ. Волинской и Подольской, вообще на правой сторонѣ Днѣпра, господствуетъ широкое *ы*, какъ въ тѣхъ случаяхъ,

¹⁾ Головац. Розправа 51.

²⁾ Галиц. Зоря 1860 г. 423—24.

³⁾ Потеб. Замѣт. 133.

когда *ы* занимает свое настоящее мѣсто, такъ и тогда, когда оно стоитъ вм. *и*. Такимъ образомъ, мѣстность, въ которой распространилось среднее малорус. *и*, можно ограничить побережьемъ Днѣпра и преимущественно лѣвой стороной его. Очевидно, звукъ этотъ находится еще въ процессѣ развитія, такъ какъ внутри даже украинскаго говора онъ установился не повсемѣстно. По времени образованія своего онъ относится къ позднѣйшимъ проявленіямъ малорусскаго вокализма — точно такъ же, какъ *ы* вм. *и* составляетъ срединную ступень между *и* основнымъ и *и* среднимъ.

Къ сожалѣнію, мы не можемъ найти въ письменныхъ памятникахъ нагляднаго подтвержденія своей мысли. Южнорусская письменность сосредоточивалась на правой сторонѣ Днѣпра, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ и дониндѣ основное *и* звучитъ широко, какъ *ы*: этимъ объясняется частое употребленіе въ ней буквы *ы* вм. *и*. Въ XVI и XVII в. такое употребленіе можно считать наиболѣе распространеннымъ, но и XV в. немногимъ отсталъ въ этомъ отношеніи отъ позднѣйшаго времени.

Вотъ факты исключительно изъ грамотъ XV в. съ указаніемъ мѣстностей, гдѣ эти грамоты писаны: *дѣтѣи*, по *Божьимъ* (Львовъ) ¹⁾ *уръивенъ*, *дворъище* (Острогъ) ²⁾, *оузрытъ* (Луцкъ) ³⁾, *старъинъ*, *межы*, *будуръы*, *вѣчинились*, *отложьли*, *нашьимъ* (Бильно) ⁴⁾, *помочы*, *чынимъ*, *прължънъ*, *нашьы*, *забъжытъ* (Сочава) ⁵⁾, *жытомирскомъ*, *вѣчысто*, *примножыты*, *будучыє*, *розширивати* (Кіевъ) ⁶⁾, *чы* (Марковъ) ⁷⁾, *лыстомъ*, *вѣчынъи* (Луцкъ) ⁸⁾. Этотъ рядъ примѣровъ можно бы было дополнить еще очень многими словами, но довольно и тѣхъ, которыя мы выписали, для того чтобы видѣть въ языкѣ грамотъ XV в. затменіе основнаго *и* въ пользу *ы*.

Въ XIV в. *ы* вм. *и* встрѣчается въ грамотахъ рѣже. Можно объяснить это отчасти меньшимъ количествомъ дошедшихъ до насъ изъ этого вѣка грамотъ, но, конечно, имѣетъ значеніе и то обстоя-

¹⁾ Ак. З. и Ю. Р. т. 1, 3.

²⁾ Ibid. 10.

³⁾ Голов. Грам. № 44, 50.

⁴⁾ Ibid. № 47, 55.

⁵⁾ Ibid. № 48, 56—57.

⁶⁾ А. З. и Ю. Р. № 19, 12.

⁷⁾ Ibid. № 31, 22.

⁸⁾ Гр. кн. литов. № 5, 9.

тельство, что разсматриваемое нами явленіе въ эпоху болѣе раннюю не могло имѣть еще достаточной зрѣлости и потому не могло обнаружиться съ такою ясностью, какъ оно обнаружилось позже. Считаемъ нелишнимъ, однако же, указать нѣкоторые факты: *литовскимъ* и *литовскимъ* ¹⁾, *старостинъ* ²⁾, *ложовичъ* ³⁾, *тѣе* и *тѣе* ⁴⁾, *Борысово* ⁵⁾. Вотъ почти все, что мы знаемъ объ этомъ явленіи по грамотамъ XIV в.

Поднимаясь выше, въ XIII в., мы видимъ *ѣ* вм. *и* еще рѣже. Здѣсь оно встрѣчается уже не на почвѣ исключительно южнорусской письменности, и притомъ въ видѣ спорадически-случайнаго явленія: *смышеть* (грам. Рижанъ) ⁶⁾, *ѣ* послѣ шипящихъ вм. *и*, во 2-мъ л. единс. ч. *иѣ* вм. *ии* (Четвероеванг. изъ Норовс. рукоп.) ⁷⁾ *княинѣ* (Уставъ Влад.) ⁸⁾. Въ XII в.: *Давыда* вм. *Давида* (Стихирарь софінс.) ⁹⁾. Въ XI в.: *осирѣѣ* вм. *осирѣ-ѣ* (Изборн. 1076) ¹⁰⁾. Найдется, конечно, еще нѣсколько подобныхъ случаевъ въ источникахъ, которые не были намъ доступны, но мы не сомнѣваемся въ томъ, что эти случаи не дадутъ количественнаго основанія признавать *ѣ* вм. *и* характеристической чертой древнерусскаго языка. Это черта собственно малорусская и притомъ сравнительно поздняя. XIV в. можно считать временемъ, когда она обнаружилась уже на столько, что за нею можно слѣдить, какъ за явленіемъ постояннымъ и характеристическимъ въ малорусскомъ нарѣчій. О зарождевіи ея раньше этого времени, на почвѣ собственно древнерусскаго языка, можно только догадываться. Такъ, судя по грамотѣ Мстислава, можно думать, что *и* въ XII в. начало отвердѣвать. Въ этой грамотѣ ютированное *и* означаетъ почти всегда точкой вверху: *стойтъ* ¹¹⁾ и проч. Но есть напр. форма: *опимаетъ*:

1) Голов. Грам. № 1, 4.

2) Ibid. № 2, 6.

3) Ibid. № 3, 7.

4) Ibid. № 5, 9.

5) А. З. Р. 1369 г.

6) Из. Ак. X, VI, 633.

7) Уч. Зап. Ак. т. 2-й.

8) Опис. Соф. библ. Прилож. 5.

9) Из. Ак. X, V, 504.

10) Бусл. Истор. христ. 295.

11) Из. Ак. X., V, 498.

здѣсь *и* не означено точкой, слѣдовательно, оно произносилось безъ смягченія предшествующей согласной, т. е. грубѣе, чѣмъ *йі*, что вполне согласно съ этимологіей слова (*отъимаетъ*). Очевидно, *и* въ этомъ случаѣ было знакомъ звука неіотиrowаннаго, наклонявшагося въ своемъ произношеніи къ *и*.

Вообще, начиная съ XI в., конечный *ъ* предлоговъ въ словахъ предложныхъ очень часто выбрасывается, какъ предъ согласными звуками, такъ и предъ гласными, между прочимъ, и предъ *и*. Иногда въ одномъ и томъ же памятникѣ, почти на одной и той же строкѣ, попадаются формы съ *ъ* и безъ *ъ*, напр: *прѣдъидоуцемъ*, *изидеть* (Служебн. XII в.)¹⁾. Въ такихъ и подобныхъ формахъ, по нашему мнѣнію, прежде всего произошло смѣшеніе двухъ различныхъ элементовъ *и* и *и*.—смѣшеніе, въ которомъ оба звука взаимно повліяли другъ на друга, въ ущербъ первоначальному своему характеру.

Мы подошли такимъ образомъ къ *и*.—звуку, который въ украинскомъ говорѣ малорусскаго нарѣчія потерпѣлъ одинаковую участь съ основнымъ *и*, т. е., какъ это послѣднее, превратился въ среднее *и*. Два нѣкогда самостоятельные звука сплелись въ одинъ звукъ, такъ что теперь не различаются напр. въ украинскомъ говорѣ формы съ основнымъ *и* (*ходить*, *милій*) отъ формъ съ основнымъ *и* (*дим*, *миліо*). Относительно другихъ малорусскихъ говоровъ замѣтить нужно, что тамъ, гдѣ удержалось основное *и*, существуетъ и широкое *и*; по крайней мѣрѣ, сказать это можно о сѣверномъ малорусскомъ говорѣ. Что касается галицкаго говора, то въ немъ, вмѣстѣ съ огрубнѣемъ основнаго *и* въ *и*, звукъ *и* произносится совершенно твердо, какъ въ великорусскомъ и польскомъ нарѣчіяхъ. Если въ украинскомъ говорѣ основное *и* и основное *и* слились въ среднее *и*, то въ галицкомъ говорѣ основное *и* только перешло въ *и*, и въ то же время это послѣднее не отличается въ произношеніи отъ секундарнаго *и*. Особенно это замѣтно послѣ гортанныхъ, когда въ *и* слышится оттѣнокъ твердаго звука *е*: украинскія формы: *ину*, *кину*, *жижа*, *крижи*, *облоги*, *крючки* въ Галиціи произносятся какъ бы: *иену*, *кениу*, *хежа*, *крихе*, *облогіе*, *крючкхе* съ едва замѣтнымъ впадѣніемъ звука *е* въ среднее *и* (разнорѣчія подгорское и гуцульское). Это своеобразное *е* еще далѣе отклоняетъ *и* отъ мягкаго элемента, въ немъ заключающагося, сообщая ему характеръ вполне твердаго звука, ана-

¹⁾ Горс. кн. 5, 244.

логическаго съ чешскимъ *e* въ формахъ: *videte, nesete* вм. *videtu, nesetu*.

Итакъ, *yi* основное звучитъ смѣшанно, какъ *и*, только въ украинскомъ говорѣ, т. е. именно въ томъ говорѣ, въ которомъ исчезло и основное *и*. Ясно, что украинскій говоръ представляетъ самое крайнее уклоненіе отъ основныхъ звуковъ, говоръ же галицкій, допускающій широкое *yi* и потерявшій только основное *и*, стоитъ на срединѣ между позднѣйшими, украинскими превращеніями этихъ звуковъ и древнѣйшимъ состояніемъ ихъ въ непревращенномъ видѣ. Наконецъ, сѣверный малорусскій говоръ ближе всего подходитъ къ древнему строю языка не столько потому, что въ немъ есть широкое *yi*, сколько потому, что онъ сохранилъ основное *и*, утраченное въ говорахъ украинскомъ и галицкомъ.

Теперь вопросъ въ томъ, какъ образовалось изъ основнаго *и* и основнаго *yi* среднее малорусское *и*? Другими словами: какъ произошло въ украинскомъ говорѣ сліянiе двухъ различныхъ звуковъ въ одинъ?

Отвѣта на этотъ вопросъ искать нужно въ исторiи звука *yi*.

Обыкновенно думаютъ, что звукъ *yi* до настоящаго времени сохранился только въ нарѣчіяхъ польскомъ и русскомъ. Дѣйствительно, если современное польско-великорусское произношеніе *yi* считать древнѣйшимъ, то согласиться надобно, что всѣ другія славянскія нарѣчія утратили этотъ звукъ: большею частію они смѣшали его съ звукомъ *i*, другія же, напр. чешское, дали ему отгѣнокъ двоегласія (*ei*), что вполне сообразно съ происхожденіемъ и древнѣйшею природою звука *yi*. Дѣло, однакоже, еще не рѣшенное, произносилось ли *yi* въ древности точно такъ же, какъ оно произносится теперь въ польскомъ и великорусскомъ нарѣчіяхъ, а равно и въ нѣкоторыхъ малорусскихъ разнорѣчіяхъ. Намъ кажется неубѣдительнымъ мнѣніе Колосова, высказанное имъ относительно звука *yi*, что онъ произносился и въ древнеславянскомъ нарѣчiи такъ, какъ произносится въ польскомъ и русскомъ. „Если какой либо изъ звуковъ древняго умершаго языка“, говоритъ онъ, „сохраняется до позднѣйшей поры въ одномъ или нѣсколькихъ родственныхъ между собою живыхъ нарѣчіяхъ, то кажется, всего проще и естественнѣе признать, что звукъ этотъ такъ же, какъ и теперь, произносился и въ древности. Такое признаніе становится даже обязательнымъ, если нѣтъ достаточныхъ основаній полагать, что

въ произношеніи даннаго звука произошла переѣва съ теченіемъ времени“ ¹⁾. Но именно въ этомъ и состоитъ весь вопросъ: сохранился ли разбираемый нами звукъ въ нарѣчіяхъ польскомъ и русскомъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ существовалъ въ древнеславянскомъ? Можно ли съ полною увѣренностью сказать, что въ произношеніи его не происходило никакихъ переѣвъ прежде, чѣмъ онъ началъ звучать извѣстнымъ образомъ въ современныхъ намъ нарѣчіяхъ? Не есть ли широкое, польско-русское *ѣ* само по себѣ позднѣйшій продуктъ, образовавшійся изъ элементовъ неодинаковыхъ и притомъ въ разное время неодинаково звучащихъ? Очевидно, чтобы опредѣлить произношеніе *ѣ* въ древнеславянскомъ нарѣчіи, недостаточно ссылки на современные нарѣчія. Неизбѣжно въ этомъ случаѣ получается логическій кругъ въ доказательствахъ: существованіе *ѣ* въ польскомъ и русскомъ нарѣчіяхъ доказывается древнѣйшимъ произношеніемъ его, которое въ сущности неизвѣстно; въ свою очередь древнѣйшее произношеніе *ѣ* доказывается существованіемъ его въ двухъ современныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ, хотя существуетъ оно, быть можетъ, совѣмъ не въ древнѣйшемъ своемъ видѣ. Такимъ образомъ, искомая величина, т. е. древнѣйшее произношеніе *ѣ* все таки остается неизвѣстнымъ, потому что оно утверждается на такомъ основаніи, которое само нуждается въ доказательствахъ.

Говоря о звукѣ *ѣ* въ его древнѣйшемъ видѣ, намъ кажется, не нужно упускать изъ виду элементовъ, изъ которыхъ онъ образовался. Извѣстно, что по своему происхожденію это звукъ доегласный. Въ древнѣйшемъ его начертаніи явственно выступаютъ двѣ составныя его части: *ъ + ѣ = ѣ*. Рядомъ съ этимъ начертаніемъ, въ древнѣйшихъ памятникахъ встрѣчаемъ *ѣ*, затѣмъ это послѣднее начертаніе съ конца XIV в. начинаетъ пропадать: въ XV в. преобладающимъ начертаніемъ *ѣ* является современная его форма, т. е. *ѣ*, хотя въ этомъ видѣ оно встрѣчается иногда въ очень древнихъ памятникахъ, напр. въ Изборникѣ 1073 г. Ясно, что звукъ *ѣ* зависѣлъ, такъ сказать, не самъ отъ себя, а отъ той роли и значенія, которое имѣли въ свое время глухіе звуки, поэтому въ опредѣленіи древнѣйшей природы *ѣ* нужно имѣть въ виду древнѣйшую судьбу глухихъ гласныхъ *ъ* и *ь*, и въ особенности перваго изъ нихъ.

Изъ начертанія *ѣ* видно, что этотъ звукъ уже на славянской почвѣ

¹⁾ Филолог. зап., вып. I—II, стр. 27.

существовалъ въ ослабленномъ видѣ: первая составная часть *зи* есть *з*—звукъ, который составляетъ краткость звуковъ *у* и *а*, подобно тому, какъ *з*—краткость звука *г*. Но, являясь ослабленіемъ первоначальнаго *а*, *з* все таки долженъ былъ въ произношеніи имѣть отгѣнокъ губнаго гласнаго звука, именно потому, что это былъ глухой звукъ, въ которомъ чистая и ясная природа звука *а* затмилась, и въ то же время твердый звукъ, который не могъ отклониться къ небному ряду гласныхъ, т. е. *е*, *і*. Такимъ образомъ, въ *зи* искони существовалъ губной элементъ, который составляетъ основу звука *зи*, ставящую этотъ звукъ въ родственную связь съ звукомъ *у*. Поэтому, въ древнеславянскомъ нарѣчій звукъ *зи* равенъ звуку *у*,—но какому: долгому или краткому?

Еще въ двадцатыхъ годахъ настоящаго столѣтія Гриммъ высказалъ мысль объ отсутствіи въ древнеславянскомъ нарѣчій долгаго *у* ¹⁾. Съ тѣхъ поръ это мнѣніе настойчиво поддерживается въ наукѣ большинствомъ ученыхъ. Такъ, Миклошичъ утверждаетъ, что въ древнеславянскомъ нарѣчій было одно только долгое *у*, что тамъ, гдѣ въ другихъ языкахъ стоитъ краткое *у*, въ славянскомъ видимъ *зи* или *з* ²⁾. Со всѣмъ иначе думаетъ объ этомъ Гаттала. Въ разборѣ грамматики Буслаева, ссылаясь на Бетлинга (Beitrag 52—56), онъ утверждаетъ, что въ древнеславянскомъ нарѣчій *з* равнялось половинѣ краткаго *г*, а *з* половинѣ русскаго *зи*; вмѣстѣ съ тѣмъ существовало и краткое *у*, потому что, еслибы его не было, то *з* не могъ бы быть выразителемъ несуществующей краткости; съ другой стороны, приравнивать *з* и *зи* краткому *у* другихъ языковъ—значить противорѣчить тому математическому положенію, по которому: *quae sunt aequalia uni tertio, sunt aequalia inter se*. Если бы *з* не отличался отъ *зи*, то не было бы ни въ кириллицѣ, ни въ глаголицѣ двухъ начертаній ³⁾.

Мы не считаемъ возможнымъ согласиться съ мнѣніемъ Гатталы, тѣмъ болѣе, что въ его собственныхъ словахъ находимъ твердыя точки опоры для признанія установившагося мнѣнія о взаимныхъ отношеніяхъ между звуками *з*, *зи* и *у* (*оу*). Имѣя въ виду, что *з* въ древнеславянскомъ нарѣчій означалъ половину *зи*, легко понять, что *зи* есть долгота по отношенію къ этому *з*. Слѣдовательно, *з*+*з*, т. е. двѣ краткости да-

¹⁾ Serbische Gram. 1824. Vorrede 34.

²⁾ Miklos. Lautleh. 103—104.

³⁾ Casop. 1862, 143.

ютъ полный звукъ *yi*, равный основному *y*. Что касается долгаго *y*, то его никомъ образомъ нельзя смѣшивать съ основнымъ *y*, выразителемъ котораго было въ славянскомъ нарѣчій *yi*. По мнѣнію Шлейхера, *y* въ закрытыхъ корняхъ есть подъемъ основнаго *yi*, которое равно основному *y* (*пѣ-ти—рѣи, бѣ-ти—бѣи*), тогда какъ *z* есть ослабленіе первоначальнаго (основнаго) *y* или *yi* ¹⁾. Но оба начертанія, какъ *z*, такъ и *yi*, означаютъ не одинъ и тотъ же звукъ, поэтому они равно необходимы были въ славянской азбукѣ, такъ какъ они должны были выражать дѣйствительную, хотя и замаскированную краткость *y*, и притомъ краткость неодинаковой степени.

Итакъ, въ древнеславянскомъ нарѣчій *yi* есть долгота въ отношеніи къ звуку *o* и краткость въ отношеніи къ *ou*. Относительной долготой звука *yi* объясняется его доегласное начертаніе, которому, безъ всякаго сомнѣнія, соотвѣтствовало нѣкогда доегласное произношеніе. По всей вѣроятности, это послѣднее и побудило изобрѣтателей славянской азбуки придумать для *yi* сложное начертаніе. Поэтому нельзя считать мало-важнымъ то обстоятельство, что въ Фрейзингенской рукописи *yi* выражено посредствомъ *yi*. Нельзя объяснить это начертаніе однимъ только несовершенствомъ славянской азбуки, тѣмъ болѣе, что аналогическое начертаніе встрѣчается въ Изборникѣ 1073 (*помоис.итъсѧ*) ²⁾: на это *oi* вм. *yi*, и рядомъ съ нимъ, мы смотримъ, какъ на позднѣйшую обмолвку, въ которой обнаружилось древнѣйшее произношеніе *yi*. Мы вовсе не думаемъ приписывать это произношеніе XI вѣку; мы желаемъ только поставить на видъ, что прежде чѣмъ въ русскомъ нарѣчій *yi* начало звучать, какъ одинъ цѣльный звукъ, оно звучало доегласно, по крайней мѣрѣ, въ нарѣчій славянскомъ. Что касается до русскихъ нарѣчій, то слѣдовъ доегласнаго произношенія *yi* ни въ древнѣйшихъ памятникахъ, ни въ областныхъ говорахъ мы не находимъ; думаемъ, однако же, что въ разныя эпохи и въ разныхъ говорахъ *yi* звучало неодинаково, и что современному великорусскому широкому *yi* предшествовали аналогическіе, но не тождественные звуки. Оставляя въ сторонѣ первоначальное доегласное произношеніе *yi*, мы должны признать, согласно съ мнѣніемъ Шлейхера, Гатталы и Каткова ³⁾, исход-

¹⁾ Compend. Schleich. 125.

²⁾ Срезн. Древ. нам. юс. пис. 180.

³⁾ Compend. Schleich. § 76, Zvukosl. jaz. staro i novoc. 34. Объ элемев. и фор. 31—32.

пой точкой въ дальнѣйшемъ діалектическомъ развитіи звука *ѣ*—перезвукъ *ѣ* (краткаго *у*) въ небномъ элементѣ, близко подходящій къ нѣмецкому *и*. Въ этомъ *и* небный элементъ звучалъ смѣшанно съ губнымъ и оттого не могъ выступить, какъ въ основномъ *и*, съ своимъ смягчающимъ вліяніемъ на предшествующіе согласные гортанные звуки. Затѣмъ, дальнѣйшая исторія *ѣ* заключается въ постоянныхъ діалектическихъ колебаніяхъ между элементами губнымъ и небнымъ. Судя по древнѣйшему начертанію *ѣ* (*ѣи*), можно думать, что губной элементъ никогда не пользовался преобладающимъ значеніемъ въ этомъ звукѣ: *ѣ* есть звукъ самъ по себѣ слабый, и потому роль его ограничивалась гѣмъ, что онъ давалъ гласному *и* болѣе твердое произношеніе, предохраняя его отъ смѣшенія съ іотированнымъ *и*. Съ теченіемъ времени потеря глухихъ звуковъ должна была существеннымъ образомъ отразиться и на *ѣи*: оно должно было еще ближе наклониться къ основному *и*, сохраняя, однако же, прадавнюю твердость. Майковъ предполагаетъ, что за твердый небный звукъ Кириллъ принималъ одно *ѣ*, а за мягкій небный звукъ *и*, которому далъ видъ греческой буквы **η** (*η*): доказательство, по его мнѣнію, заключается въ томъ, что собственно для мягкаго звука *и* онъ не придумалъ другаго начертанія, подобнаго другимъ мягкимъ ¹⁾. Если для эпохи Кирилла, когда глухіе гласные *ѣ* и *ѣ* были еще въ силѣ, это предположеніе о древнѣйшемъ произношеніи *ѣ* можно считать смѣлымъ, то для позднѣйшаго времени, для XI—XII в. не будетъ, намъ кажется, смѣлостью допустить въ звукѣ *ѣ* преобладающее значеніе звука *и*. Такое заключеніе въ особенности умѣстно въ примѣненіи къ русскому языку. Мы видѣли, что глухіе гласные начали падать въ немъ до начала исторической эпохи, что, съ появленіемъ памятниковъ древнерусской письменности, *ѣ* и *ѣ*, то исчезаютъ, то смѣшиваются между собою. Независимо отъ письменныхъ памятниковъ, живые факты современныхъ русскихъ нарѣчій представляютъ свидѣтельство глубоко - древняго затменія глухихъ въ чувствѣ языка. Такъ, славянскія формы: *прѣвѣи*, *прѣстѣи*, *тѣчки*, какъ въ великорусскомъ, такъ и въ малорусскомъ нарѣчійхъ, передаются несоотвѣтственно природѣ *ѣ* и *ѣ*, т. е. *ѣ* передается посредствомъ *е*, а *ѣ* посредствомъ *о*: *первѣи* (*первий*), *перстѣи*, *тончки* (*тонкій*). Согласіе обоихъ русскихъ нарѣчій въ отношеніи къ приведеннымъ нами формамъ указы-

¹⁾ Майк. Ист. сербс. яз. 407—409.

васть на то, что паденіе глухихъ гласныхъ началомъ своимъ уходитъ въ доисторическую, прарусскую давность. Считаемъ нужнымъ напомнить объ этомъ выводѣ, къ которому мы пришли выше въ анализѣ глухихъ гласныхъ, собственно для того, чтобы внести въ вопросъ о древнѣйшемъ произношеніи *зи* въ русскомъ языкѣ большую опредѣленность и ясность. Очевидно, звукъ *зи*, заключающій въ своемъ составѣ глухой элементъ *з*, долженъ былъ явиться въ русскомъ языкѣ даже не въ томъ видѣ, въ какомъ онъ существовалъ въ древнеславянскомъ языкѣ въ эпоху изобрѣтенія славянской азбуки, когда *з* звучалъ опредѣленно, хотя и глухо, явственно отличаясь отъ своего спутника—*ь*. Съ потерей и смѣшеніемъ этихъ звуковъ въ русскомъ языкѣ, и *зи* должно было потерять свое первоначальное произношеніе. Въ немъ еще меньше могло сохраниться двоегласіе на почвѣ русскаго языка. Если въ древнеславянскую эпоху звукъ *зи* существовалъ въ ослабленномъ видѣ, то въ эпоху древнерусскую онъ имѣлъ совершенно искаженный видъ, сравнительно съ древнѣйшимъ его произношеніемъ. Исканіе это началось съ того момента, когда два составные элемента въ звукѣ *зи* сплывались въ одинъ перезвукъ, сходный съ нѣмецкимъ *и*. Затѣмъ, дальнѣйшее развитіе этого перезвука пошло по направленію къ звуку *и*, такъ что въ древнерусскую эпоху *зи*, по нашему мнѣнію, звучало, какъ твердое неотирванное *и*.

Выводу этому не противорѣчатъ наиболѣе древніе памятники славяно-русской письменности, въ которыхъ встрѣчаемъ гораздо чаще употребленіе *и* вм. *зи*, чѣмъ наоборотъ, т. е. *зи* вм. *и*. Вотъ факты. Остромир. Ев: *изиде, ѡзидохъ* ¹⁾. Сборн. 1073 г: *неправди* вм. *неправды, риба, ниражштилъ* ²⁾. Сборн. 1076 г: *ѡзидшють* ³⁾, *користь, злоби* (родит.) ⁴⁾. Слова Григорія Богос.: *многашьди, обискаши, изискал, инъ би лъилъ съ* ⁵⁾ Служеб. повгор. мнвсѣ: *крилоу* ⁶⁾. Туровс. ев: *изиде* ⁷⁾. Изъ этихъ примѣровъ видно, что не только въ

¹⁾ Изд. Вост. 207, 208.

²⁾ Срез. Древ. пам. юс. пис. 104, 251, 155.

³⁾ Из. Ак. X, V, 425.

⁴⁾ Ibid. 427.

⁵⁾ Будилов. Изслѣд. XIII сл. Гр. Богос. 72.

⁶⁾ Из. Ак. X, V, 437.

⁷⁾ Срез. Свѣд. 170.

простыхъ словахъ, но даже въ сложныхъ, гдѣ по необходимости сталкивались обѣ составныя части звука *yi* (*ъ + и*), вслѣдствіе чего, по мнѣнію Миклошича, *yi* должно было сохранять характеръ двогласнаго звука ¹⁾. мы видимъ чистое *и* вм. *yi*: *изиде*, *обискати* и проч. Подобныхъ примѣровъ въ древнѣйшихъ памятникахъ не мало, и это обстоятельство получаетъ особенное значеніе въ связи съ аналогическимъ явленіемъ въ другихъ славянскихъ нарѣчьяхъ. Такъ, въ древнѣйшихъ памятникахъ чешскаго нарѣчія (X—XII в.) *i* часто стоитъ вм. *y* ²⁾,— то же самое постоянно встрѣчается и въ древнѣйшихъ сербскихъ грамогахъ (напр. въ грам. Кулина Бава 1186: *Бань*, *босьньски*, *прави* и проч. ³⁾). Обращаясь къ древнерусскимъ памягникамъ, находимъ, что и горганные согласные, которые всегда требовали въ древнеславянскомъ языкѣ широкихъ гласныхъ, между прочимъ и *yi*, очень рано начали терять это исконное свое свойство, допуская послѣ себя *и* вм. *yi*. Такъ, уже въ древнѣйшихъ славянорусскихъ памятникахъ мы встрѣчаемъ: *хитрости*, *хитрымъ* (Сбор. 1073), *паки* (Сбор. 1076) ⁴⁾. Въ памятникахъ XII в. фактовъ этого рода гораздо больше: *георгии* (гр. Мст.) ⁵⁾, *мутерша* (Мон. уст.) ⁶⁾, *Амельски*, *Апостольски* (Сбор. поуч.) ⁷⁾, *человѣки* (Вклад. Варл.) ⁸⁾, *великии* (Жит. Б. и Гл.) ⁹⁾, *пострици*, *хитрости* (Жит. Θεод.) ¹⁰⁾. Не приводимъ свидѣтельствъ изъ позднѣйшихъ памятниковъ XIII—XIV в. Съ конца XIII, въ особенности съ XIV в., и послѣ горганныхъ сдѣлалось явленіемъ столь обычнымъ, что обратное явленіе, т. е. *yi* послѣ горганныхъ кажется уже архаизмомъ: *yi* не устояло даже тамъ, гдѣ оно въ прежнее время защищено было самою природою горганныхъ. Безъ сомнѣнія, сами горганные съ теченіемъ времени теряли свою чувствительность къ небнымъ гласнымъ, но эта постепенно развивавшаяся особенность ихъ обусло-

¹⁾ Miklos. Lautleh. 114.

²⁾ Дювер. Сист. элем. и фор. 85.

³⁾ Jagić Gram. Нѣрв. jez. 32.

⁴⁾ Лам. Опис. 42.

⁵⁾ Изв. Ак. X, V, 498.

⁶⁾ Ibid. 511.

⁷⁾ Ibid. 563.

⁸⁾ Кол. Оч. 79.

⁹⁾ Чт. 1870, кн. I.

¹⁰⁾ Чт. 1858, кн. 3.

елена была, между прочимъ, перестроемъ самага звука *и*, который давно уже утратилъ свою двогласную природу и, сверхъ того, выступилъ изъ сферы губной въ небную, хотя при этомъ окончательно небнымъ йотированнымъ звукомъ не сдѣлался. Отъ этого превращенія онъ предохраненъ былъ, съ одной стороны, памятью языка о его губномъ происхожденіи, съ другой стороны, стремленіемъ удержать старинную твердость за гортанными. Явленія эти взаимно дополняютъ другъ друга: *и*, являясь послѣ гортанныхъ вм. *и*, не подвергая ихъ переходному смягченію, тѣмъ самымъ характеризуетъ себя звукомъ не-йотированнымъ, твердымъ; въ свою очередь гортанные, оставаясь гортанными предъ *и*, отклоняются отъ древней особенности своей только въ томъ смыслѣ, что получаютъ способность уживаться съ звукомъ менѣе широкимъ, чѣмъ *и* по современному польско-русскому произношенію, — сами же по себѣ они не сдѣлались звуками непереходно-мягкими.

Такимъ образомъ, въ древнерусскую эпоху произошло, по нашему мнѣнію, въ звукѣ *и* наклоненіе къ *и* (по нашей транскрипціи *и*), главнымъ образомъ, въ словахъ предложныхъ и послѣ гортанныхъ согласныхъ, хотя и независимо отъ этихъ условій, явленіе это встрѣчается нерѣдко въ памятникахъ. Остатки этой эпохи разбѣянно существуютъ въ различныхъ говорахъ малорусскаго нарѣчія, именно въ тѣхъ случаяхъ, когда слышится *и* вм. *и*. Особенно распространено это явленіе въ сѣверномъ малорусскомъ говорѣ. Такъ, въ черниговскихъ разворѣчіяхъ: *дружи* вм. *другий*, *конки*, *мі* вм. *мы*, *из-за-гори* (изъ гѣсени, записанной подъ Черниговомъ). Въ украинскомъ говорѣ *і* вм. *и* слышно, въ галицкомъ, за исключеніемъ предлога *ві* вм. *ви* (*вихожу*), *і* вм. *и* тоже не встрѣчается.

Припомнимъ теперь, что сказано было о превращеніи *и* въ *и*: только въ XIV в. мы замѣтили въ немъ нѣкоторую устойчивость; въ XV в. оно выступастъ уже въ полномъ развитіи. Сопоставляя этотъ обратный ходъ въ движеніи вокализма отъ *и* къ *и* съ начальнымъ движеніемъ его къ *и*, нельзя не придти къ заключенію, что между тѣмъ и другимъ есть тѣсная звуковая связь. Самая хронологическая послѣдовательность того и другаго движенія указываетъ, что *и* вм. *и* вызвано

¹⁾ Въ великорус. пародныхъ говорахъ есть аналогическіе, хотя рѣдкіе случаи употребленія *и* вм. *и*, и наоборотъ (см. Петерб. Озвук. особ. 83).

было появленіемъ *и* вм. *ѣ*. Спѣшимъ оговориться, впрочемъ, что одного этого обстоятельства недостаточно было для того, чтобы произвести превращеніе основнаго *и* въ *ѣ*. Оно вызвано было, сверхъ того, разными звуковыми явленіями, стоявшими, по видимому, внѣ всякаго отношенія къ основнымъ *и* и *ѣ*. Въ обзорѣ звуковыхъ превращеній, возникшихъ изъ основныхъ *о* и *е*, мы имѣли случай замѣтить, что малорусскому *і* изъ этихъ двухъ звуковъ предшествовало *і* вм. *ѣ*, и что это послѣднее, зародившись въ доисторическую эпоху, выступило въ древнерусскій періодъ въ качествѣ довольно рельефной диалектической особенности. Слѣдовательно, въ древнерусскомъ вокализмѣ наклоненіе къ *и* шло не изъ одного основнаго *ѣ*. Рядомъ съ этимъ происходилъ извѣстный специально-малорусскій перестрой основныхъ звуковъ *о* и *е* тоже въ пользу *і*. Такъ накоплялась постепенно масса однородныхъ явленій, которыя то ближе, то дальше стояли къ звуку *і*, и для которыхъ этотъ звукъ былъ конечнымъ пунктомъ ихъ развитія. Мало-по-малу стирались первичные элементы и вмѣстѣ съ тѣмъ устанавливался типически-однообразный звуковой строй. Ряды гласныхъ должны были смѣшаться: секундарное *і* встрѣтилось съ *и* основнымъ, и это послѣднее должно было потерять въ чувствѣ языка свое индивидуальное, самостоятельное значеніе. Среди этой пивелирующей обстановки само оно должно было измѣниться, — и вотъ съ XIV в. является широкое *ѣ* вм. основнаго *и*: произошла перестановка звуковъ, обусловленная сильнымъ развитіемъ секундарнаго *і*. Дѣло въ томъ, что ближе стоятъ къ губному порядку гласныхъ, къ которому языкъ долженъ былъ снова обратиться подъ давленіемъ развивавшейся въ его вокализмѣ нежности. Такъ явилось секундарное *ѣ* вм. *и* изъ естественной потребности языка поставить предѣлъ движенію, которое должно было войти въ свои естественныя границы.

Въ ряду явленій, аналогическихъ съ превращеніемъ основнаго *и* въ *ѣ*, въ современномъ состояніи малорусскаго вокализма есть многое другое, на что слѣдуетъ обратить вниманіе. Нельзя не замѣтить въ малорусскомъ нарѣчьи стремленія удержать въ системѣ гласныхъ звуковъ то, что стоитъ ближе къ губному элементу, или даже склонить къ этому послѣднему то, что стояло отъ него дальше. Прежде всего рѣзко бросается въ глаза въ украинскомъ говорѣ устойчивость звука *у*, который, въ качествѣ чисто губнаго звука, предпочитается звуку *ѣ* тамъ, гдѣ въ великорусскомъ нарѣчьи стоитъ этотъ послѣдній. Сюда

относится напр. известная форма вспомогательного глагола: *бути* вмѣсто славянс. и великорус: *быти, бѣть*. Въ этой формѣ глаголь *быти* встрѣчается уже въ Супрасл. рукоп: *льжа бы були мой сынъ* ¹⁾. Затѣмъ, есть множество въ малорусскомъ нарѣчїи глаголовъ съ темой наст. вр. на *у* не только тамъ, гдѣ *у* сохранилось и въ великорус. глагольныхъ темахъ на *у*, напр: *ку-ю, совѣту-ю*, но и въ тѣхъ глаголахъ, которые въ великорус. смѣнили *у* звукомъ *ы*, напр: *связ-ыв-ать отказ-ыв-ать, прикид-ыв-ать*, — въ малорус: *связ-ув-ати, відказ-ув-ати, прикид-ув-ати*. Нужно замѣтить при этомъ, что во всѣхъ говорахъ малорусскаго нарѣчїя пѣть глаголовъ на *ыва, ыва*. Наконецъ, и звукъ *у* въ малорусскомъ нарѣчїи отвердѣваетъ, какъ известно, въ губной согласный *в*. Явленіе это, свойственное въ древнерусскую эпоху многимъ русскимъ говорамъ, специализировалось въ малорусскомъ нарѣчїи. Вырванное изъ общаго ряда звуковыхъ явленій, оно само по себѣ ничего не выражаетъ, но въ связи съ специальнымъ стремленіемъ малорусскаго нарѣчїя усиливать губной элементъ, оно ясно показываетъ направленіе, по которому шель малорусскій вокализмъ, находясь подъ влияніемъ необходимости ограничить въ своемъ составѣ небный элементъ. Превращеніе *у* въ *в* можно считать предѣломъ, дальше котораго некуда было идти.

Не менѣе характеристична въ малорусскомъ нарѣчїи роль звука *о*. Въ виду того же противодѣйствія небному вокализму, коренное *о* удерживается тверже въ малорусскомъ нарѣчїи, чѣмъ въ великорусскомъ. Тогда какъ въ этомъ послѣднемъ (по московскому говору) *о* безъ ударенія переходитъ въ *а* (*харашо* вм. *хорошо*), въ малорус. встрѣчаются только слабые слѣды замѣны *о* звукомъ *а*. Говорятъ напр: *шарад, богатий, хазяин, монастырь* вм. *шорад, богатий, хозяин, монастырь*: здѣсь *а* изъ *о* не столько есть слѣдствіе неударяемости начальнаго *о*, сколько ассимиляціи подъ влияніемъ слѣдующаго за нимъ *а*. Можно было бы думать, что въ словахъ: *помогати*, (въ Синод. библ. 1499 г. *помогаетъ*) ²⁾, *ламати, шняти* вм. *помогати, шмати, шняти*—звукъ *а* образовался посредствомъ усиленія кореннаго *о*, но слѣдуетъ принять во вниманіе, что въ пользу звука *о* малорусское нарѣчїе отказывается отъ усиленія его тамъ, гдѣ усиленіе требуется въ великорусскомъ: срав. напр. великорусскія формы: *запрашивать, разношивать* съ украинскими: *запросювати* и *запрошувати*,

¹⁾ Ламанс. О нѣкот. слав. рук. 42—43.

²⁾ Бусл. Ист. хр. 175.

розносювати и *розношувати*. Что касается громаднаго большинства случаевъ въ употребленіи кореннаго *o*, то повторяемъ, въ малорусскомъ нарѣчій оно постоянно удерживается, если только въ среднихъ слогахъ оно не перешло въ специальное малорусское *i*. Мало того: даже другіе гласные звуки посредствомъ *o* вовлекаются въ систему губныхъ гласныхъ. Такъ, первоначальное *a* въ малорус. переходитъ въ *o*. Сюда относятся напр. слова: *роз, розум* вм. *раз, разум*, — *котити, зоря, кропива, оладки* вм. *катити, заря, крапива, аладки*. 'оже *o* вм. *a* мы видимъ въ собственныхъ именахъ и въ словахъ заимствованныхъ: *Оврам, Олекса, Олександр, Опанас, орандарь, отаман, козак, комн.* Нельзя не вспомнить при этомъ, что эта особенность уцѣлѣла въ малорусскомъ нарѣчій отъ древнерусской эпохи. Появилась она даже раньше, на почвѣ славянской: такъ, въ Супрасл. рукоп. очень часто встрѣчаются сложные слова съ предлогомъ *роз*: *розбоиникъ, роширити, ростворись, роспытываетъ* ¹⁾ и проч. Но особенно усилилось превращеніе *a* въ *o* въ XIV в., и преимущественно въ языкѣ грамотъ: *Олексыя, Олександровичъ* и проч. ²⁾. Въ XV в. *o* вм. *a* встрѣчается еще чаще ³⁾. Съ теченіемъ времени это *o* въ иныхъ такого рода словахъ или измѣнилось въ *i* съ придыханіемъ *v*, напр: *овтарь, Вюдя, (алтарь, Авдія)*, или же исчезло: *Панас, Гатка, Горнина (Аванасій, Ашея, Ариптина)*. Остается выдержаннымъ *o* вм. *a* въ родит. пад. именъ прилагат., которыя въ этомъ случаѣ слѣдуютъ въ малорусскомъ нарѣчій такъ называемому мѣстоименному склоненію: *доброю, новою* вм. *доброга, новага*. И это особенность тоже не новая: не говоря о памятникахъ XIII—XIV в., она встрѣчается уже въ XII и даже XI в., составляя принадлежность всего древнерусскаго языка. Вотъ напр. надпись на автимишеѣ XII в. (новгородс. нарѣчій): *жертвѣникъ свящєнъ отъ Нифонта архиепискоупа новгородского повелѣниемъ епискоупа ростовскѣю* ⁴⁾.... Въ словахъ Григорія Богос. (XI в.): *малою* ⁵⁾, — даде въ древнѣйшихъ памятникахъ юсоваго письма есть уже въ прилагат. именахъ *ою* вм. *аю*, напр. въ Савиной книгѣ (XI в.): *ѣт*

¹⁾ Ламанс. О нѣкот. слав. рук. 40.

²⁾ Колос. Очер. 103.

³⁾ Ibid. 131.

⁴⁾ Изв. Ав. VI.

⁵⁾ Ibid. X, V. 487.

живого сѣща ¹⁾.—Вслѣдъ за *a*, которое ближе стоитъ къ *o*, въ малорусскомъ нарѣчьи переходитъ въ *o* и *e*—звукъ, стоящій уже въ области небныхъ гласныхъ. Въ именахъ собственныхъ и вообще заимствованныхъ, гдѣ въ великорусскомъ нарѣчьи слышно чисто небное, мягкое *e* (*йе*), въ малорус. звучитъ *o*: *ожина* (*ежевика*), *Омелько* (*Емельянкъ*), *Олена* (*Елена*), *оконом* (*экономъ*). То же превращеніе *e* въ *o* встрѣчается въ словахъ туземныхъ, а равно въ срединѣ словъ: *отой* (*этотъ*), *янол* (*ангелъ*), *попл* (*пепелъ*), *лобода* (*лебедя*). Здѣсь видимъ, что въ пользу любимаго *o* теряется даже широкое *e*—звукъ, который вообще строже выдержанъ въ малорусскомъ нарѣчьи, чѣмъ въ великорусскомъ. При этомъ замѣтить нужно, что *e* охотнѣе переходитъ въ *o*, чѣмъ въ *a*. Обращаясь къ древнерусскимъ памятникамъ, находимъ уже въ древнѣйшихъ изъ нихъ превращеніе *ѣ* въ *o*. Такъ, въ Остром. ев: *Олена* (род. пад.), *олтемъ* вм. *ѣлемъ* ²⁾. То же слово и въ той же звуковой формѣ встрѣчается и въ другихъ памятникахъ XI в. (въ словахъ Григорія Богос., въ Евген. псалт.) ³⁾. Въ послѣдствіи на помощь переходу *e* въ *o*, явилось удареніе: въ памятникахъ XV в. ударяемое *e* очень часто переходитъ въ *o* ⁴⁾. Такой переходъ издревле распространенъ былъ во всѣхъ нарѣчьяхъ русскаго языка, но въ малорусскомъ нарѣчьи, согласно съ древнерусскимъ вокализмомъ, переходъ *e* въ *o*, какъ видѣли мы, далеко не всегда обусловленъ удареніемъ: во многихъ случаяхъ малорус. *o* изъ *e* порождено стремленіемъ усилить губной элементъ. Такимъ образомъ, древнерусская звуковая особенность на почвѣ малорусскаго нарѣчья получила специальное примѣненіе. Затѣмъ, и это *o* изъ *e*, какъ предыдущее *o* изъ *a*, съ теченіемъ времени, въ нѣкоторыхъ словахъ или измѣнилось въ *i*, напр. *Іона* (*Евгенія*), *ишак*, (*ѣжъ*), или же исчезло, напр. въ словахъ собственныхъ: *Присьна* (*Ефрѳо синія*), *Химка* (*Евфимія*), *Катря* (*Екатерина*).

Вообще же, сравнивая относительное употребленіе гласныхъ въ началѣ словъ, можно сказать положительно, что рѣже всего въ малорусскомъ нарѣчьи употребляется въ началѣ словъ *e* и *ѣ*, чаще *a* и *я*, *i* и *и*, чаще же всего *o* и *у* съ іотой и другими придыхавіями (предъ

¹⁾ Срез. Древ. пам. юс. пис. 34.

²⁾ Изд. Вост. 148, 289.

³⁾ Бусл. Ист. хр. 323. Изв. Ак. X, V, 463.

⁴⁾ Колос. Оч. 133.

о преимущественно *и*, предъ *у* преимущественно *е*). Въ пользу предпочитаемыхъ въ началѣ словъ гласныхъ губнаго порядка малорусское нарѣчіе жертвуетъ иногда даже любимымъ своимъ *и*, превращая заимствованныя слова, напр: *Ирина*, *изюмъ* въ *Орина* (въ Ипат. спис: *Орины*) ¹⁾. *озюм*.

На основаніи всѣхъ этихъ фактовъ мы считаемъ себя въ правѣ сдѣлать заключеніе, что послѣ того какъ небный элементъ сдѣлалъ значительные успѣхи въ малорус. вокализмѣ въ срединѣ и въ концѣ словъ, въ противоположность ему выступило реактивное стремленіе къ губному порядку гласныхъ, преимущественно въ началѣ словъ, хотя та же склонность удерживать губные гласные или же только приближать къ нимъ остальные замѣчается и въ срединѣ, и на концѣ словъ. Но это послѣднее стремленіе не выдержало напора: первое взяло надъ нимъ верхъ, такъ что въ настоящемъ состояніи малорусскаго нарѣчія мы видимъ господство звука *и* на мѣстѣ другихъ основныхъ гласныхъ. Очевидно, этотъ звукъ вышелъ изъ самой глубины тѣхъ діалектическихъ разновидностей, изъ которыхъ сложилось малорусское нарѣчіе, и составляетъ коренную черту его природы, поэтому мы можемъ считать превращеніе другихъ гласныхъ въ *и* явленіемъ первичнымъ, а усиленіе губнаго направленія въ малорусскомъ вокализмѣ явленіемъ секундарнымъ. Говоримъ: *усиленіе*, потому что самое направленіе несомнѣнно относится къ числу особенностей, характеризующихъ древнѣйшее состояніе русскихъ нарѣчій. Дальнѣйшій успѣхъ губнаго элемента выразился затѣмъ въ секундарномъ *ы* изъ основнаго *и*. Въ памятникахъ это *ы* рѣшительно выступило только въ XIV в., слѣдовательно, причины, его вызвавшія, должны были существовать раньше, — раньше должно было явиться *и* вм. *ъ*, *і* изъ *о*, *е* и *і* вмѣсто древняго, основнаго *ы*. И дѣйствительно, мы видѣли уже въ памятникахъ до XIV в. и вм. *ъ* и *ы*; что касается до *і* изъ *о*, *е*, то оно, въ слѣдствіе легкости въ восстановленіи основнаго *о* и *е* въ среднихъ слогахъ изъ слоговъ прямыхъ, не могло заявить о своемъ существованіи не только въ древнихъ памятникахъ, но даже въ самыхъ позднихъ. Мы вовсе не желаемъ сказать, что это *и* до XIV в. выработалось въ законченный и вполне развитый звукъ: и теперь еще оно рельефно выдвинуто только въ украинскомъ и галицкомъ

¹⁾ Бусл. Истор. хр. 110.

говорах малорусскаго нарѣчія: до XIV в. оно, конечно, занимало болѣе скромное мѣсто, какъ въ отношеніи къ объему своего распространенія, такъ и въ отношеніи къ степени своей силы и выразительности. Тѣмъ не менѣе мы не сомнѣваемся, что во многихъ мѣстностяхъ оно уже жило въ устахъ народа, ибо причины, его создавшія, существовали гораздо раньше; съ другой стороны, послѣдствія, имъ вызванныя, несомнѣнно обнаружилась въ XIV в. Однимъ изъ этихъ послѣдствій было секундарное *зи* изъ *и*.

Говоря о секундарномъ *зи*, мы разумѣемъ ту звуковую его форму, въ которой оно живетъ нынѣ въ нарѣчіяхъ великорусскомъ и польскомъ, а также въ нѣкоторыхъ говорахъ малорусскаго нарѣчія. Появление этого *зи* не могло не отразиться и на древнерусскомъ *зи*, которое, въ свою очередь, должно было подвергнуться влиянію вновь сформировавшагося звука. Вліяніе это заключалось въ томъ, что древнерусское начало получать характеръ звука широкаго, тождественнаго съ секундарнымъ *зи* изъ *и*. На этой стадіи въ настоящее время стоитъ говоръ галицкій, а также волинско-подольскія разнорѣчія украинскаго говора. Въ южнорусской письменности ей соотвѣтствуютъ памятники XV—XVI в., въ которыхъ, рядомъ съ частымъ превращеніемъ основнаго *и* въ *зи*, не видимъ въ такой же мѣрѣ частаго употребленія *и* вм. *зи*. Изрѣдка появляется даже въ XVII в. *и* вм. *зи*: такъ, въ Львовс. лѣтописи встрѣтились намъ формы: *поздизали*, *високого*, *владика*, *посилаю*, *до москви* ¹⁾, но такія формы составляютъ только отзвукъ древнерусскаго преданія, зажившаго себя въ первые вѣка древнерусской письменности употребленіемъ *и* вм. *зи*. Впрочемъ, это *и* вм. *зи* могло быть также слѣдствіемъ недоразумѣній. Южнорусскіе писатели и переписчики, какъ видно, колебались между народнымъ выговоромъ, въ которомъ основное *и* утратилось, и этимологическимъ сознаніемъ, что все-таки буква *и* должна быть выдержана въ правописаніи: чуждые научно-этимологическихъ понятій, они писали иногда букву *и* совершенно некстати. Даже ученый Памва Беринда не былъ свободенъ отъ этой ошибки: въ словарѣ его преобладаетъ, сообразно съ народнымъ выговоромъ, *зи* вм. *и*: *инишими*, *отскочыль*, *звозчыкъ*, *чыню*, *однымъ* (твор. пад.), но намъ встрѣтилась при этомъ и форма: *рибы* ²⁾.

¹⁾ Погод. Историч. сборн. 266, 264, 236, 238, 239.

²⁾ Берин. Слов. 186, 190, 212, 218, 194, 206.

Въ украинскомъ говорѣ малорус. нарѣчія мы видимъ позднѣйшій моментъ звуковыхъ превращеній, которыя начались въ звукѣ *zi* еще въ древнеславянскомъ нарѣчіи, именно: среднее *и* вм. основнаго *и* и основнаго *zi*. Процессъ образованія этого звука подлежитъ не столько историко-лингвистическому, сколько фізіологическому анализу. Мы можемъ только допустить предположеніе, что исходной точкой въ развитіи средняго *и* была потребность отгнѣнить въ произношеніи основное *и* отъ секундарнаго *zi*; но, отклоняясь въ выговорѣ отъ широкаго *zi*, основное *и* приближалось бы къ секундарному *i* изъ *o*, *e*, а также *i* вм. *y*. На этомъ пунктѣ, т. е. въ небной области, угрожало бы ему отождествленіе съ звукомъ *i*, аналогическое съ тѣмъ, которое постигло основное *и* въ губной области. Среди этой обстановки долженъ былъ появиться звукъ смѣшанный, непохожій ни на *zi* въ его польско-великорусской звуковой формѣ, ни на *i* въ чистомъ видѣ.—Такъ или иначе, безусловно вѣрно только то, что среднее украинское *и*, сравнительно съ основнымъ *и* и основнымъ *zi*, есть звукъ болѣе поздній, именно потому, что это звукъ смѣшанный. Чтобы онъ могъ развиться, должно было прежде всего смѣшаться основное *zi* съ основнымъ *и* (моментъ преобладанія въ древнѣйшихъ памятникахъ *и* вм. *zi*),— за тѣмъ, оба эти звука должны были перейти въ широкое секундарное *zi*, (которое, какъ извѣстно, господствуетъ въ памятникахъ XV—XVI в. и соотвѣтствуетъ современному значенію этого звука въ фонетикѣ галицкаго говора). Что касается средняго *и*, то оно не получило въ южнорусской письменности особеннаго выраженія, главнымъ образомъ, потому что, развившись поздно, на почвѣ украинскаго говора, оно не могло обратить на себя серьезнаго вниманія людей, которые, въ позднѣйшую эпоху южнорусской письменности, держались, какъ мы знаемъ, совсѣмъ не народныхъ образцовъ рѣчи....

III.

О СОГЛАСНЫХЪ ЗВУКАХЪ.

1. Общія понятія о количественной природѣ согласныхъ.

Мы окончили обзоръ гласныхъ звуковъ въ ихъ собственной сферѣ взаимнаго вліянія другъ на друга. Мы старались сгруппировать всѣ явленія вокализма въ одну цѣльную, исторически развивавшуюся картину. Вполнѣ сознаемъ, что ей недостаетъ многого,—недостаетъ, съ одной стороны, полноты въ цѣломъ и подробностей въ частяхъ,—съ другой стороны, полной аргументаціи въ нѣкоторыхъ положеніяхъ. Пусть другіе дополняютъ и исправятъ ее на основаніи болѣе непосредственнаго знакомства съ источниками, особенно съ письменными источниками, которые, въ полномъ своемъ видѣ, болышую часть были намъ недоступны. Задача наша совсѣмъ не въ томъ, чтобы сказать по исторіи малорусскаго нарѣчія послѣднее слово. Мы понимаемъ, что для этого нужно иныхъ силъ и иной ученой эрудиціи. При всемъ томъ мы не отказывались отъ надежды намѣтить главные моменты звуковыхъ превращеній въ малорусскомъ нарѣчіи, расчислить скольконибудь путь, по которому пойдутъ другіе, и тѣмъ облегчить имъ нелегкій трудъ историко-лингвистическаго анализа въ такой области, которая до сихъ поръ съ исторической точки зрѣнія не была изслѣдована. Мы рѣшились оставить въ сторонѣ приѣмъ отрывочнаго, разрозненнаго изученія звуковыхъ явленій. Намъ казалось, что, вырывая одинъ фактъ изъ ряда генетически возникавшихъ фактовъ, мы лишаемъ его почвы и

поневоѣ поэтому даемъ ему фальшивое освѣщеніе. Опредѣлить эту почву, хотя приблизительно, было нашей задачей, которую мы старались выполнить, какъ могли и какъ умѣли.

Все это считаемъ нужнымъ высказать въ виду предстоящаго намъ изслѣдованія звуковыхъ превращеній въ малорусскомъ консонантизмѣ. Обыкновенно говорятъ, что главное различіе между славянскими нарѣчіями заключается въ системѣ звуковъ гласныхъ, а не согласныхъ. По мнѣнію Ягича, въ этомъ отношеніи славянскія нарѣчія представляютъ сходство съ греческими діалектами, составляя совершенную противоположность съ языками романскими, въ которыхъ различіе основано на консонантизмѣ, а не на вокализмѣ¹⁾. Дѣйствительно, въ гласныхъ звукахъ индивидуализмъ славянскихъ нарѣчій рѣзче бросается въ глаза, но анализъ малорусскаго консонантизма покажетъ намъ, что и здѣсь господствуютъ глубоко типическія звуковыя черты, хотя въ значительной степени онѣ обусловлены превращеніями въ области гласныхъ звуковъ. Да иначе и быть не могло: своеобразная система гласныхъ должна была вызвать своеобразную систему согласныхъ звуковъ: новое подтвержденіе нашей мысли о необходимости изучать звуковую сторону малорусскаго нарѣчія въ исторической преемственности звуковыхъ явленій.

Прежде, однако же, чѣмъ остановимся на самыхъ фактахъ, считаемъ необходимымъ въ общихъ чертахъ установить понятіе о количественной природѣ согласныхъ, независимо отъ малорусскаго консонантизма.

Есть согласные звуки, для образованія которыхъ требуется нѣкоторая плотность затвора органовъ, при помощи которыхъ они произносятся, при чемъ дыханіе, необходимое для ихъ произнесенія, прорывается съ значительною силою, и оттого самый разрывъ органовъ происходитъ довольно быстро, а затѣмъ, какъ только эти звуки произнесены, органы также быстро принимаютъ свое обыкновенное положеніе. Таковы согласные: *б, н, д, т, к*. У Шлепхера называются они мгновенными (*momentanae*), въ отличіе отъ звуковъ длительныхъ (*dauernde*), которые произносятся при менѣе плотно сдвинутыхъ органахъ, при чемъ дыханіе постепенно проходитъ близъ той точки, въ которой

¹⁾ Rad. Jugosl. Acad. IX. 81—82

они сдвинуты; оттого, въ моментъ произнесенія этихъ звуковъ, органы, посредствомъ которыхъ они произносятся, могутъ оставаться въ соответствующемъ положеніи сколько угодно, и самые звуки эти можно длить, сколько угодно. Таковы именно согласные: *в, г, ж, з, х, ш, с*. По меткому замѣчанію Шлейхера, первые отличаются отъ послѣднихъ такъ, какъ точка отличается отъ линіи ¹⁾. Удлиняя точку, мы тѣмъ самымъ уничтожаемъ ее, превращая ее въ линію, поэтому точку можно только повторять: такъ точно и мгновенные согласные звуки можно только повторять, а не длить. Очевидно, мгновенные согласные съ большимъ трудомъ произносятся, чѣмъ длительные, такъ какъ повтореніе звука требуетъ болѣе напряженной дѣятельности органовъ, чѣмъ удлинненіе его. На этомъ основаніи мгновенные согласные звуки въ количественномъ отношеніи называются сильными, а согласные длительные звуками слабыми.

Но какъ сильные звуки стоятъ не на одинаковой степени силы, такъ равно и слабые—не на одинаковой степени слабости. Возьмемъ напр. рядъ звуковъ сильныхъ: *б, д, н, т, к*. Послѣдніе три звука сильнѣе первыхъ двухъ, потому что условія образованія ихъ требуютъ большаго напряженія органовъ. Въ моментъ произнесенія ихъ голосовая щель широко открыта, и оттого, прежде разрыва органовъ, необходимаго для ихъ произнесенія, дыханіе напрягается и затѣмъ вырывается съ большей силою, чѣмъ тогда, когда мы произносимъ согласные *б, д*: въ этомъ послѣднемъ случаѣ голосовая щель закрыта, оттого, предъ самымъ разрывомъ органовъ, дыханіе напряжено не такъ сильно и вырывается не такъ стремительно, какъ въ первомъ случаѣ. Такимъ образомъ, согласные *б, д* отличаются отъ *н, т, к* своею звучностію, которая обусловлена суженіемъ голосовой щели и дѣйствіемъ голосовыхъ связокъ. Это именно тѣ самыя условія, при которыхъ образуются гласные звуки, поэтому согласные *б, д* находятся въ фізіологическомъ родствѣ съ гласными звуками. Въ нихъ есть примѣсь гласнаго элемента, въ чемъ легко убѣдиться, произнося напр. слова: *пробка, сладки* съ соблюденіемъ этимологической правильности: здѣсь послѣ *б, д* мы дѣлаемъ едва замѣтную паузу съ легкимъ привнесеніемъ въ согласные звуки глухаго гласнаго отзвука. Опираясь на гласный эле-

1) Schleich. Zur. vergleich. Untersuch. 124.

ментъ, звуки *б* и *д*, конечно, слабѣе звуковъ *п*, *т*, *к*, которые произносятся безъ всякой поддержки гласнаго элемента. Эти послѣдніе согласные мы будемъ называть, по примѣру Лавровскаго, *отзвучными*, а первые—*звучными*

Есть и между количественно слабыми согласными, какъ звучные, такъ и отзвучные. Къ первымъ относятся: *в*, *г*, *ж*, *з* и звукъ, который въ русскомъ правописаніи изображается послѣ гласныхъ въ видѣ *и*, послѣ согласныхъ въ видѣ *ь*. Само собою разумѣется, что эти согласные слабѣе другихъ слабыхъ, напр: *х*, *с*, *ш* по той же причинѣ, по которой *б* и *д* слабѣе, чѣмъ *п*, *т*, *к*. Согласные длительные звучные можно назвать вдвойнѣ слабыми звуками; слабость ихъ опредѣляется самымъ названіемъ ихъ: они, во первыхъ, *длительные*, во вторыхъ, *звучные*. Согласные мгновенные отзвучные можно назвать вдвойнѣ сильными звуками, потому что они, во первыхъ, *мгновенные*, во вторыхъ, *отзвучные*. Между этими двумя крайними точками силы и слабости стоятъ остальные согласные звуки. Одни изъ нихъ мгновенные и въ то же время звучные (*б*, *д*), другіе длительные и вмѣстѣ отзвучные (*с*, *ш*, *х*): въ каждомъ разрядѣ есть своя отдѣльная примѣта, какъ силы, такъ и слабости.

Вопросъ теперь въ томъ, какой рядъ сильнѣе: мгновенные звучные—*б*, *д* или же длительные отзвучные *с*, *ш*, *х*?

¹⁾ Терминологія этихъ согласныхъ въ разныхъ языкахъ различна: въ латинскомъ они называются *mediae* (звучные) и *tenues* (отзвучные), въ немецкомъ *tonend* и *stumm* или *tonlos*. Выходя изъ того положенія, что произнесене отзвучныхъ согласныхъ требуетъ плотнаго (твердаго) сжатія органовъ, а произнесене звучныхъ требуетъ слабаго (мягкаго) сжатія ихъ, Таузингъ утверждаетъ, что въ этихъ неодинаковыхъ условіяхъ образованія отзвучныхъ и звучныхъ заключается причина большаго или меньшаго напряженія дыханія въ моментъ ихъ произнесенія,—поэтому онъ отстаиваетъ старинное названіе отзвучныхъ твердыми, а звучныхъ мягкими согласными (*Die natürliche Lautsystem*, 22—23).... Но гораздо естественнѣе, вмѣстѣ съ Брикке, искать наиболѣе импонирующей причины слабаго или плотнаго затвора органовъ въ голосовой щели, которая при звучныхъ согласныхъ закрыта при отзвучныхъ открыта. (См. *Brücke Grundzüge der Physiologie und Systematik. d. Spachlaute*. 56).

Если характеризовать согласные звуки только затворомъ органовъ, безъ всякаго отношенія къ голосовой щели, то согласные *б, д* нужно признать болѣе сильными, чѣмъ *с, ш, х*. Но если считать голосовую щель одной изъ самыхъ важныхъ причинъ большей или меньшей плотности самаго затвора органовъ, то *б* и *д*, какъ согласные, произосимые подъ условіемъ закрытія голосовой щели, (что ослабляетъ напряженность дыханія), нужно признать болѣе слабыми, чѣмъ *с, ш, х*. Хотя послѣдніе произносятся такъ, что воздушная струя свободно проходитъ сквозь неплотно сдвинутые органы, но положеніе органовъ въ этомъ случаѣ обусловлено спеціальнымъ характеромъ самыхъ согласныхъ, изъ чего слѣдуетъ только то, что не въ одной голосовой щели заключается причина того или другаго положенія органовъ. При данномъ положеніи ихъ—сдвинутомъ или не сдвинутомъ—голосовая щель оказывается все-таки наиболѣе интензивной причиной болѣе или менѣе плотнаго затвора ихъ: сравнивая напр. *з, ж* съ отзвучными *с, ш*, находимъ, что при *з, ж* органы сдвинуты еще менѣе, чѣмъ при *с, ш*, благодаря тому, что при *з, ж* голосовая щель закрыта, и потому воздушная струя прорывается слабѣе въ моментъ произнесенія этихъ звуковъ. Съ этой точки зрѣнія можно расположить согласные малорусскаго нарѣчія, начиная съ слабѣйшихъ въ такомъ порядкѣ:

звучные длительные: *о, и, ж, з, ј*.

звучные мгновенные: *б, д*.

отзвучные длительные: *с, ш, х*.

отзвучные мгновенные: *п, т, к*.

Въ счетъ не вошли только плавные: *л, м, н, р* и сложные: *и, ч, ш*: первые относятся къ звучнымъ длительнымъ, вторые къ отзвучнымъ смѣшаннаго характера: $t + c = \text{и}$, $t + ш = \text{ч}$, $ш + t + ш = \text{ш}$. Есть еще сложный звукъ *дж*—звучный согласный такого же сложнаго мгновенно—длительнаго состава, какъ *и, ч, ш*.

Итакъ, говоря о количественномъ строѣ малорусскихъ согласныхъ, мы постоянно будемъ считать самымъ крайнимъ предѣломъ ихъ слабости близость ихъ къ гласному элементу. Согласные *в* и *ј*, переходящіе во всѣхъ языкахъ въ *у* и *і*, стоятъ на самой крайней ступени количественнаго паденія; затѣмъ, идетъ усиленіе согласныхъ, сообразно съ степенью независимости ихъ отъ вліянія звуковъ гла-

сныхъ, а также звучныхъ согласныхъ, независимости, въ силу которой отзвучные согласные, какъ болѣе сильные, подчиняють своему влиянію звучные. Основной законъ количественной ассимиляціи согласныхъ выраженъ Брикке въ слѣдующихъ словахъ: „звучный и отзвучный согласный не могутъ бытъ соединены вмѣстѣ (nie combiniert werden), такъ какъ голосовая щель не можетъ быть въ одно и то же время открытой и закрытой“¹⁾. Дѣйствительно, всѣ явленія количественнаго подъема и паденія согласныхъ звуковъ вытекають изъ несомѣстности звучныхъ и отзвучныхъ согласныхъ, но самая несомѣстность ихъ, въ примѣненіи къ частнымъ случаямъ, имѣеть свои предѣлы. Дѣло понятное, что „голосовая щель не можетъ быть *въ одно и то же время* открытой и закрытой“; если же мы, вмѣсто одновременнаго акта, представимъ себѣ два момента, быстро одинъ за другимъ слѣдующіе, то звучный согласный предъ отзвучнымъ окажется вполнѣ возможнымъ, потому что изъ закрытаго положенія голосовая щель можетъ быстро перейти въ открытое. Правда, въ этомъ случаѣ между звучнымъ и отзвучнымъ согласнымъ получится легкая пауза съ едва замѣтнымъ гласнымъ отгѣнкомъ, но этимъ самая возможность сосѣдства звучныхъ съ отзвучными нисколько не устраняется. Отзвучный остается нетронутымъ, при этомъ звучный не подчиняется его ассимилирующему влиянію.

Малорусское нарѣчіе представляетъ въ высокой степени интересную систему консонантизма, въ которомъ звучные согласные поставлены чрезвычайно самостоятельно. Вліяніе отзвучныхъ согласныхъ здѣсь, сравнительно съ другими славянскими нарѣчіями, весьма незначительно. Звучные болышею частію выдерживаются передъ отзвучными; въ свою очередь, стоя позади отзвучныхъ, превращають ихъ въ звучные. Есть даже случаи, какъ увидимъ въ послѣдствіи, превращенія отзвучныхъ въ звучные передъ отзвучными. Однимъ словомъ, консонантизмъ малорусскій, съ фізіологической точки зрѣнія, находится въ состояніи паденія.

Какъ зародился и развивался этотъ своеобразный строй малорусскихъ согласныхъ?

Отвѣта на этотъ вопросъ мы должны искать въ эпохѣ отдаленной; мы должны обратиться къ тому основному явленію въ звуковомъ

¹⁾ Brucke Grundzüge 67.

перестроѣ всѣхъ славянскихъ нарѣчій, съ котораго начали исторію малорусскаго вокализма, именно, къ паденію глухихъ гласныхъ. Поэтому мы снова остановимся на этомъ явленіи собственно въ примѣненіи къ группамъ малорусскихъ согласныхъ. Самыя группы изучать будемъ по украинскому говору, такъ какъ въ немъ малорусскій консонантизмъ достигъ наибольшей своей типичности. Впрочемъ, всякаго рода отклоненія другихъ говоровъ отъ обычной постройки согласныхъ группъ, по мѣрѣ надобности, въ своемъ мѣстѣ будутъ указаны.

2. Количественныя черты малорусскихъ согласныхъ.

Въ обзорѣ глухихъ гласныхъ мы видѣли необходимость допустить для всѣхъ славянскихъ нарѣчій тотъ доисторическій моментъ, когда они дошли къ области вокализма до полного ослабленія звуковаго строя. Въ древнеславянскомъ нарѣчій, старѣйшемъ представителѣ начальной исторіи всѣхъ славянскихъ нарѣчій, два глухіе гласные явились на-мѣстниками нѣкогда жившихъ полныхъ гласныхъ звуковъ. Есть осно-ваніе думать, что и другія славянскія нарѣчія прошли чрезъ эту стадію ниспаденія полныхъ гласныхъ элементовъ на степень глухихъ. Но вотъ наступила новая эпоха въ жизни славянскихъ нарѣчій. Какъ ни слабы были глухіе гласные, но они мало-по-малу начали падать. И эта эпоха началось своимъ восходить къ доисторическому періоду, хотя конецъ ея освѣщается первыми лучами исторической жизни, ко-торая во всѣхъ славянскихъ нарѣчійхъ начинается фактомъ паденія глухихъ гласныхъ. Фактъ этотъ можно считать основнымъ, исходнымъ пунктомъ начальной связи всѣхъ славянскихъ нарѣчій, съ другой стороны, пограничнымъ пунктомъ между ихъ доисторическимъ суще-ствованиемъ и болѣе достовѣрной эпохой исторической жизни.

Уже въ древнѣйшихъ памятникахъ славянской письменности мы видѣли паденіе глухихъ гласныхъ. Чтобы попасть на страницы ру-кописей, оно должно было существовать въ живой рѣчи, а извѣстно, что звуковыя особенности этой послѣдней древнѣе письменнаго своего воспроизведенія. Какъ бы то ни было, только въ юсовыхъ, напр., памя-тникахъ XI в. смѣшеніе глухихъ, а равно отсутствіе ихъ тамъ, гдѣ они должны были бы стоять по требованію этимологіи, наконецъ, пе-

рeness ихъ на верхъ строки въ видѣ знаковъ, а не буквъ, выражавшихъ какой нибудь звукъ,—всѣ эти явленія встрѣчаются на каждой страницѣ. Отсюда мы дѣлаемъ заключеніе, что и въ X—IX вв., изъ которыхъ почти не сохранилось письменныхъ свидѣтельствъ, глухіе гласные стояли нетвердо. Если же это справедливо въ отношеніи къ древнеславянскому нарѣчію, то нѣтъ никакихъ основаній отрицать возможность аналогическихъ явленій и для русскихъ нарѣчій въ доисторическую эпоху существованія ихъ подъ формами праязыка русскаго. И дѣйствительно, въ древнѣйшихъ памятникахъ славянорусской письменности паденіе глухихъ звуковъ выразилось, какъ мы видѣли, избыточными и, такъ сказать, оцутными фактами.

Убыль гласныхъ элементовъ въ разныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ восполнялась различнымъ образомъ. Всѣ гласные полные: *i, e, a, o, u* пошли въ ходъ для замѣны погибшихъ глухихъ, но главная роль въ этомъ отношеніи принадлежитъ звукамъ *o* и *e*. Они появились не только тамъ, гдѣ были прежде *z* и *ь*, но и вообще во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ требовалось разбить скопленіе согласныхъ. Эту эвфоническую роль они исполняютъ во всѣхъ русскихъ нарѣчіяхъ, не измѣняясь въ малорусскомъ въ любимое *i*. Очевидно, *o* и *e* вмѣсто *z* и *ь* древнѣе малорус. *i* вмѣсто основныхъ *o, e*, слѣдовательно, потребность ввести полные гласные вмѣсто глухихъ возникла раньше малорусскаго *i*, и въ свою очередь, причина, создавшая эту погрѣбность, т. е. паденіе глухихъ гласныхъ есть явленіе еще болѣе раннее. Въ древнерусской письменности оно выразилось, по нашему мнѣнію, особенно характернымъ образомъ, именно, постановкой глухихъ предъ плавными *л* и *р*, а не послѣ нихъ. Должно полагать, что побужденіемъ къ этой перестановкѣ была утрата *z* и *ь* въ смыслѣ глухихъ звуковъ, погрѣбность произнести ихъ ясно. Въ этомъ случаѣ предстояло языку поступить двояко: или совсѣмъ оставить *z* и *ь* безъ всякаго произношенія, но тогда получились бы двухчленные и трехчленные группы согласныхъ, совершенно невозможныя въ произношеніи, напр: *л(ь)и(з)ко, вр(з)ху, ср(з)д(ь)не, ир(з)к(з)ль* и проч.,—или же превратить глухіе въ полные гласные, но тогда мѣсто глухихъ послѣ плавныхъ, которые сами по себѣ достаточно удобны для произношенія и не нуждаются въ поддержкѣ полныхъ гласныхъ, должно было измѣниться. Болѣе нуждаются въ этой поддержкѣ другіе согласные звуки, и вотъ, для равновѣсія согласныхъ элементовъ съ гласными, явилась надобность поставить

бывшіе глухіе гласныя передъ плавными согласными. Заручившись полнымъ гласнымъ звукомъ, можно произнести слѣдующія затѣмъ группы согласныхъ легко и свободно, тогда какъ безъ этого условія, и притомъ при глухихъ гласныхъ, они были бы неудобопроизносимы. Такое же неудобство встрѣтилось бы и тогда, если бы предъ плавными стояли глухіе, а не полные гласные: находясь въ корнѣ слова, эти глухіе должны были бы выдерживать на себѣ напоръ голоса, соединенный большею частію съ удареніемъ, и въ то же время оставаться глухими звуками. Въ этомъ положеніи, памъ кажется, глухіе гласные должны были потерять характеръ глухихъ и прозвучать ясно: видимымъ знакомъ этой ясности и полноты звука была перестановка ихъ передъ плавные согласные; съ другой стороны, связь этого явленія съ русскимъ полногласіемъ¹⁾, т. е. съ тѣми формами, въ которыхъ впереди и послѣ плавныхъ явственно слышны полные гласные звуки, тоже свидѣтельствуешь о томъ, что *ъ* и *ь* въ слогахъ *ър*, *ьл* произносились, какъ звуки полные. Допустивъ обратное предположеніе, мы должны будемъ отвергнуть полные гласные элементы и въ полногласныхъ формахъ, что противорѣчило бы идеѣ полногласія.

Такимъ образомъ, въ самыхъ первыхъ проявленіяхъ самостоятельной жизни русскаго языка мы замѣчаемъ стремленіе возстановить полноту гласныхъ элементовъ, утраченную еще въ доисторическую эпоху. Несомнѣнно во всякомъ случаѣ, что полногласіемъ начинается документальная исторія русскаго языка, и что оно совпадаетъ съ другимъ не менѣе достовѣрнымъ фактомъ т. е. съ паденіемъ глухихъ гласныхъ въ русскомъ языкѣ. Что касается перестановки глухихъ передъ плавные звуки, а равно и превращенія глухихъ въ полные гласные передъ другими согласными, то оба эти явленія, очевидно, были плодомъ эпохи паденія глухихъ звуковъ.

Какъ отразилась эта эпоха на древнерусскомъ консонантизмѣ?

Она оставила на немъ самые разрушительные слѣды. Неизбѣжнымъ послѣдствіемъ ея было образованіе новыхъ сочетаній между звуками согласными: тѣ изъ нихъ, которые отдѣлялись прежде другъ отъ друга гласными звуками, теперь сдвинулись вмѣстѣ. Явились новыя группы согласныхъ, прежде не существовавшія, и вмѣстѣ съ тѣмъ вступила во всѣ свои права количественная и качественная ассими-

¹⁾ См. выше, стр. 62, 63, 64, 65.

ляца согласныхъ. На каждой страницѣ древнѣйшихъ памятниковъ славянскихъ и славянорусскихъ встрѣчаемъ рѣзкіе слѣды новыхъ комбинацій между согласными звуками. Для поясненія своей мысли выпишемъ нѣсколько примѣровъ изъ словъ Гр. Бѣгосл. (XI в.): *кто, многъ, все, ничтоже* ¹⁾. *створишь, бе съблизни, все краи, бес хитрости* ²⁾. Рядомъ съ опущеніемъ глухихъ, очень часто въ одномъ и томъ же памятникѣ, иногда въ одномъ и томъ же словѣ, видимъ правильное употребленіе ихъ, что, съ одной стороны, соответствуетъ сложному характеру древнерусской письменности, воспринявшей въ себя вліяніе разныхъ говоровъ и разныхъ эпохъ, съ другой стороны, до нѣкоторой степени свидѣтельствуетъ о раздвоеніи писцовъ между этимологическимъ или, лучше сказать, орфографическимъ преданіемъ и фонетикой живой рѣчи. Эта неустойчивость въ употребленіи согласныхъ такъ велика, что положительно въ иныхъ случаяхъ нѣтъ никакой возможности сдѣлать надъ ними точныя наблюденія. Такъ, есть множество примѣровъ перехода звучныхъ согласныхъ въ отзвучные передъ звучными, что противорѣчитъ основнымъ требованіямъ славянской и русской фонетики: таковы, напр., формы: *по роснамъ землямъ* (Сказ. о Бор. и Гл. XII в.) ³⁾, *сдравитѣ* (Сл. Кир. Тур. XIII) ⁴⁾, *многанды* (Жит. Ниф. XIII в.) ⁵⁾ и проч. Не менѣе часто встрѣчаемъ механическую сопоставку согласныхъ, которая, безъ сомнѣнія, существовала только на письмѣ, а не въ дѣйствительномъ произношеніи. Таковы, напр. формы: *блжство* (Служ. мип. XI в.) ⁶⁾, *огливобамъ* (Кормч. XIII в.) ⁷⁾: трудно представить себѣ, чтобы въ устахъ народа существовали подобныя трехчленные и четырехчленные группы согласныхъ.

Не все, однако же, въ этой путаницѣ правописанія можно считать фикціей. Рядомъ съ формами фиктивными, встрѣчаются формы народно-фонетическія. Такъ, нельзя сомнѣваться въ народности такихъ формъ, какъ, напр: *ид ростаго, бещисльнѣ* ⁸⁾, *ицльъ, джльч, хрицельч*,

¹⁾ Будилов. Изслѣд. яз. XIII сл. Гр. Бег.

²⁾ Из. Ак. X, V. 487—488.

³⁾ Чт. 1870 кн. I, 1.

⁴⁾ Бусл. Ист. хр. 358.

⁵⁾ Из. Ак. X, VI. 595.

⁶⁾ Из. Ак. X, V. 436.

⁷⁾ Бусл. Ист. Хр. 380.

⁸⁾ Сказ. о Бор. и Гл. Чт. 1870, кн. I, 2.

исхожаще ¹⁾). Основываясь на происхожденіи памятниковъ, можно даже иногда приурочить такого рода формы къ извѣстнымъ мѣстностямъ. Съ наибольшею рѣзкостью выступаютъ діалектическія особенности новгородскаго консонантизма: мы разумѣемъ взаимную смѣну согласныхъ свистящихъ съ шипящими: *циновъ* вм. *чиновъ* (Служб. мин. XI в.) ²⁾, и наоборотъ: *сиче* вм. *сице* (Грѣдь постн. XI в.) ³⁾ Показанія древнѣйшихъ письменныхъ памятниковъ въ этомъ случаѣ совершенно совпадаютъ съ современнымъ сѣвернымъ великорусскимъ говоромъ. Труднѣе прослѣдить по памятникамъ современный строй малорусскаго консонантизма, главнымъ образомъ, потому что самыя характеристическія особенности его можно наблюдать только въ украинскомъ говорѣ, а этотъ говоръ меньше другихъ отразился въ южнорусской письменности. Поэтому мы поставлены въ необходимость, анализируя малорусскіе согласные въ разныхъ звукосочетаніяхъ, съ наибольшею своеобразностью выступающихъ въ украинскомъ говорѣ, дать преобладающее значеніе сравнительному методу и ограничиться историческими соображеніями въ видѣ общихъ наблюденій, и только изрѣдка—въ видѣ фактическихъ указаній и сближеній. Группы согласныхъ въ украинскомъ говорѣ мы будемъ сравнивать съ древнеславянскими группами по Остромірову евангелію.

Начнемъ съ конечныхъ группъ двухчленныхъ и трехчленныхъ, потомъ перейдемъ къ двухчленнымъ срединнымъ и начальнымъ группамъ, паковецъ, къ трехчленнымъ срединнымъ и конечнымъ группамъ, а также къ немногимъ четырехчленнымъ срединнымъ.

Прежде всего, однако же, считаемъ нужнымъ сдѣлать оговорку, что мы не исключали изъ перечня согласныхъ группъ тѣхъ сочетаній, которыя получаются при измѣненіи словъ въ склоненіи и спряженіи, а равно и тѣхъ, которыя образуются въ предложныхъ словахъ изъ соединенія согласнаго, оппозищагося къ предлогу, съ начальнымъ согласнымъ самаго слова. Что касается тѣхъ группъ, которыя появляются при стеченіи двухъ словъ въ предложеніи, то онѣ не вошли въ общій списокъ всѣхъ согласныхъ группъ въ слѣдствіе особенныхъ условій своего образованія: разстановка словъ въ предложеніи обусло-

¹⁾ Галиц. ев. Истор. хр. Бусл. 42, 44, 42, 41.

²⁾ Из. Ак. X, V. 437.

³⁾ Ibid. 450.

влена гораздо болѣе логическими, чѣмъ фонетическими требованіями, поэтому, всѣ сочетанія, обязанныя въ какой бы то ни было степени постороннему влиянію, какъ сочетанія, не основанныя на строго фонетическомъ началѣ, взяты нами только для соображенія, и притомъ въ такой лишь степени, въ какой служатъ онѣ потребностямъ эвфоніи и вообще фонетики ¹⁾).

Всѣхъ конечныхъ согласныхъ группъ въ украинскомъ говорѣ малорусскаго нарѣчія 26. Вотъ онѣ:

Группы отзвучныя: СТ, СТЬ (*зріст, вість*), СК (*приск*—горячая зола), ПТ: (*кошт, куншт*—слова заимствованныя), ПЧ=ПЦ: (*доци*). Славянскую форму слова: *дждь* возводятъ къ санскр. *дадh-ап, дадh-г* ²⁾). Посредствующей формой между славянс. *дждь* и малорус. *доци* можно считать встрѣчающуюся въ Поуч. Ефр. Сирина форму: *дожь*—и даже раньше въ Галиц. ев. (XII в.): *дъжь, дъжити* ³⁾). Вообще группа ЖЧ вмѣсто ЖД довольно обычна въ древнѣйшихъ южнорусскихъ памятникахъ. Такъ, въ Луцк. св. (XIV в): *ижченеть* вм. *ижденеть, рожчыє*, вм. *рождыє* ⁴⁾). Потебня видитъ въ этой группѣ посредствующую ступень между основной группой ЖД и малорус. ПЦ, (*ши*) ⁵⁾, но оставляетъ все таки нерѣшеннымъ вопросъ о появленіи отзвучной группы ЖДЖ. Ступени въ развитіи этой послѣдней группы, по его мнѣнію, такія: ЖДЖ, ЖДЖЖ, ЖДЖ и, наконецъ, ЖГЖ—оригинальная группа, встрѣчающаяся въ древнѣйшихъ русскихъ памятникахъ, напр. въ Стихирарѣ 1154 г: *одъжизивыи*, въ Новгороде. 1-й лѣтописи по сино-

¹⁾ Весьма можетъ быть, что за недостаткомъ сколько нибудь дѣльнаго малорусскаго словаря, нашъ перечень можетъ оказаться неполнымъ. Мы считали группы согласныхъ по рукописному словарю Бѣлецкаго—Носенко, наиболѣе полному изъ всѣхъ намъ извѣстныхъ малорусскихъ словарей. Впрочемъ, неполнота нашего исчисленія, обусловленная недостаткомъ одного изъ самыхъ необходимыхъ пособій, не представляется намъ значительной. Думаемъ, что и въ томъ матеріалѣ, который мы успѣли собрать, есть достаточно данныхъ для того, чтобы сдѣлать соотвѣтствующіе выводы относительно характера малорусскихъ согласныхъ.

²⁾ Fick. Vergleich. Wörterb. indogerm. Spr. 1871. 98.

³⁾ Потеб. Зам. 82.

⁴⁾ Восток. Опис. рукоп. Рум. муз. 176.

⁵⁾ Потеб. Зам. 81.

дальному списку и въ Ипатьеве. лѣтописи: *дождь, дождью* ¹⁾. Оставляя въ сторонѣ неясное для насъ появленіе *и* въ этомъ словѣ, мы думаемъ, что форма: *дождь* образовалась путемъ диссимиляціи, которая наступила тогда, когда почувствовалась надобность отбѣнить въ произношеніи два однородные звука: Ж + ДЖ, тѣмъ болѣе, что это были конечные звуки, не опиравшіеся на гласный элементъ. Диссимилироваться долженъ былъ послѣдній звукъ, иначе совсѣмъ не было бы слышно перваго. Такимъ образомъ, изъ ЖДЖ явилась группа ПТШ, т. е. ЖЧ, а загѣмъ, съ теченіемъ времени, предъ отзвучнымъ *и* и звукъ *ж* долженъ былъ потерять свою звучную природу, т. е. превратиться въ *ш*. Въ этомъ смыслѣ группу ЖЧ можно считать посредствующей формой между ЖДБ и позднѣйшей ПЧ.

Группы полузвучныя: РК (*зирк*), РГ (*хорт*), РХ (*верх*), РЧ (*сторч*), ЛЬК (*ульк*), ЛТ (*валт*—заимств.), ЛЫШ (*блыш*), НК (*шинк*—заимств.), ПГ (*винт*—заимств.), ПШ (*чинш*—заимств.), ВК (*вок*), ВП (*богъ*), ВЧ (*жовч*), ВШ (*кови*).

Группы звучныя: РВ (*скарб*), РГ (*торг*), РЖ (*корж*), РМ (*порм*), ВВ (*стовб*), ВЖ (*вдовж*), ЗД (*царазд, воздъ*), ЗК (*бряк*).

Итакъ, конечныхъ группъ отзвучныхъ 4, полузвучныхъ 14, вполне звучныхъ 8.

Въ древнеславянскомъ нарѣчій въ концѣ словъ, какъ извѣстно, стояли глухіе гласные, и потому въ немъ не было ни одного изъ приведенныхъ нами малорусскихъ окончаній. Они образовались постепенно, по мѣрѣ паденія глухихъ гласныхъ, и въ этомъ отношеніи составляютъ продуктъ очень давнихъ превращеній, которымъ въ большей или меньшей степени подверглись всѣ славянскія нарѣчія. Съ своей стороны считаемъ нужнымъ только указать особенности въ постройкѣ конечныхъ группъ малорусскихъ.

Нельзя не замѣтить въ малорусскомъ нарѣчій стремленія, по мѣрѣ возможности, облегчить произношеніе согласныхъ окончаній, если они состоятъ изъ группъ отзвучныхъ. Вотъ почему конечныхъ двухчленныхъ группъ, которыя бы состояли изъ мгновенныхъ согласныхъ, въ малорусскомъ нарѣчій вовсе нѣтъ: здѣсь возможны только такія отзвучныя группы, въ которыхъ предшествующій элементъ длительный, т. е. звукъ болѣе удобный въ произношеніи, чѣмъ согласный

¹⁾ Потеб. Зам. 84.

мгновенный. Да и вообще отзвучныхъ группъ, сравнительно съ общимъ числомъ двухчленныхъ группъ, очень немного. Что касается трехчленныхъ группъ, то ихъ на концѣ словъ совсѣмъ нѣтъ, даже въ томъ случаѣ, когда въ концѣ стоятъ удобные для выговора плавные *p, l*: обыкновенно въ этомъ случаѣ вставляется гласный элементъ: *Днѣстер, клейстер* и проч. Тотъ же звукъ *e* и съ тою же цѣлю появляется иногда и въ двухчленныхъ окончанияхъ: *рубель, корабель* вм. великорус.: *рубль, корабль*. Трехчленные окончания переводятся такимъ образомъ въ двухчленные, двухчленные—въ одночленные; съ этою послѣднею цѣлю иногда просто отбрасывается конечный согласный звукъ, что видно, напр. изъ слова: *четвер(и)*. Путемъ отбрасыванія одночленного окончания пропадаютъ, и слово обнажается до гласнаго элемента: *спасиб(и), проб(и) (про Бога)*. Однимъ словомъ, гласныя окончания составляютъ нѣчто искомое въ малорусскомъ нарѣчїи. Въ этомъ убѣждаетъ насъ цѣлый рядъ характеристическихъ фактовъ.

Во 1-хъ, во многихъ словахъ мы встрѣчаемъ гласныя окончания тамъ, гдѣ въ древнеславянскомъ нарѣчїи стоялъ глухой звукъ *z*, напр: *Днѣпрѣ, Павло, пѣснѣ*. Гласный звукъ въ этихъ и подобныхъ формахъ обязанъ своимъ появленіемъ не ударенію, что видно изъ словъ: *Данило, пѣшимо, стѣпимо*. Окончаніе *мо* въ повелит. наклоненїи глаголовъ встрѣчается уже въ XIII в. въ древнѣйшемъ южнорусскомъ памятникѣ—въ поученїяхъ Ефр. Сирина: *покоимся, поразумѣймо, работаємо, послушаємо* ¹⁾.

Во 2-хъ, во всѣхъ говорахъ малорусскаго нарѣчїя распространена вокализация нѣкоторыхъ согласныхъ. Такъ, древнеславянское окончаніе спрягаемаго причастїя *лз* вслѣду слышится, какъ краткое *у*, которое, вмѣстѣ съ предшествующимъ гласнымъ звукомъ, составляетъ дифтонгъ: *знау, ходиу терпю*. Довольно ощутима эта форма въ Словѣ Иларїона (по рукоп. XIV в.): *гевангельскїи источникъ наводниосл. и всю землю покрывш. и до насъ промѣлосл.* ²⁾. Вся эта фраза построена не въ видѣ придаточнаго предложенїя, слѣдовательно, сказуемое въ ней выражено спрягаемымъ причастіемъ, а не склоняемымъ. Смѣшенїе одного причастїя съ другимъ началось, по видимому, очень рано, судя по тому, что въ Сборн. 1073 г. есть такая фраза: „*иже третїе ѣ*

¹⁾ Срезн. Свѣд. I, 49—50.

²⁾ Сборн. Царск. Чт. 1848, № 7.

давъ 1)“. Но очевидно, смѣшеніе это обусловлено эвфоническою потребностью вокализовать согласный звукъ *л*. Посредникомъ въ самомъ процессѣ вокализаціи явился звукъ *о*—согласный звучный, легко переходящій въ элементъ чисто гласный *у*. Наклоненіе *о* къ *у* замѣтно во всѣхъ русскихъ нарѣчіяхъ и встрѣчается притомъ въ самыхъ древнихъ памятникахъ. Такъ, въ Волинскомъ спискѣ поученій Ефр. Сирипа (XIII в.) видимъ частый обмѣнъ *о* съ *оу*: *оуспрашемъ, оу часть, оу паубу*, и наоборотъ: *повчильные, навчила, вродно*. При этомъ любопытно колебаніе писца, разомъ желавшаго угодить правописанию и народной фонетикѣ: вм. *въ* онъ ставитъ иногда *ѣвъ*: *ѣвъ молитвахъ, ѣвъ спасеніи* 2). Въ XIV в. этотъ обмѣнъ составляетъ уже настоящую принадлежность южнорусскихъ актовъ и вообще южнорусской письменности. Такъ, въ Луцкомъ евангеліи очень часто стоитъ *оу* вм. *въ*, и наоборотъ: *оускрпшю, оуторая, оусему, оуспыхъ, аоурама, вѣна оу церкви, вѣмерти, вѣже, вѣхо* 3). Вокализація *о* въ *оу* въ то время и раньше была явленіемъ, видимо, распространеннымъ не на одномъ югѣ: въ Смоленс. грам. XIII в. читаемъ: *оу Роусе, оу Ризе, ѣздоумалъ, оузати* 4). Оно было обычно и въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ, что видно, напр., изъ сербс. еванг. XII в.: *ѣстане, вѣмрти* 5), а также изъ юсовыхъ памятниковъ: такъ, въ Тріоди Григор. (XII—XIII в.) есть такія формы: *вѣзрять, вѣпраудати, вѣпраудѣ* 6). Но составляя въ древнее время фонетическую принадлежность не однихъ русскихъ нарѣчій, обмѣнъ *о* съ *у* получили особенно широкое развитіе въ нарѣчіяхъ малорусскомъ и сербскомъ. Въ первомъ изъ нихъ *о* звучитъ совершенно гласнымъ элементомъ не только въ концѣ словъ, но и въ срединѣ, особенно послѣ гласныхъ звуковъ: *заутра, прауда*. Въ характерѣ малорусскаго *о* такъ много гласнаго элемента, что въ украинскомъ и сѣверномъ малорусскомъ говорѣ онъ никогда не можетъ перейти въ отзвучный согласный *ф*. Этотъ послѣдній звукъ встрѣчается только въ галицкомъ говорѣ, особенно въ лемковскомъ разнорѣчии.

1) Ламанс. Опис. слав. рукоп. 68.

2) Срезн. Свѣд. 50—51.

3) Вост. Опис. рукоп. Р. М. 176.

4) Бусл. Ист. христ. 350. 351. 349. 351.

5) Срезн. Свѣд. 33.

6) Срезн. Юсов. пам. 119.

Итакъ, мы полагаемъ, что древнеславянскій слогъ *лѣ* вокализировался въ малорус. нарѣчїи не прямо, но посредствомъ *ѡ*, что этотъ звукъ раньше началъ переходить въ *у*, чѣмъ *лѣ* въ *ѡ* и потомъ въ *у*. Когда установилась вокализациа *ѡ*, тотчасъ и родственное ему твердое *л*, которое въ нарѣчїяхъ сербскомъ, словацкомъ и чешскомъ относится къ разряду гласныхъ звуковъ, перешло въ *у*.

Говоря о вокализации *лѣ* въ *у*, мы должны, однако же, постоянно имѣть въ виду краткость этого звука. Являясь въ слогѣ въ качествѣ элемента краткаго, *у* не производитъ на слухъ впечатлѣнїя полного гласнаго звука: это звукъ, такъ сказать, двухстихійный, полугласный. Онъ легко переходитъ въ согласный звучный *ѡ*, если за нимъ слѣдуетъ гласный звукъ: *ѡ-ѡ-ен* вм. *ѡун*, древнесл. *члѣнъ*, *по-ѡ-ен* вм. *поун*, древнесл. *плѣнъ*. Аналогическія формы въ сербскомъ нарѣчїи: *пун*, *чун* объясняются подъемомъ гласнаго элемента *лѣ* въ *у*, тамъ же, гдѣ *л* послѣ гласныхъ переходитъ въ *ѡ* (*ѡио*—билъ, *ѡѡ*—золъ), признаютъ вокализацию согласнаго *л* въ *ѡ*¹⁾. Намъ кажется, вокализацию *л* можно допустить и въ формахъ: *пун*, *чун* изъ *плѣнъ*—*повн*, *поун*, затѣмъ, путемъ стяженїя, *пун*. Въ малорусскомъ нарѣчїи стяженїя этихъ формъ не воспользовалось: однѣ изъ нихъ остались при согласномъ *ѡ* съ неорганическимъ *е*: *по-ѡ-е-н*, другїя—при полугласномъ *ѡ* предъ согласными звуками, которые за этимъ *ѡ* слѣдуютъ: *ѡѡк*—*ѡлѣкъ*, *ѡѡствъ*—*плѣствъ*, *ѡѡѡѡ* и *ѡѡѡѡн*—*стлѣѡѡ*. Такимъ же полугласнымъ элементомъ является *ѡ* въ малорусскомъ нарѣчїи и въ концѣ словъ: *пѣшоѡ*, *хѡдиѡу*, *казаѡу*. Такъ какъ само по себѣ *у* не составляетъ здѣсь слога, то, очевидно, комплексы: *ѡу*, *ѡѡ*, *ѡѡ* относятся къ разряду дифтонговъ. Такъ какъ, съ другой стороны, это *у*, при встрѣчѣ съ другимъ словомъ, которое начинается съ гласнаго звука, легко отвердѣваетъ въ согласный звукъ *ѡ*, (напр: *знаѡ ѡ*), то его можно считать полугласнымъ, и потому *ѡѡ*, *ѡѡ*, *ѡѡ* мы считаемъ неполными дифтонгами, полудифтонгами. Поэтому въ транскрипции этихъ звуковъ мы удерживаемъ форму среднюю между *л* и *у*, т. е. *ѡ* *ѡѡк*, *знаѡ* и проч.

Такимъ образомъ, посредствомъ вокализации конечнаго *л*, согласными одночленныя окончанїя переведены въ малорусскомъ нарѣчїи въ полугласныя: гласный элементъ, обезсиленный въ концѣ словъ паденїемъ глухихъ звуковъ, путемъ позднѣйшихъ превращенїй, былъ до

¹⁾ Jagić. Gram. Jez. Hervats. 73.

извѣстной степени снова возстановленъ. Правда, далеко не то представляютъ уже нынѣ малорусскія окончанія словъ, чѣмъ они были въ праязыкѣ русскомъ въ эпоху глухихъ гласныхъ. Мы насчитали 26 двухчленныхъ согласныхъ окончаній; вмѣстѣ съ тѣмъ, съ паденіемъ *ъ* и *ь*, получилаcя огромная масса согласныхъ одночленныхъ окончаній. Но если признавать древнеславянское нарѣчіе отраженіемъ древнѣйшаго звуковаго строя нарѣчій русскихъ, то не слѣдуетъ забывать, что и въ древнеслав. нарѣчій не каждое слово оканчивалось гласнымъ звукомъ. Такъ, всѣ юсовыя окончанія замыкались согласнымъ звукомъ *и* (*има, водъ* и проч.); кромѣ того, многія слова оканчивались согласнымъ элементомъ іотой (*край, шой*) ¹⁾. Съ другой стороны, въ современномъ состояніи малорусскаго нарѣчія, гласныхъ окончаній въ немъ гораздо больше, чѣмъ во многихъ славянскихъ нарѣчійяхъ. Собственно говоря, во всѣхъ славянскихъ нарѣчійяхъ большая часть словъ и донныѣ оканчиваются гласнымъ звукомъ, а въ тѣхъ случаяхъ, когда они оканчиваются согласнымъ звукомъ, встрѣчаются въ концѣ простые согласные чаще, чѣмъ группы согласныхъ. Что касается сравнительнаго отношенія согласныхъ звуковъ къ гласнымъ въ разныхъ славянскихъ нарѣчійяхъ, то, по счету Гаттала, сдѣланному на основаніи славянскихъ переводовъ молитвы: „Отче нашъ“, оно является въ такомъ видѣ. Въ языкѣ древнеслав. между

	56	словами	47	гласныхъ	окончаній	и	9	согласныхъ.
Въ сербскомъ	53	. . .	42	. . . . .	. . . . .	. . . . .	. . . . .	11
Въ босняцкомъ	49	. . .	35	. . . . .	. . . . .	. . . . .	. . . . .	14
Въ словинскомъ	50	. . .	30	. . . . .	. . . . .	. . . . .	. . . . .	20
Въ русскомъ	52	. . .	32	. . . . .	. . . . .	. . . . .	. . . . .	20
Въ биб. Лонд.	52	. . .	28	. . . . .	. . . . .	. . . . .	. . . . .	24
Въ польскомъ	51	. . .	31	. . . . .	. . . . .	. . . . .	. . . . .	20
Въ верхнелуж.	51	. . .	31	. . . . .	. . . . .	. . . . .	. . . . .	20
Въ нижнелуж.	51	. . .	33	. . . . .	. . . . .	. . . . .	. . . . .	18
Въ словацкомъ	50	. . .	29	. . . . .	. . . . .	. . . . .	. . . . .	21
Въ чешс. катол.	50	. . .	26	. . . . .	. . . . .	. . . . .	. . . . .	24
Въ Крал. биб.	50	. . .	25	. . . . .	. . . . .	. . . . .	. . . . .	25

Гаттала жалуется на недостатокъ малорусскаго словаря, что помѣшало ему сдѣлать счетъ согласныхъ группъ для малорус. нарѣчія ²⁾.

¹⁾ Hattala. De contiguarum consonant. mutatione. 25—33.

²⁾ Ibid. 71.

На основаніи рукописныхъ источниковъ, которые были намъ доступны, мы вознамѣрились восполнить пробѣлъ въ сравнительномъ обзорѣни согласныхъ группъ, предложенномъ Гатталой. Въ малорусскомъ переводѣ молитвы господней по Пересопницкому евангелію изъ 53 словъ — 38 окончаній гласныхъ и только 14 согласныхъ, при чемъ два слова оканчиваются ютой³⁾. Въ малорусскомъ переводѣ евангелія, изданнаго въ Вѣнѣ въ 1871 г., всѣхъ словъ въ молитвѣ Господней тоже 53; изъ нихъ 37 оканчивается на гласный звукъ, а 16 на согласный: въ числѣ этихъ 16 пять словъ оканчиваются ютой. Слѣдовательно, сравнительно съ другими славянскими нарѣчiami, по количеству гласныхъ окончаній, малорусское нарѣчіе занимаетъ первое мѣсто послѣ сербскаго и стоитъ почти рядомъ съ босняцко-сербскимъ говоромъ. И дѣйствительно, въ ряду другихъ славянскихъ нарѣчій, сербское и малорусское отличаются изобиліемъ гласныхъ элементовъ.

Но есть въ малорусскомъ нарѣчii специально ему свойственное средство удерживать оггѣнокъ гласности въ самыхъ согласныхъ звукахъ, въ слѣдствіе чего облегчаются согласныя окончанія словъ. Мы разумѣемъ предпочтеніе, оказываемое малорусскимъ нарѣчіемъ согласнымъ звучнымъ предъ отзвучными. Мы уже видѣли, что въ моментъ произношенія звучныхъ согласныхъ напрягаются и дѣйствуютъ голосовыя связки, поэтому къ этимъ звукамъ примѣшивается гласный звучащій оггѣнокъ. И вотъ, въ слѣдствіе тяготѣнія къ гласнымъ окончаніямъ, въ малорусскомъ нарѣчii господствуютъ звучные согласные въ окончаніяхъ словъ: чисто звучныхъ двухчленныхъ окончаній почти въ три раза больше, чѣмъ отзвучныхъ, въ остальныхъ согласныхъ группахъ звучный элементъ уравнивается съ отзвучнымъ. Что касается до одночленныхъ согласныхъ окончаній, то они имѣютъ ту особенность въ малорусскомъ нарѣчii, что звучные, по исключеніи глухихъ гласныхъ, не переходятъ въ отзвучные: *лоб, поріи, мед, нж, вж, а не лоп, поріх, мет, нш, вш*. Въ этомъ отношеніи малорусское нарѣчіе представляетъ контрастъ не только съ великорусскимъ, но и со всѣми остальными славянскими нарѣчiami.

Во всѣхъ ли говорахъ малорусскаго нарѣчii одинаково выдержаны звучные согласные въ концѣ словъ?

Головацкій и Осадца утверждаютъ, что звучные согласные въ

³⁾ Перес. ев. Лук. гл. II, вѣч. 55.

галицкомъ говорѣ выговариваются, какъ соответствующіе имъ отзвучные: *лоб*, *хлб*, *червь* (?), *дід*, *облі*, *князь*, *сторож* произносятся: *лон*, *хлін*, *черфь* (?), *діт*, *обліх*, *княсь*, *сториш* ¹⁾. Въ образцахъ галицкой рѣчи, записанныхъ для нашего изслѣдованія, мы не нашли подтвержденія мнѣнію, высказанному двумя галицкими учеными. Изрѣдка только встрѣчается ассимиляція звучныхъ въ отзвучные въ срединѣ словъ, но никакъ не въ концѣ. Такъ же точно и въ образцахъ сѣвернаго малорусскаго говора, для насъ записанныхъ, звучные согласные вполнѣ выдержаны въ концѣ словъ, не выдержаны иногда въ срединѣ. Было бы желательно провѣрить этотъ фактъ новыми наблюдениями въ наибольшемъ количествѣ мѣстностей, — теперь же, на основаніи тѣхъ данныхъ, которыя находятся въ нашемъ распоряженіи, можно сказать съ полною увѣренностію, что въ украинскомъ говорѣ законъ сохранения звучныхъ согласныхъ проведенъ во всѣхъ подробностяхъ. Что касается другихъ малорусскихъ говоровъ, то въ концѣ словъ онъ, видимо, соблюдается съ большею настойчивостію, чѣмъ въ срединѣ. Можетъ быть, въ какихъ нибудь галицкихъ разнорѣчіяхъ Головацкому удалось слышать записанныя имъ формы: *лон*, *хлін*; сомнѣваемся, впрочемъ, чтобы гдѣ нибудь въ Галиціи говорили: *черфь*. Звукъ *ф*, дѣйствительно, существуетъ въ галицкомъ говорѣ, но только въ словахъ заимствованныхъ (*файний*, *Федір*) и притомъ, сколько намъ извѣстно, не въ ерированномъ видѣ. Въ грамматикахъ Головацкаго и Осадцы постоянно смѣшиваются элементы галицкой рѣчи съ обще-малорусскими, а тѣ и другіе съ великорусскими и даже славянскими, а потому переходъ конечныхъ звучныхъ въ отзвучные въ галицкомъ говорѣ мы должны считать показаніемъ сомнительнымъ до тѣхъ поръ, пока явленіе это не будетъ подтверждено фонетически — вѣрно записанными фактами. Наше сомнѣніе въ вѣрности наблюдений, сдѣланныхъ Головацкимъ, оправдывается, между прочимъ, тѣмъ соображеніемъ, что въ собственномъ изданіи пѣсенъ онъ чуждается фонетической транскрипціи, маскируя дѣйствительный звукъ этимологическимъ правописаніемъ. ²⁾

¹⁾ Голов. Грам. рус. яз. 31. Осад. 37.

Избѣгая голословности, выписываемъ первую попавшуюся намъ пѣсню:

Вонъ, хлопці, вонъ, на горѣ лёнъ,
 На долині зеленецъ, за три гроши молодець,
 А за таларь дѣвка!

Вообще намъ кажется, что отсутствіе или же, по крайней мѣрѣ, слабое развитіе ассимиляціи звучныхъ въ отзвучные есть основная и вмѣстѣ съ тѣмъ характеристическая черта всѣхъ малорусскихъ говоровъ, и что она проведена только въ говорахъ сѣверномъ и галицкомъ съ меньшею послѣдовательностію, чѣмъ въ украинскомъ. Она явилась, по нашему мнѣнію, не сразу, а мало-по-малу, по мѣрѣ паденія глухихъ гласныхъ, въ связи съ другими превращеніями въ области вокализма, о которыхъ скажемъ въ послѣдствіи, явилась, какъ рефлексивная замѣна въ области согласныхъ нѣкогда жившаго гласнаго элемента. Она вызвана потребностію усилить вокальные средства языка, истощившіяся потерей глухихъ гласныхъ, слѣдовательно, черта эта выражаетъ не столько моментъ слабости вокализма, сколько моментъ обратнаго движенія его къ самовозстановленію.

Мы еще будемъ имѣть много случаевъ возвращаться къ выводамъ изъ факта, подлежащаго нашему изслѣдованію, теперь же ограничимся общимъ замѣчаніемъ, что въ концѣ словъ въ малорусскомъ нарѣчій положительно преобладаютъ звучные элементы. Они существуютъ, во первыхъ, въ видѣ огромнаго большинства гласныхъ окончаній, во вторыхъ, въ видѣ двухчленныхъ и одночленныхъ звучныхъ согласныхъ окончаній.

Мои любви ластѣвочки,
 Просили васъ, матѣвочки.
 Ой сойдѣтся вразъ,
 И въ долоні трясъ. (Чт. 1866 г. кн. 3-я, 688—689).

По поводу этого отрывка можно было бы предложить много вопросовъ, но мы ограничимся слѣдующими:

Чѣмъ отличаются въ произношеніи *и* отъ *ь*? Какъ звучитъ въ словѣ: *люби* (имен. множ.) буква *и*—какъ среднее *и* или же, какъ острое, неогитированное *и*? Зачѣмъ написано *вразъ*, когда, по требованію фонетики, заявленному самимъ Головацкимъ въ его грамматикѣ, *з* должно перейти въ отзвучное *с*? Зачѣмъ вообще допущена эта сбивчивость въ правописаніи, которое, посредствомъ надстрочныхъ знаковъ, какъ будто бы стремится уловить дѣйствительный звукъ, при всемъ томъ остается при этимологической, отчасти великорусской, отчасти славянской традиціи и, такимъ образомъ, преслѣдуя разомъ двѣ цѣли, ни одной изъ нихъ не удовлетворяетъ, какъ слѣдуетъ?

Переходимъ къ двухчленнымъ группамъ согласныхъ въ началѣ и въ срединѣ словъ.

Сперва исчислимъ начальныя группы звучныя, потомъ отзвучныя, наконецъ, полувзвучныя.

Звучныя:

ВР (*враи*), БР (*брати*), ДР (*драти*), ГР (*грати*), ЗР (*зрзати, зрубати*), МР (*мрти*).

Приведенныя нами формы съ начальной группой ЗР образовались на почвѣ малорусскаго нарѣчія: потеря глухого *з* въ предлогѣ *съ* (*сзрзати, сзрзбити*) повлекла за собою непосредственную встрѣчу отзвучнаго *с* съ звучнымъ *р*. Послѣдствія очевидны.

Б.І (*блиати*), В.І (*влучити*), Г.І (*глядити*), З.І (*злodzi, злагати*), М.І (*млии*).

Злагати образовалось изъ *сзлагати* такимъ же путемъ, какъ *зрзати* изъ *сзрзати*.

ГН (*гнати, гнтити*), ДН (*дно, днати*), ЖН (*жниво*), ЗН (*знати*), МН (*мяти, мясо*).

Группы ДН и ЖН въ началѣ словъ мало употребительны: онѣ образовались въ слѣдствіе потери глухихъ гласныхъ, вторая — изъ древнѣйшей формы: *жнѣж*. Звукъ *н* въ группѣ *мн* эвфоническаго происхожденія: онъ замѣняетъ эпентетическое *л*, при помощи котораго устраняется непосредственная встрѣча губныхъ съ йотированными гласными

ДМ, ДБМ (*дму, видьма*), ЖМ (*жму, жменя*), ЗМ (*змилюватись, змоти*).

Всѣ три группы предполагаютъ потерю *з* и *в*; въ группѣ ЗМ звучный *з* образовался изъ *с* посредствомъ ассимиляціи. *Змоти* предполагаетъ *въззмоти* (въ Сборн. 1073: *възможсе*)¹⁾: трехчленная группа, образовавшаяся по исключеніи *з*, превращена въ двухчленную.

ГВ (*гвалт*, нѣмецк. *gewalt*), ДВ (*двери, двір*), ЖВ (*жавий*), ЗВ (*зводити, зважити*), РВ (*рвати*).

Въ послѣднихъ словахъ *з* изъ *с* передъ звучнымъ *в*.

ВВ (*вбачати*), ВГ (*вганяти, вилмувати*, нѣмец. *hemmen*), ВД (*вдачи*), ВЖ (*вживати*), ВЗ (*взаводи, взяти*), ВМ (*вмити*).

¹⁾ О томъ, что здѣсь *н* не изъ *л* см. Потѣб. О звук. особ. 129.²

²⁾ Изъ. Ак. X, V. 426.

Вездѣ звучное *в*, переходящее въ *у*, если передъ нимъ стоитъ слово, оканчивающееся на согласный звукъ: (*хлба взяти, хлб узяти, добре вжити, такъ умжити*).

ЗБ (*збир, збивати*), ЗГ (*задати*), ЗД (*здоровийа*), ЗЖ (*зжарити*)

Большею частію въ словахъ этого рода *з* изъ *с*. Ассимиляция *с* въ *з*, явственно, хотя и не твердо, является въ памятникахъ XIV в: такъ, въ одномъ и томъ же памятникѣ (Златая цѣнь) есть: *здрави и*

жб (*жбан*), *жд* (*ждати*), *жл* (*жлукто*—слово неизвѣстнаго намъ происхожденія).

Обѣ группы мало употребительны, какъ и въ древнесл. нарѣчи, гдѣ, рядомъ съ *жбанецъ*, въ одномъ и томъ же значеніи есть форма: *чванъ* ²⁾.

БГ (*бати*), БЖ (*бжола и бджола*).

Тоже рѣдкія группы. Въ словѣ: *бжола* мы видимъ превращеніе отъзвучнаго *ч* въ звучный *ж*. Въ Остром. ев: *бчела* ³⁾, въ Сборн. 1073 г: *бчела* ⁴⁾, по исключеніи *ъ* или *ь*: *бчела* (Слов. Кир. Тур. XIII в. ⁵⁾ отсюда, путемъ регрессивной ассимиляціи, образовалась великорусская форма: *пчела*, путемъ ассимиляціи прогрессивной—малорус. *бжола*. Не менѣе характеристично образованіе слова: *бати*. По всей вѣроятности, оно произошло изъ основной формы: *пъгати*, что видно, между прочимъ, изъ выраженія: *коровай бати* (мѣсить тѣсто для приготовления свадебнаго печеня).

ДБ (*дбати*), ДЖ (*джерело*), ДЗ (*дзвн*).

Слово: *дбати* (чеш. *dbáti*), по мнѣнію Гатталы ⁶⁾, образовалось посредствомъ перестановки изъ древнеслав: *бдѣтти*: по исключеніи *ъ*, звучный сохранился предъ звучнымъ. Присутствіе *д* въ начальныхъ группахъ: ДЖ и ДЗ удобнѣе всего объясняется специальною потребностію малорусскаго консонантизма усиливать звучный элементъ въ согласныхъ группахъ.

¹⁾ Бусл. Ист. хр. 494, 499.

²⁾ Miklos. Lex. 194, 1114.

³⁾ Изд. Вост. 44.

⁴⁾ Бусл. Ист. хр. 261.

⁵⁾ Ibid. 357.

⁶⁾ Nat. O pocatec. skup. 63.

КН (*кнѣти, кнѣтися*), ПТ (*птах*), ПХ (*пхати*), ПШ (*пше-
ниця*), ПС (*псувати*), ТК (*ткач*), ТХ (*тхир*), СБ (*скибка*), СХ (*схад*),
СП (*спровадити, спати*), СТ (*стояти*), СЦ (*сцятати, сцильник*), ЦБ
(*цѣкувати*), ЧХ (*чхати*), ШБ (*шюда*), ШШ (*шпиц, шпигати*), ШТ
(*штовхати*), ШЧ (*шчо=що*), ХТ (*хто*).

Группы: КН, ПТ, ПХ, ПС, ТК, ТХ, ЦБ, ЧХ, ХТ очень рѣдко
встрѣчаются, притомъ нѣкоторыя изъ нихъ не туземнаго происхожде-
нія. *Кнѣти* изъ нѣмецкаго *kebs* чрезъ польск. *kiep*. *Псувати* = польск.
psowac (древнеслав. *пъсѣ*). Много словъ заимствованныхъ приходится
также на группы: ШБ, ШШ, ШТ: *шюда*, нѣмец. *Schaden*, древне-
верхненѣм. *scado* ¹⁾, *шпиц*, нѣмец. *Spitze*, древневерхненѣм. *Spizga* ²⁾,
штовхати, нѣмец. *stossen*. Основная форма *що* есть *што*. Переход-
ной формой мы считаемъ встрѣчающееся въ древнѣйшихъ памятни-
кахъ *што*. Первый составной элементъ звука *ч* (*тчи*), т. е. *т*, по на-
денію глухаго *ь*, вмѣстѣ съ длительнымъ *ш*, оказался предъ другимъ
т, отсюда не *тшто*, но *што* въ слѣдствіе диссимиляціи мгновенныхъ
согласныхъ. Затѣмъ послѣдующій согласный качественно уподобился
предыдущему шипящему, и такимъ образомъ изъ *што* образовалась
форма: *що*. Эта послѣдняя форма встрѣчается уже въ очень древнихъ
памятникахъ, напр. въ Парамейн. Григор. (XII в.): *що* ³⁾, въ Погод.
псалт. (XII в.): *рекъ Юода що ми хочете дати* ⁴⁾. — Изъ отзвучныхъ
начальныхъ группъ наиболѣе терпимы тѣ, въ которыхъ первый звукъ
длительный.

Группы начальныя полувзвучныя.

На 1-мъ мѣстѣ отзвучныя мгновенныя, на 2-мъ звучныя:

КР (*крити*), ПР (*прати*), ТР (*трусити*), К.І (*класти*), П.І
(*плавати*), КН (*князь*, литовск. *kinigas*, древневерхненѣм. *chuning*),
Т.І (*тло, тлти*), КВ (*квас*), ТВ (*твердый*).

На 1-мъ мѣстѣ отзвучныя длительныя, на 2-мъ звучныя:

СР (*србло*), ХР (*хрест*), ПР (*шрам*), С.І (*слово*), Ш.І (*шлях,
шляхта*), Х.І (*хлб*), СН (*сми*), СМ (*смих*), ЦМ (*цмонати*), ЧМ (*чми-*

¹⁾ Miklos. Die Fremdwort. 57.

²⁾ Ibid. 54.

³⁾ Бусл. Ист. хр. 643.

⁴⁾ Ламанс. Опис. сл. рук. 49.

⁵⁾ Miklos. Fremdwört. 27.

хати), ПМ (*имаруости*), ХМ *хмль*, СВ (*світ*), ЦВ (*цвіт*), ЧВ (*чвалати*), ХВ (*хвила*), ППВ (*швацка*).

Группы съ плавными *р* и *л* очень употребительны; впрочемъ, сравнительно съ древнеслав. нарѣчьемъ, въ малорус. ихъ меньше: причина заключается въ перестановкѣ славянскихъ слоговъ *рѣ*, *лѣ* въ *ор*, *ол*: *крьмити*, *прѣстень*, *трѣгъ*, *плъгъ*, *тлѣкати* въ малорусскомъ, какъ и въ великорусскомъ: *кормити*, *перстень*, *торгъ* и проч. Группа ХР вм. КР встрѣчается въ древнѣйшихъ памятникахъ, напр. въ Галиц. еван. (XII в.): *хрѣщеные* ¹⁾. Группа КВ въ малорусскомъ, какъ и въ западно-славянскихъ нарѣчьяхъ, замѣняетъ группу ЦВ въ словахъ: *квіт*, *квітка*, *квітцати*; вмѣстѣ съ *квіт*, *квити* есть *цвіт*, *цвити*. Обмѣнъ *к* съ *ц* въ этой группѣ является и въ словѣ: *квилити*, въ словѣ о полку Игоревѣ: *цвѣлити*. Архаическое *цвѣлити* фонетически тождественно съ сербс. *цвилити*, отсюда заключить можно, что основная для малорусскаго нарѣчія форма: *цвилити*, позднѣйшая же *квилити*, какъ и *квіт* (древнесл. *цвѣтъ*), заимствована изъ западно-слав. нарѣчій (чеш. *kviliti*, польс. *kwilić*). Въ группахъ съ начальными свистящими *с* и *ш* согласные *л*, *м*, *н*, *в* пропускаютъ сквозь себя дѣйствіе регрессивной ассимиляціи отъ йотированныхъ гласныхъ: *смх*, *снх*, *світ*, *цвіт* выговариваются: *сьмх*, *сьнх*, *сѣвіт*, *цѣвіт*. Группа ХВ относится къ разряду любимѣйшихъ группъ въ малорусскомъ нарѣчьи: она замѣняетъ согласный звукъ *ф*. Весьма рѣдко встрѣчаются группы: ЦМ, ЧМ, ЧВ.

На 1-мъ мѣстѣ звучные согласные, на 2-мъ отзвучные: ВП (*впасти*), ВТ (*втирати*, *вткати*), ВС (*всуости*, *всякий*), ВЧ (*вчитти*), ВХ (*вхотитти*), МЧ (*мчатти*).

Послѣдняя группа изъ древнеслав: МЪЧ въ словѣ: *мчатти* такъ же рѣдка, какъ и обратная ей ЧМ. Остальныя группы встрѣчаются въ словахъ предложныхъ. Замѣчательно, что звучный согласный *в* даже предъ отзвучными не только сохраняетъ свою природу, но даже вокализуется въ *у* при тѣхъ самыхъ условіяхъ, какія указаны были нами выше въ обзорѣ звучныхъ группъ съ начальнымъ *в*.

Меньшею устойчивостію отличается согласный звукъ *з*. Есть нѣсколько предложныхъ словъ, въ которыхъ, очевидно, основное *з* ассимилировалось предъ отзвучными въ *с*: таковы, напр., слова: *сзід*, *сказа*, *ска-*

¹⁾ Бусл. Истор. христ. 42.

зтити(сь): здѣсь *с* стоитъ вмѣстѣ *взз, из*. Такого рода ассимиляцію встрѣчаемъ въ самыхъ древнихъ памятникахъ славянскихъ и славянорусскихъ. Уже въ Супрасл. рукоп. приведенные нами слова существуютъ въ такой формѣ: *взсходъ, исказити* ¹⁾; въ Остр. ев: *искондѣ, възкрѣсь, възсходѣж, истлзати, испи-жѣть, расплтоу* ²⁾; въ Сборн. 1076 г: *бес почитанид, бес конца* ³⁾. Предъ звучными конечное *з* предлоговъ удерживается въ Остр. ев: *из не-ложѣ, из мртвыхъ* ⁴⁾; въ Сборн. 1073 г: *възбъси, възможе*; въ Сборн. 1076 г: *без вѣздни, възданью* и проч. ⁵⁾.

Здѣсь считаемъ умѣстнымъ перебрать всѣ предложныя группы, существующія въ малорусскомъ нарѣчьи, хотя многія изъ нихъ относятся уже къ разряду срединныхъ, а не начальныхъ группъ: это именнно тѣ группы, которыя образуются отъ соединенія съ различными словами слѣдующихъ предлоговъ: *об, от, над, под, пред; без, рѣз, чрез*: Мы разсматриваемъ предложныя группы вмѣстѣ по разнымъ причинамъ. Во первыхъ, нѣкоторые предлоги, двухсложные въ древнеславянскомъ нарѣчьи, смѣшались съ односложными; таковы, напр., предлоги: *изъ, възз* и *сз*. Во вторыхъ, многие предлоги, вошедшіе въ составъ срединныхъ группъ, сходны въ конечныхъ согласныхъ съ тѣми, которые образовали начальные группы, между тѣмъ, послѣдствія встрѣчи ихъ съ разными согласными элементами получились однѣи и тѣ же. Наконецъ, въ третьихъ, всѣ вообще согласныя группы, какое бы рѣчѣ ни занимали положеніе въ словѣ, пахотятся между собою, какъ увидимъ въ послѣдствіи, въ тѣсной связи. Мы не считаемъ удобнымъ безъ надобности разрывать то, что въ самой дѣйствительности представляетъ органическое цѣлое.

Омѣтимъ прежде всего тотъ фактъ, что въ малорусскомъ нарѣчьи, для образованія предложныхъ словъ, предпочиталось предлоги съ гласнымъ окончаніемъ. Чтобы устроить это окончаніе, малорусское нарѣчье, такъ же какъ и великорусское, прибѣгаетъ иногда къ замѣнѣ предлоговъ съ согласнымъ окончаніемъ предлогами, оканчивающимися

¹⁾ Miklos. Lexic. III. 260.

Изд. Вост. I. 204. 208. 210. 205. 206.

²⁾ Изв. Ак. X, V. 426. 434.

Вост. 204. 205.

³⁾ Изв. Ак. X, V. 424, 426, 430.

на гласный звукъ: *вм. вѣсхоцеть—захочеть*, *вм. избирати—вибирати* и проч. Предлогъ *вы* *вм. изъ* Добровский считалъ примѣтой западно-славянскихъ нарѣчій. Несостоятельность этой примѣты давно уже доказана: *вы* свойственно обоимъ русскимъ нарѣчьямъ гораздо въ большей степени, чѣмъ *изъ*; въ малорусскомъ же нарѣчьи *вы* пользуется еще большимъ предпочтениемъ, чѣмъ въ великорусскомъ.

Но бываютъ случаи, когда нельзя замѣнить одного предлога другимъ, подходящимъ къ нему по смыслу; тогда, чтобы устранить стеченіе согласныхъ звуковъ, вмѣсто древняго *ъ*, является благозвучное *о*. Такъ образовались слова: *подъннути* (въ Кормч. XIII в: *подъннетъ*)¹⁾, *безодня* (*бездына* въ Остром. ев. и Супр. рук.)²⁾, *зогріти* (*сзгріти*), въ великорус: *согріть*. Очевидно, особенность эта свойственна и великорусскому нарѣчю, но уже замѣна этимологически правильнаго *со* слогомъ *зо* показываетъ своеобразныя черты малорусскаго консонантизма.

Въ обзорѣ согласныхъ группъ мы видѣли, что предлогъ *съ* въ малорусскомъ нарѣчьи предъ звучными перешелъ въ *з*, предъ отзвучными уцѣлѣлъ на своемъ мѣстѣ. Съ потерей глухаго *ъ* получилось такимъ образомъ девять звучныхъ группъ: (ЗР, ЗЛ, ЗН, ЗМ, ЗВ, ЗБ, ЗГ, ЗД, ЗЖ) и пять отзвучныхъ: (СК, СХ, СП, СТ, СЦ): тамъ, гдѣ *с* стоитъ передъ звучнымъ, его можно считать основнымъ звукомъ, образовавшимся не изъ предлога (*сми*, *сма* и проч.) Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ начальное *с* есть предложный звукъ, фонетически тождественный съ *с*, стоящимъ вмѣсто предлога *изъ* въ словахъ: *справити*, *спекти*, *скажитись* и проч. Такое же смѣшеніе предлоговъ *съ* и *изъ* мы видимъ и на почвѣ звучной ассимиляціи: и здѣсь въ словахъ: *заснути*, *зжарити*, *змнитись* звукъ *з* фонетически тождественъ съ *з* въ словахъ: *збавити*, *зидати*, *здавати*, хотя это *з* образовалось путемъ ассимиляціи изъ *съ*. Само собою разумѣется, что конечное *з* предлога *изъ* предъ звучными удерживается, такъ точно какъ удерживается предложное *с* предъ отзвучными, и мы думаемъ даже, что переходъ *з* въ *с* предлога *изъ* предъ отзвучными не столько есть результатъ отзвучной ассимиляціи, сколько послѣдствіе смѣшенія предлоговъ *изъ* и *съ*. Мы думаемъ такъ на томъ основаніи, что въ тѣхъ случаяхъ, когда предлогъ *изъ* не входитъ въ образованіе предложнаго слова, конечный со-

¹⁾ Бусл. Ист. христ. 397.

²⁾ Miklos. Lexic. 14.

гласный *з* въ украинскомъ говорѣ не ассимилируется предъ начальнымъ отзвучнымъ слѣдующаго слова: *из тїста, из печи*, а не *іс тїста, іс печи*. Смѣшеніе предлоговъ *съ* и *изъ* явственно замѣтно въ южно и западно-русскихъ памятникахъ XV в: *из мѣщаниномъ, з нѣкоторыми або изъ некоторыми* (Грамм. Казим. 1463 г.)¹⁾. Оно было свойственно уже въ ту эпоху и бѣлорусскому говору, что видно изъ библии Скорины (XVI в): *зруки* вм. *изъ руки*²⁾. Смѣшеніе это коснулось не одного предлога *изъ*: оно распространилось и на *възъ*. Этотъ предлогъ является въ малорусскомъ нарѣчїи или въ видѣ *с*: *споминати, спяхати, стрїчати* (великорус: *вспоминать, вспахать, встрѣчать*), или въ видѣ *з*: *збивати, звїсити, звалити* (великорус: *взбивать, взвѣсить, взвалить*), или же, наконецъ, вокализуется не въ *воз* и *вос*, какъ въ великорусскомъ нарѣчїи, а въ *уз*, напр: *узвар, узміся* (взлѣсье—опушка лѣса), въ случаѣ же скопленія согласныхъ—съ перестановкой въ *зу*, напр: *зустричати*. Ясные слѣды малорусской передѣлки стариннаго *възъ* встрѣчаемъ уже въ памятникахъ XIV в: *оусхоцеть* вм. *въсхоцеть*³⁾, *въздали* и *оуздали*⁴⁾. Если же въ XVII в., напр. у Беринды, мы находимъ: *възрост, възбнути*⁵⁾ и тому подобныя формы, то онѣ, конечно, должны быть отнесены къ разряду такихъ формъ, которыя созданы подражаніемъ славянскому правописанію, а не народнымъ говорамъ.

Такимъ образомъ, предлоги *съ, изъ, възъ* сведены въ малорусскомъ нарѣчїи къ двумъ простымъ звукамъ: *з* и *с*. Образование этого послѣдняго звука изъ предлоговъ *изъ, възъ* обусловлено смѣшеніемъ ихъ съ *съ*. Смѣшеніе это очевидно не только изъ смысла словъ, въ составъ которыхъ входятъ предлоги *изъ* и *възъ*, но также изъ того обстоятельства, что предлоги эти образуютъ не серединныя группы, какъ слѣдовало бы, но начальныя двухчленныя группы.

Собственно серединныя группы съ начальнымъ свистящимъ звукомъ въ предложныхъ словахъ получаютъ въ слѣдствіе присоединенія предлоговъ *безъ* и *разъ* (малорус. *роз*) къ различнымъ словамъ. Конечное

¹⁾ Срезн. Свѣд. 82—83.

²⁾ Бусл. Ист. хр. 201.

³⁾ Ак. З. Р. 5.

⁴⁾ Ак. Голов. 4, 8.

⁵⁾ Вер. 20.

з этихъ предлоговъ предъ отзвучными согласными во многихъ мѣстахъ слышится, какъ *с*, въ особенности въ предлогѣ *роз*: *розказати*, *розстити*, *розтрусити*; но въ словахъ: *безталанный*, *безпереч* въ украинскомъ говорѣ слышится больше з, чѣмъ *с*. Колебанія этого рода, по нашему мнѣнію, объясняются вѣшнимъ вліяніемъ нарѣчій великорусскаго и подьяскаго. Они не вытекають изъ основной природы малорусскаго консонантизма, который, напротивъ того, даже предъ звучными согласными требуетъ звучнаго з въ предлогахъ *без* и *через*, когда они стоятъ въ предложениі въ неслитномъ видѣ: *без пона*, *без тебе*, *через пона*, *через тебе*.

Что касается другихъ предлоговъ съ конечнымъ звучнымъ согласнымъ, именцо: *над*, *під*, *об*, то всѣ они удерживають свой конечный звукъ не только передъ согласными звучными, но и передъ отзвучными: *обжити*, *обтожити*, *підпоити* *підтоптати*, *підхилити*, *надхилити*, *надтожити*, *надто* и проч. Особенно замѣчательнъ въ этомъ отношеніи предлогъ *отъ*. Оканчивается онъ на отзвучный согласный, но, повинувся преобладанію звучныхъ элементовъ въ малорусскомъ консонантизмѣ, онъ не только терпитъ ассимиляцію *т* въ *д* предъ звучными, но удерживаетъ это *д* вмѣсто кореннаго *т* и передъ согласными отзвучными: *одтигати*, *одказати*, *одтягати*, *відсипати*. Въ такой специально малорусской формѣ намъ встрѣтился этотъ предлогъ въ одномъ изъ памятниковъ XII в. *одъ насусь* (Хожд. Богор.)¹⁾ но уже самое слово *насусь* съ отзвучнымъ *с* вм. звучнаго з показываетъ, что и *одъ* есть чистая случайность. Гораздо съ большимъ довѣріемъ можно отнести къ одному выраженію въ актахъ XV в. *одъ пророкъ и отъ swoich господарей*²⁾: здѣсь рядомъ стоятъ *одъ* и *отъ*, какъ представители двухъ направлений правописанія—фонетическаго и этимологическаго.

Обзоръ предложныхъ группъ приводитъ насъ къ тому же заключенію, которое мы сдѣлали относительно конечныхъ группъ: звучные элементы и здѣсь преобладають надъ отзвучными. Видно это, во первыхъ, изъ того обстоятельства, что звучные согласные не только устояли предъ отзвучными, но даже въ известныхъ случаяхъ вокализировались (*вчити*, *впастн*, *учити*, *упастн*). Во вторыхъ, отзвучные согласные превратились въ звучные не только передъ звучными (*здавати*, *одда-*

¹⁾ Изъ Ак. X, V. 557.

²⁾ Ак. Голов. 11.

вати вм. *сдавати, отдавати*), но даже предъ отзвучными (*одтихати, одхуляти* вм. *оттихати, отхуляти*). Ближайшее объясненіе этикъ фактовъ заключается въ давней потерѣ этимологическаго сознанія, въ силу котораго, напр., въ Остр. ев. предлоги *въ* и *съ* въ предложныхъ словахъ всюду выдержаны, всюду при нихъ сохраняется *з*, и предлогъ *съ*, при встрѣчѣ съ звучными, не переходитъ въ *зъ*. Въ замѣнѣ этимологическаго начала, уже въ вѣкѣ Остр. евангелія, выдвинулось начало фонетическое: судить объ этомъ можно по тому, какъ въ самомъ Остр. евангеліи писались предлоги: *безъ, възъ, изъ, разъ*: всѣ они большею частію написаны безъ *з* и притомъ съ замѣной звучнаго *з* отзвучнымъ *с* при встрѣчѣ съ отзвучными согласными. По мѣрѣ разрушенія этимологической тѣни въ предложныхъ словахъ, должна была происходить звуковая перестройка ихъ по новому типу, который, безъ всякаго сомнѣнія, слагался постепенно и притомъ изъ элементовъ діалектически чрезвычайно разнообразныхъ. Къ сожалѣнію, мы не можемъ въ этомъ отношеніи вполне положиться на письменные источники, потому что перестройка въ употребленіи согласныхъ, въ нихъ замѣчаемая, далеко не всегда есть плодъ діалектическихъ особенностей живой рѣчи: очень часто въ постановкѣ тѣхъ или другихъ согласныхъ можно замѣтить этимологическія мудрованія переписчиковъ. Современные намъ устные источники тоже не поясняютъ исторіи дѣла; знаемъ только, что въ современномъ состояніи малорусскаго нарѣчія широко развитъ законъ озвукотворенія тѣхъ согласныхъ элементовъ, которые по своей природѣ менѣе звучны. Сопоставляя этотъ фактъ съ давнимъ фактомъ потери глухихъ гласныхъ, мы не считаемъ возможнымъ устранить влияніе послѣдняго на первый. Правда, между этими двумя фактами былъ посредствующій моментъ, на который мы укажемъ ниже, тѣмъ не менѣе первоначальнымъ поводомъ къ малорусскимъ превращеніямъ въ области консонантизма все-таки было паденіе глухихъ гласныхъ, слѣдовательно, и превращенія эти начались очень рано, а кончились они тѣмъ, что на согласные звуки перенесенъ былъ отбѣнокъ гласности, принадлежавшій нѣкогда глухимъ гласнымъ.

Обращаясь къ начальнымъ группамъ, мы находимъ въ нихъ огромное преобладаніе звучныхъ согласныхъ. Изъ 93 группъ 72 чисто звучныя, 32 полувзвучныя и только 19 отзвучныхъ. Чисто звучныя группы получились двумя путями: а) звучные согласные остались передъ звучными (*вбвати, ждати, дбати*),—б) отзвучные ассимилировались въ звучные (*здумати, задати*).

Но есть еще одна причина, влиявшая на скопление звучных элементов в началѣ словъ: это именно присутствие тѣхъ же элементовъ въ концѣ словъ, на что мы указали выше. Мы видѣли, что въ малорусскомъ нарѣчій преобладаютъ гласныя и звучно-согласныя окончанія: тѣ и другія, по нашему мнѣнію, содѣйствовали поддержкѣ звучныхъ согласныхъ въ началѣ словъ. Возьмемъ примѣръ изъ ряда предложныхъ группъ. Такъ, предлогъ *із*, въ сложении съ другими словами, въ слѣдствіе смѣшенія съ *сѣ*, предъ отзвучными произносится отзвучно, но тотъ же предлогъ *із*, не сливаясь съ словомъ, удерживаетъ свой звучный характеръ, хотя бы слово, предъ которымъ онъ стоитъ, начиналось съ отзвучнаго согласнаго, напр: „*пливе щука з Кременчука*“¹⁾ Очевидно, здѣсь з удержалось, благодаря предшествующему гласному *а*. Въ выраженіяхъ: *із печі*, *із тіста* гласный звукъ *і* предохраняетъ з отъ ассимиляціи въ отзвучный *с*, тогда какъ, напр., въ выраженіяхъ: *бублик с тіста*, *горщик с печі* мы не слышимъ *з*: звукъ этотъ, стѣсненный съ двухъ сторонъ отзвучными, ассимилировался въ отзвучный. Тѣ же самые гласные звуки, которые въ другихъ языкахъ не оказываютъ никакого дѣйствія на образованіе звучныхъ согласныхъ, въ малорусскомъ нарѣчій, въ слѣдствіе тяготѣнія его къ этимъ послѣднимъ, получили особенное значеніе, въ силу котораго послѣ нихъ удобнѣе всего группируются звучные согласные. Притяженіе однородныхъ элементовъ—вотъ то условіе для поддержки звучныхъ согласныхъ, о которомъ мы говоримъ. Оно-то, между прочимъ, содѣйствовало образованію звучнаго *в* въ малорусскомъ нарѣчій: вліяніе предшествующаго гласнаго звука на вокализацию *в* особенно замѣтно въ срединѣ словъ: *приу(в)да криу(в)да*. Когда же въ языкѣ утвердилось это вліяніе, тогда и послѣ согласныхъ *в* осталось звучнымъ. Устраняя значеніе гласнаго элемента, мы не въ состояніи будемъ объяснить того обстоятельства, что *в* произносится звучно не только предъ *б*, *г*, *д*, *ж*, но и предъ *п*, *с*, *т* (*вп*, *вс*, *вт*),—слѣдовательно, и въ группахъ: ВВ, ВГ, ВД, ВЖ, мы должны видѣть не одно участіе послѣ *в* стоящихъ звучныхъ.

Такъ объясняемъ мы то явленіе, что въ началѣ словъ звучный элементъ оказался въ малорусскомъ нарѣчій господствующимъ предъ отзвучнымъ.

Теперь намъ предстоитъ рассмотретьъ срединныя группы. Замѣтимъ прежде всего, что въ нихъ повторяются начальныя группы. Изъ

¹⁾ Метлин. Пѣси. 118.

этихъ послѣднихъ нельзя считать и десяти, которыя бы не повторялись въ срединѣ словъ. Причина заключается въ томъ, что образование предложныхъ словъ ставитъ начальныя группы въ разрядъ срединныхъ. По изслѣдованію Гатталы, и въ древнеславянскомъ нарѣчій группы согласныхъ въ срединѣ словъ такъ измѣнялись, чтобы онѣ были, какъ можно болѣе, сходны съ группами начальными ¹⁾. Малорусское нарѣчіе въ этомъ отношеніи осталось вѣрно славянскому типу.

Исчислимъ сперва звучныя срединныя группы.

РБ (*гарбати*, съ перестановкой звуковъ изъ *грабити*), ЛБ (*бумба*, *тельбухи*, у Беринды: *трибухъ*) ²⁾, НБ (*ганьбити*, основная форма: *гань-ти*, кор. *ган*, *гон*, древнеслав. и малорус. *юнити*), МБ (*цимбали*, древнесл. *кимвалъ*, *коумвалъ*), ВБ (*довбати*, древнесл. *длѣбсти*) ³⁾, ДБ (*зандбати*), ЖБ (*ворожбит*, древнесл. *вражьбити*, у Беринды: *ворожбитъ*) ⁴⁾, ЗБ (*назбит* — чрезвѣрно, слишкомъ).

Группы ЛБ, НБ, ЖБ рѣдкія. Остальныя образовались большею частью въ слѣдствіе потери изъ суф. *ѣб* звука *ь*, какъ звука гласнаго.

РВ (*червонии*, *червецъ*, древнесл. *чръвень*: вмѣсто обычной перестановки *ор* изъ *рѣ* получилось *ер* подъ вліяніемъ старинной перегласовки отъ *и*), ЛВ, ЛЬВ (*болванити*, *гульвиса*, древнесл. *балъванъ*: по замѣчанію Миклошича, слово татарскаго происхожденія) ⁵⁾, НВ (*ринва*, древневерхненѣм. *rinna*) ⁶⁾, ГВ (*корова*, *корови*, древнеслав. *хоръгы*; малорус. форма такого же образованія, какъ *церква* отъ *иръкы*; *хоръгы* — слово, по мнѣнію Миклошича, загадочное) ⁷⁾, ДВ (*надвердити*), ЗВ (*перезва*, *узвар* изъ *възваръ*).

Группы НВ, ГВ — рѣдкія.

РГ (*торувати*), ЛЬГ (*вильотно*), НГ (*янол*), ВГ (*кованка*, лат. *саусис*, румынс. *каик*) ⁸⁾, въ малорусскомъ отзвучный *к* превращень въ звучный *л*, ДЬГ (*нудыи*: по мнѣнію Павскаго, *и* есть суф. уменьшительныхъ именъ) ⁹⁾, ЗГ (*безиддя*).

¹⁾ Natf. De contig. mut. 44.

²⁾ Бер. 102.

³⁾ Miklos. Lex. 162.

⁴⁾ Бер. 133.

⁵⁾ Miklos. Lex. 11.

⁶⁾ Miklos. Die Fremdwort. 51.

⁷⁾ Ibid. 21.

⁸⁾ Ibid. 29.

⁹⁾ Павс. Разсужд. 2-е, 56.

Группы ЛЬГ, НГ, ДЬГ встрѣчаются рѣдко.

РД (*гордый*, древнесл. *грьдъ*), НД (*бондарь*), БД (*обдирати*), ВД (*правда*, въ древнѣйшихъ славянс. памятникахъ: *правьда* и *правьда*), ГД (*ниде*, древнеслав. *нѣкъде*, — въ древнесербс. памятникахъ, согласнo съ малорус., звукъ *к* предъ *д*, по выпадении *з*, превратился въ *н*: *нѣде*) ¹⁾, ЖД (*тиждень*), ЗД (*нѣздо*).

НД — группа рѣдкая. По мнѣнію Потебни, она образовалась посредствомъ перестановки изъ ДН, отъ стариннаго предлога *бе* въ значеніи *къ*, *съ*, *при* и существит. *дѣно* ²⁾. Группа ЖД существуетъ въ малорус., какъ остатокъ стариннаго смягченія *д* въ словахъ: *страждати*, *обждати*.

РЖ (*держати*), ВЖ (*довжина*, древнесл. *длзгъ*, въ одномъ изъ сербс. памятниковъ XVI в. *длзжина*) ³⁾, ДЖ (*одже*, *ходжу*), ЗЖ (*розжартити*), НЖ (*грнжолѣ*, *грнджолѣ*: слово это въ формѣ словинс. *gredelj*, хорватс. *gredalj* указано у Миклопича въ числѣ заимствованныхъ ⁴⁾. Малорусская форма, очевидно, заимствована, судя по начальному звуку *г*: ближе всего она стоитъ къ нѣмецкому *Grindel*). Группа НЖ, кромѣ слова *грнжолѣ*, не встрѣчается.

РЗ (*вимерзати*), ЛЬЗ (встрѣчается только въ косвенныхъ падежахъ: отъ собств. имени *Ольга* — дагелън. *Ользи*), НЗ (*бронза*, *бриндза*, венгерс. *bronzá*, *bronzá*, *bronzá* — слово, по замѣчанію Миклопича, темное) ⁵⁾, ВЗ (*завзятый*), БЗ (*кобза*, венгерс. *koboz*, турец. *qorúz*) ⁶⁾.

ЛЬЗ, НЗ, БЗ — рѣдкія группы.

РЛ (*горло*), МЛ (*стромляти*), ВЛ (*мовляти*), БЛ (*граблѣ*), ГЛ (*легкій*), ДЛ (*вередливый*), ЗЛ (*розламати*).

Эта группы изъ наиболѣе распространенныхъ.

РН (*вернути*), ЛЬН (*весельный*), МН (*кннати*, въ галиц. *кнната*, слово заимствованное: италіанс. *salotto*, отсюда малорус. *кннати* съ суфф. *ати* — *кнната*), БН (*дрбный*), ВН (*ставні*), ГН (*стежно*), ДН (*бидный*), ЖН (*нижний*), ЗН, ЗЬН (*залзний*, *кузьня*).

1) Miklos. Lex. 458.

2) Потеб. О звук. особ. 123.

3) Miklos Lex. 163.

4) Mikl. Fremdwort. 19.

5) Ibid. 7.

6) Ibid. 27.

И это группы любимыя.

ЛМ (*бильмо*), РМ (*дарма*), ВМ (*навманя*), БМ (*обмжок*), ДМ, ДБМ (*ведмідь, вѣдьма*), ЖМ (*пужмурки*), ЗМ, ЗБМ (*розмова, позьма*). Собственное значеніе слова: *позьма* (Ямпольск. у. Подольск.)—признакъ, слѣдъ: „*як піде худобина в пшеницю, то вже буде якась позьма*“: въ переносномъ смыслѣ слово: *позьма* (говорять и *позьна*) употребляется въ значеніи молвы, слуха: „*пшла позьма и позьна*“. Основная форма этого слова: *вз-л-ти, воз-ьм-у* изъ *по-въз-л-ти*).

Всѣ эти группы, такъ же какъ и большая часть предыдущихъ съ конечными *л* и *н*, обязаны своимъ происхожденіемъ потерѣ глухихъ гласныхъ.

БР (*д'іброва*), ВР (*жаврти*: форма эта образовалась посредствомъ перестановки согласныхъ вм. *жаряврти*: въ Переясл. лѣтоп. XIII в. *жарявъ*! ¹⁾), ГР (*вийгравати*), ДР (*відро*), ЗР (*безрідний*), МР (*цямрина*, въ польск. *sembrowina, sembrzyna*; Миклошичъ сопоставляетъ это слово съ нѣмец. *Zimmer*) ²⁾.

Группы серединныя отзвучныя:

ПТ (*сопти*), ПК (*шапка*, лат. и итал. *sappa*, турец. *sâbqa*, румынс. *şarkъ* ³⁾), заципка), ТК, ТБК (*тутки, батько*), КТ (*пекти, волокты*).

Въ древнесл. нарѣчій мгновенныя отзвучныя группы почти не встрѣчаются. Только на одну изъ нихъ, и то въ началѣ словъ, указываетъ Гаттала въ Супр. рукописи, именно на *кде*, гдѣ согласный *к*, по его мнѣнію, имѣлъ выговоръ латинск. *g* ⁴⁾.

ПС (*запсувати*), ПЦ (*лопцювати, хлопці*), ПЧ (*хлопчик*), ПШ (*шешина* вм. *шешина*, сербск. *шипчаница*—роза, польск. *szypszyna* отъ *шипъкъ*—слова, стоящаго въ Супр. рукоп. въ значеніи розы) ⁵⁾, ТЦ (*ситце*), ТЧ (*квітчастий, титчин*), КС (*оксамит*, греч. *εξάμιτος*), КЧ (*никчемний: ни к чому*, у Бер. *нлькчемныйше*) ⁶⁾, КШ (*локшина* вм. *локчина* отъ *локать*, изъ *алкать*).

¹⁾ Miklos. Lex. 191.

²⁾ Mikl. Fremdwort. 9.

³⁾ Ibid. 24. 56.

⁴⁾ Hatt. O počateč. skupen. 61.

⁵⁾ Miklos. Lex. 1134.

⁶⁾ Бер. 28.

Группы: ТЦ, ТЧ выговариваются, какъ пишутся, не превращаясь посредствомъ ассимиляціи въ удвоенное *ц* или *ч*, между тѣмъ. изъ группъ: *тс*, *тш* являются въ малорусскомъ нарѣчій удвоенныя: *ци*, *чи*: вмѣсто *робиться*—*робиция*, вм. *багатиий*—*багачий*. Причина устойчивости группъ: ТЦ, ТЧ въ приведенныхъ нами формахъ заключается въ томъ, что звуки *ц* и *ч*, сравнительно съ *с* и *ш*, сильнѣе. Какъ звуки сложные (*тс=ц*, *тш=ч*), они заключаютъ въ себѣ мгновенный элементъ, котораго нѣтъ въ *с* и *ш*. Въ словѣ, напр: *ситце* серединная группа разлагается такъ: *т + тс*, въ словѣ: *робиться* только *т + с*, т. е. *ц*, а не *т + ц*,—затѣмъ, *ц*, по закону удвоенія, широко развитому въ малорусскомъ нарѣчій, явилось въ удвоенной формѣ: *робиция*.

СК, СБК (*блискавка*, *наський*, *руський*), СХ (*росходиться*), СП (*вісна*, древнесл. *осъна*), СТ (*любисток*, латинс. *levisticum*, гречес. *λυβιστικόν*)¹⁾, СЦ (*місце*, у Бер. *мѣщи*),²⁾ ЦБК (*брацький*, *козацький*, *ткацький*).

Въ словѣ: *наський* отъ *нашь* звукъ *ш* качественно уподобился начальному согласному суффикса *ьск*. Въ Сборн. 1073 г. есть серединная форма: *нашьскало*³⁾. Въ словѣ: *брацький* произошло простое стяженіе: *т + ѣс*—*ць*. Въ *ткацький* отъ *ткач* звукъ *ч* качественно приравнялся звуку *с*, т. е. вмѣсто *тш* получилось *тс*, затѣмъ, въ *тс=ц*, какъ въ звукѣ количественно болѣе сильномъ, чѣмъ *с*, этотъ послѣдній звукъ потерялся, оставивъ согласному *ц* старинную мягкость суффикса *ьск*. Слово: *козацький* пропало тѣмъ же путемъ, смягчивъ предварительно тематическое *к* въ *ч*. Слово: *руський* чрезъ *русь* не требуетъ объясненій. *Місце* и рядомъ съ нимъ первоначальная форма: *місто*: звукъ *т* регрессивно приравнялся звуку *с*. Во всѣхъ этихъ группахъ свистящіе звуки подчиняютъ своему влиянію другіе согласные.

ЧК (*очко*), ЧХ (*начхати*), ШК (*подушки*, кор. *ух*, суф. *ьк*), ШП (*луштина* изъ *лоуста*), ШТ (*поштувати*, кор. *ьт*), ШЧ (*вишчий*, *крашчий*), ШЦ (*подуши* дат. пад.).

Суф. *ши* въ прилагат. сравнит. степени объясняется различно. „Малорусскіе говоры, по мнѣнію Потемби, избѣгаютъ сочетаній *ши* и *жи* при стеченіи конечной согласной корня и начальной суффикса

¹⁾ Miklos. Fremdw. 34

Бер. 53.

²⁾ Горс. и Новостр. Опис. 2, 393.

и, диссимилируя эти звуки, изменяютъ второй изъ нихъ въ *ч*: *крашичи*, *вишичи* (изъ *крас-ший*, *краш-ший*), между тѣмъ какъ въ великорус: *краше* звукъ *ш* прямо изъ *с*¹⁾. Но въ словѣ: *швидче* Потебня допускаетъ, что *ч* происходитъ не изъ *ш*, а изъ *к*—суффикса прилагат. въ положит. степени, (какъ въ *крѣпче* отъ *крѣпокъ*)²⁾. Миклопичъ не сомнѣвается, что формы сравнительной степени: *нижний* и *ближний* нужно возводить къ древнеслав: *низькъ*, *близькъ*. „Но что думать,“ спрашиваетъ онъ, „о *крашій*? Нельзя ли предположить, что здѣсь *шч* явилось на мѣсто *си*, какъ древнеслав. *шчѣдъ* вм. *исшѣдъ* или *исшѣдъ*? А можетъ быть, нужно допустить форму: *краськъ*?“³⁾ Намъ кажется, что въ основѣ этого явленія лежитъ смѣшеніе суффикса сравнит. степени *ш* съ суффиксомъ прилагат. въ положительной степени *к*, смѣшеніе, которое утвердило за смягченной формой звука *к*, т. е. *ч* преобладающее положеніе въ слѣдствіе причинъ болѣе фонетическихъ, чѣмъ морфологическихъ. Дѣло въ томъ, что мгновенные звуки тогда только можно достаточно отгнѣнить въ произношеніи, когда они слѣдуютъ за длительными: въ этомъ случаѣ есть пунктъ, на который можетъ опираться длительный звукъ. Этимъ объясняется изобиліе въ малорусскомъ нарѣчьи начальныхъ и середьныхъ группъ съ начальными свистящими и шипящими согласными. Наоборотъ, если согласные идутъ въ обратномъ порядкѣ, т. е. впереди стоятъ мгновенные, а за ними длительные, то они сливаются въ одинъ звукъ, который иногда удваивается. Мгновенный звукъ поглощаетъ такимъ образомъ слѣдующій за нимъ длительный, такъ какъ въ пунктѣ соединенія ихъ послѣдній не можетъ рѣзко отгнѣниться отъ болѣе сильнаго, впереди стоящаго мгновеннаго звука. Въ этомъ процессѣ ассимиляціи звуки *ш* и *ч* играютъ посредствующую роль между чистыми мгновенными и длительными, такъ какъ *ш* и *ч*—звуки сложные изъ предшествующаго мгновеннаго *т* и длительныхъ *с*, *ш*, слѣдовательно, *ш* и *ч* слабѣе *т*, но сильнѣе *с* и *ш*. Отсюда: *козачький* изъ *козакъ-ськ-ий* чрезъ *козачьскій*, *молодецький* непосредственно изъ *молодецьскій*. Сплавляясь съ *с* и *ш* въ *ш* и *ч*, первоначальные мгновенные въ новой переходной формѣ своей часто удваиваются: мы видѣли это удвоеніе въ словѣ, напр:

¹⁾ Потеб. Зам. 85.

²⁾ Ibid. 85.

³⁾ Miklos. Lautl. 367.

робитця, и вообще оно господствуетъ въ 3-мъ лицѣ единс. а множес. ч. наст. вр; то же самое можно наблюдать и въ словѣ: *луч-чий* изъ *луч-ш-ий*. Что касается до словъ: *вишній*, *крашній*, то въ нихъ звукъ ч. болѣе сильный чѣмъ ш, занимаетъ въ двухчленной группѣ второе мѣсто, слѣдовательно, не поглощаетъ этого послѣдняго звука, а напротивъ, содѣйствуетъ выразительности его въ произношеніи.

ХК (*пужкий*), ХТ (*плахта*), ХЧ (*бахча* и *бакша*, тур. *baghçe*)¹⁾.

Всѣ малоупотребительны.

Группы серединныя полувзвучныя.

Первый элементъ звучный, второй отзвучный.

РП (*терпіти*), РК (*зрка*), РХ (*бурхати*, великорус. *буркать*, польс. *burcząc*), РТ (*жартувати*, немѣц. *scherz*, итал. *scherzo*)²⁾, РС (*на версі*), РЦ (*назирцем*), РЧ (*дзюрчати*, великорус. *журчать*, польс. *ciurcząc*), РШ (*ірше*).

ЛК (*балка*), ЛХ (*ольха*), ЛС (*на ольсі*), ЛТ (*вумтэй*), ЛЦ (*вильце*), ЛЧ (*вильчик*), ЛШ (*бильше*).

НК, НК (*жнка*, *лишенько*), НТ (*плентатись* съ польс. *platac się*, *вимантатити*—тоже съ польс. *wumęszyc*), НЦ, НЦ (*внче*, *жннчи*), НЧ (*кнчик*), НШ (*иншиі*).

МП (*пампуха*, у Бер. *пампушок*³⁾, польс. *patrych*, нѣмец. *Pfannkuchen*), МК (*думка*), МХ (*примхи*, кор. *мъх*)⁴⁾, МТ (*тремтіти*, у Бер. *тремтльнѣ*⁵⁾, дрожать,—можетъ быть, основная форма: *тремтіти* съ ассимиляціей *n* предъ *t*, какъ въ древнеслав. *нетии* вм. *нептии*, санскр. *partar*: въ такомъ случаѣ *тремтіти* можно произвестъ отъ древнеслав. *трѣба*, у Гуцуловъ *трембита*: впечатлѣніе звука совпадаетъ съ впечатлѣніемъ быстрого колебанія), МЦ (*думци* дат. пад.), МЧ (*чимчикувати* послѣбно и притомъ украдкой идти; слово неизвѣстнаго намъ происхожденія: можетъ быть, основная форма: *ченчикувати* отъ *ченчик*), МШ (*шамша*—шепеляющій: слово это образовалось путемъ ономатопен).

За исключеніемъ МК и МЦ, остальные группы очень рѣдко встрѣчаются.

¹⁾ Miklos. Fremdw. 5.

²⁾ Ibid. 65.

³⁾ Бер. 147.

⁴⁾ Miklos. Lex 386.

⁵⁾ Бер. 172.

ВП (*стовпець*), ВК (*дівка*), ВТ (*вівторок*—съ двумя наслоеніями въ началѣ слова: *i*, первоначально *o*, и *o*—древнеслав. *въторьникъ*), ВС (*віссяний*), ВЦ (*віця*), ВЧ (*живчик*).

Во всѣхъ этихъ группахъ звукъ *v* произносится полугласно, безъ всякой примѣси глухаго согласнаго *ф*.

БК (*губка*, у Бер. *голубка*) ¹⁾, БП (*обпинались*), БТ (*гребти*, *скубти*), БЦ (*коробці*), БЧ (*голубчик*, у Бер. *воробчик*) ²⁾, БШ (*обшарпаны*).

ГК (*лежий*, у Бер. *лежимъ*) ³⁾, ГТ (*могти*, *бити* у Бер. *мити*) ⁴⁾, ГШ (*лежати*, *протягати*).

Всѣ эти группы въ малорус. нарѣчій (преимущественно въ украинскомъ говорѣ) произносятся такъ, какъ пишутся. Между ними особенно замѣчательны БТ, ГТ въ глаголахъ съ согласными темами. Въ галицкомъ говорѣ глаголы съ конечнымъ гортаннымъ корнемъ измѣняютъ *г* и *к* на *ч*: *волочы*, *мочы*, *стеречи* ⁵⁾—форма переходная къ позднѣйшей великорусской: *волочь*, *мочь*, *стеречь*. Но и украинскую форму: *волокти*, *стеректи* нельзя считать древнѣйшей, точнѣе сказать, по своему составу это форма древняя, а по происхожденію—позднѣйшая. Она представляетъ намъ одно изъ тѣхъ нерѣдкихъ явленій въ языкѣ, когда онъ, совершивъ длинный путь звуковаго перерожденія, снова восстанавливаетъ ту или другую черту глубоко архаическую, иногда доисторическую. Причину этого явленія Потебня объясняетъ психологическими побужденіями, именно—стремленіемъ возстановить этимологическую ясность слова ⁶⁾. Мы желали бы пополнить это мнѣніе только однимъ замѣчаніемъ: психологическое побужденіе въ данномъ случаѣ совпало съ эвфоническимъ, потому что основная черта малорусскаго консонантизма заключается въ отчетливости согласныхъ элементовъ, которые неохотно сплавляются въ цѣльные звуковые комплексы. Черта эта, безъ порно, позднѣйшая, выработанная первоначально въ сферѣ звучныхъ согласныхъ и потомъ охватившая всякаго рода группы, какъ полувзвучныя, такъ и огзвучныя.

¹⁾ Ibid. 29.

²⁾ Ibid. 132.

³⁾ Ibid. 24.

⁴⁾ Ibid. 78.

⁵⁾ Осадц. Грам. 101.

⁶⁾ Потеб. Зам. 66.

ДК, ДБК (*бридкий*, у Бер. *бридкость* ¹⁾), дядько), ДП (*одправа*, у Бер. *подпираю*) ²⁾), ДТ (*відти*, *надто* у Бер. *надто*) ³⁾), ДС (*відси*, *підсудок*), ДЦ (*одцуратись*, въ Лѣтоп. Самов. *кilkнадцять*) ⁴⁾), ДЧ (*свідчити*, у Бер. *досвѣдченє*) ⁵⁾), ДШ (*молодший*, у Бер. *молодший*) ⁶⁾).

Въ прилагат. сравнит. степени съ конечнымъ корневымъ *д* замѣтно колебаніе, — говорятъ: *гладшій* и *гладчій*. Ч въ *ш* слышится въ тѣхъ прилагат., которыя послѣ кореннаго *д* имѣють суф. *к* (*к*): *глад-жъ* *ъ*; напротивъ, тамъ, гдѣ этого суффикса нѣтъ, согласный *ш* суффикса выдерживается яснѣе, напр., въ словѣ: *молодшій*.

ЖК (*тяжко*, у Бер. *ворожка*) ⁷⁾), ЖЦ (*в ложцѣ*, *запорожцѣ*), ЖЧ (*бряжчати*, у Бер. *бряжчати*) ⁸⁾), ЗК (*бряжкати*), ЗЦ (*безпереч*, у Бер. *безпечне*) ⁹⁾), ЗТ (*везти*), ЗС (*розсудити*), ЗШ (*розшукати*, *перелізши*).

Всматриваясь въ группы съ начальными шипящими и свистящими, мы замѣчаемъ въ этихъ согласныхъ звукахъ не только устойчивость передъ отзвучными согласными, но и передъ согласными качественно однородными: *в ложцѣ*, а не *в лози*, *розшукати*, а не *рожшукати*; только въ словѣ: *бряжчати* коренное *ж*, выдержанное въ словѣ: *бряжкати*, ассимилировалось въ *ж* передъ *ч*. Что касается до всѣхъ вообще полувзвучныхъ середнихъ группъ съ начальнымъ звучнымъ элементомъ, то онѣ, по нашему мнѣнію, характеристичны въ малорусскомъ нарѣчій не менѣе чисто звучныхъ группъ. Тогда какъ въ этихъ послѣднихъ звучные согласные ограждены отъ вліянія отзвучныхъ, въ группахъ полувзвучныхъ передніе звучные согласные, стоя непосредственно передъ отзвучными, должны были бы, повидимому, ассимилироваться въ отзвучные, между тѣмъ, и тѣни этого рода ассимиляціи въ нихъ мы не замѣчаемъ. Но крайней мѣрѣ, объ украинскомъ говорѣ мы можемъ сказать это съ полною увѣренностію. Говоръ галицкій,

¹⁾ Бер. 77.

²⁾ Ibid. 24.

³⁾ Ibid. 53.

⁴⁾ Лѣт. Сам. 10.

⁵⁾ Бер. 59.

⁶⁾ Ibid. 77.

⁷⁾ Ibid. 20.

⁸⁾ Ibid. 50.

⁹⁾ Ibid. 33.

по свидѣтельству Головацкаго, существенно отступаетъ въ этомъ отношеніи отъ украинскаго; вмѣсто *скобка* въ Галиціи говорятъ: *скопка*, вм. *гладкий*, *лежко*, *лежше*, *везти*, *надхнути*, *близкий*, *ложка*, *общипати* — говорятъ: *латкий(?)*, *лехко*, *лехше*, *вести*, *натхнути*, *блискки(?)*, *лошка*, *опщипати* ¹⁾; однимъ словомъ, выходитъ такъ, что галицко-малорусскій говоръ въ отношеніи къ количественной ассимиляціи въ смыслѣ преобладанія отзвучныхъ согласныхъ ничѣмъ не отличается отъ великорусскаго нарѣчія. Дѣйствительно, въ рукописныхъ матеріалахъ, которыми мы пользовались, намъ встрѣтилось нѣсколько случаевъ аналогическихъ съ тѣми, на которые указываетъ Головацкій: *дѣтько* вм. *дідько* (Коломыйс. подгорье), *нысько* вм. *нызько* (Станиславс. подгорье); въ гуцульскомъ разнорѣчьи: *росклямы*, вм. украинс. *розіклами*, *присну* вм. *призбу*, *лежки* вм. *лежи* (Крыворівня, близъ Черной горы). Весьма можетъ быть, что случаевъ подобнаго рода въ разныхъ галицкихъ разнорѣчіяхъ, въ особенности въ среднихъ словъ, встрѣчается гораздо больше, чѣмъ можно было замѣтить намъ въ рукописныхъ напихъ матеріалахъ, но положительно сомнѣваемся, чтобы законъ ассимиляціи звучныхъ въ отзвучные въ галицкомъ говорѣ былъ выдержанъ такъ же строго, какъ въ великорусскомъ нарѣчьи. По всему видно, что это случаи спорадическіе; такъ какъ рядомъ съ ними стоитъ огромное количество группъ полувзвучныхъ, построенныхъ въ духѣ украинской фонетики. Пока не собраны будутъ факты, можно сдѣлать только то приблизительно вѣрное заключеніе, что въ говорѣ галицкомъ *встрѣчается иногда* ассимиляція звучныхъ въ отзвучные преимущественно въ среднихъ словъ. То же сказать можно и о сѣверномъ малорусскомъ говорѣ, такъ какъ въ подляскомъ разнорѣчьи встрѣтились намъ слова: *оттрає* вм. *обтирає*, *везь* вм. *везь* изъ *возьми* (посадъ Воинъ).

Первый элементъ отзвучный мгновенный, второй звучный.

КР (*прикро*, у Бер. *прикри*) ²⁾, КІ (*некло*), КМ (*токмачити*), КН (*вкно*), КВ (*сакви*, лат. *saccus*, новогреч. *σακχι*) ³⁾, ТР (*котрий*), ТІ (*світло*), ТЪМ (*притьмом*), ТН (*смитник*), ТВ (*дѣтвора*), ПР (*веприк*), ПІ (*дуло*), ПН (*риннути*).

¹⁾ Голов. Грам. 29—30.

²⁾ Бер. 97.

³⁾ Mihlos. Lex. 818.

Въ группахъ этого рода второй согласный болынею частію плавный. Постлѣ *к, т, н* не могутъ стоять: *б, г, д, ж, з*.

Первый элементъ отзвучный длительный, второй звучный.

Группъ этого рода болыне, чѣмъ предыдущихъ, такъ какъ съ наличнымъ отзвучнымъ удобнѣе соединяются послѣдующе согласные, каковы бы они ни были. ХР (*нахраном*), ХІ (*брехливий*), ХМ (*нахмуритись*), ХН (*брехня*), ХТ (*торохтити*), ХВ (*кухва*, нѣмец. *Kufe*).

Послѣдняя группа—одна изъ наиболѣе любимыхъ въ малорусскомъ нарѣчій, особенно въ началѣ словъ. Она замѣняетъ звукъ *ф*, нѣкогда чуждый всѣмъ славянскимъ нарѣчіямъ и нынѣ усвоенный гѣми изъ нихъ, которыя болыне всего подверглись неславянскому влиянію. Другой гортанный звукъ, изрѣдка стоящій вмѣсто нелюбимаго *ф*, есть *к*: *проскура* изъ *поостора*. Чаще же всего, сообразно съ древнеслав. нарѣчіемъ, вмѣсто *ф* видимъ въ малорусскомъ нарѣчій звуки одного органа: *б* и *п*: *барва* (нѣм. *Farbe*), *пляшка* (нѣм. *Flasche*) и проч. Замѣна эта, впрочемъ, встрѣчается во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ.

СІ (*послати*), СМ, СБМ (*пасмо*: Миклошичъ сопоставляетъ это слово съ древневерхненѣм. *Faso*, средневерхненѣм. *Vase* и нововержненѣм. *Fasen* ¹⁾—*восьмърка*), СН (*нешасний*), СВ (*засвітити*).

ЦН (*мицний*), ЦМ (*лоцман*, нѣм. *Lothsmann*), ЦВ (*зацівстити*).

ЧН (*необачний*), ЧМ (*ячмень*), ЧІ (*овчливий*), ЧВ (*личба*, у Бер. *личба*) ²⁾.

ШЛ (*смишливий*), ШН (*борошно*, древнесл. *брашно*), ШВ (*нидошва*).

Итакъ, срединныхъ согласныхъ группъ въ малорусскомъ нарѣчій, по нашему счету, 185. Изъ нихъ чисто звучныхъ 66, отзвучныхъ 69 и полузвучныхъ 90. Разница въ количествѣ между начальными группами и срединными поразительно рѣзкая: срединныхъ группъ въ два раза болыне, чѣмъ начальныхъ. Что касается до конечныхъ согласныхъ группъ, то здѣсь неравенство еще рѣзче: конечныхъ группъ въ семь разъ меньше, чѣмъ срединныхъ. Очевидно, средину словъ можно считать главнымъ центромъ консонантизма, что вполне согласнo съ ролью согласныхъ въ экономіи языка—служить остовомъ слова.

¹⁾ Mikl. Lex. 556.

²⁾ Бер. 8.

Но были также и историческія причины, вліявшія на скопленіе согласныхъ звуковъ въ срединѣ словъ. Легко убѣдиться въ этомъ изъ сравненія славянскаго консонантизма съ малорусскимъ. Правда, и въ древнеслав. нарѣчій срединныхъ согласныхъ группъ нѣсколько больше, чѣмъ начальныхъ, но все-таки далеко нѣтъ той рѣзкой разницы между количествомъ тѣхъ и другихъ, какая существуетъ въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ, между прочимъ, и въ малорусскомъ ¹⁾. Если же въ древнѣйшемъ состояніи этихъ послѣднихъ признавать аналогическій строй съ тѣмъ звуковымъ строемъ, какой мы видимъ въ древнеславянскомъ нарѣчій, то необходимо признать вмѣстѣ съ тѣмъ образованіе многихъ срединныхъ согласныхъ группъ явленіемъ, обусловленнымъ позднѣйшими звуковыми превращеніями. И дѣйствительно, нельзя не видѣть въ основѣ этого явленія причины намъ уже извѣстной, именно, паденія глухихъ гласныхъ, изъ котораго возникли громадныя послѣдствія для всѣхъ славянскихъ нарѣчій не только въ области вокализма, но и въ области консонантизма. Это такого рода фактъ, который во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ связываетъ въ одно неразрывное цѣлое историческое движеніе звуковъ, какъ гласныхъ, такъ и согласныхъ.

Въ самомъ дѣлѣ, достаточно общаго взгляда на постановку глухихъ гласныхъ въ древнеславянскомъ нарѣчій, чтобы понять, какъ долженъ былъ перестроиться консонантизмъ малорусскій съ потерей этихъ звуковъ. Сравнивалъ малорусскія слова и формы, которыя въ древнеслав. нарѣчій содержали въ себѣ глухіе гласные, находимъ прежде всего, что въ начальныхъ слогахъ, послѣ плавныхъ *p* и *l*, въ малорусскомъ нарѣчій глухіе превратились въ чистые гласные. Сюда относятся всѣ тѣ случаи, въ которыхъ произошла перестановка глухихъ напередъ плавныхъ согласныхъ: *слынце*, *трыль*, *срьдце* въ малорус. произносятся: *сонце*, *торл*, *серце*. Въ слѣдствіе этой перестановки плавные должны были столкнуться съ согласными, которые въ древнеслав. нарѣчій стояли послѣ *z* и *v*: большею частію этимъ путемъ получились срединныя группы съ начальными *l* и *p*. Такъ должно было естественнымъ образомъ умножиться количество согласныхъ элементовъ въ срединѣ словъ.— Вообще же плавныхъ согласныхъ въ малорусскомъ нарѣчій больше въ срединѣ словъ, чѣмъ въ началѣ. Изъ 93 начальныхъ группъ въ 42

¹⁾ Hatt. De mut. contig. conson. 27 и слѣд.

участвуют плавные элементы (мы, впрочемъ, считаемъ здѣсь кромѣ *л* и *р*, согласные *м* и *н*), между тѣмъ, изъ 185 срединныхъ плавные входятъ въ составъ 98. Начальныя двухчленные группы даютъ процентъ плавныхъ $45\frac{1}{6}$, срединныя же группы 50%, слѣдовательно, въ срединѣ словъ съ плавнымъ элементомъ согласныхъ группъ больше на 1¹/₆. Этотъ излишекъ мы объясняемъ передвиженіемъ собственно *л* и *р* изъ начальныхъ слоговъ въ срединные, что конечно, не могло не оказать вліянія на уменьшеніе согласныхъ группъ въ началѣ словъ.

Къ тому же результату приводитъ вокализация пѣкоторыхъ согласныхъ въ началѣ словъ. Мы имѣемъ въ виду собственно древнеслав. предлоги *въз* и *въ*, изъ которыхъ первый превратился въ малорусскомъ нарѣчій въ *уз*, второй—въ *у* послѣ согласныхъ, въ звучное *в* послѣ гласныхъ. Такимъ образомъ, послѣ паденія *ъ* и *ь*, должны были бы получиться новыя согласныя группы, между тѣмъ онѣ не получились. Въ малорусскомъ нарѣчій нѣтъ начальной группы *въз* предложнаго образованія, за исключеніемъ слова: *взяти*, и то въ такомъ только случаѣ, когда этому слову предшествуетъ другое, оканчивающееся на гласный звукъ, тогда какъ въ великорусскомъ нарѣчій эта группа довольно обычна: *взаймы*, *взобратъся*, *взыскать* и проч. Есть, правда, явленіе въ малорусской фонетикѣ, обратное вокализациі согласныхъ, именно, превращеніе гласнаго *і* въ *іоту* послѣ гласныхъ (*ти йди сюди*), но оно вызвано необходимостью устранить гіатусъ и тотчасъ же исчезаетъ, какъ только такой необходимости нѣтъ (*внѣ шовъ*); притомъ же группа съ начальной *іотой*—*йд*, *йт* и проч. встрѣчается болѣею частію въ предложеніи, гораздо рѣже въ словѣ, поэтому мы и не помѣстили *ей* въ число основныхъ срединныхъ группъ. Замѣтить пужно, что предлогами *уз* и *у* начинается огромное количество словъ въ малорусскомъ нарѣчій, и потому вокализациі *въз* и *въ*, въ ряду другихъ причинъ, которыя содѣйствовали уменьшенію согласныхъ группъ въ началѣ словъ, занимаетъ не послѣднее мѣсто.

Наконецъ, нельзя не обратить вниманія на то обстоятельство, что въ большей части суффиксовъ глухой элементъ *ъ* въ малорусскомъ нарѣчій не перешелъ въ соответствующій гласный звукъ, а напротивъ того, совершенно исчезъ, оставивъ лишь послѣ себя слѣдъ смягченія на тѣхъ согласныхъ, которыя подлежатъ смягченію. Вотъ, напр., нѣсколько словъ малорусскихъ и древнеславянскихъ съ разными суффиксами.

Суф. *ьн*: въ древнесл. (по Остр. ев.): *дивно, безумьн, празднѣнѣ, извъстьнѣн, бльсьнѣ, лозьнѣн, брачнонѣ, пристрашнѣн, немощнѣн* ¹⁾; въ малорус.: *рѣвнѣн, сумнѣн, празник* (уже въ Галиц. евангеліи есть: *празникы* ²⁾) и въ Остром. ев. аналогическая форма: *горазнѣнѣ* ³⁾, *безрѣднѣн, блакитнѣн, навѣснѣн, замзнѣн, вчнѣн, страшнѣн*. Сочетація ПЦН въ малорус. пѣтъ: трехчленная группа ПЦН (ШЧН) превращается въ двухчленную, поэтому *щ* предъ *н* переходитъ въ *н*: *пѣдсѣишник* (древнесл. *сѣишникѣ*).

Суф. БШ: въ древнесл. *больши, меньшихъ, горьши* ⁴⁾, въ малорус.: *блѣшнѣн, меншнѣн, иришнѣн*.

Суф. БСК: въ древнесл. *людьскыи, плътьската, женьскъ, мирьскы, гръчьскы* ⁵⁾; въ малорус., въ слѣдствіе потери *ь*, славянская двухчленная группа СК вошла въ составъ трехчленныхъ группъ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда конечный согласный корня сплавился съ начальнымъ согласнымъ суффикса: *людьскый, брацькый, паньскый, мирьскый, грѣцькый*.

Суф. БЦ: въ древнесл. *ловьць, слътьць, аиньць, старьць, градьць, отьць* ⁶⁾. Въ замѣнъ утраченной гласности конечнаго *ь*, въ малорускомъ нарѣчій *ь* суффикса *ьц* перешолъ въ *е*: *вдовець, слтець, запорожець, рѣзець, юстинець, старець, молодець, отець*. При возстановленіи гласнаго звука въ концѣ слова, *ь* суффикса *ьц* исчезаетъ, смягчая предшествующіе согласные, за исключеніемъ губныхъ и шипящихъ, а также плавнаго *р*: *вдовця, слтця, запорожця, рѣзця, юстинця, старця, молодця, отця*.

Суф. БСТВ и въ древнеслав. нарѣчій входилъ въ составъ трехчленныхъ группъ; въ малорускомъ, по исключенію *ь*, онъ образовалъ немногія четырехчленные группы. Древнесл.: *дльство, цесарьство, свѣдѣтельство, наслѣдствовать, богатство, величество, рождество* ⁷⁾; въ малорус.: *побратимство, царство, начальство*, иногда и безъ смягче-

¹⁾ Изд. Вост. 40. 104. 153. 277. 68. 159. 81. 44. 160.

²⁾ Колос. Оч. 80.

³⁾ Изд. Вост. 294.

⁴⁾ Ibid. 62, 151, 195.

⁵⁾ Ibid. 161. 3. 74. 294. 220.

⁶⁾ Ibid. 60. 68. 118. 6. 135. 54. 17.

⁷⁾ Ibid. 306. 3. 151. 111. 102. 277.

ня: *началство, наследство, балаитво*: здѣсь и есть простой комплекс *т + с*. Съ шипящими въ малорус. нарѣчїи суффиксъ этотъ не встрѣчается. Замѣчательна малорус. форма: *риздо* вм. *рожьство, рождество*. Малорусское слово: *риздо* образовалось изъ этой послѣдней формы. Потеря *ь* дала бы невозможную въ малорусскомъ нарѣчїи серединную пятичленную группу. Чтобы избѣжать этой группы, коренное *д* уцѣлѣло минуя форму: *рожьство*, только не въ древнеслав. смягченномъ видѣ ЖД, а въ малорус. ЗД, гдѣ Ж качественно ассимилировалось предъ Д въ З, а СТ суффикса, подъ вліяніемъ звучныхъ элементовъ—передняго *д* и задняго *в*, должно было исчезнуть, допустивъ непосредственное соединеніе звучныхъ элементовъ *д* и *в*. Такъ явилась упрощенная группа: ЗДВ вм. ЖДЪСТВ—одна изъ тѣхъ характеристическихъ группъ, которыя свидѣтельствуютъ объ активной роли звучныхъ элементовъ въ малорусскомъ консонантизмѣ.

Довольно этихъ примѣровъ, чтобы видѣть потерю *ь* въ суффиксахъ безъ всякой замѣны этого звука гласнымъ звукомъ (не говоримъ о суффиксахъ флективныхъ: ЪМЬ, ЬМЬ, которые въ малорусскомъ нарѣчїи звучатъ ОМ, ЕМ). А такъ какъ положеніе суффиксовъ въ словѣ именно серединное, то понятно, почему въ срединѣ словъ въ малорусскомъ нарѣчїи получилось сравнительно большее количество согласныхъ группъ, чѣмъ въ началѣ словъ.

Мы коснулись совѣмъ нетронутаго вопроса въ русской наукѣ о языкѣ,—коснулись не съ тою подробностію, съ какой желали бы въ виду важности и неразработанности сюжета. Для насъ важно было отмѣтить фактъ въ такой лишь степени, въ какой это было необходимо для характеристики общаго хода звуковыхъ явленій въ малорусской фонетикѣ. Предоставляя другимъ разработать поставленный нами вопросъ сравнительнымъ путемъ, переходимъ къ исчисленію процентнаго отношенія звучныхъ и отзвучныхъ элементовъ, какъ въ начальныхъ, такъ и въ срединныхъ согласныхъ группахъ.

Звучные и отзвучные элементы въ начальныхъ согласныхъ группахъ распредѣляются такъ: всѣхъ начальныхъ группъ 93, изъ нихъ чисто звучныхъ 42, полузвучныхъ 32, отзвучныхъ 19. Серединныхъ группъ, какъ мы видѣли, почти въ два раза больше начальныхъ, именно 185: изъ нихъ чисто звучныхъ 66, полузвучныхъ 90, отзвучныхъ 29. Наибольшій процентъ въ серединныхъ группахъ падаетъ на полузвучныя, т. е. этого рода группъ почти 49%. Наибольшій процентъ въ

начальныхъ группахъ падаетъ на чисто звучныхъ, именно, этихъ группъ 45 $\frac{1}{6}$ %. За то и чисто отзвучныхъ группъ въ началѣ словъ больше, чѣмъ въ срединѣ: въ началѣ словъ ихъ 20 $\frac{1}{6}$ %, въ срединѣ—почти 16%. Мы должны припомнить, впрочемъ, что изъ 19 начальныхъ отзвучныхъ группъ 9 очень рѣдко встрѣчаются, что вообще много словъ съ этими группами петуземнаго происхожденія, что, наконецъ, изъ всѣхъ 19 группъ не болѣе шести или семи можно считать любимыми группами: это именно тѣ отзвучныя группы, которыя начинаются длительнымъ согласнымъ, преимущественно звукомъ *с*. А такъ какъ звучныхъ группъ въ началѣ словъ все-таки больше, чѣмъ въ срединѣ (въ процентномъ отношеніи больше на 1 $\frac{1}{3}$),—то, очевидно, перевѣсъ отзвучныхъ группъ, въ виду исключительности и малораспространенности ихъ, нисколько не препятствуетъ признать въ начальныхъ группахъ сравнительно большее преобладаніе звучнаго элемента надъ отзвучнымъ, чѣмъ въ срединныхъ. Собственно говоря, въ этихъ послѣднихъ звучный элементъ поддерживается преобладаніемъ плавныхъ согласныхъ, какъ въ группахъ чисто звучныхъ (46 изъ 66), такъ и полузвучныхъ (52 изъ 90), тогда какъ изъ 42 начальныхъ звучныхъ группъ плавныхъ 22, а изъ 32 полузвучныхъ группъ съ участіемъ плавнаго элемента 20. Но мы видѣли, что въ малорусскомъ нарѣчій усиленіе плавнаго элемента въ срединѣ словъ произошло на счетъ начальныхъ слоговъ, поэтому настоящія пропорціи, по нашему мнѣнію, можно установить только тогда, когда мы совсѣмъ исключимъ изъ нашего счета группы съ плавными согласными. Съ другой стороны, нужно принять во вниманіе то обстоятельство, что плавные звучные *р, л, м* не имѣютъ соответствующихъ себѣ отзвучныхъ, слѣдовательно, присутствіе ихъ въ согласныхъ группахъ можетъ дать преобладаніе звучному элементу въ какомъ угодно языкѣ: только тогда данныя величины могутъ быть сравниваемы, когда они соизмѣримы между собою. Подъ этимъ условіемъ только и могутъ быть получены выводы, характеризующіе индивидуальныя особенности языка.

Всѣхъ начальныхъ группъ, если исключить тѣ изъ нихъ, въ которыхъ есть плавные согласные, 51, срединныхъ такихъ же группъ 87: чисто звучныхъ начальныхъ 20, полузвучныхъ 12, отзвучныхъ 19, чисто звучныхъ срединныхъ тоже 20, полузвучныхъ 33, отзвучныхъ 29. Сравнивая количество чисто звучныхъ съ чисто отзвучными въ началѣ словъ, получимъ большинство на сторонѣ первыхъ въ началѣ

словъ, большинство, и притомъ значительное, на сторонѣ послѣднихъ въ срединѣ словъ. Если же разсматривать чисто звучныя въ связи со всѣми остальными, то въ начальныхъ группахъ, при отношеніи 20 къ 51, получимъ, $39^{11}/_{15}$, а въ срединныхъ группахъ, при отношеніи 20 къ 87, всего $22^{86}/_{87}$ или почти 23%. Такимъ образомъ, съ устраненіемъ изъ счета плавныхъ элементовъ, преобладаніе звучныхъ группъ въ началѣ словъ выступаетъ еще рельефнѣе.

Выводъ, нами полученный изъ счета начальныхъ и срединныхъ согласныхъ группъ, требуетъ не столько подтвержденій, сколько разъясненій. Интересно, въ самомъ дѣлѣ, знать причины скопленія звучныхъ элементовъ въ началѣ словъ. Нѣтъ сомнѣнія, что раскрытіе этихъ причинъ пролило бы много свѣта на индивидуальныя черты малорусскаго нарѣчія, но работа эта требуетъ этимологическаго анализа громадной массы малорусскихъ словъ, что отвлекло бы насъ въ сторону отъ главной задачи нашего труда. Мы довольствуемся тѣмъ, что констатируемъ существующій фактъ, предоставляя себѣ въ другой разъ подвергнуть его подробному анализу; теперь же, въ общихъ чертахъ, укажемъ на одну изъ главныхъ причинъ изслѣдуемаго нами явленія.

Мы видѣли, что въ концѣ словъ въ малорусскомъ нарѣчіи преобладаютъ гласныя окончанія, что всѣхъ вообще конечныхъ согласныхъ группъ немного сравнительно съ срединными и даже начальными, что, наконецъ, въ согласныхъ одночленныхъ окончаніяхъ строго выдерживаются звучные согласные тамъ, гдѣ есть этимологическое основаніе ихъ выдерживать. Въ этомъ отношеніи мы видимъ полнѣйшее совпаденіе этимологическаго сознанія съ фонетикой нарѣчія. Вообще же гласно-звучнаго элемента въ концѣ словъ довольно. Вотъ этотъ элементъ, по нашему мнѣнію, содѣйствовалъ развитію однородныхъ явленій въ началѣ словъ. Само собою разумѣется, что въ этомъ случаѣ надо имѣть въ виду не отдѣльныя слова безъ всякаго отношенія ихъ къ живой рѣчи: говорить о начальныхъ элементахъ словъ нѣтъ никакой возможности безъ всякаго отношенія къ окончаніямъ предшествующихъ словъ, вырывая ихъ изъ общей связи съ цѣлымъ предложеніемъ. Мы не сочли возможнымъ исчислить группы согласныхъ, образуемая стеченіемъ словъ въ предложеніи, — но для объясненія особенностей въ группахъ начальныхъ обращаемъ вниманіе на звуковую зависимость ихъ отъ окончанія словъ.

Современныя намъ окончанія малорусскихъ словъ формировались постепенно. Къ древнѣйшимъ изъ нихъ относятся гласныя окончанія. Въ непосредственной связи съ этими послѣдними отъ глубоко древней эпохи сохранилась громадная масса начальныхъ согласныхъ элементовъ слова. Мы разумѣемъ собственно элементы эвфоническіе, а не тѣ только, которые составляютъ необходимую принадлежность корня. Это именно тѣ элементы, которые созданы эвфоническою потребностію избѣгать зіянія еще въ то время, когда въ діалектахъ, изъ которыхъ образовалось малорусское нарѣчіе, жили глухіе гласные *ъ* и *ь*. Уже въ древнеслав. нарѣчій мы находимъ ихъ въ полномъ развитіи. Здѣсь *в* является, главнымъ образомъ, предъ губными, *й* предъ остальными гласными: *въ* — основная форма *ав*, отсюда *въ-торъ*, готс. *anthar*: *въ-кнути*, кор. *оук*; *гъзъ* вмѣстѣ съ *азъ*; *гес-ль* — основная форма *асми* и проч. Кромѣ этихъ древнеслав. и вмѣстѣ общеславянскихъ приставныхъ согласныхъ, находимъ въ малорусскомъ нарѣчій въ той же роли согласный звукъ *и*: *Ганна*, *галун* (*aluten* — квасецъ), *гарбуз* (турецк. *qâbrûz*, персидс. *kharbiz* ¹⁾), *гасид* (греч. *ασις*), *гострий*, *горх*, *иками* (*икать*), *икавка*. Въ подольскомъ разнорѣчій это *и* встрѣчается чаще, чѣмъ въ украинскомъ говорѣ; тамъ говорятъ иногда: *горати*, *гобідати*, *иржа* вм. *орати*; *обідати*, *иржа*. Въ галицкомъ говорѣ звуку *и* предпочитается *в*: *воробеи*, *вострий*, *вовес*, *ворати* ²⁾. Впрочемъ, *в* не менѣе обычно и въ украинскомъ говорѣ: *вус*, *вулиця* и *улиця*, иногда *юлиця*, *воюнь* и *оюнь*, *викно* и проч. Конечно, не во всѣхъ случаяхъ приставные согласные составляютъ архаическій остатокъ древнѣйшей эпохи. Есть, напр., случаи, когда приставное *в* обусловлено позднѣйшими особенностями малорусскаго вокализма. Такъ, слово: *овиця* въ род. множ. имѣетъ *овець*: очевидно, въ именит. ед. *в* вызвано эвфоническою потребностію прикрыть начальный гласный *і* послѣ того уже, какъ звукъ *і* образовался изъ основнаго *о*. Но рядомъ съ этими позднѣйшими приставками, въ громадномъ количествѣ сохранились древнѣйшія, по образцу которыхъ, сообразно съ новыми эвфоническими потребностями, были вводимы тѣ же согласные, которые составляли благозвучную принадлежность славянскаго пачала словъ.

Между тѣмъ, съ теченіемъ времени, появлялись согласныя окон-

¹⁾ Miklos. Fremdw. 3.

²⁾ Голов. Розпр. 51.

чания словъ. Падали глухіе гласные въ концѣ словъ, вмѣстѣ съ тѣмъ согласные корни обнажались. Вслѣдъ за глухими гласными, сообразно съ новымъ перестроемъ звуковыхъ явленій, терялись и гласные полные. Въ числу древнѣйшихъ утратъ этого рода принадлежитъ, по нашему мнѣнію, замѣна гласныхъ *и* и *ю* согласнымъ *в* въ галицкихъ формахъ: *домов*, *долов*, *добров*, *женов* вм. *домови*, *долови*, *доброу*, *женоу*. Правда, здѣсь *ов*, предъ начальнымъ согласнымъ слѣдующаго слова, звучитъ, какъ дифтонгъ *оу*, но предъ начальнымъ гласнымъ конечное *у* отвердѣваетъ въ сомасный звучный *о* ¹⁾. По мѣрѣ накопленія согласныхъ окончаній, возникала реакція въ пользу гласнаго элемента, какъ въ самомъ же концѣ, такъ и въ началѣ словъ. Къ числу реактивныхъ явленій перваго рода мы относимъ звукъ *о* въ повел. накл. множ. ч. *тикаймо*, *сядьмо* и проч. Формы эти встрѣчаются въ южнорусскихъ памятникахъ очень рано, напр. въ поученіяхъ Ефрема Сирина (XIII в.): *поразумѣймо*, *оубоимостѣ*, *работаймо* ²⁾. Можно согласиться съ Потебней, что первоначально звукъ *о* вызванъ былъ здѣсь стеченіемъ согласныхъ въ срединѣ словъ: *им*, *дым*, и что послѣ того *о* распространилось и на всѣ формы повелит. наклон. безъ срединныхъ согласныхъ группъ: *ходимю*, *робимю* и проч. ³⁾. Мы прибавимъ только, что аналогия эта распространяется и на 1-е лице множ. ч.

1) Въ украинскомъ говорѣ старинный суф. твор. пад. женс. р. ед. ч. вполнѣ сохранился: *доброю водою*, *моєю землею*. Въ великорус. нарѣчій звукъ *ю* сократился въ *югу*: *добро-й водо-й*, *моє-й земле-й*. Для объясненія этихъ формъ, мы считаемъ нужнымъ отличать образование существъ женс. р. а также прилагат. и мѣстоим. въ томъ же родѣ отъ образования существит. муж. р. Въ великорусскомъ нарѣчій сокращеніе съ первыхъ распространилось на послѣднія: *добро-ю*, *женс-ю*, *земле-ю*, *добро-й*, *жено-й*, *земле-й*, отсюда, по аналогии съ утвердившимися сокращенными формами: *домо-й*, *доло-й*. Въ галицкомъ говорѣ, наоборотъ, сохранившееся разложеніе *у* въ *ов* темъ *у* распространилось на прилаг. и существъ женс. р. основная форма: *дом-ов-и*, отсюда: *дом-ов*, затѣмъ: *добров*, *женов*, передъ согласными: *домоу*, *доброу*, *женоу*. По всей вѣроятности, какъ великорус., такъ и галицкія формы обязаны своимъ происхожденіемъ дѣйствию указываемой нами аналогии.—Въ первый разъ встрѣтилась намъ форма: *домовъ* въ Договорной грам. смоленс. кн. съ Ригой (XIII в.) (Изв. Ак. т. X, вып. VI. 602).

²⁾ Срезн. Свѣд. 49.

³⁾ Потеб. Зам. 16.

изъяв. накл.: (*робимо, говоримо*), и что самый этот широкий объем ее дѣйствія наводитъ на мысль, что въ основѣ ея лежитъ не одно побужденіе ослабить скопленіе срединныхъ согласныхъ посредствомъ гласныхъ окончаній, но и необходимость поддерживать эти послѣднія въ виду накопившихся съ давнихъ временъ согласныхъ окончаній. — Въмѣстѣ съ восстановленіемъ гласнаго элемента въ концѣ словъ, появлялись эвфоническіе гласные звуки въ началѣ словъ, то въ видѣ новыхъ эвфоническихкихъ наростовъ, то въ видѣ вокализированныхъ согласныхъ звуковъ. Къ первымъ принадлежитъ самый любимый и особенно распространенный въ малорусскомъ нарѣчій гласный звукъ *i*, приставляемый къ началу словъ въ видѣ благозвучнаго элемента: *ізо мною* вм. *зо (съ) мною*, *ік Чорному морю* вм. *к Чорному морю*. Чаще всего приставляется *i* къ основамъ, которыя начинаются согласными группами съ переднимъ плавнымъ: *ірасти, іржати, Іагшиця, ільняний, іма*. Лавровскій объясняетъ эту приставку органической замѣной исчезнувшихъ *z* и *ь* послѣ плавныхъ согласныхъ ¹⁾; мы не отрицаемъ, что на образованіе ея имѣло вліяніе паденіе глухихъ послѣ плавныхъ, но думаемъ, что обязана она, главнымъ образомъ, потерѣ глухихъ въ концѣ словъ, иначе нельзя было бы объяснить присутствіе ея предъ согласными неплавными. Приставное *i* появляется во многихъ южнорусскихъ памятникахъ XIV в. Такъ, въ Луцк. ев: *істворю, ісбоудеться, ісвьяжете* ²⁾, въ актахъ XIV в: *и Левовскомъ* (одно слово), *ісѣ* вм. *сѣ* ³⁾. Мы не сомнѣваемся въ томъ, что въ живой рѣчи это благозвучное *i* существовало задолго до появленія своего въ письменности: оно выступило изъ-за строгой ферулы славянскаго правописанія послѣ того, какъ сформировалось въ устномъ употребленіи. Понятно, что причина, создавшая это *i*, относится къ эпохѣ еще болѣе древней. Нѣсколько раньше благозвучнаго *i*, и притомъ въ памятникахъ не исключительно южнорусскихъ, появляется *u* изъ *sz*. Мы уже имѣли случай привести примѣры этой замѣны изъ памятниковъ XIII в. Такъ искусственно, въ интересахъ благозвучія, подъ вліяніемъ потери во многихъ словахъ гласныхъ окончаній, появился, рядомъ съ *i*, звукъ *u* на противоположномъ концѣ голосоваго канала; не смотря

¹⁾ Журн. Мин. Нар. Пр. 1859, Іюнь, 237.

²⁾ Вост. Опис. рукоп. Рум. Муз. 177.

³⁾ Голов. Памят. № 4.

на то, что оба эти гласные звука артикулируются не въ одномъ мѣстѣ, они представляютъ сходство въ томъ отношеніи, что ближе всего стоятъ къ согласнымъ звукамъ *й* и *в* и легко могутъ перейти въ эти послѣдніе, какъ только въ томъ окажется надобность.

По ходу указанныхъ нами звуковыхъ процессовъ, эта надобность должна была возникнуть раньше или позже, — должна была возникнуть очередь новой реакціи противъ накопившагося въ началѣ словъ гласнаго элемента. И вотъ мы видимъ въ малорусскомъ нарѣчій наиболѣе позднія звуковыя явленія, къ числу которыхъ относимъ превращеніе начальнаго *і* въ *й*, начальнаго *у* въ *в*, а также опущеніе гласныхъ звуковъ въ началѣ и въ концѣ словъ. Укажемъ примѣры того и другаго явленія.

Союзъ *і* послѣ гласныхъ звуковъ превращается въ *й*: „*та й добре*.“ Такъ же точно обращается въ іюгу начальное *і* глаголовъ *іду*, *іму*: „*не йму віри*“, „*не йди до мене*“. Во многихъ словахъ это *і* то опускается, то снова появляется, судя по тому, гласный или согласный звукъ предшествуетъ словамъ, которыя начинаются съ *і*: „*іду з города*“, „*чоловик із города*.“ Здѣсь, очевидно, исключеніемъ *і* устраняется зіяніе. Въ иныхъ словахъ начальное *і* опускается: *ськати*, *крати*, *кренць*, *крише*, *сповідь*, *спидниця*, *Гнат*, *Ларко*, *Сидір* и проч.

У неударяемое въ началѣ словъ послѣ предшествующихъ гласныхъ превращается въ *в*, послѣ согласныхъ восстанавливается: „*вона вже умерла*“ вм. „*уже умерла*“, „*чоловик умер*“, „*чоловик уже умер*“. И начальное *о*, то опускается, то снова появляется подѣ влияніемъ предшествующаго гласнаго или согласнаго звука: *Панас* и *Опанас*, *цей* и *оцей*, *дати* и *оддати*, *одного* и *дного* („одно (о)дного догання“), *огород* и *город* („на (о)городі коло броду“); иногда это *о*, подобно *у*, превращается въ *в*: *на вгороді* (въ Словѣ о полку Игоревѣ: *Влуръ* и *Овлуръ*).

Въ концѣ словъ опускаются гласные: *я*, *е*, *у* и *и* (*ъ*): *від'їль*, *боявся* вм. *від'їля*, *боявся*, — *берть*, *ходить* вм. *беріте*, *ходите*, у лемковъ: *берь*, *возь*, *кра*, *співа* вм. *крає*, *співає*, — *більш*, *кри* вм. *більше*, *крише*, — *чом* вм. *чому*, *коб* вм. *коби* (у лемковъ); въ украинскомъ говорѣ, вѣроятно, подѣ влияніемъ великорусскаго выговора, опускается иногда и: *ходить*, *говорить* вм. *ходити*, *говорити*.

Не исчисляя подробно всѣхъ аналогическихъ явленій въ малорусскомъ нарѣчій, указываемъ только имъ мѣсто въ звуковой исторіи его. Большею частію они возникли въ эпоху болѣе позднюю, — въ ту эпоху,

когда живѣе почувствовалась потребность подвести итогъ звуковымъ колебаніямъ, потребность въ звуковой отдѣлкѣ слога. Сокращеніе и стяженіе гласныхъ, съ точки зрѣнія полноты вокализма, есть искаженіе звука и, конечно, не можетъ быть отнесено къ древнѣйшей эпохѣ. Напротивъ, въ этомъ явленіи замѣтно стремленіе приспособить гласные звуки къ установившейся уже системѣ согласныхъ, устроить слогъ со стороны его благозвучія,—то стремленіе, которое характеризуетъ періодъ упадка этимологическаго чутья и, въ замѣнъ того, періодъ развитія эвфонической техники. Многіе приемы этой техники, безъ сомнѣнія, присущи были и древнѣйшей эпохѣ, какъ вообще присущъ былъ и ей инстинктъ благозвучія, но тамъ онъ выступаетъ не такъ рельефно, оттого и въ приемахъ эвфоніи нѣтъ современной намъ полноты и разнообразія. Чѣмъ долѣе живетъ языкъ, тѣмъ болѣе накапливается въ немъ этихъ приемовъ, и именно такъ, что, рядомъ съ новыми, не исчезаютъ изъ употребленія и старые приемы. По толчку, данному въ очень давнее время, эти послѣдніе развиваются и совершенствуются. Такъ, рядомъ съ древнѣйшими приставными согласными *в, н, ѣ*, въ малорусскомъ нарѣчій позже выступилъ въ той же роли звукъ *и*. Полагать надобно, что онъ вызванъ былъ не столько примитивною общеславянскою гласностію окончаній, сколько позже развишеюся гласностію начальныхъ слоговъ: въ словѣ, напр: *иржа* звукъ *и* явился, очевидно, въ позднее время, потому что самое *и*, передъ которымъ онъ поставленъ, относится къ эпохѣ секундарной гласности, которая вызвана была упадкомъ старинной гласности и вслѣдъ затѣмъ появленіемъ согласныхъ окончаній. Такимъ-то образомъ, самыя противоположныя явленія въ малорусской фонетикѣ—потеря гласныхъ въ началѣ словъ и приставка согласныхъ, съ другой стороны, вокализация согласныхъ и приставка гласныхъ объясняются исторіей малорусскаго нарѣчія, которое въ современномъ своемъ состояніи представляетъ видъ стариннаго зданія, перестроеннаго по новымъ вкусамъ и потребностямъ. Сущность же этихъ послѣднихъ заключается въ эвфоническомъ устройствѣ слога, который представляетъ ту характеристическую особенность, что въ немъ элементы гласные и согласные находятся между собою въ равновѣсіи. Съ этою цѣлю, съ одной стороны, устраняется зіяніе, чему мы видѣли примѣры выше, съ другой стороны, разбирается, на сколько возможно это безъ вреда для этимологической ясности слова, стеченіе согласныхъ: *Дист-е-р, моз-о-к, кораб-е-ль, а не*

Дигстр, мозк, корабль,—на лоби, у роті, по лёду, а не на лбі, у рти, по льду и проч. Равномѣрное чередованіе гласныхъ съ согласными— вотъ основная черта малорусской эвфони. Не во всѣхъ подробностяхъ она проведена и не вездѣ съ достаточною полнотою выдержана, но тѣмъ не менѣе въ цѣломъ, въ громадномъ множествѣ звуковыхъ явленій, она выдвигается рельефно и рѣзко, какъ черта типическая. Указывая на эту черту, мы вовсе не можемъ сказать, что въ малорусскомъ нарѣчій согласные и гласные элементы распределены съ геометрическою правильностію. Нельзя представигъ себѣ такую правильность въ какомъ бы то ни было языкѣ, потому что она не совмѣстима съ сущностію языка, который, во всякомъ случаѣ, не есть искусственно задуманное произведеніе человѣческаго духа. Рѣчь идетъ о тягостнѣи звуковыхъ явленій въ ту или другую сторону, о преобладающемъ характерѣ ихъ. Но уже присутствіе согласныхъ группъ, въ особенности трехчленныхъ, показываегъ, что согласный элементъ локализуется въ тѣхъ или другихъ частяхъ слова. Такъ, изъ анализа двухчленныхъ группъ въ малорусскомъ нарѣчій мы сдѣлали выводъ, что согласный элементъ сосредоточивается, главнымъ образомъ, въ срединѣ словъ, въ области срединныхъ суффиксовъ, при спайкѣ ихъ съ корнями словъ. Затѣмъ, въ свою очередь, гласный элементъ сосредоточивается, главнымъ образомъ, въ концѣ словъ, въ области флективныхъ суффиксовъ. Это послѣднее обстоятельство, по нашему мнѣнію, очень важно въ отношеніи къ вопросу о характерѣ начальныхъ согласныхъ группъ.

Мы видѣли, что въ началѣ словъ въ малорусскомъ нарѣчій положительно преобладаютъ звучныя группы. Мы объясняемъ эту ихъ особенность изобиліемъ гласно-звучныхъ элементовъ, широко развитыхъ въ окончаніяхъ малорусскихъ словъ. Есть достаточно фактовъ, подтверждающихъ нашу мысль, фактовъ, собранныхъ нами въ предыдущемъ обзорѣ начальныхъ и конечныхъ гласныхъ, а также въ обзорѣ сокращенія и приставки ихъ. Выше замѣчено было, что предлогъ *із*, въ сложеніи съ другими словами, предъ отзвучными иногда теряетъ *з*, смѣняя этотъ звукъ на *с*: *росказати, роспитати*. Но тотъ же предлогъ *із*, не сливаясь съ словомъ, удерживаетъ звучное *з*, хотя бы слово, предъ которымъ онъ стоитъ, начиналось съ отзвучнаго согласнаго: *із пещи, із тисти*. Въ этомъ случаѣ на сохраненіе звучнаго *з* имѣла вліяніе не столько отдѣльность предлога отъ послѣдующихъ

словъ, сколько впереди стоящей гласный звукъ *i*. Чтобы убѣдиться въ этомъ, возьмемъ, напр., фразу изъ пѣсни: „*пливе шука з Кременчука*“ здѣсь, очевидно, звучное *з* удержалось предъ отзвучнымъ *к*, благодаря предшествующему гласному звуку *а*. Когда же предъ *з* въ предложении стоитъ согласный отзвучный, а послѣ него такой же отзвучный, это *з* тотчасъ превращается въ *с*, напр. въ предложении: „*іде чумак с Криму*“, а не „*з Криму*“. Тѣмъ же влияніемъ предшествующаго гласнаго звука мы объясняемъ въ предлогѣ *от* превращеніе отзвучнаго *т* въ звучный *д* даже предъ отзвучными: *одписати, одказати, одтягати* и проч. Наконецъ, этому самому влиянію конечныхъ гласныхъ мы приписываемъ звучное произношеніе въ малорусскомъ нарѣчій гласнаго *в*, которымъ начинаются многія предложныя слова. Итакъ, главная причина скопленія въ началѣ словъ звучныхъ группъ заключается въ томъ, что въ окончаніяхъ малорусскихъ словъ, главнымъ образомъ, сосредоточены гласно-звучные элементы. Понятно, что срединныя группы поставлены въ этомъ отношеніи въ условія менѣе благопріятныя, чѣмъ начальныя.

Намъ остается еще рассмотретьъ трехчленныя и четырехчленныя группы въ малорусскомъ нарѣчій. Удобнѣе всего расположить ихъ по послѣднему члену, такъ какъ и въ малорусскомъ, и въ древнеслав. нарѣчійхъ, въ окончаніяхъ онѣ представляютъ больше однообразія, чѣмъ начальныя и срединныя группы.

Начальныя трехчленныя группы:

ВБР (*вбрана*), ВДР (*вдрати*), ВКР (*вкрити*), ВТР (*отратити*), ЗБР (*збрезати*), ЗГР (*згромадити*), ЗДР (*здринити*, у Бер. *зрада*)¹⁾, СКР (*скриня*, лат. *scrinium*), СПР (*справа*), СТР (*стриха*, слав. кор. *стрѣти*), ШКР (*шкрябати*, польс. *skrobac, skrabac*, въ чешс., какъ въ малорус. *škrabatì*), ШТР (*штрикати*, въ Супр. рук. *стрѣкати*)²⁾, ВБ.І (*вблагити*), ВГ.І (*вглядити*), ВП.І (*вплинути*), ВС.І (*вслушатись*), ЗГ.І (*зглизити*), ЙШ.І (*знайшло*), СК.І (*скло*, слав. *стѣкло*, польс. *szkło*), ШК.І (*шклянка*).

ВДВ (*вдвое*), ДЗВ (*дзвн*, у Бер. *дзвенк*), ШКВ (*шкварчати*, кор. *скварк*, чешс. *skvrceŕi*, польс. *skwierczec*)³⁾.

¹⁾ Бер. 39.

²⁾ Miklos. Lex. 896.

³⁾ Ibid. 844.

ВГН (*вняти*), ДХН (*дхнути*, слав. *дохнѣти*), ПХН (*пхнути*, слав. *пѣхнѣти*), СХН (*схнути*, слав. *сѣхнѣти*), ТГН (*тхнути*, слав. *тѣхнѣти*).

ВВГ (*вбрати*).

ВВХ (*вбрати*).

ВСК (*вскочити*).

ВСТ (*встояти*).

Всѣхъ начальныхъ трехчленныхъ группъ 31. Изъ нихъ 14, т. е. почти половина начинается съ согласнаго звука *в*, который тотчасъ же переходитъ въ *у*, какъ только предшествующее слово оканчивается на согласный звукъ: „*она окрила*“, „*онъ укрив*“, „*она вблагала*“, „*онъ ублагав*“ и проч. Такъ какъ трехчленные группы съ начальнымъ *в*, являясь въ словѣ по требованію благозвучія, крайне неустойчивы, то мы поручиться не можемъ за полноту своего счета. Во всякомъ случаѣ, недочетъ не можетъ оказаться значительнымъ, и, еслибы онъ оказался, то количество трехчленныхъ начальныхъ группъ, сравнительно съ начальными двухчленными, все-таки выйдетъ почти въ три раза меньше.

Серединныя трехчленные группы:

ЗГР (*незграбный*, польс. *niezgrabny*), ЗДР (*уздрѣти*, у Бер. *зздростивый*)¹⁾. ИГР (*наиравати*, у Бер. *наираванье*)²⁾, НДР (*мандрувати*, нѣм. *wandern*), ВПР (*навпростець*), СКР (*вскряк*, вѣроятно, отъ *сѣкрянѣти*, кор. *кряк*)³⁾. СТР (*заструати*), ШТР (*муштра*; нѣм. *mustern*).

БК.І (*обкладати*), ЗГ.І (*розглядати*), РМ.І (*закормлювати*), РК.І (*црклювати*, нѣм. *zirkeln*), РТ.І (*жартливий* и *жартовливий*), СК.І (*пскля*, слав. *пскити*), СЛ.І (*росложувати*).

РЧМ (*корма*: Миклошичъ сопоставляетъ это слово съ литовс. *karėama* и нѣм. *kretschan*)

ВВН (*довбня*, слав. *дѣбсти*), ВЗН (*навзнич*, у Бер. *навзнакъ*)⁴⁾, РВН (*скарбница*, то же и у Бер. *скарбница*)⁵⁾, ВКН (*бѣкнати*—

¹⁾ Бер. 47.

²⁾ Ibid. 56.

³⁾ Miklos. Lex. 930.

⁴⁾ Ibid. 318.

⁵⁾ Бер. 20.

⁶⁾ Ibid. 27.

звукоподражательнаго образованія). РКН (*торкнути*), МКН (*од'имкнути*), ПХН (*заткнути*, у Бер *зопхнень*)¹⁾, СХН (*висхнути*), ТКН (*заткнути*), ПКН (*нишкнути*: есть нарѣчіе *нишком*, *нищечком*; корень здѣсь *ниш* (польс. *niszczęć*), *нишит* изъ *ничьт*).

ЗДВ (*риздво*, объясн. см. выше), РКВ (*цержва*), НТВ (*лиштварь*—барашья кожа. въ сербс. *лијенитина*—медвѣжья кожа), СТВ (*товариство*), СХВ (*рохвалити*), ШКВ (*вишкварки*), ПГВ (*лиштва*: Миклошичъ производитъ огь древневѣрхнебѣм. формы *listá*)²⁾, ЦТВ (*паруботтво* изъ *парубоцтво*).

БСБК (*баськи*), ВСБК (*дид'івський*), ДБСБК (*городський*), ЛБСБК (*ковальський*), РСБК (*крамарський*), НБСБК (*паньський*), РГК (*жертка*, слав. *жрьдь*), СТК (*звистка*), ВЧК (*мовчки*, у Бер. *мовчки*)³⁾, ВШК (*навстрашки*), ЛШК (*завбильки*), ПСБК (*конопський*), РШК (*горшом* вм. *горшком* отъ *горщик*).

ВЗТ (*повзти*), ВКТ (*товктись*), ВПТ (*човпти*: этимологія слова для насъ не ясна: можетъ быть. оно происходитъ отъ *чоп*, лат. *сирр*, польс. *szorowac*), ВСТ (*навстж*—кор. *встж*), ДСТ (*відступатись*), РСТ (*верстат*, у Бер. *верстат*)⁴⁾, МСТ (*помста* и у Бер. *помста*)⁵⁾, слав. *мсть*).

ВЩ=ВЩЧ (*батьківщина*), ДЩ (*мирогородщина*). ЛЬЩ (*Польша* и *Полиа*, въ лѣт. Самов: *Полицы*)⁶⁾, РЩ (*горща* и *горця*), ПЩ (*полещань*).

Изъ конечныхъ трехчленныхъ группъ мы знаемъ только одну: РЩЧ=РЩ (*бориц*), пѣмец. областн. *Bartsch*)⁷⁾.

Всѣхъ срединныхъ трехчленныхъ группъ 59, т. е. въ три раза меньше, чѣмъ срединныхъ двухчленныхъ. Почти та же пропорція отношеній и въ начальныхъ трехчленныхъ группахъ, если сравнить ихъ съ начальными двухчленными, т. е. этихъ послѣднихъ почти въ три раза больше, чѣмъ первыхъ. Наконецъ, сравнивая начальные двухчленные съ срединными двухчленными, опять - таки получаемъ

1) Бер. 56.

2) Miklos, Fremdw. 34.

3) Бер. 86.

4) Ibid 39.

5) Ibid 78.

6) Лѣт. Сам. 11.

7) Корнее. Шимк. 14.

почти то же равенство количественныхъ отношеній, какое существуетъ между начальными трехчленными и срединными трехчленными, т. е. группъ начальныхъ въ два раза меньше, чѣмъ срединныхъ. Слѣдовательно, будемъ ли мы разсматривать группы со стороны ихъ положенія въ словѣ, или же со стороны ихъ количественнаго состава, аналогическія отношенія между ними останутся неизмѣнными. Новый, болѣе обстоятельный счетъ согласныхъ группъ можетъ слегка лишь измѣнить пропорцію отношеній между ними. Была бы желательна, во всякомъ случаѣ, провѣрка данныхъ, приведенныхъ нами, хотя въ настоящее время мы не ожидаемъ отъ нея выводовъ, существенно несогласныхъ съ тѣми, которые мы сдѣлали.

Сходны ли трехчленные группы съ двухчленными въ отношеніи количества звучныхъ и отзвучныхъ элементовъ?

Замѣтимъ прежде всего, что между начальными трехчленными группами нѣтъ ни одной, которая бы состояла исключительно изъ отзвучныхъ согласныхъ. Группъ этого рода есть только двѣ между срединными трехчленными группами: (*звѣстка* и *колотопскій*).

Въ отношеніи къ послѣднему члену тѣ и другія группы представляютъ много сходнаго. Начальныя трехчленные группы оканчиваются на звучные, болѣею частію плавные согласные *р, л, н*, только три группы оканчиваются на отзвучные *х, к, т*, (*впхати, вскочити, остояти*). Изъ 59 срединныхъ трехчленныхъ группъ 34 оканчиваются на звучные, тоже болѣею частію плавные согласные, — остальные рѣзче отклоняются отъ начальныхъ группъ, именно: 13 оканчиваются на *к*, 7 на *т* и 5 на *ч* (*шч—ш*). Сравнительно съ древнеславянскимъ нарѣчіемъ, окончанія этихъ группъ въ малорус. разнообразнѣе: тогда какъ въ древнеслав. онѣ оканчиваются на *р, л, в*, рѣже на *н*. и одна только на *т* ¹⁾. въ малорус. есть еще окончанія: *к, ч, ж*.

Уже изъ этихъ замѣчаній видно, что, при всемъ сходствѣ начальныхъ трехчленныхъ съ срединными трехчленными, есть между ними и нѣкоторая разница въ отношеніи къ количеству звучныхъ элементовъ, — разница, которая обусловливаетъ полнѣйшую аналогію между ними и двухчленными, какъ начальными, такъ и срединными согласными группами. Тогда какъ во *всякой* начальной трехчленной группѣ есть звучный элементъ, между срединными нашлись такія, которые

¹⁾ Nat. De mut. contig. conson. 32.

составлены исключительно изъ отзвучныхъ согласныхъ. Правда, этихъ группъ немного, но ойѣ все-таки есть. Тогда какъ изъ 32 начальныхъ трехчленныхъ группъ только три оканчиваются на отзвучные согласные, изъ 59 срединныхъ трехчленныхъ группъ есть 25 съ окончаніями отзвучными. Затѣмъ, въ отношеніи къ количеству чисто звучныхъ согласныхъ группъ, какъ въ той, такъ и въ другой категоріи, при неравенствѣ общаго числа каждой изъ нихъ почти въ два раза, звучныхъ группъ на каждую категорію приходится одинаковое количество, т. е. по 11-ти,—значитъ, въ начальныхъ трехчленныхъ группахъ чисто звучныхъ почти третья часть, въ срединныхъ только пятая часть съ дробью ($\frac{1}{3}$). Если будемъ считать звучные и отзвучные элементы въ тѣхъ и другихъ группахъ вмѣстѣ, то получимъ тотъ же выводъ о преобладаніи звучныхъ согласныхъ въ начальныхъ трехчленныхъ группахъ. Всѣхъ этихъ группъ 32, слѣдовательно, всѣхъ положеній, которыя занимаютъ одни и тѣ же согласные въ общемъ составѣ 32 группъ, 96. Есть 12 группъ съ двумя отзвучными, поэтому въ нихъ звучные согласные участвуютъ 12 разъ, отзвучные 24 раза; есть 9 группъ съ однимъ отзвучнымъ, значитъ, звучные согласные участвуютъ въ нихъ 18 разъ, отзвучные 9; есть, наконецъ, 11 чисто звучныхъ начальныхъ трехчленныхъ группъ,—значитъ, звучные участвуютъ въ нихъ 33 раза. Итакъ, $33 + 18 + 12 = 63$ звучныхъ элементовъ; $9 + 24 = 33$ отзвучныхъ элементовъ. Совсѣмъ другая пропорція въ срединныхъ трехчленныхъ группахъ. Здѣсь изъ 59 группъ чисто звучныхъ 11, т. е. 33 звучные элемента; съ двумя звучными—9, слѣдовательно, 18 звучныхъ, 9 отзвучныхъ; съ однимъ звучнымъ—37, слѣдовательно, 37 звучныхъ, 74 отзвучныхъ повторяющихся элементовъ; есть еще двѣ чисто отзвучныя группы=6 отзвучныхъ элементовъ. Итого, въ срединныхъ трехчленныхъ группахъ $33 + 18 + 37 = 88$ звучныхъ элементовъ, $9 + 74 + 6 = 89$ отзвучныхъ элементовъ. Выходитъ, что въ срединныхъ трехчленныхъ группахъ, въ отношеніи къ повторяющимся въ разнообразныхъ комбинаціяхъ звучнымъ и отзвучнымъ согласнымъ, послѣдніе нѣсколько даже преобладаютъ надъ первыми, тогда какъ въ начальныхъ трехчленныхъ группахъ звучные рѣзко, почти вдвое преобладаютъ надъ отзвучными элементами: сходство въ отношеніи къ распредѣленію звучнаго элемента между группами двухчленными и трехчленными, какъ въ началѣ, такъ и въ срединѣ словъ, самое полное. Мы можемъ поэтому съ полною рѣшительностію сдѣлать такой

выводъ, что въ началѣ словъ, изъ какихъ бы согласныхъ группъ ни состояло это начало, звучныхъ элементовъ несравненно больше, чѣмъ отзвучныхъ.

Четырехчленныхъ согласныхъ группъ въ малорусскомъ нарѣчїи очень немного. Конечныхъ четырехчленныхъ совѣзмъ нѣтъ: онѣ встрѣчаются только въ началѣ и въ срединѣ словъ.

Въ началѣ: ВТКН, ВПХН (*откнути, вкнути*—послѣ гласныхъ, но никакъ не послѣ согласныхъ).

Въ срединѣ: ЛЬСТВ, РСТВ, МСТВ, НЬСТВ, ЙСТР, ВСПР (*начальство, царство, чорствий, побратимство, четьманьство, байстри, навстрашки*).

Всѣ эти группы одинаковаго образованїя. Въ древнеславянскомъ нарѣчїи суффиксу *ств* предшествовалъ *ь*. Въ такомъ же видѣ, предполагать надобно, суф. этотъ существовалъ и въ первичныхъ элементахъ малорускаго нарѣчїя. Съ потерей глухаго *ь*, предшествующій согласный звукъ корня примкнулъ къ начальному согласному суффикса, и оттого, вмѣсто древнеслав. трехчленныхъ группъ, явились въ малорусскомъ нарѣчїи четырехчленные. Такъ же объясняются группы: ВТКН, ВПХН. Вообще нужно сказать, что группы сложныя, заключающія въ себѣ больше двухъ членовъ, образовались или посредствомъ сложенїя словъ съ предлогами, или посредствомъ исключенїя глухихъ гласныхъ въ суффиксахъ: первымъ путемъ образовались большею частїю начальныя трехчленные группы, послѣднимъ—серединныя. Сходство въ образованїи, какъ начальныхъ, такъ и срединныхъ, трехчленныхъ и четырехчленныхъ группъ, обусловлено, главнымъ образомъ, потерей глухихъ гласныхъ. Такъ, шесть срединныхъ трехчленныхъ группъ съ суф. прилагат. притяж. *ск* образовались точь-въ-точь такъ, какъ и всѣ четырехчленные группы, т. е. посредствомъ исключенїя глухаго гласнаго.

Пятичленныхъ согласныхъ группъ въ малорусскомъ нарѣчїи нѣтъ ни одной.

Такимъ образомъ, многочленныхъ группъ въ малорусскомъ нарѣчїи очень мало. Онѣ положительно нетерпимы въ концѣ словъ, очень рѣдки въ началѣ и болѣе возможны только въ срединѣ словъ. Здѣсь онѣ крѣпче держатся, потому что опираются на элементъ гласный, развитый, какъ мы видѣли, главнымъ образомъ, въ концѣ словъ. Какъ только гласный элементъ по этимологическимъ требованїямъ

исчезаетъ изъ слова, срединная группа должна сдѣлаться конечною, а въ концѣ словъ согласныя группы указанными выше средствами упрощаются. Вообще въ постройкѣ согласныхъ группъ всѣхъ трехъ разрядовъ—двухчленныхъ, трехчленныхъ и четырехчленныхъ малорусское нарѣчіе стремится къ упрощенію. Такъ, напр., великорусскія четырехчленные группы: ВЗГЛ (*взянуть*), ВЗДР (*вздрунуть*) превращаются въ трехчленные: *зянути, здрунути*. То же отпаденіе начального *в* или же превращеніе его въ *у* видимъ и въ сферѣ трехчленныхъ, даже двухчленныхъ начальныхъ группъ: вмѣсто трехчленныхъ ВЗВ (*взвалить, взварь*), ВСТ (*встать*) получаются двухчленные: *валити, узвар, устати*; вмѣсто двухчленныхъ *вз, вѣ* получаются одинокіе согласные, обтавленные гласными: *узати, удова*. Такъ же точно отбрасываются согласныя звуки изъ срединныхъ группъ, какъ двухчленныхъ, такъ и трехчленныхъ: изъ ЗДН выпадаетъ *д*, изъ СТЛ—*т*, и образуются двухчленные группы: ЗН, СЛ: (вмѣсто *праздник, посплати*—*празник, послати*). Выпадаетъ изъ двухчленныхъ *д* предъ *м* и *ц*, а также *з* предъ *д* (*сѣмий, сердце, модѣ* вм. *седмий, сердце, модѣ*). Не приводимъ аналогическихъ явленій, общераспространенныхъ во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ, начиная съ древнеслав. (*дам, дав* вм. *дадм* и пр.). Въ этомъ отношеніи много общаго съ ними имѣетъ малорусское нарѣчіе, и было бы въ высокой степени интересно подвергнуть сравнительному анализу группы согласныхъ во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ, но работа эта далеко отвлекла бы насъ отъ нашей спеціальной цѣли, притомъ же мы не имѣли въ своемъ распоряженіи средствъ, необходимыхъ для удовлетворительнаго выполненія ея. Вотъ почему намъ поневолѣ пришлось ограничиться констатированіемъ фактовъ, относящихся собственно къ малорусскому нарѣчію. Во всякомъ случаѣ, насколько возможно было прослѣдить особенности малорусскаго консонантизма, воспользовавшись прекрасными изслѣдованіями Гатталы, относящимися къ консонантизму другихъ славянскихъ нарѣчій, мы не считаемъ преждевременнымъ сказать о малорусскомъ нарѣчій, что оно, во первыхъ, предпочитаетъ звучныя группы, какъ и вообще звучныя согласныя отзвучнымъ, во вторыхъ, избѣгаетъ накопленія согласныхъ во всѣхъ частяхъ слова, преимущественно же въ окончаніяхъ словъ. Итакъ, въ звучной природѣ согласныхъ и въ равномерномъ чередованіи ихъ съ гласными элементами заключаются, по нашему мнѣнію, наиболѣе выдающіяся черты малорусскаго консонантизма.

Первая черта очевидна и безспорна. Вторая—не представляетъ

той убѣдительноя ясности, которая устранила бы всякія возраженія. Намъ могутъ указать на такія группы согласныхъ, какъ СХН, ЦХН, ТКН и другія подобныя имъ сочетанія, живущія въ малорусскомъ нарѣччі. Но, во первыхъ, рѣдко случается, чтобы какой нибудь законъ строго послѣдовательно проведенъ былъ чрезъ всѣ формы языка. Всякій живой языкъ, находящійся въ процессѣ развитія, представляетъ въ своемъ организмѣ болѣе или менѣе пеструю смѣсь позднѣйшихъ наслоеній рядомъ съ обломками старины, и нужно время и время, пока истинная природа его выступитъ изъ тѣхъ колеблющихся, гибкихъ линий, которыя онъ долженъ былъ сдѣлать для выработки своего нормальнаго типа. Дѣло заключается не въ отклоненіяхъ и осложненіяхъ болѣе или менѣе неорганическаго свойства, а въ основномъ тонѣ, который проходитъ чрезъ всю звуковую систему языка и который рѣзко поднимается надъ всѣми диссонансами. Вотъ этотъ основной тонъ и долженъ уловить изслѣдователь,—иначе онъ принужденъ будетъ тупо остановиться на поверхности звуковыхъ частныхъ, не проникая въ глубину жизненныхъ процессовъ, въ которыхъ вырабатывается звуковой типъ языка. Во вторыхъ, сравнительно съ другими славянскими нарѣччіями (не говоримъ о польскомъ, лужицкомъ и чешскомъ,—сравнительно даже съ нарѣчіемъ великорусскимъ), въ малорусскомъ нарѣччі согласныхъ группъ вообще меньше, многосложныхъ и неудобныхъ согласныхъ группъ немного. Въ этомъ отношеніи, а равно и въ полнозвучности, т. е. гармоническомъ чередованіи гласныхъ съ согласными, оно приближается къ нарѣчію сербскому, т. е. къ типу чисто южному. Думаемъ даже, что, въ ряду нарѣчій этого послѣдняго типа, малорусское нарѣчіе занимаетъ не послѣднее мѣсто. Ссылаемся на конечныя группы согласныхъ. По исчисленію Гатталы, меньше всего двухчленныхъ группъ на концѣ словъ встрѣчается въ новоболгарскомъ нарѣччі (здѣсь есть только группы: LK, LG, RK, JN и, подъ условіемъ, также JS, JS и NT). Такъ же рѣдки конечныя группы согласныхъ и въ сербо-хорватскомъ нарѣччі (встрѣчаются только двухчленные: ST, ST, ZD, ZD,— вмѣсто *jednajst* является *jednaest*, чтобы избѣгать трехчленной группы). Въ нарѣччі словинскомъ двухчленныхъ группъ гораздо больше, есть даже нѣсколько трехчленныхъ ¹⁾. Между тѣмъ, въ нарѣччі малорусскомъ мы знаемъ только одну трехчленную конечную группу (РШЧ), поѣтому,

¹⁾ Hatt. De mut. contig. conson 64—65.

въ ряду славянскихъ нарѣчій южнаго типа, по свойству согласныхъ окончаній, оно стоитъ почти рядомъ съ нарѣчіями новоболгарскимъ и сербскимъ. Но если считать мѣркой близости къ древнеславянской фонетикѣ, между прочимъ, отсутствіе тяжелыхъ согласныхъ накопленій въ концѣ словъ, то нельзя не согласиться, что, вмѣстѣ съ современными югославянскими нарѣчіями, малорусское находится въ самомъ гѣсномъ родствѣ съ древнеславянскимъ нарѣчіемъ, которое считается древнѣйшимъ представителемъ южнаго типа.

Можно ли считать современное преобладаніе въ малорусскомъ консонантизмѣ звучныхъ согласныхъ древнѣйшею особенностію русскихъ нарѣчій или это позднѣйшая черта, постепенно развившаяся въ малорусскомъ нарѣчій?

На этотъ вопросъ отвѣчать документальными данными очень трудно, такъ какъ въ отношеніи къ согласнымъ звукамъ письменные источники наши погрѣшаютъ противъ фонетической вѣрности едва ли не больше, чѣмъ въ отношеніи къ звукамъ гласнымъ. Обыкновенно писецъ старался сдѣлать вѣрную копию своего подлинника; тамъ же, гдѣ приходилось ему самому быть авторомъ, онъ подражалъ языку церковно-книжному, который во всѣ періоды древнерусской письменности, за немногими исключеніями, имѣлъ значеніе литературнаго образца. Даже въ дѣловыхъ произведеніяхъ (грамотахъ, актахъ и проч.) книжное употребленіе буквъ, которыя очень часто не соответствовали дѣйствительнымъ звукамъ, считалось обязательнымъ. Тѣмъ не менѣе во всѣ эпохи древнерусской письменности нерѣдко встрѣчаются описки и обмолвки.

Судя по древнѣйшимъ славяно-русскимъ памятникамъ, ассимиляція звучныхъ въ отзвучные началась очень рано. По исключеніи глухаго *з*, чаще всего встрѣчаемъ ассимиляцію звучнаго *з* въ отзвучный *с*. Такъ, въ О тр. ев: *въскрсь, възсхождѣ, истлзати, исти-нѣтъ* ¹⁾; въ Сборн. 1073 г: *въстрепеташа, бесъчинна* ²⁾ (*з*, очевидно, игралъ графическую, а не фонетическую роль); въ Сборн. 1076 г: *бес почиташа, бес коньша* ³⁾. Въ этомъ послѣднемъ памятникѣ есть даже примѣръ превращенія звучнаго въ отзвучный предъ звучнымъ:

1) Ид. Вост. 204. 208. 205.

Из. Ак. X, V. 421.

3) Ibid. 426—424.

тришды ¹⁾). Ограничиваемся древнѣйшими памятниками XI в.; позже этого времени, съ XII—XIII вв., фактовъ этого рода встрѣчается несравненно больше. Видно, что въ эпоху паденія глухихъ гласныхъ и тотчасъ послѣ нея столкновение согласныхъ звуковъ вызывало количественную перестройку ихъ, но въ какомъ направленіи, въ пользу какихъ согласныхъ—звучныхъ или отзвучныхъ,—на этотъ вопросъ письменные памятники отвѣчаютъ не вполне ясно. Мы не можемъ прежде всего рѣшить, русскія ли тѣ особенности, на которыя мы указали выше въ Остр. ев. и въ двухъ Сборникахъ. По крайней мѣрѣ, въ Супрасл. рукописи, памятникъ не русскаго происхожденія иногда встрѣчается такая же ассимиляція звучныхъ элементовъ въ пользу отзвучныхъ, напр.: *въ своботѣ* вм. *въ свободѣ*, *книжи* вм. *кничи* ²⁾; можетъ быть, все аналогическое въ древнѣйшихъ славяно-русскихъ памятникахъ можно отнести на счетъ другихъ славянскихъ нарѣчій, слѣды которыхъ весьма замѣтны даже въ Остр. ев. Съ другой стороны, въ той же Супрасл. рукописи есть, напр., форма: *зълами* вм. *сълами* ³⁾. По всей вѣроятности, если бы пересмотрѣть весь этотъ памятникъ съ точки зрѣнія занимающаго насъ вопроса, то нашлись бы и другія подобныя формы.—Что думать объ этомъ?

Нѣтъ сомнѣній, что въ ту эпоху древнеславянскаго нарѣчія, когда глухіе гласные стояли въ организмѣ его еще крѣпко, перебой звучныхъ въ отзвучные былъ очень труденъ, потому что между согласными элементами чаще встрѣчались гласные въ качествѣ разъединяющаго начала: полнота вокализма давала преобладаніе такъ называемымъ прямымъ слогамъ; сравнительно съ этими послѣдними, слоговъ обратныхъ и среднихъ было меньше, и только тамъ, гдѣ эти послѣдніе встрѣчались съ прямыми слогами, возможна была количественная ассимиляція согласныхъ. Для русскаго языка это была доисторическая эпоха, и мы должны сознаться, что въ древнѣйшихъ памятникахъ русской письменности отъ нея остались лишь слабые слѣды. Изъ примѣровъ, нами приведенныхъ выше, мы могли видѣть, что глухіе гласные въ предложныхъ, напр., словахъ и въ предлогахъ вообще иногда совсѣмъ не писались, слѣдоват., и не произносились (*бес почитаниа*, *бес коньца*),

¹⁾ Из. Ак. X, V. 426.

Лапанс. О нѣкот. слав. рукоп. 88. 90.

²⁾ Ibid. 22.

иногда же писались, но не произносились, такъ какъ предшествующій имъ согласный звукъ все-таки ассимилировался (*бесшумна*). Подобныхъ примѣровъ можно найти довольно и въ памятникахъ XII—XIII в. Русскія ли эти формы или нерусскія, во всякомъ случаѣ онѣ свидѣтельствуютъ о томъ, что, какъ только начали падать глухіе гласные, при первой встрѣчѣ отзвучныхъ согласныхъ съ звучными, первые взяли верхъ надъ послѣдними, какъ элементами въ количественномъ отношеніи болѣе слабыми. Это вытекало изъ самой природы тѣхъ и другихъ согласныхъ, и потому мы должны признать для всѣхъ славянскихъ нарѣчій тотъ моментъ, когда они, вслѣдъ за паденіемъ глухихъ гласныхъ, перестраивали систему согласныхъ въ интересѣ элементовъ болѣе сильныхъ—отзвучныхъ, а не звучныхъ. Для однихъ нарѣчій этотъ періодъ усиленія консонантизма наступилъ раньше, для другихъ позже, но всѣ они несомнѣнно прошли чрезъ него. Мы не можемъ сказать опредѣленно, какъ долго онъ длился для русскаго языка, тѣмъ болѣе, что звучный строй консонантизма, господствующій въ малорусскомъ нарѣчій тоже вытекаетъ изъ очень древнихъ звуковыхъ превращеній. Въ то самое время, какъ одинъ порядокъ явленій по инерціи продолжалъ существовать, другой побѣгъ звуковаго творчества порождалъ діалектическія своеобразія совсѣмъ иного рода. Уже въ древнѣйшихъ славяно-русскихъ памятникахъ мы встрѣчаемъ такія явленія, какъ обмѣнъ звуковъ *в* и *оу*. Такъ, въ Сборн. 1073 г. есть формы: *оуселенноуѣж*, *оуселатисл*, *оуселитесл*, *взюдно* ¹⁾; такія же формы встрѣчаются и въ нерусскихъ памятникахъ XI в., напр., въ Супр. рук: *оу остатъкы*, *оуселеныл* ²⁾. Такъ давно и такъ повсемѣстно получила начало вокализація согласныхъ, которая въ малорусскомъ нарѣчій постепенно принимала все болѣе и болѣе широкіе размѣры. Съ другой стороны, на мѣсто глухихъ давно уже появились полные гласные, какъ эвфоническіе элементы, имѣвшіе назначеніе поддержать равновѣсіе гласныхъ съ согласными въ составѣ слога. Мы видѣли, что, подъ вліяніемъ народныхъ говоровъ, писцы иногда рѣзко отступали отъ древнеслав. преданія въ употребленіи глухихъ гласныхъ, то замѣняя ими полныя, то вводя полныя на мѣсто глухихъ. Если вспомнимъ при этомъ то, что сказано было нами о значеніи полногласія въ русскомъ

¹⁾ Даманс. О нѣкот. слав. рук. 92.

²⁾ Ibid. 92.

вокализмъ, наконецъ, о значеніи дифтонговъ при образованіи среднихъ слоговъ вмѣсто прямыхъ, то намъ съ достаточною полнотою обрисуются всѣ тѣ пути, которыми шель древнерусскій языкъ съ самаго начала своего историческаго существованія для поддержанія пошатнувшихся основъ своего вокализма. Вотъ этотъ наплывъ гласныхъ элементовъ долженъ былъ существенно отразиться на всей системѣ согласныхъ звуковъ въ смыслѣ поддержки звучныхъ согласныхъ. Встрѣтились такимъ образомъ въ древнерусскомъ консонантизмѣ два направленія, порожденныя одною причиною, т. е. паденіемъ глухихъ гласныхъ: одно наклоняло согласные въ сторону отзвучности, другое въ сторону звучности. Конечно, какъ то, такъ и другое не вдругъ выросло и не сразу установилось, какъ не вдругъ и не сразу дѣйствовала причина, создавшая оба направленія. Здѣсь, какъ и въ области гласныхъ, допустить нужно диалектическое разнообразіе, обусловленное, между прочимъ, неодновременностію звуковыхъ явленій, которыя въ отдѣльныхъ говорахъ происходятъ иногда совершенно независимо отъ вліянія другихъ говоровъ, и потому представляютъ своеобразную смѣсь старыхъ элементовъ съ новыми, своеобразныя колебанія въ разныя стороны. По крайней мѣрѣ, въ древнерусскихъ памятникахъ мы не находимъ рѣшительныхъ заявленій въ пользу согласныхъ звучныхъ или отзвучныхъ. Относительно этихъ послѣднихъ мы привели нѣсколько фактовъ выше и видѣли, что на нихъ нельзя положиться для вывода рѣшительныхъ заключеній. То же самое должны мы сказать и о тѣхъ немногихъ формахъ, въ которыхъ звучный согласный стоитъ на мѣсто отзвучнаго, напр: *изъбытъкъ оукроуѣ* вм. *оукроуѣхъ* (Галиц. ев. XII в.) ¹⁾, или же: *одъ пасуѣ* вм. *отъ* (Хожд. Богор. въ Сборн. поученій изъ Златоус., Василя Вел. и др.) ²⁾. Во всякомъ случаѣ, не отрицая того, что отзвучные согласные диалектически развивались въ древне-киевскую эпоху, мы не можемъ устранить изъ нея, въ виду приведенныхъ выше соображеній о перестроѣ звуковъ въ области вокализма, явленія обратнаго, т. е. диалекческаго развитія звучныхъ согласныхъ, которое, какъ извѣстно, равняется такъ называемому количественному паденію ихъ. Это даже не было въ большинствѣ случаевъ развитіемъ одного элемента на счетъ дру-

¹⁾ Бусл. Матер. 13.

²⁾ Изв. Ак. X, V. 527.

гаго: очень часто звучные согласные просто удерживались и послѣ паденія глухихъ гласныхъ тамъ, гдѣ они существовали до паденія ихъ. Само собою разумѣется, что, какъ только разъ обозначилось такое направленіе въ области согласныхъ, оно должно было развиваться дальше: въ малорус. нарѣчій не только отзвучные передъ звучными превращены въ звучные, но удержаны основные звучные даже предъ отзвучными, и притомъ иногда въ такихъ частяхъ слова, гдѣ никогда не было глухихъ гласныхъ, напр: *вѣбти, везти, стерести*. Но это, очевидно, позднѣйшія формы. Въ болѣе отдаленное время звучный элементъ сохранялся преимущественно въ такихъ частяхъ слова, гдѣ стоялъ нѣкогда глухой гласный звукъ или исчезнувшій, или превращенный въ полный гласный звукъ. Звучный согласный, стоявшій нѣкогда предъ глухимъ гласнымъ, не терялъ своей звучной природы даже послѣ того, какъ, съ потерей глухихъ гласныхъ, онъ встрѣтился непосредственно съ отзвучнымъ согласнымъ: на звучномъ согласномъ остался такимъ образомъ слѣдъ гласнаго элемента, который нѣкогда отдѣлялъ его отъ отзвучнаго согласнаго, устраняя ассимилирующее вліяніе этого послѣдняго. Загѣмъ, когда для выполненія вокализма, явилось новое поколѣніе гласныхъ звуковъ, звучные согласные заняли крѣпкую позицію не только въ смыслѣ пассивнаго элемента, который остался на своемъ мѣстѣ съ другими особенностями древняго звуковаго типа, но и въ смыслѣ элемента активнаго, подчинявшаго, въ свою очередь, ассимилирующему вліянію отзвучные согласные. Такъ произошло количественное паденіе консонантизма, который мало-по-малу ослабѣвалъ по мѣрѣ того, какъ возрастали и усиливались вокальные элементы. Паденіе консонантизма примыкаетъ, по нашему мнѣнію, къ эпохѣ возрожденія вокализма, но, какъ то, такъ и другое явленіе находится въ связи съ основной причиной звуковыхъ превращеній во всѣхъ славянскихъ нарѣчьяхъ, именно—съ паденіемъ глухихъ гласныхъ.

Итакъ, мы стоимъ на томъ, что въ древнѣйшемъ состояніи русскихъ нарѣчій количественное различіе въ системѣ согласныхъ, если не установилось окончательно, то, во всякомъ случаѣ, вполне обнаружилось. Тѣ говоры, въ которыхъ гласный элементъ (въ видѣ дифтонговъ, вокализации согласныхъ) усиѣннѣе развивался, предпочитали звучные согласные отзвучнымъ. Напротивъ, тѣ говоры, въ которыхъ гласный элементъ не получилъ преобладающаго значенія, охотнѣе давали мѣсто согласнымъ отзвучнымъ, постепенно подчиняя имъ звучные

согласные. Цѣною уменьшенія вокальныхъ средствъ своихъ они приобрѣтали количественную силу копсонантизма, тогда какъ первые—наоборотъ, усиливал вокализмъ, содѣйствовали паденію консонантизма. Мы думаемъ, что на почвѣ русскихъ нарѣчій оба эти порядка явленій развивались параллельно другъ съ другомъ, и потому считаемъ ихъ одинаково древнимъ. По крайней мѣрѣ, за древность слабого копсонантизма ручается то важное обстоятельство, что звучные согласные значительно распространены и въ бѣлорусскомъ говорѣ. „У бѣлоруссовъ, говоритъ Безсоновъ, звучные *б, г, а, ж, з*, въ концѣ словъ, не переходятъ такъ рѣшительно, какъ у великоруссовъ, въ *н, к* и *х, т, ш, с* (*богъ, стокъ, Богъ, рятъ, ношь, вощ*) и сохраняютъ гораздо тверже звучную свою упругость“¹⁾. Къ сожалѣнію, на основаніи образцевъ бѣлорусскаго нарѣчія, помѣщенныхъ у Безсонова, Киркора и въ другихъ изданіяхъ, мы не имѣемъ возможности рѣшить, какъ далеко простирается звучность согласныхъ въ бѣлорусскомъ говорѣ: простирается ли, напр., она на средину словъ, при встрѣчѣ звучныхъ съ отзвучными, или же ограничивается концемъ словъ²⁾. Какъ бы то ни было, даже въ томъ случаѣ, когда звучные стоятъ только въ концѣ

¹⁾ Безсоновъ. Бѣлорус. пѣс. Предисл. LXXVI.

²⁾ Въ транскрипціи бѣлорусскихъ пѣсенъ Безсоновъ, повидимому, имѣлъ намѣреніе вѣрно передать звуки бѣлорусской рѣчи: „читайте, говоритъ онъ, и произносите въ точности, какъ напечатано у насъ, ибо здѣсь буквы *по возможности* вѣрны звукамъ“. (Безсон. Бѣлор. пѣс. Предисл. XXVI). Значитъ, точности все-таки нѣтъ: обѣщано одно, а предлагается другое. Такъ, напр., Безсоновъ пишетъ *о* тамъ, гдѣ оно, оставаясь безъ ударенія, произносится у Бѣлоруссовъ, какъ *а*. Вообще говоря, литературное русское правописание такъ взлѣлось въ привычку записывателей народнаго матеріала, что рѣдкие изъ нихъ берутъ на себя смѣлость, въ интересѣ фонетики народныхъ говоровъ, рѣзко отступить отъ заученныхъ еще въ школѣ правилъ правописанія. Отсюда всякаго рода колебанія и противорѣчія: такъ, Киркоръ пишетъ, напр., въ одной и той же пѣснѣ: *расытаны* и *разсытану* (Этн. сборн. вып. III, 203). Объяснять ли затѣмъ формы: *сусыдки, молодіишу, съ подъ кусточка* (Ibid 204—5) въ пользу звучныхъ элементовъ, когда у того же Киркора они далеко не всегда выдержаны? Предлогъ, напр., *съ* у него очень часто является предъ отзвучными въ видѣ *зъ*, по первѣдню въ тѣхъ же случаяхъ и въ настоящемъ своемъ видѣ. Наиболѣе послѣдовательно въ отношеніи къ правописанію изданы „Бѣлорус-

словъ, бѣлорусскій говоръ представляетъ существенныя черты родства съ малорус. нарѣчіемъ. Такимъ образомъ, особенности малорусскаго консонантизма выходятъ за предѣлы малорусскаго нарѣчія, распространяясь въ территоріи не малорусскихъ говоромъ, а это и есть, по нашему мнѣнію, очевидное доказательство того, что звучность согласныхъ есть явленіе не новое въ самомъ малорус. нарѣчій, что она принадлежала древнѣйшимъ русскимъ говорамъ, въ эпоху существованія ихъ подъ формами древнерусскаго языка, что она, наконецъ, только въ послѣдствіи локализовалась, главнымъ образомъ, въ украинскомъ говорѣ малорусскаго нарѣчія. Въ бѣлорусскомъ говорѣ сохранились до настоящаго времени и неизбѣжные спутники звучнаго консонантизма, именно дифтонги, образовавшіеся изъ *а* и *в*: *дау*, *лобу*, *нѣж*, *заутра*, *забуляти*: *в* никогда не усиливается въ *ф*, какъ и въ малорусскомъ. Сходно съ малорусскимъ, предлогъ *въ* превращается въ *у* по требованію благозвучія, выражающемуся въ стремленіи къ равномерному распредѣленію гласныхъ и согласныхъ элементовъ: *у дворе*, *у селе*. Эти особенности вокализма уже только изрѣдка сохраняются въ нѣкоторыхъ говорахъ великорусскаго нарѣчія, (напр. превращеніе *а* въ *в* (*у*) въ Рязанс., *в* въ *у* въ Орловс., Курс., Воронежс. и отчасти Пензенс.)¹⁾, какъ остатокъ нѣкогда болѣе распространенной въ русскихъ говорахъ старины. Зато вѣду въ великорусскомъ нарѣчій „звучные согласные, по замѣчанію Потебни, передъ отзвучными и на концѣ переходятъ въ отзвучные“²⁾, а въ господствующемъ литературномъ нарѣчій этотъ переходъ получилъ значеніе звуковаго закона, рѣзко отличающаго консонантизмъ великорусскій отъ малорусскаго и бѣлорусскаго. Въ древнѣйшихъ памятникахъ русской письменности мы видѣли дѣйствіе этого закона почти исключительно

ски народныя пѣсни“ Шейна (1874). Въ этомъ сборникѣ предлогъ *въ* всюду является въ видѣ *зѣ* не только предъ звучными, но и предъ отзвучными; звучные предъ отзвучными видѣ не измѣняются въ отзвучные (*челядку*, *подходомъ*, *ножка* и т. п.); даже предлогъ *отъ* является въ малорус. формѣ *од* предъ отзвучными: *одчини* (87). Внимательный пересмотръ книги Шейна привелъ насъ къ убѣжденію, что въ бѣлорус. звучные преобладаютъ надъ отзвучными, какъ и въ малорусскомъ.

¹⁾ Потеб. О звук. особ. 69—70.

²⁾ Ibid. 70.

въ предложныхъ словахъ, и то—большую частію въ примѣненіи къ звучному *з*, который предъ отзвучными превращался въ *с*. При такой исключительности ассимиляции звучнаго въ отзвучный мы не могли признать ихъ всеобщей нормой для всѣхъ русскихъ говоровъ. Но вотъ съ XIV в. этого рода явленія начинаютъ обнаруживаться въ великорусскихъ памятникахъ рѣшительнѣе и яснѣе. Такъ, въ языкѣ Новгородскихъ лѣтописей, по замѣчанію Лавровскаго, отзвучные предпочитаютъ звучнымъ ¹⁾. Въ Лаврентьевской лѣтописи рядомъ съ формой: *истобьку* стоитъ форма: *истонку* ²⁾ Въ Собр. г.о.ударс. грамотъ рѣзко выступаетъ ассимиляция звучныхъ въ отзвучные: *молотшему*, *жеренцовъ* и пр. ³⁾ Въ Налеѣ XIV в: *рытка* (плоть) ⁴⁾. Въ XV в. то же самое: въ актахъ, изданныхъ Калачевымъ, есть формы: *паронка*, *овис* ⁵⁾; въ Тверс. церков. уставѣ: *тетраць* ⁶⁾. Согласный *в* могъ уже звучать, какъ *ф*: въ томъ же памятникѣ есть, напр., форма: *въ тфирри* ⁷⁾. Ипатскій списокъ лѣтописи, переписанный, какъ извѣстно, на сѣверѣ, представляетъ множество примѣровъ такого рода ассимиляции. Есть довольно аналогическихъ фактовъ и въ западно-русскихъ памятникахъ XIV—XV в. напр. въ грамотахъ XV в: *счаткомъ*, *сватки*, *посытчатъ* ⁸⁾ и пр., но если взять во вниманіе большинство случаевъ совершенно противоположныхъ, гдѣ звучные согласные уцѣлѣли на своемъ мѣстѣ или даже отзвучные перешли въ звучные, напр: *бровостови* (Грамм. Полоц. Еписк. XIV.) ¹⁰⁾, *отъ своихъ господарей* и рядомъ—*одъ пророкъ* (Гр. кн. литовс. XV в.) ¹¹⁾,—если вспомнить при этомъ, что на югозападѣ вокализмъ давно уже пробился въ письменность въ обновленномъ и усиленномъ видѣ (мы видѣли, что уже въ XIV в. явилось благозвучное начальное *о*,—то изрѣдка встрѣчающуюся

¹⁾ Лавр. О яз. сѣв. лѣт. 133.

²⁾ Бусл. Ист. христ. 459—160.

³⁾ Колос. Очер. 167.

⁴⁾ Изв. Ак. X, V. 669.

⁵⁾ Колос. Очер. 84. 106.

⁶⁾ Горс. Отд. 3. кн. 5. 313.

⁷⁾ Ibid. 313.

⁸⁾ Голов. Акт. 52.

⁹⁾ Ак. Югоз. Рос. 296.

¹⁰⁾ Бусл. Истор. христ. 421.

¹¹⁾ Изв. Ант. и Козловс. 11.

ассимиляцию звучныхъ въ отзвучные можно считать остаткомъ колебаній въ звуковомъ строѣ консонантизма. Сила дѣла заключается не въ этихъ отдѣльныхъ случаяхъ, а въ преобладаніи фактовъ иного рода, въ общемъ тяготѣніи согласныхъ къ звучному строю. Такъ точно сами по себѣ ничего не доказываютъ случаи ассимиляціи отзвучныхъ въ звучные предъ звучными, часто встрѣчающіеся въ языкѣ сѣверно-русскихъ памятниковъ. Явленіе это донинѣ живетъ въ великорусскомъ нарѣчій, но тамъ же мы видимъ и совсѣмъ обратное явленіе. Судя по сѣверно-русскимъ письменнымъ памятникамъ, видно, что съ XIV в. отзвучность согласныхъ увеличилась въ великорусскомъ нарѣчій.

Такимъ образомъ, въ отношеніи къ звучности согласныхъ бѣлорусскій говоръ ближе къ малорусскому нарѣчій, чѣмъ къ великорусскому,—ближе не только самою звучностію согласныхъ, но и другими чертами консонантизма, стоящими въ непосредственной связи съ количественною слабостію ихъ. Мы разумѣемъ, между прочимъ, смягченное удвоеніе ихъ.

Извѣстно, что въ украинскомъ говорѣ малорус. нарѣчій имена сущ. ср. р. съ темой *ja*, т. е. видоизмѣненіемъ ея *je*, которому предшествуетъ гласный звукъ *i*, удваиваютъ тематическій согласный звукъ, превращая въ именит. пад. ед. ч. *je* въ *ja* (я). Отсюда получились формы: *безлюддя*, *суддя*, *життя*, *браття*, *злля*, *насиння*, *волосся*, *збіжжя* и *збіжжя*, *кличчя* и *кличчя*, *піддашшя* (*ш* рѣдко удваивается) вмѣсто древнеславянск.: *судила*, *життє* и проч. Въ косвенныхъ падежахъ удвоенные звуки встрѣчаются съ *ю* и *i* (*ji*): *безлюдю*, *на безлюддѣ*, *почю* и *пичю*, *на зллѣ*, *на кличчя* и проч. Въ сѣверномъ малорусскомъ и галицкомъ говорахъ выдерживается основной звукъ *ε* безъ удвоенія предшествующаго согласнаго: *життєε*, *зллєε*, *волосєε*. Такія же самыя смягченно-удвоенныя формы свойственны и бѣлорусскому говору съ тѣмъ различіемъ, что конечный звукъ *ε* не переходитъ въ *я*: такъ, въ Смоленск. губ. и въ Ржеве у. Тверск. губ. говорятъ: *почтєннєε*, *тѣтєε*, *Ильля*, *соболью*, *лошаддю* и проч. ¹⁾ Подобно тому какъ въ малорусскомъ нарѣчій аналогическія формы составляютъ принадлежность не всѣхъ говоровъ его, а только одного украинскаго, такъ точно и въ бѣлорусскомъ говорѣ онѣ составляютъ явленіе спорадическое, распространенное далеко не во всѣхъ

¹⁾ Потеб. О звук. особ. 72.

мѣстностяхъ бѣлой Руси. Но существуя не повсемѣстно въ бѣлой и малой Руси, онѣ безусловно чужды великорусскому нарѣчію.

Считать ли бѣлорусское удвоеніе согласныхъ заимствованіемъ изъ малорусскаго нарѣчія, какъ думаетъ Потебня ¹⁾, или же это есть органическое явленіе, самостоятельно развившееся въ сферѣ бѣлорусскаго говора? Замѣтимъ, что Потебня относитъ къ числу заимствованій изъ малорус. звукъ *дж*, встрѣчающіися у бѣлоруссовъ. Ставши на эту точку зрѣнія, можно бы прибавить и звучность согласныхъ, но въ такомъ случаѣ, не много ли ужъ будетъ заимствованій? Съ теоріей заимствованій можно было бы до извѣстной степени согласиться, съ тѣмъ, однако же, условіемъ, чтобы она не касалась существенныхъ особенностей языка, глубоко проникшихъ весь его составъ. Тѣмъ менѣе можно говорить о заимствованіяхъ въ вопросѣ объ удвоенно-смягченныхъ согласныхъ, что они сопутствуютъ звучности ихъ, которая у бѣлоруссовъ обставлена тѣми же звуковыми подробностями, какъ и у малоруссовъ. Спору нѣтъ, что малорусское племя всегда оказывало могущественное вліяніе на бѣлоруссовъ, что въ пѣсенномъ творествѣ бѣлорусскомъ, по крайней мѣрѣ, ⁴⁾ пѣсенъ малорусскаго происхожденія, что, слѣдовательно, вмѣстѣ съ словомъ, могло проникать къ бѣлоруссамъ звуковое вліяніе малорусской рѣчи, но не нужно упускать изъ виду, что это было, во всякомъ случаѣ, вліяніе позднѣйшее, поэтому оно не могло проникнуть въ звуковую строй бѣлорусской рѣчи такъ глубоко, чтобы можно было ограничиться въ объясненіи сходнаго у бѣлоруссовъ и малоруссовъ одною теоріею заимствованій. По нашему мнѣнію, сходство это древнѣе той эпохи, когда бѣлоруссы поднали вліянію пѣсеннаго малорусскаго творчества, такъ какъ самое это творчество относится къ эпохѣ болѣе поздней.

Устраняя теорію заимствованій въ ея широкомъ и безусловномъ примѣненіи, мы думаемъ, что смягченно-удвоенные согласные, какъ у бѣлоруссовъ, такъ и у малоруссовъ, образовались совершенно самостоятельно. Безъ сомнѣнія, они ведутъ свою исторію отъ извѣстной намъ древнеславянской и древнерусской особенности звука *и*, который предъ йотированнымъ гласнымъ звукомъ являлся въ формѣ *ь*. Уже въ XI в. съ эпимъ ослабленіемъ *и* встрѣчаемся на каждомъ шагѣ почти во всѣхъ письменныхъ памятникахъ: мы видимъ ее въ Толков. Евген.

¹⁾ Потеб. О звук. особ. 54.

псалтири, въ обоихъ Сборн. Святослава, въ Словахъ Григорія Бого- слова 1). Есть даже удвоенная форма въ Пандек. Аянхоа: *безакон- ныемь* 2), но такъ какъ она одинъ только разъ намъ встрѣтилась, то мы не придаемъ ей особеннаго значенія. Для XI в. и то уже не ма- ловажное обстоятельство, что въ огромной массѣ случаевъ въ анало- гическихъ формахъ стоитъ ъ вм. и. Не думаемъ, чтобы ъ составлялъ здѣсь слогъ (*жи-ть-ѣ*), такъ какъ глухіе гласные, тотчасъ вслѣдъ за появленіемъ своимъ въ древнеславянской письменности, начали падать въ самомъ древнеслав. нарѣчій. Съ другой стороны, ъ изъ и, послѣ согласныхъ звуковъ, ни въ какомъ случаѣ не могъ заключать въ себѣ столько силы, чтобы въ немъ сохранился еще отгѣнокъ гласнаго звука, тѣмъ болѣе, что это былъ слабый мягкій звукъ, который послѣ согла- сныхъ звуковъ, по нашему мнѣнію, долженъ былъ явиться ничѣмъ инымъ, какъ смягчающимъ согласнымъ элементомъ—ютой 3). Такимъ

1) Из. Ак. т. X. вып. V. Срезн. Древн. пам. рус. пис.

2) Из. Ак. X. V. 493.

3) Мы рѣшительно не согласны съ системою такъ называемыхъ предъ- ерированныхъ гласныхъ въ томъ видѣ, какъ развилъ ее Миклошичъ. Она кажется намъ не всегда примѣнимой даже къ древнеславянскому нарѣчію, гдѣ Миклошичъ въ ъ послѣ согласныхъ звуковъ видитъ гласный элементъ. По его теоріи оказываются совсѣмъ необъяснимыми многія формы. Такъ, самъ онъ отказывается отъ объясненія такихъ формъ, какъ *рождество*, *дождь*, (Miklos. Lautl. 187), предполагая въ этихъ смягченіяхъ звукъ *ʔ*, ослабѣвшій въ ъ, тогда какъ въ *дождь*, напр., основнал форма: *dad-jъ (ja-s)*, слѣдовательно, не *i*, а юта. Тотъ же предъерированный гласный элементъ онъ видитъ въ словахъ; *польза*, *стыза* (ibid. 197), тогда какъ въ этихъ сло- вахъ гортанный *ʔ* смягчился въ *z* посредствомъ юты (*стыза=сты=ja*). Вообще въ древнеславянскомъ нарѣчій гласный звукъ *ʔ* предъ другимъ гласнымъ или разлагается въ *ji*, напр. въ именныхъ темахъ *ʔ* предъ суф- фиксомъ двоиств. ч. род. и мѣст. надежа *ou (u)*: *пѣти-ју*, а также въ *ʔj*: *бити—бѣ-снѣ*, или же совсѣмъ превращается въ *j*, въ образованіи, напр., проп. прич. на ъ въ глаголахъ съ конечнымъ тематическимъ *хвали-(ans)*, *хвалѣ-us*, *хвал-ь*: доказательство, что здѣсь именно заклю- чается *j*, а не *i*, представляютъ формы: *возлюбл-ь*, *отпуш-ь*. Такое же превращеніе гласнаго *i* въ согласный *j* видимъ въ склоненіи мѣстоименіи *и(же)*: род. и | *его=jego=нею*. Обратное явленіе, т. е. вокализация *j* со- ставляетъ въ древнеслав. нарѣчій явленіе довольно рѣдкое (Comp. Sleich. 423.

образомъ, вмѣсто согласнаго *и*, явился согласный *ј*, т. е. одинъ мягкій согласный звукъ—комплексъ слабый въ сравненіи съ первоначальнымъ. Между тѣмъ, по прежнему, *ј*, образовавшаяся изъ *и*, должна была встрѣтиться съ другой іотой, которая составляетъ начальный элементъ темы *ја*.—и вотъ звуковая потеря, только что нами указанная, вызвала качественное уподобленіе второй іоты предшествующему смягченному согласному. Мало того: общеславянское *је* уступило свое мѣсто звуку *ја*, такъ что украинское *я* въ *зляя* и проч. совпало съ первоначальной темой *ја*. Въ этомъ возстановленіи болѣе сильнаго *я* вмѣсто *е* мы видимъ то же побужденіе восполнить звуковую потерю въ предыдущемъ: по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ малорусскихъ говорахъ, гдѣ удвоенія согласныхъ нѣтъ, остается славянская форма темы *ја*, т. е. *е*, что ясно указываетъ на значеніе украинскаго *я* въ связи съ смягченіемъ и удвоеніемъ согласныхъ. Замѣтимъ кстати, что удвоенія этого рода встрѣчаются иногда и въ корняхъ словъ. Такого образованія, напр., слово: *наляти*, есть и *ляти* изъ *лядти*. Въ удвоенной формѣ безъ *ь* встрѣчается слово это уже у Беринды: *лят'ся* ¹⁾).

Въ южнорусскихъ памятникахъ мягкіе согласные почти не встрѣчаются въ удвоенномъ видѣ. Даже у Беринды, гдѣ преобладаютъ въ именахъ на *е* украинскія формы съ *я*, согласные не удвоятся: *вырозуменѣ*, *милосердѣ*, *залутѣ* ²⁾). Иногда Беринда пишетъ эти формы съ *ь*, иногда удерживаетъ при этомъ и *е*: *подозреньѣ*, *джованѣ*, *штѣ* ³⁾). Но болышею частію, какъ у Беринды, такъ и вообще въ южнорусской письменности XVII в., встрѣчаемъ *я*: видимо, это позднѣйшая форма, которая появилась не раньше XVI в. Такъ, уже въ 1-мъ посланіи Іоанна Вишенскаго (XVI в.): *щастя*, *веселя*, *препалена* ⁴⁾). Что

Formentl. Miklos. 66), въ противоположность языку греческому, гдѣ вокализация іоты происходитъ въ слѣдствіе отвораченія къ первоначальному придумнымъ звукамъ (*ј*, *ѵ*, *ѕ*). Это характеристическая особенность не только древнеславянскаго нарѣчія, но и всѣхъ славянскихъ нарѣчій.—особенность, обусловленная быстрой ассимиляціей іоты со всѣми согласными звуками. Отсюда вытекають всѣ явленія такъ называемаго іотанизма. Широко охватывающаго весь строй славянскихъ нарѣчій.

¹⁾ Бер. 185.

²⁾ Ibid. 185.

³⁾ Ibid. 3, 4, 5.

⁴⁾ Ак. южн. и зап. Рос. т. II. 217.

касается до удвоения при *e* (*ε*), то оно, безъ всякаго сомнѣнія, существовало уже въ XV в. Въ Студійскомъ уставѣ XV в. намъ встрѣтилась одинъ разъ форма: *браттл*,¹⁾ но, независимо отъ этой формы, самыя начертанія: *печатю, милостю, широкостю*,²⁾ постоянно встрѣчающіяся въ юго и западно-русскихъ грамотахъ XV в., показываютъ, что въ произношеніи послѣдній согласный звукъ удваивался, иначе предъ нимъ писали бы *ь*. Судя по тому, что въ письменности позже появляются звуковыя особенности, созрѣвшія въ устахъ народа, можно думать, что удвоеніе въ подобныхъ формахъ возникло раньше XV в. и только закрыто было утвердившимся съ самаго начала русской письменности обычаемъ писать *ь* предъ іотированными гласными. На это предположеніе наводитъ чрезмѣрно частое употребленіе *ь* въ *и* въ одномъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ южнорусскаго характера—въ поученіяхъ Ефрема Сирина³⁾.

Итакъ, смягченно-удвоенные согласные можно считать звуками далеко не первоначальными. Для образованія ихъ нужно было гласному *и* еще на славянской почвѣ ослабѣть въ *ь* и затѣмъ—начальному элементу іотированныхъ гласныхъ, т. е. іотѣ, подвергнуться прогрессивно—качественной ассимиляціи со стороны предшествующихъ смягченныхъ согласныхъ. Точкой отправленія въ этомъ характеристическомъ превращеніи согласныхъ былъ гласный элементъ *и*, затѣмъ, въ активной роли смягчающаго звука появилась іота изъ *и*, наконецъ, этому комплексу подчинилась другая іота, заключавшаяся въ гласномъ звукѣ. Весь этотъ процессъ звуковыхъ превращеній постепенно развивался, по мѣрѣ того какъ укладывались черты малорусскаго консонантизма въ опредѣленную норму, т. е. въ связи съ накопленіемъ въ его составѣ звучныхъ согласныхъ. Мы именно думаемъ, что смягченно-удвоенные согласные явились для восполненія ослабѣвшаго консонантизма, что они составляютъ даже необходимое послѣдствіе количественнаго паденія ихъ. „Причина удвоенія, говоритъ Гривъ, заключается въ томъ, что слово становится, такъ сказать, болѣе слабымъ и только до половины слышимымъ (und zur hälft ange schlagen), чтобы затѣмъ снова прозвучать полнѣе и благозвучнѣе (vernehmlicher“)⁴⁾.

¹⁾ Новостр. Ки. 5. 217.

²⁾ Голов. Грам. № 3. 9.

³⁾ Срезн. Свѣд. 48.

⁴⁾ Grim. Geschich. der. deutsch. spr. zweit. Band. 598.

Мысль эту можно примѣнить не только къ отдѣльнымъ словамъ, но и ко всему составу языка, во всемъ объемѣ его звуковыхъ измѣненій. Съ этой точки зрѣнія совершенно понятно, почему въ украинскомъ говорѣ малорусскаго нарѣчія, гдѣ звучные согласные господствуютъ по преимуществу, длительно-звучный элементъ—іота, уподобляясь предшествующему согласному, даетъ мѣсто звуку, во всякомъ случаѣ, болѣе сильному, чѣмъ сама іота,—понятно также, почему въ болѣе раннихъ памятникахъ (XI—XII в.) нѣтъ никакихъ слѣдовъ смягченно-удвоенныхъ согласныхъ звуковъ. Очевидно, въ древнѣйшую эпоху звуковой жизни русскихъ нарѣчій еще не успѣлъ установиться и окрѣпнуть тотъ порядокъ звуковыхъ явленій, который вызвалъ къ жизни удвоеніе согласныхъ, т. е. звучные согласные не получили еще преобладающаго значенія, хотя діалектически они существовали въ дѣйствительности, ибо для того чтобы появиться въ XIV—XV в. удвоеннымъ согласнымъ, нужно предположить въ XII—XIII в., по крайней мѣрѣ для нѣкоторыхъ русскихъ нарѣчій, значительную степень количественнаго паденія согласныхъ. Само собою разумѣется, что это было нарѣчіе малорусское въ прототипѣ современнаго намъ украинскаго говора, а также нѣкоторыя бѣлорусскія разнорѣчія, въ которыхъ удвоеніе согласныхъ, по нашему мнѣнію, образовалось такъ же самостоятельно, какъ и въ нарѣчій малорусскомъ.

Кромѣ указанныхъ нами удвоеній, есть еще въ малорусскомъ нарѣчій удвоенія согласныхъ другаго рода. Это именно тѣ удвоенія, которыя нѣкогда образовались посредствомъ выпаденія *з* и *ъ*, напр: *ссати* (*съсати*), *винний* (*повинньз*), или же такія, которыя существуютъ только въ стихотворной рѣчи, по требованію стихотворнаго размѣра, напр: *ддати* (*отъдати*), *ззуги* (*изоуги*),—или же, наконецъ, аналогическія съ указанными выше смягченныя удвоенія, образовавшіяся путемъ качественной ассимиляціи согласныхъ, напр: *бойсся*, *бойщя*, *доцц*, *багачщий* и проч. (изъ *боишься*, *боится*, *доццг*, *боищшій*). Значительное количество формъ съ удвоенными согласными какъ будто бы стоитъ въ разрѣзъ съ отвращеніемъ славянскихъ нарѣчій къ удвоеннымъ согласнымъ,—отвращеніемъ, на которое указываетъ Гаттала, какъ на признакъ родственнаго сходства современныхъ намъ славянскихъ нарѣчій съ первобытной славянщиной, которая отразилась съ наибольшей полнотой въ древнеславянскомъ нарѣчій¹⁾. И дѣй-

¹⁾ Hatt. De mutat. contig. conson. 76.

ствительно, въ древнеслав. нарѣчи согласныхъ удвоеній мало; тамъ же, гдѣ они, по требованію этимологіи, должны были появиться, одинъ изъ согласныхъ звуковъ выпадалъ (*je-si* вм. *jes-si*). Вполнѣ соглашаясь съ мнѣніемъ уважаемаго нами ученаго относительно нарѣчія древнеславянскаго, не можемъ той же черты признать за другими славянскими нарѣчіями, въ особенности за нарѣчіемъ малорусскимъ, которое представляетъ разительное противорѣчіе съ тѣмъ, что думаетъ Гаттала объ удвоеніи въ нарѣчіяхъ славянскихъ. Въ нихъ удержались далеко не всѣ первобытныя свойства старой славянщины: многія изъ нихъ безвозвратно погибли въ потокѣ звуковыхъ превращеній, другія же, хотя и остались, но подъ наноснымъ слоемъ позднѣйшихъ звуковыхъ особенностей. Извѣстно, что древнеславянское нарѣчіе, какимъ знаемъ мы его въ эпоху зарождавшейся письменности, представляетъ ослабленный типъ языка, насквозь проникнутый гласнымъ элементомъ. Позволимъ себѣ сдѣлать сближеніе малорусскаго нарѣчія съ древнеславянскимъ, которое въ отношеніи къ гласнымъ звукамъ представляетъ черты звуковаго паденія, такъ точно какъ малорусское нарѣчіе—въ отношеніи къ звукамъ согласнымъ. Здѣсь родственная близость между нарѣчіями есть, только совершенно въ иной области. Что касается до малорусскихъ удвоенныхъ согласныхъ, то это черта слабого звуковаго организма, который стремится сдѣлаться болѣе сильнымъ,—черта не первобытная, но именно позднѣйшая, развившаяся уже на памяти исторіи.

3. Качественныя черты малорусскихъ согласныхъ.

Заговоривъ о смягченно-удвоенныхъ согласныхъ въ малорусскомъ нарѣчьи, мы переходимъ изъ сферы количественныхъ отношеній между согласными звуками въ сферу отношеній качественныхъ. Что же здѣсь представляютъ малорусскіе согласные звуки? То ли самое, что мы видѣли въ количественной природѣ ихъ? Стоять ли они въ качественномъ отношеніи на той же ступени звуковаго ослабленія, какъ въ отношеніи количественномъ?

Отвѣчая на эти вопросы, мы будемъ имѣть дѣло, главнымъ образомъ, съ употребленіемъ согласныхъ звуковъ по органамъ ихъ произношенія. Въ этомъ порядкѣ явленій основнымъ можно считать уподобляющее вліяніе небныхъ элементовъ на пенебные (твердые). Въ верхней полости рта, называемой небомъ, происходятъ всѣ процессы смягченія согласныхъ. Уже гласные, окрашенные небнымъ оттѣнкомъ въ слѣдствіе прохода чрезъ небный каналъ рта, именно *e*, *i*, дѣйствуютъ смягчающимъ способомъ на согласные звуки. Но гласные эти имѣютъ сильнаго союзника между согласными въ видѣ звука *j* (юты), который, соединяясь, какъ съ ними, такъ и съ твердыми гласными, производитъ самое рѣшительное дѣйствіе на всю систему смягченія согласныхъ, поэтому мы будемъ называть ее *ютацизмомъ*. Къ области ютацизма въ тѣсномъ смыслѣ Шлейхеръ относитъ полную сплавку *j* съ предшествующимъ согласнымъ звукомъ, въ обширномъ смыслѣ—всякое дѣйствіе юты (также *i* и *e*) на предшествующій согласный звукъ ¹⁾. Сообразно съ этимъ онъ раз-

¹⁾ Schleich. Zur. vergleich. Untersuch. 39.

личает тотъ родъ іотацизма, при которомъ согласные, въ соединеніи съ *j*, не терпятъ существенныхъ измѣненій, (напр. плавные), и тотъ, при которомъ согласные существенно измѣняются (гортанные). „Первый родъ іотацизма, говоритъ онъ, въ славянскихъ грамматикахъ называется ераціей: въ словахъ, напр: *конь, соль* юта такъ сплавляется съ предшествующимъ согласнымъ, что ерацію вполне можно отнести къ области іотацизма“ ¹⁾. Слѣдуетъ, намъ кажется, въ самой ераціи отличить то явленіе, когда согласные произносятся легко, не опираясь на іотированный гласный звукъ, какъ въ приведенныхъ выше примѣрахъ: *конь, соль*, отъ обратныхъ случаевъ мягкаго произношенія согласныхъ въ непосредственномъ соединеніи ихъ съ іотированными и вообще мягкими гласными: *коня, коню*. Тѣ и другія явленія мы будемъ называть непереходнымъ смягченіемъ согласныхъ, ераціей же собственно только первый разрядъ явленій. Съ другой стороны, согласно съ мнѣніемъ Шлейхера, область іотацизма мы не ограничиваемъ дѣйствіемъ іоты: мы различаемъ, кромѣ того, вліяніе *i* и *e*, т. е. чистыхъ, неіотированныхъ мягкихъ гласныхъ на согласные, а также вліяніе на эти послѣдніе тѣхъ мягкихъ согласныхъ, которые образовались посредствомъ претворенія основныхъ согласныхъ въ производные, такъ сказать, вторичные звуки, каковы, напр., шипящіе. Іотацизмомъ мы называемъ всякое вліяніе небныхъ элементовъ на измѣненіе согласныхъ звуковъ, откуда бы ни шло это вліяніе—отъ гласныхъ или согласныхъ звуковъ.

Извѣстно, что въ семьѣ славянскихъ языковъ іотацизмъ составляетъ черту самую характеристическую. „Настоящая родина іотацизма, говоритъ Шлейхеръ, славянскіе языки“. „Типичность славянскихъ языковъ (особенно польскаго) заключается въ огромной массѣ шипящихъ и свистящихъ согласныхъ, обязанныхъ своимъ происхожденіемъ іотацизму, который, по мѣрѣ паденія звуковаго строя, завоевываетъ себѣ болѣе широкую область“ ²⁾. Дѣйствительно, усиленіе небнаго элемента во всѣхъ индоевропейскихъ языкахъ параллельно шло съ образованіемъ языковъ, такъ называемыхъ, секундарныхъ. Присутствіе іотацизма (зетацизма) въ древнегреческомъ языкѣ Шлейхеръ объясняетъ именно тѣмъ, что въ эллинскомъ періодѣ этотъ языкъ былъ собственно

¹⁾ Schleich. Zur vergleich. Untersueb. 90.

²⁾ Ibid. 87, 101.

секундарный, что ему предшествовалъ періодъ пелазгійскій, который, въ отношеніи къ позднѣйшимъ греческимъ діалектамъ, соответствуетъ латинской эпохѣ въ отношеніи къ романскимъ нарѣчіямъ

Таково въ общихъ чертахъ историческое значеніе іотацизма. Тѣмъ не менѣе до настоящаго времени остается вопросомъ величайшей трудности опредѣлить эпохи въ развитіи его. Исторію іотацизма въ отношеніи къ славянскимъ нарѣчіямъ, обыкновенно, начинаютъ съ лето-славянской эпохи. По мнѣнію Бодуэна де Куртэнэ, въ эту эпоху развилась непереходная мягкость согласныхъ, слѣдовательно, смягченіе переходное есть явленіе болѣе позднее, чѣмъ непереходное. „Переходное смягченіе, говоритъ Куртэнэ, наступаетъ тогда, когда народу становится трудно произносить или вообще, или только въ извѣстныхъ случаяхъ, мягкій непереходный того же органа, вообще, когда органы народа липаются отчасти возможности произносить мягко“²⁾. По въ эту эпоху летославянскую были уже согласные, образовавшіеся путемъ переходнаго смягченія (славянс. *знати*, кор. *gna* изъ *gan*, литовс. *znoti*,—славянс. *сръдце*, санскр. *hrd* вм. *khard*, литовс. *szirdis*),—слѣдовательно, нельзя характеризовать летославянскую эпоху непереходнымъ смягченіемъ, если есть въ ней черты, принадлежація позднѣйшей, собственно славянской эпохѣ. Съ другой стороны, послѣ недавнихъ изслѣдованій Шмидта о паразитной іогѣ въ древнеславянскомъ нарѣчій, трудно допустить, чтобы въ эпоху летославянскую окончательно установилось и вполнѣ развилось смягченіе непереходное, какъ явленіе основное. Паразитная іота, по наблюденію Шмидта, развивается вмѣстѣ съ развитіемъ самой жизни языка и появляется тамъ, гдѣ ея не требуетъ ни образованіе темы, ни образованіе всего слова³⁾. Загѣмъ, къ даннымъ, которые приводитъ Шлейхеръ относительно прираженія первоначальной іоты къ гласнымъ *a*, *e*, *ъ*, *ж*, *ь*, *ь*, *i*, Шмидтъ присоединяетъ аналогическіе факты для звука *y* (*и*) и приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ: что 1) паразитная іота, ассимилируя стоящіе за ней гласные, съ теченіемъ времени болѣе или менѣе правильно втор-

¹⁾ Schleich. Zur vergleich. Uutersuch. 151, 152.

²⁾ Бол. де Курт. О древнепольс. яз. 40.

³⁾ Beitr. Zur vergl. Sprachforsch. 1869. Die Entwickel. von unursprung. j im slaw. und litausch. Schmidt. 123.

рается въ область звука *г*. 2) Въ сферѣ славянскихъ языковъ она прогрессивно развивается. 3) Вліяніе паразитной іоты на вокализмъ литовскій несравненно слабѣе, чѣмъ на вокализмъ древнеславянскій¹⁾. Основываясь на этихъ положеніяхъ, мы не можемъ считать непереходнаго смягченія, развитаго съ особенною силою въ нарѣчіяхъ великорусскомъ и польскомъ, явленіемъ летославянской древности. Мы не думаемъ, чтобы всѣ остальные славянскія нарѣчія представляли въ этомъ отношеніи отклоненіе отъ древнѣйшаго типа. Напротивъ того, есть факты, доказывающіе, что въ нарѣчій, напр., великорусскомъ непереходное смягченіе съ теченіемъ времени развилось на счетъ переходнаго, которое сохранилось въ нарѣчій малорусскомъ. Такъ, напр., въ малорус. гортанные правильно, по древнеславянски, смягчаются во флексіяхъ въ шипяще и свистяще: *убоий, небоже, небози*, тогда какъ въ великорусскомъ нарѣчій эта правильность нарушена, такъ какъ въ аналогическихъ случаяхъ допускается соединеніе гортанныхъ съ *и* и *ь* (*ε*): *о боги, боги* и проч., и только подъ вліяніемъ книжной рѣчи сохранилось еще: *боже*. Нельзя, конечно, этихъ формъ считать древнѣйшими, нельзя думать, что онѣ сохранились отъ летославянской эпохи, миновавъ стадию славянскую. Очевидно, въ великорусскомъ нарѣчій дѣйствіе паразитной іоты сильнѣе, чѣмъ въ малорусскомъ. Что касается до согласныхъ твердыхъ въ малорусскомъ нарѣчій, то и они въ свою очередь далеко не во всемъ своемъ составѣ представляютъ остатокъ старины: многіе изъ нихъ отвердѣли на памяти исторіи въ слѣдствіе позднѣйшихъ превращеній въ области гласныхъ звуковъ. Такимъ образомъ, въ древнѣйшемъ состояніи русскихъ нарѣчій, ни твердые, ни мягкіе согласные не стояли въ исключительной роли господства однихъ надъ другими. Одни нарѣчія наклонялись въ сторону мягкости согласныхъ, другія—въ сторону ихъ твердости, но какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ нарѣчійхъ строже, чѣмъ нынѣ, соблюдались пропорціональныя отношенія между твердыми и мягкими слогами. Такъ, въ древнѣйшихъ русскихъ памятникахъ, переписанныхъ въ разныхъ мѣстностяхъ, мы видимъ іогированныя гласныя послѣ шипящихъ, но въ тѣхъ же самыхъ памятникахъ соблюдается, за очень рѣдкими исключениями, и твердость гортанныхъ. Въ древнерусской письменности это равенство отношеній между согласными твердыми и мягкими было

¹⁾ Ibid. 139ⁿ 144. 147. 151.

отраженіемъ народныхъ говоровъ—черта, съ теченіемъ времени утраченная, какъ въ нарѣчій великорусскомъ, такъ и въ малорусскомъ. Ее можно считать особенностію предполагаемаго нами праязыка русскаго, потому что въ древнеславянскомъ языкѣ, представителѣ древнѣйшаго состоянія славянскихъ нарѣчій, она проведена довольно послѣдовательно. Что касается летославянской эпохи, то въ ней, безъ всякаго сомнѣнія, обнаружилось уже, какъ переходное, такъ и непереходное смягченіе. Перваго рода смягченіе существовало, главнымъ образомъ, въ корняхъ словъ, объемъ же и степень развитія непереходнаго смягченія въ настоящее время, за недостаткомъ положительныхъ данныхъ, опредѣлить трудно. Можно только указать исходную точку, отъ которой въ летославянскую эпоху пошло непереходное смягченіе. Нормой летославянскаго слога былъ согласный звукъ + гласный: этимъ объясняется появленіе іотированныхъ гласныхъ, т. е. такихъ гласныхъ, которые прикрыты согласнымъ элементомъ. Затѣмъ, дальнѣйшая исторія славянскихъ нарѣчій представляетъ постепенный ростъ іотацизма.

Намъ предстоитъ теперь прослѣдить развитіе іотацизма на почвѣ малорусскаго нарѣчія.

Извѣстно, что изобрѣтатель славянской азбуки установилъ систему іотаціи гласныхъ, въ силу которой непереходная мягкость согласныхъ выражается не на нихъ самихъ, а на іотированныхъ гласныхъ, которые слѣдуютъ за ними. Въ древнѣйшихъ памятникахъ славянской и славяно-русской письменности была попытка ввести систему ераціи согласныхъ, т. е. такой способъ начертанія ихъ, чтобы сами они выражали собственную свою мягкость. Такъ, въ Хиландарскихъ листкахъ встрѣчаются начертанія: *приемлѣми, одолѣпти, блѣдѣте, изволеніе, гоубителѣзмь, лѣвъ, оучителѣства*¹⁾. Ерація эта распространялась, гласнымъ образомъ, на *л* и *н*. изрѣдка на *д*, не касаясь другихъ согласныхъ звуковъ. Видимо, она была поправкой Кирилловскаго правописанія, поправкой, не выдержанной, не проведенной чрезъ всю систему смягченія согласныхъ. Ерируя иногда согласные предъ іотированными гласными, переписчики не замѣчали того, что

¹⁾ Срезн. Пам. юс. пис. 37. Аналогическія формы встрѣчаются въ Чудовс. псалтири (XI в.), Изборн. 1072 г., въ Галиц. еванг. Синайс. патер., Мстисл. еванг. (XII в.), въ Сборн. житій Лексин. обит., въ Житіи Феодора Студійскаго (XIII в.)

они проговорѣчатъ самимъ себѣ, такъ какъ такая ерація дважды выражаетъ то, что выражено уже одинъ разъ. Какъ бы то ни было, и эта слабая попытка выразить мягкость согласныхъ на нихъ самихъ ограничивается древнѣйшими памятниками до XIV в. Обыкновенно, какъ прежде, такъ и послѣ, роль знака, смягчающаго согласные, принадлежала буквѣ ъ. Иногда эта буква выносилась за строку въ видѣ надстрочнаго знака, но большею частію, какъ въ современномъ русскомъ правописаніи, ставилась непосредственно послѣ согласнаго звука. Такое положеніе буквы ъ въ строкѣ, рядомъ съ буквами, которыя означали дѣйствительный звукъ, всегда давало ей видъ не столько знака, сколько буквы, въ которой, по видимому, долженъ былъ заключаться какой то звукъ, между тѣмъ въ дѣйствительности никакого звука въ ней не заключалось. На букву ъ перешло древнѣйшее преданіе, поддержанное церковною письменностью, преданіе о томъ, что она была нѣкогда знакомъ звука, и хотя это ея значеніе давно уже утрачено было въ произношеніи, однако же она, по прежнему, писалась въ строкѣ, на правахъ звучащей буквы, а не надстрочнаго, смягчающаго знака. Строчное положеніе ея не представляло бы еще особенныхъ затрудненій, если бы оно соображаемо было съ этимологическимъ значеніемъ ея въ примѣненіи къ тому выговору, котораго держались сами переписчики, — если бы, напр., буква ъ писалась только лишь на концѣ словъ въ словахъ: *учитель, конь*, или же въ срединѣ словъ предъ древними суффиксами: *ѣск, ѣст* въ словахъ: *киевскій, панство* и т. п. Мы знали бы въ этомъ случаѣ, что собственно ъ, какъ звукъ, давно исчезъ, оставивъ послѣ себя слѣдъ въ смягченіи предшествующаго согласнаго. Между тѣмъ, въ южнорусскихъ памятникахъ, начиная съ древнѣйшихъ, мы не находимъ этимологически правильнаго упогребленія буквы ъ (она часто слонитъ вм. ѓ), — съ другой стороны, часто не видимъ и фонетической постановки ея тамъ, гдѣ она требовалась живымъ выговоромъ, какъ знакъ смягченія предшествующаго согласнаго. Она ставится не столько по расчету, управляемому этимологическимъ или фонетическимъ сознаніемъ, сколько въ силу привычки, основанной на подражаніи оригиналу, который никогда не совпадалъ съ фонетикой народныхъ русскихъ говоровъ. Очень часто оригиналомъ служила рукопись, прошедшая чрезъ нѣсколько нерусскихъ редакцій, и въ такомъ случаѣ буква ъ являлась отраженіемъ на южнорусской почвѣ другихъ славянскихъ нарѣчій. Такъ, переводчикъ Пересопницкаго евангелія, видимо,

имѣлъ подъ руками оригиналь сербскаго происхожденія, потому что всюду на концѣ словъ ставитъ ъ, гдѣ нужно и гдѣ не нужно: *платъ* (ѣ), *справоваль* (ѣ), *быль* (ѣ), *пакъ* (ѣ), *братъ* (ѣ). Такимъ образомъ, на основаніи памятниковъ трудно сдѣлать какія-нибудь рѣшительныя заключенія о мягкихъ слогахъ въ малорусскомъ нарѣчій въ ихъ историческомъ развитіи. И въ этомъ случаѣ мы должны обратиться, главнымъ образомъ, къ устнымъ источникамъ, руководствуясь украинскимъ говоромъ малорусскаго нарѣчій и ссылаясь, гдѣ нужно, на особенности согласныхъ въ другихъ малорусскихъ говорахъ. При этомъ намъ придется извлекать историко-сравнительные выводы о распредѣленіи твердыхъ и мягкихъ согласныхъ въ малорусскомъ нарѣчій не столько изъ употребленія согласныхъ въ южнорусскихъ памятникахъ, сколько изъ тѣхъ данныхъ, которыми мы пользовались въ историческомъ очеркѣ малорусскаго вокализма. Что касается собственно до сравненій съ фактами письменности, то пайболѣ надежной точкой опоры въ этомъ отношеніи мы считаемъ древнеславянское нарѣчье въ томъ видѣ, въ какомъ можно представить его въ древнѣйшемъ его состояніи, оставивъ въ сторонѣ діалектическія особенности мало извѣстныхъ намъ нарѣчій, особенности, встрѣчающіяся въ самыхъ древнихъ славянскихъ памятникахъ. Къ этому типу ближе всего, по нашему мнѣнію, подходитъ языкъ Остром. евангелія, изъ котораго въ своемъ мѣстѣ мы приведемъ нѣсколько данныхъ для сравненія ¹⁾).

Всѣ славянскія нарѣчія, вырабатывая свои типическія черты, своеобразно переживали періодъ смѣшенія твердыхъ слоговъ съ мягкими. Въ результатѣ получилось въ однихъ нарѣчійхъ преобладаніе твердыхъ слоговъ, въ другихъ—мягкихъ. Къ числу этихъ послѣднихъ нарѣчій принадлежитъ великорусское, и въ этомъ, по нашему мнѣнію, заключается одна изъ главныхъ чертъ различія консонантизма великорусскаго отъ малорусскаго. Въ великорусскомъ нарѣчій, какъ извѣстно, широко развита система непереходнаго смягченія. Найболѣе

¹⁾ Само собою разумѣется, что языкъ Остром. евангелія мы не считаемъ родоначальникомъ ни праязыка русскаго, ни нарѣчій малорусскаго. Мы находимъ только, что въ Остром. евангеліи въ наибольшей полнотѣ и чистотѣ сохранились основныя формы всѣхъ славянскихъ нарѣчій, и что эти формы найболѣе созвучны допускаемому въ наукѣ типу, какъ праязыка славянскаго, такъ и праязыка русскаго.

импонирующее дѣйствіе на смягченіе согласныхъ идетъ отъ іотированныхъ гласныхъ, и въ особенности отъ гласнаго *ε*, который самъ по себѣ прогрессивно ассимилируетъ послѣдующій согласный звукъ, а равно содѣйствуетъ регрессивной ассимиляціи, идущей отъ мягкихъ согласныхъ звуковъ. Иногда достаточно этой послѣдней ассимиляціи, чтобы смягчить послѣдующій согласный звукъ, иногда же смягченіе происходитъ при содѣйствіи впереди стоящаго *ε*. Меньше всего нуждается въ содѣйствіи гласнаго *ε* звукъ *н*, а также свистящіе *з* и *с*. Эти три звука смягчаются даже подъ вліяніемъ одного только слѣдующаго за ними мягкаго согласнаго: предъ мягкими *д* и *т*: *индѣть*, *тѣздить*, *расѣти*, — и предъ *ш*, *щ*, *ц*: *коньчикъ*, *женщина*, *провинция*, — *з*, *с* предъ мягкими: *л*, *н*, *б*, *м*: *возьтъ*, *посьтъ*, *жизнь*, *тѣсня*, *въ избѣ*, *разьтъ*, *присьмиртъ*. Другіе согласные, напр. *р*, *д*, *т* могутъ ассимилироваться регрессивно, иногда же они смягчаются подъ двойнымъ вліяніемъ ассимиляціи регрессивной и прогрессивной, идущей отъ звука *ε* ¹⁾. По наблюденію Грота, въ великорусскомъ консонантизмѣ нѣтъ согласныхъ звуковъ, которые бы не могли быть способны къ переходному смягченію. Даже губные и гортанные звуки смягчаются предъ мягкими *л*, *н*, *р*, *с*, *ч* ²⁾. Все отличіе ихъ въ этомъ отношеніи отъ предъидущихъ согласныхъ заключается въ томъ, что они требуютъ для смягченія своего двойной ассимиляціи отъ *ε* и отъ слѣдующаго мягкаго согласнаго. Такова въ общихъ чертахъ система непереходнаго смягченія въ великорусскомъ (литературномъ) языкѣ.

Для характеристики непереходно-мягкихъ согласныхъ въ малорусскомъ нарѣчій, мы обратимся къ тѣмъ даннымъ, которыя можно извлечь изъ отношеній ихъ къ звуку *і*. Мы обратимъ вниманіе на значеніе этого гласнаго въ системѣ малорусскихъ согласныхъ, руководствуясь тѣмъ соображеніемъ, что въ преемственной связи звуковыхъ превращеній какого бы то ни было нарѣчія польза отдѣлить явленій консонантизма отъ явленій вокализма, въ особенности такихъ явленій, какъ типическій въ малорусскомъ нарѣчій гласный элементъ *і*. При этомъ мы будемъ руководствоваться и другими данными: способностію согласныхъ къ сочетанію съ іотированными гласными, кромѣ *і* (*йі*),

¹⁾ Гротъ. Фил. разс. 202—203.

²⁾ Ibid. 203—204.

способностью къ ераци внутри и въ концѣ словъ, наконецъ, къ удвоенію въ славянской формѣ.

Согласные звуки развиваются въ трехъ главныхъ пунктахъ—въ небной области, близкой къ гортани, зубной и губной. Сообразно съ этимъ есть три главные разряда согласныхъ: *небно-гортанные*, *зубные* и *губные*. Къ небо-гортаннымъ звукамъ въ малорусскомъ нарѣчій мы причисляемъ *г*, *к*, *х*, къ зубнымъ *д*, *т*, *з*, *с* и сложные *дз* и *ц* (*тс*), къ губнымъ *б*, *в*, *п*, *м*. Направляясь изнутри неба, отъ небо-гортанныхъ согласныхъ къ зубнымъ, въ срединѣ этого пути встрѣчаемъ собственно—небные или точнѣе—*язычно-небные*: *ж*, *ш* и сложные: *дж*, *ч* (*тш*) и *щ* (*штш*). Согласные *л*, *н*, *р* мы относимъ къ категоріи *язычно-зубныхъ* звуковъ, такъ какъ мѣсто ихъ зарожденія—верхняя челюсть и конецъ языка, хотя звукъ *р* отодвигается нѣсколько глубже—къ небу¹⁾.

Небно-гортанные согласные образуются съ большимъ или меньшимъ участіемъ то гортани, то неба, отсюда получается, то болѣе небный, то болѣе гортанный характеръ ихъ. Чтобы нагляднѣе представить эту разницу, Миклошичъ предлагаетъ произнести слогъ *ки* рядомъ съ

¹⁾ Собственно говоря, трудно установить такое раздѣленіе согласныхъ, въ которомъ не было бы промежуточныхъ ступеней, между прочимъ, потому что языкъ, участвуя въ образованіи всѣхъ согласныхъ, за исключеніемъ губныхъ, сообщаетъ произношенію ихъ разные оттѣнки, при этомъ и самые согласные могутъ быть произносимы въ разныхъ частяхъ рта. Особенно это нужно сказать о согласныхъ *р* и *ж*: такъ, польское *ł* ближе всего къ гортаннымъ, сербское *л* найближе къ зубнымъ, а мягкое сербское *л* къ небнымъ. Необходимо поэтому, сообразно съ важною ролью, которую играетъ языкъ въ образованіи согласныхъ, прибавить къ тремъ основнымъ группамъ—гортаннымъ, зубнымъ и губнымъ—согласные *язычно-небные* и *язычно-зубные*, такъ какъ въ образованіи ихъ главное участіе принимаетъ языкъ.

Мы ввели въ списокъ малорусскихъ согласныхъ также всѣ сложные звуки, хотя нѣкоторые изъ нихъ, напр. *дз* и *дж* не во всѣхъ говорахъ распространены въ одинаковой степени. Звукъ *ѣ* мы исключили совсѣмъ, потому что онъ не соответствуетъ природѣ малорусскаго нарѣчія и существуетъ только въ одномъ галицкомъ говорѣ, и то въ словахъ заимствованныхъ. Звукъ *з* во всѣхъ малорусскихъ говорахъ произносится какъ чешское или какъ латинское *h*, хотя изрѣдка, особенно въ галицкомъ нарѣчій, встрѣчается звукъ, соответствующій латинскому *g*. Впрочемъ, тоже исключительно въ словахъ заимствованныхъ: *данок*, *друнт*, *двалт*.

кѣ¹⁾. По нашему мнѣнію, разница эта является болѣе очевидною, если будемъ сравнивать $i=h$ съ $i=g$. Этотъ послѣдній звукъ произносится подъ условіемъ болѣе сжатого прикосновенія языка къ мягкому небу, при чемъ дыханіе въ точкѣ затвора органовъ спирается сильнѣе, чѣмъ при $i=h$. Въ образованіи $i=g$ участвуетъ болѣе небо, чѣмъ гортань. Вотъ этотъ послѣдній звукъ противенъ природѣ малорусскаго консонантизма—обстоятельство важное для уясненія истинной природы небогортанныхъ согласныхъ въ малорусскомъ нарѣчій. Отъ $i=h$ мы заключаемъ и къ остальнымъ небогортаннымъ малорусскимъ звукамъ, что они имѣютъ болѣе гортанный, чѣмъ небный характеръ. Въ этомъ отношеніи нарѣчіе малорусское ближе стоитъ къ древнеславянскому, чѣмъ великорусское.

Въ доказательство своего мнѣнія мы приводимъ два факта.

Во 1-хъ, современное произношеніе звука i въ малорусскомъ нарѣчій совершенно согласно съ древнеслав. произношеніемъ этого звука. Предположеніе о томъ, что древнеслав. $i=h$, высказано было еще Беллингомъ, на котораго ссылался прежде Миклошичъ²⁾ и теперь ссылается Гротъ³⁾. Беллингъ указываетъ на соответствіе древнеслав. i звуку x , такъ какъ оба они смягчаются въ простые элементы—первый въ звучные z , $ж$, второй—въ отзвучные c , $ш$. Отсюда слѣдуетъ, что древнеслав. i не состояло въ аналогіи съ k , которое смягчалось въ ts ($ц$), th ($ч$): въ противномъ случаѣ i смягчалось бы не въ z , $ж$, а въ такіе же, какъ $ц$, $ч$, сложные элементы dz , $dž$. Поэтому i въ древнеслав. нарѣчій=не g , но h . Правда, въ послѣднее время Миклошичъ отступилъ отъ своего прежняго мнѣнія: устанавливая различіе между кирилловскими начертаніями **ѡ** (dz) и **ѣ** (z), онъ считаетъ это послѣднее звукомъ производнымъ, образовавшимся изъ древнѣйшаго **ѡ** (dz), которое, въ свою очередь, есть смягченіе $i=g$, такъ что изъ сложнаго звука dz (**ѡ**) съ теченіемъ времени d отпало и вышло z (**ѣ**), но уже самое преобладаніе въ кирилловскомъ письмѣ **ѣ** надъ **ѡ** показываетъ, что i , изъ котораго развилось **ѣ**, въ историческую эпоху древ-

¹⁾ Miklos. Lautl. 204.

²⁾ Ibid. 201—202.

³⁾ Гр. Филолог. разс. 292.

⁴⁾ Rad. Jugoslav. Ак. I х. 1869. О словима **ѡ** и **ѣ**.

неславянского нарѣчія утвердилось въ видѣ придыханія *h*. Поэтому и малорус. *z=h* никакъ не позже исторической древнеславянской эпохи.

Во 2-хъ, въ малорусскомъ нарѣчіи гортанные удержали, какъ извѣстно, древнеславянское переходное смягченіе въ шипяще и свистяще: *ворог—вороже, пори—на порозі, нога—на ногз, чумак—чумаче, будяк—у будяци, рука—на ручі, птах—пташе, козюх—у козюси, сваха—свасі*. Такого рода смягченіе появилось даже тамъ, гдѣ въ древнеслав. его не было, напр., въ первообразныхъ глаголахъ съ гортанной темой, въ 1-мъ л. единс. и 3-мъ множес: *печу, можю* (древнесл. *пекъ, можъ*), *печуть, можуть* (древнесл. *пекътъ, можътъ*). Эти послѣднія формы, образовавшіяся, конечно, позже, по аналогіи съ первыми, этимологически неправильны, зато онѣ совершенно согласны съ характеромъ небно-гортанныхъ въ малорус. нарѣчіи, въ которомъ онѣ сохраняютъ болѣе гортанный, чѣмъ небный оггѣнокъ. Преобладаніемъ въ нихъ гортаннаго оггѣнка объясняется то явленіе, что, встрѣчаясь съ небнымъ элементомъ въ видѣ югированныхъ и даже неюгированныхъ мягкихъ гласныхъ, небно-гортанные, какъ въ малорусскомъ, такъ и въ древнеславянскомъ нарѣчіи, переходятъ въ шипяще и свистяще. Напротивъ того, участіе неба въ произношеніи небно-гортанныхъ примиряетъ ихъ съ небными гласными. Великорусское нарѣчіе въ отношеніи къ небно-гортаннымъ согласнымъ представляетъ значительное отклоненіе отъ древняго типа. Въ обоихъ говорахъ его, сѣверномъ и южномъ, допускается соединеніе небно-гортанныхъ съ мягкими гласными: *копѣйка, шикю, квасю* (Орловс., Курск., Воронежс.), *травка юрькья, сининькѣй, солнышке, юрькю* (ситскій говоръ) ¹⁾. Въ литературномъ русскомъ говорѣ небно-гортанные могутъ стоять только съ *и* и *ь* (ε): *нош—ношь, руки—рукъ, мухи—мухъ*. Ясно, что въ великорусскомъ нарѣчіи они имѣютъ отличный отъ малорусскаго характеръ, именно—небный. Старинное переходное смягченіе во флексіяхъ сохранилось въ немъ въ видѣ архаизмовъ.

Есть, однако же, и въ малорусскомъ нарѣчіи случаи соединенія небно-гортанныхъ съ мягкимъ гласнымъ, и только лишь съ однимъ гласнымъ *і*. Въ сѣверномъ малорусскомъ говорѣ небно-гортанные въ соединеніи съ *і* (основнымъ) довольно часты, изрѣдка встрѣчаются они въ этой формѣ, какъ мы видѣли, и въ галицкомъ. Въ украинскомъ

¹⁾ Потеб. О звук. особен. рус. нар. 67, 89.

говорѣ съ основнымъ *i* (*и*) небо-гортанные стоять не могутъ, зато, въ слѣдствіе позднѣйшихъ превращеній въ области вокализма, создавшаго секундарное *i*, они довольно часто стали встрѣчаться съ этимъ звукомъ: *иркйи*, *кнъ*, *тхир* и проч. То же самое видимъ и въ имен. множ. муж. р: *убои*, *ирки*, *сухи*, гдѣ *i* образовалось путемъ стяженія изъ *и + jі*. Даютъ ли эти явленія право считать малорус. небо-гортанные согласными небнаго характера?

Нельзя не согласиться, что въ приведенныхъ нами формахъ замѣтное физиологическое наклоненіе къ небному элементу сдѣлано только ради звука *i*. Причина заключается въ томъ, что этотъ звукъ самъ зараждается въ небной области, близко къ той точкѣ, гдѣ соприкасается задняя часть языка съ небомъ для образованія небо-гортанныхъ. Чтобы произнести небо-гортанный звукъ, необходимо стѣснить каналъ рта по направленію къ задней части языка: то же самое нужно сдѣлать для того, чтобы произнести небный элементъ *i*. Когда же приходится произносить небо-гортанный рядомъ съ *i*, то нѣтъ никакой надобности дѣлать двойное усиліе: какъ для того, такъ и для другаго звука вполне достаточно однороднаго положенія органовъ. Имъ не нужно давать другое положеніе для того, чтобы, вслѣдъ за произнесеніемъ небо-гортаннаго согласнаго, приспособить ихъ къ произнесенію *i*. Вполнѣ аналогически функционируютъ органы и въ томъ случаѣ, когда въ это *i* входитъ согласный элементъ—юта, такъ какъ и этотъ послѣдній звукъ зараждается въ той же небной области, гдѣ и *i*. Совсѣмъ другое дѣло, когда юта опирается на гласные, болѣе удаленные отъ неба (*a*, *o*, *y*). Сочетанія: *кя*, *кѣ*, *кю* положительно трудны, потому что въ нихъ, вмѣстѣ съ широкими гласными, входитъ въ небную область посторонній элементъ. Центръ тяжести, если не вполне перемѣщается изъ неба, то значительно ослабляется сферой, ближе лежащей къ губамъ. Ютированное *e* (*ε*) менѣе удобно соединяется съ небо-гортанными, чѣмъ *i*, и болѣе удобно, чѣмъ *a*, потому что основное *e* само по себѣ есть небный мягкій звукъ, стоящій въ срединѣ между *a* и *i*. Оттого въ литературномъ русскомъ языкѣ допускается сочетаніе небо-гортанныхъ только съ *i* и *e*. Сочетаніе ихъ съ другими ютированными гласными здѣсь невозможно. Что касается до малорусскаго нарѣчія, то въ немъ также не развилось ничего подобнаго великорусскимъ народнымъ сочетаніямъ: *кя*, *кѣ*, *кю*. Въ малорусскомъ нарѣчіи, вообще говоря, строже выдержана старинная при-

рода небо-гортанныхъ, уступка же небному элементу сдѣлана въ виду неотложной необходимости стать имъ рядомъ съ *i*, органическимъ продуктомъ малорусскаго вокализма,—и притомъ сдѣлана она въ размѣрѣ, сравнительно съ великорусскимъ нарѣчіемъ, очень скромномъ.

Съ другой стороны, если всмотримся въ гласный элементъ *i*, который занялъ мѣсто въ малорусскомъ нарѣчій послѣ небо-гортанныхъ, то окажется, что въ немъ этимологически нѣтъ юты, т. е. это—не ютированное *i* (*и*). Въ древнеслав. нарѣчій небо-гортанные не могли встрѣчаться съ *e*, не подвергаясь переходному смягченію, поэтому въ малорус. *i* послѣ небо-гортанныхъ въ среднихъ слогахъ образовалось не изъ *e*, а изъ *o*: *кнѣ*, *кнѣ*, *иркѣ* (древнеслав: *конѣ*, *колѣ*, *юрѣ*). Въ род. множ. им. сущ. муж. рода (*оиркѣ*, *облѣ*, *ирѣ*) *i* послѣ небо-гортанныхъ—тоже изъ *o*. Наконецъ, всѣ прилагательныя съ тематическимъ небо-гортаннымъ звукомъ относятся къ твердому склоненію, а не къ мягкому, и потому въ *i* послѣ гортанныхъ нѣтъ юты: *иркѣ дом* (дат.), *иркѣ оиркѣ* (имен. множ.). Не такъ легко фонетически различить характеръ звука *i* послѣ небо-гортанныхъ собственно потому, что они произносятся въ узкой сферѣ органовъ задней части рта и лишены всякой возможности артикулироваться въ переднихъ точкахъ той линіи, которая образуется, съ одной стороны, языкомъ, съ другой—небомъ. Для произнесенія небо-гортанныхъ согласныхъ мы приводимъ въ дѣйствіе заднюю часть языка и заднее небо: въ этой тѣсной сферѣ согласный звукъ не можетъ сохранить ту гибкость, которая необходима для того, чтобы послѣ него могъ оггнѣниться такой гласный элементъ, какъ *i*, стоящій во внутреннемъ родствѣ съ ютой. Поэтому неудивительно, если послѣ небо-гортанныхъ мы не слышимъ отчетливо въ малорусскомъ нарѣчій чистаго *i*, хотя не слышимъ и ютированнаго *i*: это *i* замаскировано самымъ характеромъ гортанныхъ, и мы можемъ говорить объ отсутствіи въ немъ юты только съ этимологической, а не съ фонетической точки зрѣнія.

Такимъ образомъ, небо-гортанные въ малорусскомъ нарѣчій до настоящаго времени сохранили характеръ твердыхъ согласныхъ. Вотъ почему ни въ одномъ малорусскомъ говорѣ они не еририруются ни въ концѣ, ни въ срединѣ словъ, т. е. въ малорус. невозможны звуки: *кѣ*, *нѣ*, *лѣ*. Нѣтъ этой ераціи и въ великорус. нарѣчій, только не въ срединѣ словъ. Здѣсь, по наблюденію Грота, она существуетъ: такъ, напр. въ словахъ: *кели*, *избѣли*, *стѣли*, *негрѣтянки*

небно-гортанные звучат небоно: *ъ, къ* ¹⁾. Объясняется небоность ихъ двойнымъ дѣйствіемъ ассимиляціи—прогрессивной отъ гласнаго *е* (*йе*) и регрессивной—отъ мягкихъ *л* и *р*, стоящихъ послѣ *ъ, къ*. Вотъ почему, съ другой стороны, ни въ одномъ малорусскомъ говорѣ небоно-гортанные не могутъ опираться на іотированный гласный звукъ—тоже вопреки разнорѣчіямъ разныхъ великорусскихъ говоровъ. Старинная природа ихъ не затерялась въ позднѣйшемъ небономъ наслоеніи, которое произошло отъ встрѣчи небоно-гортанныхъ съ гласнымъ *ъ*, но и это *ъ*, какъ мы видѣли, не есть звукъ іотированный. Такъ какъ по времени образования своего это звукъ секундарный, то и соединеніе съ нимъ небоно-гортанныхъ согласныхъ есть тоже секундарное, позднѣйшее явленіе, изъ котораго не воспослѣдовало дальнѣйшаго развитія въ нихъ небоности. Они дошли, такъ сказать, до границы ея, слегка отклонившись отъ древнеславянской нормы, но не пошли дальше по пути великорусскихъ небоно-гортанныхъ въ направленіи непереходной смягчаемости.

Что же содѣйствовало сохраненію архаической природы малорусскихъ небоно-гортанныхъ?

По нашему мнѣнію, они защищены были широкимъ развитіемъ переходнаго смягченія ихъ въ тѣхъ древнерусскихъ говорахъ, изъ которыхъ сложилось малорусское нарѣчіе еще до появленія въ немъ specialнаго малорусскаго *ъ*. Тамъ, гдѣ въ этомъ *ъ* заключалась іота, небоно-гортанные, совершенно согласно съ древнеславянскимъ нарѣчіемъ, переходили въ шипяціе и свистящіе. Тамъ же, гдѣ *ъ* образовалось изъ гласныхъ неіотированныхъ (напр. *о*), малорусскіе небоно-гортанные остановились какъ бы на подорогѣ: память объ этихъ неіотированныхъ гласныхъ удержала ихъ, какъ отъ непереходнаго, такъ и отъ переходнаго смягченія, вопреки древнеслав. нарѣчію, въ которомъ небоно-гортанные смягчались, какъ іотированными, такъ и неіотированными мягкими гласными. Такъ, позднѣйшія звуковыя превращенія въ малорус. нарѣчій сбили въ одинъ рядъ такія явленія, которыя не вытекаютъ изъ основнаго строя первоначальной звуковой нормы, и только историческимъ путемъ можно объяснить звуковыя колебанія, развившіяся въ большинствѣ случаевъ позже.

Гораздо свободнѣе гортанныхъ артикулируются зубные звуки *д*

¹⁾ Грот. Филолог. разыс. 304.

и *т*. Общее условіе ихъ образованія заключается въ прикосновеніи языка къ внутренней сторонѣ зубовъ, такъ, чтобы точка разрыва органовъ, въ которой они произносятся, непременно находилась между языкомъ и зубами. При этомъ совершенно возможны самыя разнообразныя положенія языка, отчего происходятъ варіаціи согласныхъ *д* и *т*. Языкъ можетъ принять, то плоское положеніе, то выпуклое, причѣмъ, какъ нижняя, такъ и верхняя поверхность его можетъ прикасаться къ небу, то наконецъ, округленное, съ легкимъ раскрытіемъ зубовъ: всякій разъ, съ новымъ положеніемъ языка, получается новый оттѣнокъ въ произношеніи *д* и *т*. Чѣмъ ближе артикуляція *д* и *т* къ концу языка, тѣмъ они тверже,—чѣмъ ближе она къ срединѣ его, тѣмъ больше въ нихъ мягкости, небности. Прикладывая средину языка къ небу, мы вводимъ *д* и *т* въ область іоты, съ которою они совершенно свободно во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ входятъ въ непосредственное соединеніе,—отсюда получаются мягкіе *дъ*, *тъ*, только въ польск. и лужиц. *dz*, *s*. Но легко воспринимаемая дѣйствіе іотированныхъ гласныхъ, *д* и *т* не подчиняются вліянію обыкновенныхъ мягкихъ гласныхъ. Въ украинскомъ говорѣ малорусскаго нарѣчія они могутъ соединяться съ неіотированнымъ *и*, не подвергаясь смягченію не только переходному, но и непереходному. Они легко могутъ быть произносимы во всей области звука *и*, на всѣхъ ступеняхъ его развитія—отъ *и* іотированнаго до *і* средняго. „*Ти утик на т'ик*“—въ этой фразѣ по украинскому говору переходно-мягкое *т* заключается только въ словѣ: *утик*; такъ же точно: *кот'ів*, а не *котів* (отъ *котъ*), *д'ім*, а не *дім* (*домъ*), *дід'ів*, а не *дидів* (*дѣдовъ*). Этимологія въ этомъ случаѣ не расходится съ фонетикой, потому что приведенныя нами формы возникли на этимологической почвѣ вѣрности преданію, на этимологической, такъ сказать, памяти языка, который различаетъ *і* изъ *о* отъ *и* изъ *е*, *ъ*. Въ галицкомъ говорѣ происхожденіе *и* изъ *о* уже забыто: въ Галици говорятъ, напр. *дидів*, не различая перваго *и* отъ втораго. Даже въ украинскомъ говорѣ не во всѣхъ мѣстностяхъ съ одинаковою тонкостію чувствуется это различіе: іотація больше и больше овладѣваетъ звукомъ *и* изъ *о*, внося небный элементъ въ согласные, которые встрѣчаются съ этимъ *и*. Этимологическая чистота и ясность звука *и*, видимо, ослабѣваетъ: во многихъ случаяхъ на основаніи одного слуха нельзя рѣшить, заключаетъ ли онъ іоту или нѣтъ. Такъ, напр., въ самомъ украинскомъ говорѣ мы видимъ постоянное

смѣшеніе различныхъ темъ въ склоненіи именъ существительныхъ. Старинныя темы *i* пошли по аналогии съ темами муж. р. *ja*: слово *юсть*, напр., склоняется, какъ *кнь*. Оттого и іотація въ согласныхъ звукахъ явилась тамъ, гдѣ ее прежде нельзя было предполагать: въ имен. множ. мы имѣемъ въ украинскомъ говорѣ: *юсті* (*т* небное), а не *юст i*, какъ бы слѣдовало. Такъ же точно говорятъ, напр: *сєгодні* вмѣсто этимологически правильнаго: *сєод'нi*. Слово: *оснь* склоняется правильно: *осени*, *в осени*, а *нич*, *н'и* этимологически неправильно: *в ночи*, *на печи*. Изъ этихъ примѣровъ достаточно ясно, что въ малорусскомъ *i*, какъ произведеніи сравнительно поздней эпохи, постепенно развивается эвфоническое начало въ замѣнъ этимологической прозрачности, которой, безъ всякаго сомнѣнія, въ древнѣйшемъ состояніи малорусскаго нарѣчія было больше. Языкъ шелъ туда, куда вела его индивидуальная сила новаго, эвфоническаго перестроя звуковъ: этимъ объясняется постепенное усиленіе той самой аналогіи, которая съ этимологической точки зрѣнія кажется случайной, причудливой игрой звука, которая, однако же, съ точки зрѣнія эвфонической, есть проявленіе новаго закона, создающаго новую ткань языка. Старинныя этимологическія формы затмили подъ вліяніемъ звуковыхъ превращеній,—эти же послѣднія въ свою очередь укрѣпились подъ вліяніемъ новосозданныхъ формъ.

Есть еще въ украинскомъ говорѣ малорусскаго нарѣчія согласные, способные явственно отгнать постѣ себя іотированное *i* отъ неіотированнаго: это плавные звуки *л* и *н*. Для образованія *л* конецъ языка приставляется къ задней сторонѣ верхнихъ зубовъ, при этомъ въ остальной задней части языка образуется промежутокъ для воздуха, такъ что воздушная струя, проходя чрезъ этотъ промежутокъ внутреннимъ краемъ челюсти къ устамъ, раздѣляется на самомъ языкѣ. При образованіи *н* языкъ устанавливаетъ точку нѣсколько выше, чѣмъ для *л*, именно—въ верхней челюсти, на самомъ краю ея, ближе къ зубамъ, приспособляясь какъ будто бы къ выговору *д*, но такъ что звукъ пропускается не сквозъ зубы, а сквозъ носъ, и получается не *д*, но *н*. Обоиамъ звукамъ, какъ *л*, такъ и *н*, легко дать небное произношеніе, приводя средину языка въ соприкосновеніе съ небомъ: тогда затворъ органовъ образуется выше, чѣмъ при обыкновенномъ *л* и *н*, затѣмъ являются непереходно-мягкіе звуки: *ль*, *нь*. Приставляя не средину, а конецъ языка къ верхней челюсти, дальше отъ верхнихъ зу-

бовъ, мы получаемъ не мягкіе и не твердые, а такъ называемые средніе *л* и *н*. Въ этой послѣдней области, какъ тотъ, такъ и другой согласный звукъ могутъ соединяться съ мягкими, неіотированными гласными звуками, не переходя въ небные согласные. Въ украинскомъ говорѣ малорусскаго нарѣчія такъ именно и звучатъ *л* и *н* при встрѣчѣ съ неіотированнымъ *і* въ словахъ, напр: *бл'і н'іжки*. Легко принимая на себя дѣйствіе іоты, согласные эти, подобно зубнымъ *д* и *т*, способны вполне сохранить свою независимость отъ вліянія неіотированныхъ мягкихъ гласныхъ. Оттого въ украинскомъ говорѣ одни и тѣ же корни съ *і*, согласно съ образованіемъ этого *і* изъ *о* или *е*, звучатъ различно: *м*, *н*с (великорус. *лѣтъ*, *нѣсъ*) и *перел'и*, *н'іс* (*носъ*). Причина такой устойчивости плавныхъ *л*, *н*, равно какъ и *д*, *т*, заключается въ свободѣ ихъ артикуляціи: сравнительно съ другими согласными, въ самой природѣ своей они всегда заключали больше средствъ для того, чтобы приспособиться къ новымъ звукосочетаніямъ, постепенно возникшимъ въ исторіи звуковыхъ превращеній. Своеобразностію своею они напоминаютъ аналогическіе звуки въ сербскомъ нарѣчьи: *ћ*, *ль*, *нь*, но отличаются отъ нихъ тѣмъ, что звучатъ не небо при встрѣчѣ съ неіотированнымъ *і*. На основаніи этого свойства украинскихъ *д*, *т*, *л*, *н* мы назвали бы ихъ обоюдными согласными, т. е. способными оставаться какъ твердыми, такъ и мягкими звуками въ соотвѣствующихъ случаяхъ.

Такимъ образомъ, степень независимости согласныхъ звуковъ *д*, *т*, *л*, *н*, сравнительно съ твердыми согласными, относительна, потому что они очень часто соединяются съ іотированными гласными. Съ другой стороны, непеременная мягкость этихъ согласныхъ очень часто обусловлена вліяніемъ регрессивной ассимиляціи, идущей отъ мягкихъ свистящихъ согласныхъ: такъ появились *ль*, *нь*, *дль*, *тль* (*цль*) въ словахъ: *ковальський*, *панський*, *громадський*, *салдацький* (въ послѣднемъ случаѣ звукъ *т* слился съ слѣдующимъ за нимъ *с*, отсюда *ц*, но все таки мягкое (*ць*). Что этихъ формъ нельзя объяснить древнеславянскимъ суффиксомъ *ьск*, явствуетъ изъ другихъ аналогическихъ формъ, въ составъ которыхъ входитъ суффиксъ съ начальнымъ *ь*. Такъ, въ словахъ: *безрідний*, *блакитний* *д* и *т* остаются твердыми, не смотря на встрѣчу свою съ *ь* въ суф. *ьн*; тѣ же *д* и *т* тотчасъ смягчаются въ аналогическихъ формахъ, какъ только за ними слѣдуетъ мягкій согласный: *послѣдний*, *остатний*. Тою же регрессивною ассимиляціей объясняются формы:

сыталець—*сытальця*, *ранець*—*раньця*, *молодець*—*молодьця*, *отець*—*отьця оця* (качественное уподобленіе *m* звуку *u*). Въ великорусскомъ литературномъ языкѣ въ этихъ формахъ господствуютъ твердые согласные въ слѣдствіе твердости звука *u*: *молодца*, *отца*, *танецъ*—*танца*. Исключеніе существуетъ только для одного *l*: *палець*—*пальця*, *стрѣлець*—*стрѣльця*, такъ какъ *l* въ великорусскомъ нарѣчій, по замѣчанію Грога, находится въ исключительномъ положеніи: предъ всѣми окончаніями, кромѣ тѣхъ, которыя начинаются звукомъ *k* (*ки*, *ка* и проч.), *l* смягчается¹⁾. Что касается малорусскаго нарѣчія, то согласные *l* и *n* звучатъ иногда твердо въ тѣхъ случаяхъ, когда можно было бы, по этимологическимъ соображеніямъ, ожидать мягкаго произношенія ихъ. Такъ, въ украинскомъ говорѣ можно слышать иногда: *вольний* и *вольний*, *ст'ілко* и *стілько*, *блшии* и *блшій*, *меншии* и *меншій*, *ишии* и *ишій*. Колебанія въ звукѣ *l* замѣтны и въ письменныхъ памятникахъ, начиная съ позднѣйшихъ. Очень часто въ лѣтописяхъ Густинской, Львовской и у Самовидца (XVII в.) встрѣчаются формы: *полци*, *тылко* и т. п. Въ древнерусскихъ памятникахъ XIV—XV в. есть также немало примѣровъ отвердѣнія звука *l*. Такъ, въ Ипатс. спис. (XV): *сила*, *болна*, *ползу*, *болшиа* 2), въ Лаврент. спис. (XIV в.): *Вола*, *силымъ*, *болмао* 3) и проч. Гораздо устойчивѣе звука *l* являются въ непереходной мягкой формѣ зубные согласные *d* и *m*. Непереходная мягкость ихъ въ малорусскомъ нарѣчій развила даже шире, чѣмъ въ нарѣчій древнеславянскомъ. Здѣсь они встрѣчаются въ соединеніи только съ тремя мягкими гласными: *ь*, *ы*, *ю* (Остр. еванг.),—въ малорус. они охотно стоятъ рядомъ со всѣми мягкими гласными, сливаясь съ ютированными гласными въ одинъ цѣльный, небный звукъ: *дь*, *ть*. Непереходная мягкость ихъ по мѣстамъ даже предпочитается старинной—переходной: такъ, въ восточныхъ разнорѣчійхъ украинскаго говора распространены формы: *ходю*, *водю*, *крутю*, *молотю*. Безъ всякаго сомнѣнія, эти формы образовались изъ основныхъ: *хожу*, *кручу* и проч. Эти послѣднія преобладаютъ въ самомъ украинскомъ говорѣ, съ тою, однако же, особенностію, что иногда къ *ж* примѣшивается легкій отгѣнокъ основнаго *d*, изъ котораго

¹⁾ Грот. Филол. разс. 308.

²⁾ Исг. Христ. Бусл. 118. 111. 132.

³⁾ Ibid. 459. 466. 467.

же образовалось: *ходжу*, *воджу*. На правой сторонѣ Днѣпра, чѣмъ ближе къ Галиціи, тѣмъ чаще встрѣчается сложный звукъ *дж*. Наибольше онъ распространенъ въ галицкомъ говорѣ, особенно въ гуцульскомъ разнорѣчьи, но встрѣчается нерѣдко и въ разнорѣчіяхъ сѣвернаго малорусскаго говора.

Считать ли его глубокимъ архаизмомъ или же, вмѣстѣ съ *дь* въ формахъ: *воду*, *ходю*, звукомъ позднѣйшаго образованія? Распространеніе *дж* во всѣхъ малорус. говорахъ, и преимущественно въ говорахъ архаическихъ, свидѣтельствуетъ объ относительной древности такихъ формъ, какъ *ходжу*, *воджу*,—но древнѣе ли *дж* простаго звука *ж*, существующаго въ аналогическихъ формахъ во всѣхъ русскихъ нарѣчіяхъ?

Извѣстно, что въ древнеславянскомъ нарѣчьи *т* смягчалось въ *шт*, а *д* въ *жд*. Въ русскомъ языкѣ *шт* и *жд* соотвѣтствуютъ *ч* и *ж*. Но между *ч* и *ж* нѣтъ полнаго соотвѣтствія, потому что *ч* есть звукъ сложный (*тш*), а *ж* простой¹⁾, поэтому, въ соотвѣтствіе съ сложнымъ *ч*, надобно предположить сложное *дж*. Другое славянское смягченіе *т* есть *ш*, т. е. *штш*, которому бы для *д* соотвѣтствовало *ждж*. По этому поводу Срезневскій ставитъ вопросы: „*шт* и *жд* такъ ли только выговариваются, какъ написаны, или же и какъ *штш* =

¹⁾ М. Мюллеръ отвергаетъ сложный составъ согласныхъ *ч* и *ц*. Въ выговорѣ, дѣйствительно, оба звука кажутся простыми: въ *ч* мы не слышимъ отдѣльно ни *т*, ни *ш*; такъ же точно въ *ц*—ни *т* ни *с*. Но самъ Мюллеръ по поводу звука *ч* говоритъ: „органы стремятся къ произнесенію, но это стремленіе, прежде своего осуществленія, становится тщетнымъ или видоизмѣняется.“ (M. Mull. Vorles. üb. die Wissensch. der. Spr. Böttiger. 154—55). Мы готовы согласиться, что оно только видоизмѣняется, а не становится тщетнымъ и ни въ какомъ случаѣ не устраняется безъ всякихъ послѣдствій. Оно выражается въ болѣе тѣсномъ сжатіи органовъ, чѣмъ при выговорѣ обыкновенныхъ согласныхъ *ш* и *с*, такъ какъ языкъ употребляетъ двойное усиліе, выбирая среднюю точку между двумя пунктами, необходимыми для произнесенія двухъ согласныхъ, отчего получаются звуки большей тяжести и въ то же время непохожие на свои составные элементы. Мы уже не говоримъ о томъ, что съ исторической точки зрѣнія согласныхъ *ч* и *ц* никоимъ образомъ простыми назвать нельзя. Простыми кажутся въ выговорѣ и гласные *о*, *е*, между тѣмъ образовались они, какъ извѣстно, изъ элементовъ неодинаковыхъ.

иц и *ждж* (срав. русскій выговоръ словъ: *нощь, вещь, дождь, вождь*)? И нельзя ли сдѣлать предположенія, что этотъ выговоръ *иц*, какъ *итти*, и *жд*, какъ *ждж*, древнѣе¹⁾? Въ такомъ случаѣ *дж* было бы древнѣе *ж* такъ же точно, какъ *ждж* древнѣе *дж*, какъ *итти* древнѣе *ч*, и малорус. *дж* можно было бы считать глубокимъ архаизмомъ.

Но оставляя въ сторонѣ широкую область предположенія, мы должны прежде всего признать существующіе факты. Во первыхъ, звуку *иц* (*итти*) и въ древнеславянскомъ нарѣчій нѣтъ соотвѣствующаго *ждж*: если бы была надобность въ этомъ звукѣ; онъ получилъ бы письменное выраженіе, аналогическое съ буквой *иц*. Во вторыхъ, такъ какъ *иц* есть звукъ тройной сложности и не имѣетъ соотвѣствующаго звучнаго согласнаго такой же сложности, то и русскій намѣстникъ этого *иц*—отзвучный *ч*, звукъ двойной сложности, то же не имѣетъ соотвѣствующаго звучнаго согласнаго такой же сложности, потому что во всѣхъ древнерусскихъ памятникахъ смягченіе *д* существуетъ въ единственной формѣ звука *ж*. Поэтому мы признаемъ *ж* изъ *д* основнымъ звукомъ, изъ котораго въ послѣдствіи образовалось малорусское *дж*. По мнѣнію Потебни, „разницею между *дж* (малорус.) и *ж* (великорус.) было намѣчено раздѣленіе русскаго языка на нарѣчія не позже X—XI в. Не вижу возможности, говорить онъ далѣе, предположить, что немалорусское *ж* изъ сохранивагося въ малорус. *дж*, а наоборотъ, послѣднее изъ общерусскаго *ж*“²⁾. Устраняя изъ этихъ словъ нѣкоторую неточность въ названіи *ж*, то общерусскимъ, то немалорусскимъ, мы вполне согласны съ г. Потебней въ томъ, что въ малорусскомъ нарѣчій не *ж* образовалось изъ *дж*, а это послѣднее изъ перваго. При этомъ мы не видимъ никакой возможности относить появленіе *дж* изъ *ж* къ X—XI в., такъ какъ во всей древнѣйшей русской письменности не видимъ никакихъ слѣдовъ звука *дж*, и потому существованіе *дж* въ глубокой древности считаемъ такъ же сомнительнымъ, какъ и существованіе въ древнеславянскомъ нарѣчій *ждж*. Сколько намъ извѣстно, *дж* появляется въ южнорусской письменности только въ XVII в. и, во всякомъ случаѣ, не раньше XVI в. Свидѣтельству письменности мы даемъ въ этомъ случаѣ особенное значеніе, именно потому, что оно находится въ полнѣйшемъ согласіи съ постепеннымъ ростомъ въ

¹⁾ Срезн. Сборн. стат. Ак. наукъ т. II, № 5, 11.

²⁾ Потеб. О звук. особ. 124.

малорусскомъ консонантизмѣ звучныхъ элементовъ. Отсюда явилось *дж* изъ *ж* въ видѣ усиленія звучнаго *ж* основнымъ звучнымъ согласнымъ *д*. Итакъ, сложный звукъ *дж* созданъ эвфоническою потребностью, возникшею на почвѣ малорусскаго нарѣчія уже въ ту пору, когда оно существовало, какъ нарѣчіе, съ своею вполне опредѣлившеюся физиономіей, а не въ X—XI в., въ эпоху не установившихся діалектическихъ разновидностей, изъ которыхъ въ послѣдствіи образовалось, какъ великорусское, такъ и малорусское нарѣчіе.

Что сказано нами о звукѣ *дж*, также примѣнимо и къ сложному согласному *дз*. Онъ встрѣчается почти исключительно только въ началѣ словъ: *дзат*, *дзизом*, *дзиглик*, и уже одного этого обстоятельства достаточно, чтобы видѣть, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, чисто эвфоническое, позднѣйшее происхожденіе его, стоящее внѣ всякой связи съ древней системой смягченія зубныхъ посредствомъ юты. Самая возможность образованія *дз* помимо вліянія ютацизма показываетъ, что *дж* во многихъ случаяхъ не обязано своимъ происхожденіемъ ютѣ, что даже тамъ, гдѣ этотъ звукъ стоитъ рядомъ съ ютированнымъ гласнымъ, есть возможность допустить вліяніе постороннее, προϊтекающее не изъ юты. Можно утверждать съ полною безопасностію только то, что зубные *д* и *т* смягчаются въ малорусскомъ нарѣчіи на общихъ основаніяхъ со всѣми русскими нарѣчіями, т. е. въ *ж* и съ тою, однако же, разницею, что въ малорусское *ж* привносится иногда для усиленія звучнаго элемента звукъ *д*, но составляетъ ли и *д* такъ же, какъ *ж*, продуктъ ютацизма, этого ни утверждать, ни отрицать мы не беремся.

Отъ зубныхъ мы перешли въ сферу небныхъ шипящихъ—на почву, широко развитую въ славянскомъ консонантизмѣ дѣйствіемъ юты и вообще небныхъ гласныхъ. Ряды согласныхъ зубныхъ и горланныхъ смѣшались въ шипящихъ согласныхъ, и по тому на эти послѣдніе можно смотрѣть, какъ на уравнительное начало въ системѣ согласныхъ звуковъ. Съ этой точки зрѣнія нельзя требовать отъ шипящихъ гибкости и подвижности, свойственной, напр., зубнымъ *д* и *т*. Самое физиологическое образованіе ихъ обусловлено такимъ положеніемъ языка, которое не допускаетъ существенныхъ отклоненій его въ ту или другую сторону: конецъ языка долженъ быть приподнятъ такъ, чтобы между нимъ и переднимъ краемъ неба образовался промежутокъ для произнесенія шипящаго звука, причеиъ задняя часть

языка должна быть нѣсколько отодвинута внутрь. Это вогнутое положеніе языка даетъ шипящимъ звукамъ слишкомъ опредѣленное и гѣсное мѣсто, и оттого, подвигая языкъ къ зубамъ, мы получаемъ не шипящій, а уже свистящій звукъ; отодвигая его въ глубину неба, мы сплавляемъ шипящій звукъ съ іотой и лишаемъ его должной выразительности. Какъ передъ шипящими, такъ и позади ихъ, непосредственно лежатъ согласные, которые стѣсняють сферу артикуляціи самихъ шипящихъ: это именно чистая небная сфера, которая ставитъ шипящіе въ ряды согласныхъ мягкихъ. Само собою разумѣется, что они могутъ опираться на твердые гласные звуки, такъ какъ для мягкости согласныхъ нѣтъ надобности, чтобы они соединялись только съ небными гласными: достаточно, если они образовались изъ твердыхъ согласныхъ съ примѣсю небнаго элемента. Таковы именно шипящіе звуки, въ основѣ которыхъ лежатъ первичные твердые согласные—гортанные или зубные, и не только зубные *д, т*, но и *з, с, ц*.

По мѣсту артикуляціи къ шипящимъ близко стоятъ свистящіе согласные, но разница между тѣми и другими обусловлена положеніемъ языка въ передней и задней его части. Для образованія свистящаго звука нѣтъ надобности отодвигать заднюю часть языка, съ другой стороны, передняя его часть приближается не къ самому краю неба, какъ въ шипящихъ согласныхъ, а къ зубамъ, такъ, однако же, что языкъ и зубы неплотно сдвигаются, какъ въ моментъ произнесенія чистыхъ зубныхъ *д* и *т*. Слѣдовательно, артикуляція свистящихъ свободнѣе артикуляціи шипящихъ, потому что языкъ при свистящемъ звукѣ долженъ принять специальное положеніе только переднею своею частію, а не заднею: эта послѣдняя остается свободной отъ всякаго напряженія, и въ слѣдствіе этого промежутокъ между нею и мягкимъ небомъ получается шире,—вмѣстѣ съ тѣмъ получается возможность, приблизивъ языкъ къ небу, превратить твердые свистящие *з, с, ц* въ мягкіе *зь, съ, ць*. Впрочемъ, сравнительно съ чистыми зубными *д* и *т*, свистящіе артикулируются менѣе свободно, потому что они требуютъ неплотнаго затвора между переднимъ краемъ языка и зубами, т. е. болѣе сложнаго положенія переднихъ органовъ, чѣмъ то, которое необходимо для зубныхъ *д* и *т*, поэтому легче привести въ соприкосновеніе языкъ съ небомъ при *дъ, ть*, чѣмъ при *зь, съ*: *дъ* и *ть* отчетливѣе звучатъ, чѣмъ *зь, съ*, которые, въ качествѣ непереходно-мягкихъ, получаютъ уже отгѣнокъ шипящихъ согласныхъ.

Итакъ, сравнивая плавные *л* и *н*, а также зубные обоихъ рядовъ—чистые и свистящiе съ небными—шипящими, мы раздѣляемъ ихъ по степени свободы артикуляціи на три разряда: съ наибольшою свободою артикулируются *л* и *н*, *д* и *т*, менѣе свободно свистяще и еще менѣе—шипящiе. Въ неодинаковыхъ условiяхъ артикуляціи, по нашему мнѣнію, заключается причина несходства между ними въ отношенiи непереходной мягкости, т. е. способности ихъ соединяться съ iотированными гласными, а также ерироваться безъ помощи гласнаго звука. Чѣмъ свободнѣе артикулируются согласные, тѣмъ удобнѣе соединяются и разъединяются они съ iотированными гласными, и наоборотъ. Само собою понятно, что свобода артикуляціи—условіе второстепенное, которое имѣетъ все свое значенiе при главномъ условiи—основномъ пунктѣ артикуляціи, болѣе или менѣе удаленномъ отъ небной сферы или близкомъ къ ней.

Примѣняя эти общiя наблюденiя къ малорусскому нарѣчію, мы находимъ, что согласные *л* и *н*, *д* и *т* постоянно, во всѣхъ говорахъ его, встрѣчаются въ непереходно-мягкой формѣ, какъ въ срединѣ, такъ и на концѣ словъ.

Свистящiе согласные *з*, *с*, *ц* въ разныхъ малорусскихъ говорахъ не въ одинаковой степени подвергаются непереходному смягченiю. Въ украинскомъ говорѣ они положительно мягки въ срединѣ и на концѣ словъ: *горобець*, *горобця*, *горобцю* и проч. Замѣчательно, что въ восточныхъ разнорѣчiяхъ украинскаго говора зубные свистящiе, подобно чистымъ зубнымъ *д* и *т*, предпочитаютъ непереходное смягченiе переходному въ тѣхъ случаяхъ, когда другіе говоры удерживаютъ старинное, переходное смягченiе: *возю*, *носю* вмѣсто *вожу*, *ношу*. Въ галицкомъ говорѣ, рядомъ съ непереходно-мягкими свистящими, встрѣчаются несмягченные тамъ, гдѣ въ украинскомъ смягчаются. Особенно часто, и притомъ во всѣхъ галицкихъ разнорѣчiяхъ, звукъ *ц* избѣгаетъ ераци. Такъ, въ коренномъ галиц: *отец*, *кунец*, но въ род. *отця*, *кунця*. У лемковъ не ерируется не только *ц*, но и *с*: *кунец*, *робил се*, *ходилисте* ¹⁾. тоже у Гуцуловъ: *гуцулскій*, *цес хлопц* ²⁾. Въ сѣверномъ малорусскомъ говорѣ колебанiя особенно замѣтны въ звукѣ *ц*: такъ, въ заблудовскомъ разнорѣчiи *ц* звучитъ твердо: *ципка*,

¹⁾ Зоря галиц. 423.

²⁾ Приложенiя образцы народныхъ говоровъ.

даєце ¹⁾. въ разнорѣчій брестскомъ и кобринскомъ *и* бываетъ, то мягкимъ, то твердымъ ²⁾. Въ сѣдлецкихъ разнорѣчιάхъ *и* постоянно мягко: *турецьки, козацьки, птавеця* (Кленовица), *на улицю, мѣсяць, хлопци* (Кополы . Вообще же непереходная мягкость свистящихъ составляетъ одну изъ особенностей основнаго малорус. говора — украинскаго, въ которомъ они быстро подвергаются ассимиляціи, въ особенности регрессивной, напр., въ словахъ: *свят, зьвѣрь, цвѣт, зьбѣжже* и *зьбѣжжа, кузыл, тѣсня, вісьмирка, милосѣть*. Слова: *зьбѣжжа, зьвѣрь* показываютъ, что зубные не препятствуютъ дѣйствию этой ассимиляціи. Вѣроятно, по аналогіи съ приведенными формами, въ украинскомъ говорѣ появились небные свистящія въ такихъ формахъ, гдѣ нѣтъ никакихъ условий для регрессивной ассимиляціи, напр.: *військо, потівськии, царський*. Во всѣхъ подобныхъ формахъ, въ гуцульскомъ разнорѣчій галицкаго говора свистящія не смягчаются: *гуцульський, виско, возме, прысна*. Согласный *с* чаще другихъ свистящихъ подвергается въ украинскомъ говорѣ дѣйствию регрессивной ассимиляціи, всѣ же вообще свистящія, при встрѣчѣ съ *і*, такъ тѣсно соединяются съ этимъ звукомъ, что нѣтъ никакой возможности, на основаніи одного только слуха, узнать, изъ какихъ элементовъ онъ образовался — изъ мягкихъ гласныхъ или твердаго *о*. Поэтому въ украинс. и галиц. говорахъ *с* звучитъ одинаково мягко въ словахъ: *силь (соль) и сино (спно), сім (семь)*. Что касается собственно до звука *и*, то твердость его въ галицкомъ говорѣ нѣкоторые объясняютъ вліяніемъ польскаго языка ³⁾. Намъ кажется, нѣтъ никакой надобности считать заимствованіемъ то, что находитъ свое подтвержденіе въ діалектическихъ особенностяхъ разныхъ русскихъ говоровъ и нарѣчій. Уклоненіе отъ мягкаго *и* мы встрѣчаемъ, напр., въ московскомъ говорѣ великорусскаго нарѣчія, гдѣ *и* можетъ сочетаться только съ *а, о, у, ы*, а не *я, е, ю, и*, и гдѣ въ концѣ словъ оно всегда твердо. Такъ точно украинское мягкое *и* было бы странно считать заимствованіемъ изъ сѣвернаго великорусскаго говора, гдѣ *и* въ большинствѣ случаевъ звучитъ мягко: *Муромець, Болородиця* и проч. ⁴⁾ Одно можно утверждать положительно, что въ разныхъ малорусскихъ говорахъ *и* звучитъ неодинаково и что

¹⁾ Потеб. Зам. 99.

²⁾ Ibid. 126—134.

⁴⁾ Партиц. Правда. 1868. 21.

³⁾ Потеб. О звук. особ. 86—87.

твердое *ц* такъ же, какъ и мягкое, могло образоваться самостоятельно въ духѣ фонетики того или другаго говора. На вопросъ, какое *ц* твердое или мягкое—можно считать болѣе древнимъ, отвѣчаетъ древнерусская письменность, гдѣ *ц*, равно какъ и другіе свистящіе, входили въ сочетаніе съ іотированными гласными. Эта старинная черта древнерусской фонетики вполнѣ сохранилась въ украинскомъ малорусскомъ говорѣ, хотя она встрѣчается, какъ мы видѣли, и въ сѣверномъ великорусскомъ говорѣ. Слѣдуетъ замѣтить при этомъ, что въ древнеславянскомъ нарѣчьи свистящіе соединялись только съ *ь, е, и, ѡ, ѣ*: такъ, въ Остр. ев: *возьмѣтъ* 41. а. *козляте* 119. б. *сиде* 18. б. *сърдце* 5. г. *сыща* 218. а. *зърно* 42. а. *църкы* 8. б. *оцѣтъ* 189. б. *зѣло* 18. а. *спѣдши* 217. *цѣна* 185. а. *цѣта* 75. в. *сѣдетъ* 120. г. *зима* 36. в. *сила* 90 г. *пророци* 128. б. ¹⁾ Изрѣдка въ Остр. спискѣ встрѣчаются свистящие въ сочетаніи съ іотированными гласными, напр: *сѣльницю* 18. а., конечно, подъ вліяніемъ русскаго говора.

Не менѣе разнообразія въ разныхъ говорахъ малорусскаго нарѣчья представляютъ шипящіе звуки. Въ галицкомъ говорѣ они подвергаются непереходному смягченію. У гуцуловъ послѣ шипящихъ слышится *я, ѣ*, а не *а, о*: *щастя, шяпка, жяль, час, щѣ*. Въ основномъ галицкомъ разнорѣчьи *я* перегласовалось въ *є*: *щестѣ, жель, чєс*. Изрѣдка это перегласованіе доходитъ до *і*, которое въ галицкомъ говорѣ отвердѣло въ *ы*: *сы* вм. *ся*, въ особенности въ образованіи глагольных формъ: *будім сы быты*. Во многихъ сѣдлецкихъ разнорѣчьяхъ послѣ шипящихъ тоже часто встрѣчается *я* и *є*: *жяба, козя, замчаты* (Кленовица), *душє* (род. единств.), *ножє* (имен. множ.) (Кошолы). Встрѣчаются подобныя формы и въ другихъ сѣверныхъ разнорѣчьяхъ, напр., въ кобринскомъ: *дѣвчя, плечя, щастя, зѣждяє*, но въ заблудовскомъ разнорѣчьи шипящие тверды: *чужые, ншым, бачыѡ* ²⁾. Наконецъ, въ основномъ украинскомъ говорѣ шипящие тверже, чѣмъ въ остальныхъ. Здѣсь они появляются только въ 3-мъ л. множ. числа глаголовъ съ тематическимъ *и* и *а=ѣ* въ неопред. наклон: *держать, положить*, а также въ именахъ на *я*: *горця, збіжжя*. Впрочемъ, и въ этихъ немногихъ формахъ замѣтно во многихъ мѣстахъ колебаніе: очень часто говорятъ: *горца, держать, положить*. Итакъ, шипящие наиболѣе способны къ непереходному смягченію въ галицкомъ говорѣ.

¹⁾ Ивд. Вост.

²⁾ Потѣб. Зам. 134. 99.

затѣмъ—въ сѣверномъ малорусскомъ, наименѣе—въ украинскомъ. Этотъ послѣдній говоръ въ отношеніи къ шипящимъ согласнымъ отклоняется не только отъ другихъ малорусскихъ говоровъ, но и отъ всего великорусскаго нарѣчія, въ которомъ шипяціе не терпятъ послѣ себя *ь*. Гротъ представилъ убѣдительныя доказательства мягкости ихъ, въ особенности звука *ч*, въ которомъ составные звуки, по его мнѣнію, не *ти*, но *тъи* ¹⁾. Въ большинствѣ разпорѣчій сѣвернаго великорусскаго говора шипяціе звучатъ мягко ²⁾, на сѣверѣ южновеликорусскаго говора, въ разпорѣчій московскомъ, они тоже мягки, и только къ границамъ сѣвернаго малорусскаго говора они отвердѣваютъ ³⁾. Очевидно, твердость шипящихъ составляетъ характеристическое явленіе въ украинскомъ малорусскомъ говорѣ, явленіе, приближающее его къ нарѣчію древнеславянскому, въ которомъ шипяціе не могли входить въ сочетаніе съ іотированными гласными и изъ мягкихъ гласныхъ терпѣли послѣ себя только *ь*, *е*, *и*, *а*. Такъ, въ Остр. ев: *жъзъ* 100. а. *жънъ* 85. б. *жена* 30. а. *жътва* 32. а. *живъ* 24. б. *что* 113 б. *прчъ-тенъ* 188. г. *четыре* 32. а. *чисти* 48. г. *члдо* 271. в. *шдъ* 72. в. *шестъ* 12. а. *широкъ* 230. г. *доуил* 45. б. *шцъсти* 234. а. *дъщере* 59. а. *дъщи* 66. а. ⁴⁾. Въ видѣ рѣдкихъ исключеній шипяціе соединяются съ іотированными гласными въ памятникахъ юсоваго письма: *человѣчю* (Хиланд. лис. XI в.), *чювествънагъ* (Болон. псалт. XII в.) ⁵⁾. Одинъ разъ и въ Остр. ев. употреблена форма: *чюдотворьца* вм. *чъдотворьца* 224. г., очевидно, подъ влияніемъ древнерусскаго правописанія, въ которомъ, какъ извѣстно, постановка *я*, *ю* послѣ шипящихъ составляетъ одну изъ самыхъ выдающихся характеристическихъ особенностей. Ее мы встрѣчаемъ въ самыхъ древнихъ памятникахъ славянорусской письменности. Такъ, въ (Сборн. 1076 г: *паче, чюдеса*, въ Толк. псалт. XI в: *шюмъща, чюдотворъ* ⁶⁾, въ Туровс. еван: *мъдъщю* ⁷⁾. Огромная масса этого рода фактовъ разбросана въ памятникахъ XII, XIII и XIV в. Въ этомъ послѣднемъ вѣкѣ изобилуютъ

¹⁾ Гротъ. Филолог. разс. 505.

²⁾ Нотеб. О звук. особ. 86—88.

³⁾ Ibid. 68.

⁴⁾ Изд. Вост.

⁵⁾ Срезн. Нам. юс. пис. 190. 242.

⁶⁾ Изв. Ак. X. 426. 427. 469. 466.

⁷⁾ Срезн. Нам. юс. пис. 190. 242.

мягкостію шипящихъ преимущественно памятники вовгородские и южнорусские ¹⁾). Въ XV в. шипящие уже рѣдко встрѣчаются съ югированными гласными; въ южнорусской письменности, замѣтно, они начали отвердѣвать: *помочь* и *помочь*, *помочи* и *помочи* ²⁾). Большою частію послѣ шипящихъ стоятъ твердые гласные и только изрѣдка *ю*: *у Галицю* ³⁾). Такимъ образомъ, въ сферѣ русскихъ нарѣчій, отвердѣніе шипящихъ есть явленіе позднѣйшее. слѣдовательно, и въ сферѣ малорусскихъ говоровъ оно возникло позже, въ замѣнь старинной мягкости. Малорусскіе говоры какъ бы подѣлились архаическими элементами: въ галицкомъ говорѣ ослабѣла старинная мягкость свистящихъ, въ украинскомъ—старинная мягкость шипящихъ,—но тотъ и другой говоръ не провели этого направленія послѣдовательно, до самыхъ крайнихъ предѣловъ.

Такимъ образомъ, въ числѣ непереходно-мягкихъ согласныхъ на первомъ мѣстѣ стоятъ зубные, какъ чистые, такъ и свистящие, а также плавные *л*, *н*, затѣмъ—шипящие согласные. Мягкость послѣднихъ въ малорусскомъ нарѣчій есть явленіе діалектическое, далеко не всеобщее. Есть еще одинъ согласный звукъ, который колеблется между мягкимъ и твердымъ произношеніемъ. Это—

Условія образованія для *р* тѣ же самыя, что и для *л*: оба звука зараждаются въ каналѣ, основаніемъ котораго служить языкъ, а вершиной верхняя часть рта, только для *р* языкъ приражается къ верхней челюсти дрожащимъ образомъ, задерживая теченіе воздуха и не дѣлая устойчиваго затвора. При этомъ самое прираженіе можетъ происходить по всей верхней плоскости рта, то выше, то ниже, гдѣ угодно. Свободнымъ выборомъ мѣста артикуляціи объясняется подвижность звука *р* и способность его къ непереходному смягченію, но довольно сложное приспособленіе языка для его произношенія (вибрація), въ нѣкоторыхъ славянскихъ нарѣчійхъ, и даже діалектически въ самомъ малорусскомъ нарѣчій, не позволяетъ этому звуку исполнѣ свободно входить въ сочетанія съ югированными гласными. Поэтому въ западнославянскихъ нарѣчійхъ *р* смягчается въ *гз*; отсутствіе этого смягченія въ восточнославянскихъ нарѣчійхъ существеннымъ образомъ отличаетъ

¹⁾ Лавр. О яз. сѣв. русск. лѣт. и Памятн. Головац. 1867.

²⁾ Головац. № 48.

³⁾ Ibid. № 41.

ихъ отъ западныхъ. Что касается до малорусскаго нарѣчія, то въ немъ есть и непереходно-мягкое, и твердое *р*. Первое господствуетъ въ восточно-украинскомъ разнорѣчіи, а также въ галицко-гуцульскомъ: въ этомъ послѣднемъ говорятъ, напр: *брыма, церьков* и проч. Во всѣхъ разнорѣчіяхъ сѣвернаго малорусскаго говора (на правой сторонѣ Днѣпра), а также всюду въ Галици *р* звучитъ, то мягко, то твердо; въ иныхъ мѣстахъ говорятъ: *буря, говору, царь, бондарь*, а въ другихъ: *бура, говору, цар, бондар*. Очевидно, по разнымъ малорусскимъ говорамъ, твердое и мягкое *р* распредѣляется довольно равномерно: одна часть украинскаго говора, вмѣстѣ съ однимъ изъ архаическихъ разнорѣчій (гуцульскимъ), смягчаетъ *р*, другая часть, вмѣстѣ съ архаическимъ сѣверно-малорусскимъ, удерживаетъ твердое *р*. То же раздѣленіе и въ галицкомъ говорѣ.

Какое *р* слѣдуетъ признать основнымъ для всѣхъ малорусскихъ говоровъ?

Отвердѣніе звука *р* наводитъ на мысль, что фізіологически малорусское нарѣчіе способно было бы къ переходному смягченію *р*. Между непереходно-мягкимъ *р* (*рь*) и западно-славянскимъ *rz* въ срединѣ стоитъ твердое *р* вторичнаго образованія: оно могло появиться тогда, когда мягкое *рь* сдѣлалось труднымъ для произношенія. Съ этого пункта должно было начаться переходное смягченіе, но въ этомъ направленіи не пошелъ ни одинъ малорусскій говоръ. Всѣ они остались вѣрны восточно-славянскому типу. Изъ этого слѣдуетъ, что основнымъ *р* для малорус. нарѣчія, какъ и вообще для всѣхъ русскихъ нарѣчій, пужно считать мягкое *рь*, и что отвердѣніе этого звука въ томъ видѣ, въ какомъ оно въ нѣкоторыхъ малорусскихъ говорахъ существуетъ теперь, есть явленіе болѣе позднее. Оно могло развиваться параллельно съ умноженіемъ твердыхъ слоговъ въ сферѣ другихъ согласныхъ. Въ древнерусскихъ письменныхъ памятникахъ оно почти не встрѣчается. Въ Остр. св. есть формы: *царюу* (84), *боура* (244), ¹⁾ но онѣ, по всей вѣроятности, составляютъ слѣдъ нерусскаго вліянія. Въ XIII в., въ одномъ изъ южнорусскихъ памятниковъ (въ Поученіи Ефрема (Сирина) уже замѣтно отвердѣніе *р*: *обрацеть, срацеть* ²⁾. Только въ XV в. въ южнорусскихъ грамотахъ довольно рѣзко выступаетъ твердое *р* въ слѣдствіе смѣшенія *и* съ *ы*: *оузрѣтъ, прылѣнь*,

¹⁾ Иад. Вост.

²⁾ Срезн. Свѣд. 49.

тры и проч. ¹⁾ Въ Пересопниц. св. (XVI в.) встрѣчаемъ формы: *на моры*, *по мороу* ²⁾, затѣмъ, въ XVII в. твердое *p* составляетъ далеко не рѣдкость: такъ, у Берывды: *шинкар*, *монастыра*, *благодару*. Очевидно, сѣверный малорусскій говоръ остановился на этой позднѣйшей стадіи; разнорѣчія западно-украинскія и галицкія задержали, какъ твердое *p*, такъ и болѣе древнее *р*; наконецъ, восточно-украинскія разнорѣчія частью остались съ основнымъ *р*, частью возстановили это *р* изъ твердаго *p*. Допускаемъ возможность возстановленія именно потому, что въ самыхъ восточно-украинскихъ разнорѣчіяхъ звукъ *p* удерживаетъ отгѣнокъ твердаго согласнаго. Во первыхъ, предъ *e* и среднимъ *и* онъ звучитъ твердо, что, конечно, составляетъ результатъ позднѣйшаго смѣшенія твердыхъ слоговъ съ мягкими. Во вторыхъ, въ смягченно-удвоенной формѣ звукъ *p* почти не встрѣчается, а удвоеніе согласныхъ въ украинскомъ говорѣ есть признакъ ихъ физиологической наклонности къ непереходной мягкости. Только въ словѣ: *пиді́рря*, по видимому, *p* удваивается. У Берывды встрѣчаемъ форму: *пирям'* (*оброслый*) ⁴⁾.

Намъ остается еще разсмотрѣть губные согласные. Въ древнеславянскомъ нарѣчій (по Остр. списку) они соединялись, какъ съ твердыми, такъ и съ мягкими гласными, только не съ іотированными. Извѣстно, что, при встрѣчѣ съ этими послѣдними, губные смягчаются посредствомъ эпентетическаго *л*, хотя вставки *л* мы не видимъ во многихъ памятникахъ юсоваго письма. Собственно говоря, мы не имѣемъ права относить эту черту на счетъ древнеславянскаго нарѣчія: она есть слѣдъ діалектическихъ наслоеній, запесенныхъ въ самые древніе памятники славянской письменности, и потому изрѣдка является она и въ славянорусскихъ памятникахъ, напр. въ Сборн. 1073 г: *томенеи, съ земли* ⁵⁾. Въ Остр. св. мы видимъ губные рядомъ съ *ь*, *и*, *е*, *ю*, *а*, чаще всего съ *ь*, даже съ *я*: *бѣахъ* вм. *бѣахъ* ⁶⁾, но это, впрочемъ, рѣдко, и то въ слѣдствіе объѣма *ь* съ *я*, свойственнаго памятникамъ

¹⁾ Головац. Грам. № 41. 18. 19.

²⁾ Маго. Зач. 27. Марк. зач. 26.

³⁾ Бер. 11. 4.

⁴⁾ Ibid. 102.

⁵⁾ Срез. Юсов. пис. 98. 133. 180.

⁶⁾ Вост. Изд. 11.

юсового происхожденія. Какъ ни многозначительны изслѣдованія этого рода памятниковъ, сдѣланныя Срезневскимъ, но старинное мнѣніе Добровскаго объ энететическомъ *л* послѣ губныхъ въ такъ называемомъ Антскомъ отдѣлѣ славянскихъ нарѣчій до сихъ поръ не потеряло еще нѣкотораго значенія, по крайней мѣрѣ, для древнеславянскаго нарѣчія. Отсутствіе *л* послѣ губныхъ въ юсовыхъ памятникахъ легко объясняется вліяніемъ западно-славянскихъ нарѣчій, — собственно же древнеславянскому нарѣчію свойственно было смягченіе губныхъ при помощи *л*. Это положеніе слѣдуетъ ограничить только такимъ фактомъ, что, вмѣстѣ съ смягченіемъ посредствомъ *л* предъ іотированными гласными, въ древнеславянскомъ нарѣчій допускатось непосредственное соединеніе губныхъ съ указанными выше мягкими гласными, слѣдовательно, губные входили въ составъ слововъ, какъ твердыхъ, такъ и мягкихъ, сообразно съ этимологическими требованіями. Съ другой стороны, согласиться нужно, что въ современномъ состояніи славянскихъ нарѣчій Антская примѣта Добровскаго, дѣйствительно, не выдерживаетъ критики въ отношеніи къ разнымъ славянскимъ нарѣчіямъ. Еще Максимовичъ указалъ, что западные славяне, напр. поляки, иногда допускаютъ *л* послѣ губныхъ предъ іотированными гласными, тогда какъ юговосточные, напр. болгаре, не всегда удерживаютъ въ этихъ случаяхъ *л* ¹⁾. Такія же колебанія въ способѣ смягченія губныхъ указалъ Максимовичъ и въ великорусскомъ нарѣчій. „Великорусскій выговоръ господствующаго нарѣчія, говоритъ онъ, послѣдовавъ церковнославянскому языку, составилъ средину между этимъ выговоромъ и господствующимъ южнорусскимъ. У него вставное *л* требуется губными предъ *ю*: *терплю*—*терплютъ*, *дремлю*—*дремлютъ*; предъ стойкимъ *я* (*га*): *поставлятъ*, *устраиваютъ*; предъ *е*: *поставленъ*, *устраивенъ*. Но предъ звукомъ *я* (*а*), переходнымъ или носовымъ, губные звуки обходятся безъ вспомогательнаго *л*: *любятъ*, *любя*, *любящи*. То же позволяется иногда звуку *м* предъ *ю*, именно въ глаголахъ: *каймю*, *клеимю*. Но въ другихъ великорусскихъ говорахъ это позволяется и другимъ губнымъ звукамъ, напр. въ говорѣ средне-русскомъ, гдѣ говорятъ: *сыплютъ* и *сыплютъ*, *ловлятъ* и *ловютъ*“ ²⁾. И въ именныхъ флексіяхъ великорусское нарѣчіе допускаетъ соединеніе губныхъ съ *я*, *ю*: *юлюбя*, *юлюбю*. Хотя Павскій въ просто-

¹⁾ Макс. Нач. рус. фил. 132—33.

²⁾ Ibid. 209—210.

народномъ произношеніи отрицалъ эту послѣднюю форму, но все-таки не могъ не согласиться, что въ принятомъ говорѣ губные звуки т-к-ряютъ ю „съ большимъ принужденіемъ“¹⁾. Вообще непереходно-мягкіе губные возможны въ великорусскомъ нарѣчіи не только при іотированныхъ гласныхъ, но и въ ерированномъ видѣ. Такъ, по замѣчанію Максимовича, въ словахъ: *юлюбь, рябь, скорбь, топъ, бровь, темь*, въ московскомъ и средне-русскомъ выговорѣ, ъ произносится такъ же явственно, какъ и въ польскомъ языкѣ²⁾. Мнѣніе Павскаго о твердости губныхъ согласныхъ въ великорусскомъ нарѣчіи въ послѣднее время окончательно отвергнуто Гротомъ, который доказалъ, что губные смягчаются предъ мягкими согласными въ срединѣ словъ, только подъ условіемъ ассимилирующаго вліянія со стороны предшествующаго гласнаго е (ѣ): *колебляю, хлѣбныкъ, деревни, вѣнрь, дремлетъ*³⁾. Съ великорусскимъ нарѣчіемъ въ этомъ отношеніи наиболѣе сходно польское, въ которомъ есть твердые и мягкіе губные: существ. *grab, kop* звучатъ не такъ, какъ глагольные формы: *grab', kop'*. Въ чешскомъ и сербскомъ нарѣчіяхъ губные не ерируются, потому что въ произношеніи мягкость ихъ совсѣмъ неслышна. Хотя въ чешскомъ нарѣчіи на письмѣ послѣ губныхъ различается *i* отъ *y*, но въ произношеніи звучитъ нѣчто среднее между *i* и *y*. Въ сербс. послѣ губныхъ—*i*, но острое, безъ слѣда іоты.

Сравнительно съ нарѣчіями великорусскимъ и польскимъ, во всѣхъ говорахъ малорусскаго нарѣчія губные согласные отвердѣли, но въ разнорѣчіяхъ сѣвернаго малорусскаго говора есть слѣды непереходной мягкости губныхъ. Такъ, въ нѣкоторыхъ сѣдлецкихъ разнорѣчіяхъ возможны, напр., такіа формы: *пять, паниця, кормю, люблю, тертю, промывати* (Хотычи, Воинъ, Яблонь). Но соединяясь съ іотированными гласными, губные ни въ одномъ малорусскомъ говорѣ не терпятъ ераціи ни въ срединѣ, ни въ концѣ словъ. Что касается украинскаго говора, то въ немъ нѣтъ непереходно-мягкихъ губныхъ ни въ томъ, ни въ другомъ видѣ: *пѣать*, а не *пять*, *люблять*, а не *любять*; *пѣу, пѣеш; вѣу, вѣеш; бѣу, бѣеш*. Только въ словѣ: *святій* и, можетъ быть, въ очень немногихъ подобныхъ словахъ слышится сочетаніе губнаго согласнаго съ іотированнымъ гласнымъ. Вообще же

¹⁾ Павс. Филолог. наблюд. I. 120—128.

²⁾ Максим. Начат. 167.

³⁾ Гротъ. Филолог. разыс. 303—304.

въ украинскомъ говорѣ губные согласные относятся къ разряду положительно твердыхъ звуковъ, что существенно отличаетъ этотъ говоръ отъ другихъ малорусскихъ говоровъ, въ которыхъ непременная мягкость губныхъ спорадически встрѣчается. Если принимать древнеславянское нарѣчіе исходнымъ пунктомъ въ отношеніи къ дальнѣйшей исторіи губныхъ согласныхъ, то окажется, что великорусское нарѣчіе, слѣдя древнеславянской мягкости губныхъ, провело ее дальше, т. е. допустило соединеніе ихъ съ іотированными гласными, а малорусское, при всѣхъ колебаніяхъ по разнымъ говорамъ, укрѣпило за ними черты твердыхъ согласныхъ, черты, отчасти не чуждыя и древнеславянскому нарѣчію, которое требовало эпентетическаго *л* для смягченія губныхъ. Такъ нарушилась въ малорусскомъ нарѣчій старинная равномерность твердыхъ и мягкихъ слоговъ въ отношеніи къ губнымъ и получились формы: *бйу*, *бйеш* и проч. вм. древнеслав: *бигъ*, *бигеши*. Есть между губными и гортанными согласными сходство въ томъ отношеніи, что они, оставаясь твердыми звуками въ малорусскомъ нарѣчій, допускаютъ послѣ себя звукъ *г*, въ которомъ нѣтъ никакой возможности, на основаніи одного только слуха, узнать присутствіе іоты. Совершенно одинаково, напр., произносится *г* въ словѣ: *бг* (*бгжалъ*) и въ словѣ: *бг* (*Богъ*), хотя этимологически первое *г*—іотированное, второе—нѣтъ. Очевидно, губные согласные принимаютъ на себя дѣйствіе звука *г* (*гг*) далеко не пассивно. Тогда какъ другіе согласные, способные къ непременному смягченію, качественно уподобляются іотѣ, если только этимологически она входитъ въ составъ гласнаго *г*, губные могутъ при встрѣчѣ съ нимъ оставаться согласными твердыми. Доказательство заключается въ томъ, что они уравниваютъ это *г* до полного безразличія въ немъ іотации, до невозможности открыть ее фонетически. Послѣ нихъ іота не имѣетъ мѣста: не выдерживая напора предшествующихъ твердыхъ согласныхъ, съ другой стороны, опираясь на родственной ей элементъ *г*, она поглощается этимъ послѣднимъ, болѣе сильнымъ гласнымъ звукомъ. Такъ же точно невозможны іотированные гласные и послѣ небо-гортанныхъ. При всей близости своей по мѣсту артикуляціи къ небоной области, они все-таки въ малорусскомъ нарѣчій артикулируются внѣ ея, сохраняя въ то же время физиологическую приспособленность къ тому положенію органовъ, которое необходимо для произнесенія звука *г*. Что касается до губныхъ согласныхъ, то, артикулируясь въ исходномъ пунктѣ

голосоваго канала, и не имѣя поэтому приспособленности небо-гортанныхъ къ звуку *z*, они, тѣмъ не менѣе, входятъ въ соединеніе съ небнымъ гласнымъ *i*, собственно потому, что представляютъ большую устойчивость въ точкѣ своей артикуляціи, т. е. артикулируются не съ такой свободой, какъ другіе согласные, слѣдовательно, твердость губныхъ, какъ и гортанныхъ согласныхъ, въ малорусскомъ нарѣчьи обусловлена, между прочимъ, способомъ артикуляціи ихъ. Но такъ какъ *i*, хотя бы и неіотированное, во всякомъ случаѣ, есть звукъ небный, то не подлежитъ сомнѣнію, что, при сочетаніи съ нимъ согласныхъ, хотя бы и твердыхъ, остается на нихъ легкій налетъ небности, что, конечно, составляетъ вѣшнюю ихъ особенность, нисколько не обусловленную внутренними чертами ихъ природы. Губные и гортанные все-таки сохраняютъ наибольшую независимость отъ небнаго вліянія, а потому, сравнительно съ согласными обоюдными, а также вполне мягкими, ихъ можно назвать *твердыми* согласными. Они удерживаютъ въ малорус. нарѣчьи всѣ признаки твердыхъ согласныхъ: не соединяются съ іотированными гласными, не ерируются въ смягченно-удвоенной формѣ.

Мы видѣли, что зубные свистящіе одинаково мягко звучатъ предъ *i*, какъ іотированнымъ, такъ и неіотированнымъ. То же нужно сказать и о шипящихъ согласныхъ, которые предъ *i* произносятся одинаково небо, независимо отъ того, заключается ли въ *i* іота или нѣтъ (*ножіе, паничи*). Въ этомъ отношеніи свистяще и шипяще звуки, совершенно инымъ путемъ, чѣмъ губные и небо-гортанные, пришли, однако же, къ одинаковому результату при встрѣчѣ своей съ гласнымъ *i*, т. е. къ фонетической нивелировкѣ этого звука: послѣ губныхъ и гортанныхъ нельзя различить въ немъ іоты, даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ она этимологически предполагается,—послѣ свистящихъ и шипящихъ нельзя различить чистаго неіотированнаго *z* тамъ, гдѣ этотъ звукъ этимологически стоять долженъ. Эта особенность свистящихъ и шипящихъ объясняется мѣстомъ артикуляціи ихъ въ небной области, въ слѣдствіе чего всякое *z*, хотя бы и неіотированное, какъ звукъ небный, усиливаетъ небный характеръ въ самихъ согласныхъ небнаго образованія. При всей разницѣ между губными и небо-гортанными съ одной стороны, между свистящими и шипящими съ другой, есть между ними сходство въ томъ отношеніи, что всѣ они, въ большей или меньшей

степени, не могут артикулироваться съ той свободой и подвижностію, какая свойственна обоюднымъ согласнымъ: *д, т, л, н*, и оттого *i* ютированное отъ *i* неютированное фонетически различить можно только послѣ *обоюдныхъ* согласныхъ, а не послѣ твердыхъ (губныхъ и гортанныхъ) и не послѣ мягкихъ (свистящихъ и шипящихъ).

Итакъ, семь согласныхъ звуковъ въ малорус. нарѣччіи—четыре губныхъ и три небо-гортанныхъ—совершенно не способны къ непременной смягчаемости. Четыре шипящихъ звука почти потеряли эту способность въ украинскомъ говорѣ, хотя сохраняютъ ее въ другихъ малорусскихъ говорахъ. Твердость небо-гортанныхъ осталась отъ эпохи наиболѣе древней. Отвердѣніе губныхъ и особенно шипящихъ возникло уже на почвѣ малорусскаго нарѣччія и донынѣ находится еще въ процессѣ развитія. Изъ остальныхъ согласныхъ звуковъ *р* не во всѣхъ говорахъ звучитъ мягко: твердое *р* вмѣсто мягкаго—явленіе тоже позднѣйшее. Только въ пяти зубныхъ звукахъ—двухъ чистыхъ и трехъ свистящихъ, да сверхъ того, въ плавныхъ *л* и *н* непременное смягченіе не потеряло своей силы. Изъ всего нашего обзора самъ собою слѣдуетъ такой выводъ, что твердость согласныхъ есть характеристическая особенность малорусскаго консонантизма.

Непременная смягчаемость, по мнѣнію Срезневскаго, сильно падаетъ во всѣхъ славянскихъ нарѣччіяхъ: въ польскомъ—нѣтъ мягкихъ шипящихъ, въ чешскомъ—остались только *п, д', т' j*, въ сербскомъ только *л, j*, въ лужицкомъ больше этого рода смягчаемости, въ русскомъ—еще больше, хотя и здѣсь уже есть формы: *лицо, лица* и проч. ¹⁾ Намъ кажется, что пока не сдѣланы будутъ спеціальныя изслѣдованія въ области отдѣльныхъ славянскихъ нарѣччій всѣхъ явленій ютацизма въ исторической преемственности ихъ развитія,—до тѣхъ поръ трудно говорить слишкомъ рѣшительно объ этомъ предметѣ. Еще вопросъ, было ли въ древнѣйшемъ состояніи того или другаго славянскаго нарѣччія больше непременной мягкости, чѣмъ нынѣ. О *г* горныхъ изъ нихъ (напр. великорусскомъ) положительно можно сказать, что, рядомъ съ спорадическимъ отвердѣніемъ нѣкоторыхъ согласныхъ, въ цѣломъ стрѣ консонантизма, съ теченіемъ времени, все больше и больше развивалась непременная мягкость, которую объясняютъ Шмидтъ усиленіемъ паразитной юты. Даже въ предѣлахъ одного на-

¹⁾ Срезн. Мысли 63:

рѣчи процентное отношеніе твердыхъ и мягкихъ согласныхъ въ разныхъ говорахъ его очень не одинаково, съ другой стороны, вся прошлая жизнь нарѣчія отмѣчена колебаніями въ этомъ направленіи, источникомъ которыхъ были, главнымъ образомъ, превращенія въ области вокализма. Возьмемъ, напр., малорус. *i* изъ основнаго *o*. Очевидно, *i*, какъ звукъ небный, по видимому, усилилъ непереходную мягкость согласныхъ, именно тѣхъ, которые въ фізіологической природѣ своей заключали подходящія условія, напр. въ свистящихъ. Но если мы возьмемъ въ расчетъ, что послѣ губныхъ согласныхъ іогированное *i* смѣшалось съ неіогированнымъ, что основное *и* въ малорус. нарѣчии смѣшалось съ *ы*, что вообще слоговыхъ сочетаній съ *i* изъ *o* несравненно меньше, чѣмъ съ среднимъ *и*, то получится выводъ нѣсколько иной, далеко не въ пользу широкаго вліянія небныхъ гласныхъ на согласные. Оказывается, что небность ихъ довольно ограничена даже въ томъ пунктѣ, гдѣ небный элементъ сдѣлалъ очевидные успѣхи на счетъ твердаго гласнаго *o*. Къ этому мы должны прибавить, что основное *e* не только сохранилось въ украинскомъ говорѣ, но даже развилось на счетъ *ε*, что предъ *e* въ томъ же говорѣ остаются твердыми даже такіе согласные, которые при другихъ условіяхъ удобно и легко подвергаются непереходному смягченію (напр. свистяціе). Ясно, что въ малорусскомъ вокализмѣ не только *e*, но даже болѣе небный элементъ *i* не имѣетъ того широкаго смягчающаго вліянія, которое оказываетъ на весь строй великорусскаго консонантизма іогированное *e* (*ѣ*). Одни изъ этихъ явленій въ области малорусскаго вокализма остались въ немъ отъ эпохи прадавней, другія возникли позже, и всею совокупностію своею вліяли на образованіе твердыхъ согласныхъ въ малорусскомъ консонантизмѣ,—и то преимущественно въ украинскомъ малорус. говорѣ. Такимъ образомъ, большее или меньшее количество твердыхъ или мягкихъ согласныхъ въ томъ или другомъ славянскомъ нарѣчии есть явленіе болѣе сложное, чѣмъ кажется съ перваго раза, и къ рѣшительному заключенію о немъ можно придти не иначе, какъ только путемъ историческаго изслѣдованія звуковыхъ явленій въ каждомъ славянскомъ нарѣчии. Что касается малорусскаго нарѣчія, то, на основаніи сдѣланнаго нами очерка непереходной смягчаемости малорусскихъ согласныхъ, мы позволяемъ себѣ сдѣлать слѣдующіе выводы. 1) Въ древнѣйшую эпоху, до появленія, напр., *i* изъ *o*, *e*, въ тѣхъ говорахъ, изъ которыхъ сложилось малорусское нарѣчіе, было больше твер-

дыхъ слоговъ, чѣмъ въ современныхъ говорахъ великорусскаго нарѣчія, потому что широкое неіотированное *e* идетъ, по нашему мнѣнію, отъ прадавней эпохи праязыка русскаго,—заго, сравнительно съ украинскимъ консонантизмомъ въ его современномъ состояніи, твердыхъ слоговъ было меньше, потому что не наступило еще смѣшенія основнаго *и* съ *ы*, и поэтому еще не отвердѣли губные и шипящие согласные въ такой степени, какъ нынѣ. 2) Отъ этой эпохи болѣе равномернаго распредѣленія твердыхъ и мягкихъ слоговъ остались ясныя слѣды въ говорахъ галицкомъ и сѣверно-малорусскомъ. Украинскій говоръ является и въ области консонантизма позднѣйшимъ продуктомъ звуковыхъ превращеній: вмѣстѣ съ звучностію консонантизма онъ представляетъ наибольшее количество твердыхъ согласныхъ. Въ этихъ двухъ особенностяхъ украинскаго консонантизма съ полною своеобразностію обнаружилось творчество языка, и потому ихъ можно считать самыми типическими признаками малорусскаго нарѣчія, по которымъ легче всего распознаеть великороссіянинъ малороссійское произношеніе. Оно производитъ рѣзкое впечатлѣніе на великороссіянина именно потому, что основано на такихъ качествахъ консонантизма, которыхъ нѣтъ въ великорусскомъ нарѣчіи. Замѣтимъ кстати, что малорусское произношеніе кажется великороссіянину неблагозвучіемъ, характеризующимъ тяжелую, неповоротливую, деревенскую рѣчь.

Возвращаемся къ вопросу, для котораго мы предприняли все изслѣдованіе качественной природы малорусскихъ согласныхъ: стоятъ ли они въ качественномъ отношеніи на той же ступени звуковаго ослабленія, какъ въ отношеніи количественномъ? Очевидно, пѣтъ. „Всякое прибавленіе длительной юты, говоритъ Потебня, приближаетъ одновременную согласную къ длительности, поэтому явленія ютацизма, т. е. смягченія согласныхъ суть тоже количественныя ослабленія согласныхъ“¹⁾. Съ этой точки зрѣнія, малорусскій консонантизмъ сильнѣе великорусскаго, въ которомъ ютацизмъ, въ видѣ непереходнаго смягченія согласныхъ, получилъ значеніе преобладающаго, типическаго факта. Въ свою очередь, великорусскій консонантизмъ сильнѣе малорусскаго оглученностію своего строя, широкимъ развитіемъ количественной ассимиляціи. Два русскія нарѣчія какъ бы подѣлились между собою элементами силы: что слабо въ одномъ, сильно въ другомъ, и наоборотъ.

¹⁾ Потеб. О звук. особ. 69.

Намъ приходится еще разъ вспомнить при этомъ о бѣлорусскомъ говорѣ, который представляетъ въ замѣчательномъ сочетаніи черты, какъ малорусскаго, такъ и великорусскаго консонантизма, только не со стороны силы того и другаго, а со стороны свойственной каждому изъ нихъ слабости. Въ системѣ бѣлорусскихъ согласныхъ есть, какъ мы видѣли, малорусская звучность и великорусская мягкость. Эта послѣдняя черта проведена въ бѣлорусскомъ консонантизмѣ даже дальше, чѣмъ въ великорусскомъ, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи къ зубнымъ *d* и *m*, которые изъ непереходной мягкости въ бѣлорусской рѣчи впадаютъ въ переходную: *дзело, робиць*. Конечно, это смягченіе секундарное, а не то переходное смягченіе, которое мы видимъ въ древнеславянскомъ нарѣчій и которое нужно считать основнымъ для всѣхъ русскихъ нарѣчій. Въ бѣлорусской письменности мы не встрѣчаемъ ни одной обмолвки въ пользу звуковъ *dz*, *и* изъ *d*, *m*. Если бы они существовали даже въ XV—XVI в., то должны были бы хоть одинъ разъ появиться въ письменности, какъ начали появляться они въ памятникахъ польскаго нарѣчія еще съ конца XII в. ¹⁾ Изъ этого мы можемъ заключить, что накопленіе мягкихъ согласныхъ въ бѣлорусскомъ говорѣ шло прогрессивно и что въ древнѣйшемъ состояніи этого говора съ большею правильностью распредѣлены были твердые и мягкіе слоги. Отъ той же древней эпохи идутъ разбѣянные въ бѣлорусскихъ разнорѣчійхъ звучные согласные,—только, въ противоположность мягкости ихъ, черта звучности не развилась съ такою послѣдовательностію, какую мы видимъ, напр., въ украинскомъ говорѣ малорусскаго нарѣчія. Можетъ быть, это находится въ связи съ тѣмъ обстоятельствомъ, что паденіе консонантизма достаточно уже обнаружилось въ формѣ смягченія согласныхъ. По крайней мѣрѣ, въ малорусскомъ консонантизмѣ мы видимъ больше звучныхъ согласныхъ въ тѣхъ говорахъ, гдѣ меньше мягкихъ согласныхъ.

Что же такое бѣлорусскій говоръ?—Потѣбня относитъ его къ южной вѣтви великорусскаго нарѣчія, такъ какъ въ бѣлорусскомъ говорѣ, по его словамъ, „нѣтъ ни одной звуковой черты, которая бы не повторилась хоть гдѣ нибудь въ Великой Россіи“ ²⁾. Мы видимъ въ бѣлорусскомъ говорѣ гораздо болѣе оригинальности, такъ какъ въ немъ есть и такія черты, которыя встрѣчаются не въ великорусскихъ гово-

¹⁾ Бодуэнъ-де Кур. О древнепольс. яз. см. словарь 56. 80.

²⁾ Потѣб. О звук. особ. 69.

рахъ, а только въ нарѣчій малорусскомъ, и притомъ черты, трудно поддающіяся теории заимствованій. Намъ кажется гораздо болѣе вѣроятнымъ, что вліяніе шло отъ бѣлорусскаго племени къ другимъ племенамъ, а не наоборотъ, особенно въ древнія времена. Для подтвержденія своей мысли указываемъ на значеніе бѣлорусскаго племени въ русской колонизаціи. Географическое положеніе кривичей, отъ которыхъ пошла бѣлоруссы (по начальной лѣтописи—верховья Двины, Днѣпра и Волги) съ древнѣйшаго времени благоприятствовало колонизаціонному движенію внизъ по рѣкамъ. Множество кривскихъ названій въ окской области до верхняго Дона, въ верхнемъ Поволжьи между Угрюю, Окою, Клязьмою и Волгою, служить яснымъ и донинѣ незыблемымъ свидѣтельствомъ того, что кривичи, вмѣстѣ съ новгородскими славянами, вошли, главнымъ образомъ, въ составъ великорусской народности ¹⁾. Это эпоха колонизаціи, начавшаяся еще до начала русской исторіи, захватываетъ весь кіевскій періодъ ея. Мы не беремся опредѣлять ея отраженіе на звуковомъ строѣ великорусскаго нарѣчія во всѣхъ подробностяхъ. Мы позволимъ себѣ только высказать предположеніе, что великорусская непереходная мягкость согласныхъ—бѣлорусскаго происхожденія. Конечно, на новой почвѣ, среди новой обстановки, не могъ остаться не измѣненнымъ древній строй звуковъ, какъ гласныхъ, такъ и согласныхъ. Эти послѣдніе въ великорусскомъ нарѣчій, дѣйствительно, являются уже въ количественно усиленномъ видѣ. Память о звучныхъ согласныхъ сохранилась только въ тѣхъ бѣлорусскихъ разнорѣчійхъ, которыя не вышли за предѣлы прежнихъ бѣлорусско-кривскихъ поселеній. Такъ получила въ бѣлорусскомъ консонантизмъ (и отчасти вокализмъ) построта, которая роднитъ его, то съ великорусскимъ, то съ малорусскимъ нарѣчіемъ. Поэтому трудно назвать бѣлорусскій говоръ самостоятельнымъ нарѣчіемъ, но тѣмъ не менѣе, по своему современному звуковому типу, это есть одно изъ разнорѣчій южновеликорусскаго нарѣчія, а напротивъ того, отдѣльный великорусскій говоръ, стоящій рядомъ съ сѣверновеликорусскимъ и южно-великорусскимъ, отличающійся отъ нихъ нѣкоторыми архаическими особенностями. По своему происхожденію это есть переходный говоръ, но не отъ малорусскаго нарѣчія къ великорусскому и не отъ этого послѣдняго къ первому, а отъ предполагаемаго нами

¹⁾ Подробнѣе см. Барсова: Очерки русской историч. географіи 115—166.

поязыка русскаго къ нарѣчію великорусскому. Такую же переходную ступень къ современному своему состоянію имѣетъ и малорусское нарѣчіе, только не въ говорѣ бѣлорусскомъ, а въ разнорѣчіяхъ всего сѣверно-малорусскаго говора, который отличается отъ малорус. украинскаго архаичностію такъ же точно, какъ бѣлорусскій говоръ отъ остальныхъ говоровъ великорусскаго нарѣчія.

Итакъ, два главных русскія нарѣчія великорусское и малорусское выдѣлились изъ одного общаго первоисточника. Современный своей звуковой строй они окончательно выработали въ довольно позднее время, въ XV—XVII в.

Можно ли опредѣлить, хотя приблизительно чертами, ту звуковую норму, отъ которой они отдѣлились въ качествѣ двухъ близнецовъ—нарѣчій?

Какъ ни труденъ этотъ вопросъ, но мы постараемся сдѣлать на него сильный отвѣтъ, хотя бы для того только, чтобы вызвать у другихъ охоту отвѣчать удовлетворительнѣе насъ,—затѣмъ, представимъ общій очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія въ связи съ нѣкоторыми историческими подробностями, необходимыми для уясненія дѣла.

IV

Общіе выводы.

Для рѣшенія вопроса, поставленнаго нами въ предыдущемъ очеркѣ, мы должны въ немногихъ словахъ дополнить то, что сказано было нами о русскомъ праязыкѣ въ самомъ началѣ нашего изслѣдованія.

Пробѣгая по широкому простору диалектическаго разнообразія, господствующаго въ современныхъ разнорѣчіяхъ и говорахъ, мысль наша, обыкновенно, ищетъ внѣ исторіи твердой точки опоры, отъ которой затѣмъ стремится выступить къ объясненію историческихъ данныхъ. Она опирается въ этомъ случаѣ на сравнительный методъ, отвлекая отъ нѣсколькихъ языковъ одного семейства общіе элементы, совокупность которыхъ считается фиктивнымъ праотцемъ всѣхъ этихъ языковъ. Иногда для полноты картины вставляются, на основаніи аналогіи, черты, принадлежащія языкамъ другаго семейства. Такъ составляетъ та искусственная норма, которая называется праязыкомъ, вмѣщающимъ въ себѣ зародыши развивающихся изъ него отдѣльныхъ языковъ. Понятно, что праязыкъ въ этомъ смыслѣ есть чистая абстракція, существующая въ наукѣ, какъ гипотеза, которая сколько нибудь объясняетъ то, что съ трудомъ поддается объясненію.

Неужели, однакоже, абстракція сама по себѣ есть цѣль науки? Не нашему мнѣнію она, есть только средство, рычагъ науки такъ какъ, въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ никакого основанія стремиться къ разьясненію того, что никогда не существовало.

Но признавая за языкомъ, понятымъ въ смыслъ абстракціи, значеніе средства, мы все-таки должны дать себѣ отчетъ въ томъ, съ какою цѣлію хотимъ употребить это средство. Не трудно отвѣчать на этотъ вопросъ общимъ указаніемъ на главную задачу сравнительнаго языкознанія—установить классификацію языковъ на основаніи *генетическаго* отношенія между ними. На этомъ пути наука неизбежно встрѣчается съ необходимостію признать въ жизни отдѣльныхъ нарѣчій соединительные моменты, болѣе или менѣе продолжительные и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе или менѣе свободные отъ позднѣйшей индивидуализаціи, однимъ словомъ, она встрѣчается съ идеей праязыка, какъ явленія, имѣвшаго дѣйствительное мѣсто въ жизни народовъ. Это уже не есть лингвистическая метафизика, абстрактно существующая, а напротивъ того, живое дѣло, которое *можетъ* и *должно* быть предметомъ науки. Теперь весь вопросъ въ томъ, какъ подойти къ этой идеѣ: старымъ ли путемъ сравнительно—теоретическимъ, путемъ абстрактнаго построения первичныхъ формъ, или же сравнительно—историческимъ путемъ? Мы находимъ этотъ послѣдній путь болѣе цѣлесообразнымъ. На этомъ пути мысль наша отправляется отъ фактовъ достоверно-историческихъ и, слѣдуя преемственной смѣнѣ явленій по направленію отъ позднѣйшихъ къ древнѣйшимъ, стремится опредѣлить ближайшія первоосновы языка, лежація на границѣ его исторической жизни. Такимъ образомъ, здѣсь снимаются съ языка явственно замѣтные слѣды конкретныхъ особенностей не столько для того, чтобы въ основѣ ихъ открыть нѣчто общее, сколько для того, чтобы генетически найти многія частности, которыя предшествовали многимъ другимъ частностямъ. Вся сумма болѣе первобытныхъ частныхъ дасть намъ идею праязыка не того, конечно, идеальнаго праязыка, въ которомъ господствуютъ, напр., отвлеченныя понятія, невозможныя на первыхъ ступеняхъ мысли, а праязыка относительнаго, зато мыслимаго реально, въ значеніи дѣйствительнаго момента жизни. Въ этомъ праязыкѣ есть тоже общій элементъ, но онъ мыслится подъ формою разнообразія, въ которомъ существуютъ зачаточные элементы, служащіе основой для развитія позднѣйшихъ типическихъ особенностей, характеризующихъ отдѣльныя нарѣчія.

Мы старались подойти къ идеѣ русскаго праязыка путемъ историческаго изслѣдованія этихъ особенностей въ области малорусскаго

нарѣчій, касающъ не одинъ разъ первичныхъ элементовъ его, которые едва замѣтными тѣнями отдѣляютъ малорусскій звуковой типъ отъ другихъ родственныхъ ему типовъ. Намъ казалось, что, въ примѣненіи къ русскимъ нарѣчіймъ, удобнѣе всего держаться индуктивнаго метода, который ведетъ отъ частнаго къ общему, а не наоборотъ. Мы указали въ своемъ мѣстѣ на слабыя стороны дедукціи, построенной, главнымъ образомъ, на аналогіи съ другими славянскими нарѣчійми. На томъ основаніи, что тѣ или другія звуковыя особенности существовали въ древнечешскомъ или древнесербскомъ нарѣчійи, не всегда можно, какъ мы видѣли, съ полною безопасностію утверждать, что онѣ существовали и въ древнерусскомъ. Съ другой стороны, изолируя общіе элементы нѣсколькихъ языковъ въ одну искусственную группу, легко потерять изъ виду индивидуальный ростокъ живаго дѣйствительнаго языка, заслоняя его отъ себя произвольно созданною тѣною, которой, однако же, приписывается какая-то зиждительная сила. Вотъ почему мы должны были низвести идею праязыка съ вершинъ абстракціи и приблизить ее къ исторической дѣйствительности, имѣя въ виду, между прочимъ, и то важное обстоятельство, что русскія нарѣчія по своему образованію составляютъ явленіе третичное, если принимать первичной основой ихъ праязыкъ славянской. Очевидно, средній членъ между ними—русскій праязыкъ одною стороною примыкаетъ къ эпохѣ доисторической, другою стороною обнимаетъ такія звуковыя явленія, которыя могли возникнуть только на зарѣ исторической жизни. Оставляя въ сторонѣ классификацію элементовъ доисторическихъ и начально-историческихъ, мы принимаемъ фактъ русскаго праязыка въ томъ видѣ, какъ онъ является намъ на исторической почвѣ, засвидѣтельствованной древнѣйшими памятниками русской письменности или архаизмами современныхъ русскихъ говоровъ. Мы считаемъ несомнѣнно-историческимъ моментомъ тотъ моментъ, когда отъ одной первоосновы начали отдѣляться два русскія нарѣчія съ своими позже установившимися типическими особенностями.

Ядромъ славянскаго населенія въ русской равнинѣ съ древнѣйшихъ временъ были племена, которыя занимали полости южнаго Буга, Днѣстра, западную часть полости днѣпровской, ограниченную теченіемъ западнаго Буга. Отсюда на сѣверозападъ и сѣверовостокъ шло колонизаціонное движеніе задолго еще до начала русской исторіи. Каждое

изъ славянорусскихъ племень, по извѣстиямъ летописи, имѣло *обычи свои, законъ отецъ своимъ и преданья, каждое свой нравъ*, но, при всей этнографической розни, они носили въ себѣ черты того типа, который мы называемъ восточно-славянскимъ. Выразителемъ этого типа, безъ сомнѣнiя, былъ языкъ, въ которомъ, предъ началомъ исторической эпохи, по всей вѣроятности, существовали уже своеобразныя особенности. выдвигавшiяся надъ всею пестротою диалектическихъ различiй. Вотъ эти-то особенности, *вмѣстѣ съ диалектическими различiями*, и составляютъ ту первоначальную ткань, которую мы называемъ русскимъ праязыкомъ. Одни изъ диалектическихъ различiй вымерли, не успѣвъ получить общерусскаго значенiя, другiя живутъ въ нѣкоторыхъ русскихъ говорахъ и до настоящаго времени въ видѣ архаическихъ окаменѣlostей (такова, по всей вѣроятности, сѣверно-великорусская мѣна согласнаго *и* съ *и*, и наоборотъ). Что касается элементовъ, общихъ всѣмъ говорамъ русскаго праязыка, то между ними мы различаемъ такіе, которые остались и донынѣ общими обоимъ русскимъ нарѣчiямъ (напр. полногласіе), отъ такихъ, которые нѣкогда были общими, но послѣ переродились, пустивъ отъ себя повые звуковые побѣги. Ко всему этому нужно прибавить еще одну особенность русскаго праязыка, безъ которой немислимо самое существованіе его, именно—паденіе глухихъ гласныхъ—тотъ знаменательный въ исторiи славянскихъ нарѣчiй моментъ, съ котораго началось отдѣленіе ихъ отъ праязыка славянскаго и который выразительными чертами отмѣченъ уже въ самыхъ древнихъ памятникахъ древнеславянскаго нарѣчiя ¹⁾. По всей вѣроятности, не одновременно въ русскомъ праязыкѣ совершилось паденіе глухихъ гласныхъ; диалектически существованіе ихъ могло оградиться и въ историческую эпоху въ древнѣйшихъ памятникахъ русской письменности,—но начало этого явленiя и даже

¹⁾ Чтобы не подать повода къ недоразумѣнiю относительно техническихъ словъ, нами часто употребляемыхъ: „языкъ“, „нарѣчiе“, считаемъ нужнымъ замѣтить, что, какъ съ тѣмъ, такъ и съ другимъ словомъ мы соединяемъ представленіе объ индивидуальныхъ признакахъ, дающихъ право на самостоятельное значеніе тѣхъ данныхъ, которыя подразумеваются подъ этими словами. Мы охотно замѣнили бы слово „праязыкъ“ словомъ „пранарѣчiе“, если бы не опасались новостію терминологiи затруднить тѣхъ, кто привыкъ съ словомъ „языкъ“ соединять понятіе о чемъ-то всеобщемъ.

значительная степень развитія его, безъ всякаго сомнѣнія, относится къ доисторической эпохѣ. Не повторяя тѣхъ доводовъ, которые мы приводили въ своемъ мѣстѣ для подтвержденія этой мысли, мы сопоставимъ здѣсь хронологически звуковыя послѣдствія, которыя были плодомъ паденія глухихъ гласныхъ въ русскомъ праязыкѣ. Мы разумѣемъ подляское двоегласіе изъ основныхъ *o, e* въ двухъ видахъ: *yo, юo, yō, юo*: оно образовалось, какъ извѣстно, въ среднихъ слогахъ въ замѣнъ потери конечныхъ *ъ* и *ь*. Собственно говоря, это двоегласіе, сравнительно съ основными звуками, есть моментъ позднѣйшій, но, сравнительно съ стяженными звуками, которые, въ свою очередь, появились изъ двоегласныхъ, оно есть явленіе древнее. Такъ какъ стяженные звуки *y* и *ю* изъ *yo, юo* встрѣчаются уже въ XIV в., то двоегласіе, какъ причина, предшествовало своему слѣдствію, поэтому оно несомнѣнно существовало въ устахъ народа до XIV в. Едва ли можно возражать противъ этого предположенія указаніемъ на то, что въ древнерусскихъ памятникахъ нѣтъ никакихъ слѣдовъ двоегласія. Это обстоятельство доказываетъ только, что уже въ XIII—XII в. двоегласіе выходило изъ круга историческаго движенія звуковъ, утрачивая свое общее значеніе,—доказываетъ, такимъ образомъ, глубокую древность двоегласія, а не его позднее происхожденіе. Съ другой стороны, положительно можно сказать, что, чѣмъ древнѣе памятники русской письменности, тѣмъ меньше они отличаются независимостію отъ вліянія церковнаго языка: не удивительно, что въ нихъ не нашло мѣста русское двоегласіе, имѣвшее значеніе временнаго, переходнаго момента къ позднѣйшимъ стяженнымъ звукамъ и уже въ XII—XIII в. звучавшее неповсемѣстно въ устахъ народа. Переходя отъ двоегласія къ причинѣ, изъ которой оно возникло, т. е. къ паденію глухихъ гласныхъ, мы должны отнести это явленіе еще дальше въ глубину прошедшаго, т. е. къ началу исторической эпохи. къ XI—X в., возникло же и окрѣпло оно, конечно, еще раньше, въ эпоху доисторическую. Если принимать посредствующимъ моментомъ между паденіемъ глухихъ и двоегласіемъ долготу гласныхъ, изъ которой образовалось

По нашему мнѣнію, единственная разница между понятіями „языкъ“ и „нарѣчіе“ заключается въ томъ, что „языкъ“ предполагаетъ развитую организованную силу, тогда какъ „нарѣчіе“ указываетъ на силу непосредственную, хотя и индивидуальную.

самое двоегласіе, то фактъ паденія глухихъ отодвигнется еще дальше. Но мы понимаемъ, что въ дифференцированіи хронологическихъ словъ, отдѣляющихъ одинъ звукъ отъ другаго, нельзя устанавливать геометрически правильныхъ линій. и потому, не настаивая на хронологической вѣрности проводимыхъ нами границъ, желали бы только утвердить за двоегласіемъ глубокую древность не въ отношеніи къ первозвукамъ, изъ которыхъ оно образовалось, а въ отношеніи къ тѣмъ звукамъ, которые изъ него образовались. Мы имѣемъ въ виду всю систему подляскаго двоегласія, т. е. не только дифтонги изъ *o*, *e*, сохранившіеся и въ другихъ сѣверныхъ малорусскихъ разнорѣчіяхъ, но и дифтонги *ѣe*, *іe*, замѣнившіе *ь*, такъ какъ эти послѣдніе дифтонги находятся въ тѣсной связи съ первыми (см. стр. 118, 119.) Примѣняясь къ росту нарѣчій третичной формаціи, мы считаемъ современное подляское двоегласіе однимъ изъ древнѣйшихъ критеріумовъ для опредѣленія періодовъ въ ихъ развитіи. поэтому находимъ возможнымъ сдѣлать предположеніе, что двоегласіе было когда-то присутимъ не однимъ подляско-малорусскимъ разнорѣчіямъ. Подляскіе дифтонги древнѣ малорусскаго вокализма съ его типическимъ, обладающимъ звукомъ *i*. А такъ какъ нѣтъ никакихъ основаній считать великорусскій вокализмъ древнѣ малорусскаго, такъ какъ съ другой стороны, великорусскую систему стяженныхъ гласныхъ съ такимъ же удобствомъ можно выводить изъ подляскихъ дифтонговъ, какъ и малорусскую, то очевидно, эти дифтонги древнѣ нарѣчій великорусскаго и малорусскаго съ ихъ современнымъ звуковымъ строемъ: они относятся къ эпохѣ русскаго праязыка, какъ зачаточные элементы, изъ которыхъ возникло новое поколѣніе звуковъ, разбившееся, сообразно съ двойственною природою первозвуковъ, на два отдѣльные типа.

До сихъ поръ, говоря о древнѣйшихъ примѣтахъ русскаго языка, указывали, обыкновенно, на полногласіе, потому только, что оно обнаружилось въ самыхъ древнихъ памятникахъ русской письменности. Мы рѣшились прибавить, на основаніи устнаго свидѣтельства народныхъ архаизмовъ, новую черту—*двоегласіе*, относя ту и другую особенность первобытнаго русскаго вокализма къ русскому праязыку. Между этими двумя особенностями, по нашему мнѣнію, есть внутренняя связь, потому что въ основаніи обѣихъ лежитъ одинъ и тотъ же

мотивъ, одно и то же стремленіе—возстановить систему вокализма, пошатнувшуюся въ слѣдствіе паденія глухихъ гласныхъ. Не имѣя возможности со всею подробностію опредѣлить звуковыя черты русскаго праязыка, мы считаемъ необходимымъ уловить, по крайней мѣрѣ, его оловной тонъ, которому подчинялась вся его звуковая система. Этотъ характеристическій тонъ русскаго правокализма заключается въ *своеобразной полнотѣ гласныхъ элементовъ*, которая появилась въ замѣнъ древней полноты, обусловленной присутствіемъ глухихъ гласныхъ. Что касается первобытныхъ согласныхъ въ русскомъ праязыкѣ, то не подлежитъ сомнѣнію только то, что, по мѣрѣ восполненія вокализма, съ теченіемъ времени неизбѣжно должно было выступить во всѣхъ говорахъ паденіе консонантизма, которое въ двухъ русскихъ нарѣчіяхъ выразилось своеобразно: въ малорусскомъ—преобладаніемъ звучныхъ согласныхъ, въ великорусскомъ—преобладаніемъ непереходно-мягкихъ согласныхъ, которые посредствомъ іоты приближаются къ длительному состоянію, аналогическому съ длительностью гласныхъ звуковъ.

Полагать надобно, что перестрой консонантизма въ томъ или другомъ направленіи окончательно совершился уже послѣ того, какъ окрѣпли черты двухъ русскихъ нарѣчій въ области вокализма, слѣдовательно, въ самомъ праязыкѣ русскомъ система согласныхъ звуковъ не наклонилась еще окончательно въ ту или другую сторону.

Сводя всѣ эти примѣты русскаго праязыка въ одно цѣлое, мы должны предположить въ жизни славянорусскихъ племенъ такой моментъ, который можно было бы назвать общимъ по отношенію къ указаннымъ нами своеобразнымъ особенностямъ русскаго праязыка. Мы не говоримъ моментъ „единства“, потому что не можемъ представить его себѣ когда бы то ни было въ живой дѣйствительности, которая должна была, какъ все живое, представлять черты разнообразія вмѣстѣ съ общими чертами одного типа. То, что мы здѣсь называемъ *общимъ*, не въ одинаковой степени было общимъ во всѣхъ мѣстахъ славянорусскаго міра, не переставая въ то же время быть общимъ. Звуковой строй рѣчи у однихъ племенъ удерживалъ въ себѣ еще много древнихъ элементовъ, у другихъ находился уже въ новой стадіи развитія, между тѣмъ и другимъ было много промежуточныхъ ступеней, напоминающихъ живую игру тѣней и свѣта въ природѣ; встрѣчались, наконецъ, діалектическія разности, не повторявшіяся въ

других мѣстахъ. Вся эта подвижная звуковая дѣйствительность русскаго праязыка не имѣла одной позднѣйшей черты—рѣзкой расчлененности элементовъ. Какъ только появилась эта послѣдняя, моментъ праязыка окончился и вмѣстѣ съ тѣмъ началась исторія отдѣльных нарѣчій.

Когда же началась она?

Можно было бы искать отвѣта на этотъ вопросъ въ извѣстияхъ начальной лѣтописи о размѣщеніи восточныхъ славянъ въ русской равнинѣ, если бы эти извѣстія приводили къ какому нибудь безспорному выводу. Три перечня восточныхъ славянъ, помѣщенные на первыхъ страницахъ начальной лѣтописи, даютъ сбивчивыя показанія, и оттого историки наши, пыгавшіеся на основаніи одной лѣтописи опредѣлить постепенность въ расселеніи восточно-славянскихъ племенъ, пришли къ самымъ противоположнымъ заключеніямъ. Одни (Соловьевъ и Вѣляевъ) выводятъ кривичей изъ Новгорода, а племя сѣверянъ отъ племени кривскаго ¹⁾, другіе, напротивъ, новгородскихъ славянъ считаютъ вѣтвію или кривичей ²⁾, или южноруссовъ ³⁾. Какого мнѣнія держаться? Этотъ вопросъ, по нашему мнѣнію, будетъ оставаться въ наукѣ нерѣшеннымъ до тѣхъ поръ, пока въ разрѣшеніи его не приметъ участія наука о языкѣ.

Намъ кажется, что свидѣтельству лѣтописи, обыкновенно, придаютъ слишкомъ большое значеніе. Темное преданіе, дошедшее до лѣтописца изъ глубины сѣдой, незапамятной древности, поправленное и дополненное позднѣйшими вставками, ни въ какомъ случаѣ не должно закрывать отъ насъ того непреложнаго факта, что, сколько бы ни было позднѣйшихъ переселеній славянскихъ племенъ на западъ и сѣверо-западъ русской равнины отъ Карпатъ до верховьевъ Днѣпра, пространство это съ незапамятныхъ временъ заселено было славянами—аборигенами. Изъ свидѣтельствъ Геродота, Плинія, Проконія видимъ, что вся плоскость между Днѣпромъ съ одной стороны и теченіемъ западнаго Буга и Днѣстра съ другою изъ-поконовъ-вѣку занята была славянами, носившими разныя названія (Нервы, Будины, Венеты, Анты и

¹⁾ Солов. Ист. I. 43. Бѣл. Разск. 27. 31. 115.

²⁾ Иловайс. Рус. вѣст. 1864. № 8. 646.

³⁾ Костом. Сѣвернорус. народопр. I. 5—1

проч.), большею частію не встрѣчаемыя въ лѣтописи ¹⁾). Къ этимъ славянамъ приливали толпы выходцевъ съ югозапада отъ Карпатъ, встрѣчая родственныя племена славянскія, и отъ нихъ же уходили колонисты на сѣверовостокъ. Мы назвали славянъ, расселившихся на этомъ пространствѣ, ядромъ восточнаго славянства. Здѣсь-то и надобно искать древнѣйшихъ племенныхъ группъ, отъ которыхъ отдѣлялись позднѣйшія.

Но какъ искать? Мы видѣли, что историческія соображенія сами по себѣ не даютъ положительныхъ выводовъ. Нельзя придти ни къ чему вѣрному и съ точки зрѣнія языка, если придавать особенное значеніе лѣтописнымъ названіямъ восточнаго славянства. Оставивъ въ сторонѣ эти названія, мы считаемъ наиболѣе цѣлесообразнымъ слѣдить за племенными единицами болѣе крупными и притомъ современными, живыми, а не давно исчезнувшими полянами, древлянами и проч. Въ опредѣленіи родственныхъ отношеній между этими единицами мы будемъ руководствоваться степенью близости современныхъ народныхъ говоровъ въ архаической нормѣ указанныхъ нами особенностей русскаго праязыка.

Точкой отправленія мы должны принять подляско-малорусскія разнорѣчія, въ которыхъ сохранились, какъ мы видѣли, дополнительные особенности первобытнаго вокализма. Слѣдь этихъ особенностей остался въ вокализмѣ бѣлорусскомъ, въ которомъ *ъ*, по замѣчанію Безсонова, звучитъ, какъ великорусское *ѣ*, но только проглатывѣ или дwoегласнѣ ²⁾). Въ другихъ малорусскихъ говорахъ и даже въ сѣверныхъ малорусскихъ разнорѣчіяхъ, за исключеніемъ подляскаго, нѣтъ дwoегласнаго звука въ замѣнѣ *ъ*, зато уцѣлѣло дwoегласіе изъ *о*, *е* въ остальныхъ сѣверныхъ малорусскихъ разнорѣчіяхъ—черниговскомъ и полѣсскомъ, и притомъ въ разныхъ формахъ: изъ *о* существуютъ дифтонги *юѡ*, *уе*, *уи*, *уі*, изъ *е*: *юѡ* *юі*, не безъ огъбненія, какъ въ подляскомъ разнорѣчьи, одного элемента отъ другаго. Въ тѣхъ же разнорѣчіяхъ—черниговскомъ и полѣсскомъ очень часто встрѣчаются уже вполнѣ стя-

¹⁾ Шаф. Слав. древ. § 23.

²⁾ Безсон. Бѣлор. и Бс. Предисл. LXXV.

женные звуки: *y, ю, и* и, наконецъ, въ украинскомъ и галицкомъ говорѣ (за исключеніемъ угорскаго разнорѣчія), вмѣсто разнообразныхъ звуковъ переходнаго характера, господствуетъ уже типическое *i*. Въ отношеніи къ говорамъ великорусскому, сѣверному и южному, двоегласіе обрывается на бѣлорусскомъ растяженномъ *ε* изъ *ю*, если не имѣть въ виду замѣчанія Дала, что въ говорѣ олонецкомъ мягкіе звуки растягиваются, что, впрочемъ, напоминаетъ скорѣе долготу, чѣмъ доегласіе и требуетъ притомъ болѣе обстоятельныхъ разъясненій. Замѣчательно, что въ отношеніи къ звуку, образовавшемуся изъ *ю*, сѣверныя великорусскія разнорѣчія представляютъ сходство съ малорусскими говорами—украинскимъ и галицкимъ, т. е. *i*. Въ своемъ мѣстѣ мы представили основанія, почему это *i* неудобно выводить непосредственно изъ долгаго *e*; скорѣе всего оно образовалось, подобно малорусскому *i*, изъ доегласнаго звука.

Оставляемъ въ сторонѣ систему согласныхъ звуковъ, такъ какъ ни одинъ современный говоръ ни великорусскаго, ни малорусскаго нарѣчія не представляетъ ее въ той соразмѣрности, которая служила бы яснымъ признакомъ ея первичнаго состоянія, предполагаемаго нами въ русскомъ праязыкѣ. Типическія особенности согласныхъ выработались, по нашему мнѣнію, уже на почвѣ русскихъ нарѣчій. Даже въ бѣлорусскомъ консонантизмѣ преобладаетъ та форма паденія согласныхъ, которая господствуетъ въ великорусскомъ нарѣчии.

Таковы въ приблизительныхъ очертаніяхъ линій, расходящихся отъ древнѣйшихъ подляско-малорусскихъ разнорѣчій къ остальнымъ говорамъ малорусскаго и великорусскаго нарѣчія. Собственно говоря, не сами по себѣ подляскія разнорѣчія составляютъ центральную точку этихъ линій, а тѣ архаизмы, которые уцѣлѣли въ Подлясьи отъ первобытной эпохи русскаго праязыка и которыя образовались раньше того времени, когда отдѣлились отъ него два русскія нарѣчія. Сами по себѣ подляскія разнорѣчія, вмѣстѣ съ сѣвернымъ малорусскимъ говоромъ, составляютъ не больше, какъ только одну изъ линій, проведенныхъ отъ того же пункта, отъ котораго идутъ и великорусскія линіи, только эти послѣднія проведены дальше. Такъ, уже бѣлорусскій говоръ съ едва замѣтными слѣдами доегласія представляетъ черты болѣе позднія, чѣмъ подляскія разнорѣчія, хотя въ то же время болѣе

древнія, чѣмъ говоры сѣверный великорусскій и южный великорусскій. Разница между говорами, какъ великорусскими, такъ и малорусскими, рѣзче всего бросается въ глаза, такъ сказать, съ конца, т. е. если смотрѣть на нихъ съ точки зрѣнія той границы, до которой дошли они въ своемъ историческомъ развитіи. Что же означаетъ разстояніе отъ точки исхода до этой границы? Можетъ ли болѣе близкое или болѣе далекое разстояніе указывать на то, что одни говоры раньше, а другіе позже отправились отъ одной исходной точки? Нельзя ли такимъ образомъ прослѣдить степень родственнаго старшинства между говорами и опредѣлить различіе между ними съ начальныхъ моментовъ ихъ образованія?

Если бы на всѣ эти вопросы можно было отвѣчать положительно, тогда раскрылись бы предъ нами всѣ этнографическіе слои древней Руси на основаніи русскихъ нарѣчій. Къ этой задачѣ должна стремиться наука разработкой матеріаловъ по этнографіи, географіи и археологии древней Руси, и только тогда, когда дифференцированы будутъ всѣ бытовые условія, имѣющія свою долю вліянія на образованіе нарѣчій, получится возможность распутать тѣ этнографическія нити, которыя нестройными рядами набросаны на первыхъ страницахъ начальной лѣтописи. Теперь же, во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ руководствоваться тѣмъ общимъ соображеніемъ, что степень творческой энергіи въ языкѣ зависитъ отъ исторической и географической обстановки народа,—что одно племя, заброшенное далеко отъ центра историческихъ событій, въ мѣстность, отрѣзанную естественными преградами отъ другихъ племенъ, среди невозмутимаго теченія жизни, способно въ большей степени къ сохраненію древнихъ особенностей языка, чѣмъ другое племя, поставленное подъ первый натискъ историческихъ явленій, расположенное на пути живыхъ сообщеній, какъ съ родственными, такъ и съ чуждыми племенами. Примѣняя эти общеизвѣстныя положенія къ русскимъ нарѣчіямъ и говорамъ, мы считаемъ необходимымъ довольствоваться, главнымъ образомъ, тѣми данными для ихъ исторической характеристики, которыя получаются изъ наблюдени надъ крайнимъ предѣломъ, до котораго дошли они въ своемъ историческомъ развитіи,—для эпохи же самой отдаленной по неволѣ нужно ограничиться признаніемъ, что не всѣ русскіе говоры сразу двинулись отъ своей начальной точки.

Пока дилекта племенной бытъ среди восточныхъ славянъ, огра-

ниченный мѣстнымъ кругомъ патріархальныхъ преданій и интересовъ земледѣльческаго культа, основаннаго на обожаніи силъ природы, пока длилось непосредственное міросозерцаніе племенныхъ массъ, чуждое своеобразныхъ наклоненій въ ту или другую сторону, открываемую успѣхами образованія, до тѣхъ поръ и въ говорахъ отдѣльныхъ славяно-русскихъ племенъ, при всемъ діалектическомъ разнообразіи ихъ, не могло быть яркихъ проблесковъ жизни, вызванныхъ творческими потребностями народнаго духа, увлеченнаго новой системой понятій, новымъ міросозерцаніемъ. Племенные говоры соотвѣтствовали несложному строю племенной жизни, заключая въ себѣ то равновѣсіе звуковыхъ элементовъ, которое мы соединяемъ съ идеей русскаго праязыка. Но, по мѣрѣ разложенія племеннаго быта, по мѣрѣ того, какъ одни племена начали выдвигаться надъ другими, и вмѣстѣ съ тѣмъ начали слагаться и крѣпнуть древнѣйшій историческій строй русской жизни,—древніе говоры полянъ, древлянъ и другихъ племенъ должны были потерпѣть существенныя измѣненія. Между ними должно было обнаружиться то различіе, которое вытекаетъ не столько изъ старинной разрозненности племенъ, сколько изъ новыхъ началъ общественной жизни, представлявшей уже до извѣстной степени контрастъ не только между разными слоями населенія—городскими и сельскими, но и между разными обитателями разныхъ земель, игравшихъ, какъ извѣстно, не одинаковую роль въ общемъ ходѣ русской жизни. Мало-помалу, на развалинахъ стариннаго племеннаго быта, возникалъ новый порядокъ вещей, основанный на соединеніи нѣсколькихъ племенъ въ отдѣльныя группы, расположенныя на извѣстной территории, съ центральнымъ городомъ, именемъ котораго называлась вся земля. Въ XII в. окончательно исчезли старинныя племенные названія, а вмѣстѣ ихъ явились земли кievская, новгородская, полоцкая и проч.,—вмѣстѣ съ тѣмъ и говоры народныя, сближенные между собою общеніемъ взаимныхъ вліяній, поддерживаемыхъ общими интересами земли, должны были отклониться отъ первобытнаго строя, основаннаго на племенномъ строѣ жизни, которая тяготѣла исключительно къ стариннымъ племеннымъ центрамъ. По всей вѣроятности, въ основаніи, такъ сказать, земельныхъ говоровъ лежалъ одинъ какой нибудь племенной говоръ, къ которому примыкали другіе; въ свою очередь, одинъ племенной говоръ случайно, въ силу княжескихъ наслѣдственныхъ отношеній и военныхъ захватовъ, распадавшійся между нѣсколькими зе-

мями, получалъ различные отгѣнки въ каждой изъ нихъ, сообразно съ тѣми элементами, съ которыми ему приходилось вступать въ соединеніе. Это былъ періодъ звуковыхъ процессовъ, періодъ броженія звуковыхъ элементовъ, не успѣвшихъ еще обособиться въ полные и законченные звуковые типы. Въ письменныхъ памятникахъ едва пробиваются слѣды этихъ типовъ въ видѣ замѣны буквы *ъ*, то *е*, то *и*, въ видѣ постановки послѣ шипящихъ вмѣсто *а* буквы *л*, которая въ древнерусскомъ вокализмѣ соотвѣтствовала, между прочимъ, *е* (въ галиц. ев. *вотюцлю*, *иццдѣл*, *исхожшиє*)¹⁾ въ видѣ новгородскаго смѣшенія *и* съ *ч*. Судя по всѣмъ признакамъ, можно полагать, что въ этихъ только-что отдѣлившихся отъ русскаго праязыка не окрѣпшихъ типахъ выступили элементы, главнымъ образомъ, южнорусскіе, бѣлорусскіе и новгородскіе. Такъ дѣло шло въ теченіе не менѣе трехъ вѣковъ, съ половины IX до половины XII в., пока племенной бытъ окончателно не разложился. Тогда, на смѣну земельныхъ говоровъ, начали мало-по-малу обозначаться группы еще болѣе крупныя въ видѣ двухъ главныхъ русскихъ нарѣчій—южнаго и сѣвернаго. Земельные говоры, въ цѣлой совокупности отдѣльныхъ группъ, принимали общіе отгѣнки, дававшіе имъ характеръ отдѣльныхъ нарѣчій. Въ концѣ XII в. Русь южная, кievская, и Русь сѣверная, владиміро-суздальская, встрѣтились между собою въ борьбѣ за преобладаніе въ русской землѣ, и этотъ политическій моментъ, безъ сомнѣнія, былъ плодомъ бытовыхъ различій между двумя главными половинами русской земли, различій, постепенно нараставшихъ въ предшесвующее время. Намъ кажется, нельзя игнорировать этого факта для исторіи русскаго языка, если только вполнѣ убѣждены мы, что въ жизни языка отражаются бытовыя настроенія народнаго духа, народныхъ понятій, вѣрованій и идеаловъ. А что идеалы южной и сѣверной Руси въ то время, о которомъ мы говоримъ, были не одинаковы, объ этомъ свидѣтельствуетъ не только политическая исторія, но и такія крупныя литературныя произведенія, какъ Слово о полку Игоревѣ и всѣ вообще южныя лѣтописи, отличающіяся южнорусскимъ складомъ міросозерцанія и рѣчи. Мы можемъ пожалѣть только о томъ, что произведенія эти дошли до насъ въ не-южныхъ и притомъ позднихъ редакціяхъ, и оттого собственно звуковая сторона южнорусскаго нарѣчія XII—XIII в.

¹⁾ Вусл. Ист. хр. 22.

намъ неизвѣстна во всѣхъ подробностяхъ. Но то, что вырвано у науки рукою времени, не должно погибнуть для нея безслѣдно. Она имѣетъ полное право наполнить пробѣлы заключеніемъ отъ послѣдующаго къ предыдущему, если только между этими моментами существуютъ отношенія слѣдствія къ причинѣ, или же заключеніемъ отъ одного ряда фактовъ къ недостающему ряду, если только эти факты относятся къ одной категоріи. Первый приемъ мы перѣдко употребляли въ трудѣ своемъ, послѣднимъ пользуемся теперь для того, чтобы, на основаніи южнорусскаго склада древнѣйшихъ южнорусскихъ произведеній, признать южнорусскія особенности и въ звуковомъ строѣ той рѣчи, которую говорили первоначальные слагатели этихъ произведеній, особенности, затертые и перепутанные позднѣйшими великорусскими переписчиками. Мы должны, впрочемъ, сдѣлать оговорку, что это не были такія рельефныя особенности, которыя слышатся въ современной малорусской рѣчи. Они касались преимущественно гласныхъ звуковъ; система согласныхъ не была еще вполне вовлечена въ кругъ превращеній, развившихся позже; выдвинулось уже вмѣстѣ съ своими первозвуками и ихъ видоизмѣненіями малорусское *i*. Однимъ словомъ, *главныя* черты малорусскаго вокализма въ XII—XIII в., по нашему мнѣнію, вполне обнаружилась. Не было еще украинскаго говора, который выдѣлился позже изъ волинскихъ разпорѣчій, но самыя эти разпорѣчія, вмѣстѣ съ дальнѣйшимъ видоизмѣненіемъ ихъ въ галицкомъ вокализмѣ, близкомъ къ украинскому, уже существовали. Такъ органически, изъ первобытной почвы русскаго праязыка, выросло малорусское нарѣчіе съ древнѣйшимъ своимъ говоромъ сѣвернымъ, отъ котораго къ концу кievской эпохи и въ первые годы татарщины на югѣ отдѣлились говоры галицкій и волинскій. Тотъ же процессъ образования мы должны допустить и для великорусскаго нарѣчія, въ которомъ только древнѣйшіе говоры, бѣлорусскій и сѣверно-великорусскій, непосредственно примыкаютъ къ русскому праязыку. Что касается южно-великорусскаго говора, то онъ сложился, главнымъ образомъ, изъ элементовъ бѣлорусскихъ и сѣверно-великорусскихъ, въ процессѣ колонизаціоннаго движенія на сѣверовостокъ. не прекращавшагося во весь начальный періодъ русскаго исторіи. Вдали отъ старыхъ центровъ славянорусскаго населенія, среди ипородческихъ племенъ, этотъ говоръ созрѣвалъ незамѣтно, воспринимая въ себя постороннія влияния и перерабатывая ихъ вполне самостоятельно. Событія,

наступившіи вслѣдъ за нашествіемъ татаръ, дали этому говору преобладающее значеніе на сѣверовостокѣ, такъ что къ тому времени, когда утвердилась власть московскихъ князей на западѣ (покореніе Новгорода, Пскова, Смоленска). южно-великорусскій говоръ является уже въ качествѣ представителя всего великорусскаго нарѣчія.

Намъ остается указать главные мотивы въ дальнѣйшей исторіи малорусскаго нарѣчія, на сколько они зависѣли отъ исторической обстановки, которая въ разныхъ краяхъ, населенныхъ южнорусскимъ племенемъ, была не одинакова.

Какъ объяснить, что подлясская Русь сохранила говоръ въ звуковомъ отношеніи пайболѣе архаическій?

Древнѣйшая исторія Подлясы связана съ именемъ загадочнаго народа ятвяговъ, о происхожденіи котораго достовѣрно извѣстно только то, что они были не славяне. Не подлежитъ сомнѣнію, что не все Подлясье занято было ятвягами, что рядомъ съ ними съ незапамятныхъ временъ, по рѣкамъ Бугу, Нурцу и Нареву, жило славянское племя *Нервы*, которое, по всей вѣроятности, получило свое имя отъ рѣки Нарева (наревяне) и граничало на востокѣ, у верховьевъ Припечи, съ лѣтописными дреговичами, а на югѣ съ бужанами и волянцами. Спустя не болѣе столѣтій, какъ утвердился центръ исторической жизни въ Кіевѣ, къ славянскимъ аборигенамъ Подлясы начало приливать родственное населеніе съ юга и юговостока подъ защитой вооруженныхъ дружинъ, предводительствуемыхъ кіевскими князьями. Подъ 983 г. читаемъ въ лѣтописи: „*иде Володимерь на Ятвяги и побѣди Ятвяги и взя землю ихъ*“: подъ 1038: „*Ярославъ иде на Ятвяги*“; въ 1041 г. ходилъ Ярославъ и дальше на Мазовшанъ, а преемникъ его Изяславъ „*побѣди Голяди*“²⁾. Предпримчивые русскіе князья ходили въ эти отдаленныя страны за добычей, для сбора которой должны были на границахъ своихъ владѣній строить города и оставлять въ нихъ мужей своихъ. Полагать надобно, что древнѣйшіе города южнаго Подлясы (Брестъ, Дорогичинъ) основаны были кіевскими князьями, роль которыхъ въ отношеніи къ Подлясью перешла

¹⁾ Къ Подлясью мы причисляемъ и надвислянскую Русь (восточная часть сѣдлец. губ.) См. въ образцахъ малорус. говоровъ: „Сѣдлецкія разнорѣчія“.

²⁾ Ипатс. сп. 54, 108, 114.

потомъ къ князьямъ волинскимъ и галицкимъ. Подъ 1276 г. разсказываетъ волинскій лѣтописецъ, что „*Владимиръ Васильковичъ нача собѣ думати, абы где за Брестемъ поставити городъ.... нача искати мѣсти подобна*“ и построилъ на р. Мстѣ Каменецъ. „*Си же земля опустѣла*, прибавляетъ лѣтописецъ, „*по 80 лѣтехъ по Романъ*“¹⁾. А опустѣла она въ слѣдствіе походовъ галицкихъ и волинскихъ князей на литовцевъ и ятвяговъ, которыхъ русскіе князья заставляли расчищать земли подъ пашню и строить города, какъ опорные пункты колонизаціи въ тѣхъ частяхъ Подлясья, которыя граничили съ ятвяжскими поселеніями. Во второй половинѣ XII в. ятвяговъ не стало въ Подлясьи: они не устояли противъ напора русскихъ силъ, направленныхъ на это воинственное племя могущественнымъ Даниломъ галицкимъ (самый опустошительный походъ его былъ четвертый въ 1256 г.). Окончательное пораженіе ятвягамъ нанесъ Болеславъ Стыдливый (1264). Съ этого времени начались переселенія ятвяговъ въ Судавно, гдѣ они были истреблены тевтонскими рыцарями. Другіе ятвяги обратились въ литовскую Русь, гдѣ они смѣшались съ туземцами. Въ Подлясьи осталась горсть ятвяговъ только въ пуцахъ и дѣбряхъ. Тогда-то (въ концѣ XIII в.) снова направилась сюда русская колонизація, для защиты которой построенъ былъ, между прочимъ, Каменецъ; въ это же время началось заселеніе Подлясья съ запада мазурами. Впрочемъ, неприютный край, покрытый лѣсами и болотами, мало представлялъ удобствъ жизни, тѣмъ болѣе, что въ теченіе всего XIV в. Подлясье, вмѣстѣ съ сосѣдними землями между Припетью и Нѣманомъ, было театромъ постоянныхъ военныхъ дѣйствій между литвою и нѣмцами. Къ этому нужно прибавить борьбу литовскихъ князей съ Польшей и Мазовіей (походы Витевеса (1283—1315) въ Польшу чрезъ Подлясье и борьба съ нимъ Ягелла (1383), борьба Ягелла съ Кейстутомъ и Витольда съ Ягелломъ)²⁾. Города сожигались, жители уводились въ неволю. Только со времени Грюнвальдской битвы (1410) съ тевтонскимъ орденомъ борьба прекратилась, и Подлясье отдохнуло. Въ третій разъ оно начало заселяться, какъ съ юга и востока русскими, такъ и съ запада мазурами. Города отстраивались и улучшались, потому что Витольдъ давалъ широкія привилегіи горожанамъ. Тор-

¹⁾ Ипатс. сп. 577. 578.

²⁾ Starozyt. Polsk. I, 70—90.

говля шла съ юга по Днѣпру чрезъ Припеть: за мѣха и кожи жители получали соль, мыло, перецъ, желѣзные орудія ¹⁾). Въ теченіе XV в. утвердилась въ Подлясьи шляхта, а къ концу этого вѣка сельское сословіе было уже закрѣпощено. Съ этого времени исторія Подлясьи не представляетъ для насъ интереса по отношенію къ занимающему насъ вопросу о языкѣ обитателей этого края ²⁾).

Мы видѣли, что прежде чѣмъ явились въ Подлясьи русскіе колонисты, тамъ жило уже славянское племя, языкъ котораго легъ въ основаніе подлясскихъ разнорѣчій, племя, родственное сосѣднимъ дреговичамъ и бужанамъ, такъ какъ въ подлясскихъ разнорѣчіяхъ нѣтъ органическихъ слѣдовъ западно-славянскаго происхожденія, есть только внѣшнія, позднѣйшія вліянія. Затѣмъ, въ кievско-галицкую эпоху въ языкъ древнѣйшихъ туземцевъ постепенно вносилась примѣсь южно-русскихъ элементовъ, которые въ то время не утратили еще первобытныхъ оттѣнковъ. Съ паденіемъ южной Руси активная роль кievскихъ и галицкихъ колонистовъ въ Подлясьи окончилась. Событія падали на мѣстное населеніе, такъ сказать, совнѣ, а не по его инициативѣ, и потому не возбуждали самодѣятельности народнаго духа. Много разъ край былъ разоряемъ, но старое населеніе не пропадало безслѣдно. Остатки его, по прошествіи грозы, снова занимали родныя мѣста: являлась новая примѣсь изъ новыхъ пришельцевъ, которая входила въ соединеніе съ однородными элементами прежняго населенія. Затѣмъ наступало новое разореніе края и новый приливъ населенія. Такъ повторялась нѣсколько разъ одна и та же исторія безъ существенныхъ измѣненій: на одинъ слой населенія внѣшнимъ образомъ налегалъ другой, и при томъ такъ, что, рядомъ съ позднѣйшимъ, оставались слои болѣе древніе, не исключая и самыхъ древнихъ. Вотъ почему въ подлясскихъ разнорѣчіяхъ

¹⁾ Матер. генер. штаба. Гродн. губ. I, 70—80.

²⁾ Главнымъ городомъ подляскаго воеводства, которое было образовано въ 1520 г., былъ Дорогичинъ. Въ составъ этого воеводства входили также города: Гродно, Слонимъ, Волковискъ, Кобринъ, Мельникъ, Бѣльскъ, Бряискъ, Суражъ. Послѣ люблинской уніи (1569 г.) часть Подлясьи вошла въ составъ новаго воеводства Врестскаго, а другая часть въ новомъ составѣ присоединена къ Польшѣ. Простой народъ Подлясьемъ называетъ собственно уѣзды Бѣльскій, Бѣлостокскій и Сокольскій (Матер. генер. штаба. Гродн. губ. т. I, 84).

мы видимъ такое поразительное разнообразіе: они заключаютъ на сравнительно небольшомъ пространствѣ гродненской и сѣдлецкой губерній всѣ отгѣнки малорусскихъ говоровъ, разбросанные отъ самаго крайняго востока до предѣловъ южнорусскаго племени въ угорской Руси. Вогь почему, съ другой стороны, не затерялись въ подляскихъ разнорѣчіяхъ слѣды глубокой древности.

Мѣстности, въ которыхъ распространены другія разнорѣчія сѣвернаго малорусскаго говора тянутся, съ одной стороны, по теченію Десны (черниговскія разнорѣчія), съ другой стороны, по теченію Припечи въ сѣверной части кievской и волинской губерній и въ южной части минской (полѣсскія разнорѣчія). Кіевъ стоитъ въ южномъ центрѣ этихъ мѣстностей, представляя для нихъ точку соединенія съ самыхъ первыхъ временъ русской исторіи. Если вспомнимъ при этомъ, что южной границей кievскаго княжества при Ярославѣ I и Владиміръ Мономахѣ были поросскіе города, что южнорусское населеніе въ кievскую эпоху, стѣсненное съ юга сперва печенѣгами, потомъ половцами, направлялось къ сѣверозападу и сѣверу, что, наконецъ, въ древнемъ говорѣ южной Руси больше было тѣхъ элементовъ, которые мы теперь называемъ архаизмами и которые донинѣ слышатся недалеко отъ Кіева, то получимъ возможность сдѣлать весьма вѣроятный выводъ о звуковомъ строѣ древне-кievской рѣчи въ домолгольскій періодъ. Она изобиловала, вообще говоря, архаическими особенностями малорусскаго типа, въ послѣдствіи вытѣсненными развитіемъ украинскаго говора. Чѣмъ ближе къ западу, къ древней странѣ дульбовъ и хорватовъ, тѣмъ меньше было этихъ особенностей. Съ перенесеніемъ центра южнорусской жизни изъ Кіева во Владиміръ и Галичь, населеніе кievской земли не обнаруживало энергии прежнихъ временъ, оставаясь болынею частью пассивнымъ зрителемъ событій. За то на Волини въ XIII в. замѣтно оживленіе народнаго духа, выразившееся не только въ блестящихъ княженіяхъ Романа и Данила, но и въ литературномъ памятникѣ того времени—Волинской лѣтописи. Въ эпоху сложенія этой лѣтописи, безъ сомнѣнія, существовали уже галицкія и волинскія разнорѣчія. Объ этомъ мы можемъ судить по переводу поученій Ефрема Сирина—рукописи конца XIII в., составленной для волинскаго князя Володиміра Васильковича.

Въ XIV в. наступило для Волинской и Галицкой земли трудное время. Гроза татарскаго нашествія, нѣсколько сдержаннаго бла-

горазумною политикою Данила, не переставала мрачною тѣнью лежать надъ красмъ, задерживая его матеріальное и умственное процвѣтаніе. Преемники Данила стояли еще въ зависимости отъ татаръ, постоянно откупаясь отъ нихъ подарками, которые не всегда предохраняли отъ татарскихъ набѣговъ. Между тѣмъ съ сѣвера надвигались на югъ и на югозападъ грозныя силы литовцевъ. Наконецъ, съ смертію Юрія II (1337 г.), который называлъ себя „dux totius Russiae minoris“¹⁾, Малая Русь не въ состояніи была дать отпоръ завоевательнымъ стремленіямъ Казимира Великаго, который въ 1340 г. овладѣлъ Львовомъ. Нѣсколько раньше того (1337) Волинской землей овладѣлъ Любартъ, сынъ Гедимина, женатый на дочери Юрія II. Югозападная Русь, окруженная со всѣхъ сторонъ враждебными народами, потеряла свою самостоятельность: часть ея отошла къ Польшѣ, другая къ Литвѣ, третья, юговосточная, простиралась широкою пустыней по направленію къ татарскимъ кочевьямъ. Въ теченіе цѣлаго вѣка, съ половины XIV до половины XV в., всѣ эти земли постоянно переходили изъ рукъ въ руки, а населеніе ихъ растрачивало свои силы въ непроизводительной борьбѣ подъ чужими знаменами. Единственный слѣдъ самостоятельности оно обнаруживало въ томъ, что не совсѣмъ пассивно относилось къ выбору между литовской и польской стороною. Не было мысли о сверженіи чуждаго ига, а было только желаніе воспользоваться при данныхъ условіяхъ лучшимъ положеніемъ. Вокругъ Свидригайла образовалась сепаративная оппозиція, упорно защищавшая права Литвы на древнія русскія земли. Къ этой оппозиціи пристали многіе князья русскіе, между которыми выдвигались своей энергіей и дѣятельностью Ѳедько Острожскій въ Подольской землѣ и Александръ Носъ въ Волинской²⁾. Правда, это было движеніе болѣе княжеское, чѣмъ народное, но тѣмъ не менѣе оно производилось не одними силами литовцевъ. Походженія Свидригайла, смѣлаго авантюриста того смутнаго времени, объясняются, главнымъ образомъ, популярностью этого князя между русинами, стоявшими на противоположныхъ концахъ феодальной лѣстницы. Высшая русско-литовская аристократія боялась въ то время шляхетской равноправности, а для крестьянскаго сословія феодальный порядокъ вещей, введенный Литвою, безъ всякаго

¹⁾ Зубриц. Ктирико-историч. нов. 65.

²⁾ Шарап. Ист. Галицко-Влад. Руси 374.

сомнѣнія, былъ выгодые шляхетско-помѣщичьяго порядка, грозившаго изъ глубины Польши проникнуть и въ русскія земли. Только низшіе ряды литовскаго дворянства могли быть равнодушны къ шляхетскимъ правамъ, которые уравнивали всѣ слои дворянства. Большинство русскаго населенія стояло за Свидригайла, какъ защитника правъ Литвы.

Галицкая Русь, во весь періодъ войнъ Свидригайла, является въ мѣнѣ активной роли, чѣмъ Волинь. Но движеніе въ пользу Свидригайла было и здѣсь.

Натянутыя отношенія между Литвой и Польшей не окончились со смертію Свидригайла, но Волинь съ того времени не играетъ уже такой роли, какъ прежде. Произошелъ окончательный раздѣлъ галицко-владимірской Руси, и Волинь скоро утратила всякую тѣнь самостоятельности, перемѣнивъ старинное имя владимірскаго княжества на воеводство владимірское. Та же участь постигла и Галицкую Русь. Пока длилась борьба изъ-за нея между Литвой и Польшей (при Владиславѣ Опольскомъ, Людовикѣ Венгерскомъ и дочери его Маріи), пока силы Свидригайла не истощились окончательно, польскіе порядки не могли утвердиться въ Галиціи. Только въ 1432 г. земля Галицкая была устроена по примѣру прочихъ провинцій Польши и переименована въ воеводство русское (на сѣздѣ въ Единѣ). Съ этого времени колонизація поляковъ въ Галиціи усиливается, и литовско-русское право мало-по-малу уступаетъ свое мѣсто шляхетско-польскому.

Болѣе столѣтія длилось еще переходное положеніе русскихъ земель, раздѣленныхъ между Литвой и Польшей. Медленно и настойчиво готовилась люблинская унія (1569 г.), но она была еще далеко. Долго еще нужно было бросать въ русскую почву сѣмена шляхетской полноправности и крестьянской безправности. Земли раздавались на правахъ смѣшанных—огчасти на правѣ литовскомъ, но съ преобладаніемъ польскаго права, которое снимало съ дѣдичей всякія другія повинности въ отношеніи къ королю, кромѣ военной. Населеніе не было еще закрѣпощено окончательно: благодаря огромному количеству пустошей, оно привлекаемо было на новыя селитбы дарованіемъ различныхъ льготъ,—хотя постепенно права крестьянъ стѣснялись въ пользу помѣщичьей власти: ограничивалось старинное право общиннаго самосуда, а также имущественная правоспособность крестьянъ.

¹⁾ См. Исторію Богдана Рогатине. у Шаран. 352—367.

Цѣлыми толпами они переходили съ мѣста на мѣсто, рассчитывая найти лучшія условія жизни и не сознавая, что всюду, на всемъ пространствѣ Литовской Руси, настойчиво измѣнялся складъ общественныхъ отношеній. Большинство частью переселенцы спѣшили на западъ, въ далекія степи, раскинутыя надъ Днѣпромъ, мѣняя безпокойное соудство съ татарами на домашнюю неволю. Другія толпы, гонимыя татарскими полчищами, устремлялись съ востока и юговостока на западъ. На всемъ лежала печать неустройства и незаконченности, всюду господствовала разнохарактерная смѣсь понятій и интересовъ. Старыя основы жизни были подорваны, новыя—не успѣли пустить глубокихъ корней, народная оппозиція не успѣла еще окрѣпнуть. Таковъ былъ характеръ времени въ исходѣ XV в., накануне козацкаго движенія.

Теперь намъ легко понять, отчего въ теченіе XIV и XV в. приостановилось въ южной Руси всякое литературное движеніе, начатое еще въ кievскую эпоху и не заглушенное даже въ XIII в., среди опасностей и невзгодъ монгольскаго нашествія. Не о чемъ было писать и некому было писать. Мелкія подробности жизни, которымъ не подведены были еще итоги, запутанныя отношенія юридическаго права—все это такія темы, которыя не могли вызвать внутренней работы духа, ищущаго своего выраженія въ словѣ. Предъ глазами не было ясно сознаннаго идеала, не было самостоятельно выработанной лучшей нормы общественныхъ отношеній: сама жизнь не давала никакихъ литературныхъ возбужденій. Однѣ только формальныя стороны ея отражались въ актахъ и грамотахъ, но это, конечно, не то, что литературные памятники, выражающіе настроеніе народныхъ массъ или ихъ представителей. Эти послѣдніе одинъ за другимъ переходили въ чужой лагерь, оставляя народъ въ положеніи непросвѣщенной и безправной массы.

Извѣстно, что завоеватели литовцы подчинились влиянію русской образованности, процвѣтавшей въ лучшія времена на кievскомъ югѣ. Самъ Ягайло говорилъ только порусски, до временъ Сигизмунда Августа въ Литвѣ господствовалъ русскій языкъ¹⁾, поэтому и языкъ актовъ—русскій. Но это не есть цѣльный языкъ съ основными чертами одного какаго нибудь нарѣчія, а діалектическая смѣсь особенностей южнорусскихъ и бѣлорусскихъ съ огромною примѣсью канцелярскаго,

¹⁾ Образ. Litwy II, 121.

однообразной фразеологии. По нашему наблюдению, бѣлорусские элементы рѣзче выступаютъ въ XV в., малорусскихъ больше въ XIV в., не смотря на сравнительно меньшее количество дошедшихъ до насъ актовъ XIV в. Мы видѣли въ актахъ этого времени а) широкое развитіе вмѣсто основнаго *и* звука *ы*, б) дальнѣйшее видоизмѣненіе древне-малорусскихъ дифтонговъ *уо*, *юо* въ *у*, *ю*, в) замѣну стяженныхъ гласныхъ *у* и *ю* посредствомъ *і* (*и*). Первая черта и донинѣ сохранилась, какъ въ волынскихъ разнорѣчіяхъ, такъ и въ галицкомъ говорѣ. Мы считаемъ ее одною изъ характеристическихъ примѣтъ средней стадіи въ развитіи малорусскаго нарѣчія. Ея вовсе нѣтъ въ украинскомъ говорѣ, гдѣ основное *и* смѣшалось съ основнымъ *ы* въ среднее *и*; слабо она развита также и въ древнемъ малорусскомъ говорѣ, гдѣ основное *и* большею частію выдержано. Такимъ образомъ, видоизмѣненія основнаго *и* въ трехъ малорусскихъ говорахъ представляютъ три ступени въ историческомъ развитіи всего малорусскаго нарѣчія. Другая звуковая особенность, встрѣчающаяся въ актахъ XIV—XV в., т. е. *у*, *ю* изъ *о*, *е* и донинѣ господствуетъ въ тѣхъ древнихъ малорусскихъ разнорѣчіяхъ, которыя представляютъ переходъ отъ *уо*, *юо* къ *и* и *і*. Замѣчательно, что она сохранилась не только въ черниговскихъ и полѣвскихъ разнорѣчіяхъ, но и въ одномъ изъ галицкихъ, именно въ угорской Руси: *пудковки*, *пуд* (*нодь*), *муі*, *запузныася*, *вучмы* и проч. Есть также и *и*, *і* вм. *у*: *силь*, *д'ім л'ги*: въ послѣднемъ случаѣ, какъ въ украинскомъ говорѣ, *і* не смягчаетъ предшествующаго согласнаго. Послѣ гортанныхъ это *і* звучитъ совершенно твердо, какъ *и*: *ыркый*, *кырка* ¹⁾). Такъ какъ трудно предположить, чтобы когда нибудь существовали непосредственныя сообщенія между угорскою Русью и областью черниговскихъ, а также полѣвскихъ разнорѣчій, то, очевидно, *у*, *ю* изъ *о*, *е* были когда-то звуками болѣе распространенными и въ другихъ галицкихъ разнорѣчіяхъ и притомъ не заимствованными, а самостоятельно развившимися изъ самихъ же этихъ разнорѣчій. Дѣйствительно, многіе акты XIV в., въ которыхъ встрѣчаются *у*, *ю* въ извѣстныхъ случаяхъ, написаны въ Галиціи, слѣдовательно, второю особенностію средней стадіи въ развитіи малорусскаго нарѣчія можно считать *у*, *ю* изъ *о*, *е*. Наконецъ, рядомъ съ *у*, *ю*, въ актахъ одинаковой древности встрѣчается

¹⁾ Вѣстн. географ. общ. 1852 I, ст. Срезн. о географ. рус. яз.—Зал. географ. общ. т. I, 687, 693, 699.

уже *i* (*и*). Въ волинскихъ разнорѣчьяхъ это *i* и до настоящаго времени звучитъ шире, чѣмъ украинс. *i*, близко къ среднему *и*: *иич*, *иий*, *иолиовонька*. Это волинское *и* предшествовало украинскому *i*, которое въ галицкомъ говорѣ смѣшалось съ *i* изъ *e*, *ь*. Въ своемъ мѣстѣ мы приводили основанія, по которымъ можно относить *i* изъ *o*, *e* не только къ XIV в., когда оно явилось даже въ письменныхъ памятникахъ, но и къ временамъ болѣе отдаленнымъ. Оно вполне установилось въ украинскомъ и галицкомъ говорѣ позже, составляя примѣту третьей стадіи въ развитіи малорусскаго нарѣчія, возникло же въ устахъ народа, безъ сомнѣнія, раньше, чѣмъ появилось въ письменности.

Итакъ, волинскія разнорѣчія носятъ на себѣ печать средней малорусской эпохи. Отдѣляя ее отъ древней и отъ болѣе поздней эпохи, мы вовсе не желаемъ устанавливать строго размежеванныхъ границъ, въ предѣлахъ которыхъ имѣетъ мѣсто исключительно тотъ, а не другой порядокъ звуковыхъ явленій. Языкъ, какъ и все живое, не допускаетъ въ своей исторіи ничего подобнаго: моменты его развитія незамѣтными тѣнями сливаются одинъ съ другимъ, представляя вмѣстѣ съ древнѣйшими чертами господствующія и тутъ же рядомъ едва только зарождающіяся. Вотъ эти - то господствующія черты и служатъ для насъ руководящею нитью для опредѣленія древней, средней и новой эпохи въ развитіи малорусскаго нарѣчія. Повято, что, говоря о господствующихъ чертахъ, мы разумѣемъ немногія. Къ такимъ немногимъ чертамъ мы относимъ двѣ волинскія примѣты нынѣ сохранившіяся: а) *ы* вм. основнаго *и*. б) среднее *и*, а не *i* изъ *o*, какъ въ говорѣ украинскомъ и галицкомъ.

Что же такое этотъ послѣдній говоръ въ общемъ развитіи малорусскаго нарѣчія? Съ одной стороны, не имѣя средняго украинскаго *и*, онъ близокъ къ волинскимъ разнорѣчіямъ (средняя стадія), съ другой стороны, близокъ къ украинскому говору, представляя *i* изъ *o*, *e* (новая стадія), а смѣшеніе *i* изъ *o* съ *i* изъ *e* имѣетъ такой видъ, что галицкій говоръ пошелъ дальше украинскаго.

Нѣтъ сомнѣнія, что юга въ галицкомъ *i* изъ *o* явилась позже въ качествѣ паразитнаго звука, смягчающаго предшествующій согласный звукъ. Зато другія черты галицкаго вокализма положительно древнѣе украинскихъ: такова, напр., мягкость шипящихъ согласныхъ, широко распространенная въ древнѣйшихъ памятникахъ русской пись-

менности. Появленіе изъ *я* и послѣ шипящихъ изъ *а* звука *э* есть уже дальѣйшее перегласованіе *а* подъ вліяніемъ предшествующихъ мягкихъ согласныхъ, особенность, вовсе не развитая въ украинскомъ говорѣ. Въ письменныхъ памятникахъ мы не встрѣчаемъ ее, хотя она могла образоваться въ давнее время—непосредственно изъ *я* послѣ мягкихъ согласныхъ. Мы указываемъ на тѣ звуковые архаизмы, которые относятся собственно къ основному галицкому разнорѣчію (подгорскому), не касаясь разнорѣчій гудульскаго, лемковскаго, угорскаго. Въ этомъ послѣднемъ, какъ мы видѣли, сохранились ясныя примѣты древняго звуковаго строя. Вообще въ горскихъ разнорѣчіяхъ очень много архаизмовъ, преимущественно морфологическихъ: такъ, у гуцуловъ и угорскихъ русиновъ прошедшее описательное образуется при помощи старинной формы *бых*: *шовъ быхъ за овцями*; у верховищевъ (бойковъ) существуетъ старинный творит. пад. множ. ч. *йіде з дровы, з волю*. Этого рода архаизмы сохранились даже въ позднѣйшемъ галицкомъ разнорѣчій (подгорскомъ): такъ, во всей Галиціи распространено отдѣленіе мѣстоименія *ся* отъ глагола (*ся бою*), энклитическія формы мѣстоименій: *ми, ти, си* и т. под. Тѣ же формы встрѣчаются даже въ болѣе позднемъ—подольскомъ разнорѣчій, которое въ фонетическомъ отношеніи подчинилось уже украинскому говору, хотя по основнымъ чертамъ (особенно морфологическимъ) относится къ галицкому говору. Такимъ образомъ, въ галицкомъ говорѣ есть слои болѣе древніе и позднѣйшіе, точно такъ же, какъ они существуютъ и въ украинскомъ говорѣ, если будемъ сравнивать этотъ послѣдній съ волынскими разнорѣчіями, которые относятся къ украинскому говору. Изъ всего этого мы заключаемъ, что оба говора, какъ украинскій, такъ и галицкій, развивались независимо другъ отъ друга изъ общихъ, древнѣйшихъ основъ, которые до сихъ поръ сохранились по окраинамъ малорусскаго парѣчія, составляя особенный, древне-малорусскій говоръ. Сравнительно съ этимъ послѣднимъ, говоры украинскій и галицкій—болѣе поздніе. Каждый изъ нихъ хранитъ въ себѣ слѣды средней эпохи малорусскаго звуковаго строя, но такъ, что въ украинскомъ говорѣ ихъ меньше, чѣмъ въ говорѣ галицкомъ, который задержалъ очень древнія особенности не только фонетическія, но и морфологическія. Если мы вспомнимъ при этомъ, что Галиція не была главной сценой малорусской исторіи, то для насъ сдѣлается совершенно понятнымъ, почему галицкій говоръ не утратилъ нѣкоторыхъ старинныхъ особенностей, утраченныхъ въ украинскомъ говорѣ.

Намъ нужно еще прослѣдить племенной составъ современнаго намъ украинскаго населенія для того, чтобы уяснить для себя происхожденіе украинскаго говора.

Народная память сохранила преданіе о разореніи Кіева Батыемъ, отмѣтивъ это время выразительнымъ словомъ: *мхолитте* ¹⁾. Изъ вѣка въ вѣкъ тянулось татарское *мхолитте* до послѣднихъ временъ козацкой исторіи, но, вѣроятно, первые удары татарскаго нашествія для всего Поднѣпровья были очень тяжелы, если до нашего времени не исчезло воспоминаніе о первомъ *мхолитте*. Въ извѣстіяхъ лѣтописи объ этомъ страшномъ времени можно замѣтить нѣсколько преувеличенный, гиперболическій тонъ, павѣянный всеобщей паникой ²⁾, но время, въ самомъ дѣлѣ, было страшное, хоть бы потому уже самому, что свидѣтелями его овладѣла паника. Подъ первымъ впечатлѣніемъ татарскаго погрома, дѣйствительно, люди разбѣгались. Такъ, Дапцель видѣлъ въ синеволодскомъ монастырѣ „множество бѣжащихъ отъ безбожныхъ татаръ“ ³⁾. Преданіе рассказываетъ, что почасевская лавра основана бѣжавшими печерскими иноками въ это же время ⁴⁾. Въ воскресенской лѣтописи сказано, что бѣжали отъ татаръ люди въ „дальнія страны“ ⁵⁾.

Но Поднѣпровье не могло долго оставаться пустыней: оно изобиловало всѣми дарами природы; въ немъ было много дорогихъ преданій для разбѣжавшагося населенія,—и вотъ, какъ только буря стихла, люди собираются на старыя пепелища. Съ Михаиломъ возвратились въ Кіевъ „люди“ и „еже бѣху разбѣлися на чужей земли, приидоша на свою землю“ ⁶⁾. Конечно, далеко не *все* приидоша: многіе остались въ мѣстахъ, болѣе защищенныхъ отъ татаръ. Возвратились тѣ, которымъ почему-либо дорога была родная земля. На первыхъ порахъ это было скудное населеніе, лишенное всякой силы, всякихъ сколько нибудь организованныхъ средствъ для борьбы съ татарами. Оно, видимо, мирилось съ своею судьбой, довольствуясь тѣмъ, что та-

¹⁾ Историч. Чѣни малорус. нар. I. 50.

²⁾ Пис. Макс. къ Погод. Рус. бес. 25—26.

³⁾ Ипатс. лѣт. 523.

⁴⁾ Дашк. Княж. Дан. гал. 84—85.

⁵⁾ Ibid.

⁶⁾ Ibid.

таре появлялись только лишь въ видѣ незваныхъ гостей, отъ времени до времени. Но полагать надобно, что оно хорошо понимало свои интересы и находило власть татарскихъ баскаковъ для себя болѣе выгодной, чѣмъ княжескую власть. По крайней мѣрѣ, положительно извѣстно, что Даниилъ долженъ былъ силою подчинить своей власти жителей старинныхъ городовъ Кіевской земли: Взвягли, Черныгина, Сѣмоца, городовъ по Тетереву и вообще всего Побужья и Поднѣпровья. Это противодѣйствіе объясняется тѣмъ, что татаре не вмѣшивались во внутреннюю жизнь народныхъ общинъ, которыя предпочитали татарское насилие насилію домашнему. Такъ, въ степяхъ Поднѣпровья, въ виду грознаго врага, закладывались основы новой жизни на старыхъ началахъ вѣчевой свободы, которая долгое время не была гарантирована ничѣмъ, кромѣ дани (татарщины). Мало-по-малу возрастало новое поколѣніе, для котораго народное самоуправленіе, безъ всякаго вмѣшательства княжеской власти, становилось погребностію жизни, а татарскіе набѣги казались уже менѣе страшными, потому что отъ нихъ можно было отбиться вооруженною рукою. Народнымъ общинамъ на кіевскомъ югѣ не доставало только внутренней организаціи. Въ первой половинѣ XIV в. и этотъ недостатокъ былъ устранивъ, когда въ Кіевской землѣ появились въ качествѣ завоевателей литовцы.

Нужно было такъ случиться, что новые завоеватели южнорусской земли сами поставлены были въ необходимость поддерживать и развивать въ пей военныя силы для борьбы съ крестоносцами, которые тѣснили литовское племя съ сѣвера. Право землевладѣнія литовскіе князья раздавали не только дружинникамъ, но и *свободнымъ землевладѣльцамъ*, а также *городскимъ* и *сельскимъ общинамъ* съ обязательствомъ военной службы, соразмѣрной съ количествомъ пожалованной земли ¹⁾. Для насъ особенно важно то обстоятельство, что въ феодальной іерархіи, введенной литовцами, не позабыты были *свободные землевладѣльцы* вмѣстѣ съ *городскими* и *сельскими общинами*: эти послѣднія не переставали владѣть своими старинными землями, пользуясь правомъ вѣчеваго самоуправленія, котораго не коснулись, какъ извѣстно, и татаре. Такимъ образомъ, древній духъ вѣчевой свободы не угасалъ при смѣнѣ однихъ завоевателей другими. На Волини и По-

¹⁾ Антон. Исслѣд. о крестьян. югов. Р. 3—10.

лѣси, гдѣ преобладало дворянское сословіе, общипное землевладѣніе было слабо развито ¹⁾. Напротивъ того, въ Поддѣпровьи общипны пользовались значительною самостоятельностью ²⁾, отплачивая за это исполненіемъ военной службы, которая поддерживала въ населеніи бодрый духъ увѣренности въ собственныхъ силахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ привычку не полагаться на чужія силы. Удаленныя отъ центра княжеской власти и предоставленныя самимъ себѣ, народныя общипны степной Украины приготовлялись выступить съ мужественной защитой своихъ правъ, которыя, по мѣрѣ сближенія Литвы съ Польшею, становились болѣе и болѣе шаткими.

Нельзя упускать изъ виду еще одного обстоятельства, которымъ сопровождалось литовское завоеваніе обширныхъ южнорусскихъ земель. Только съ того времени, когда появились въ нихъ литовцы, начало мало-по-малу измѣняться направленіе южнорусской колонизации не съ юга на сѣверъ, какъ было прежде, а съ сѣвера на югъ. Уже въ XIV в. произошло событіе, которое было вѣстникомъ возрожденія южной Руси. Мы разумѣемъ побѣду, одержанную Ольгердомъ надъ татарами при Синихъ водахъ въ 1363 г. ³⁾ Ольгердъ преслѣдовалъ татаръ въ степяхъ, куда давно уже не проникало русское оружіе, и взялъ Херсонъ. Съ того времени крымская орда зависѣла отъ князей литовскихъ, которые около двухъ вѣковъ имѣли вліяніе на смѣну и выборъ хановъ ⁴⁾. Побѣда надъ татарами одержана была, конечно, не одними силами русскими: активной силой было въ ней литовское племя въ лицѣ своего даровитаго вождя, тѣмъ не менѣе послѣдствія ея для южной Руси были очень важныя. Какъ только пріобрѣтена была увѣренность, что татаръ не только можно отражать отъ своихъ жилищъ, но и побѣждать въ ихъ собственныхъ обиталищахъ, тотчасъ должно было явиться желаніе проникнуть дальше въ глубь степей съ тѣмъ, чтобы или населить новыя, никѣмъ не занятыя земли, или овладѣть землями, платившими дань татарамъ. Непосредственнымъ слѣдствіемъ

¹⁾ Антон. Исслѣд. о город. въ югозап. Р. 7.

²⁾ Ibid.

³⁾ Синія воды—рѣка, отдѣляющая бывшее воеводство Брацлавское отъ козаковъ запорожскихъ (Synow. Gedim. Stadn. прим. 57), можетъ быть, теперешняя Синюха, впадающая въ Бугъ на границѣ Херсон. и Пол. губ.

⁴⁾ Starozytn. Pols. III, 73.

Синеводской побѣды было занятіе Подольской земли братьями Коріатовичами (Юріемъ, Александромъ, Константиномъ и Осдоромъ). Подольская земля управлялась татарами посредствомъ атамановъ, которые собирали для нихъ дань. Братья Коріатовичи, съ согласія Ольгерда, вступили въ соглашеніе съ атаманами, построили нѣсколько укрѣпленій и начали защищать Подолье отъ татаръ ¹⁾. Съ этого времени быстро подвигалась литовская колонизація въ опустошенныя татарами области русскія. Толпы колонистовъ направлялись изъ сѣверныхъ областей литовскихъ (отчиной Коріатовичей былъ Новогрудокъ литовскій), смѣшивались съ прежнимъ населеніемъ Украины и шли дальше по направленію къ татарскимъ границамъ. Къ стариннымъ обитателямъ степной Украины приливали такимъ образомъ новыя силы, которыя, благодаря литовской военной организаціи, постепенно раздвигали предѣлы литовскихъ владѣній. Ко второй половинѣ XV в. литовская Русь упиралась уже въ Черное море между Днѣстромъ, Бугомъ и Днѣпромъ, затѣмъ, начиная отъ Тавани, граница ея шла вверхъ, а оттуда на востокъ, до Донца. Татары начали возвращаться къ быту пастушескому, а при Девлетъ - Гирей появились среди нихъ даже задатки гражданскихъ стремленій, которыя ничѣмъ не грозили въ будущемъ южнорусскому населенію степей ²⁾.

Все измѣнилось съ того времени, какъ турки завоевали Константинополь (1453), и татары приняли магометанство, сдѣлавшись данниками султана. Съ энергіей неофитовъ, подъ предводительствомъ воинственнаго Менгли-Гирея, они устремились на оставленныя ими земли и отбросили русско-литовскія силы назадъ. Скоро Хмельницъ и Винница сдѣлались форпостами, не безопасными отъ татаръ, дерзость которыхъ дошла до того, что въ 1482 г. Менгли-Гирей сжегъ Кіевъ, разграбилъ печерскій монастырь и погналъ кіевлянъ въ неволю. Татары проникли даже въ глубь Литвы: въ лѣтописи Быховца есть извѣстія объ опустошительныхъ набѣгахъ татаръ на лѣвой сторонѣ Припечи (1502, 1503, 1507 годы) ³⁾. Изъ реляціи Претвича, старосты замка Бара, видно, что не только на мѣстахъ, пограничныхъ съ Капневомъ, Черкасами и Бѣлой-церковью лежали пустыни, но даже около

¹⁾ Kron. Danilow. 49. Kron. Bychow. 19.

²⁾ Правда 1868.

³⁾ Kron. Litews. 72, 74, 75, 76.

Львова, къ Люблину и Черемышлю ¹⁾). Тогда-то, на смѣну прежней колонизаціи, которая велась соединенными силами народа и дворянства литовской Руси, выступила чисто народная колонизація. Въ началѣ XVI в. отъ Кіева внизъ по Днѣпру, а также по направленію къ Галичу, потянулась сторожевая линия, готовая помѣряться силами съ татарами. Она образовалась изъ мѣстнаго населенія, давно знакомаго съ опасностями боевой жизни. Это было *южнорусское козачество* ²⁾).

Такъ появилась на мѣсто княжеской Руси, погибшей съ паденіемъ Кіева, козацкая Русь, которая соединила въ себѣ вѣчевыя начала кіевской эпохи съ военной организаціей литовской эпохи. Какъ разъ къ этому времени начали появляться зловѣщіе признаки люблинской уни. Польша сломилась, наконецъ, литовское упорство и, въ союзѣ съ литовско-русскимъ дворянствомъ, употребляла всевозможныя усилія для того, чтобы прикрѣпить крестьянъ къ землѣ. Мы не будемъ исчислять тягостей крестьянскаго быта, наступившихъ вмѣстѣ съ торжествомъ польскихъ порядковъ въ южнорусскихъ земляхъ; ограничимся только общимъ замѣчаніемъ, что, съ появленіемъ козачества, крестьяне получили возможность фактически противодѣйствовать насилію помѣщиковъ не только бѣгствомъ въ козацкія дружины, но и вооруженной борьбой съ своими пригнѣбителями. Скоро завязалась эта кровавая борьба, о которой намъ нѣтъ надобности здѣсь рассказывать. Довольно для насъ вспомнить только, что главной сценой этой борьбы было Поддѣпровье, куда постоянно направлялись огромныя массы народа изъ Подлясской, Волинской и Галицкой земли. Составъ населенія правобережной Украины постоянно измѣнялся, особенно пачиная съ XVII в. По мѣрѣ того, какъ разгоралась борьба съ Польшей, дѣльця тысячи правобережныхъ жителей переселялись въ лѣвобережную Украину. Лучшимъ убѣжищемъ для нихъ были степи къ востоку отъ Днѣпра (въ Курск. и Воронежск. губ.). Русское правительство охотно давало земли убѣгавшимъ козакамъ, а въ послѣдствіи образовало изъ нихъ новое пограничное войско (слободскіе полки). Наступило печальное

¹⁾ Правда 1868. Кул. Ист. Укр. 117.

²⁾ Въ первый разъ упоминается о козакахъ въ 1499 г. въ грамотѣ Александра кіевскимъ мѣщанамъ, которыхъ онъ увольняетъ отъ мыта съ тѣмъ, чтобы мыто платили *козаки*, которые привозятъ рыбу.

время великой руины, когда на правомъ берегу Днѣпра путешественникъ современникъ видѣлъ „на розныхъ мѣстахъ много костей человѣческихъ, сухихъ и нагихъ, тилько небо покровъ себѣ имущихъ“, и поболѣлъ онъ сердцемъ и душею „яко красная и всякими благами прѣже изобиловавшая земля и отчизна наша Украинно-малороссійская во область пустынь Богомъ оставленна и насельницы ея, славные предки наши, безвѣстни явишася“¹⁾. Въ XVIII в. на этой рuinѣ явилось новое поселеніе изъ смѣси оставшихся жителей съ новыми выходцами, которые не нашли въ лѣвобережной Украинѣ того, чего искали, или же бѣжали старыми, знакомыми путями изъ внутреннихъ областей Речи Посполитой. Такъ, до самаго конца козацкой исторіи, изъ края въ край передвигалось южнорусское населеніе, не находя для себя исхода въ борьбѣ, которая начата была съ лучшими надеждами.

Въ концѣ XVIII в. начали заселяться выходцами изъ правобережной и лѣвобережной Украины Новороссійскія степи, *дике поле*, по выраженію запорожцевъ. Туда направлялись народныя массы послѣ того, какъ кровавая драма была разыграна, и даже въ первой половинѣ XIX в., когда самыя воспоминанія объ ней начали угасать въ народѣ. Въ настоящее время только отрывки этихъ воспоминаній сохранились въ историческихъ думяхъ. Для насъ важно опредѣлить степень древности думъ, особенно со стороны языка, на которомъ онѣ сложены.

Самыя древнія украинскія думы рассказываютъ намъ о татарскихъ набѣгахъ, татарской неволѣ, о борьбѣ козаковъ съ татарами. Эта тема связываетъ думы съ преданіями литовской эпохи, когда, на смѣну Печенбговъ и Половцевъ, въ кievской землѣ явились татары. Судя по содержанію „Слова о полку Игоревѣ“, можно съ увѣренностію сказать, что украинскія думы составляютъ продолженіе пѣснопѣвнѣй кievской эпохи, только въ думяхъ князья - герой уступилъ свое мѣсто козакамъ - героямъ, Половцы—татарамъ. Дружинная поэзія стараго времени, подъ вліяніемъ указанныхъ нами переворотовъ въ народпой жизни, переродилась въ поэзію всенародную, которая въ центрѣ дѣйствія поставила тоже дружинну, но уже свою, народно-козацкую, а не княжескую. Какъ только сознанъ былъ въ козака идеалъ народнои

¹⁾ Гѣтоп. Сам. Велич. т. I. стр. 6.

жизни, тотчас преданія о герояхъ прежней эпохи оказались ненужными. Объ нихъ еще можно было-бы вспомнить, если бы ничто не тревожило народнаго усыпленія. Но мы видѣли, какъ были напряжены народныя силы въ борьбѣ за существованіе, какъ шибко бился пульсъ пародной жизни, и потому ничего нѣтъ удивительнаго, что на берегахъ Днѣпра забыты тѣ событія, которыя происходили тамъ раньше козацкой эпохи. Народная память немного сохранила преданій даже о литовской эпохѣ, и только воспыта въ думахъ козацкая эпоха, когда на первомъ планѣ стоялъ уже самъ народъ въ идеальной обстановкѣ *мицаря-козака*, протестующаго противъ всякаго насилія. Вотъ почему думы, какъ эпосъ собственно козацкій, слагались въ то же время, какъ слагалось и самое козачество. Это поэзія *новой* эпохи, хотя корни ея лежатъ въ отдаленныхъ преданіяхъ кievской старины. Это въ полномъ смыслѣ слова историческій эпосъ, поэтическая лѣтопись народной жизни, чуждая сказочныхъ, фантастическихъ преувеличеній, простая и реальная во всѣхъ своихъ подробностяхъ ¹⁾.

Такъ же новъ и поэтический стихъ, которымъ изложена эта лѣтопись. Извѣстно, что въ составъ древняго эпического стиха, распространеннаго у другихъ славянскихъ народовъ, входило десять слоговъ съ двумя удареніями. Размѣръ этотъ выдержанъ въ украинскихъ и особенно галицкихъ колядкахъ, которыя, конечно, древнѣе думъ. Стихи въ думахъ рѣзко различаются между собою неодинаковымъ количествомъ слоговъ: есть стихи многосложные, заключающіе въ себѣ около 30 слоговъ, есть также пятисложные, даже трехсложные. Размѣръ думъ основанъ на внутренней потребности мысли отгнѣнить въ каждомъ стихѣ вполне отдѣльную часть ея: гармонія звука вытекаетъ изъ вну-

¹⁾ Въ первый разъ упоминается о думахъ въ анналахъ Сарницкаго поль 1506 г.: „per idem tempus duo Strusii fratres, adolescentes strenui et bellicosi, a Valachis oppressi occubuerunt. De quibus etiam nunc elegiae, quas *dumas* Russi vocant, canuntur, voce lugubri et gestu canentium se in utramque partem motantium, id, quod canitur, exprimentes; quin et tibiis inflatis rustica turba passim modulibus lamentabilibus, haec eadem imitando exprimit. (Dlugosz. Лейпц. изд. XVIII в. т. II. col. 1198). Такимъ образомъ, первое извѣстіе о думахъ почти совпадаетъ съ первымъ извѣстіемъ о появленіи козачества, хотя, конечно, и козачество, и думы явились прежде, чѣмъ названія ихъ попали на страницы актовъ и анналовъ.

тренней гармоніи мысли, что и даетъ думамъ право на ихъ названіе. Это именно *думы*, сознательные акты мысли, облеченные въ поэтическую форму воспоминаній о прошедшемъ, которое не настолько отдѣлилось отъ пѣвца, чтобы можно было говорить о немъ вполне безстрастно, въ спокойно-размѣренной формѣ традиціоннаго эпического стиха. Пѣвецъ, слагатель думы, самъ былъ очевидцемъ и, можетъ быть, участникомъ совершившихся событій: оттого-то эпическій тонъ думы часто переходитъ въ лирической и драматической. Безконечныя степи, разстилавшіяся предъ глазами козака, вызывали въ его душѣ печальный образъ родины, за которую его отцы и братья слагали свои головы въ бесплодной борьбѣ: отсюда печальный тонъ думы, умѣряемый только надеждою на славу, которая „не вдре, не поляже“, которая загремѣть „поміжъ лицарями, поміжъ добрыми молодцами“.

Итакъ, въ думамъ все ново: и содержаніе, и стихъ, и міросозерцаніе, и тонъ. Можно-ли считать послѣ этого языкъ думъ древнимъ? Мы не сомнѣваемся въ томъ, что этотъ языкъ образовался изъ древнихъ элементовъ, но они никогда не могли сохранить своего первобытнаго вида въ томъ краѣ, на которомъ исторія оставила глубокие слѣды потрясеній. Не одно нашествіе монголовъ, какъ обыкновенно думаютъ, содѣйствовало обособленію малорусскаго нарѣчія. Еще до монголовъ, какъ мы видѣли, оно уже отдѣлилось отъ общерусской первоосновы,—затѣмъ, завоеваніе монгольское и литовское тоже не прошло безслѣдно для дальнѣйшаго перестроя древне-малорусскихъ элементовъ рѣчи. Но всѣ эти событія подавляли народную самостоятельность: они могли только содѣйствовать начавшемуся обособленію рѣчи, а довести эту рѣчь до типически-цѣльной и вполне законченной нормы не могли. Нужно было самому народу выступить на первый планъ дѣйствія. Явилось козачество. Оно сосредоточило въ себѣ передовую и въ то же время притягательную силу. Оно привлекло къ себѣ народныя массы изъ всѣхъ земель южнорусскихъ. Въ немъ смѣшались всѣ слои южнорусскаго населенія, которое въ эпоху Хмельницкаго, выступило, какъ взволнованное море, изъ своихъ береговъ¹⁾.

¹⁾ Въ лѣтописи Самовидца есть указанія на то, что при Хмельницкомъ козацкое движеніе проникло въ такія земли, гдѣ козаковъ прежде совсѣмъ не было: были у него, кромѣ другихъ полковъ, „полкъ Животовскій, бо тамъ козацтво звалося ажъ и по за Днѣстромъ коло Галича...“

Одушевление овладѣло всею громадою народа, до самой ея глубины, вмѣстѣ съ тѣмъ возрасло и поэтическое вдохновение, плодомъ котораго были думы. А поэтическое творчество, какъ извѣстно, ведетъ за собою творчество въ языкѣ, и потому-то языкъ думъ, не смотря на всю древнюю основу, есть новый языкъ. Въ немъ достигло малорусское нарѣчіе той нормы, которая составляетъ характеристику собственно украинскаго говора, чуждаго звуковыхъ архаизмовъ, свойственныхъ другимъ малорусскимъ говорамъ.

Подъ вліяніемъ образцоваго языка думъ установился украинскій говоръ, который, сравнительно съ другими малорусскими говорами, не представляетъ отклоненій даже къ средней стадіи малорусскаго нарѣчія. Это вполне цѣльный и строго выдержанный говоръ съ весьма незначительными звуковыми колебаніями и разнорѣчіями. Онъ раздается на всемъ югѣ Россіи отъ Черноморья до южнаго Буга. Его вліянію подчиняются другіе малорусскіе говоры: „ще до сей поры, говорить Головацкій, въ декоторыхъ сторонахъ (Галиціи) уважають въ народѣ украинское нарѣчіе будѣмъ красче, благороднѣше“. „Вмѣстѣ съ думами оно давно расширилось по всей Галичинѣ; сами Горяне (Гуцулы, Верховинцѣ, Бойки, Лемки) спѣвають пѣснѣ украинскаго похоженья (козацкіи) по тамошнему выговору, коли тымчасомъ въ лиричныхъ спѣванкахъ и въ обрядовыхъ пѣсняхъ заховують свое помѣстне нарѣчіе“²⁾. Само собою разумѣется, что думы, записанныя въ области сѣвернаго малорусскаго, а также галицкаго говора, далеко не чужды звуковыхъ особенностей, характеризующихъ мѣстные говоры, но уже самое стремленіе пѣть думы по украинскому говору указываетъ на происхожденіе думъ, стоящихъ въ неразрывной связи съ образованіемъ украинскаго говора.

Польк Черниговскій со всю Стыверью ажъ по Гомель, и Дроковъ, и Млинь... У Овручюмъ особливый полковникъ зоставалъ, до котораго усе Полься належало“ (Лѣт. Сам. 14).

¹⁾ Мы не упоминаемъ объ архаизмахъ, сближающихъ малорусское нарѣчіе съ древнеславянскимъ, потому что они стоятъ по ту сторону исторической черты, до которой мы предположили дойти въ своемъ изслѣдованіи. Въ своемъ мѣстѣ мы останавливались на архаизмахъ этого рода собственно для опредѣленія относительной древности тѣхъ или другихъ явленій малорусскаго нарѣчія.

²⁾ Голов. Розпр. о яз. южнорус. 42. 39.

Для полноты обзора напомнимъ главные звуковыя особенности украинскаго говора, характеризующія третью эпоху въ развитіи малорусскаго нарѣчія. Это а) господство звука *i* изъ *o*, *e*, а также вмѣсто *ь*, б) среднее *и* вмѣсто основныхъ *и*, *ы*, в) смягченно-удвоенные согласные, г) преобладаніе твердыхъ согласныхъ, д) количественное паденіе согласныхъ въ видѣ звучности ихъ на концѣ словъ и предъ отзвучными. Нѣкоторыя изъ этихъ особенностей возникли на почвѣ украинскаго говора (среднее *и*, смягченно-удвоенные согласные), другія на общей почвѣ малорусскаго нарѣчія, въ первую эпоху отдѣленія его отъ великорусской вѣтви, даже на общей почвѣ русскаго праязыка,—но только въ украинскомъ говорѣ онѣ достигли самыхъ крайнихъ предѣловъ своего развитія, поэтому мы вставили ихъ въ характеристику украинскаго говора.

Нужно сказать, что въ южнорусской письменности полнѣе выразились болѣе давнія черты малорусскаго нарѣчія, чѣмъ позднѣйшія, не смотря на то, что южнорусская литература козацкой эпохи не чуждалась текущихъ вопросовъ дня, которые она часто рѣшала съ полемическимъ увлеченіемъ. Даже лѣтописцы XVII в., возвышавшіеся иногда до патріотическаго одушевленія, проникнутаго глубокою скорбью о бѣдствіяхъ родной земли, немного обронули (по крайней мѣрѣ въ звуковомъ отношеніи) примѣтъ, по которымъ можно было бы узнать позднѣйшія звуковыя особенности народной рѣчи. На это были свои причины, заключавшіяся въ неблагоприятныхъ условіяхъ литературнаго труда на югѣ Россіи въ XVI—XVII в. Долгій перерывъ литературныхъ преданій поставилъ южнорусскихъ писателей въ необходимость держаться такихъ литературныхъ образцевъ, которые не имѣли ничего общаго съ народною рѣчью. Вокругъ нихъ волновалась и кипѣла живая дѣйствительность, событія быстро смѣнялись одни другими и не давали никакой возможности сосредоточиться для творческаго труда надъ самимъ языкомъ: бралось первое попавшееся слово, чтобы загородить имъ уста противниковъ. Вотъ почему такъ неохотно отступали южнорусскіе писатели отъ образцевъ славянской рѣчи: въ ней они видѣли *готовое* орудіе для борьбы съ врагами, у которыхъ тоже было готовое орудіе (языки польскій и латинскій). „Скажу вамъ тайну великую, шипеть Іоаннъ Вишенскій, яко дьяволъ толикую зависть имаеть на словенскій языкъ, же ледво живъ отъ нѣвоа; радъ бы его до щеты полюбилъ, и всю борбу свою на тоє двинулъ, да его обмерзитъ

и въ огиду и ненависть приведетъ... За неже есть плодоноснѣйшии отъ всѣхъ языковъ и Богу любимишии"¹⁾. Но было поздно бросать сѣмена славянства въ ту почву, которая заключала въ себѣ собственные сѣмена духовнаго развитія. Защищая народное дѣло не народнымъ словомъ, просвѣщенные южноруссы, незамѣтно для самихъ себя, подкапывались подъ собственный свой трудъ, и потому онъ не пустилъ корней въ сознаниіи народа, не нашелъ въ немъ своей поддержки. Народъ остался безъ свѣта знанія и науки, съ одними своими думами про свою тяжелую долю. Зато думы эти, изъятія отъ всякихъ случайностей ежедневнаго употребленія, высоко стояли надъ уровнемъ обыкновеннаго слова, предохраняя его отъ измельчанія и разложенія.

Въ заключеніе предлагаемъ опытъ графическаго изображенія исторической судьбы русскихъ нарѣчій. Полукругъ, перерѣзывающій прямыя линіи, означаетъ хронологическую границу, опредѣляющую выдѣленіе главныхъ говоробъ; точки, соединяющія линіи, указываютъ на взаимный обмѣнъ населенія. Считаемо неизлишнимъ замѣтить, что мы хотѣли выразить этимъ чертежемъ сущность дѣла, насколько его понимаемо, а не подробности, изложенныя въ самомъ текстѣ.

¹⁾ Ак. Ю. и З. Р. т. II, 210.

До XIV вѣка.

Почин XIV вѣка.

Тамско-новогородскій разговор.
Волынско-украинскій разговор.

Нарочное нарѣчье.

Русскій нарѣзъ.

Сибирскій нарочное разговор.

Сибирскій безукоренскій разговор.

Южнорусскій разговор.

Безукоренское нарѣчье.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

H. H. JOHNSON

I

ОБРАЗЦЫ

НАРОДНЫХЪ ГОВОРОВЪ МАЛОРУССКАГО НАРѢЧІЯ.

*Сѣдлецкія разнорѣчія***уѣздовъ Бѣльскаго, Константиновскаго и Радинскаго.**

Сѣдлецкія разнорѣчія однородны съ подляскими, только звуковыя особенности ихъ арханчиѣ подляскихъ и не уступятъ имъ въ разнообразіи, чѣмъ и объясняется выборъ сѣдлецкихъ разнорѣчій для характеристики всего сѣвернаго малорусскаго говора. Русское населеніе въ Сѣдлецкой губернии простирается до 130 тысячъ: оно расположено въ той части ея, которая граничитъ съ губерніями Гродненской и Волынской. Сѣдлецкая Русь, безъ сомнѣнія, есть остатокъ надвислянкой Руси, которая путемъ колонизации распространилась въ этихъ краяхъ еще при кievскихъ и затѣмъ галицко-волинскихъ князьяхъ (см. историч. очеркъ Подлясья стр. 273-276). Доказательства, что земля Люблинская и значительная часть Сандомирской издавна заселена была русинами, представлены у Зубрицкаго въ Критико-исторической повѣсти о Галиц. Руси, стр. 54—62.

Кошолы (Бѣльс. у.) ¹⁾.

А в саднѣкѣ випоград,

А там паны радят раду.

¹⁾ Въ транскрипціи образцовъ малорусскаго нарѣчія мы воспользовались системой правописанія, предложенной Кіевскимъ отдѣломъ Импер. геогр.

Сталі раду радіті:
 Кого до вуйська взяті?
 Не беріємо богача:
 Буде пану докучаті;
 Не беріємо сіроту:
 Позбудюмся клопоту.
 Ніхто в саду не бував,
 Ніхто рады не чував,
 Старша сестра почула,
 Зараз брату сказала.
 А в неді́льку ранѡ
 Брат чабуткі обував:
 Одін чобут у руціє,
 Другі чобут на носіє,
 А вже солтыс на двурціє.
 Брат із хаты та й пуд струоп,
 Накрив єго жітні снуоп,
 Скоро снопа однялі,
 Зараз брата пойняли.
 Ведут єго до пана,
 Боліт єго голова.
 І приві́лі пуд ганок:
 „Сядай, сядай, ка хандк!“
 Посаділі на столку,
 Стрі́гут єму головку;

общества для собиранія свѣдѣній по народному языку (см. Прогр. этногр. стр. 33—45).

Въ образцахъ сѣдлецкихъ разнорѣчій мы разставили, гдѣ слѣдуетъ, ударенія, такъ какъ они очень важны для характеристики дифтонговъ.

Для выраженія доегласія, вмѣсто обычной кавычки , мы ставимъ черту надъ тѣмъ гласнымъ, который преобладаетъ въ дифтонгахъ: *yo, yo, iě, iě.*

Букву *e* читать нужно по украинскому говору, какъ великорусское *э*.

Буква *i* вездѣ смягчаетъ предшествующій согласный звукъ, только въ началѣ словъ она произносится безъ іоты.

Посадили на коня,
 Обірають за круля.
 Далі йому опанчу,
 А брат каже: „не хочу!“
 Далі йому черевик,
 Брат до того не привик.
 Далі йому палаша,
 Уже Пуольша не наша.

У полю кріниця—зімная водіця,
 Усіє хлопці добры, одін лядачниця:
 Пійє в корчміє, гуляє, дієвку намовляє:
 „Поєдь, дієвко, з намі, намі уланами,
 Лієші тобіє буде, як у твоей мамы.
 Бо у твейі мамы сорочки латаны,
 У нас будеш ходіті—шовком выпіваны;
 Бо у твейі мамы лішовийі лічка,
 У нас будеш ходіті в жовтых черевічках“.
 Дурна дієвча стала, стала—подумала,
 Стала подумала, сієла поєхала.
 Привелі дєвчину пуд глыбоку воду:
 —„Верніся, дєвчино, до своєго роду!“
 —„Уже не вернуся, лієпі утоплюся,
 Бо вже в свого роду встыду набєруся.“
 Ізлієзла дєвчина, сосны полічыла,
 Вчєшілі дєвчину до сосны плєчіма,
 Выкрєсали дгню с сієного кремєня,
 Запалілі сосну з верху до корєня.
 Сосна погарає, дієвча розмовляє:
 —„Хто в бору ночує, нехай голос чує,
 А хто дочкі має, нехай научає,
 Нєхай з уланами в корчму не пускає!“

Ой чія то черешєнька,
 Ой чія то вішня:
 Ой чія то дєвчінднька (sic)

На улицю вийшла?
 Ковалёва черешенька,
 Ковалёва вішня:
 Ковалёва дьєвчинька
 До піночку вийшла.
 Ой мамулю—мамулєньку!
 Люблят мене хлопці:
 Дають бо мнє по таляру,
 Жита по коробці.
 Ой мамулю—мамулєньку!
 Люблят мене Ляпки,
 Дають бо мнє горієлонькі
 З зеленої фляшкі.
 Ой мамулю—мамулєньку!
 Люблят мене москаліє,
 Дають бо мнє горієлонькі,
 На закуску сухаріє.
 Свієтїт мієсяц, свієтїт мієсяц,
 Бо вже змінівся,
 Кривы йшов у залєты,
 А слїпы дївївся.

Ой як я буду с Кошолув мандроватї,
 То скажу собіє черевічкі коватї.
 Ой єдїн кує, а другї ся дївує:
 Ой куда-ж тая дьєвчина помандрує?
 Як вымандрую у галнєнькє ¹⁾ поле,
 Не єден скаже: „верніся, серце моє!“
 Замандровала у гай зелєнєнькі,
 Ой аж там ходїт поповіч молодєнькі.
 — „Цї ты, дьєвчїно, із тутєйшого краю?
 Ой выведь мене з зелєнєнького гаю!“
 „Хоч я дьєвчїна із тутєйшого краю,
 Ой такі ж бо я дорожєнькі не знаю!“

¹⁾ Открытое.

Поповіч каже: „моя дьєвчина буде!“

Вдовін сын каже: „хіба мене не буде!“

(Записаны въ Кошоллахъ отъ Мары Назаревичъ. Кошольское разнорѣчіе слышно въ деревняхъ: *Любонькь, Ломазахъ, Студянкь, Дудуковъ*).

Хотычи (Констант. у.)

Гоя моя, гоя! Нещасная доля!
 Заорала дїєвчинька мысленькѣми поле.
 Дала маті дочку далеко от себе,
 Наказала юой бывати през сѣм лїєт у себе.
 Дочка не втерпїєла, въ рочок прїлетїєла,
 Кїнулася зазулею, на калїні сїєла;
 Почала коватї, ремнєшько плакатї,
 Аж ся сталї калїновї лугї розлягатї.
 Вышла матї з хаты зазулі слухатї,
 Споганула своє дїєтя, начала плакатї:
 „Если-сь дїєтя моє, прошу тя до хаты.
 Если-сь раба зазуленька, іді на лєс коватї.“
 Выпол брат із хаты, зазулі стрелятї:
 — „Ой не стреляй, муой сыноньку, просї ей до хаты!“
 — „Если-сь сестра мѣя, прошу тя до хаты,
 Если-сь раба зазуленька, іді на лєс коватї.“

З плугом іду, коня веду, розвівайся, луже!

— „Сватай мене, козачєньку, люблю тебе дуже!“

— „Же-б ты была, дїєвчинька, троха богатєнька,

Взял бы тебе за ручєньку, завюол до батєнька!“

— „Же-б я была, козачєньку, троха богатєнька,

Яб о тебе не стояла й о твого батєнька!“

— Ой тогды ты, дїєвчинько, тогды за-муж выйдєш,

Як пред млыном на дорозї яра руга зыде.“

— „Ой тогды ты, козачєньку, тогды ожєнься,

Як у млынї, на камєні конкуоль (sic) уродїтєся.“

Перед млыном на дорозї яра руга вышла,

Молодая молодіця уже за-муж вышла.

А у млынї, на камєні конкуоль не вродїлся:

Ще й старый козачице, ще не оженился.

Вїєют вїетры, вїєют буйны, аж тополї гнутся:

Ой як мене (sic) болїт серце, самы слїзы льются.

Трачу лїста в лютоом горе і кунця не бачу,

Только мнїє лекше стане, як троха поплачу.

Не помогут слїзы щастю, серцу лекше буде,

Хто щаслив был хоч часочок, во вїєк не забуде.

Есть і люде, што і мозї завїдуют долї,

Найщасливша та бїлїнка, што росте у полю.

Тяжко бытї в чїстуом полю без воды на слоньцю,

Так і тяжко без мїлого на чужуой сторонцї.

Без мїлого долї нема, стане свїет турмою,

Без мїлого нема щастя і нема покою.

Де ты, мїлый, чорнобрївый, де ты, одозвіся!

Як без тебе я горюю, прыдї, подївїся.

До кого я прїгорнуся і хто прїголубїт,

Колї нема тутай того, якїй мене любїт.

Полетїла б я до тебе, но крылец не маю,

Сохну-чахну я без тебе, цїнгле умїраю.

(Записаны въ *Хотичахъ* отъ Анны Гороховской. Разпорїчіе это слышно также въ деревняхъ: *Сильвошки, Ловахъ, Мостовомъ*).

Воинъ (Радинс. у.).

Выездїл конїка, выездїл вроного,

Скажї, дївчино (sic), цы буде што с того.

Цы буде што с того, цы-лї нїє,

Скажї, дївчино, правду мнїє!

— „Скажу я тї правду прї твїму (sic) роду:

Ежлї мене береш, берї ж без заводу.

В мене посагу не буде,

Возмут м мене добрыйї люде.

Тераз мнїє кажеш: „ясная зоронько!“

Потом мнїє скажеш: „нешасна доленько!“

Хоч ты не скажеш, то матї:

«Было убогойі не браті.»
 — „Мнѣ того посагу не барзо потреба,
 Ой даст же нам пан буог з високого неба:
 Ты в мене посаг самая,
 Як зора на небі ясная!“

А в Марусі хата на помосці
 До Марусі наѣхали гості;
 А Маруся хорая лежала,
 Черною лентою голову звязала.
 Приѣхало два козакі з Русі,
 Разв'язали голову Марусі.
 Еден мовіт: „цы любіш ты мене?“
 Другій мовіт: „цы пуойдеш за мене?“
 „Котрый мнѣ три-зілѣ достане,
 Тон (sic) зо мною до шлюбоньку стане“
 Одозвався козак молоденькій:
 — „Ой я маю три коні на стайні:
 Едѣн конік, як голуб сівенькій,
 Другі конік, як лебедь білѣнькій,
 Третій конік, як кручок сівенькій.
 На білѣм Пуольшу переѣду,
 А на чорнѣм Дунай переплыну,
 А на сівѣм три-зілѣ достану.“
 Везе козак Марусі три-зілѣ (sic),
 А Маруся іде із весіллѣ,
 Взял козак Марусю у лівую ручку,
 А шабельку у правую ручку:
 — „На то тѣбѣ, Марусю, три-зілѣ“,
 Аж Марусі головка злетѣла,
 Ото тѣбѣ, Марусю, три-зілѣ,
 Не посылай козака по зілѣ.

Захотѣла маті сына оженіті,
 Але не хотѣла невісты любіті.
 Выслала сынїску въ далеку дорогу,

Вислала невісту ви́брати лёну.
 І въ суботу рано лёну не дорвала,
 Зараз на тум полю вѹочку ночовала.
 А в недѣлю рвала, лёну не дорвала,
 Зараз на тум полю тополею стала.
 Приѣхаль сынїско з далекой дороги,
 З далекой дороги, пал матуді въ ногі.
 — „Матулю - матулю! Де ж моя мілая,
 Де ж моя мілая, голупка сівая?“
 — „Будай твоя міла на світі (sic) не жїла,
 Цо я наварїла, то вона не хтїєла“.
 — „Пуольщу - м переѣхал, морем переплынул,
 Такеї тополї на світі - м не бачл“.
 — „Весь (sic) сыну, сокїєрку, зотні ту тополю,
 Зотні ту тополю, цо на нашум полю“.
 Взял сынок сокїєрку і цякнул їїє раз—слѣзы оптірає,
 Цях їїє другїй раз—вона ся скланяє,
 Цях їїє третїй раз—слувовко премувляє:
 — „Не тні мене, мїлїй, я твоя мілая,
 Я твоя мілая, голупка сівая,
 Бодай твоя матї на світі не жїла,
 Же нас молоденькїх с пары розлучїла!“

(Записаны въ посадѣ *Воннъ* отъ Марьи Масловской. Разворѣчіе это отъ предыдущаго отличается, главнымъ образомъ, частымъ превращенїемъ *їе* въ *і* въ слогахъ неударяемыхъ).

Пашенни (Радинс. у.).

Матї дочку дає
 І так навчає:
 Доню моя, доню,
 Доню молодая!
 Будь у мене въ сім літ гостем.
 Доня не втерпіла,
 У руэк прїлетїла,
 Перекинулася рабой возуленькой,
 В калїндвум лузі сіла,
 І стала коватї,

Стала щебетати,
 Аж ся сталі луги
 З великої туги,
 Каліна розвівати;
 Вийшла до єї маті,
 Стала на порозі,
 Вилівала вона по своєм діяті
 Друбненькій слёзы.
 „— Слесь ¹⁾), моє діятко,
 То прошу до хаті,
 Слесь возулєнька, рабая, маленька,
 У вішнєвы сад ковати.“

(Записана въ *Пашенкѣ*. Також же разпорѣчіе господствуєть въ селеніяхъ: *Яблонь*, *Гусь*, *Радче*. Характеристическая особенность его — дифтонгъ уэ вм. уо, но, очевидно, оно родственно разпорѣчіямъ *Хотыча и Воина*).

Кленовица (Конст. у.).

Ой поорано, ой посіяно, нема кѣму позбырати,
 Ой обыцявся нам пан а рекрутѣв не дати.
 А в неділеньку і пораненьку вже рекрутѣв побрано,
 Ой і побрано і повязано вес до купы по пароньці,
 Ой сыдят, сыдят і виглядають, яє свыйй голубоньки.
 Ой знаты, знаты тыйй рыбы-щукы й а поміж щупаками:
 Ой знаты, знаты ойцовськыйй сыны й а поміж бурлаками.
 Тыйй бурлаченькы собийй веселенькы то й по рыпочку скачут:
 Ойцовськыйй сыны смутны, невесёлы та й до домоеньку плачут.
 Вйіте, орлѣнькы, вйіте, чернусенькы, пудобітеся пуд гору,
 Ой вйіте, хлопці, красны молодці, повернітеся до дому.
 Ой заржалы свы конькы пуд крутую гору йдучы:
 Ой заплакалы дыйькы, молодыці й а за рекрутами йдучы.
 Як прыступыло турецькоє вуийсько, як зачало возвати,
 Ой як зачало оловйяны кулі так, як у органы, граты.
 Як утрапыла оловйяна куля й у щырое серденько,
 Мушу умірати, увсё покидаты, жуинку і дыйькы маленькы.

¹⁾ Если.

— „Чого, муй батеньку, так ранюсенко встаєш,
 Так ранюсенко встаєш, конькам обрюок даєш“?
 — „Для тебе, муй сынѡньку, для твоѡо вырадѡньку:
 Пойідем воєваты, святѡлки будоваты.
 Вуйныці не звоюєм, святѡлки не збудуєм:
 Понесем головѡньку в чужую сторонѡньку,
 Понесем свої руки на турецькыйі муки,
 Понесем свої плечі на турецькыйі мечі,
 Понесем свої ноги на козацькы пороги.
 Нема ж сына рочок, нема сына вже й два,
 На третій наступає, вже мій сын прыйїжджає,
 Ой веде штырі коні, сам на пїятум йїде,
 Прыйїхав до Дунаю, до глыбокого краю,
 А ще куйнь не напывся, вже сам вуйн угопывся.

А у полю верба, пуд вербою вода,
 Ой там брала дьїївка воду—хороша й молода.
 Дьїївка воду берє, козак кѡня веде:
 Пытаєтьця кѡзак дьїївкы, де тая дорога йїде?
 Йде тая дорога пуд новийі ворота,
 Пуд новийі воротѡчка, де вуйсько становытьця.
 Становйїтеся хлопці, становйїтеся мойі,
 Заспївайте тую пісню—сподобалася мнї:
 „По садѡньку ходжу, черешѡньку саджу:
 Ой подобно-сь, панїматко, неженѡны ходжу“.....

(Записаны въ *Кленовицахъ* отъ Анны Мыць. Разнорѣчіе это слышно также въ *Челегиницѣ*, *Голодницѣ*).

Пещаць (Бѣльс. у.).

Пошлы дывѡнькі (sic) по воду,
 Спустилы ведро до лёду;
 Плывіте, відерця, каменѡм,
 Я за тобою явором.
 Ой найїхалы хлопці—лѡпці,
 Сталы дерево рубаты,
 Сталы дерево рубаты,
 Сталы дывѡнькі плакаты:

— „Ой мойі же віте хлопці—лѣпці!
 Ой не рубайте дерева,
 Ой не рубайте дерева—зеленого явора:
 Ой бо ёго потреба
 Золотийі ключі вішаты,
 Золотийі ключі вішаты,
 Свого мылого тшыты.“

Записана въ *Пещицѣ* отъ Параск. Чернявской).

Желевше (Бѣльс. у.).

Коло Дунайку близько крайку—
 Тихая вода Донагаѣва,
 Ой там Марыся бѣль былыла (sic)
 Тихая вода и проч. (повторяется послѣ каждаго стиха).
 Ой бѣль былыла, ручѣньку мыла,
~~Пам~~ матюнка до дому клыче:
 — „Ходы, Марысю, до дѣмоньку,
 Прыплы до тебе добрыйі люды,
 Добрыйі люды—тры дывошубы:
 Першыйі люды теребескыйі,
 Другыйі люды—яблочаньскыйі,
 Третійі люды—тутейшыйі.
 Тым теребескым склонялася,
 Тым Яблочаньскым отвѣт дала,
 А тым тутейшым—сама молода,
 Сама молода, як ягода,
~~Пам~~ лыченько, як яблыченько.

Поставлю свѣченьку протыв місяця,
 Не буде свѣченька, як ясныйі місяць.
 А вода йде, а вода по каменю, а вода по білому стыха йде.
 (Повторяется послѣ каждыхъ двухъ стиховъ).

Поставлю свеворка протыв батенька,
 Не буде свеворко, як рюідный батенько.
 Поставлю свекруху протыв матювки,
 Не буде свекруха, як рюідна матюнка.

Скопаю я долиноньку, посію я росадоньку,
 По холоді—воді, по студянуї (sic) росі;
 (Повторяється послѣ каждаго стиха).

Як посію, так ізыйд',
 Як ізыйде, так виросте,
 Як виросте, так созріє,
 Як созріє, так вищыпну.

(Разнорѣчіе это слышно также въ селеніяхъ: *Поросли, Шостаки, Яблочна, Сууры*).

У славного тесенька
 Стоить зяченько перед вороты:
 Знать віте ёго не любите,
 Що віте ёго ны (sic) впусыте.
 У нас ны любув ны чуваты:
 Все сыны отецькыйі.
 На йіх шепунькі (sic) шляхецькыйі;
 Сваткове не стыйте,
 Муравоньку дупчіте (sic)
 Нужками і жовтымы чобутками.

Склоны на стійл гуловку,
 Нех ті рустчѣше (sic) братык косоньку,
 Нех повыщпытає єдвоины шпурочки,
 Ныхай пооддає матюнці в ручки,
 Ныхай матюнка грукне в скрыню,
 Бо вже піде за господиню.

Кланяйся нызко, покоренько,
 Же-б було хорошенько!
 Каждый тобі змовить:
 „Нех ты Бог благословить!“
 Тилько твого уклону,
 Що в батеньку в дому.

(Зап. въ *Кульчинь*).

Во всѣхъ этихъ образцахъ прежде всего бросается въ глаза неестественность удареній. Считаемо нужнымъ, впрочемъ, замѣтить, что

въ разговорной рѣчи ударенія совсѣмъ не тѣ, что въ стихотворной. Такъ, въ Хотычскомъ разнорѣчии въ пѣснѣ произносится: *плакати*, а въ разговорной рѣчи: *плакати*; въ Кошольскомъ—въ пѣснѣ: *радѣти*, *позбудюмся*, а въ разговорѣ: *радѣти*, *позбудюмся*. Мы очень жалѣемъ, что не имѣли возможности представить образецъ обыкновенной рѣчи. Во всякомъ случаѣ, существующія въ нашихъ образцахъ неправильныя ударенія слѣдуетъ считать стихотворными. Они появились, очевидно, подъ влиянiемъ польской рѣчи (такъ какъ большею частiю приходятся на предпоследнемъ слогѣ).

Въ разнообразiи сѣдлецкихъ разнорѣчiй можно замѣтить три главные типа. Черты каждаго изъ нихъ мы представимъ вкратцѣ, дополняя ихъ подробностями, которыя не вошли въ самые образцы, въ слѣдствiе того, что въ нихъ не встрѣчаются соответствующiя формы.

Кошольское разнорѣчiе:

Двоегласные *iē*, *yo*, *yoō*; послѣ согласныхъ мягкихъ *я* часто ассимилируется въ *ε*, а это *ε* растягивается въ *iē*: *прѣсти* вм. *прѣтѣ*, *землѣ*, *душѣ* изъ *землѣ*, *душѣ*, род. пад. древнеслав. *земл-л*, *душ-л*; въ прош. вр. изъяв. накл. не *л*, но *в*.

Хотычское разнорѣчiе:

Двоегласные *iē*, *yo*, *yoō*; послѣ согласныхъ мягкихъ тоже встрѣчается иногда превращенiе *я* въ *ε*, но безъ растяженiя; звукъ *ε* произносится тверже, чѣмъ въ разнорѣчii Кошольскомъ; губные согласные соединяются съ iотированными гласными; звучные часто ассимилируются въ отзвучные; въ прош. вр. изъяв. накл. *л*, а не *в*.

Кленовицкое разнорѣчiе:

Двоегласныхъ почти не слышно, за исключенiемъ *yi*; послѣ шипящихъ иногда *я* вм. *а*: *жябя*, *кожя*, *замчатя*; малорус. *i* вм. *ъ*, иногда съ явственнымъ отдѣленiемъ предшествующаго согласнаго звука iотой (*дъйiюка*). Но самая важная особенность кленовицкаго вокализма—широкое *ы*, въ которомъ смѣшалось основное *ы* и основное *и*.

Остальныя разнорѣчiя или составляютъ переходъ отъ хотычскаго къ кленовицкому, или же представляютъ дальнѣйшее развитiе особенностей, заключающихся въ хотычскомъ и кленовицкомъ разнорѣчiяхъ. Къ послѣднимъ мы причисляемъ разнорѣчiя, записанныя въ Пещацѣ, Желевше и Кульчицѣ: всюду здѣсь господствуетъ широкое *ы*, замѣняя иногда даже *ъ*. Кленовицкое *я* и хотычское *ε* превращается въ деревнѣ

Пещаць въ і: *жѣты* (жать), *чѣсто* (часто), *телі* (теля), *жѣворонок*. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ кленовицкомъ и во всѣхъ наиболѣе близкихъ къ нему разнорѣчіяхъ появляется въ прош. вр. изъяс. наклон. *ѡ*, а не *л*, а также въ наст. вр. изъяс. накл. *ть*, *тыця*, а не *т*, *тця*. Впрочемъ, кленовицкое разнорѣчіе въ этомъ отношеніи колеблется.

Галицкя разнорѣчія.

Грынѣвці (Станисл. окр.)¹⁾.

Надѣхав сотнык через Умань,
 А с конька похылывсы,
 А за ным хлопців сім-сот молодців:
 — „Сти, бадю²⁾, не журысы!“
 — „Ой як же мені, панове—браті,
 Мені сы не журыты,
 Чогось підо мнов вороний коньк
 Зачѣв се потіты?“
 Ой заржы, заржы, вороний коню,
 У місті на помості:
 Вбыто сотныка серед Уманѣ,
 Нашого єго мостѣ.
 Ой бодай же ты, Дуньче—козаче,
 Наложыв головою:
 Вбывесь сотныка серед Уманѣ,
 Вчынывесь мя вдовою.
 Ой волів же ты, Дуньче—козаче,
 Хырїты та й болїты:
 Вбывесь сотныка серед Уманѣ,
 Посыротывесь мы діты.

У лузі калына землю прикрасыла,
 Породыла маты сына, сына жовнярына.

1) Образцы изъ разныхъ мѣстностей Станисл. округа относятся къ подгорскому типу галицкаго говора.

2) Отець.

Як го породыла, то го научала:
 „Будеш, сыну, у дорозі, не забудь о Бозі!“
 Докы жовняр не пыв, в Бога щістє молив,
 Не раз, не два жовнярына все війско побдыв.
 Як взєв жовняр пыты, в Бозі забуваты,
 На раз, не два жовнярова заплакала маты.
 Ходыт жовняр, ходыт, пысько (sic) шєпку посылт,
 В свойій маты старенькойі опрощєня просылт:
 — „Прошу тебе, маты, мій грїх забуваты:
 Поможы мы, мылий Боже, війском керуваты!“ ¹⁾
 Плаче жовняр, плаче дрібнымы слєзамы,
 Споминає свою матір мылыми словамы.
 Плаче жовняр, плаче чорнымы очыма,
 Подывытсы назад себе, а смерть за плечыма.
 (Зап. Волошанюкѣ).

Колынці (Станисл. окр.)

Я казала, що то місєц сходыт,
 А то козак по таборі ходыт,
 Свого коня за поводы водыт,
 В свого пана до дому сы просылт:
 — „Пусты мене, мій пане, до дому,
 Затужыла дївчына за мною“
 — „Не так вона, як ты за нев тужыш,
 Не пуцу тє, аж року дослужыш“
 — „Я не буду року дослужаты!“
 — „Я тє скажу в кайданы куваты!“
 — „Не куй мене, мій пане, в кайданы,
 Прыкуй мене в шынкарky до лавкы,
 Бо в шынкарky мід—віно горівка,
 Ще до того хорошая дївка,
 Ще до дївкы біленька постівка!“

Ой служыла Настє в пана
 Штыры рокы не віддана,
 На дїєтый рік наступыла,

¹⁾ Kierowac управлять.

Насте пана полюбыла.

— „Чому, Насте, смутна ходыш,
Йдеш по воду—не співаєш?“

— „Пані ж моя, пані люба,
Що съ бы я вам розказала,
Колы б я сы не бояла.
Хоче вас пан покыдати,
Зо мнов Настев мандруваты.“

Пані тото як учула,
Взела Насте за рученьку,
Завела йій (sic) в темныченьку,
Та дала йій шыте шыты,
Мого пана не любыты.

— „Ой шый, Насте, хоть не выдно,
Спвай, Насте, хоть не гыдно“. ¹⁾

У неділю дуже рано
Та іде пан з міста пйаний,
Ой іде пан та й співає,
До місєце промовляє:

— „Ой місєцу, місєченьку,
Свты Насті в темныченьку!“

Пані тото лє учула,
Та й до Насті гнеть ²⁾ прыбула,
Вівела йій на вулоньку,
Стєла йій головоньку.

(Зап. Бучинский).

Кутыщі (Станисл. окр.).

„Ой хмарытсы та й бурытсы, буде дощ іты,
Просым, пане-капытане, на мід—выно відійты!“
Не позволыв пан-капытан на мід—выно відійты,
Взєлы кварту, взєлы другу, все пйут на дощы (sic).
Взєлы кварту, взєлы другу та на дощы пйут,
Свого пана-капытана шабелькамы бйут.

¹⁾ Не угодно.

²⁾ Чешско-словац. *hned* быстро, тотчасъ.

„Ой ты, пане пап, капытане пап,
Течут річки кровавіі від тебе до нас!“

(Зап. Бучинскій).

Марнівці (Станисл. окр.)

Ой стала се повына, клычут віта до двора,
Взєлы раду радыты, кого в жовнєры даты:
„Взєлы бысьмо багача—та нароби́мо плача,
Озьми́мо сы сыроту—та збудемось клопоту“.
Дала ж єму сестра знаты: „тікай, тікай, рідный брате!“
Утікав я на гору, а із горы в комору,
Утікав я с коморы до нової стодо́лы (sic),
Схова́в я се по-за спи́, знаи́шов мене сам пап віт,
Віви́в мене на точок: „дай, прьсе́жный, шнурочок!“
Прывезлы мене до двора, вже є фіра готова,
Вівезлы мні (sic) за браму: „чекай, лянку, най стану!“
А лянок се побояв, та ще більшу варту дав.
Прывезлы мні до ганку: „вставай-с фіры, коханку!“
Єдин каже: „ой чысь гут“, другый каже: „будеш тут“,
Третый каже: „будеш тут“, а мені се слєзы лют (sic).

(Запис. Кумановскій).

Королівна (Станисл. окр.)

Ой на тобі, цсарыку,
Та й шепочка срібна,
Ой не знаєш, цсарыку,
Чого Русєє бідна.
Бідна ж вона, бідна,
Бо швабы зідралы,
А що було по корові,
Та й жыды забралы.
Жыды берут по корові,
Цісар бере діты:
Ой нема нам, пане-брате,
Чо в Русі сыдіты.

(Запис. Бучинскій).

Потік золотий (Станисл. онр.)

— „По садочку ходжу,
Черешенькы саджу,
Та чого ж я, моя маты,
Не жоватый ходжу?“

— „Оженысы, сыну,
Женысы, сыночку,
Та нікого та не беры,
Лиш вдовыну дочку!“

— „Ой вдовына дочка,
То не мені рівна,
Вона ходыт по подвіру,
Як та королівна:
Ані з нею статы,
Та порозмовляты,
Лиш шепочку із головы,
„Добрий день“ віддаты“.

(Зап. Бучинскій).

Полочычі (Станисл онр.)

Хорый козак, хорый козак,
Відай ¹⁾ хоче вмерты:
— „Ой ідіте, прыведіте
Дівчыну до смерты!“
— „Та відай ты, козаченьку,
Не вправді вмираєш,
Що ты собі до смертонькы
Дівчыны жєдаєш.“
Та зійшлыся козаченькы
До єдної хаты,
Взєлы раду козацькую,
Кому конє даты:
Сотныковы (sic) конє даты
Гетьмановы зброю,
Щоб позволив поховаты

1) Вбрытно.

Козака с стрільбою.
 Конє ведут, єго везут,
 Кінь голову клонит,
 А дівчина білі ручки
 За козаком ломит,
 Білі ручки, білі ручки,
 Та й мизелні палці (sic),
 А вже нема та й не буде
 Такого коханця.

(Зап. Лібрйкѣ).

Гальч.

Роспыласє стара ненька на меду,
 Та пропыла Ганнусеньку молоду:
 — „Хто мы купит гарнец меду, два вына,
 Того буде Ганнусенька молода!“
 Обзываєсє пан Шынкoвич з-за стола:
 — „Я ты куплю гарнец меду, два вына,
 Та най буде Ганнусенька вже моя.“
 — „Не пий, не пий, стара ненько, на меду,
 Бо я за тым Шынкoвичем не буду.“
 А в неділю дуже рано із-за сонця
 Уткала Ганнусенька у віконці (sic),
 А за нею Шынкoвичів чeтыры,
 Догоньмы Ганнусенькы, прытрымалы:
 — „Чого ж бо ты, Ганнусенько, боса йдеш?
 Чы ты в мене черевычкы не маєш?“
 — „Е у тебе черевычкы—все твойі,
 Не прыстали до ноженькы раз мені“
 — „Ой чого ж ты, Ганнусенько, пішкы йдеш,
 Чи ж ты в мене пойіздоньку не маєш?“
 — „Е у тебе пойіздонька—все тобі,
 Не прыстало до серденька раз мені.
 Дай же мені, пан Шынкoвич, острый ніж!“
 Ганнусенька Шынкoвиче здурыла,
 Острый позык у серденько встромила,
 Тепер же я, пан Шынкoвич, вже твоя,
 Беры мене, пан Шынкoвич, на свого коня,

Завезы мє до матинкы, до того витце.
 Чы буде отец-маты тужыты,
 Як я буду на лавонці лежаты?“
 Тужыт, тужыт отец-маты і родыца,
 Пішла ж наша марне із світа дітына.
 (Зап. Алекс. Билецкій).

Дрогобыч (Стрыйс. окр.)

А на нашім цісарыку шепочка срібна,
 Подывысе, цісарыку, яка Польца бідна.
 Польці бідно, Польці бідно, бо паны відрали,
 А що було по корові, то й жыды забрали,
 Жыды берут по корові, цісар бере діты:
 Ой нема нам, цісарыку, що в Польці сідты.
 Плачут мамы за сынамы, жінкы за мужамы,
 А молоді дівчєточка за кавалєрамы.
 (Зап. Реваковичъ).

Верчаны (Стрыйс. окр.)

Далеко чуваты о такій новынї:
 Забыто Петрусє в Дролынськїй долині
 За такую паню, що вна пана мала,
 Що вна пана мала, Петрусє кохала,
 А по сім раз що-дєсь служкы посылала.
 „—Ой вельможный пале, чо Петрусю ходыт?“
 —„Ой Петрусю ходыт, бо дівчєта любыт“.
 —„Не дівчєта любыт, але саму паню.“
 Радыт слуга пана йїхаты до Львова,
 Що бы пан зайїхав в зелену дуброву.
 А вельможна панї сім служечок мала,
 Сім служечок мала, по Петрусє слала,
 А за осьмым разом сама поїїхала.
 —„Чому ты, Петрусю, до мє не прыйїхав?“
 —„Тому не прыйїхав, маты не зволила“.
 Узєла Петрусє на ковану брыку,
 Прывезла Петрусє до своего двору,
 Узєла Петрусє та й панї вытаты,

Найясніщий бо пан на браму вїїжджаты.
 Вдариласы пані о мур головою:
 — „Петрусю-серденько, пропала-м с тобою!
 Петрусю-серденько, не маєш побою“
 Бо як ты загинеш—і я іс тобою!“
 Узели Петрусє та й слугы везаты,
 Найясніца пані з жалю омліваты.
 Ой взели Петрусє на ковану брыку,
 Повезлы Петрусє у воду вельку.
 Найясніца пані позычыла собі
 У маткы сукманкы, тоненького рубка,
 Пішла візыраты Петрусє голубка.
 Пішла бо вельможна пустымы лугамы,
 Пустымы лугамы, дрібнымы піскамы,
 Вмываласы пані дрібнымы слєзамы.
 Дала бо вельможна в Семигенів знаты,
 Громаду склыкаты, Петрусє шукаты.
 Знаншы бо Петрусє близько Конюхова:
 — „Чому ж ты, Петрусю, не носыдів дома?“
 Скоро ёго взрїла та й поціловала,
 На мезыный палец злоты сигнет ²⁾ дала.
 — „Петрусю-серденько, де ж то ті фуяркы ³⁾,
 Що-м ты куповала кождойі ярмаркы?“
 — „Вступысы, вельможна, збавылась мы сына,
 Вже твойі фуяркы вода прымулыла.“
 — „Не плач, маты, не плач, доста і я плачу,
 Що я за Петрусє своє паньство трачу!“

(Зап. Бучинскій).

Жолковс. окр.

Ішов Журыло з міста
 За ним дівочок трыста.
 — „Чекай, Журыло-папе,

1) Страха.

2) Знакъ, перстень.

3) Свирѣль.

Де твоє військо стане?“

— „У лісі на нывонці,
Пры зеленій ліщынонці.“

Під зелененькым дубом
Былы жомнєры в бубен,
Там я се забавыла,
Черевыкы зіставыла,

Боюсе до дому іты,
Буде ме мама быты
Щіткою, гребінною,
Вєретенюм, кужівкою.“¹⁾

— „Ой ты, Журыло, ой ты,
Куды до тебе зайты?“

— „По загуменю, Ксеню,
На тологы (sic)²⁾ ячменю.“

Куды Журыло ішов,
Туды ячменык зійшов,
А куды Ксеня ішла,
Туды пшєнычка зішла.

— „Пустите нас до Горськойі землі!“

— „Не впустымо, поломыте мосты!“

— „Заплатымо золотым зернєткю.“

— „Не хочемо золотого зернєтка.“

— „Пустите нас до Горськойі землі!“

— „Не впустымо, поломыте мосты!“

— „Заплатымо тым крайным дытєткю.“

— „Не хочемо крайного дытєтка!“

(Зап. Мих. Царь).

Кутузів (Бережанс. окр.)

Ідут волы, ідут волы а все морганысті,
А за нымы молод-Мороз та ще не жєнывсы,
Не жєнывсы, не жєнывсы, та вже і не буде,
Росчесав сы кучерыкы, кавалєром буде.

¹⁾ Родъ пряслицы, польс. *kaźziel*.

²⁾ Вѣроятно, не *тологы*

Коло млына яворына, зацвила калына,
 Укусыла Морозенька лютая гадына.
 Як гадына укусыла, знайдут му сє лкы,
 Як дівчына счірувала, то пропав на вкы.
 Коло млына, коло млына на жовтім пісочку,¹⁾
 Прала, прала дівчынонька від броду сорочку.
 Чья буду, чья буду, Морозова буду,
 Выперу му сороченьку із чорного броду.
 В мене двері оріхові, хата на помості,
 Прийды, прийды, Морозеньку, до мене у гості:
 — „Коли ж тє сы, Морозеньку, маю сподіваты?“
 — „Ой як буде зозуленька о різдві куваты.“
 — „Ще я того, Морозеньку, в світі не выдала,
 Що бы сыва зозуленька о різдві кувала.“

(Зап. Навроцкій).

Около Львова

Ой там в полі береза стояла,
 На березі зозуля кувала:
 — „Чом береза біла, не зелена?“
 — „Як я маю зеленою буты,
 Підо мною стоялы рекруты,
 Підо мною стаялы татары,
 Шабелькамы гілле обтыналы,
 С під коріне воды добували,
 Вороного конє напували.“
 Ой пане нап, пане-каштане,
 Пусты ты нас а в ліс за Венграмы,
 Бо ті Венгры зрадлывіі люды:
 Ой зрадылы коня вороного,
 Ще ізраде хлопця молодого.

(Зап. Мих. Царь).

Сапогів (Чертковс. окр.)

Тай й любылыся двое дітей сердечне,
 А Господь здімав розінгыся конечне,

¹⁾ Переходное разворѣчіе отъ подгорскаго къ подольскому.

Рік ся любылы, а два ся не виділы,
 А як ся взрілы, в тот час ся розболілы.
 Дівчына лежыт в батенька в комороньці,
 А козаченько в зелені дубровоньці.
 Коло дівчыны мід-горівка стоїт,
 А козаченько зымнойі воды просыт;
 За дівчыноньков всі звоны звонят,
 За козаченьком всі дуженькы шумят;
 За дівчыноньков отец-маты плаче,
 За козаченьком чорный ворон краче;
 Над дівчыноньков высокі свічки горят,
 Над козаченьком дві деревы стоят.

(Зап. Кумановскій).

Золочевс. окр.

У суботу із вечора рекрутам заказалы,
 Щоб в неділю як найранче в Золочеві стали.
 А Золочів—славне місто—там побыті кілочкы,
 Гей молоді новобраньці поскыдали сорочкы,
 Бруднесенькі поскыдали, біленькі забрали,
 Як загляне отець-маты з жалю умліває.
 Ой вы орлы-орлысенькі (sic) знесіть ся у гору,
 Гей молоді новобраньці, поверніть ся до дому.
 Рады бы мы ся повернуты—хмара нас налягає:
 Гей рады бы мы ся повертаты—цісар нас не пускає.
 Не так цісар, не так цісар, як цісарська маты,
 Хоче з нами молодыми всю Польшу звововаты.
 Тече річка кырвавая до самого Відня,
 Гей погляньте, новобраньці, яка Польща бідна.

(Зап. Стефановичъ).

Тернопольскій окр.

Чы сь те слыхалы ось такійі (sic) новынї,
 Забыто Петруся в глыбокій долынї.
 За що ж ёго вбыто? За вельможну паню,
 Свого пана мала, Петруся кохала,

¹⁾ Образцы изъ Золочевс., Чертковс. и Тернопольс. округа носятъ ясныя черты подольскаго разнорѣчя.

Та й по п'ять раз на день слуги посилала,
 А за шестым разом сама поїхала.
 — „Покынь же, Петрусю, ціпом молоты,
 Ходы до покою мед-горівку пыты!“
 Найвірнійший слуга взяв коня вороного,
 Поїхав здоганяты пана вельможного,
 Догнав свого пана на калыновім мості:
 — „Вертай, вергай, пане, маєш в дома гості!“
 Став же пан вельможный, ой став він думаты,
 Каже свому слугі коня повертаты:
 — „Стыха, коню, стыха пдо мною!“
 Що бы то застаты Петруся в покою.
 Глянув Петрусь та й в горішну кватыру: ¹⁾
 — „Пані моя, пані, вже пан на подвіру!“
 Глянув Петрусь та й на около очыма:
 — „Пані ж моя пані, вже пан за плечыма!“
 — „Де ж я тя сховаю? Під білу перыну,
 Сама ся положу, сважу, що я гыну!“
 Вытягнулы Петруся за білыі бокы,
 Вікынулы Петруся на Дунай глыбокий.
 Петрусева маты на порозі мліла:
 — „Пані ж моя, пані, десь мы сына діла?“
 — „Не плач, маты, не плач, як я сама плачу,
 Я за твого сына своє панство трачу!“

(Зап. Билинскій).

Віжнця (Буков.) ²⁾

Гей у нашій полонинці та розвив сы бучок,
 Погыб, кажут, Нестерючок від поганых ручок.
 Ек він, кажут, ді погыбав, люде сы збігали,

¹⁾ Форточка.

²⁾ Цясня эта по звуковимъ особенностямъ не отличается отъ образцевъ подгорскаго разпорѣчія. Во многихъ мѣстахъ Коломійскаго округа, напр. въ Яблоновѣ, Ключевѣ, Лючѣ, Березовѣ, Балѣ, Ославѣ, а также и въ Буковинѣ, распространено подгорское разпорѣчіе, хотя народъ называетъ себя Гуцулами.

Шовковими хусточками кровцю тамували ¹⁾.
 Гой лыпіте, люде добрі, вже сы не поможе:
 А за шо ж я погыбаю, ты, мій мылы Боже?
 А за шо ж я погыбаю, та за шо ж я гыну?
 Шо ж я тобі ді завадыв, Зінычуків сыну?
 Не так, кажет, Зінычуку, ек Джімірюк Юрій:
 Порубалы Нестерючка в Путылові в мурі,
 В Путылові, пане, в мурі малёвана свічка:
 Ой прыйіхав пан Джурджуван, та ише пан Гырлічка.
 Гой прыйіхав пан Джурджуван, та й плеснув у руки:
 Шкода ж тебе, ледіныку, Еків Нестерюку!
 Шкода ж тебе, Нестерючку, та на цілі горы;
 А вны ж его на топірцях пдоймылы д горы.
 Пдоймылы ёго д горы, долів ріков неслы:
 Закувалы всі зозулі та ек рідні сестры.
 Гей стали ж вны спочіваты в ростоках на розі,
 Ишов дёдык із Віжныці, умлів на дорозі.
 Ой та неслы Нестерючка по-під Фудуговы,
 А в Віжныці серед рынку дохторі поролы.
 Ой дохторі го поролы, голов му лупалы,
 А Зіныча з Джемірюком в кайданы вкувалы.
 Та дывысы, Зінычуку, та на твою муку:
 Та пропалы тры ледіні через одну суку.
 А на наші пельмонці зродылы ожыны:
 А вже ж тобі, Нестерючку, співанку зложылы.
 А цу ж тобі співаночку ледіні складалы:
 А бы свого побратыма ді не забувалы ²⁾.

(Зап. Федьковичъ).

¹⁾ Тамовас—задерживать.

²⁾ Мы получили эту пѣсню при замѣткѣ г. Федьковича, извѣстнаго галицкаго поэта, родомъ гуцула. Г. Федьковичъ въ немногихъ словахъ метко характеризуетъ поэтическое творчество Гуцуловъ: „Гуцул, говоритъ оны, з роду легкомислий, тому ему і про бувальщину байдуже, і ціла его гадка тягнет за будущим. С тойі причини немає у него ні історичнѣйі думи, ні традиційі, окрім хіба про одного Довбуша. да і у ті більше фантазійі, ніж правди, або лучче сказати, мити. За тото знов Гуцул незрівняний імпровизатор, і що нини станеться, тоє завтра уже і в пісні, і то не абы які, але гарні і поетичні“

Мыкулычын (Колом. окр.)

Ой летіла зозулечка,
 Зачяла куваты:
 Ой то ж мені у свекрухи
 Треба привикаты.
 Ой летіла зозулечка
 По-над сыве дубє:
 Уже рочок, файный ¹⁾ любку,
 Як я тебе люблю.
 Ой летіла зозулечка,
 Та все кокотіла:
 Ой то ж мені панычева
 Хусточка кортіла.
 Не та (sic) хустка, не та хустка,
 Як біленька дудка,
 Як єм-була, так і буду
 Панычева любка.
 Ой кувала зозулечка,
 Та й казала: „күку!“
 Подай, подай на коныка,
 Файна любка, руку.
 Хіба бы я молоденька
 Розуму не мала,
 Та тобі па конычка
 Ручку подавала.

Нема в світі так нікому,
 Як бурлаку молодому!
 Бурлак робит, работає,
 А піт очі зальває.
 Газда ²⁾ іде із охоты,
 Бурлак іде із роботы,
 А газда му повідає:
 — „Де ты, бурлак, забарывсє,

¹⁾ Прекрасный, милый.

²⁾ Хозяинъ.

На вечерю за́пізнявсє?
 Лягай, лягай, бурлак, спаты,
 Нема ты щє вечеряты!“
 Ще бурлак не уложивсє,
 Уже газда пробудывсє:
 — „Годі, годі, бурлак, спаты,
 Чяс в поле во́лы гнаты!“
 Бурлак встав, задумавсє,
 Нема воды, не вмывавсє,
 Нема сукман—не вгортавсє.
 Та бо ще зорі не зорєлы,
 Як бурлак вже гонит в поле,
 А бі́лий сніг налітає,
 Бурлак ноги піднімає.
 Сів булак на купынку,
 Та й здрімавсы на годынку.
 Бодай маты нещаслыва,
 Ще бурлака поро́дыла. ¹⁾

(Зап. Герасимовичь).

Криворівня (Колом. окр.)

Ой слухайте, люде добрі, що хочу казаты,
 Ой хочу я на громаду файно заспіваты!
 Пішов Петро Вотуючок до коршмы гуляты,
 Молодій молодычки в данчык ²⁾ ізвераты.
 Ой кувалы зозуленьки та ще будут выты,
 Зберают (sic) сы товариші вперед коршмы быты,
 А Петрыко молоденький іде розгонаты.
 Сывый голуб, сывый голуб, сывеньке голове,
 Не быйте сы, пышні браті (sic), не тратьте здоровє.
 Ой кувалы зозулиці, кувалы аж вылы,
 А за сесе Петрыка під погы вхопылы.
 Ой кувала зозуленька, сіла на яблінку,
 Петрык ще раз запросыв: „не бый мя (sic), Мырінку!

¹⁾ Піснi изъ Микулчина, по нашему мнѣнію, больше другихъ отвѣствуютъ типу гуцульскаго разнорѣчія.

²⁾ Танчыкъ. Гуцульъ говоритъ: *данчуваты* вм. *танчуваты*.

Ой їму я в ріці рыбку, на кордуні ¹⁾ щуку,
 Даруй мені здоровєчко, Мьрю Зеленчуку!⁴
 Ой кувалы зозулиці, кувалы, кувалы,
 А Петрыка вже так вбылы, а сєк ²⁾ порубалы,
 А вны на то не туралы, в Млынївку загналы.
 Ой єв же мій Петрыко відсы вїплываты,
 А все має тую гадку—за ріку втїкаты.
 Іде баран по-над гору, в него (sic) круті рогы,
 Ой засїлы на Петрыка на бері ³⁾ ворогы,
 Ой вже тобі, Петрыку, послїдні дороги!
 Ой кувалы зозулиці, кувалы та вылы,
 Ой Петрыка в Крыворівні з бєры утопылы.
 Пішлы вївці в Половину, та все самі білі,
 Ой шукалы Петрыка цїлых двї недїлі.
 Ой кувала зозуленька, та все каже: „готи!“
 Пішов Мьрін ⁴⁾ із Юрійком на Вїжницю з плотїв. ⁵⁾
 Пішлы вївці в полонину—все білі блыцц,
 А із плоты вздрїв Юрійко Петрыка в водыці.
 Як єго вны вїтєлы, ватєрку ⁶⁾ розклалы,
 Ой та пішлы в густый лісок пластвя ⁷⁾ утєлы,
 Бо Петрыка молодого водыці накрылы;
 Ой Петрыка молодчыка водыці накрылы,
 А на чєсок (sic), на годынку хрєстык уробылы.

¹⁾ *Кордун*—граница села.

²⁾ *Сєк*—слово, употребляемое въ разныхъ значенїяхъ, большею частїю въ значенїи: *кажется, впрямтїю*. Говорятъ, напр. „був він у тїй хатї?“—„А сєк був“:

³⁾ Колодка черезъ рѣку.

⁴⁾ Не Миронъ Зеленчукъ, который убилъ Петрыка, а Миронсєцъ. Гуцулы называютъ другъ друга не по отечеству и фамилии, а по имени, и сколько бы ни было одинаковыхъ именъ въ одной деревнї, каждый односелець называется иначе: *Иванъ, Ивануха, Ивантуха, Иванец, Ивандо, Янє, Янїє* и проч.

* Плотъ—сплавъ деревьевъ, которыя спускають Гуцулы внизъ по Черемошу.

⁶⁾ Огнище.

⁷⁾ Смерекovyя вѣтви, изъ которыхъ дѣлають носилки для больныхъ и покойниковъ.

Ой зжену ж я в ріці рыбки, та й маленькі щучки,
 Ой занесли Петрыка тай до Болесючки.
 Ой кувала зозуленька, кувала, аж выла,
 Ой Петрыка Болесючка в хату не приймыла.
 Ой а тая Буковина широкого листу,
 Не приймыла єго в хату, поклала на прыспу (sic).
 Ой кувала зозуленька, кувала та выла,
 А Петрыка Болесючка рантухом накрыва,
 А єйі невісточка свічку засвітила.
 А у тойі Болесючки высокі побойі,
 Выйхали на Петрыка войскові дохторі.
 Ой кувала зозуленька в зелені дубынї,
 Одын дохтур а із Кутів, другий з Коломыйї.
 А они го порола обома руками,
 А Васылько воды носыв двома коновками.
 Ой вдарылы у два дзвона, а в третї цымбалы,
 Що бы ж того Петрыка в цвнтарі сховали.
 Ой кувала зозуленька, сіла на пречівкы:
 Дай ты, Боже, Петрыку, лехкі (sic) супочынкы!
 Ой іду по над Млынївку, заграю в сопівку,
 Тепер Петро осиротыв Цёмаєву дівку.
 Петрыкова дівка ходыт, ходыт та голосыт,
 Петрыкову хустыночку по за шыю носыт.
 (Зап. Навроцкій).

Жевачів (Колом. окр.)

Ой вышенька-черешенька рісенько зацвіла,
 Нецяслыва Гоцулія, що бульба ¹⁾ шігвила (sic).
 Яє узела бульба гныты—біленька, як клубкы,
 Зачаяла сы Гоцулія росходыты с купкы.
 А ходжу я по-над воду, там рыбочка ходыт:
 Просім Бога, Гоцулія, чей сє (sic) бульба вродыт.
 Прыйшла карта сєго Марта від святого отця,
 А хто йїї ба і пысав? Пресвятая Тройця!
 Хто бы такый годен був ту карту чытаты?

¹⁾ Картофель.

Як увели присігати до пів-половиці,
 Взели жиды продавати дорогі спідниці.
 Бодай с тебе, жидуныку, дїтько (sic) тегав струны:
 Ой не єден пан господар (sic) збавивсе фортуны.
 Ой не єден пан господар пив півтора тыжні,
 А як прыйшов до домоньку, забыв свого блыжні (sic),
 Та най бы то свого блыжні, а то свою жінку,
 А все то-то, жидуныку, через твою горівку ¹⁾.
 (Зап. Волошанюкѣ).

Космач (Колом. окр.)

Ой слухайте, люде добрі, щось маю казати,
 Якусь ім чув новыночку, мушу заспівати.
 Кобы-м могли, люде добрі, Богу не грішныи,
 Бо вже біда не далеко, мемо мало жыты.
 Ой вы, люде преславнійі, просіт пана Бога,
 Бо вже буде наступаты тысячє Петровє.
 Ой як буде наступаты тысячє Петровє,
 То так мемо вігыбаты, як лыст від морозу,
 Ой як лысте від морозу, як попел від вітру:
 Ой настала ж та ненависть вже по всѣму світу.
 Не одын сы ба й говорыт, не одын сы мыслыт,
 Щє цар (sic) людей ба й вітратыт, що дупі не лышыт.
 Ой пізначно ж, побратымку, такого помору,
 Як украде злодій ярче від шістьдєсєт дробу.
 Як украде злодій ярче—не велька шкода,
 Та чы ймемо вігыбаты від Господа Бога?
 Але просіт, каже, Бога, саракы ²⁾-руснакы,
 Бо вже на вас, каже, важе Венгер та Полякы.

Шешоры (Колом. окр.)

Забарывсы пан Сава на паньскым (sic) обіді,
 Та він знає свойі біды, що сы в дворы діє.
 Йде пан Сава дорогою, кінь сы потыкає,

¹⁾ Образецъ переходнаго разворѣчїа отъ гуцульскаго къ подгорскому.

²⁾ Сироты.

А він конє нагаєчков—внє здрібно ступає.
 —„Ступай, коню, під мою з дрібною, з дрібною,
 Цы я буду вечеряты із своєв мылоу?“
 Та прыйїхав пан Сава на нове подвіре,
 Пытає сы челядочки, що сы в дворі діє?
 —„Гей нічого, пане Саво, й а ще ліпше з вами,
 Але вбыті дороженькы вашымы ланамы.
 Ой нічого, пане Саво, щіслыва годына,
 Ваші жона, наші маты породыла сына.“
 А сів собі пан Сава, дрібне лыстє пыше:
 —„Піды, хлопче, піды, малый, уточы горівкы,
 Най сы напїу за здоровє та до своєй жінкы.
 Піды, хлопче, піды, малый, та й уточы пыва,
 Най сы напїу за здоровє та до свого сына.
 Піды, хлопче, піды, малый, а уточы меду,
 Тежко душі, тежко серцю, головкы не звезду.“
 Пішов хлопец, пішов малый, не дійшов пывныці,
 Паптрыкалы гайдамакы вікном до світлыці.
 —„Та помай Біг, бодай здоров, як сы, Саво, маєш,
 Та далекі гості прыйшлы, чым йїх поспїймаеш?“
 —„Давав бых йїм срібло-злото—вны не хотє браты,
 Але ходім на подвіре—будім сы махаты.“
 Але взєвсы а пан Сава до ясної мечы,
 А вны взєлы пана Саву по-під праві плечы.
 Але взєвсы а пан Сава до ясної збройі,
 А вны взєлы пана Саву на тры шыці д горі,
 Та поклалы пана Саву на жовтый пісочок,
 Та здіймылы с пана Савы ясныи образочок.
 Ой поклалы пана Саву на тесову лавку,
 Ой здіймылы с пана Савы сорочку крївавку.
 Ой поклалы пана Саву на тесові стїлці,
 Ой здіймылы с пана Савы чобіткы-червінці.

Ослав (Колом. окр.)

Ой вїду я на могылу,
 Подывлює у долину,
 Всі жовніры в войны ідут,

Лишень мого шаблю несут:

Ой ще сосна не віросла,

Ще осыка не велика,

Ой ще-ж бо я не удова,

Мойі діти—не сироты.

Ой війду я на могылу,

Подывлює у долыну:

Всі жовніры з війны ідут.

Лишень мого коня ведут:

Ой ще сосна не віросла,

Ще осыка не велика,

Ой ще-ж бо я не удова,

Мойі діти—не сироты.

Ой війду я на могылу,

Подывлює у долыну:

Всі жовніры з війны ідут.

Лишень мого зброю несут:

Ой вже сосна, вже віросла,

Вже осыка ба й велика,

Ой я ж бо вже бідна удова,

Мойі діти вже сироты.

Пры пьетныці, пры неділі,

Всі сы горы прыоділы,

Лыше й одна, але ж гола,

Бо сыділа на ній удова.

Пішла удова долынамы

З дрібненькымы дітонькамы,

Прылітає ід ній ворон:

— „Цы вуды ж ты, удово, йдеп?“

— „Іду гробы відгребаты,

Свого мужа пізнаваты“.

(Зап. Бучинскій).

Козёва (Стр. окр.)

Пішла дівка квітки рваты,

¹⁾ П'єсни изъ *Космача*, *Шешоръ* и *Ослава* записаны въ гуцульскихъ мѣстностяхъ, но удерживаютъ особенности подгорскаго разнорѣчя.

Зеленийки вінки выты,
 Прийшов же д ні дворак йійі:
 — „Продай, дівко, вінок мені!“
 — „Біг-же бым ты і два дала,
 Бым-ся братця не бояла“.
 — „Счаруй же ты братця свого,
 Будеш мя маты молодого“.
 — „Я бым его счарувала,
 Кобы ж бы я чары знала“.
 Йды до саду явышнёго, ¹⁾
 Злапай пташка залёного,
 Звары его в чорній юшці,
 Пристане те брату в душці.
 Постав его до скляныці,
 Понеси го до пивныці,
 Та дай ёму пыва пыты,
 То не довго буде жыты.
 Іде братцё із войнечкы,
 Несе сестрі сукенечкы,
 Братец сестрі з даройкамы,
 Сестра брату с чаройкамы:
 — „Ой на, братцю, та пый пиво“.
 — „Пый ты, сестро, пиво сама,
 Коль ты ёго зготовала“.
 — „Ой я, братцю, пиво пыла,
 Тілько-м тобі зоставыла“.
 Явся пыва напываты,
 Явся с коня похыляты.
 Пиво піє, с коня летсі:
 — „Вважай, сестро, я мав дзеці,
 Що то, сестро, й а за пиво,
 Що за серце ізвялыло?“
 — „Ой ляж, братцю, та проспсыся,
 Твоє серце окріпыться“.
 — „Бери, сестро, коня мого.

¹⁾ Випиваго.

Ратуй мене молодого!⁴
 Вна на то-то не вважала.
 До дворака поїхала:
 — „Ой двораку, дворачейку,
 Возьми мене за жноіку“.
 — „Як же мені тебе браты,
 Коль ты знаєш чароваты?
 Счаровала сь брата свого.
 Счаруєш мя молодого.“
 — „То ні братця, ні дворачка,
 Пішла ж бы я за жебрачка: ¹⁾
 Жебрак, жебрак хліба просыть,
 А я за ным торбы носыть.

Ой шла дівчына горов високою.
 Іздыбалася із жовняром молодецькым.
 Ой дав він їй коничейка держаты,
 А сам пшов доріжейкы глядаты.
 Оглядав же він до темнейкої ночы,
 Упала роса с темного ліса на чорнейкыйі очы.
 Ой як на очы, так на очы, так на жовту косу,
 Ой що я на ні рутовий вінок ношу?
 — „Ой де ж будемо та ночуваты,
 Моя любая дівчынкойко?“
 — „У псойку, пры поточыку,
 Із тобов, нелюбойку!“
 — „Ой що ж мы соби та постелемо,
 Моя любя дівчынкойко?“
 — „Постелылася травка-муравка
 Із тобов, нелюбойку!“
 — „Ой чым же мы ся та укрьємо?“
 — „Укрыла ты божа рызая!“ (sic)
 — „Ой чым же мы ся та повмываємо?“
 — „Ой ты росою, а я слёзовіу (sic).
 — „Ой чым же мы ся повтыраємо?“
 — „Ой ты рушничком, а я бідочком!“

¹⁾ Жебрак — нищій.

- „Ой що ж будемо та обідати?“
 — „Ой ты ягідку, а я ябідку (sic)!“
 — „Ой куды ж мы ся та розійдемо?“
 — „Ой ты горовйу, а я друговйу!“
 — „Ой де ж мы ся та зійдемо?“
 — „На там-тім світі, на страшнім суді!“

На мене ся біда гніват,
 На мене ся й дуг:
 Ой не знає огыдыця,
 Що мылий міркує.
 Бодай же ты, дівчинойко,
 Хоріла—боліла,
 Що ты не раз колачыка
 У любчыка йіла.
 Ой цы ты ся, файна любко,
 Не устыдыш мамкы,
 Таку біду обіймаєш
 Гіршу від цыганкы. ¹⁾

(Зап. Русовъ)

¹⁾ Изъ Козёвы доставлены намъ образцы бойковского разнорѣчя. Карпатскіе бойки называютъ себя верховинцами и обижаются, когда называютъ ихъ бойками. Подгоряне, жители равнинъ, называютъ бойковъ лечеными, педовареными. Очень распространена между Гуцулами и вообще во всей Галиціи слѣдующая пѣсня о бойкахъ:

Ой Гуцулы, Гуцуленькы!
 Де сѣте Бойка ділы?
 Цы сѣте спеклы, цы зварылы,
 Цы сырого зйілы?
 — „Мы не пеклы, не варылы,
 Не сырого йілы.
 Умер Бойко, умер Бойко,
 Бойкове дзвоннылы.
 Як сѣ Бойко схопыв з лавы,
 Ледве его здогоннылы.

Изъ угорской Руси. ¹⁾

(Лемковское разнорѣчье).

Ой там дале підъ яворомъ
 Оре дѣвка (дівка) ²⁾ однимъ (єдным) воломъ,
 Щи и (і) ³⁾ бразды не съорала,
 Вже ю мати заводала.
 Дѣвко, дѣвко, пой до дому,
 Продамъ ты не знамъ кому,
 Продамъ ты Янечкови,
 Великому збуйничкови.
 Въ ночи прійде, въ ночи поїде,
 Нѣгда ми ничъ (нич) не принесе,
 Лем кошульку поторгану
 И (і) саблечку скирвавлену.
 „Чугай, белай, бѣлый хлопецъ,
 Кидь бись такой (?), якъ твой (?) отецъ,
 Дала бимъ ты покупати,
 Кавкамъ, вранамъ раздзобати!“
 „Спѣвай, жоно, якъ спѣвала,
 Колись хлопця колысала!“
 — „Я хлопеци не спѣвала,
 Лемъ емъ (єм) пестуночѣ мала.“
 — „Ставай, жоно, на колѣна,
 Най и (і) спаде твоя глава!“
 — „Волѣвъ бесъ (sic) руки рубати,
 Якъ ми маешъ (маєш) главу сняти!“
 — „Подай дѣтя сюда мое (є),

¹⁾ Помѣщаемъ нѣсколько образцовъ угро-лемковского разнорѣчья, напечатанныхъ въ Зап. геогр. общ. 1867, т. I и въ Научномъ сборн. 1865 г. II и III. Не измѣняя правописанія подлинниковъ, мы предлагаемъ и свою транскрипцію звуковъ въ тѣхъ случаяхъ, когда, по нашимъ соображеніямъ, этимологическіе приемы записывателей не сходятся съ фонетикой угро-лемковской рѣчи.

²⁾ ъ вездѣ надо читать, какъ і.

³⁾ и мы читаемъ, какъ ѡ, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда въ скобкахъ помѣщаемъ і.

Пестуночко вѣрна моя!“
 Едне личко цѣловала,
 А другое (ѣ) укусила:
 — „Дамъ ти, сыне, на памятку,
 Коли стинавъ отецъ матеу.

(Зап. геогр. общ. 673—74).

На дворѣ годиночка ясна,
 У нашего кума гостиночка красна.
 Ой куме мой (?) молодой,
 То вамъ напои дорогій, (?)
 Еднакъ солодко го пити.
 Кумова слава,
 Коли иде (иде) кума пьяна (пиана)
 По-подъ новѣ будиночки
 Отъ кума изъ (из) гостиночки.
 Веселость моя, десь у ня ся взяла!
 Тото минѣ тото моя кума дала.
 Дала минѣ, дала у писаномъ (?) погарѣ,
 Быхъ ся веселила у семъ (?) честномъ (?) домѣ.
 Паленочко наша, не течешъ (течеш) намъ изъ (и) лѣса,
 Лемъ течешъ изъ ретязѣ за нашѣ пѣнязѣ.
 Нашого кумочка калная уличка,
 А я по ней ходжу, а ся не наброджу.
 Завазали козы, овцѣ, аби ишли (ишли) гостѣ отцѣ,
 А барана зарѣзали, аби щи собѣ погуляли.
 Пей (?), кумцю, я не буду, дай паличку, най домовъ иду (иду).
 Годѣ, кумцѣ-дѣтиночку, годѣ, кумцѣ-соколичку,
 Кумцѣ моя, кумцѣ, зъ чорныма очима,
 Якась сама красна, така ти дѣтина!

(Ibid. 689—690).

Въ солочинской (?) церкви
 Сами дзвоны двонягъ,
 А мой любий нянько ¹⁾

¹⁾ Отецъ.

Въ сирой земли лежать (лежат).
 Лежать они, лежать,
 Тамъ ся розгнивавуть (рознівавуть),
 А наши серденька за нимъ умиравуть (уміравуть).
 (Ibid. 688).

Плакала мамочка, плакала сестричка,
 Ажъ ми ся удала до боку сабличка,
 Сабличка не моя, пана Чисарова,
 Кедь ся съ нѣвъ урубамъ, то серенча ¹⁾ моя.
 Вояки, вояки, вшитки съте еднаки,
 Якъ би васъ родила една стара мати!
 Вербувуть (вербувуть) гусары по-пудъ зелений гай,
 И (і) я ся свербуву—своей милои (мылої) жаль.
 (Ibid. 673).

Ой на горѣ синета,
 Пасло дѣвча ягнята,
 Накопало собѣ корени
 Съ попь (sic) бѣлого камня.
 Ици корень не сплѣвъ,
 Уже милий притримтѣвъ:
 — „Ой што тебе принесло,
 Ци кочія, ци весло?“
 — „Приньусь (sic) мене сивый конь (вѣроятнѣе, кунь),
 Бо я теперь (тепер), душко, твуй!“
 (Ibid. 687).

Иду (іду) горѣ селомъ, за мновъ ся бѣлѣе (ε),
 Кто (?) ня давно любивъ, добрѣ не здурѣе (ε).
 Я учора не пряла, а и (і) днесь не буду,
 Мновъ люде журяться (журятся), ожъ я гола буду.
 А воробокъ испраде (іспраде), а синица утче:
 Позирайте, люде, котра краше вуйде!
 (Ibid. 688).

Святый вечуръ, добрый вечуръ!
 А вы, люде, знайте,
 Бога споминайте,

¹⁾ Счастье.

А намъ колачъ дайте!
 Кедь не дасте колача.
 Выведемъ вамъ рогача,
 Рогомъ. рогомъ трубити,
 На колачи рубити,
 А намъ колачъ дайте!

(Наук. сборн. т. II. 109).

Виходить (выходит), виходить
 Зъ-за горы зорничка.
 Ужь (?) вамъ ся выбратьъ.
 Зъ хижи робѣтничка.
 Верни ся, Марьо, зъ дверій.
 Подякуй матери (і)
 За постель писану,
 Скриню малѣвану.
 Поде Марья, поде,
 Где ся хлѣбъ не родить (родит).
 Лемъ дробни бандурки 1),
 Што ихъ (йіх) їдятъ курки.
 Поде Марья, поде,
 Где ся чикы 2) родятъ,
 Кедь вона вылѣ,
 Та по смѣтью ходятъ.
 Поде Марья, поде
 На другу дыдыну (sic): 3)
 Дай ей (?), пане-Боже,
 До года дѣтину!

(Наук. сборн. т. III, 158).

Галицкій говоръ распадается на три главные разнорѣчія: подгорское, гуцульское и лемко-бойковское. Последнее, обыкновенно, подраздѣляютъ на лемковское и бойковское, но мы не видимъ существенныхъ *зауковылъ* отличій между рѣчью лемковъ и бойковъ. Можно

1) Картофель.

2) Словац. *čik* изъ Мадьярс. *csic*, родъ вьюна.

3) Село.

подмѣтитъ у бойковъ, особенно у верховинцевъ, одну только особенность, именно, они говорятъ нѣсколько нараспѣвъ, чего нѣтъ у лемковъ. Сверхъ того, лемки во многихъ отношеніяхъ подчинились влиянію польской и словацкой рѣчи, хотя это влияніе въ массѣ лемковскаго населенія распространено не въ одинаковой степени. Торонскій, а за нимъ Цотебля¹⁾ приписываютъ *всѣмъ* лемкамъ потерю подвижнаго ударенія, которое постоянно стоитъ на предпоследнемъ слогѣ, какъ въ польскомъ нарѣчій, но это нужно сказать собственно о лемкахъ, которые живутъ въ Сандецкомъ и пограничной части Ясельскаго округа. Здѣсь, по р. Вислоку, переходное разнорѣчіе, но отъ Вислоки по Вислокъ, въ средоточіи лемковскаго населенія, фонетическій слѣдъ посторонняго влиянія въ удареніи совершенно исчезаетъ. По сию сторону Карпатъ лемки живутъ въ горной части округовъ Сандецкаго, Ясельскаго и части Сапоцкаго. Южное теченіе Сана отдѣляетъ ихъ отъ бойковъ, которые населяютъ, главнымъ образомъ, Стрыйскій округъ, отчасти Самборскій и Сапоцкій. Поселенія бойковъ идутъ до Быстрицы и Лимницы, гдѣ бойки встрѣчаются съ подгорянами. Здѣсь подгорское разнорѣчіе отдѣляетъ гуцульское отъ бойковскаго. Центромъ гуцульскаго разнорѣчія можно считать верховья Прута, Черемона и Серета, затѣмъ, граница его съ подгорскимъ разнорѣчіемъ приблизительно опредѣляется хребтомъ Ракигой, который уступами спускается къ Пруту, параллельно съ тѣмъ хребтомъ, который идетъ къ Быстрицѣ и Лимницѣ. По обѣимъ сторонамъ Днѣстра тянется центральное галицкое разнорѣчіе—подгорское. Подгорское населеніе расположено, главнымъ образомъ, на пространствѣ между Карпатами и Днѣстромъ. Собственно Подгорьемъ можно считать города: *Коломию, Городенку, Заболотовъ, Снятинъ, Станиславовъ, Богородчань, Надвірну, Десятинъ*. На лѣвой сторонѣ Днѣстра подгорское разнорѣчіе граничитъ съ подольскимъ, которое по основному звуковому строю сходно съ лемко-бойковскимъ. Уже подъ Львовомъ слышно подольское разнорѣчіе, затѣмъ, распространяется оно къ востоку и югу (вокругъ *Золочева, Тернополя, Тереховли, Збаража*). Что касается до угорской Руси, то въ ней распространены собственно разнорѣчія гуцульское и лемковское. Они перерѣзываютъ Карпаты отъ сѣвера и юга: первое слышно вокругъ *Сигети*, второе—близъ *Мункача, Ужго-*

¹⁾ Зори галиц. 1863, 423. Цотеб. Два изслѣд. 154.

рода, Гомонной и Прашева. Угорскія разнорѣчія сами по себѣ не представляютъ ничего цѣльнаго.

Таково въ общихъ чертахъ географическое распространеніе галицкихъ разнорѣчій.

Переходя къ указанію звуковыхъ особенностей каждаго галицкаго разнорѣчія въ отдѣльности, считаемъ нужнымъ прежде всего замѣтить, что всѣмъ имъ свойственно широкое *ы*, въ которомъ смѣшались основное *и* и основное *ы*. Въ правописаніи галицкихъ собирателей образецъ народной рѣчи господствуютъ въ отношеніи къ этому звуку ненаучныя воззрѣнія. Защитники этимологическаго правописанія (Головацкій, Осадца, издатели „Львовскаго слова“) ставятъ *ы* и *и* тамъ, гдѣ требуетъ этихъ звуковъ славянское словопроизводство, раздвигая ореографическія рамки до той широты, которая грозитъ народной рѣчи (по крайней мѣрѣ, на письмѣ) потерей всякой индивидуальности. Очевидно, эти ученые трудятся надъ постройкой такого дома, въ которомъ легко могли бы помѣститься не только русскія, но и другія славянскія нарѣчія. Другіе же, наоборотъ, идутъ, по видимому, въ противоположную сторону, отстаивая фонетическое начало въ правописаніи, но и эта фонетика имѣетъ какой то странный видъ. Вооружаясь противъ этимологическаго направленія, защитники фонетики, подъ влияніемъ литературныхъ образцовъ украинскаго говора, въ которомъ нѣтъ широкаго *ы*, утверждаютъ, что и въ галицкомъ говорѣ нѣтъ *ы*, и потому всюду пишутъ *и*—вмѣсто основнаго *и* и основнаго *ы*. Это тоже своего рода этимологія, подсказанная борьбою литературныхъ партій и ни въ какомъ случаѣ неумѣстная въ наукѣ о языкѣ, въ интересахъ которой мы рѣшились стать независимо отъ литературныхъ увлеченій, возстановляя *ы* сообразно съ дѣйствительною фонетикою галицкихъ разнорѣчій.

Главная особенность подгорскаго разнорѣчія заключается въ замѣнѣ звука *я*, послѣ шипящихъ *а*, звукомъ *є*. Эта замѣна особенно часто встрѣчается послѣ шипящихъ (кромя немногихъ словъ: *шабля*, *чары*, *чужа*, *наша*) и вообще послѣ согласныхъ, въ которыхъ явно или скрыто существуетъ юта: *теє*, *тежко*, *месо*, *гонеє*, *ходє*, *наметь*, *насиє*, *телеє*, *рѣбый*, *пиєныцеє*, *жєль*, *и с*, *щєстє*. Не переходитъ *я* въ *є* въ тѣхъ случаяхъ, когда съ гласнаго *я* начинается слово или слогъ, особенно послѣ твердыхъ гласныхъ: *я*, *чыл*, *пояє*, *стояты*,

черная, иногда и послѣ согласныхъ, въ особенности послѣ *л*: *для, лях, уляты, бялава*. Сообразно съ этимъ основнымъ фонетическимъ явленіемъ, *ся* переходитъ въ *се*: этотъ слогъ безъ ударенія часто звучитъ, какъ *сы*. Ассимилирующее вліяніе юты переводитъ иногда *е* въ *и* (*ji*): *цістѣ, місіи*. Особенно часто встрѣчаются такія формы въ южномъ Подгорьи, откуда онѣ проникли и въ гуцульское разнорѣчіе. Въ предложныхъ словахъ предлогъ *вы* звучитъ, какъ *ві*: *віходыты*. Система согласныхъ звуковъ близка къ украинскому говору, только *ц* и *р*, безъ поддержки гласныхъ звуковъ, звучатъ твердо: *отец, господар*; согласный *р* иногда выговаривается твердо и съ гласнымъ звукомъ: *господара, господару*.

Аналогически съ подгорскимъ превращеніемъ послѣ шипящихъ *а* въ *ε*, въ гуцульскомъ разнорѣчьи *а* превращается въ *я*: *жаль, цястѣ, чяе*. Иногда и другія гласныя послѣ шипящихъ ютируются, иными словами, шипящія способны къ смягченію не предъ оддемъ только *а*, но и предъ *е, о, у*: *ножя, ножсвы, ножю, щѣ*. Звучитъ мягко также и *р*: *брат, церьков*, въ концѣ словъ, безъ опоры на гласный звукъ, твердо: *цар*. Свистящія въ концѣ словъ, а также въ срединѣ словъ предъ согласными, произносятся твердо: *війско, візие, гуцульскый, лепскый, сес табунци*, но съ опорой на гласный звукъ—мягко: *табуниця*.—Встрѣчается ассимиляція звучныхъ согласныхъ въ отзвучные, впрочемъ, спорадически, не въ видѣ постоянного явленія, напр: *прысна* ¹⁾).

Если исключить изъ лемко-бойковского разнорѣчья постороннія вліянія и кой-какія звуковыя особенности, собственно этимъ разнорѣчіямъ принадлежація, то они въ фонетическомъ отношеніи не представляютъ намъ существенныхъ отличій отъ разнорѣчья подольскаго ²⁾).

- 1) Широкое *ы*, свойственное всѣмъ галицкимъ разнорѣчіямъ, у бойковъ и лемковъ произносится еще шире, особенно послѣ гортанныхъ.
- 2) У тѣхъ и другихъ распространено стяженіе гласныхъ въ глаголь-

¹⁾ Гуцульское разнорѣчіе представляетъ оригинальныя морфологическія особенности: 1) третье л. множ. ч.: *стоя, говоря, гомоя*,—если же есть *т*, то оно произносится твердо; 2) *му, меш, ме, мем, мете говорить*. 3) Есть старинное прошед. вспомог. глагола: *шиоу бых*. 4) Эплитическія формы: *булям, ходылям*, вм. *булымо*.

²⁾ Лемки получили свое названіе отъ частицы *лем* (словац. *lep*—только), которую изобилуетъ ихъ разговорная и даже поэтическая рѣчь.

ныхъ формахъ, именно въ глаголахъ съ темой на *a* нѣтъ соединительной гласной: *идамъ, идаши, идашъ*, во мн. по словацки: *идеме, не-семе* вм. *мо*. 3) *Нь* превращается въ *й* въ прилагат. и существ. уменьшительныхъ: *блѣйкый, двойка* и проч. 4) У бойковъ встрѣчается иногда *зіяніе*: *гадаутъ, дуге, заши, в покоахъ*. 5) У лемковъ предъ начальнымъ *a* нѣтъ иногда *іоты*: *айце, авор, авко, астряб* ¹⁾.

Фонетика угорскихъ разнорѣчій представляетъ пеструю смѣсь гуцульскихъ и лемко-бойковскихъ звуковыхъ особенностей ²⁾. Собственно въ угорской Руси встрѣчается *у, ю* изъ основнаго *о, е*—черта, роднящая угорскія разнорѣчія съ сѣвернымъ малорусскимъ говоромъ и при этомъ отсутствующая въ другихъ галицкихъ разнорѣчіяхъ.

Представляя этотъ общій обзоръ фонетическихъ особенностей галицкихъ разнорѣчій, мы считаемъ нужнымъ заявить, что не имѣли въ виду начертить полную картину ихъ со всѣми подробностями. Задачей нашей было указать только рѣзко выдающіяся, типическія черты галицкой фонетики. Поправки и дополненія примемъ съ благодарностію. Послѣднія тѣмъ болѣе необходимы, что мы не имѣли возможности собрать въ достаточномъ количествѣ данныя, относящіяся къ разнорѣчіямъ угорскимъ и лемко-бойковскому. Больше всего у насъ собрано матеріала, характеризующаго подгорское разнорѣчіе.

Для наглядности прилагаемъ два образца такъ называемыхъ смѣшанныхъ склоненій по тремъ галицкимъ разнорѣчіямъ: лемко-бойковскому, гуцульскому и подгорскому.

		<i>Лемко-бойковс.</i>	<i>Гуцульс.</i>	<i>Подгорс.</i>
<i>Имен. ч.</i>	Имен.	ніж	ніжь	ніж
	Родит.	ножа	ножя	ножѣ
	Дат.	ножевы	ножѣвы	ножевы
	Винит. какъ	именит.		
	Зват.	ножу	ножю	ножу

¹⁾ Въ склоненіи существит. по мѣстамъ сохранились старинныя формы: дат. мн. *имъ* изъ слав. *омъ, немъ*: *хлопимъ, конимъ, псѣмъ*,—творит. мн. *з дрыви, з воли*,—твор. ед. женс. именъ *ов* и *ом*: *водов* и *водом*.

²⁾ Наиболѣе полное описаніе угорскихъ разнорѣчій мы нашли въ статьѣ И. И. Срезневскаго, помѣщенной въ Вѣстникѣ географ. общ. 1852, кн. 2-я.

	Творит.	ножем	ножем	ножем
	Мѣст.	ножи	ножі	ножи
<i>Множ. ч.</i>	Имен.	ножі	ножі	ножі
	Родит.	ножив	ножив	ножив
	Дат.	ножам	ножам	ножем
	Винит. и зват.	какъ	именительный	дательный!
	Творит.	ножами	ножами	ножами
	Мѣст.	ножах	ножах	ножах.
<i>Единс. ч.</i>	Имен.	душа	душа	душѣ
	Родит.	душі	душі	душі
	Дат.	душы	душі	душы
	Винит.	душу	душо	душу
	Зват.	душо	душѣ	душо
	Творит.	душов(ев)	душѣв	душов(ев)
	Мѣст.	какъ	дательный.	
<i>Множ. ч.</i>	Имен.	душі	душі	души
	Родит.	душ	душъ	душ
	Дат.	душам	душам	душам
	Винит. и зват.	какъ	именительный.	
	Творит.	душами	душями	душями
	Мѣст.	душах	душях	душях.

Подольскія разнорѣчя.

Ой по горі по высокі (sic) голуби літали:
 Не зазнала роскошнѣкы ні в тата, ні в мамы.
 Ой по горі по высокі голубы літают:
 Не зазнала роскошнѣкы—уже й літа минают.
 Літа ж мойі молоденькі, літа ж мойі слічні!
 Як підемо за мылого, будьте довговішні!
 Як підете за мылого, літа, продовжіться,
 Як підете за нелюба, літа, вкоротіться!
 Ой візьму я жыта в жменю, а в другу ячменю:
 Завязала сь, лыха доле, руки без ременю.
 Лыху долю ні продаты, ані промінаты,
 Тільки треба з лыхов долев свій вік карататы.

Тяжко мені, на серденьку нудно,
 Що без мылого жыты в світі трудно.
 Не мыла худоба, а ні в стові жыто,
 На мойм серденьку, як ножем пробыто.
 Як ножем пробыто, то знайдуться лікы,
 Пішла-м за нелюба—пропала на выкы.
 Ой у полю, полю качечка ночує,
 Ой мій мыленькый до другой мандрує.
 —„Ой як маєш жінку, то іды до дому,
 Як не маєш жінкы, то ночуй зо мною.“
 —„Ой маю я жінку, ще й діточок двоє,
 Жінка не мыла і діты обоє.“

Або з тугы, або з журбы в черныці піду,
 Скажу собі збудуваты хатыну нову,
 Скажу собі вырубаты тры віконьці:
 В перше віконце видно на манастыр,
 В друге віконце видно в чисте поле,
 В третє віконце видно в сад-выноград.
 По тім садочку черныці ходят,
 Вырвали по яблучку та й раду радят,
 Вырвали сьте по яблучку, вырвіт ще двоє,
 Вырвіт ще двоє, та вырвіт ще й моє.

(Записано въ Рудавкѣ, Каменец. у.)

Оре плужок по-над лужок сірымы воламы:
 Выйды, выйды, моє закохання, с чорненькымы брівонькамы.
 Чорна горо, чорна горо, чом ся не лупаєш?
 Ты, дівчыно, моє закохання, чом ся мені не признаєш?
 Хіба-ж бы я с піску була, щоб я ся лупала:
 Хіба ж бы я розуму не мала, щоб я тобі ся признала?
 Упав сніжок на обліжок, зробився водою:
 Ой чы тужыш ты, мыленька, так за мною, як я за тобою!
 Ой тужу я мыленькый, тужу,
 Зачекай, мій мыленькый, хоть штырі неділі—най года дослужу!
 Посію я тры гарці жыта, а четвертый пшениці,
 Як не піду сёго року за-між, то піду в черныці.
 А в черныцяхъ—йісты, пыты, хороше ходыты,

Тільки мому серцю сухота, що нікого полюбить.
Посію я три гарці жыта, а четвертый гречкы:
Ой не сватай русын полькы, щоб не було суперечкы.
Прыйде той день субота, будем ся сварыты,
Бо не схоче твоя мазуречка по два борці варыты.
Посію я три гарці жыта, а четвертый проса:
Ходыла я в батька в черевыках, тепер хожу боса,
Ходыла я в черевычках с срібнымы пражкамы,
Тепер хожу на морозі біленькымы ноженькамы.

(Запис. въ с. Садкахъ, Ямпольс. у.)

Ой у лузі, лузі зузультка кувала,
Зузультка кувала, всю правду казала:
Маты свого сына в військо выражала.
Ой выражала, та й распоражала:
Як будеш, сынку, в війську служыты,
То не забувай до церкви ходыты,
До церкви ходыты, Богу ся молыты:
Буде тобі, сынку, сам Господь годыты.
Ой маты, маты, Васылыхо!
На-що породыла на печаль, на лыхо?
Ой паны наші, паны комысары!
На що ж вы нас в чужый край загналы,
На що намы, молодьцями, Турка воювалы,
Нашою кістею мосты выстылалы,
Нашою кровлею (sic) землю нанувалы?

(Запис. въ с. Серединкѣ Гайсинс. у.)

Волинскія разнорѣчя

Большыя моя головоюка ще й очі—
Годуваты дрібн'і діты, а нема чым!

1) Очень жалѣемъ, что не могли собрать въ большемъ количествѣ образцовъ подольскихъ и волинскихъ разнорѣчій. Впрочемъ, и тѣхъ данныхъ, которыя мы представили, совершенно достаточно для того, чтобы видѣть переходный характеръ этихъ разнорѣчій. Съ фонетической стороны подольскія разнорѣчія ближе стоятъ къ украинскому говору, со стороны формъ—къ галицкому. Самыя формы, сближающія подольскія разнорѣчія

— „Не журися, бідна вдово, не журися,
Тільки встанеш, зараз Богу молися!“
— „Ой молила я Бога, все молила,
Тільки свої діти а зморыла!
Ой лугами, берегами, ще й лугом,
Ой там плине лебедыця з лебедем.
Гіля, гіля, лебедята, на ріки:
Горе мені а вдовоюці на віки!“

Ой ты, дубе кучерявий, гыле твоє гнегся:
За козаком молодейкым тэжко (sic) серце бйльсья.
Як не знала козачейка, була як калына,
Тепер же я зробылася, як та біла глына.
Летыть голуб від голубы, та й сів він на руті:
Нужу серцем без козака, як той злодій в путі.

(Запис. въ Бережцахъ, Владиміро-волинс. у.)

Через моє подвіречко стежечка лежить,
Туды моя дівчыпойка по воду біжить.
А я свою дівчыпонуку (sic) на жарг зачепыв,
А я з своїй дівчынойкы перстінчык здиймыв.
А вже ж в мойім подвіречку бурйаны цвітуть,
А вже мою дівчынойку до шлюбу ведуть.
Йідеп веде за ручейку, другый за рукав,
А третєму жалко стало: любыв—та не взяв.

(Запис. въ Гуцѣ Владиміро-волинс. у.)

съ галицкими, постепенно исчезаютъ въ восточныхъ уѣздахъ подольской губ. Волинскія разнорѣчія представляютъ еще большую нестроту, чѣмъ подольскія. Въ сѣверной части Волинской губ., особенно въ Овручскомъ уѣздѣ слышны звуковыя особенности сѣвернаго малорусскаго говора, въ западныхъ уѣздахъ (Владимірекомъ, Ковельскомъ, Луцкомъ, Дубенскомъ) sporadически встрѣчается галицко-подгорское *ε* вм. *а* (*я*) послѣ шипящихъ, въ восточныхъ уѣздахъ господствуетъ фонетика украинскаго говора съ тѣмъ отличіемъ, что еще слышно очень рѣзко широкое *ы* вмѣсто основнаго *и*, а равно *з* изъ *о* произносится тверже, чѣмъ въ украинскомъ говорѣ, какъ среднее *и*.

Що за слава в світі стала,
У Божому світі!

Любив Пылы Ярыночку,
Ярына Пылыпа.

Ой не велів й отець-маты
Ярыночку браты,
Бо Ярына єсть убога,
А Пылы багатый.

— „Ой не беры, мій сыночку,
А тийі Ярыны,
Візьмы собі, мій сыночку,
Та по свойій рывні (sic).
Возьмы собі, мій сыночку,
Із кіньмы, з воламы,
Та не беры Ярыночку,
Що світыть очамы.“

— „Що за щастє, моя маты,
У Божому світі,
Як я возьму багатую,
Та не схоче жыты?
Хоч Ярына єсть убога,
Абы-б серцю мыла,
Абы-б вона працювала,
Та діло робыла.“

Коло млына крамайянына
Й а быстрі лотокы:
Ой там стояв Пылыпонько,
Ярына молда.
Серце к серцю прыложылы,
А ручки щепылы,
На лотоці, в быстрой воді
Обоє втопылысь.
Ой вы, ойц, ой вы, маткы,
На те не вважайте:
Яку Господь пару дає,
То й не розлучайте!

- Бувайте здорові, тісові ворота!
 На Вкраїну далеко....
 Козаче-соболю, візьми із собою
 На Врайіну далеко!
 — „Дівчинонько мыла, що будеш робыла
 На Вврайіні далеко?“
 — „Буду хуста пряла, буду хліб заробляла
 На Вврайіні далеко.“
 — „Дівчинонько мыла, де ж будеш сушыла?“
 — „На высокій горі, на шовковім шнурі.“
 — „Ой дівчино кохана, де ж будеш качала?“
 — „В новому покою, на тісовім столі,
 Візьми, серце, із собою!“
 — „Дівчино кохана, що ж ты будеш йіла?“
 — „Хоч бы хліб із водою, абы-б, серце, із тобою,
 Візьми, серце, із собою!“

Ой тече Муравець, тече
 Гіркамы та долынками,
 Ой несе Муравець, несе
 Та дівочую красу.
 А дівочая краса у меду потопає,
 А із вына вырынає.
 Ой тече Муравець, тече
 Гіркамы та долынками,
 Ой несе Муравець, несе
 Да парубочую красу.
 А парубочая краса у горільці потопає,
 А с пыва вырынає.

(Зап. О. П. Косачъ въ Корці, Новградволинскаго у.).

Образцы украинскаго говора. 1)

Ой хвалився та козак Швачка під Біліую-Церкву йдучи:
 Гей будем, брати, та витайбу драти, та в онучах топтати.

1) Центральной линіей украинскаго гозора нужно считать течеше Днѣпра отъ Кіева до самаго Чернаго моря. Отъ Днѣпра къ западу и во-

Гей казав-еси, козак Бондаренко, а що славонька буде:
 Гей будем, брати, та поли драти, та плечі латати.
 Гей на козаченьків, гей на молоденькихъ та пригодонька спала,
 Гей що в середу та ввечері та усіх Москва побрала.
 Ой побрала, та й попарували усіх до купочки,
 Заглядають один до другого, як сизі голубочки.
 Ой побрала, та й попарували, та й повезли возами,
 Ой оглянемся на ту Україну та й обідлемся слезами.
 Ой забрали, та й попарували, як голубоньків у парі,
 Гей засмутилась уся Україна, та як сонечко в хмарі.

(Изъ Сборн. Лысенка, запис. подъ Кіевомъ).

Дума о побѣдѣ трехъ братьевъ изъ Азова ¹⁾.

Ой то не пили пилили, не тумани уставали,
 Як із города Азова, із тяжкої неволі три братіки втікали:
 Два кінних, третій пший—пшениця,
 Як би той чужий—чужениця
 Біжить підбігає.....

стоку расширяется украинскій говоръ, захватывая, съ одной стороны, губернію Кіевскую (кромя уѣздовъ Радомысльскаго и отчасти Кіевскаго) и восточные уѣзды губерній Подольской и Волынской, съ другой стороны, губернію Полтавскую (кромя восточной полосы Перелаславскаго уѣзда), уѣзды Нѣжинскій, Борзенскій и Конотопскій въ Чернигов. губ., отчасти Путивльскій уѣздъ въ Кіудской губ., южную часть Воронежской губ., всю Харьковскую и Екатеринославскую губ., весь Новороссійскій край съ Черноморскою землею. Замѣчательно, что на этомъ огромномъ пространствѣ встрѣчаются самыя незначительныя отъ общей звуковой нормы отклоненія, которыя мы затрудняемся назвать даже разнорѣчьями.

¹⁾ Издатели историческихъ пѣсенъ малорусскаго народа говорятъ объ этой думѣ, что она „должна была сложиться не ранѣе конца XV в., и не позже начала XVII, такъ какъ въ ней, съ одной стороны, Азовъ принадлежитъ уже туркамъ, а онъ занятъ ими въ 1475-мъ году,—съ другой стороны, степь между Азовомъ и лѣво-бережною Україною представляется трудно проходимою пустынею, по которой бродятъ татарскія шайки, между тѣмъ какъ послѣ 1576 г. уже невяжутся по р. Самарѣ запорожскія паланки, а при Бопланѣ (1636—1640) самарская паланка была уже одною изъ болѣе заселенныхъ запорожскихъ земель“. (Истор. и. Авт. и Драг. 173).

Під білі ¹⁾ ноги пожар підпадає, кров сліди заливає!

То він своїх брат'ів доганяє,

Между коні убігає,

Словами промовляє,

Гірко слезами ридає,

За стремена хватає:

— „Брати ж мої старші, мил'її,

Як голубоньки сивийі!

Ей, то станьте, коні попасіте,

Мене, меншого брата, підждіте,

Або назад завернітесь,

Та на коні возьміте,

Хоть мало підвезіте:

Нехай я буду знати,

Куди в городи християнські до отця, до матки в гості перебувати!“

— „Ой братіку наш менший милий,

Як голубонько сивий!

Ой та ми сами не втечемо

І тебе не увеземо,

Бо із города із Азова тяжко-велика погоня буде,

То ти будеш по тернахъ, по байраках схоронятися,

А нас (погоня) буде доганяти,

Стріляти—рубати,

Або живих в полон займати.“

— „Ой брати ж мої старші, мил'її,

Як голубоньки сивийі!

Ой єсть у вас ясний міч,

Та зд'їйміть мині головку з пліч.

Та тіло моє козацьке-молодецьке а в чистому полі поховайте,

Та звіру-птиці на поталу ²⁾ не дайте!“

То т'ї брати промовлять словами,

Обіллються гірко слезами:

¹⁾ Кавччка предъ ѣ означаетъ, что предшествующій согласный звукъ не подвергается переходному смягченію.

²⁾ „Потала—то пища звіру-птиці, або пожива.“ Замѣч. пѣвца.

— „Ой братіку наш менший, милий,
Як голубонько сивий!

Ой хоть у нас ясен міч є,

Так наше серце козацьке-молодецьке не осмілиться,
І рука наша козацька-молодецька не воздойме,
І наш ясен міч твоєї головоньки не йме:

На прах розпаде!“

— „Ой брати ж мой старші, милііі,
Як голубоньки сивий!

Йідьте ж ви шляхами,

Та рубайте тернове віття шаблями,

Та розкидайте меншому брату, пішому-пішениці шляхами

Для козацької признаки,

Щоб я мог знати,

Куди у городи християнські, до отця до матки в гості прибувати.“

То то-ж-то йіхали брати шляхами,

Рубали терновийі віти шаблями,

Розкидали меншому братові, пішому-пішениці

Для козацької признаки.

Та як стали на Мурав-степи виїжджати,

Нігде ні тернів, ні зелених байраків не завидати!

Ей то брат середульший промовляє словами:

„Ей братіку старший, милий,
Як голубонько сивий!

Ой станемо ми, коні попасімо,

Меншого брата подождімо;

Або назад завернімося,

Та на коні возьмімо,

Хоть мало підвезімо,

Нехай він буде знати,

Куди в городи християнські до отця до матки в гості прибувати.“

То то промовляє старший словами,

Обілється гірко слізами:

— „Ой братіку мій менший, милий,

Як голубонько сивий!

Чи ще ж тобі каторга турецька не ввірялася,

Сяриця у руки не ввідалася,

Щоб ти назад завертався,
 Та дні вакував,¹⁾
 Та на коні вагу набірав?
 Та він сам жив-здоров буде,

В городи християньські, до отця до матки у гості він і піхом прибуде.“

Ей то брат середульший добре дбає,
 Зпід лудину²⁾ червону китайку випмає,
 Дере, шляхами розкидає,

Меншому брату, пішому-пішениці признаку даває.
 Ой то то-ж-то менший брат, піший-пішениця біжить-підбігає,
 Під біл'ї ноги пожар підпадає, кров сліди заливає!...

На мурав-степ вибігає,
 Так нігде тернових віт не забачає!
 Тільки червону китайку забачає,
 До єї прихожає,
 У руки бере, ік серцю прикладає,
 Гірко словами промовляє:

— „Ей і знать то Азовська орда великі збитки мала,
 Мене на спочивку минала,
 А мойіх брат'ів доганяла,
 Стріляла-рубала,
 А може живих у полон займала!
 Ей Господи, Боже мій!
 Коли б я мог знати,
 Чи мойіх брат'ів постреляно,
 Чи йіх порубано,
 Чи йіх живых у руки забрано?
 Ей то пішов би я по тернах, по байраках блукати,
 Тіла козацького-молодецького шукати,
 Та тіло козацьке-молодецьке у чист'ім полі поховати,
 Звіру-птиці на поталу не подати.“

¹⁾ „Себ-то: гайів“ (медилль). Замѣч. пѣвца.

²⁾ „Чи сідло, чи що, а може й журав“. Замѣч. пѣвца. Слово: *лудан* наоминаєть „луду, златомъ истькану“ слѣпаго Якуна, который, послѣ неудачной битвы, „отъбѣже луды златое“ (Ипат. сп. лѣт. 104).

Ей то до Савур-могили ой! прихожає

(Одно безвіддя,

Другеє голоддя),

До Савур-могили прихожає,

На Савур-могилу голову склоняє,

Гірко слёзами ридає.

Ой то ж орли сизопері налітали,

Та й на чорн'і кудрі наступали,

Із-під лоба очі виймали.

То той піший-пішениця,

Як би чужий чужениця,

Обіллється гірко слёзами:

— „Ой гості ж мойі немил'і, пелюбі!

Ой достаьте, шдождіте,

Поки буде душа козацька-молодецька з білим тіломъ розтрявати,

То тоді будете отъ жовтих костей тіло оббірати,

А з під лоба очі виймати.“

До то ж не чорна хмара наступала,

Як душа козацька-молодецька з білим тілом розтрявала.

Орли-сизоперці палітали,

Од жовтих костей тіло оббірали,

А із-під лоба очі виймали.

І тоже оліці—сірохманьці ¹⁾ з великих степів набігали,

Од сустав кості одривали,

Да по тернах, по байраках розношали.

Е до то-же буйн'ійі вітри повівали,

Та камішами жовт'ійі кості покривали.

Ей то тож козака ні отець, ні мати оплакала,

Як сива возуля прилітала,

Та у головах сідала,

Да жалібно закувала:

— „Ой голово, голово, козацькая—молодецькая!

Се-ж ти ні допила, ні дойіла,

А ні хороше не сходила;

¹⁾ „Усе відно—вовки, т'ілки тут не можна так казати.“ Зам'яч. п'явца.

Ай довелось, вадлятися,
 Звіру-птиці па поталу податися!
 То як стали два брати у городи християньски прибувати,
 Стали на церкві накладати,

І землю турецькую клясти-заклинати:
 „Ой земле, земле турецькая,
 Віро бусурманьская,
 Розлуко християньская!
 Розлучила брата із сестрою,
 І мужа з жоною,
 Товариша із товаришем!
 Бідному невольнику ніколи спокою немає!“

Ой земле, земле,
 Ти справді-ж проклятая,

Тільки турчину-кам'яничину на сребро на злато весьма богатая.
 Усліши, Господи, у прозьбах, у молитвах,
 Люду царському, народу християньському,
 І усім головам слухащим

На многі літа
 До коьця віка!

(Зап. А. А. Русовъ отъ кобзаря Вересая, Прилуц. у., Полт. губ.)

II

ОБРАЗЦЫ ПИСЬМЕННАГО ЯЗЫКА СЪ ПРИЗНАКАМИ МАЛО-РУССКАГО НАРѢЧІЯ. 1)

XIV вѣкъ.

Купчая грамота 1359 г. (Писана въ Перемышльской землѣ).

Въ лѣто шести тысячное (осьмьсотное) шистдесять семое (1359 г.) купилъ палъ Петрашъ дѣдичтво паньны Радивоньковоѣ, дѣднину і-є-є

1) Этотъ отдѣлъ могъ бы быть значительно пополненъ, если бы мы имѣли возможность проверить по самимъ подлинникамъ полученные нами списки изъ Луцкаго евангелія (Вост. Опис. Рум. Муз. 178—177), изъ малорусской Псалтири XVII в., изъ „Александри“—рукописи, писанной въ 1697 г. Василиемъ Менжинскимъ, поповичемъ мозирскимъ (двѣ послѣднія рукописи хранятся тоже въ Румянцевскомъ Музеѣ). Изъ нѣкоторыхъ рукописей, напримѣръ, изъ Поученій Ефрема Сирина, мы не могли получить даже списковъ, и потому должны были довольствоваться тѣми данными, которые нашли въ „Свѣдѣніяхъ о неизвѣстныхъ и малоизвѣстныхъ памятникахъ“ Срезневскаго. Для XIV и XV в. мы воспользовались изданнымъ уже матеріаломъ, для XVI в. мы собрали матеріалъ, еще нигдѣ не напечатанный (отрывки изъ Пересопническаго евангелія, изъ рукописи „Страсти Христовы,“ изъ печатнаго изданія „Апокризиса,“ изданнаго Кіевскою Духовною Академіею въ русскомъ переводѣ). Отрывки изъ „Лѣтописи Самовидца“ печатаемъ не по изданію Бодинскаго, а по новооткрытой рукописи, приготовляемой къ изданію Кіевскою Археографическою комиссіею. Не можемъ при этомъ случаѣ не высказать желанія, чтобы издатели письменныхъ памятниковъ малорусскаго нарѣчія имѣли въ виду не только исто-

и вотнину, што по нѣй отецъ далъ. Она продала Петрашкови Радъ-зѣвскому свою дѣднину и вотнину у вѣки и дѣтемъ его, поль става и со млиномъ и съ корычмоу и землею и съ дворици и со всѣмъ што коли отца ее прислушало, а въ то не надобѣ уступатися ни упу-комъ і-сѣ, ни племеню і-сѣ. А купилъ панъ Петрашъ за сорокъ гри-венъ. А на то послуши: панъ староста рускоѣ земли Ога Пилецкій, воевода Цтиборъ, писарь Яшко, а се земляне: панъ Ходко Быбель-скій, Иадофовичъ Друздъ, Иванко Полпричичъ, Богданъ Тивуць, Щепанъ Волошинъ Рыботицкій, Олефѣрко судья, панъ войтъ Пере-мышльскій, Каньтуръ изъ Угоръ гость, панъ Гутаргъ, Кость Соко-вичъ, Ганькѣ Роховичъ. А питъ могоричъ у Быбицкого у дому за копу грошей. А писалъ грамоту писарь пана старостынъ дякъ изъ Болестрашичъ ¹⁾ именемъ Дьяковичъ, а при томъ былъ попо Печѣр-скій Петръ, а корчмитъ Олехновичъ Семенъ, у вѣки вѣкомъ Амниъ.

(Головац. Памятн. яз. рус. 5—6. Напечатана также у Ма-цѣвскаго: *Historya prawodawstw Slowian* 1858. т. VI, 148. Для изданія Головацкаго свѣрялъ Петрушевичъ).

Купчая грамота 1366 г. (Писана въ Перемышльскоѣ землѣ).

Во имя Отца и Сына (и) святаго Духа подъ лѣтомъ Божія на-роженя тысячего трийсотъ шистыцятаго шестого. Купилъ панъ Петръ Радъзѣвскій дѣдицтво Пнекольтъ ²⁾ у Шюльжичювъ у Хлипли и у брата і-его Захарьѣ и у і-сехъ (sic) дѣтиѣ, со всѣмъ уі-сздомъ того села, и съ счемъ (sic), и с колодиземъ, и съ лѣсомъ, и з боргъми, и съветы за рѣкою, и съ сѣножатьми и землею того села за сто гривенъ вѣ-сныхъ, а продали и уздали і-ему добровульно и у вѣки дѣтемъ і-его, передъ паномъ Пилецкимъ старостою рускоѣ земли. А у ставу Ра-дивунковѣ ловити сѣтью ему добровульно. А на то послуши: владыка Ларивуць и съ крилошаны Перемышльскіи и печать і-его, панъ Петръ Ивановичъ и печать і-его, панъ Ходко Быбельскій и печать его (sic), Стецко Лоі-свичъ и с Ходкомъ братомъ свои-емъ и печать і-его, панъ Навуѣ Стоянь-

рическую. по и филологическую науку, и вмѣстѣ съ тѣмъ считаемъ своимъ долгомъ принести искреннюю благодарность лицамъ, которые содѣйствовали собранію издаваемого нами, какъ устнаго, такъ и письменнаго матеріала.

¹⁾ Болестрашичи—селеніе въ Перемышльскомъ округѣ.

²⁾ Пнекольтъ—вынѣ селеніе Никутъ.

скій, панъ Новойко Касяновъ братъ, Дмитръ Матѣевичъ, панъ Дѣвѣ-стунъ Столпувскій и братъ его Фаниславъ, панъ Лѣсога, Друздъ Ядольфовичъ, Васько Кузмичъ, панъ Яшко писарь Крукивицкій, Осташко Потрутовичъ и сыномъ (sic) и съ Петромъ, панъ Стиборъ, Ходко Ягольничовичъ и печать его, Осташко Сульскій, Богданъ Тивунъ, войтъ Перемышльскій и съ мѣстичи; панъ Ожегъ Сольничковичъ, Глѣбо и братъ его Костко Ызна, судіа Олефѣрко, Владычинъ тивунъ Иванъко Губка. А пятъ могоричъ у Андрѣка у дому Лысаго, за двѣ гривнѣ вѣсны и меду за гривну, а пива за гривну. А писалъ привилы-є се поповичъ Болестрашицкій именовъ Деяковичъ Василѣвъ сынъ поповъ Кость пружвищемъ Сорочичъ.

(Головац. Пам. яз. рус., 6—7, также у Мацѣвскаго въ Hist. prawod. Slaw. 1858, т. VI, 146. Свѣрена съ подлинникомъ Петрушевичемъ).

Грамота подольскаго князя Александра Коріатовича смотрицкому Доминиканскому монастырю 1375 г. (Писана въ Смотричѣ).

Во имя Отца и Сына и святого Духа, аминь. Мы князь Литовскій, князь Олександро Коріатовичъ, Божы-єю милостью князь и господарь Подольской земли, чинимъ свѣдочно своимъ листомъ всякому доброму, кто жъ на сей листъ посмотритъ, што жъ былъ братъ нашъ князь Юрій Корятковичъ придалъ млинъ къ церкви къ Матцѣ Божы-ей у Смотричи, то и мы князь Олександро потверживае-смъ того своимъ листомъ, дали е-смо на вѣки той млинъ и мѣсто у млина, къ цркви и тымъ мнихомъ казателевого закону, а кого коли испрячюгъ людий ксобѣ у томъ мѣстѣ у млина тыѣ люди далъ е-смъ имъ со всемъ правомъ. Але то, штожъ коли вси бояре и земляне будутъ городъ твердити, тогда тии люди такоже имѣють твердити городъ Смотричъ. Иже то штожъ коли вси земляне имуть давати дань у татары, то серебро имѣють такоже тии люди дати. А ко млину грапица (ѡ): горѣ Смотричемъ до мосту, а доловъ Смотричемъ, што дуброва межи Ходорковымъ селомъ тоѣ дубровы половина ко млину; а вополи кде собѣ проорють пивы, то ихъ имѣ-єтъ прислушати. А на то дали е-смо свой листъ и печать завѣсили сво-єго князства. А свѣдци на то: Гривко, панъ староста Подольскій; Смотрицкии воєвода Рогозка; Прокопъ и Семенко Корабчѣвскій. А писалъ листъ у Смотричи, по Божимъ нарощеньи лѣтъ и т и ѡ и пятого лѣта, мѣсяца марта у зѣ (день), у день святого Олексѣя, чловѣка Божія.

(Акт. Зап. Рос. I. 21. Свѣрена и исправлена по подлиннику, хранящемуся у автора).

Судная грамота Гнѣвоша, старосты русской земли 1393 г. (Писана въ Вишнѣ, Теревольской области).

А се знаменито будь, и свѣдочно всѣмъ добрымъ, што на тотъ листъ узоздрять; а се мы панъ Гнѣвошъ, староста рускоѣ земли то познавами нашимъ листомъ, а пришедши предъ наше обличы-е и передъ земляны, панъ Вольчко пана Ходьковъ сыновець Лоу-свича, и съ пани Ходьковою женою и съ т-сѣ дѣтми и зятемъ т-сѣ Ключомъ пои-сдналися о села виписка, о дѣлницу, отдѣлили Вольчка отъ себе. Дали т-сму село у Теревольский волост. Новосельцѣ, а шість кобылъ и (зѣ) стада, а жеребець, а два хресты серебряная; а пои-сдналися на вѣки: ожь Вольчкови не починати о дѣль николи. А при томъ были и свѣдъци: панъ Ходько Ыбельский, панъ Васко Кузмичъ, панъ Пашко Мазушанинъ и Вашко Даньславичъ Режюльтъ, Костько судья Черемшльский, и много было добрыхъ при томъ. А писанъ листъ у Вишни по Божьюмъ нарожьнѣтѣ лѣтъ, и т лѣтъ, и ч лѣтъ, и г лѣтъ.

(Головац. Пам. яз. рус. 13. Подлинникъ въ библиотекѣ Института Оссолинскихъ, № 7).

XV *откъ.*

Грамота львовскаго воеводы Мацина пану Ключу 1400 г. (Писана въ Львовѣ).

лт. Во имя Оца і Сына і стго Дха. А се я панъ Мацина воевода Львовский освѣдчаю ть (sic) тымъ листомъ каждому доброму, передъ кымъ коли будетъ тѣи листъ чтунъ, аже пришедъ предъ наше обличы-е на имя Ходоро Шидловский своею доброю волюю, здоровымъ животомъ, ничимъ не принуженъ и продалъ пану Ключови свою дѣдину на имя Шидловъ ¹⁾, а къ тому дворище Жяворонковича, тѣ т-сѣ продалъ за л копъ рускихъ без одвукуну; и закупъ пану Ключови на вѣки и дѣтмъ его, т-сго прирожьнымъ послѣдкомъ; а тако продалъ яко самъ держалъ и с нивами, и сѣножатми, і ставы, і со лѣсы, із дубровами, і с пасиками, со всѣми границями, і въ доложь, і у пе-

¹⁾ Шидловъ, нынѣ Шидловцы, село въ Чортковскомъ округѣ.

рекъ того існого села, і дворища того Жяворонковича. А панъ Клюсь имасть того існого села Шидлова уживати і дворища того Жяворонковича на вѣки, і дѣти его. А на то свѣдци: пано Яшко Мазовпанинъ, пано Мичко Куликовскыи, Михаль Жильховскыи, воіть Іявовскыи, Кундрать Миколаі, Милаха Лабанеского сынъ, Баграмъ Соцкмі. А на потверженъ-с приложилъ тому листу свою печать пано Мацина, а писанъ листъ во Львовѣ по Божымъ (sic) нарожении ~~д~~ лѣтъ а ста лѣтъ.

(Головац. Нам. яз. рус. 19. Подлинникъ въ бібліотекѣ Института Оссолинскихъ, № 9. По замѣчанію издателя, грамота замѣчательна почеркомъ буквъ и правописаніемъ: пишется: *ѣ-і, ѣ-і* (то же?) и *і ё*).

Мѣновая грамота 1418 г. (Писана въ Галичѣ).

А се я панъ Михаилъ Бучачекни (Бучачекій), ¹⁾ староста Галицкии (Галицій), свѣдчю (свѣдчю) то и познаваю симъ своимъ листомъ каждому доброму, кому надобѣ, кто на тои лист (листъ) позреть (позреть) или услышитге (sic) (услышитъ) его чтучи, коли буде того листого (sic) листу кому потребизна, иже припедеши (припедши) передъ насъ и передъ земляны Тучнякъ Иванъ и с (съ) панею Росовою и с Марегорѣтою, своею доброю волею, ничимъ не примучени, познали передъ (передъ) нами и передъ (sic) земляни (земляни), иже ся замѣнили селы: Тучнякъ далъ пани Марекарѣтъ Росовой свое село Куропатники и Нелятича дворище, а такъ уздалъ, яко самъ имѣлъ, и с полемъ, и землею (землею), и с луками, и с водами, и с рѣками, и с луги, и с гаи, и с лѣсы, и с дубровами (въ Ак. Ю. и З. Р. вездѣ съ) и со всеѣми ужитьки, што виниѣ (sic) (нынѣ) суть, што и потомъ могутъ (могутъ) быти, и со всеѣми границами вѣчистыми, и со всеѣмъ ис тѣмъ уздала Тучнякови, што изе (изъ) вѣка к (къ) тои дѣдиниѣ прислушало; со всеѣмъ и с (съ) тѣмъ уздалъ Росовой на вѣки вѣченнѣ (вѣчннѣ), навли бы кто нагабалъ у тои дѣдиниѣ паною Росовою Марекрѣту или того, кому бы она продала, а то Иваноко (Иванько) Тучнякъ имас (имасть) заступити и оправить (заступить и оправить); или бы дворъ нагабалъ, а (и) то имасть оправити (оправить) Тученякъ (Тучнякъ). А також пани Марекорѣта Росовая дала свое село Сернонь Тучнякови и м копъ придала за Куропогеники (Куропотъники), а тако ему уздала, яко сама имѣла, и с полем, и с землею, и сѣно-

¹⁾ Разнотченіи въ скобкахъ приведены по документу, напечатанному въ А. Ю. и З. Р.

жатыми, и с рѣками, и с болоти, и с гаи (въ А. Ю. и З. Р. вездѣ съ) и со всѣми ужитъки, што нынѣ суть, што и погомъ мугуть (sic) быти (быть), и со всѣми границами вѣчистыми, и со всѣмъ и с (ст) тѣмъ уздала Тучнякови, што иза (изъ) вѣка к тои дѣдиниѣ прислушаеть, на вѣки вѣченѣи (вѣчныѣи), пакли бы кто нагабалъ Тученика (въ А. Ю. и З. Р. этого слова вѣгъ) у тои дѣдиниѣ у Серны, или Кроль Господарь, то пани Марегорѣта Розовая имаеть заступити оправити (заступити и оправити), подлугъ земеского (земского) права. Тому (въ Актахъ: *а тому*) свѣдци: панъ Микола и Спиченикъ, панъ Зубрьянечки (Зубрь Янечки), панъ Франецикъ Боршениць, Воптоко (Войтъко) пана Старостинъ братъ, Никлель воитъ Галицекки (Галицькѣи), Михалъ Грабовецекки (Грабовецькѣи), Волочекко Медынескии; иныхъ много добрыхъ (пяти послѣднихъ словъ въ Актахъ нѣтъ); а я панъ Михалъ Вучачекки (Бучачскѣи), староста Галичеки (Галическѣи), даю сии свои листъ пани Марекорѣтѣ Розовой, на свѣдоцество, подъ своею печатью. Писано листъ у Галичу, у понедѣлокъ на перевѣ (на перьвѣ) матъки божиѣ, число лѣтъ розсѣва Христова ~~ѡ~~ лѣтъ и д ста лѣтъ и нѣлѣтъ.

(Головац. Памяти. яз. рус. 35—36, также въ А. Ю. и З. Р. 7—8. Подлинникъ хранится у гр. Терновскаго въ Диковѣ).

Заемная грамота Васка Мошончича 1421 г. (Писана въ Львовѣ).

А се я панъ Васко Мошонъчичи (Мошонъчичъ) свѣдцю то своѣмъ листомъ каждому доброму, кто на сеси (сесъ) листъ позригъ или кому будетъ сего листу потрібно (потребно); оже узалъ есмъ у пана Ивашка сто купъ у Гулевича, а имаю пану Ивашкови дати ту сто купъ отъ сеѣ матъки бжѣи, што приѣдетъ (придетъ), на другую матъки (матки) бжѣи а пакли бы панъ Васко не дали тѣхъ ста купъ пану Ивашкови. Ѡ сеѣ матки бжѣи на другую матки божию (божѣи) у рукъ, тогда имаеть (имаеть) панъ Васко дати увазаны-с пану Ивашкови у Рудянцѣ, со вѣмъ правомъ, яко самъ держалъ панъ Васко, а не выпимаая ничого с того села; а тонъ (тотъ) листъ далъ панъ Васко на тыже (тыже) пѣвязѣ, што на пана старостѣи листу лежа (лежать). А на то были свѣдци, добрии (добрыи) панове: панъ Котлинскѣи (Котлинскѣи) воевода Илѣвски, панъ судья Лѣвскѣи (Лѣвскѣи), панъ Миколаѣ Мильчинскѣи (Миколаѣ Мильчинскѣи), панъ Андрѣи Ревуць (Ревуть), панъ Ивашко Вершняковичъ, панъ Глѣбъ Суѣчь. А писанъ листъ подъ лѣты рѣтва Хва ~~ѡ~~ лѣтъ

а к, у дому у Цишьдя во Львѣвѣ, данъ по повѣмъ (новымъ) лѣтъ третиѣ (третіѣ) дни въ (v) пятокъ.

(Головац. Пам. яз. рус. 36., также въ А. Ю. и З. Р. стр. 8; разночтенія приведены по актамъ. Подлинникъ находится въ архивѣ Магистрата львовскаго).

Нулчая грамота молдавскаго господаря Богдана 1451 г. (Писана въ Молдавіи или въ Буковинѣ, такъ какъ села, купленные господаремъ, находятся въ Буковинѣ).

Милостию Божіею мы Богданъ Восвода господаръ земли молдавской, чинимъ знаменито тѣмъ нашимъ листомъ вѣмъ, кто нашь узритъ или его услышитъ чтучи, аже пришедши предъ нами бояре и предъ нашими своею доброю волею и ни кимъ не понужденъ панъ Манъ Глобникевичъ изъ дятми (въ подлин. ♣) своими Лукою и Юриемъ и Лазаромъ и продали селисча свои пуста, што суть на граници, а на имя Иванковци и Погорилловци и Хатчитци изъ своими ис прикутки своими ис старымъ хотаремъ, куды на ихъ старое привиліе выписуетъ съ усихъ сторонъ опрочъ Давидовець. А продали ихъ нашему вѣрному боярину пану Михаилу Логоему за сто и двадесятъ златыхъ турецкихъ. И далъ имъ панъ Михаилъ часть пинѣзей напредъ, а остатокъ имаегъ ихъ дати, коли оны выдугъ и уздадутъ (sic) ему весь хотаръ стары тяхъ (въ подлин. ♣) то селинчъ подлугъ едвалие. За нужъ такъ ся еднали, ижбы предречени панъ Манъ з дѣтми своими далъ подобны день пану Михаилу, абы вышли с паны и межпаны (sic) и съ ихъ старымъ привиліемъ, абы дали и узпаменали пану Михаилу тотъ увесь хотаръ съ всихъ сторонъ тяхъ (въ подлин. ♣) то селинчашъ какъ же на старое ихъ привиліе стоятъ. А давши и узпаменовавши тое з добрымъ и статочнымъ людми, тогда панъ Михаилъ имаегъ имъ дати остатокъ пинязей пану Ману и дятемъ (въ подлин. ♣) его. А мы имаемъ тогда подтвердить великымъ привиліемъ подлугъ справедности и земли нашей обычая. А потомъ южъ панъ Михаилъ имаегъ тоа селинча держати и оживати и осадити и млины и ставы собѣ чинити, какъ у своѣи правое ѿчизны и у своемъ имѣни.

(Головац. Пам. яз. рус. 64., также у Венелина: „Влахо-Болгарскія и Далославянскія грамоты“. 1840).

XVI вѣкъ.

Отрывки изъ Пересопницкаго Евангелія (1556—1561). (Списаны съ подлинника. Рукопись хранится въ библиотекѣ Полтавской духовной Семинаріи).

Матѣ. зач. 77.

Оуподобилосѣ цркви нѣкое члво (sic) цроу. который хотѣлъ сѣ обвличити ѿз слугамй свѣимй. а коли онь почаль личити: привели емоу единого должника. который былъ виненъ тмоу талантъ. ѿ не малъ емоу чога ѡдати.— егда же не ималь емоу чога ѡдати. повелѣ ѣго гднь ѣ продати. ѿ женоу ѣго и дѣти. и все што ималь, а ѡдаги.—Падши слуга твй, ѿ просиль его рекоучй. Гдроу потрѣпи мй. П тобѣ ѡда.—Змилова же сѣ гднь на слугоу ты. поустнль его, ѿ долгъ ѡпоустнль емоу.—Нышеши пакъ слуга твй, нашоль единого товариша своего. который емоу былъ виненъ сто пѣнеси. оухониль и давилъ его, ѿ мовиль емоу. Сдай мй цо мй еси должень. Падши должникъ его на нога его. просылъ его рековчй, пожди мй ѿ все тобѣ ѡдамъ. а онь не хотѣлъ. але вешй всадиль его втѣмницю. ажъ бы ѡдамы што виненъ.—Нидѣвши пакъ товарише его што сѣ стало. ѿ розжаловалисѣ велмй. ѿ принеши повидѣли гдѣвей свѣемоу все. што сѣ дѣгало. тогда призвавши его гднь ѣго ѿ рѣкль емоу. слуго змый, вѣ сонь долгъ ѡпоустиль ѣ тобѣ. дам того ѿже еси мѣ просиль. чй не годилосѣ ѿ тобѣ змиловаги на товаришо твѣймъ. пакъ сѣ та твѣж змиловаль надъ тобою. ѿ розгнѣвалсѣ господарь его дам его мѡучителе доколе бы заплатилъ долгъ свой.

Мар. зач. 54.

И послали кнѣмоу нѣкоторыхъ з Фарисеовъ и Иродиаповъ (sic). авы ѣго вѣловили ѿ мовѣ.—который то приходилй рѣкль емоу. оучителю вѣдаемо. иже еси справедливый. а не двасиш нѣ на кого. ѿ не смѡтрншь на шсовоу мескоюу. але правдивомъ поутю бжю наоучаешъ.—годи ли сѣ дань дати члви пѣтъ. дамо ли ѿли не дамо.—а онь вѣдаючи ѿ лѣсть рѣкль имъ. чѣмоу мѣ коусите. принесѣте мй пѣнезь нѣхан ѡгладаю. а шнй принесли ѿ дали емоу.—рѣкль имъ чйе то есть вышвраженъ ѿ написанъ. А шнй емоу повидѣли цѣсаревъ.—ѿ ѡповѣдаючи тѣ рѣкль имъ. дайте жь тогда цасареву што есть цѣсареву. а бжйе вѣви.—ѿ дивовали томоу.

Луки зач. 5.

и аки о ст... иже
 въ шныѣ то дни сталося є. иже вышасъ естъ въречена ѿ цесаря
 августя. абы были пописаны есь свѣтъ.—то то писана наиперше сталося.
 ѿ владаря сирьскаго иеринса.—и шли всѣ абыса признавали каждый з
 ни хъ до своего мѣста. вышомъ на въ иосифъ ѿ галилеи и з мѣста назарета
 до жидовскои земли до мѣста двдвоготорое збоу виолевши. протѣ иже
 были з домоу и поколѣна двидового абы были пописаны иже мрїею оубр-
 ченною ємоу женою. а тогда то бременна была. и сталося коли тамъ были.
 вышли нима днове родити єи. и породила єи своего прыворожденнаго и
 оубила єго в пеленныи. а положила єго въ таслахъ дѣламъ того иже нма в
 дому гостинномъ оупокою не было. з пастыре в то же (sic) сторонѣ и
 сторожоу почьюю надъ стадомъ свой стереѣли. а и агѣмъ гнъ сталь
 близко ни хъ. а и пѣность вѣжа свѣтила и хъ и оустрашиса великимъ
 страхомъ. и рѣкль нма агѣмъ не войтеса. бо и ѿ повѣмъ намъ радо ве-
 ликую. котораа воуде и всѣмъ людемъ во ємъ народилъ намъ днь
 званитель который є хс го. который то є впродѣ двдѣи. а того намъ
 знаменіе. наидете младенца пеленами повитого. а положеного въ таслахъ.
 аитотъ часъ изъ агломъ борзо стѣло множество изиньства ивнаго хвалачи хъ
 ба. и мовили бѣуди хвала бгѣу. на высокостахъ. а на земли миръ и
 межи людо добраа волѣ. и сталося иже пошли ѿ ни хъ и во агѣи.—и
 то пастыре мовили єдинъ къ другому. иѣмо ажь до иволевша. а оуби-
 даемо тоє словє которѣ то ємъ стало. и тоуѣ рѣчь котороую намъ гъ зъ-
 виль. и пришли борзо. и нашли тамъ марію иосифа и дитѣ лежачеє въ
 таслахъ. а оубрѣвши рѣславил (sic) то што є нма повѣдено ѿ томъ дѣ-
 лѣи (sic). и дивовалиса всѣ который то слышали што ѣмъ пастыреве пе-
 видѣли. а мрїа захѣвовавъ всѣ тѣи слова. рѣзмышляючи иєрци своєми.

Луки зач. 37.

Сталося на въ єдинъ днь иже вступилъ влодо и ученици єго. и
 рѣкль кнѣмъ переплыньмо на шую сторону озера и поплыли на воду. а
 коли плыноули того часоу были оусноули. и пришла бурѣ и вѣтры на
 озеро. ажь и помыса влодо иливали. такъ иже въ велико страху были.
 тогда прнстевупивши звднали єго рекучи учителю учителю (sic) загывасъ.
 а шнь вставши приказалъ вѣтрови и волнамъ иѣдныи и перестали. и борзо

са тихо оучинило, и рёкль ѿ гдѣ есть вѣра ваша. А шни оустрашнвшиса дивовалиса ѿ мовили единаь кодругому. а кто жь то е ѿжь ѿ вѣтромя и водѣ приказуе и слухаютъ его.

Луки зач. 42.

Днь павь южь шобалса коу вечерови скланати. ѿ пристолпнвшн два-надесаьт рекли ёмоу шпусти народы. абы шоби до школины мѣсть ѿ селя перемешкали. ѿ нашли совѣ покормленя во ёсмо тоу на поуто мѣсци. А шнь рёкль ѿ дайте имъ вы гости. а шни рекли не маємо болше ёдно пать хлѣбовь ѿ двѣ рывѣ.—если выхмо шли ѿ накупили стравныхъ рѣчи на то то не людь. а былс мужей тако пѣ тысячн.—ѿ рёкль оученико свой. повелѣте ѿ сѣсти на коупы по пѣтидѣса. ѿ оучинили такъ. ѿ посадили ѿхъ всѣхъ.—ѿ ѿзавши пать хлѣвь ѿ двѣ рывѣ поздрѣль на ѿво. и бавиль ѿ розмалъ. и давалъ оучнико абы прѣ народо покладали ѿми вси и найнса ѿ зоврала шноси што было шстало шкроуховь дванадѣсать кошовь.

Луки зач. 66.

Члакоу ёдиному богатому здодило поле велі ѿ мовил самъ совѣ рёкоучи, што маю чинити, не маю гдѣ быхъ зоврала жита мой (або пашню) И рёкль такъ оучино, розмечоу жиницоу мою. (кложно, або стодолоу). И волшии побоводоу. ѿзбероу до ней всѣ жита мон. и все добро моё. ѿ рёкль дши моёй. дше имлешь много доброго, ѿ на много лѣтъ положеного. шповай (sic), ѿжь, пш, а веселса. Рёкль ёмоу врь. безомне (або глочиѣ) той то ночи дшоу твою вытѣгнѣ ш тѣвѣ. а тоё што ёси наготовала комоу воудеть.—такъ есть каждый который совѣ промадитъ а не в во богатѣс.

Луки зат. 83.

Члаь ѿкоторый былъ богатый, который жѣ то шболочовалса впѣрѣши и пвиѣсонь. (и шарлатъ а вдорогое шдѣнѣ). ѿ на каждый днь была вѣмъ весель. — былъ тыжь ѿкоторый оубогый. которому то было имѣ лазарь. который то лѣкаль оу вѣротъ е воздоучи трудоваый. ѿ хотѣль насытити ш кроуо который южь былъ побмѣтанѣ ѿстола богатого. аѣ ѿхто ёмоу подати не хотѣль. пси павь прихладчи шблизовали гнои ёге (вроды, або волчки) и сталоса ёсть. ѿже оумрла шнонь оубогый. ѿ иссень ёсть агѣлы на лона авраамовы. шмрла тыжь ѿ богатый. и погрсень ёсть. ѿ впѣкль понесль шчи свой коли южь былъ вмоукахъ. и оудрѣль авраама змалека, ѿ лазара на лонѣ его. и

закрывавшй рѣкль. ш ш аврааме помлоуй мѧ. а пошли лазарѧ абы омочилъ конецъ палца своего оу водѣ. и оустоудитъ языкъ мой. во трѧплю тѧжвоую моукоу вътом те пламени.—авраамъ пакъ шповидѣвши рѣкль ѣмоу. сноу вспа-матѧи иже еси оужилъ добра своего вживотѣ твоѣмъ. а лазарѧ тѧкже злого. ш тежъ шнѧ теуерь потѣшаѣсѧ а ты моукоу трѧпи. а еице на то мѣжи намѧи и вѧмѧи. пропасть великаѧ оучинена естъ. абы тѧи который шселѧ хотѧ къѧ перейти нѣ могли. а ни тыжѧ штоула кнамѧ нѣ приходаѧ.—Рѣкль пакъ шнонѧ. прошоу тебѣ шчѣ пошли ѣго вло шца моѣго во ѣще маю на вратовѧ, абы и мѧ свѣдчилъ. абы и шни не пришли на тоѣ мѣсце моучимсѣ. Рѣкль ѣмѧ авраамъ. маю мѧйсеѧ и пррвы. нѣхай и слоухають.—А шнѧ рѣкль. ни. шчѣ авраамѣ. але ѣсли вы кто ш оумрлыхѧ шоль до нихѧ. кагали вы сѧ ш злостин.—Рѣкль ѣмоу шнѧ. ѣсли моусеѧ и пррковѧ нѣ слоухають. то хотѧи кто ш мртвыхѧ възкрнетѧ. нѣ и мжутъ вѣры.

Луки зач. 87.

Или было въ дни ноѣвы такъ ты воудѣ вдни сна члчскаго. или. и пили. и жены поимовали. и замужъ шданы были. ажъ до тогнѧ (sic). которого шшоль нсѣ въ корабль. и приноши погопѧ, и потонилъ всѧ. такъ ты воудѣтъ такъ былѣ въ дни лотовы. или. и пили. коуповали. и продавали. сады сажали. и дѧмы воудовали. але которого днѧ вышоль лотѧ изъ содома. палъ зива огѣ, и каменѣ горѧчѣѣ. и погѣвили всѣ. потѧмоу воудѣ вднѧ в которынъ снѧ члчскынъ гависѧ. в то днѧ, кто воудѣ на кровѣ. (на лахѧу. або на стрѣхѣ) а статьи ѣго идомоу. нѣхай не сходи възати ихѧ. и кто тыжѧ на поли тѧжѣ нѣхли нѣ врятаѣсѧ назадѧ, наматанте жѧноу лотовѧ.—во кто хочѣ дшѧу свою спасти погуби еѧ. а если погуби еѧ. шживи еѧ. повѣдлю ва. иже втоюу но воудѧу два на ѣдинѧмъ обжоу. ѣдинѧ воудѣ възѧ. а друуѧынъ шстѧвлень. двѧ воудѧу молоти посполѧу едина воудѣтъ възѧта. а друуѧѧ шстѧвлена. а шни пакъ спытали ѣго рекѧучи. гдѣ ги.—а шнѧ рѣкль и гдѣ воудѣ тѧло. та сѧ зверѧуть и шрылоѣ.

Юан. гл. 10.

Запрѧды запрѧды повѣдлю вамѧ. кто нѣ входитъ двѣрми в загородѧу швѣчоую. але ишоуды иходѧи. то естъ злодѧи и розбойникы. але кто воудѧи двѣрми. те естъ пастырь швѣчный. томоу шдвѣрныи штиорѣтъ и шшци слѧухаю голоса ѣго. а шшци называѣтъ по имени. и выганѣтъ ихѧ. а коли

власный свой швиць выжнеть. и самъ пре ними йдетъ. и швиць его за ни идоу. во знаютъ его по голосу его. а за чужимъ не идоутъ. алѣ еире и дутѣкають ѿ него во незнаю голосу чужего. тоѣ и по притокою повидѣль тс а шни того не мѣган розоумети. што бы то была за повѣсть. котороую имъ тс повидѣль.—Повторе навъ рѣкъ имъ тс. заправды, заправды повѣдаю вамъ. иже на если двѣрали швѣчими. вси который жь коли передъ мною пришли. злодѣе есть. и розбойници. алѣ не слышали ихъ двѣрали. а кто бы черезъ мене ишюль. то воудеть иззавлещь. а войдетъ и выидѣ. и пожито найдѣ.

Отрывокъ изъ посланія Кіевского воеводы князя Константина Острожскаго епископу Ипатію Потю 1593 г.

То есть ясно вашимъ милостямъ всимъ, яко се люде пайное религии згорнили, и такъ суть въ набоженствахъ своихъ оспалы, лѣнны, педбалы, ижъ не только абы мѣли постерегать повинности своее христианскоѣ и застановлятися за церковь Божую и за вѣру свою старожитную, але еще сами, многіе, насмѣваючися зъ нее и опускаючи, до розмаштыхъ сееть утекають: чому если ваша милость забѣгати и о томъ дбати не будете; и сами ваша милость вѣдаете, хто за то слово и отвѣтъ воздати будетъ повиненъ: „кровей бо, рече, отъ руку вашею взыщу“; вы бо есте вожди, наставницы и пастуси палвы Христовы. А не отъ чого иного розмножилося межы людми такое лѣннество, оспалство и отступленье отъ вѣры, яко наибольшей отъ того, ижъ устали учителя, устали проповѣдачи слова Божого, устали науки, устали казанья; и за тымъ наступило знищенье и уменьшенье хвалы Божое въ церквѣ его, наступилъ голодъ слушающа слова Божого, наступило за тымъ отступленье отъ вѣры и закону. Пришло, на остатокъ, на насъ то, ижъ южъ не зостаецъ намъ наймнѣйшее рѣчи, съ которой быхмо се тѣпити въ законѣ своемъ мѣли. Слущѣ бысмо теперь могли слова пророцкіе вспоминати, мовячи: „ето жъ дастъ головѣ нашей воду и очима нашимъ источникъ слезъ“, абыхмо могли оплакивати упадку и знищенья вѣры и закону своего, въ день и въ ноци? Все опроверглося и упало, со всихъ сторонъ скорбь, ситованіе

и бѣда: и если се далѣй почувать не будемо, Богъ вѣсть, што съ нами за конецъ будетъ! Я зъ стороны моее повторѣ и потребе прошу: Бога ради, ваша милость, такъ для повинности своее пастьрской, яко и для боязни помсты Божой, въ то потрафляйте, же бысте тамъ што доброго справити и застановити и початокъ якій добрый удѣлати могли. Прочее же въ здравіи тѣлесномъ и въ душеспасительномъ пребываніи долгоденствовати отъ Господа Бога вашей милости желаю. Писанъ у Люблинѣ, мѣсяца іюня 21 дня, року 93.

(Ак. Зап. Рос. № 45.)

Отрывокъ изъ „Апокриписа, альбо отповѣди на книжки о соборѣ Берестейскомъ“. (Изд. въ Вильно 1591 г.)

Чого есте своєю плачу и рыданію годною згодою не вронили. неестъ то град, неестъ мѣсто, гдѣвы есте плачу и рыданіа, стогнаніа и шопла и слезъ шчестіа вгспредааннымъ вѣры, людеи и душъ ненаболннали, ш розлічного вздыханья голосовъ и волѣзни народо срчный крикъ и непостоянный шумъ всю вселенную исполннали, нетолко стары, молодыхъ, шцѣвъ, и матерей, чадъ и питателницъ бголюбивымъ срца, шжалости, и стогнаніа надаются. але стѣны, каменіе, самыя элемента движутся. можетъ тоутъ слушне припоманюти. гла врѣмѣ слышанъ бысть, плачь, рыданіе, і вопль мнѣ, рахи восточнаа црква плачѣтъ чадъ своихъ, и нехочѣтъ оутѣшити, яко не соу. Разсыпана, разсыпана радость срца еѣ, погашена пѣснь еѣ. змоуплена корона зголови еѣ. якого поличкованья, якого оплеваѣ. якого замешамъ изатрасѣтъ. яког на остато кровопроліяства, мѣжбойства, завѣнства, тиранства, мордырства. нахуженья квалто на дѣмы, на школы, на цркви... наполнили и навронили, іакож тоутъ повожного и свѣтлобѣного дша чка оумислѣ, на тое смотрячи, не маетъ вздыхати, не маѣ стогнати, не маетъ плакати. яко повожное и чистое срце не млетъ поукати. іако земля не востреіеіщѣ, нво неужаснѣтъ, солнце непомеркнетъ, лѣна неизмѣнитъ, громи неударят, силы нбнымъ неподвигнутъ, іако вашу тоую оплаканую и нецасливую згѣду, згодою. а неслышнѣй вавилонома, аво онымъ тѣмнымъ хаосомъ, і самымъ пекѣлымъ проклатствомъ, называти и розвѣсти хто не маетъ. Повадили есте свѣтъ, потѣрвовали люде, высѣшили влодехъ зокополнѣю милость, поваснили родичовъ завѣмъ, потррили врата звратомъ, повудили одного противъ другомъ, роспорошили вратерство. про-

гнали прѣзнь. впривадили заѣтрѣнье, внесли надуоусть. боуѣ, пыхѣ. лѣвое уважее, легкомыслность, злосе одному о дробгома мниманье. повадили есте пана споддаными, приправили есте о мниманье и дивное розвѣмье монархо з монархами, кроле скролми, и заняли а великими дѣоными. парѣшили есте свѣтѣ, зламали прѣсѣгѣ, звели есте шца напежа, зостали есте ш насѣ посѣлсво, о которома мы не мыслили. вказовали ш на листы, о которыхъ намъ неспило. перестѣпили есте шческѣ границы, нарушили есте старжитнѣю вѣрѣ. стратили есте прадѣднѣй жрѣвѣи, поварѣвали есте шческѣй тестаментѣ, пороскнывали есте гровы продковѣ. порѣшили есте кости шца. изгорѣили есте ихъ вѣрѣ. поганьбили есте ихъ чѣные и стые справы. затоптали есте ихъ стѣжки. затмили есте и пресѣтлѣю славу. Зневажили есте сты, оуничжили есте прѣбны, посоромотили есте мѣчничѣ, которые затоую вѣрѣ кровь свою проливали. Помѣзали есте ихъ короны. погѣбили есте ш ихъ на зоставленные скарбы. погревли есте таланты ихъ в зѣмлю. засмѣтили есте и стые дѣи. напонили есте и слѣзѣ. накормили есте и въздуханьми. напили есте и горестю, разсыпали есте память и сошоумоиз. . .

(Изъ печатнаго изданія XVI в., принадлежащаго профессору К. Д. А. П. И. Малышевскому).

XVII вѣкъ.

Отрывки изъ рукописи: „Страсти Христовы“, писанной полууставомъ, въ 4^о. 51 л.

Пото третѣи разѣ пришо (Иисусъ) до аполоиз. нашѣ ихъ сплчѣихъ и не воуди ихъ. ре спѣте почивате (sic) прочее. привлѣижѣша прѣсѣтѣ юда прѣдалѣмѣ. и пошо са во винсѣра ходитѣ. розмышлѣючѣи а моуѣцѣи своѣи. юда вѣда ниногра во часто подворѣсѣи и прохѣжовасѣи со ѣчникии своѣи. И воземѣшисѣи ш архѣрей жидоскѣи слоу. котеры были наймили и зберѣи многы шрѣми и дрекомѣи и свѣцѣамѣи. пошли и магѣи іса. на дорозѣ да и мѣи знатѣи. юда рекоучѣи такѣи што не шмылѣитесѣи неймѣте апаа во мѣсто іса, а которого ш швлапѣи и поцѣлюю того вы и мѣте а наложитѣ егѣо горазѣи ки мѣи, и дрекомѣи нежалѣючѣи егѣо. абы ва не оутѣки. ага спѣшно пошлѣте до потока. іс обачиши ихъ изда- лѣка и жалуючѣи своѣи аилоиз ивы не оударѣи на нѣи сплчѣи иже вѣи (sic) не вели

завкли. и вышо извинограда протї нї. и рекъ и кого ищете іса назара-
нина. азъ ѣсмь. скоро жидове заслышавши. изъ іудею пали взнѣ и свѣчї
самї погасїлиса и оумѣли: О милостивый сотворителю члкъмовивый
вѣко жалоуещъ свои апло и стереже злѣвненїа и а себе възжаной мѣти и
жалостї. а своєю волею выдаѣшася на такий и несмыслый мови. по-
правїшеся пото жидове и свѣчї шпѣ зажгли. и дрѣгїи разъ псшли до
огороца и его сталъ мѣзъ (sic) шпѣ выстѣпїи до нї и ре^е или тыи слова што
первѣе. шнї пали за оузнѣ а потома поправїшися хвїмо ~~и ре^е~~
іуда шнемоши ѣсте войнїи страшаѣтеся и вонтеся єдинога члѣа воудѣчи ва
коко со. аво ва перенаймили помзвѣючися ва нѣкто прїятели его. и тѣе мо-
ви воажчися его иже вы его стѣмъ мѣть и незнїкноу. алзво неустопїи где.
а ємоу щекы срезвзрїнїки нешїмалї. а войнїи ре^{ли} вїе^{мо}. чома ты па-
даѣ^е снамї ты маѣши на почїнати. тогда іуда ре^е пойдѣте. ю невойтеся
повачїи его сталъ мѣзъ (sic) стовї поконе та напкорїтїиши баранокъ: Некончїши
смѣле швнѣ его прїшо и поцѣлова и ре^е рѣнса оучителю тѣ ре^е іудо нацо
ѣсз (sic) прїшо дрѣзай ісмѣнї твой ча прїшо єсть ю. А жидове неслїмоштїе
напали на него и его сталъ мѣть ре^кмъ конї. іако на разавойнїка сошрѣ-
жїе и дрѣкозлїмї прїшли єсте и мѣти ма ношїю: А вїнїте жѣ м не ре^кса
преамлї. вднѣ завжы выва свамї во црквї чѣ (sic) єсте ма та нешмалї. А
стїи петрѣ порвалса збсїв и скочїи мжїнїт скордомѣ. бѣхвѣти слѣгїс
архїе-
реѣва за грѣдї. вдарїи єго ш землю и оуталї смѣ оухо прїакоѣ. тѣ же
ре^е ємоу ш петре нехїай того оуложи мѣ твой во нонї. бохто мѣчѣ воюѣ
ш меча погиваѣ. мнѣмаѣши выгеся нешкронї іудѣ. алзво жидо. колївїи
хотѣлз тоу безчїсла стало вы аггыз прї мнѣ. и вы пороухѣ жидоского
недостало але чїню волю шца моѣго да совоудѣсѣнїсмо. прѣраждѣ пастырѣ
и развѣгноусѣ шца. и велѣ приложити оухо маховїи исцѣлѣ є.

(Лис. 17—19).

Пречтѣмъ господарїнѣмъ была новїданїи. того, ничого нешѣдала. токо
срїе єї чѣло, и ш слѣ прѣ всю ночь не моглася вїнѣти, а коли было
насвїтанїю прїшли были прїятелѣ марѣннїи и марїннїи до нї ізрама жа-
лѣвючи и жалостї и ихѣ оучителю ісѣ жидове такий мѣвї чїнїж, и смѣрть
ганевнолю готѣю. и повѣли и пошеко а прѣчтѣмъ швачїлѣ и ре^кла. Мои
милы жѣны и панїи прїятѣкї сна и вга мѣсто нешвїнїте ма и несмоу гѣлѣ.
воше повѣжитемї справелївсѣ ш моѣ сїѣ. а шнї ре^кли нѣчого госпсїждѣ а

самі релі і заплакали жалюно і горко ей стаѣ матъ (sic) познала и ей сноу, а нашему извѣителю ш проклатъ жидо недобростъ дѣе. во срцеса вней кра-
мло а коли снз ей трпѣла на тѣлѣ а ей стаѣ матъ тое все трпѣла на
серци. И порналасѣ штолѣ веѣми, и повѣгла воіерлимз и жены сты (sic) кото-
рій были снєю все пошли за нею дрѣжачи ей и выса сама гдѣ забывла.
и пришлі до іерлима и повѣгли просто до пилатова двора. ю не застали
са повели его до горы. а шни повѣгли во слѣ. Іса повели йною оулицею
а шни йною шли. пренаимуючи и стрѣтилиса со совою, а іса вслокѣтз
за шню лацѣхо: А его стаѣ матъ валѣтса по кротома, не мжетз ити
и нести змоучениз звигз зранѣ. оукриві, а блюватіны хрѣхотіны. со кровню
смѣшалі шбы трѣдова видѣса. а кѣды иде кровз вѣжи. тое оузрѣвши
прчталъ впала замѣла, коли вы ей жѣны непохонилі забилабыса сама, и
почала кричати во слѣ его.

(Л. 25—26).

А та вышеші ізѣрлима из мѣста срѣтили нѣкоего кирінеа симона
из сѣла іудѣца. дали ему понести крѣз, а видѣли и сама неможе ити. и
дошли горы гѣгоѣны. и пошеші на гороу шемотриса іс на ерлі и ре
доты паней. діцери іерлимзскимъ неплате менѣ плате себе и дѣтій своей. вѣмз
такѣ мѣжѣ ваші. взяли кровз мою на сѣбе и на чада свой. шестой години
на лѣвнѣмз мѣстѣ распалі іса та. Іс нѣ два разбойника. Одінаго на
правой рѣцѣ, а дрѣлого на лѣвой іа его распаша на крѣз та же са
ему насмѣвали то видѣчи Гіжа наша Прчталъ плакала сиѣно ревно непра-
венаго и невиннаго мочуениа сна Іга свое а та мовѣчи: О наймишій
снѣ и Іже мой іаснаѣ зоре дішн моей ш свѣте шчію моею. Гдѣ є вла-
говѣрсиє Гаврилово цю ми повѣдаѣ тебе вѣ волести породити. а никоіи
смоукоу немѣти и жалости, но ачз коѣвекз оупорождени волести оушла. во
є нерѣшиѣ печаті двѣства моего. Але тепе не вымоноюю болѣ трпѣлю. и
срце моѣ сонѣдаѣса во мнѣ а жилы помѣллі кро моѣ оушла оуста моѣ
смагноу и все вноутрѣналъ моѣ. видѣчи мѣков твою певійноюу, ш твоѣ
выбраного людѣ, ціли тоѣвѣ іданюѣ жидове за твою матъ. О прѣбезаконы
жидове зле платите сноу и бѣлѣ моѣмѣ сотворителю моѣмоу за манѣужаѣвчз
за водѣ шцѣтз гдѣ вы любиті и мѣловати его. тоу его везжанѣи мати ко
крѣз прививаѣтз: О михайлс и гаврииле архангелс чемоу не рѣѣтѣ свое со-
творителѣ. О пѣтре найвышши Аплѣ із илзшимі товаришмз своимі

иде есте сѧ подѣли. Чѣмоу есте оутѣли ѡ моего наймишого сна а егѡ еди-
 нао издаан есте на смръть. О наймиши снѡу превозмоваеное мое чѣдо
 свѣте шчю мою живота моего превыкѡ бутровы моеѧ. чѣмоу мѧ без себе
 живѡю заставляеши, чѣмоу мѧ смръти не вели поухатити. а вы боше
 ганевнои мѡви невидѣла. а вы стовою оумрѣла. а то вы ѡтебѣ
 за велики даръ мѡла. избавите же наш молчнѣ. Главѡ свою стѣю кней
 склони. тогы еи стаѡ мѡль сувиваючнѣ покрѡма (sic) за многиѧ мысли и
 за многы говорѡ: Снамиши снѣ и вже мой еслѡ мене ѣще сегѡ свѣта
 много незверѣши ко мѡ мѡ приказѣша. иго мене дубогѡю йсманоую
 призри. ктоѧ мною маѣга печаловати. накого ѡ мѡю мѣсто тебѣ смѡрити,
 кто мѡ при сѣз смѡноую потѣшнѣ. не мѡчи снѡ мой Гднѣ, промѡ
 такоѣ слоннѣ. слѡжевици своей немѡлча оумирай. а бо пѣма иѣ маки
 ѡбвыкли, немѡлю бутѣхѡ мати послѣди дѣтии свои и ты снѡ не ѡстави
 мене оумѡ безмѣрнома смѡкоу безз оутѣхи: ажъ егѡ стаѡ мѡль промѡни
 кней. Неѣсто Ива снѡ твой, адо стѡ вѡслова рѣ: Иванѣ мрѡи мти твоѡ.
 иѡ вы рѣ призри мрѡю и потѣшай еѡ тако ѡ сама. то слышашѡи прѣчѡтаѡ
 немѡлю бутѣхѡ ѡложеннѡ срѣдѣ мѡла и рекла. ѡ наймиши снѣ и вже мон
 дѡкѡю твоеѡ стой мѡти. неки мѡяноѣе багодаренѣе поземѡю твоѡмоу вѡжетвоу
 что ѣсѡ завѡды, мною слѡжевицею и родитѣицею печаловѡсѡ. тѡже нѣѣ
 пошкрѡнѡи и найгѡшиѡи волѣсти своей и мой, не хѡгѡ ѣсѡ мене смѡнѡю и
 горѡкѡю ѡпоустити. шѡго сердце шѡлодѡл изѡло и ѡтѣхѡ немѡлю, а снѣ
 тыѡ сѧ боше роснѡло кѡч твоеѡ стѡи лѡсѣѡ. дѡлѡ которѡи же мѡти и жа-
 лѡсти и лѡсѣѡ твоеѡ. не хѡчѡ а нѡмогѡ (sic) ѡ твоѡго стѡго тѣла нѡгѣ ити.
 Прѡто снѣ и вже мой покажи до конца мѡрѡде своѡе надѡмною покорною
 рабѡнею своею. а дошли на мѡ смѡгѡ гѡкѡю. а вы тѡшеѡи смѡноѡи боше
 твоеѡи стой мѡви и тѡко поноснѡго иѡшнѡи твоѡгѡ на кѣтѡи неидѣла.
 Незѣтѡна вѡзвнѡшѡи скѡранѡго и гнѣснѡго насмѣшнѡи жидѡвскаго неслышѡла.
 (Лѡс. 37—30).

(Рукопись принадлежит Е. В. Барсову).

Отрывки из Львовской летописи. (Рукопись первой половины XVII в.).

1619. Канцлера Жолковскаго у Волоесѣхъ вѡбитѡ, и Корецкого
 взято, бо безъ козаковъ войну точили, мѡвилѡ тѡкѡ: нехѡчу я вѣ При-
 цѡми вѡевати нехѡи идути до рѡлѡ, або свѡнѣи части. Въ той часѣ

туть трвога настуцїла. Татаровъ великое мнѣжество разсѣялося было. Не было того человекѣа, щобы ся не трвѣжилъ; навствь самъ Король у Варшавѣ у великой трвѣзѣ былъ.

1630. Гетманъ Конецполскій ходилъ за Днѣпръ козаковъ зносити. Людей много стратилъ и самъ ледве ся вынѣсъ: але предця гарматы имъ оставилъ и позналъ що козаки! И якъ ся му поводило есть выписано такимъ сполобомъ: жолнѣре до Кїева прївхали съ тимъ интентомъ, аби впродѣ козаковъ, а зтымъ въ вшиткой Українѣ Русь выстипали, ажъ до Москви. А отколь бы то вѣдомо? . . . . . Сами подчасъ выжигали подѣ добрую мысль (sic); другїи зась Русь жолнѣре отцу Митрополиту въ милости ѳ томъ повѣдали. То едни въ Кїевѣ, а другїи везуди по за Днѣпромъ где нїкгде нїхтѣ непамятаеть, аби туда стояли мѣли. И такъ збрѣднѣ и кривды незносный (sic) чинїли, людеѣ безъ дѣна причины забиваючи, предѣ Воскресѣнїемъ, отца митрополитового, челядника Петра на шугки розсѣкли и трохъ подданныхъ. Козаки, вышовши зъ Запорожа, и того Гриська Гетмана, же зле пнѣязѣ, рекомо, подѣлїть, когрий на Унїю былъ присягль, самъ ся призналъ, которого стѣто! Потымъ зобравшися почали ся купити зевсюдь. Панъ Ланць до Кїева шедши Лисѣнку мѣстечко, на самый дѣшь великоднїй, вшитко выстипалъ; акъ мужѣвъ, такъ и жонъ, такъ и дѣтѣй въ церевѣ будучихъ, и ноша съ нїми; по дорѣзѣ людей невынннхъ, было бы тїлко Руснѣ былъ, забивали.

Тогожь року (1636) пощастилося Ляхѣмъ. Гетманъ Корунный Конецполскій ведлугъ свїхъ (sic) сполобовъ поѣхалъ на Україну до обозу. Воеводичъ Рускїй Данилѣвичъ взявшися изъ обозу изъ сѣмьсти люду поїхалъ на обирая староства, до мѣствъ, где козаки мешкають, и росказовалъ: аби зарѣкло отправовали подданство, якъ мѣщане, такъ и козаки, которыи ся отмовляли: мымо людѣ рыцарскїй, томуемо не прївїкли, бо то намъ незвычайї; але ты прохасемъ, заховай насъ зъ ласки своей, милостивый пане, бо мѣжемъ ся на що вамъ придати. А онь имъ отповѣлъ, же я о васъ недбаю, бо я мѣю надъ ва зъ лѣпшихъ рыцировъ. Скоро тое вчули отъ него, подя ковали му за мешканя. Онь тыжъ поїхалъ изъ Нѣмцями назадъ, (а было при нїомъ 4 сотъ, обачилъ тронки Татаровъ, хотѣлъ изъ славою до Гетмана прївхати; але свѣдомыи тыхъ речей козакъ мѣвилъ: милостивый пане! дай побѣди, бо то вабъ на васъ, же бысте не програли за вы-

граня и будетъ встыдъ. А овъ того неслухаль, але рушился къ нимъ, котораго огорнули въ кругъ, и ледво самъ утѣкъ, и то за помощью козацкою, а Нѣмцѣ якъ мухи погинули, и такъ до обозу приѣхавши знову взяли 4 ста люду поїхаль въ дикіи поля, хотячи пѣмѣцкою штукою поместися, и такъ его зо вишѣткимъ взяли Татаре.

Року 1638. Сеймъ бѣль осередопостю, на котѣромъ потратили козаковъ старшихъ, що ихъ козакі выдали, того то Павлюка, и Василія Томашика и Сахва Черняка, который ся ихъ ужаловавши, самъ поѣхаль зъ ними добровольно, и такъ ихъ постигано. А на Украинѣ козаки брѣили и Ляхѣмъ деспекти чинили, Нѣмцовъ якъ мухъ били, мѣста палили, Жидѣвъ рѣзали якъ куръ. мнихѣвъ въ костѣлѣхъ палили едны, а другіѣ гѣмна молотіли іздячи, стада займовали, мяса до бочѣкъ солили, жѣвность собѣ готовали; а потѣмъ подѣхавши подъ ляцкѣй обозъ вишѣтки кѣпѣ займили, же побожата Ляхі повергнши пиху мусѣли пѣхотою ходіти. А потѣмъ Ляхи, обаччивши зле, почали для Бога о ратунокъ просіти и такъ почали уѣздити. и на три обозы становілися, бо ся бояли; а козаки стали и оточилися такъ потужане, хотяи бы вѣлка лѣтъ ихъ доставали, то бы ихъ недоставали. И такъ що разъ то Ляхѣвъ въ лукахъ штуку учіли, хотяи сами хлопшы; бо ся сами Ляхи раховали, же мѣвили, непомнемо вѣкгда такѣй потребы у чужіхъ земляхъ, жебы такъ шляхты, корѣвныхъ нанѣвъ погинуло якъ ту,— же самѣго товариства: Ротмістровъ, Поручниковъ шесть сотъ, опроче пахолковъ, опроче Нѣмцовъ, що ихъ барзо много погинуло и остатокъ бы бѣль выгинулъ; же южъ изложівши встыдъ на сторону, хотѣли бы назадъ, але пѣякъ бѣло, а хотайся хто збиравъ гамъ имъ на помочъ, не споро было. Потѣмъ почали приміря просіти, або рачей згѣду ізъ собою заперати, и такъ заперли згѣду передъ ляцкими святи, и наказано имъ Гетмана собѣ отбирати, Полковниковъ падано имъ Пѣльскихъ, до кѣждѣй тысячи, а при кѣждѣмъ полку триста Нѣмцовъ драгоновъ для остѣроги лѣвшой.

(Рус. историч. сборн. Погодина, т. III, стр. 237—238, 239—240, 253—254, 258—259. Списокъ сдѣлавъ зѣбрицкимъ съ подлинника, который хранился въ Архивѣ львовскаго ставроупичальнаго заведенія, а нынѣ утерянъ).

XVIII стѣмъ.

Отрывокъ изъ лѣтописи Самовидца. (Памятникъ XVII в., доведенный продолжателями до 1734 г.)

Гетманове переправивши рѣку Рось у Корсуню и надустопивши мѣста по овали Корсунь, которыхъ заразъ частѣгнувши Хмельницкѣй за Корсуномъ, учинилъ потребу, где Гетманове оборонною рукою уступовали беручися въ поля у Расава; а припало онымъ ити промежку лѣсами в милѣ отъ Корсуни; где Хмельницкѣй казавъ запровадити пѣхоту козаковъ корсунскихъ в тѣ лѣски, которіе шляхъ перекопалъ, и тамъ позасѣдали недупущающі (sic) переходу табуровъ лядскому, а Хмельницкѣй стѣлу о около з войсками и Ордами наступивши оное войско розгромилъ и допущенія Ъз когдъ где гетмановъ обоихъ великого коронного и полного въ неволю взято; все войско выгублено, же мало хто з того погрому увоиполь, где Орда неощацованную здобичъ узла такъ в коняхъ риптунгахъ, яко наиболше въ неволникахъ знатныхъ цѣновъ и панятъ и исподитого войска, а козаки знову збогатилися з обозу полского, такъ великихъ пановъ, же сѣбро малою ценою продавали, когорая то потреба, албо война, под Корсуломъ (sic) была на томъ тижню по святой Троици. Былъ тая поголоска на всей Украинѣ албо хвалка от шляхты, же по знесенію тоѣй своеволь с Хмельницкимъ, мѣли панове Украину пљондровати, и болшую часть осажовати людьми нѣмецкими и полскими, также и у вѣри русской помѣшка великая била (sic) отъ унѣятъ и всендзіовъ, бо уже верилко Унѣя у Литвѣ на Волинѣ, але и на Украинѣ, почала гору брати; в Чернѣговѣ, Архимандритове одинъ по другомъ зоставали по нпнихъ городахъ церкви православніе запечатовали, до чого помощниками онымъ шляхта, урядъ и ксіовни были, бо уже на Украинѣ, що городокъ то костель былъ, а въ Києвѣ тежъ утискъ немалій церквамъ Бжїмъ старожитнимъ чинили, такъ воевода Кіевскій Тишкевичъ на тотъ часъ будучій яко тежъ Іезуити, Домѣвѣдани, Бернадини и иніе закони наездами правити метрополиту утескуючи и науки школь забороняючи згола старорусскую православную хрстіянскую вѣру собѣ прекладаючи нерозную отъ поганъ, бо лѣпшое пошанованне, ляда жидищевѣ спросному било, а нѣжели найлѣпшому хрстіяниновѣ Русиновѣ, а найгоршое насмѣвѣско и

утиски герцѣвъ народъ Рускій отъ тихъ которіи въ русской вѣрѣ при-
няли римскую вѣру, и такъ народъ посполитій на Украинѣ, послѣ-
дѣвши о знесеніи войскъ короннихъ и гетмановъ, заразъ почали ся
купити в полки не только тіе, которіе козаками бывали, але хто и
пѣди козацтва не зналъ: що видячи нѣове державци украинне не
только старостове застаючіе по городахъ, але и самъ князь Вышне-
вецкій, которій немає (sic) усе Задиѣпра мѣгъ в своемъ подданствѣ, имѣ-
ючи при себѣ килканадцять тысячъ людю военного грошового, опрочъ
драгуней и вибранцовъ, которихъ с подданныхъ своихъ начинилъ
былъ по всѣхъ городахъ неизлѣчную рѣчь, мусѣлъ угѣвати, и усту-
повати з Украины, зъ городовъ своихъ з внягиною и з сномъ своимъ
Михаиломъ, которій напономъ королемъ полскимъ zostалъ бытъ, отъ
боку засъ Хмельницкаго гетмана войска запорозского, которій юзеъ по
знесеню войскъ короннихъ цале гетманство принявши, за упрошеніемъ
усего войска козацкаго, бо до того часу гетманомъ не звался, ажъ
покуля обоихъ гетмановъ короннихъ знаки войсковіе, то есть булави
и бунчуки у свои руки узялъ, все войско оногo гетманомъ настапо-
вило, и на тотъ урядъ упросило. Заразъ отъ боку оногo козацтво по
розныхъ городахъ разошовшися, полковниковъ, сотниковъ собѣ
понаставлявши, и где колвекъ знайшлася шляхта, слуги замковіе,
жиди и уряди мѣскіе усе забияли не щадячи а нѣ жонъ и дѣтей
ихъ, маєтности грабовали, костели палили, обвалювали ксіонзовъ за-
бияли, дворѣ засъ и замки шляхетскіе, и двори жидовскіе пустошили,
не заставаючи жадного цѣлого, рѣдкій в той крѣвѣ на тотъ часъ
рукъ своихъ не умочилъ, и того грабленія тихъ добръ не чинилъ, на
тотъ часъ туга великая людемъ всякого стану знатнымъ была, и цару-
ганя отъ посполитихъ людей, а наиболее отъ гуляйства, то есть
отъ броварниковъ, винниковъ, могилниковъ, будниковъ, наймитовъ,
пастуховъ, же любо бы якій человекъ значній и не хотѣлъ привязо-
ватися, до того козацкаго войска, тилко мусѣлъ задія позбити того
насмѣвиска, и нестерпимихъ бѣдъ в побояхъ, напояхъ, и кормахъ не-
звычайнихъ и ти мусѣли у войско и приставати до того козацтва, где
по городахъ по замкахъ шляхту доставано, где колвекъ позачинялися
были, то есть в Нѣжинѣ, Чернѣговѣ, Стародубѣ, Гомлю, все тое
подостававши вистинали, бо першей устранившись шляхта, жидовъ
повидавали з маєтностями, а напономъ и самихъ подоставали, и ви-

стинали, и многіе на тотъ часъ з жидовъ боялися смерти, христіянскую вѣру приняли, але засъ зпову часъ углядѣвши до Полци поу-тѣкавши, жидами позаставали, ажъ рѣдко которій додержалъ вѣри христіянскої, и такъ на Украинѣ жидного жиды не zostало, а жови шляхетскыє zostали жонами козацкыми, такъ же и на нѣмтої сторонѣ Днѣпра, ажъ по саміи Днѣстръ, тое жъ ся стало спустошенни замкомъ, костеломъ, и дворомъ шляхетскымъ, жидовскымъ урядомъ мѣскимъ, и шляхтѣ. ксюномъ. Усюда тое вытрачено, а найболше жидовъ пропало в Немеровѣ и в Тулчинѣ незличоная личба.

(Рукопись Бунчуковаго товарища Петра Искрицакаго, открытая въ 1875 г. А. Матвѣевымъ. Въ подлинникѣ почти надъ каждымъ гласнымъ звукомъ, особенно надъ и, стоитъ точка).

Отрывки изъ лѣтописи Самуила Велична. (Рукопись конца XVII и начала XVIII в.).

(Изъ „Предмовы до чительника“).

Проходя тогочную иже отъ Корсуця и Бѣлой Церкви Малоросійскую Украину, потимъ на Волынь, въ княженіе руское жъ до Львова, Замостя, Бродовъ и далѣи странствуя, видѣхъ многіе грады и замки безплодніе и пустіе вали, негдѣсь трудами людскыми аки гори и холмы висипаніе, и тилко звѣремъ дивимъ приближимемъ и водвореніемъ сущи. Мури засъ, яко то въ Чолганскомъ, въ Константиновѣ, въ Бердичевѣ, въ Збаражѣ, въ Соколю, що тилко на шляху намъ въ походѣ войсковомъ лучилеся, видѣхъ едни малолюдніе, другіе весьма пустіе, разваленіе, къ землѣ прилпнувшіе, зплѣсняніе, непогребнымъ билиемъ заросліе, и тилко гвѣздищихся въ себѣ змиевъ и розныхъ гадовъ и червей содержащіе. Поглянувши пакы, видѣхъ пространніе тогочныіе Украинно-малоросійскыіе поля и розлегліе долины, лѣси и обширніе садове и красвіе дубравы, рѣки, ставы, іезера запустѣліе, жомъ, тростіемъ и непотребною лядиною заросшіе. И не всеу поляки жалѣючи утраты Украины оной тогочной, раемъ свѣта полскаго въ своихъ угѣверсалахъ ея паричаху и провозмашаху; понеже она, предъ войною Хмельницкаго, бысть аки вторая земля обѣтованная, медомъ и млекоу книсящая. Видѣхъ же къ тому, на розныхъ тамъ мѣстахъ, много костей челоуѣческихъ, сухихъ и нагихъ, тилко небо покровъ себѣ имущихъ, и рекохъ во умѣ—кто суть сія. Тѣхъ всѣхъ, еже рѣхъ, пустыхъ и мертвыхъ насмотрѣвшися, поболѣхъ сердцемъ и душоу, яко красная и всякыми благами прежде изобиловавшая земля

и отчизна наша Украинно-малоросійская во область пущпгѣ Богомъ оставленна и населеница ея, славніе продки наши, безвѣстни явишася.

А такъ, ласкавій чителнику, если покажется тебѣ въ семь дѣлѣ моемъ що подзорное и неправедное, то може и такъ есть. Ты убо, аще достанени совершеннѣйшихъ козацкихъ или иныхъ якихъ лѣтописцовъ, воленъ естесъ лѣпность отложити, и мое въ семь дѣлѣ невѣжество благоправнѣ покривши, поддугъ лѣтописцовъ оныхъ, не уничтожая и моего подлого труда, отъ Бога ти даннимъ разумомъ исправити. Кудижъ въ седмдесять лѣтъ по волнѣ Хмелницкаго выводячи сію военныхъ дѣяній его исторію, и Украинское тогочное запустѣніе и сегобочное поврежденіе, за ослуднѣемъ найбарзѣй (яко выше рѣхомъ) козацкихъ лѣтописцовъ, трудно было домацатися совершеннаго о семъ видѣнія и правди: и убо аще помененни преречонихъ дѣяній описателѣ въ своихъ не истинствують писаніяхъ, съ ними не истинствують и азъ, по писанному—влякъ человекъ ложь. Ти же, ласкавій чителнику и правди любителю, въ сѣе мнѣ прости и покрій своею благостинею всепокорственно умоляю; и взаимне тебѣ, отъ Найвишнего Господа и всѣхъ Создателя, временныхъ и вѣчныхъ благъ усердно и всеотинно желателствую.

Истинній Малия Росія синь, тебѣ же, чителнику, тоеяжъ отчизни, всѣхъ благъ присно желателствующій братъ и слуга, Самонъ Василевичъ Величко, бывшій иногда въ енераціи войска гетманской канцеляріи канцеляриста войска запорозкаго.

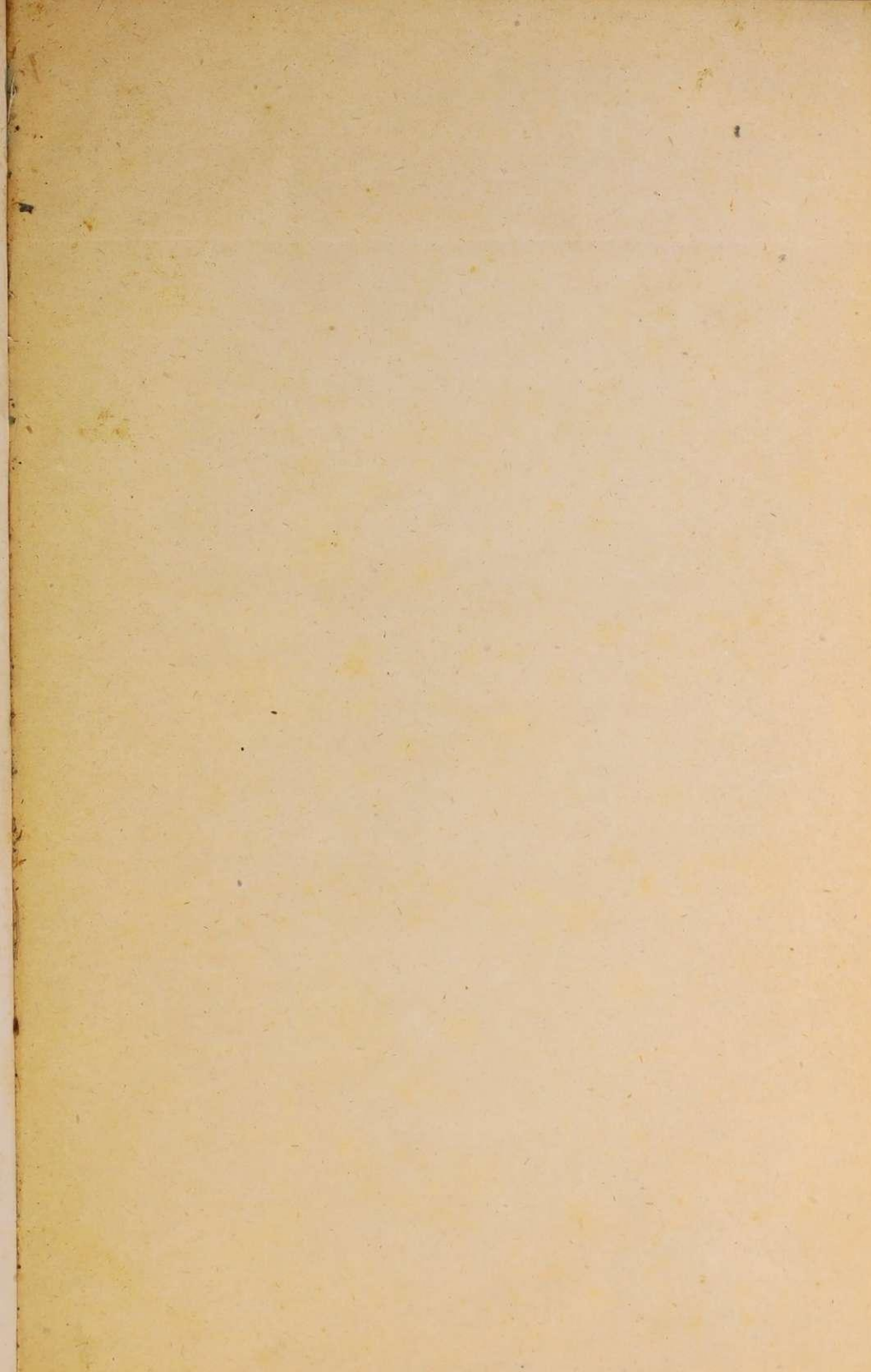
(Г. I. стр. 4—7, издав. Временною комиссіею для разбора древнихъ актовъ по рукописи Погодина).

Около долины Чной и Качкаровъ всѣ поля и пашвиска скотинніе и ватаги овеціе съ Татарми при нихъ бывшими собѣ загорнувши (войско Сѣрка) рушило въ гору Днѣпра до Сѣчи своеи, маючи у себе множество влякой здобычи кримской, и ясиру татарского съ христіанами въ неволѣ кримскои бывшими тринадцати тысячъ. Огданившися теди Сѣрко со всѣмъ войскомъ и коритми отъ Криму у миль шикюадцять, и ставувши пѣгдѣсь въ приличномъ мѣсцу на попасъ полудней, велѣлъ однимъ козакамъ по достатку кашни варити, жебы для ихъ и для ясиру могло стати оной, а другимъ велѣлъ ясиръ на двое разлучити, христіанъ особно, а бѣсурманъ особно; которихъ гди разлучесо, теди бѣсурманъ всѣхъ велѣлъ повязати, а христіанъ (которихъ мужеска

полу и женска 7 тысячъ было) пробуючи, самъ Сѣрко сказать къ нимъ такое слово: „кто хочетъ, идѣте за нами на Русь, а кто не хочетъ, вертайтесь до Криму“. Иное слово Сѣрково христіяне и туми зъ христіянь въ Кримѣ родившіися почувши, изволили едни зъ нихъ а именно три тысячи, лутше до Криму вернуться, нежели въ землю христіянскую простоваги; а другая, чтирь тысячѣ, на Украину въ землю свою возжелали. Которихъ всѣхъ Сѣрко велѣвши покормити, еднихъ оставилъ при себѣ, а другихъ отпустилъ въ Кримъ, а при отпуску гди спиталь ихъ,—для чого бы до Криму квапилися, отповѣдили—ижъ тамъ въ Криму мѣють уже свои осѣднська и господарства, и для того тамъ лутше себѣ желаютъ жыти, нежели въ Русѣ ничого своего неимущи.

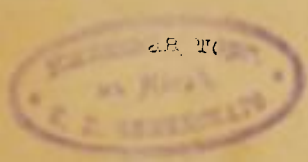
Отпустивши теди Сѣрко онихъ людей до Криму, еще недале вѣриль, жебы они конечно пошли въ Кримъ, но падѣлся, что вернуться на Русь, и вознедши на могилу тамъ бывшую, смотрѣль на нихъ потоль, поколь не стало ихъ видно: а гди увидѣль непремѣнное ихъ въ Кримъ устремленіе, тогда заравъ тысячи козакамъ молодимъ велѣль на конь всѣсти, и догнавши всѣхъ безъ жадного пощадѣнія на голову вибити и вирубати, маючи и самъ втроши за ними поехати и досмотрѣтися, если по его станется приказу. Тин прето козаки такни ординанцъ огъ Сѣрка одержавши, а людей помененихъ доглавиши, здѣлали подлугъ того ординанцу, такъ что и одной души въ живыхъ не оставили. Мало замъ погодивши и самъ Сѣрко на коня всѣвъ и скочивъ туда, где его ординанцъ совершался skutкомъ; а тамъ прибѣвши и дозветвореніе волѣ своей увидѣвши, подяковаль козакамъ въ томъ трудившимся, а до мертвихъ труповъ вимовиль такіе слова: „простѣте насъ, братія, а сами спѣте тутъ до страшнаго суду Господня, нежели бысте мѣли въ Криму между бѣсурмацами размножатися на наши христіянскіи молодецкіи головы, а на свою вѣчную безъ крещенія погибель.“ По виреченю тихъ словъ, заравъ Сѣрко повернувши назадъ до войска, рушилъ совсѣмъ съ того становиска въ путь свой.

(Т. 2-й 376—377. По замѣчанію комиссіи, издавшей лѣтопись Величка, допущены слѣдующія отступленія отъ правописанія подлинника: вмѣсто *и* употреблено *о*, въ окончаніяхъ словъ поставлены *з* и *ѣ*; буквы *и* и *з* поставлены сообразно современному правописанію; славянское *на* передано буквой *я*; наконецъ, развернуты или восполнены сокращенія надъ титлами. Предисловіе стр. VIII).

806

[13p]

X

